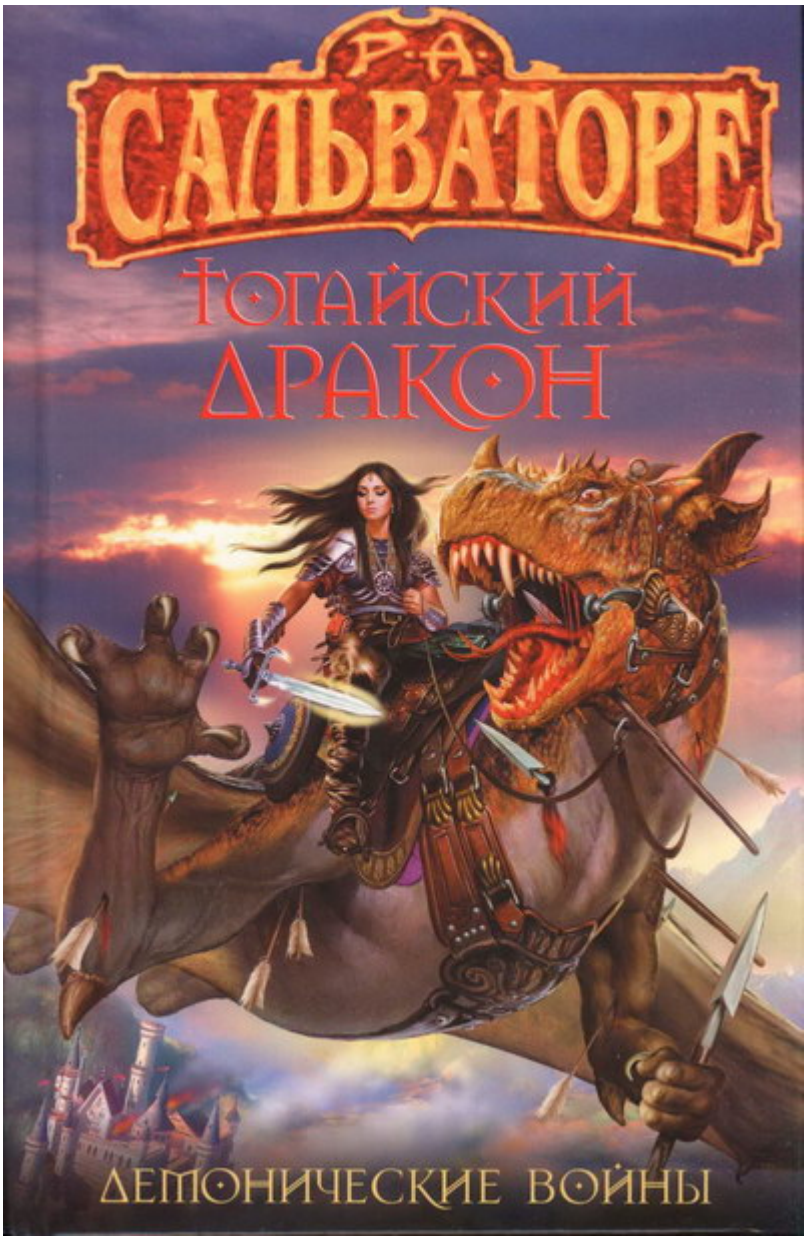
Роберт Сальваторе
Тогайский дракон

Демонические войны: Вторая сага – 2



- Lord Kiron. OCR & ReadCheck - Kerdan. http://oldmaglib.com
«Р. А. Сальваторе "Тогайский дракон"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2006
ISBN 5-699-15223-7

Аннотация

Воспитанница эльфов Бринн Дариель в сопровождении Белли'мара Джуравиля отравляется на родину, в Тогай, чтобы собрать под свои знамена всех, кто готов бесстрашно сражаться во имя освобождения народа тогайру от власти правителя Бехрена Эакима Дуана, который в нарушение законов и религиозных заповедей собственной страны вот уже более восьми веков пользуется любыми средствами, в том числе и магией камня души — гематита, дабы продлить свое жестокое правление. Следуя по Дороге Беззвездной Ночи, тогайранка попадает в логово скучающего без дела и жаждущего приключений дракона Аграделеуса, и тот присоединяется к Бринн и ее спутникам.

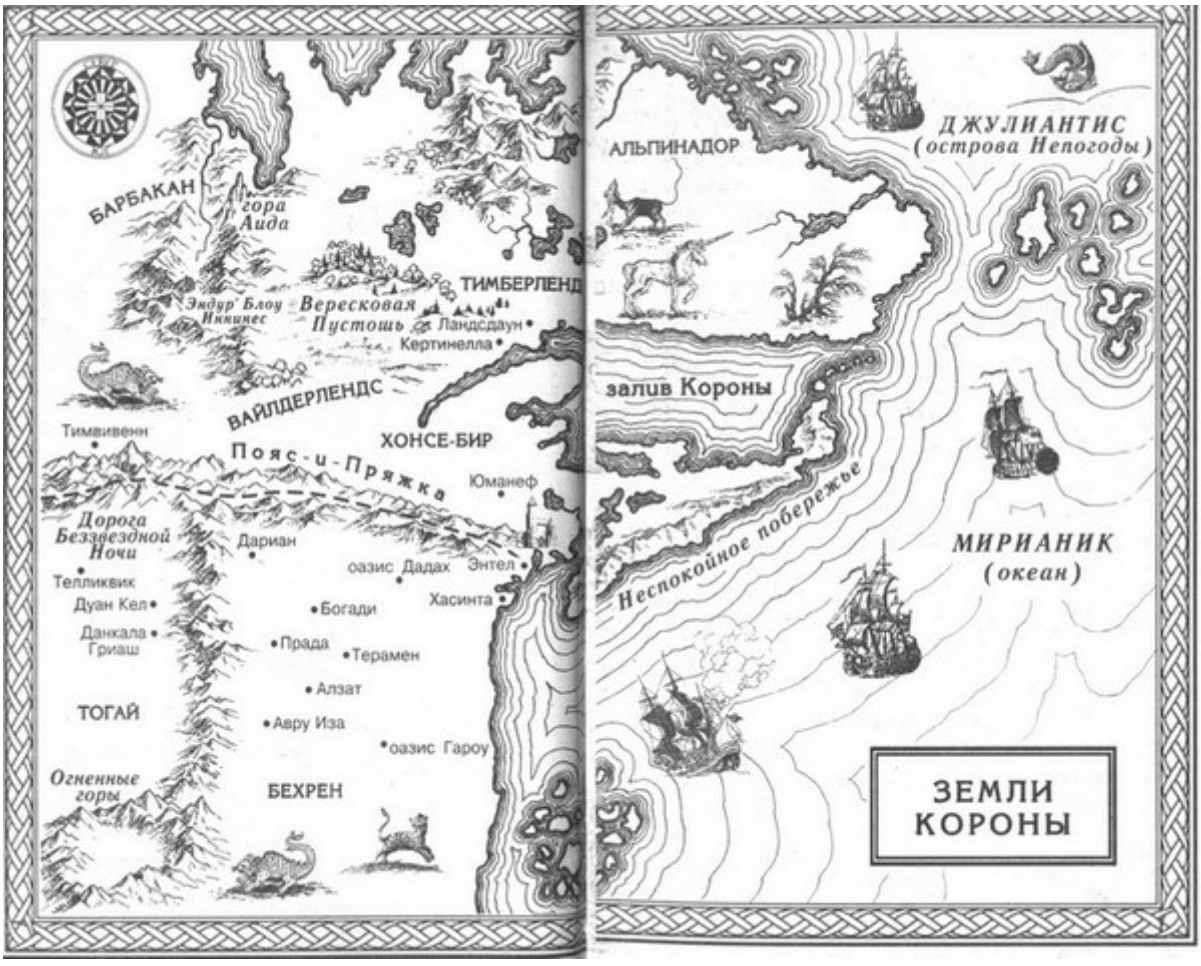
Роберт Сальваторе
«Тогайский дракон»

«Мне приходилось видеть вулканы, могучие реки и бешеные ливни, приходилось слышать грохочущий топот орды буйволов, несущихся по высокой степной траве. Все это — проявления могущества дикой природы, по сравнению с которыми мы сами, наши надежды и мечты кажутся мелкими и ничтожными…

Стремясь к победе, я должна закалить свое сердце, сделав его невосприимчивым к ужасам войны…

Судьба, дай мне сил!»

Бринн Дариель



ПРОЛОГ

Пегий жеребец Сумрак медленно спускался по горной тропе. Бринн Дариель то и дело оглядывалась через плечо. Прошло всего полчаса, как девушка покинула Эндур'Блоу Иннинес, зачарованную долину эльфов, но гребень горы, за которым та находилась, уже скрылся из виду. Гористая местность представляет собой естественный лабиринт для путника, к тому же госпожа Дасслеронд, повелительница народа тол'алфар, поставила магические преграды на всех подходах к долине эльфов. По дороге Бринн, не удержавшись, принялась оставлять пометки на тропе, хотя прекрасно знала, что не найдет дорогу обратно,

даже если повернет прямо сейчас.

Она не покидала Эндур'Блоу Иннинес на протяжении десяти лет и сейчас испытывала чувство, что оставляет позади родной дом. Тол'алфар нашли Бринн, когда ей не было и десяти. Оставшись сиротой, она скиталась без помощи и приюта в бескрайних тогайских степях, раскинувшихся далеко на юге. Эльфы забрали девочку к себе, дали ей кров и пищу. И, что гораздо важнее, цель в жизни. Они обучили ее многому из того, что умели сами, и сделали рейнджером.

И она должна выполнить свое предназначение.

Смуглое лицо Бринн исказилось; ее не покидало чувство, что она никогда больше не увидит долину, в которой провела половину своей недолгой жизни. Слезы затуманивали карие миндалевидные глаза тогайранки. Она уже скучала по Эйдриану, четырнадцатилетнему мальчику, одновременно с ней проходившему обучение у эльфов. Он часто раздражал ее, доводя едва ли не до белого каления. И все же был единственным человеком, которого Бринн видела на протяжении всех этих десяти лет, и она любила его как брата.

Как брата, которого она тоже, возможно, никогда больше не увидит.

Девушка яростно тряхнула блестящими черными волосами и свернула на уходящую к югу тропу. Конечно, Бринн совершенно не хотелось покидать долину, где жили эльфы, которых она считала своими друзьями, где все казалось родным и близким. Но на то были более чем серьезные причины, напомнила она себе. И если боль разлуки станет самой значительной жертвой, которую предстоит принести, то лежащий перед ней путь окажется несравненно легче, чем она могла себе вообразить.

Она не по собственной воле приняла подобное решение, и произошло это десять лет назад, когда бехренские жрецы со своей армией затянули петлю на горле ее родного Тогая, почти полностью уничтожив плоды тысячелетней культуры. Этот путь открылся перед Бринн в тот момент, когда Гайсан Бардох, жрец-ятол, облаченный в оранжевую хламиду, вскинул широкую кривую саблю и снес с плеч голову ее отца; в тот момент, когда Гайсан и его приспешники выволокли из дома мать и, надругавшись над женщиной, убили и ее.

Молодая тогайранка стиснула зубы. Она надеялась, что Гайсан Бардох еще жив. Даже возможность поквитаться с ним одним стоила любой жертвы.

Конечно, девушка прекрасно понимала, что это путешествие и то, что было ей поручено, выходит за рамки ее личных интересов. Она должна вернуться в бескрайние, продуваемые всеми ветрами степи, которые так любила, и отыскать там немногие уцелевшие, едва тлеющие искорки сопротивления. И она, маленькая, изящная Бринн Дариель, чуть выше пяти футов ростом и едва сотню фунтов весом, должна раздуть из этих искр пламя и поддерживать его со всей страстью, пылавшей в ее душе со времени того рокового дня десятилетней давности. Она должна возродить дух народа тогайру, напомнить своим сильным, гордым соплеменникам, кто они такие на самом деле, и объединить множество разрозненных племен в борьбе против общего врага: жрецов-ятолов Чезру, верховного правителя Бехрена, считавшегося живым богом.

Если все пойдет, как планировали Бринн и ее наставники, она разожжет огонь восстания в землях, лежащих к югу от гигантской горной гряды Пояс-и-Пряжка, и ситуация там в корне изменится.

Госпожа Дасслеронд, которая редко вмешивалась в дела людей, очень надеялась на это, так же как и сама тогайранка. Освободив соплеменников, Бринн отомстит за своих родителей, дав им наконец возможность спокойно уснуть в могилах.

— Теперь нужно свернуть на восток, по каменистому плато и дальше, под защиту вон тех деревьев, — прозвучал откуда-то сверху и сбоку мелодичный голос.

Девушка подняла взгляд на эльфа, сидящего на валуне рядом с тропой. Белли'мар Джуравиль, ее наставник и самый близкий друг, приветливо улыбнулся девушке. Миниатюрный, хрупкого сложения, золотоволосый, с характерными для всех тол'алфар резкими чертами лица, высокими скулами и заостренными кончиками ушей, он отличался от

большинства других эльфов добротой и дружелюбием.

Тогайранка снова оглянулась.

— Смотри лучше вперед, — заметил Джуравиль. — Теперь Эндур'Блоу Иннинес для тебя не более чем сон.

— Чудесный сон, — вздохнула Бринн, и эльф усмехнулся.

— Говорят, все плохое быстро забывается.

Девушка сердито посмотрела на него, но, когда Джуравиль рассмеялся, поняла, что он имел в виду. В самом деле, в Эндур'Блоу Иннинес ей часто приходилось очень нелегко под опекой в большинстве своем суровых эльфов, в том числе и Джуравиля, хотя как раз его можно было отнести к одним из самых мягкосердечных. Особенно тяжкими для тогайранки оказались первые годы пребывания в долине. Эльфы подвергали ее физическим и эмоциональным нагрузкам на грани возможного, а нередко и за этой гранью — не для того, чтобы сломить девочку, а чтобы сделать ее сильнее.

И они немало преуспели в этом. Бринн умела сражаться на мечах, великолепно стреляла из лука и держалась в седле не хуже любого тогайранца, которые сажают детей на спины своих рослых пони еще до того, как малыши научатся ходить. И, что даже важнее, тол'алфар воспитали в ней силу духа, помогавшую добиваться своего, несмотря ни на какие преграды. Да, она страстно хотела отомстить Гайсану Бардоху и остальным ятолам, но это глубоко личное желание пряталось в тени другой, несравненно более важной причины, заставившей ее отправиться в это путешествие. И Бринн была уверена, что никогда не отступит и не свернет с намеченного пути.

Больше они этой темы не касались. Девушка перевела взгляд на каменистое плато, о котором говорил эльф, и нахмурилась — это предложение явно не привело ее в восторг.

— Сумрак себе все ноги там собьет, — заявила она, глядя на своего пегого жеребца.

Тот спокойно стоял, пощипывая траву и, по-видимому, ничего не имея против навьюченных на его спину седельных сумок с провиантом.

— Ничего, как-нибудь выдержит, — отозвался Джуравиль, — Зато под деревьями земля мягче и тропа хорошо видна.

Бринн окинула взглядом вечнозеленые деревья и снова сдвинула брови. Ей казалось, поверхность земли под ними такая же неровная.

— Гористая местность скоро останется позади, — заверил тогайранку эльф.

— Это произойдет быстрее, если идти сначала на восток, а потом свернуть на юг, — возразила она.

Дело в том, что большую часть предыдущей недели Бринн и ее наставник спорили как раз на эту тему. Поскольку горная гряда, как говорил эльф, тянулась с севера на юг, девушке казалось, что они быстрее оставят позади предгорья, если повернут на восток.

— Ну да, и тогда бедный Сумрак будет скакать, пока не упадет от изнеможения или не увязнет в грязи. Или пока на нас не нападут гоблины, — с усмешкой заметил Джуравиль.

Этими аргументами он пользовался с самого начала их спора, утверждая, что к востоку от гор лежат труднопроходимые земли, с болотами и большими участками раскисшего глинозема, где к тому же бродили гоблины.

— Ничего себе! — сердито фыркнула тогайранка. — Эльф и рейнджер, в страхе улепетывающие от гоблинов.

— У тол'алфар хватает ума понять, что опасность лучше всего обходить стороной, — возразил Джуравиль. — А рейнджер, как я вижу, слишком горда и слишком упряма, чтобы осознать, что копье гоблина легко пробьет ее тело, пусть даже и закаленное годами тренировок. Ты ведь слышала о Мазере, дяде Элбрайна. Он погиб именно такой смертью.

Эльф отвел взгляд в сторону, и девушка воспользовалась этим моментом, чтобы показать ему язык. Он, однако, тут же обернулся, заметил ее гримасу и ничуть не удивился, лишь вздохнул и сокрушенно покачал головой. Дерзкое поведение было для него не в новинку: человеческие существа, попадавшие в обучение к тол'алфар, как правило, отличались крайней непочтительностью и непокорностью. Однако тогайранка смотрела на

мир иначе, чем большинство людей, и это было присуще ей еще до того, как она попала в Эндур'Блоу Иннинес. Несмотря на беспросветный мрак тогдашней жизни, девушка не разучилась улыбаться и всегда стремилась решать свои проблемы при помощи хитрости и находчивости.

Это придавало очарование Бринн Дариель, но в этом же, по мнению Джуравиля, состояла та сила, которая должна помочь ей вынести все испытания, а их, без сомнения, предстоит немало.

Если это вообще возможно.

Часть первая
У КРАЯ ТЬМЫ

Трудно даже попытаться обрисовать ужасные изменения, происшедшие в Эндур'Блоу Иннинес с тех пор, как демон-дракон Бестесбулзибар оставил на земле нашей долины свою тлетворную отметину. На протяжении столетий народ эльфов жил в относительной изоляции, мире и согласии. О тол'алфар знали лишь прошедшие у нас обучение рейнджеры и некоторые очень немногие члены правящих семей королевства Хонсе-Бир. Наши связи с внешним миром ограничивались столкновениями с теми, кто случайно натыкался на нас. Ну и конечно, нашими «ушами» и «глазами» во внешнем мире были рейнджеры, призванные оберегать покой приграничных поселений человеческой цивилизации.

Этого было достаточно.

Бестесбулзибар все изменил. Когда во время войны с демоном я переправлял группу несчастных людей-беженцев подальше от бесчинствующих в их краях орд гоблинов и поври, демон дактиль напал на нас. Я мог погибнуть в этом сражении — да что там, должен был погибнуть! — если бы неожиданно не появилась госпожа Дасслеронд. Однако и ей одолеть демона за пределами долины эльфов оказалось не под силу. Поэтому, прибегнув к помощи своего магического изумруда, она перенесла всех нас в Эндур'Блоу Иннинес, почти к порогу Кер'алфар. А потом изгнала демона, но перед этим Бестесбулзибар оставил на нашей прекрасной земле несмываемое пятно, в пределах которого погибло все живое, и оно не только сохранилось до сих пор, но и увеличивается в размерах.

Уверен — если бы Дасслеронд знала, чего это будет стоить, она никогда не перенесла бы нас в долину эльфов.

И она, и я погибли бы в тот день, но Эндур'Блоу Иннинес не пострадала бы.

Ужасное гниющее пятно заставило госпожу Дасслеронд изменить свое отношение к внешнему миру. Долгие годы тол'алфар жили в стороне от людей, оставаясь пассивными наблюдателями их обезумевшего мира и не вмешиваясь в человеческие дела, о чем мне неоднократно напоминали как она сама, так и мои собратья, порицая за слишком теплые отношения с Элбрайном и Джилсепони.

Теперь госпожа Дасслеронд совсем по-другому относится к тому, что происходит за пределами Эндур'Блоу Иннинес. Она посылает Бринн на юг освободить Тогай от бехренцев и делает это в основном потому, что кочевники тогайру настроены по отношению к нам более дружелюбно. Что будет иметь немаловажное значение, если оставленное демоном пятно выживет нас из собственного дома и мы будем вынуждены перевалить через Пояс-и Пряжку, пересечь тогайские степи и добраться до нашей древней родины, Кер'Товеллан, где, возможно, еще обитают наши собратья.

И все же, несмотря на всю выгоду, которую это нам принесет, я удивлен тем, что Дасслеронд посылает Бринн Дариель поднять восстание в Тогае. Если нам придется перебираться на юг, уверен, мы сможем сделать это независимо от того, кто будет править в степных просторах — владыка Бехрена Чезру и жрецы-ятолы или кто-то из тогайру. Однако госпожа Дасслеронд настаивала на своем, причем с такой решимостью, какой я никогда не замечал в ней прежде. Тлетворная отметина на земле долины эльфов внушает ей крайние опасения.

Это страшит ее настолько, что она приняла второе необычное решение, пугающее меня даже больше, чем то, которое касается Бринн. Она забрала к себе сына Элбрайна и Джилсепони — выхватила ребенка, можно сказать, прямо из материнской утробы! Правда, ее действия спасли жизнь Джилсепони и ее сыну той темной ночью за городской стеной Палмариса, поскольку, не прогони Дасслеронд одержимого демоном отца-настоятеля Маркворта, оба они наверняка погибли бы.

И все же вырастить ребенка как своего, как нашего собственного…

То, что мальчика воспитывают подобным образом, ранит меня даже сильнее, чем сам факт его появления у нас. Госпожа Дасслеронд возлагает большие надежды на Бринн, но они бледнеют по сравнению с тем, что она задумала в отношении юного Эйдриана. Он станет тем, кто избавит Эндур'Блоу Иннинес от тлетворного пятна демона — ценой собственной жизни. Его как можно быстрее обучат всему, что полагается знать и уметь рейнджеру, а потом Дасслеронд принесет его в жертву земле, и Эндур'Блоу Иннинес избавится от проклятия отметины демона.

Ей было видение по этому поводу, объяснила мне повелительница эльфов, хотя и довольно смутное. Но главное она уловила. Все, что от нее требуется, это довести Эйдриана до нужного уровня силы и понимания.

И вот тут возникает загвоздка. Эйдриан Виндон вырос без ласки матери и любви отца, не общаясь ни с кем из людей, кроме Бринн; с ним обращались сурово, к нему предъявляли самые жесткие требования с тех пор, как он оказался в состоянии понимать их. В таких условиях Эйдриан не вырастет полноценным человеком, не говоря уж о том, чтобы приобрести качества, присущие истинным рейнджерам. Элбрайн-Полуночник прекрасно владел мечом и понимал природу. Но было в нем и кое-что еще. Величайший дар, величайшая сила Полуночника заключались в способности сострадать, в готовности пожертвовать всем ради великой цели. Этот дар нашел свое проявление в тот момент, когда он, уже раненый, теряющий последние силы, помог Джилсепони в ее сражении с оказавшимся во власти демона Марквортом и спас ее ценой собственной жизни.

Зная о том, что, скорее всего, погибнет, он не колебался ни мгновения, потому что представлял собой нечто несравненно большее, чем просто сумма знаний и умений, полученных от тол'алфар. Потому что Элбрайн-Полуночник был человеком несгибаемого характера и обладал подлинной способностью сопереживать.

Станет ли таким же ребенок, выросший в одиночестве и лишенный любви?

Я в этом далеко не уверен.

Белли'мар Джуравиль

ГЛАВА 1
ПЕРВАЯ КРОВЬ

Горы остались позади, и путь сделался ровным и легким. Больше всех, казалось, радовался этому Сумрак. Крепкий жеребец унаследовал от своих тогайских предков способность покрывать милю за милей, и ему достаточно было краткого отдыха, чтобы восстановить силы. Если бы Бринн не сдерживала Сумрака, он несся бы еще быстрее.

Саму тогайранку, с которой мало кто мог поспорить в умении держаться в седле и управлять лошадью, скачка по лесным тропам тоже приводила в восторг.

Белли'мар Джуравиль устроился на спине Сумрака, причем благородное животное вряд ли испытывало неудобство от веса миниатюрного эльфа. Джуравиль сидел перед Бринн, повернувшись лицом к ней и откинувшись, спиной на сильную шею лошади. Они почти не разговаривали; эльф видел, что все мысли девушки заняты тем, что ждет их впереди. Собственно, это вполне устраивало Джуравиля. Цель превыше всего, и ничто иное не должно отвлекать Бринн Дариель: ни картины пробуждающегося летнего леса, ни пение птиц, ни похожие на алмазы капельки росы, поблескивающие на траве в лучах утреннего

солнца.

Иногда эльф возносился на какую-нибудь ветвь повыше и внимательно оглядывал окрестности. До сих пор их пути не мешало ничто.

Вечера тоже проходили спокойно. Путники с удовольствием поглощали у костра нехитрый ужин. Джуравиль с интересом слушал рассказы Бринн о своей родине, о ее родителях и маленьком кочевом племени Кейлин Кек, к которому она принадлежала.

— Летом мы всегда забирались повыше, — говорила она. — Поднимались по склонам гор, которые вы называете Пояс-и-Пряжка, а мы — Алешон Твак, что на языке тогайру означает Хребет Дракона. Иногда раскидывали лагерь так высоко, что в разреженном воздухе становилось трудно дышать. Возникало ощущение, будто не хватает воздуха, на каждый шаг уходило несколько минут, а чтобы добраться до ближайшего шатра, требовался час. Иногда из носа даже начинала течь кровь. Мать волновалась за меня, а отец ее успокаивал. На высокогорье, говорил он, всегда так, ничего опасного в этом нет.

Джуравиль не сводил глаз с молодой тогайранки. Она сидела, слегка откинув назад голову и устремив взгляд в ночное небо. На нем высыпали мириады звезд, с запада ветер гнал редкие облака. Полная луна, Шейла, то скрывалась за ними, то выныривала снова, заливая все вокруг бледным призрачным светом.

Эльф знал, что Бринн ничего этого не замечает; ее взгляд сейчас пронизывал и пространство, и время. Она видела ночное небо, искрящееся над шатрами из оленьей кожи, разбросанными среди огромных валунов высоко на склоне Пояса-и-Пряжки. Она слышала смех матери и отрывистые распоряжения отца, ржание тогайских пони, настолько преданных своим хозяевам, что их можно было не привязывать, отпуская пастись в поисках редкой травы.

Джуравиль считал это хорошим признаком. Пусть к ней вернется ощущение прошлых дней; пусть она ясно отдаст себе отчет в том, что потеряла и что потерял весь народ тогайру; тогда в ее призыве к ним будет больше страсти и убежденности.

— Как думаешь, они и сейчас кочуют по предгорьям? — спросил он.

Девушка перевела на него взгляд. Лицо ее омрачилось.

— Скорее всего, нет, — угрюмо ответила она. — Когда наш народ оказался под пятой Бехрена, приспешники Чезру силой пытались загнать уцелевших в деревни.

— Разве тогайру могут осесть на одном месте? — осведомился Джуравиль. — Способ существования скотоводов-кочевников — перемещаться с одного пастбища на другое.

— Больше чем способ существования. Это наш дух, наша тропинка на… — Тогайранка умолкла, словно колеблясь, стоит ли продолжать дальше.

— Тропинка куда? — спросил эльф. — На небеса?

Бринн, с любопытством посмотрев на него, кивнула.

— На наши небеса, — пояснила она. — Они на высоких плато — долинах, поросших золотистыми цветами, предвестниками холодных осенних ветров. Их можно найти, идя вдоль летних ручьев, разлившихся после весеннего половодья, или выслеживая антилопу…

— Бехренцы вряд ли видят смысл в такой жизни, — заметил Джуравиль. — Они не кочевники.

— Потому что по их пустыням не очень-то покочуешь, — сказала девушка. — У них есть оазисы, есть огромные города, но за их пределами круглый год одинаково уныло и бесприютно. Другое дело тогайские степи, где каждый новый сезон приносит неповторимую красоту. Вот почему бехренцы не понимают нас и пытаются переделать на свой лад.

— Может, они верят, что, приучая тогайру жить в деревнях, показывают им путь к лучшей жизни.

— Нет, — возразила Бринн, не дав ему договорить.

Джуравиль не сомневался, что реакция собеседницы будет именно такой; собственно, на это он и рассчитывал.

— Они хотят, чтобы тогайру жили в деревнях и даже в городах, потому что тогда им будет легче управлять нами. В любом селении все на виду, а в степи мы свободны, можем

жить, как привыкли испокон веков, и, не опасаясь чужих ушей, говорить то, что думаем о завоевателях.

— Но есть же и выгода, — продолжал настаивать эльф. — Спокойное существование, обеспеченная жизнь, к примеру.

— Ловушка собственности! — воскликнула тогайранка. — Города — это большие тюрьмы, и ничего больше. Стоит попасть туда, как привыкаешь к удобствам цивилизованной жизни и начинаешь зависеть от них. Но при этом лишаешься…

— Чего же? — Джуравиль сознательно гнул свою линию.

— Летних плато, горных ветров и аромата… Ах, этих чудных запахов высокогорных полей! Бурных рек, полных бьющейся рыбы. Долгих скачек на пони по открытой степи… Ты непременно должен услышать этот звук, Белли'мар! Стук копыт тогайских коней! С этим мало что может сравниться.

Грудь Бринн высоко вздымалась; в ее карих глазах полыхал затаенный огонь. Можно было догадаться, что в этот момент перед ее мысленным взором проносились тогайские пони. Через некоторое время девушка вышла из транса.

— Я еще увижу все это, — уверенно заявила она, — Увижу, можешь не сомневаться!

Еще несколько дней спутники продолжали двигаться в южном направлении, и Бринн никак не могла дождаться, когда же она приблизится к осуществлению своей заветной цели: найдет тогайру и разожжет в их сердцах пламя освободительной борьбы.

Именно эту цель ставили перед ней ее наставники, но Джуравиль понимал, что, прежде чем тогайранка возглавит восстание, им придется заняться еще многим. Бринн Дариель прошла у эльфов суровую школу, точно так, как это на протяжении столетий происходило в Эндур'Блоу Иннинес со всеми будущими рейнджерами. Однако сколь хороша эта школа ни была, у нее имелись свои пределы. Любая неудача в долине эльфов не имела для нее по-настоящему серьезных последствий. И следовательно, не давала понимания того, чем подобный промах может грозить в реальной жизни. В Эндур'Блоу Иннинес неудача оборачивалась всего лишь презрением, выраженным наставниками, да неделями тяжелейших тренировок, здесь же… Здесь она означала бы верную смерть. И Бринн должна в полной мере осознать это.

И потому, когда однажды утром эльф разглядел поперек тропы почти неприметные, но весьма любопытные следы, он не обратил на них внимание девушки, но сам занялся их изучением. Джуравиль узнал их без труда; подобные следы много-много раз попадались ему во время войны с демоном, когда эльф вместе с Полуночником и Джилсепони сражался с Бестесбулзибаром и его прихвостнями. Они напоминали следы человека — скорее подростка. Однако те, что он видел прежде, оставляли грубые сапоги, а эти — голые ноги, плоскостопые, с широко расставленными пальцами и сильно сужающиеся к пятке.

Гоблины. Идут на запад и, похоже, спешат.

Джуравиль поднял голову, внимательно огляделся, улыбнулся и покачал головой. Следы оставлены день назад, не позже. Эти гоблины уже далеко.

Но, по крайней мере, он знал, в каком направлении эти твари движутся.

К удивлению Бринн, ее спутник заявил, что нужно свернуть на запад. Девушка не возражала, поскольку полностью доверяла ему как проводнику. Пожав плечами, она направила Сумрака туда, куда полетел эльф. За день они отмахали около двадцати миль, но к тогайским степям оказались не ближе чем вчера — на что Бринн и не преминула обратить внимание эльфа.

Мы что, кругосветное путешествие совершаем? — с сарказмом спросила она, когда за ужином путники лакомились вяленым мясом с овощами. — Неплохая идея — может быть, таким образом нам удастся напасть на людей Чезру сзади.

— Прямой путь всегда самый короткий, это правда, — отозвался Джуравиль, — Но не всегда самый быстрый.

— Что это означает? Ты кого-то заметил впереди? — Бринн подняла голову и

взглянула в южном направлении.

— Ничто не препятствует нам двигаться прямо на юг, но я уверен, что этот путь лучше.

Тогайранка молча уставилась на явно чего-то недоговаривающего эльфа, но тот вернулся к еде и не ответил на ее взгляд. Он хотел удивить Бринн, вывести ее из равновесия. Не нужно, чтобы она догадалась, что их ждет в ближайшее время.

Позже, когда девушка уснул а, Джуравиль взлетел на самое высокое дерево и устремил взгляд на запад.

Как эльф и ожидал, на довольно значительном расстоянии он увидел огни костров.

Гоблины, похоже, не слишком торопились.

Бринн напряженно всматривалась сквозь густое сплетение веток, пока ей не удалось сосредоточить взгляд на безобразных маленьких созданиях. Они были чуть крупнее тол'алфар, но меньше ее самой. Кожа их была странного цвета — от серого до грязно-желтого и тускло-зеленого, на головах, спинах и плечах пучками росли волосы. Длинные зубы, бесформенные носы и скошенные лбы делали их еще более уродливыми. Девушка находилась слишком далеко, чтобы чувствовать запах этих тварей, но это ее ничуть не огорчало.

Она посмотрела на своего спутника, удобно устроившегося на ветке.

— Гоблины?

Она постоянно слышала от эльфов об этих созданиях, но видеть их ей не приходилось.

— Этот сброд околачивается в основном на границах территорий, занимаемых людьми, — отозвался Джуравиль.

Бринн задумалась и тут же вспомнила, что вчера они сменили направление.

— Ты знал, что они здесь, — воскликнула она, — и привел меня сюда полюбоваться на этих тварей. Зачем?

Эльф помолчал, разглядывая гоблинов. В поле зрения сейчас находились всего несколько, но он подозревал, что на самом деле их много больше. Остальные, похоже, околачиваются где-нибудь поблизости, ломают деревья или убивают животных — просто чтобы позабавиться.

— Это лишь твоя догадка, что я привел тебя взглянуть на них, — сказал он.

Тогайранка усмехнулась.

— Тогда зачем?

Джуравиль пожал плечами.

— Может, это просто счастливое стечение обстоятельств.

— Счастливое?

— В любом случае тебе полезно взглянуть на гоблинов, — заметил эльф. — Непосредственный опыт расширяет понимание мира гораздо больше, чем ты можешь себе представить. — Судя по выражению лица девушки, она, в общем, была согласна с этим, но Джуравиль добавил: — А может, я чувствую, что это мой — и наш с тобой тоже — долг: делать мир лучше всякий раз, когда предоставляется такая возможность. — Бринн с любопытством посмотрела на него, — В конце концов, они ведь гоблины.

— Гоблины, которые, похоже, ничего не опасаются, — задумчиво произнесла тогайранка.

— Возможно, потому, что им в данный момент ничто не угрожает, — ответил Джуравиль.

— Я правильно тебя поняла? — Бринн окинула взглядом лагерь ничего не подозревающих гоблинов. — Ты хочешь, чтобы мы на них напали?

— В лоб? Конечно нет. Здесь, я уверен, болтается слишком много этих тварей. Нет, действовать следует скрытно.

На лице девушки возникло выражение одновременно любопытства, замешательства и возмущения.

— Мы можем просто обойти их и отправиться дальше. Ты сам, если мне не изменяет

память, говорил о чем-то подобном.

— И потом все время опасаться, что они натворят дел. — Бринн покачала головой, прежде чем ее собеседник закончил мысль, и эльф добавил: — Подумай о семьях, которые вскоре, возможно, будут оплакивать своих близких, убитых этими тварями. Подумай об осквернённых лесах, о бессмысленно уничтоженных животных — не ради пищи или одежды, а просто так, для развлечения.

— А если мы убьем гоблинов, то, по любым меркам, будем выглядеть не лучше их. — Тогайранка с гордым видом вскинула голову, — Разве не сострадание облагораживает нас? Разве не стремление к миру отличает от них?

— Интересно, проявила бы ты такое же великодушие, если бы перед тобой был лагерь бехренских солдат? — с невинным видом осведомился эльф.

— Это совсем другое.

— Ну конечно, — с иронией заметил он.

— Ятолы сознательно поступали так, что вынуждало тогайру мстить им, — настаивала на своем Бринн, — А гоблины… Ну, они просто такие уродились.

— И как ты полагаешь — каждый отдельно взятый бехренец принимает участие в жестоком преследовании твоего народа? Или все они разделяют общую вину за грехи немногих?

— Каждый бехренец, будь он ятолом или любым другим приспешником Чезру, придерживается убеждений, толкающих их к насилию и завоеваниям, — ответила девушка. — Значит, все они сообщники, все в ответе за зверства, без которых завоевания невозможны.

— Гоблины принесли в мир больше горя, чем ятолы.

— Это не их сознательный выбор, просто такова уж их натура. И вы, мудрые тол'алфар, не можете не понимать этой разницы.

Белли'мар Джуравиль улыбнулся, слушая подобные идеалистические рассуждения. Однако, прожив на свете не одно столетие, он знал, что тогайранка не права.

— Гоблины, конечно, сильно отличаются от других разумных рас, — заметил эльф, — Может, они и вправду такими уродились, но дело в том, что все они всегда действуют в одном и том же духе. Я никогда не видел, никогда не слышал хотя бы об одном-единственном гоблине, выступившем против того, как они поступают обычно. И в анналах истории нет ни единого упоминания о гоблине, который открыто бы заявил, что осуждает жестокость, характерную для его соплеменников. Нет, моя невинная юная подопечная, я не склонен позволить ни одному из этих существ разгуливать на свободе. И ты тоже.

Это уже был приказ. Девушка вздрогнула.

— Я привел тебя сюда, — продолжал Джуравиль, — чтобы показать приносимые этими тварями вред и опасность. Что должно помочь тебе осознать свой долг, ясный и очевидный. — Бринн коротко взглянула на него, услышав этот властный, непререкаемый тон. — Сначала мы осмотрим лес вокруг лагеря. Будем уничтожать их поодиночке, прежде чем дело дойдет до открытой схватки.

— Подкрадываться и нападать сзади? — с иронией спросила тогайранка. Однако ее сарказм пропал втуне.

— Это было бы самым удачным, — холодно ответил эльф.

Спустя час Бринн — они с Джуравилем разделились — ползла сквозь заросли южнее лагеря гоблинов. Девушка двигалась совершенно бесшумно, как учили ее тол'алфар, прилагая все усилия, чтобы не шуршать опавшими листьями, не сломать ненароком сухую ветку.

В дюжине футов перед ней с шумом возились два гоблина. Один отламывал от дерева небольшие ветки и швырял ими в своего товарища, а другой ковырялся, пытаясь разжечь огонь. Джуравиль, достаточно хорошо знавший гортанный язык гоблинов, подслушал разговор между ними и объяснил тогайранке, что они собираются поджечь лес, чтобы звери

сами побежали к ним в руки.

Эти слова косвенно подтверждали точку зрения эльфа на характер гоблинов, которую Бринн недавно пыталась оспаривать. Она задумалась. В конце концов, люди тоже охотятся — тогайру в особенности в этом деле были большими мастерами. Может, у гоблинов просто другой метод… Сейчас, однако, девушка понимала, насколько слабы ее аргументы. Большое количество сложенной грудами сухой коры для растопки и ничем не замутненная радость на физиономии гоблина, который пытался разжечь костер, подсказали ей, что тут было нечто гораздо большее, чем просто охота в поисках пропитания.

Джуравиль дал тогайранке свой меч, хотя в ее руках он выглядел всего лишь как тонкий кинжал. И все-таки он больше подходил для того, что она собиралась сделать, чем дубинка или лук, потому что действовать нужно было быстро и тихо. Самое главное — тихо.

Бринн бесшумно преодолела пару футов, потом проползла еще немного. Сейчас она явственно слышала болтовню гоблинов, ощущала исходящий от них неприятный запах. Лицо девушки было испачкано, к одежде прилипли листья и веточки, что, конечно, в какой-то степени маскировало ее, и все же тогайранка никак не могла взять в толк, почему они до сих пор ее не заметили.

Внезапно тот гоблин, что пытался разжечь огонь, вскрикнул и выпрямился. Его товарищ, находившийся ближе к Бринн, посмотрел на него и туповато улыбнулся, решив, по-видимому, что огонь вот-вот разгорится.

Однако от костра поднимался лишь легкий дымок. Гоблин издал еще один вопль. На физиономии его товарища возникло выражение любопытства.

Но девушка уже была позади него. Обхватив за шею, она зажала ему ладонью рот и вонзила меч Джуравиля глубоко в спину, остро ощущая, как разрывается плоть и жизненная сила покидает обмякшее тело гоблина.

Нужно прикончить второго, сказала себе Бринн, хотя в этот ужасный момент ей больше всего хотелось рухнуть на колени и взвыть от негодования. Подавив эти чувства, она заставила себя сосредоточиться на стоящей перед ней задаче. Однако пока тогайранка вытаскивала из спины убитого ею гоблина окровавленный меч, Белли'мар Джуравиль опередил ее, выстрелив из маленького лука. Гоблин завопил, споткнулся, открыл было рот, чтобы испустить еще один крик, но умолк, схватившись за горло.

Пораженный противник корчился на земле, и эльф выпустил вторую стрелу, а потом третью. И все же живучая тварь никак не желала умирать!

Следующая стрела вонзилась ему в переносицу. Гоблин содрогнулся, и его глаза погасли.

Бринн с трудом сдерживалась, чтобы не закричать от ужаса, отвращения и боли.

Ужасной боли.

Вот, значит, ради чего из нее долгие годы делали рейнджера? Рейнджера, цель которого — защищать. Может, она ошиблась, и истинная цель обучения была совсем иной, и на самом деле к ней больше подошло бы слово «убийца»?

— Уходим, и быстро, — сказал Джуравиль, оторвав девушку от этих душераздирающих мыслей.

Едва соображая, что делает, она двинулась вслед за эльфом, и вскоре они наткнулись еще на одного гоблина, собирающего ветки для костра.

Этот умер, даже не успев понять, что произошло.

Вроде бы в лесу больше никого не было, и они сосредоточили внимание на самом лагере, где бесцельно слонялись шесть гоблинов. Над огнем висел большой закопченный котел, и время от времени то один, то другой гоблин подходил к нему и зачерпывал отвратительного вида варево.

— Можно подождать, пока они будут отходить от костра, и приканчивать их по одному, — сказал Джуравиль.

Услышав предложение своего наставника, Бринн вздрогнула; больше всего ей хотелось как можно быстрее покончить с этим кошмаром.

— Хватит нападать исподтишка, — решительно заявила она и начала подниматься, собираясь напасть на гоблинов в открытую.

Джуравиль с силой схватил ее за руку.

— Что является главным оружием воинов тогайру? — спросил он.

Девушка кивнула, поняв мысль эльфа, и вернула ему маленький меч.

Спустя несколько минут бродящие по лагерю гоблины с любопытством поглядели на север, в сторону леса, откуда донесся конский топот.

Бринн Дариель верхом на Сумраке стремительно пересекла линию кустов и натянула тетиву лука. Первым, едва успев вскрикнуть, свалился один из гоблинов на краю поляны. Вторая стрела сразила того, который склонился над котлом; миска с варевом отлетела в сторону.

Быстрым плавным движением сняв с лука тетиву, тогайранка зажала его под мышкой правой руки, словно копье, и устремилась к третьему гоблину, ошеломленно застывшему, уставившись на нее. Дуга лука из твердого серебристого папоротника размозжила ему голову, превратив лицо в кровавое месиво. Девушка круто повернула лошадь влево, растоптала следующего гоблина и бросилась вдогонку еще за одним, который попытался сбежать. Она снова взмахнула луком, словно дубинкой, однако промахнулась, и гоблину, поднырнувшему под него, удалось увернуться от удара.

К этому моменту, однако, инерция ее движения сошла на нет. Бринн вынесло в дальний конец лагеря, позади остались три гоблина, понявших наконец, что происходит, и спешно подбирающих оружие. Где Джуравиль? Почему не слышно пения натянутой тетивы его маленького лука и криков сраженных гоблинов?

С силой натянув поводья, девушка заставила лошадь остановиться и тут же развернула ее. Она начала огибать лагерь слева, низко пригнувшись к шее Сумрака, когда тот перепрыгивал через упавшие стволы.

Бринн решила, что имеет смысл совершить второй бросок в центр лагеря. Однако у тех трех гоблинов, которых она оставила позади, хватило сообразительности отступить к краю леса, под укрытие деревьев и кустов. Единственной доступной мишенью оказался тот, которого лишь задел ее удар; пошатываясь, он пытался встать. На полном скаку тогайранка еще раз ударила его по затылку. Гоблин рухнул на котел с варевом, перевернул его и свалился прямо на раскаленные угли. Безобразное существо дико взвыло, его редкие волосы вспыхнули, кожа побагровела от ожогов и мгновенно вздулась пузырями.

Молниеносным движением, которого гоблины даже не успели заметить, Бринн снова натянула на лук тетиву, перекинула ногу через спину Сумрака и выстрелила, попав одному из гоблинов точно между глаз. Соскочила с лошади и, увернувшись от летящего в ее сторону копья, выстрелила еще раз.

Остался всего один противник.

Быстрым движением девушка снова сняла тетиву и бросилась в атаку.

Испуганный гоблин попытался скрыться, но потом, видимо передумав, круто развернулся, вскинул грубо сделанное копье и метнул в приближающуюся Бринн. Она без труда отбила его, однако вынуждена была резко остановиться, когда кусты справа раздвинулись и вынырнувший оттуда гоблин напал на нее, размахивая маленьким ржавым кинжалом.

Она подняла лук-посох, но тут первый гоблин бросился к своему копью, собираясь снова напасть на нее. Девушка перехватила дугу лука левой рукой и со всей силой швырнула его в гоблина, попав тому в голову.

Похоже, этот противник был выведен — по крайней мере на какое-то время — из строя; теперь она вступила в рукопашный бой с гоблином, вооруженным кинжалом. Отточенные, выверенные движения тогайранки слегка поумерили его пыл. Она отвела левую руку в сторону, а правую подняла над головой, создавая у противника впечатление, что ему есть куда ударить.

И тот, поддавшись на уловку, тут же ринулся вперед, рассчитывая вонзить кинжал ей в

грудь.

Бринн левой рукой схватила его за запястье и дернула вниз, выворачивая руку таким образом, чтобы он оказался спиной к ней и лицом вверх. Гоблин взвыл от боли, но тем не менее свободной рукой пытался наносить удары. Девушка нажала чуть сильнее, и оружие выпало из его ослабевших пальцев. Она с силой оттолкнула противника и вонзила кинжал ему в грудь, после чего швырнула умирающую тварь на землю.

К этому моменту тот гоблин, которого она ударила по голове, был уже на ногах. Но не нападал. Судя по всему, он увидел достаточно, потому что со всех ног бросился в глубину леса.

Действуя почти инстинктивно, тогайранка метнула вслед ему кинжал, поразив убегающего противника в бедро. Гоблин взвыл и рухнул на землю; он попытался вытащить кинжал, но боль мешала ему сделать это.

Бринн подняла с земли свой лук-посох и обрушила его на голову противника; тот затих.

Девушка опустилась на колени. Поблизости, наверное, еще оставались другие гоблины, но она не могла сейчас думать ни о чем, кроме валяющихся вокруг мертвых тварей, которых она только что прикончила собственными руками. Бринн изо всех сил боролась с подступавшей тошнотой, стараясь восстановить дыхание и успокоиться. Она напоминала себе, что опасность еще не миновала, что, может быть, сейчас сзади к ней подкрадывается еще один противник…

Эта мысль заставила ее бросить быстрый взгляд через плечо. Вокруг было тихо. Сумрак, спокойно стоящий в стороне, поднял голову, перемалывая зубами листья.

Тогайранка взяла лук, натянула на него тетиву и, вытащив из бедра мертвого гоблина кинжал, сунула его за пояс.

Появившийся Белли'мар Джуравиль ходил между лежащими телами гоблинов и, заметив у кого-то из них признаки жизни, перерезал ему глотку.

В этот момент Бринн показалось, что она ненавидит своего наставника. Ненавидит до глубины души. Зачем он так поступил с ней? Только ради того, чтобы убедиться, что она способна устроить подобную резню?

— Небрежно работаешь, — произнес Джуравиль. — С первым ты расправилась неплохо, но с той парой в кустах возилась слишком долго. Трое из тех, что лежат здесь, были только ранены, и у двоих из них хватило бы сил напасть на тебя. Что ты делала бы, если бы я не прикончил их? — Судя по выражению лица эльфа, он правильно истолковал сердитый взгляд тогайранки. — А почему, собственно, ты так на меня смотришь? — Снисходительный тон Джуравиля свидетельствовал о том, что он прекрасно понимает причину недовольства своей подопечной.

— К чему все это?

— Хочешь прослушать еще одну лекцию о неразумных злобных гоблинах? Сколько подобных примеров нужно привести, чтобы успокоить грызущее тебя чувство вины, рейнджер? Неужели мне придется снова рассказывать тебе о выжженных лесах, о набегах на человеческие поселения, о том, как гоблины убивали — и даже ели! — детей? Повторять историю войны с демоном, приводить сотни примеров бесчинств, что гоблины в те мрачные времена творили на землях Короны?

— Набеги на человеческие поселения, — с иронией заметила Бринн.

— Да, и заметь: убивали они с удовольствием.

— Как и ты! — воскликнула девушка, прекрасно понимая, что приближается к опасной черте.

— Нет, не так. — Джуравиль, похоже, ничуть не оскорбился. — Я делал то, что должен был сделать, причем старался выполнить это как можно лучше. Ты глубоко заблуждаешься, если считаешь, что мне доставляет удовольствие убивать.

— И заодно новоиспеченному рейнджеру дан хороший урок, — продолжила Бринн; в ее голосе по-прежнему был слышен злой сарказм.

— И это, конечно, тоже, — невозмутимо отозвался эльф.

Тогайранка, казалось, вот-вот взорвется.

— И часто рейнджеры приобретают свой первый боевой опыт в сражениях с гоблинами? Достаточно удобные объекты для того, кто учится убивать!

— Совершенно верно, как правило, для этого выбираются гоблины или бешеные животные, — все так же спокойно ответил Джуравиль, — Хотя спорный вопрос, можно ли их приравнивать друг к другу.

От этого тона, как и от самого смысла его слов, Бринн окончательно пришла в ярость.

— Не всякий враг — достойный противник, — продолжал эльф.

Бринн отвернулась, зажмурив глаза; когда она открыла их, то устремила взгляд в сторону леса. И в тот же миг почувствовала мягкое прикосновение Джуравиля.

— Как ты сумеешь подняться на гору, если не в состоянии одолеть крошечный бугорок? — спросил он.

— Я не для того покинула Эндур'Блоу Иннинес, чтобы стать убийцей, — возразила девушка сквозь стиснутые зубы.

— Ты покинула долину эльфов, чтобы поднять восстание, — жестко произнес Джуравиль. — Думаешь, бывают бескровные мятежи?

— Это совсем другое…

— Потому что бехренские захватчики получат то, что заслужили?

Бринн прищурилась и уверенно заявила, глядя в лицо эльфу:

— Да!

— И что, погибнут только те из них, которые действительно заслуживают этого?

— Погибнут и многие тогайру, но они пойдут на это сознательно, веря, что, жертвуя жизнью, помогут освободить свой край!

— А также множество совершенно невинных людей, — заметил Джуравиль. — К примеру, дети, слишком маленькие, чтобы понимать, что происходит. Дряхлые старики. Женщины перед смертью будут подвергаться насилию. — Бринн изо всех сил старалась сохранить решимость во взоре, но внутренне содрогнулась. — Любая война — на редкость грязное дело, моя дорогая. В боевых действиях ятолы будут использовать известных своей невероятной свирепостью воинов чежу-лей. А те считают, что любого врага нужно просто стереть с лица земли. И неужели ты воображаешь, будто тогайру окажутся более великодушными? Оттесняя бехренцев, а тебе придется это делать, если и в самом деле хочешь, чтобы твой народ получил свободу, ты будешь захватывать их деревни и города, в которых живут люди, неповинные в завоевании Тогая. И ты совершенно уверена, что кое-кто из твоих воинов не воспользуется возможностью отомстить за все, чего они и их родные натерпелись во время вторжения захватчиков?

Девушка стоически продолжала испепелять эльфа взглядом, но скорее уже из упрямства. Умом она понимала, что Джуравиль прав, однако сердце Бринн соглашаться с этим не желало.

ГЛАВА 2
КРОВЬ СТОЛЕТИЙ

Эаким Дуан, Чезру — верховный правитель Бехрена, медленно открыл глаза. Начинался 308797-й день его жизни.

Все было как всегда. И солнце в окне спальни. И весенний воздух, в котором смешались запахи цветов и пряностей.

Эаким Дуан улыбнулся; ему все это бесконечно нравилось, и он не собирался ни с чем расставаться. Старик со стоном выбрался из гамака — обычного ложа для мест, где спящие в постелях часто подвергаются атаке агрессивных скорпионов. Медленно выпрямился, проклиная больные колени и одеревеневшую, как обычно после долгого ночного сна, спину.

Отделка и убранство его покоев были роскошными, какие и подобает иметь самому

могущественному и богатому человеку к югу от горной гряды Пояс-и-Пряжка, а может, и к северу, хотя с последним можно было и поспорить. На украшенных великолепными гобеленами стенах играли лучи утреннего солнца.

Ощущать под босыми ногами пушистый ворс тканых ковров было удивительно приятно. Чезру пошевелил кончиками пальцев, растопырил их, как смог, и, волоча ноги, медленно пошел на другой конец большой комнаты, к богато украшенному умывальному тазу из бело-розового мрамора, с висящим над ним зеркалом в золотой раме. Ополоснув холодной водой морщинистое лицо, он посмотрел на свое отражение, сетуя на разрушительные следы, оставленные временем. А эти серые глаза… Нет, то, что он видел в зеркале, определенно ему не нравилось! Он в который уже раз пожалел, что не знал заранее, каков будет цвет радужных оболочек в этом избранном им самим теле.

Хорошо, если в следующий раз будут голубые, подумал он. Но, конечно, за всем уследить невозможно.

Ныне белки глаз Чезру имели болезненно-желтоватый оттенок, а шестидесятидвухлетнее тело на протяжении последних десяти лет доставляло ему одни мучения. О, конечно, он мог иметь все, что пожелает. Содержал гарем красавиц, которых доставляли к нему по мановению пальца, и вообще мог заполучить любую женщину, какую захочет, даже замужнюю. Ведь он был Чезру, верховным правителем Бехрена, Гласом Бога. По одному его слову человека сожгут заживо, он может приказать любому из своих подданных покончить с жизнью, и тот беспрекословно — причем с радостью — подчинится.

Мир существовал для того, чтобы Эаким Дуан мог взять в нем все, что пожелает. Он так и поступал.

Робкий стук в дверь заставил старика оторваться от зеркала.

— Входи, — приказал он, зная, что это Мерван Ма, его доверенный помощник.

— Прошу прощения, Великий, — сказал Мерван Ма, просовывая в дверь голову.

Это был красивый юноша лет двадцати с небольшим, с короткими, черными, круто вьющимися волосами и большими карими глазами, казавшимися еще темнее на фоне белых, без малейших признаков лопнувших сосудов и предательской желтизны белков. Глаза ребенка, думал всегда при взгляде на него Чезру Дуан. И физиономия у Мервана Ма тоже была мальчишеская, с едва заметным пушком на верхней губе и неброскими чертами, на фоне которых глаза выделялись еще больше.

— Принести завтрак сюда или прикажешь, чтобы стол накрыли в Зале Утреннего Солнца?

Эаким Дуан усмехнулся. Эти слова он слышал каждое утро! Без единого пропуска, без малейшего отклонения. В точности так, как было приказано пятьдесят два года назад.

— Глас Бога? — вопросительно произнес Мерван Ма.

Очень характерно для этого юнца — задать вопрос без поощрения со стороны господина и даже без его позволения. Эаким Дуан бросил на помощника недовольный взгляд.

Да, Эакиму по-прежнему достаточно было одного взгляда, чтобы поставить своего сверхлюбопытного юного помощника на место. И это, учитывая, что Мерван Ма ему нравился, было единственной причиной, почему он до сих пор держал его при себе. Вообще-то ум считается необходимым качеством помощника, но Эаким Дуан придерживался на этот счет другого мнения. Для Чезру, как он считал, было безопаснее окружить себя туповатыми людьми. Но тут Эакиму не повезло; к тому времени, когда смышленость Мервана Ма нельзя было не заметить, он уже испытывал симпатию к молодому человеку, поступившему к нему на службу в шестнадцать лет. Даже поняв, что юнец и умен, и сверх меры любопытен, Чезру оставил Мервана Ма при себе. И сейчас, когда день его очередной смерти приближался, был рад этому. Да, он смышлен и любознателен, но одновременно бесконечно предан, набожен и достаточно образован для того, чтобы стать жрецом.

— Можешь войти, — приказал Эаким.

Мерван Ма шагнул в комнату. Он был высок, выше шести футов, и строен, как

большинство бехренцев; постоянную жару трудно переносить, имея лишний вес.

А когда он станет жрецом, то будет казаться еще выше, подумал Чезру, поскольку будет носить высокую прическу, как это у них принято.

Эаким Дуан с трудом сдержал новый смешок, вспомнив о том, что его помощник даже не жрец. На протяжении столетий помощниками Чезру были *только* жрецы-ятолы; даже разговаривать с Гласом Бога не позволялось никому, кроме них. Однако Эаким Дуан изменил этот обычай почти четыреста лет назад, после очередной, едва не ставшей для него гибельной инкарнации. Тогда несколько его приближенных решили захватить власть, объявив, что Чезру никак не удается найти. И это несмотря на то, что в их распоряжении имелся двухлетний ребенок, способный пересказать по памяти Кодекс Пророка.

Дуану исключительно повезло, что он тогда удержался у власти. Поэтому, едва обретя Сознательность в возрасте десяти лет, он одним из своих первых указов изменил подход к подбору слуг для Чом Дейру, дворца Чезру. Теперь обладающие достаточной властью и чрезмерными личными амбициями не входили в число тех, кто был допущен к непосредственному обслуживанию Чезру, в особенности во времена, предшествующие Возрождению.

— Зал Утреннего Солнца готов к завтраку? — осведомился Эаким.

— Да, Глас Бога, — ответил Мерван Ма, старательно отводя глаза, — Однако ты, Великий, сегодня поднялся позже обычного, и, боюсь, там сейчас уже слишком жарко.

— А-а… Ну, тогда вели принести сюда.

— Повинуюсь, Глас Бога. — Юноша отвесил почтительный поклон и повернулся к двери, но Эаким остановил его.

— Прикажи накрыть стол на двоих. Позавтракаешь сегодня со мной. Нам есть что обсудить.

— Будет исполнено, Великий.

Помощник выскочил за дверь. Эаким Дуан понимал, почему в последний момент дрогнул голос молодого человека. Мерван Ма всегда радовался возможности побеседовать с Эакимом — они, можно считать, стали в некотором роде друзьями, между ними возникли отношения как между наставником и учеником, — однако он прекрасно понимал, по какой причине его приглашают сегодня. Чезру хотел снова поговорить с ним о Возрождении, о своей надвигающейся смерти и о тех обязанностях, которые Мерван Ма особо тщательно должен выполнять в последующий за этим период. Когда государство лишится своего официального главы, им будут править жрецы-ятолы, и изменения в устоявшейся политике должны быть минимальны.

Эакима Дуана обрадовало, что предстоящий разговор на эту тему огорчает Мервана Ма. Значит, он любит своего господина, и Дуан верил, что эта любовь поможет им обоим пройти через несколько трудных лет, отделяющих смерть Чезру от его последующего возвышения; в эти годы он будет в особенности уязвим.

Вскоре Мерван Ма вернулся в сопровождении нескольких молодых прислужниц, которые несли подносы с едой. Они быстро накрыли стол у северного окна круглой комнаты, откуда открывался великолепный вид на Пояс-и-Пряжку — каменные громады с белыми шапками снега. Пояс-и-Пряжка — неприступные горы с немногочисленными, труднопроходимыми перевалами, изобилующие камнепадами и лавинами, еще более опасными делают их обитающие там огромные медведи, снежные барсы и другие хищные твари. Вид, открывающийся из окон дворца Чезру, поражал своей дикой природной мощью, в особенности в тот момент, когда солнце заливало восточные склоны и сверкало на снежных шапках. Все, кто смотрел отсюда на горы, считали это зрелище чрезвычайно впечатляющим. А жрецам-ятолам оно напоминало о том, что в мире существует мощь, несравненно более великая, чем та, которой обладает человек.

Да, открывающийся из окна вид казался возвышенным и подавляющим даже бессмертному Эакиму Дуану.

Когда они уселись за стол, служанки засуетились вокруг, но Чезру взмахнул рукой,

приказывая им уйти. Девушки смущенно воззрились на него, поскольку обычно прислуживали за столом на протяжении всей трапезы.

— Ступайте, ступайте, — раздраженно махнул рукой Эаким Дуан, и служанки исчезли. Чезру с улыбкой посмотрел на Мервана Ма; молодой человек явно хотел что-то сказать. — Можешь говорить без опасений.

Мерван Ма смущенно заерзал на стуле. Не приступая к еде, Эаким пристально смотрел на него, подбадривая взглядом.

— Ты снова хочешь поговорить о своей смерти, Глас Бога. Эта тема мне не слишком приятна.

— Все когда-нибудь умирают, мой юный друг, — отозвался Чезру Дуан и внутренне улыбнулся, осознав иронию, кроющуюся в этом заявлении.

— Но ты же еще совсем не так стар, Великий, — выпалил Мерван Ма и тут же опустил взгляд, как будто опасаясь, что вопреки данному ему разрешению преступил границы дозволенного.

— Каждое утро у меня ломит все кости, и так продолжается уже много лет. — Эаким тепло улыбнулся юноше и успокаивающим жестом положил руку ему на плечо.

— Но, Глас Бога, такое впечатление, что ты уступаешь возрасту без борьбы!

— Ты веришь в Откровение? — внезапно спросил Чезру довольно суровым тоном, напоминая своему доверенному помощнику, кто он такой и какова его цель в этой жизни.

Откровение служило основополагающей концепцией религии ятолов. Оно обещало вечную жизнь в раю, на Облаке Чез. На этом основывались все ритуалы и обряды, весь кодекс поведения религии ятолов.

— Конечно, Глас Бога! — с удивлением и даже ужасом воскликнул Мерван Ма.

— Я не обвиняю тебя, мой мальчик, — сказал Чезру. — Просто напоминаю. Если мы верим в Откровение, тогда и приход смерти должны встречать с распростертыми объятиями, уверенные, что прожили жизнь, достойную Облака Чез. С какой стати я должен печалиться, что вскоре моим домом станет рай?

— Но мы же не должны призывать смерть, Глас Бога…

— Однако я точно знаю, когда смерть начинает призывать меня, — перебил своего помощника Эаким Дуан. — Это часть моего служения — осознать, когда она близка. Чтобы те, кто окружает меня — в том числе и ты, мой юный друг, — начали подготовку к поискам нового Гласа Бога. Понимаешь?

Мерван Ма опустил взгляд.

— Я боюсь, Глас Бога.

— У тебя все получится.

— Но как я узнаю? — Молодой человек внезапно поднял на своего господина умоляющий взгляд. — Как могу быть уверен, что правильно выбрал замену? Это невероятно тяжкая ноша, Глас Бога. Боюсь, я недостоин ее.

— Достоин, достоин. — Эаким Дуан рассмеялся. — Уверяю тебя, увидев ребенка, ты сразу все поймешь. Когда меня отобрали, я мог пересказать по памяти всю Четвертую Книгу Пророчеств.

— Но разве мать, жаждущая возвышения своего ребенка, не в состоянии обучить его этому?

— Мне тогда не было еще двух лет! — со смехом возразил Чезру. — А я мог ответить на любой вопрос, заданный Советом жрецов-ятолов. Думаешь, они ошиблись в выборе? — Мерван Ма побледнел. — Это не обвинение, мой юный друг. Просто я пытаюсь убедить тебя, что ошибиться в этом невозможно. Твой предшественник тоже испытывал подобные опасения… как я слышал, — поспешно добавил Дуан, поскольку откуда ему было самому знать, о чем говорил предшественник Мервана Ма?

— Даже если так, — явно нервничая, продолжал юноша. — Даже если ребенок будет найден…

— Тогда твои обязанности и вовсе не вызывают сомнений, тем более что существует

множество запечатленных прецедентов, — снова прервал его Чезру. — И они не так уж сложны. Ты будешь следить, чтобы о ребенке хорошо заботились на протяжении первых десяти лет его жизни. Не слишком обременительная задача, как мне представляется.

— А как насчет его обучения? Кто будет наставником нового Гласа Бога в вопросах веры?

Эакима Дуана снова разобрал смех.

— Он сам будет твоим наставником, если пожелаешь! Неужели ты так до сих пор ничего и не понял? Этот ребенок появится на свет, в совершенстве зная и понимая учение ятолов. Ты все еще сомневаешься? — Чезру посмотрел в глаза ошеломленному юноше, — Ну что ж, это вполне понятно, — добавил он, пытаясь его успокоить. — Потому что ты никогда не был свидетелем чуда Возрождения. А я был! И даже не свидетелем, а непосредственным участником. Я хорошо помню те дни, и никакой наставник, поверь, мне тогда не требовался. Я вообще ни в чем не нуждался, кроме того, чтобы дожить до возраста Сознательности, и я понимал все о нашей религии, и дурное, и хорошее, лучше любого из окружающих. Тебе нечего бояться, мой юный друг. Время твоего служения в доме Чезру едва ли продлится более десяти лет.

Если слова Эакима и успокоили Мервана Ма, это не было заметно; более того, судя по выражению его лица, юноша испытывал прямо противоположные чувства.

— Ты ведь знаешь, что это так, — сказал Чезру.

— Конечно… но мне все равно неприятно это обсуждать, так же как и твою смерть, Великий.

— Ах, какие нежности! — Дуан рассмеялся и похлопал молодого человека по плечу. — Ты должен служить мне, а потом опекать следующего Гласа Бога, пока он не достигнет возраста Сознательности. И после этого ты сможешь считать себя свободным от всех обязанностей по отношению к Чезру. Так всегда было, так должно продолжаться и дальше.

— Все, что я люблю…

— Ничто не мешает тебе присоединиться к Чезру, став одним из жрецов. По правде говоря, я был бы разочарован, если бы ты не раскрыл своих возможностей в деле служения Богу. Из тебя получится прекрасный ятол, друг мой, и как таковой ты окажешься очень полезен для следующего Чезру. Если хочешь знать, я уже написал подробное письмо моему преемнику и Совету жрецов, в котором изложил свою уверенность в твоих высоких потенциальных возможностях.

Казалось, эти слова несколько успокоили Мервана Ма. Он покраснел от смущения и опустел взгляд.

На что Эаким Дуан и рассчитывал. Он действительно привязался к молодому человеку и знал, что будет скучать по нему, когда в следующей жизни достигнет возраста Сознательности. Но на этом служение Мервана Ма должно закончиться. Не стоит рисковать, слишком долго оставляя подле себя такого смышленого человека.

Затянувшиеся близкие отношения — вещь опасная.

Мерван Ма шел по коридорам дворца, сооруженного в основном из мрамора, белого, розового и нежно-желтого, добываемого в Косиниде, провинции на юго-востоке страны. Воздвигнутые из белого с красными прожилками камня, сужающиеся кверху, богато отделанные колонны были распространены в архитектуре зданий на северо-западе, в предгорьях Пояса-и-Пряжки на границе Бехрена и тогайских степей. Воображение часто рисовало юноше картину виноградных лоз, обвивающих эти колонны.

Сандалии Мервана Ма — кожаные, на мягкой подошве — позволяли ему передвигаться почти бесшумно, однако эхо его шагов разносилось по всему огромному дворцу, где потолки закруглялись изящными сводами, что позволяло отражать каждый звук. Молодой человек часто бродил в одиночестве по дворцу, любуясь искусно вытканными гобеленами и изумительной мозаикой на полу огромных залов. Во время таких прогулок он чувствовал себя затерявшимся в безбрежной вселенной.

Сейчас он остро нуждался в том, чтобы ощущать себя частью чего-то большего, чем он сам; большего, чем бренная человеческая плоть. Великий снова завел разговор о приближающейся смерти. Как он мог так спокойно относиться к этому?! Как он мог оставаться на позиции «здравого смысла», когда речь шла, ни много ни мало, о конце его жизни?

Мерван Ма глубоко вздохнул. Он завидовал своему господину, да и вообще любому человеку, способному так легко воспринимать конечность собственной жизни. Мерван Ма был образованным, набожным пастырем. Он молился каждый день, исполнял все положенные ритуалы и наставления религии. Верил в загробную жизнь, в будущее вознаграждение за подобающее поведение. Все это правда. И тем не менее насколько жалкой выглядела его вера по сравнению с величественным спокойствием Чезру!

Может, с возрастом он сам станет таким, надеялся Мерван Ма. Может, настанет день, когда он так же легко будет воспринимать мысль о неизбежности собственной смерти, когда она станет для него всего лишь концом одного путешествия и началом следующего.

— Нет, — вслух произнес он.

Упав на колени, юноша прижал ладони к глазам в позе покорности и сожаления о том, что все его существо противилось мысли о смерти. Нет, никогда ему не достичь таких высот, как Глас Бога! Никогда не прийти к пониманию таинства жизни и смерти, доступному Эакиму Дуану, и, по-видимому, только ему одному! По крайней мере, не в этой жизни. Может, просветление снизойдет на него по ту сторону мрачных дверей.

Сделав глубокий вдох, Мерван Ма поднялся и двинулся дальше. Он понимал, что опаздывает, что остальные наверняка уже собрались в Зале Вечности вокруг священного сосуда, Кубка Чезру. Маду Ваадан, надзирающий за церемонией жертвоприношения ятол, скорее всего, уже подготовил священный нож, наполнив его полую рукоятку маслом. Однако без Мервана Ма ритуал не начнется.

Эаким Дуан продолжал с удовольствием поглощать лакомства, поданные ему на завтрак, глядя на заснеженные горные вершины. Он знал, что сейчас происходит в Зале Вечности, и понимал, какая опасность угрожает ему и его тайне каждый раз, когда проводится этот ритуал. Однако за прошедшие столетия беспокойство Чезру по этому поводу потеряло свою остроту. Он сам учредил его столетия назад и с тех пор столько раз был свидетелем жертвоприношения!

Нет, не учредил, а просто изменил, с тем чтобы скрыть свою тайну. С самого начала существования религии ятолов избранные жрецы ежемесячно наполняли Кубок Чезру кровью, расположившись вокруг него и по очереди делая надрезы на запястьях, пока уровень жидкости в широком, глубоком сосуде не достигал отмеченной линии. Этот ритуал и полученная в результате него кровь имели чрезвычайную значимость для Эакима Дуана, поскольку в дно священного сосуда был вправлен магический драгоценный камень — обладающий огромным могуществом гематит. Сразу после окончания ритуала Эаким добавлял в священный сосуд собственную кровь. Тем самым между ним и гематитом создавалась необыкновенно прочная связь, ощущаемая даже на большом расстоянии. Это было жизненно важно для Чезру, и не только потому, что он часто прибегал к магической силе этого камня. Жизненно важно потому, что он знал: случись с ним какое-то непредвиденное несчастье — кинжал убийцы, например, вонзенный в спину, — и связь с гематитом даст возможность его духу покинуть умирающее тело.

Для Дуана здесь существовала одна реальная опасность. Она возникала в процессе наполнения Кубка — хотя жрецы-ятолы по традиции участвовали в ритуале с завязанными глазами, одного взгляда в Кубок, уровень крови в котором окажется настолько низок, что обнажится дно, было бы достаточно, чтобы вызвать ужасные подозрения. Жрецы-ятолы считали использование магических драгоценных камней кощунством, и вид одного из них, вправленного в дно едва ли не самой почитаемой в Бехрене святыни, Кубка Чезру, вызвал бы праведный гнев любого ятола. Драгоценные камни являлись одним из элементов власти

ненавистной церкви Абеля, властвующей в северных землях Короны, и эта церковь своим могуществом была обязана именно их магической силе. Несколько столетий назад, еще до первого возвышения Эакима Дуана, ятолы объявили магические камни орудием демона, посредством которого он мог овладевать душами людей.

Если бы кто-нибудь из участников ритуала увидел драгоценный камень — тем более могущественный гематит, камень души! — вправленный в дно священного сосуда, это могло бы породить вопросы, ответить на которые Эакиму Дуану было бы крайне затруднительно.

Однако Чезру сохранял уверенность, что этого не произойдет. Он тайно использовал магический камень на протяжении почти восьмисот лет, и за все это время лишь однажды подвергся опасности, когда молодой жрец по неосторожности опрокинул Кубок.

Незадачливый ятол был настолько расстроен и испуган тем, что натворил, что ему даже в голову не пришло заглянуть на дно сосуда. Заикаясь от ужаса, он лишь что-то бессвязно бормотал, когда Эаким Дуан застал его стоящим на коленях на залитом кровью полу. Он все еще умолял Глас Бога о пощаде, когда нож Эакима перерезал ему горло.

Вспомнив об этом случае, Чезру пожал плечами. Ему не слишком хотелось убивать провинившегося жреца, но ставки были слишком высоки. На одной чаше весов лежало практически его бессмертие, столетия жизни, а на другой — несколько оставшихся этому несчастному жалких десятилетий. Стоило ли рисковать?

В тот день кинжал Дуана направлял простой расчет, а никак не ненависть и не безудержная жажда власти. Так он сам, по крайней мере, считал.

Эаким Дуан даже имени того неуклюжего ятола не помнил; стерлось оно и из памяти всех остальных.

Мерван Ма речитативом повторял ритуальные слова жертвоприношения. Его голос гармонично сливался с голосами остальных жрецов, собравшихся вокруг маленького столика, на котором стоял Кубок Чезру. Опираясь вытянутой правой рукой на обитую мягким материалом подставку так, что запястье находилось над священным сосудом, левую руку юноша прижимал к груди.

Как и у всех остальных, глаза у него были завязаны. Хотя в первые моменты ритуала у него одного, как у доверенного помощника Чезру, глаза оставались открытыми, чтобы он мог расставить вокруг сосуда остальных жрецов. Потом, произнося слова молитвы, Мерван Ма занял свое место, протянул руку, повернул под столом рычаг и, следя взглядом за медленно опускающимся уровнем красной жидкости, завязал глаза себе.

Рычаг и особый механизм под столом предназначались для того, чтобы сначала обеспечить отток крови, а потом замедлить его и прекратить совсем. Жрецам предстояло заменить не всю кровь, а лишь около грех четвертей. Когда отток крови прекратился, раздался звон колокольчика — сигнал к началу жертвоприношения. Ятол, стоящий слева от Мервана Ма, взял заранее подготовленный нож, надрезал свое правое запястье и принялся нараспев читать специально подобранный по размеру церковный псалом. Пока он читал, его кровь стекала в сосуд. Когда стих закончился, жрец передал нож стоящему слева от него, и процесс повторился.

Наконец нож описал полный круг и вернулся к Мервану Ма. На его правом запястье, покрытом зажившими шрамами, появился новый надрез. Стоически выполнив свой долг, юноша положил нож на стол.

Когда песнопение подошло к концу, Мерван Ма снял повязку с глаз и бросил взгляд на результаты их трудов. Как обычно, немного крови разбрызгалось вокруг кубка, и уровень жидкости в нем был чуть ниже верхней отметки, хотя и находился в пределах допустимого. В противном случае жертвоприношение было бы объявлено недействительным, один из собравшихся вокруг стола был бы убит и заменен другим; эта судьба во всех случаях миновала бы лишь надзирающего ятола и Мервана Ма.

Однако на этот раз все прошло гладко, уровень крови в Кубке был вполне приемлем.

Мерван Ма удовлетворенно кивнул. Позднее ему придется вернуться сюда и вытереть

со священного сосуда брызги, но на данный момент его долг может считаться выполненным. Точным движением, отработанным месяцами подобных процедур, юноша взял стоящего слева жреца за руку и одного за другим вывел всех из зала.

Как только дверь за ними закрылась и жрецы оказались в небольшом помещении перед Залом Вечности, они тоже сняли закрывающие глаза повязки и поздравили друг друга с успешным завершением важного дела.

Как обычно, в зале кроме Мервана Ма остался лишь надзирающий ятол. Как и после каждого жертвоприношения, этот уже пожилой человек поднял взгляд на юношу.

Во взгляде Маду Ваадана не чувствовалось расположения. Многие ятолы не питали к Мервану Ма теплых чувств, позволяя зависти возобладать над приверженностью религии и Богу. В конце концов, юноша не был не только ятолом, но даже и жрецом и тем не менее благодаря близости к Чезру вскоре должен был стать самым могущественным человеком в Бехрене. Ему предстояло выбрать нового Гласа Бога, и его мнение окажется решающим при утверждении этого ребенка Советом жрецов. И ранние годы жизни избранного ребенка пройдут под его надзором, а потом, хотя формально в религиозной иерархии он не будет занимать сколько-нибудь достойного места, следующий Глас Бога, без сомнения, будет прислушиваться к его словам.

Такая ситуация не устраивала многих ятолов. Мервану Ма приходилось слышать разговоры о том, что в давние времена доверенным помощником Чезру всегда был следующий по рангу ятол, а не какой-то там простой пастырь.

Юношу не слишком беспокоило подобное отношение. По какой-то причине выбрали именно его, он знал свой долг, и никакие личные настроения и чувства не помешают ему этот долг выполнять. Его призвание — служение Богу посредством безукоризненного исполнения указаний Гласа Бога — столь обожаемого им Чезру. Он снова и снова напоминал себе, что не стоит ни задаваться бессмысленными вопросами, ни вообще обращать какое-либо внимание на выражение лица надзирающего ятола. Этот человек проявлял слабость, и Мерван Ма не хотел идти по его стопам.

Юноша вернулся в келью, взял освященный кусок материи и с благоговением обтер снаружи Кубок Чезру, с удовлетворением глядя на заполнившую сосуд кровь и радуясь тому, что она обеспечит благополучие Бехрена на следующий месяц.

ГЛАВА 3
К ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ

После боя с гоблинами Бринн и Джуравиль продолжали путь, почти не разговаривая друг с другом. Тогайранка злилась на него за то, что эльф заставил ее убивать, — чтобы она могла почувствовать, как меч входит в сердце врага; заставил ее ощутить запах пролитой крови, испытать те чувства, которых она прежде никогда не знала. Во время нашествия бехренцев, уничтоживших ее племя, она видела немало смертей. А еще на глазах Бринн были убиты ее собственные родители, десятилетняя девочка слышала их предсмертные крики. Ничего не могло быть ужаснее этого!

На этот раз она сама выступила в роли убийцы, и чувство вины не покидало тогайранку.

На протяжении недели они вряд ли обменялись хотя бы словом. Да этого, в общем-то, и не требовалось — каждый знал свои обязанности в том, что касалось разжигания огня и приготовления еды на привале. По ходу дела эльф время от времени весьма миролюбивым тоном отпускал те или иные замечания, но Бринн обычно отделывалась междометиями или усмешкой.

Однако скоро их отношения стали такими же, как и прежде.

— Пояс-и-Пряжка, — сказал Джуравиль, когда пошла третья неделя после встречи с гоблинами.

Бринн, спешившись, стояла рядом с ним на выступе скалы, круто обрывающейся вниз.

Внизу темнел лес, а далеко впереди уходили в небо зазубренные очертания гор.

— Расстояние скрадывает размеры, — заметил эльф. — Ты даже не в состоянии представить себе, насколько высоки эти горы.

— Однажды я уже перевалила через них, — напомнила ему девушка. — И мне приходилось бродить по их южным склонам.

— Это было так давно, что ты вряд ли помнишь их истинные размеры.

— Ребенком я разглядывала отроги Алешон Твак каждый день и с гораздо более близкого расстояния, чем сейчас.

— Да уж кто бы стал спорить, — отозвался Джуравиль. — С гораздо более близкого. По мере того как мы будем приближаться к ним, горы будут казаться все выше. У нас впереди еще очень долгий путь.

Бринн перевела взгляд на эльфа, который смотрел в южную сторону горизонта. К удивлению тогайранки, его слова не вызвали у нее раздражения. Нет, она поняла и оценила его в этот момент, может быть, больше, чем когда-либо с тех пор, как они покинули Эндур'Блоу Иннинес. Только здесь и сейчас, когда цель замаячила перед глазами, но была еще так далека, девушка на самом деле осознала, чем пожертвовал ее наставник… ее друг. Ему предстояло провести вдали от дома, родных и друзей месяцы, если не годы, и все ради чего? Уж конечно, не ради личной выгоды и даже не потому, что госпожа Дасслеронд предпочитала тогайру бехренцам. Когда он вернется домой, к своей обычной жизни, ежедневные радости и печали его существования не будут зависеть от того, сумеет ли Бринн освободить Тогай. Если разобраться, какое, в общем-то, дело Джуравилю и вообще тол'алфар до того, кто правит в далеких, продуваемыми ветрами степях — тогайру или бехренцы?

И тем не менее он тут, бок о бок с ней.

Слегка наклонившись, девушка обняла Джуравиля за хрупкие плечи. Тот с любопытством посмотрел на нее. Бринн улыбнулась и прикоснулась губами к щеке эльфа. А потом, увидев на его лице ответную улыбку, кивнула, безмолвно объясняя ему, что она наконец осознала — без него возвращение на родину ее предков было бы невозможно. И не только поняла, но и по достоинству оценила это.

Один день незаметно сменялся другим, и с каждым рассветом горы действительно казались все выше. Бринн не могла выбросить из головы мысль, что эти горы не просто часть пути в ее родные края, но олицетворение самих тогайру, оставивших на их склонах свои следы.

Однажды, когда по лицу девушки можно было понять, что ей кажется, будто заветная цель уже близка, Джуравиль слегка остудил пыл молодой тогайранки.

— Хорошо, что мы добрались до предгорий Пояса-и-Пряжки еще до середины лета, — небрежно заметил он. — Теперь у нас, по крайней мере, есть шанс преодолеть их до того, как начнется зима и выпадет снег.

Бринн посмотрела на него с явным недоумением.

— Зима на высоких перевалах наступает рано, — объяснил эльф. — Я подозреваю, что, когда начнет холодать, мы успеем подняться не слишком высоко, и перевалы завалит снегом. Конечно, если мы вообще найдем хоть один перевал, — мрачно закончил он.

Девушка удивленно распахнула глаза.

— Ты не знаешь дороги через горы? — едва не задохнувшись, спросила она. — Но ты же был здесь — ты или кто-то еще из ваших — всего десять лет назад! Когда вы спасли меня от людей Чезру! Не может быть, чтобы тол'алфар так быстро забыли дорогу.

— Тебя спасла госпожа Дасслеронд, — объяснил Джуравиль. — Она, используя мощь драгоценных камней, может преодолевать огромные расстояния. Ты, конечно, мало что запомнила — тебя, перед тем как отправиться в обратный путь, погрузили в глубокий сон.

— Тогда почему Дасслеронд сейчас не сделала то же самое? — спросила тогайранка. — И горы не были бы для нас препятствием — мы могли бы пройти сквозь них!

— Дорога — это способ подготовки к последующим испытаниям.

Бринн фыркнула: на нее этот аргумент явно не произвел большого впечатления.

— А как нам быть, если мы не найдем перевала? Сидеть у подножия гор и мечтать о том, чему не суждено сбыться? Или возвращаться в Кер'алфар, чтобы припасть к ногам госпожи Дасслеронд, умоляя ее сделать то, что следовало бы совершить с самого начала?

Последнее замечание вызвало сердитый взгляд эльфа, напомнивший юному рейнджеру, что существуют границы, которые никому пересекать не дозволено.

Тем не менее она продолжала, однако уже более сдержанно, не желая раздражать Джуравиля еще сильнее.

— Мой народ стонет под пятой жестоких захватчиков. Каждый день промедления оборачивается для тогайру новыми бедами.

Белли'мар Джуравиль засмеялся и покачал головой. Бринн, решив, что он насмехается над ней, сердито сузила глаза.

— Ты что, воображаешь, будто, перенеси тебя Дасслеронд с помощью своего изумруда прямо в центр какой-нибудь тогайской деревни, ты просто предложишь людям помощь и они тут же признают тебя предводительницей? — спросил эльф; в голосе его звучала явная ирония. — По-твоему, достаточно тебе раскрыть рот, и ты станешь героиней, возглавив всенародное восстание?

— А что другое я должна делать, когда мы окажемся в тогайских степях? — в тон ему спросила девушка, после чего пробормотала, уже себе под нос: — Если мы, конечно, вообще там когда-нибудь окажемся…

— Если мы не сможем преодолеть горы, — заявил Джуравиль, — то повернем на восток и предгорьями двинемся к побережью, к городу Энтел, откуда легко доберемся до Хасинты. — Бринн знала, где находятся эти упомянутые эльфом города, поэтому поежилась, представив, какой огромный крюк придется им совершить. — Хасинта, — повторил он, — Там сосредоточена бехренская власть, там находится резиденция верховного правителя Бехрена, носящего титул Чезру, — Как и следовало ожидать, при этих словах лицо тогайранки исказилось от гнева. — Во многих отношениях ты имеешь богатый опыт, и в то же время крайне мало знаешь о внешнем мире. Возможно, это наша вина, но эльфы ведут затворнический образ жизни в силу необходимости. Мой тебе совет: не жалей о задержке — это путешествие, включая поход на восток, который нам, возможно, придется сделать, следует рассматривать как продолжение твоего обучения, подготовку к тем испытаниям, которые, не сомневаюсь, будут ожидать тебя в ближайшем будущем.

Размышляя над словами Джуравиля, девушка устремила на него долгий испытующий взгляд. Пожалуй, она могла принять его объяснения… до некоторой степени. Тол'алфар не только спасли ее от рабства, но и открыли перед ней удивительные возможности. Эльфы много лет обучали и тренировали Бринн, без чего ей не стоило бы даже пытаться освободить свой народ. Вспомнив всю связывающую их историю обучения и дружбы, она внезапно почувствовала себя ужасно глупо из-за того, что так накинулась на наставника.

Тогайранка издала смешок — чуть-чуть виноватый.

— Наверное, я слишком много времени проводила в компании Эйдриана.

Лицо эльфа с резкими чертами озарилось улыбкой.

— Уверен, Эйдриан найдет собственный путь в этом мире, — ответил он, — Однако, учитывая его импульсивность, он был бы абсолютно не пригоден для той задачи, которая сейчас стоит перед тобой. Ты — воин, но тебе придется быть и дипломатом, и слова для тебя порой будут важнее меча. Тебе, несомненно, придется призвать на помощь все свое мужество, но не только…

Джуравиль помолчал, назидательно подняв палец, чтобы подчеркнуть значение произнесенных слов.

— Еще тебе понадобится немалая мудрость. Без нее ты лишь ввергнешь свой народ в новые ужасные бедствия. Чтобы вырвать Тогай из лап Бехрена, одной силы мало, мой юный друг. Понадобится еще и хитрость, а также наличие такого благородного предводителя, за которого тогайру с радостью отдадут жизнь. Понимаешь, насколько все это важно? — У

Бринн внезапно перехватило дыхание. — Настанет день, когда тебе придется послать воинов в сражение, зная, что многие из них не вернутся с поля битвы. — Дышать легче не стало. — Может возникнуть ситуация, когда придется отвести армию, оставляя какую-нибудь тогайскую деревню без защиты и зная, что взбешенные твоим мятежом бехренцы наверняка обрушат гнев на ее жителей. Возможно, твои действия приведут к тому, что многие дети увидят, как гибнут их родители; или, хуже того, родители увидят, как умирают их дети. Ты готова взвалить на свои плечи ответственность за все это, Бринн Дариель? — Девушка, трепеща, с тяжело вздымающейся грудью стояла перед наставником. — Как, по-твоему, цель оправдывает средства?

Этот последний вопрос вернул тогайранку на землю; ужасные образы, вставшие перед ее глазами, растаяли, и во всем великолепии перед ней предстала победа. Для Бринн Дариель победа Тогая стоила всей боли и всех смертей.

— Свобода, — прошептала она сквозь стиснутые зубы.

Белли'мар Джуравиль устремил на нее пристальный взгляд и одобрительно кивнул: его подопечная получила еще один полезный урок.

Теплой летней ночью Лозан Дайк с любопытством наблюдал за сидящей у костра парой. Дело происходило среди холмистых предгорий Пояса-и-Пряжки, горной гряды, которую народ Лозана Дайка считал краем света. Женщина его не слишком интересовала: хотя у нее была смуглая кожа и глаза необычной миндалевидной формы, она мало чем отличалась от других людей, часто скитающихся в этих краях.

Но вот тот, кто был с ней, — невысокий, изящный, с худощавым, сужающимся книзу лицом…

Поначалу Лозан Дайк и его спутница Каззира подумали, что второй — подросток, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это не так. Вел он себя далеко не как ребенок; более того, в его голосе почти всегда слышались властные нотки. Однако что буквально потрясло их — и чего они никак не могли ожидать, — это наличие за спиной у невысокого существа пары маленьких полупрозрачных крыльев.

Возвращаясь к Лозану Дайку, его спутница перепрыгивала через валежник не хуже любой белки.

— Дебанкан, — заявила она, подтверждая их подозрения, что крылья были как у дебанканов или, иначе говоря, бабочек.

Потеряв дар речи, они взирали друг на друга. Предания гласили, что такая особенность присуща лишь одной расе — Тилвин Тол, крылатым эльфам.

Однако воспоминания о Тилвин Тол сохранились лишь у самых старых представителей Тилвин Док — народа, к которому принадлежали Лозан Дайк и Каззира. В сознании остальных крылатые эльфы были не больше чем легендой.

Выходит, легенда ожила? Это миниатюрное создание у костра, со своим обманчиво хрупким телосложением, треугольным худощавым лицом с резкими чертами, очень напоминало Тилвин Док; правда, волосы у него были светлые, в то время как всех Тилвин Док отличали темные волосы. И еще чувствовалось, что его кожа испытывала прикосновение солнечных лучей, а у Тилвин Док, чрезвычайно редко покидающих свой лесной дом, Тимвивенн, она была молочно-белого цвета.

— Тилвин Тол? — словно прочтя мысли Лозана Дайка, спросила Каззира.

— Ну и что это может означать? — вопросом на вопрос ответил Лозан.

Судьба любого чужака, оказавшегося в пределах королевства Тилвин Док, сомнения у них не вызывала. Те, у кого не было серьезных причин пребывать на их территории, должны быть немедленно выдворены отсюда.

У них была одна дорога — в торфяное болото.

Однако Лозан Дайк снова устремил взгляд на сидящую у костра пару — вернее, на удивительное миниатюрное создание, которое во многих отношениях казалось зеркальным отражением его самого.

ГЛАВА 4
МЕЛОЧИ, МЕЛОЧИ

Перебранка жрецов все больше раздражала Эакима Дуана.

— С пиратами нельзя обращаться столь сурово! — вопил ятол Перидан, жрец из юго-восточной бехренской провинции под названием Косинида.

Все знали о связях этого человека с пользующимися дурной славой морскими головорезами. Доводы Перидана, утверждающего, что преследование пиратов, развернутое ятолом Де Хамманом вдоль побережья, простирающегося к югу от Хасинты, чрезмерно и угрожает безопасности государства, всегда вызывали у Чезру приступ смеха, который он с трудом сдержал и на сей раз. До чего же с этим человеком все было ясно! Фиглярство Перидана могло рассмешить кого угодно. Чезру утвердил его в качестве ятола по той только причине, что Перидан прекрасно справился с порученным ему недавно делом, раздобыв ценный мрамор для затеянной перестройки дворца в Хасинте.

— Пиратов нужно окорачивать! — сердито возразил ятол Де Хамман, — Это ни у кого не вызывает сомнений. А ты призываешь нас миндальничать с ними исключительно потому, что заботишься о содержимом своего кошелька!

У Перидана от такого оскорбления глаза полезли на лоб, но Дуана в данный момент больше интересовала реакция других жрецов, явно забавлявшихся разыгравшейся ссорой. Ну прямо как юнцы, столпившиеся вокруг своих принявших боевую стойку товарищей и подзадоривающие их кинуться друг на друга с кулаками.

Нет, раздражало его вовсе не их глупое поведение. Эаким Дуан хотел вплотную заняться Возрождением, страстно хотел получить новое молодое тело. Но как можно оставить Бехрен без своей твердой власти, когда даже высшее духовенство — ятолы, которые, как предполагается, возглавляют как церковь, так и государство, не могут найти общего языка? Тем временем словесная перепалка между Периданом и Де Хамманом продолжала развиваться по нарастающей, пока наконец Чезру не стукнул кулаком по круглому столу светлого дерева и не вскочил столь стремительно, что опрокинул кресло.

— Ты заключаешь сделки с пиратами, ятол Перидан? — без обиняков спросил он.

Присутствующие на Совете жрецы рты пораскрывали от прямоты, с какой был поставлен вопрос. Одно дело, когда ятолы в чем-то обвиняют друг друга, и совсем иное, когда об этом спрашивает Чезру, Глас Бога…

— Великий, что ты имеешь в виду… — залепетал Перидан.

— Попытаюсь выразиться более точно, — спокойно ответил Эаким Дуан, — Ты заключаешь сделки с пиратами ради собственной выгоды или для пользы церкви?

Толстый ятол заерзал на кресле, явно выискивая способ уклониться от ответа, но Эаким Дуан пригвоздил его к месту испепеляющим взглядом — взглядом, отработанным на протяжении столетий и не оставляющим ни малейшей возможности увильнуть.

— Пираты платят десятину церкви, это так, Глас Бога… — в конце концов признался Перидан, опустив взгляд.

Остальные жрецы с беспокойством посмотрели друг на друга. Слова ятола Перидана, конечно, не были для них новостью, поскольку все знали правду о его взаимоотношениях с несколькими головорезами, промышляющими у побережья Бехрена. Но признать это в открытую перед Чезру Дуаном — подобное просто неслыханно!

Ятол Де Хамман откинулся в кресле и удовлетворенно скрестил на груди руки.

— И ты используешь эту… десятину на благо церкви и народа? — осведомился Эаким Дуан, и взгляды обратились к нему — в глазах присутствующих читалось все возрастающее удивление.

— Ну разумеется! — с энтузиазмом откликнулся Перидан, — И я не раз беседовал с предводителями пиратов о небогоугодном деле, которым они занимаются, Великий. Пытался направить их помыслы на путь истинный…

— Они убийцы! — взорвался ятол Де Хамман. — Все до одного жестокие убийцы!

Чезру поднял руку, призывая к молчанию.

— Это правда, ятол Де Хамман, — заявил он. — И я не испытываю симпатии к пиратам, которые топят наши корабли в темных глубинах океана. Но хотя они, без сомнения, убийцы, пираты, как я считаю, — неизбежное зло. Их суда подстерегали бехренские корабли у коралловых рифов и топили их на протяжении столетий. Они всегда были и всегда будут разбойничать в этих местах. Прими это как данность, и ты поймешь, что выгода, которую извлекает от их деятельности ятол Перидан, служит благу церкви.

— Благодарю тебя, Глас Бога… — начал ятол Перидан.

— Однако, — Эаким Дуан обвиняющим жестом ткнул пальцем в его сторону, — я бы не советовал морочить нам головы. Ты жалуешься, что ятол Де Хамман топит пиратские корабли, а вместе с ними и твою прибыль, но при этом совершенно не учитываешь его собственных нужд. Как ятол Де Хамман может править людьми, если те не будут верить, что он в состоянии защитить их? Поэтому нечего являться в Хасинту с жалобами на то, что многие верны законам, ятол Перидан. Нечего являться в Хасинту с жалобами на то, что стены твоего храма не выложены золотом.

Ятол Перидан опустил взгляд.

— Я все понял, Глас Бога.

— Хотелось бы и от остальных добиться хоть некоторого понимания, — продолжал Чезру. — В любом обществе существует неизбежное зло: такое, к примеру, как пираты, бесчинствующие на море. Мы пытаемся уменьшить это зло, но не должны совершать ошибки, отказываясь от выгоды, которую они могут принести. Вот ты, ятол Гриаш…

Он посмотрел на ятола, правящего в северо-западных областях Бехрена, простирающихся на границе с тогайским плато, главным городом которых был Дариан. Гриаш, лысый коренастый мужчина с глазами навыкате, фактически был сейчас наместником Чезру в покоренном Тогае. Гайсан Бардох, ятол, возглавлявший операцию по захвату тогайских степей, действовал столь жестоко, что Эаким Дуан вынужден был отозвать его оттуда. Конечно, в Тогае находились и другие жрецы — либо возвысившиеся из пастырей, молодые, неопытные, быстро сменяющие друг друга, либо выдвинувшиеся из тогайру, предатели собственного народа, к которым, естественно, у Дуана особого доверия не было. По-настоящему положиться он мог только на Гриаша, хитрого, на редкость бессердечного человека, — то, что надо, когда имеешь дело с дикарями кочевниками.

— Насколько мне известно, к западу от твоей территории бандиты-тогайру то и дело совершают набеги? — осведомился Эаким Дуан.

Ятол Гриаш сонно замигал, улыбнулся и кивнул.

— И ты не в состоянии додуматься до того, как заставить их поделиться с тобой? — спросил Чезру.

Гриаш, самый самонадеянный и уверенный в себе человек среди присутствующих — разумеется, после Эакима Дуана, — опять улыбнулся и кивнул, вызвав смешки со стороны остальных присутствующих.

— Неизбежное зло, — снова обратился ко всем Чезру. — На земле совершенства достичь невозможно: оно ждет нас после смерти. Мы знаем это, а раз так, я одобряю, когда, не проявляя публичной терпимости к подобным явлениям — это грозит потерей поддержки народа, — у церкви хватает ума извлекать из них выгоду.

Закончив, он устремил требовательный взгляд на ятола Де Хаммана.

— Я все понял, Глас Бога, — промямлил тот.

Бросив на ятола Перидана осуждающий взгляд, он тем не менее тут же покорно склонил голову, порождая в душе Эакима Дуана надежду на то, что по крайней мере эта проблема улажена.

А Чезру между тем был весьма заинтересован в таком исходе дела. Если грызня между Де Хамманом и Периданом будет продолжаться, она может достигнуть своего пика как раз в тот период, когда власть в Бехрене будет принадлежать Совету ятолов, а не Эакиму Дуану —

поскольку он будет находиться в утробе матери или же в теле младенца. Де Хамман и Перидан были влиятельнейшими членами Совета, и если между ними разгорится вражда, государство, которое унаследует Эаким Дуан в возрасте десяти лет, будет охвачено всеобщей смутой.

Если он вообще что-то унаследует, поскольку все эти междоусобицы запросто могут разрушить традиции, регламентирующие такой способ передачи власти в Бехрене.

Почувствовав смертельную усталость, Эаким Дуан покинул собрание. Он испытывал удовлетворение от того, что сумел загнать зверя в клетку — ну, хотя бы на время. Хотя и понимал, что ему еще не раз придется повторить свой урок двум заядлым спорщикам. И если он не сможет добиться достаточно надежного компромисса между ними, то вынужден будет продолжить виток этого земного существования — испытывая пренеприятнейшие боли по утрам и ловя снисходительные взгляды девушек из гарема, которые те бросают на него, когда думают, что он их не замечает.

Увидев мчащегося к нему по длинному коридору Мервана Ма с горящим от возбуждения лицом, Чезру понял, что труды текущего дня далеко не окончены.

— Глас Бога, — задыхаясь, промолвил юноша.

Эаким расправил плечи и устремил на него твердый взгляд.

— Из Энтела для встречи с тобой прибыл магистр Маккеронт.

Маккеронт — доверенное лицо аббата Олина, настоятеля Сент-Бондабриса; магистр церкви Абеля, обладающий немалым влиянием и являющийся главным связующим звеном между Эакимом Дуаном и северным королевством. Чезру приложил серьезное усилие, чтобы выдавить еле заметную улыбку, кивнуть и скрыть тревогу, вспыхнувшую при упоминании имени неожиданного посетителя. Если Маккеронт прибыл с плохими вестями — возможно, о смерти аббата Олина, — это создаст новые препятствия на пути к столь заботливо лелеемым им планам Возрождения.

— Я встречусь с ним в Кабинете Заката, — сказал Эаким, прошел мимо и свернул в следующий коридор.

Вслушиваясь в поспешные шаги Мервана Ма, шлепающего сандалиями по мозаичному полу, он от всей души надеялся, что новости с севера не сулят беды.

Магистр Филладоро Маккеронт, без сомнения, был одним из самых безобразных людей, которых Эаким Дуан когда-либо встречал. Его лицо покрывали оспины и пятна, красный набухший нос имел форму луковицы, зубы были кривые и желтые. К тому же шею и голову магистра «украшали» огромные бородавки, в том числе отвратительная, с тремя торчащими из нее толстыми черными волосками, прямо в центре высокого лба.

— Рад снова встретиться с тобой, Глас Бога, — с поклоном произнес Маккеронт.

Он прекрасно владел моданом, языком, широко распространенным в восточном Бехрене.

Повинуясь жесту Чезру, магистр опустился в кресло слева от него. Оба кресла были повернуты к окну, откуда открывался прекрасный вид на закат над бесконечными барханами пустыни. Эаким Дуан специально поставил их таким образом, отчасти потому, что ему нравился вид из окна, но главным образом руководствуясь ярко выраженным нежеланием лицезреть уродливого гостя. Ему приходилось вести с Маккеронтом дела, но смотреть на него! Нет, это было выше его сил, и принуждать себя к этому Чезру не собирался.

— Умерь мою тревогу: надеюсь, здоровье аббата Олина в порядке, магистр?

— Это так, Глас Бога. — Тон магистра был жизнерадостным. — Аббат Олин жив и вполне здоров, взгляд у него ясный.

— А ум острый.

— Совершенно верно, Глас Бога!

Эаким Дуан повернулся и посмотрел на безобразного магистра, в очередной раз отметив, что из-за отсутствия передних зубов губы у того уродливо запали. Как всегда в такие моменты, у него мелькнула мысль, не физическое ли уродство подтолкнуло Филладоро

Маккеронта в объятия абеликанского ордена. Монахи церкви Абеля никогда не одобряли связей братьев с женщинами, и, став одним из них, Маккеронт обрел убедительное оправдание той очевидной истине, что ни одна женщина не захочет делить с ним постель.

— Почему ты меня так называешь? — неожиданно спросил Эаким Дуан, и Мерван Ма за его спиной затаил дыхание. Маккеронт удивленно посмотрел на собеседника. — Ведь согласно твоей религии Гласом Бога я не являюсь, верно? Мы поклоняемся разным богам, вкладываем разный смысл в одни и те же слова, однако ты обращаешься ко мне, используя титул, предназначенный для моих доверенных помощников и жрецов-ятолов. Неужели, Маккеронт, магистр церкви Абеля, ты встал на путь истинной веры?

Обычно наполовину прикрытые веками глаза Маккеронта широко распахнулись. Он покачал головой, шевеля запавшими губами, словно пытаясь найти нужные слова для ответа, но не находя их.

— Или ты просто проявляешь учтивость? — продолжал Чезру с добродушным смешком, что позволило вздохнуть с облегчением как Маккеронту, так и Мервану Ма.

— Глас Бога, — начал Маккеронт, но тут же поправился: — Чезру Дуан, я всего лишь смиренный посланец своего господина, настоятеля Олина из аббатства Сент-Бондабрис.

Эаким Дуан даже не пытался скрыть улыбку. Ему нравилось наблюдать, как прихлебатели типа Маккеронта мгновенно поджимают хвост, стоит загнать их в угол.

— У меня не было намерения оскорбить тебя, — продолжал магистр. — Ни в коем случае! Я лишь проявил уважение к твоему положению, употребив титул, которым тебя заслуженно величают подданные.

— Заслуженно? — со смешком повторил Эаким Дуан, — Я родился в этом положении и ничего не «заслуживал», поскольку был избран самим Богом и его верховными служителями. Улавливаешь разницу?

Физиономия Маккеронта приобрела на редкость тупое выражение. Он, конечно, понимал ход рассуждений Дуана, поскольку был знаком с основами религии ятолов. Его ошеломили не слова как таковые, а тон, настойчивость и сам характер вопросов Чезру.

— Я недостаточно сведущ, чтобы заниматься сравнениями наших религий, Чезру Дуан, — после мгновенного замешательства ответил Маккеронт и, услышав смех Эакима Дуана, опасливо вжался в кресло.

— Никто и не предлагает тебе обсуждать эти проблемы, — беспечным тоном произнес Чезру. — Наши миры очень разные, магистр Маккеронт. Мы с аббатом Олином всегда понимали это, на том и держалась наша дружба на протяжении десятилетий. Мы принимали веру друг друга со смирением и уважением, хотя я-то всегда знал, что вы заблуждаетесь.

Маккеронт нахмурился; Эаким Дуан следил за всеми его движениями и непроизвольными жестами, взвешивая каждый шаг на своем шатком пути. Вообще-то он и сам до конца не понимал, почему повел себя так сегодня. Это было почти точное повторение беседы, которую он завел с молодым, только что возглавившим аббатство Сент-Бондабрис настоятелем Олином, стремясь к той степени взаимопонимания, без которой невозможно устраивающее обе стороны сотрудничество.

И вдруг Эаким Дуан осознал, что им двигало. Услышав, что прибыл Маккеронт, он подумал, что, может быть, Олин скончался. И тогда инстинкт подсказал ему, что нужно завести именно такую беседу с магистром Маккеронтом, возможным преемником Олина, потому что это был единственный способ сохранить с ним добрые отношения. Для Чезру, и в этой его инкарнации, и в следующей, будет выгодно, если магистр Маккеронт из аббатства Сент-Бондабрис глубже вникнет в религию ятолов и будет лучше понимать ее.

— Я знаю, что вы ошибаетесь, потому что я Глас Бога ятолов, — продолжал Эаким Дуан. — В точности так же, как отец-настоятель вашей церкви Агронгерр знает, что я… что мы, — взмахом руки он указал на Мервана Ма, — заблуждаемся в своих верованиях. — Чезру пожал плечами, будто на самом деле все это не имело особого значения. — Аббат Олин осознает это. И еще мы с ним пришли к пониманию весьма важной вещи — что, хотя верования у нас разные, цели тем не менее весьма схожи. Набожные монахи церкви Абеля

ближе последователям религии ятолов, чем разбойники на ваших дорогах, точно так же как жрецов-ятолов будут приветствовать у ваших небесных врат с большим энтузиазмом, чем пиратов, разбойничающих в наших прибрежных водах.

Произнося эту тираду, Эаким Дуан взглянул на Мервана Ма и заметил, что тот удивленно распахнул глаза. Ясное дело. Если бы Чезру не был уверен, что молодой человек сохранит все услышанное в тайне, он никогда не завел бы этого разговора в его присутствии. Ведь официально религия ятолов совершенно определенно и недвузначно высказывалась в отношении абеликанской церкви. А именно, считала ее проклятой уже за одно то, что ее адепты используют магические драгоценные камни. Религия ятолов считала эти камни орудием демона дактиля, а раз так, «набожным» монахам церкви Абеля придется долго дожидаться у входа в рай, обещанный ятолами.

В отличие от растерянного, сбитого с толку Мервана Ма магистр Маккеронт успокоился и слегка откинулся в кресле. Эаким Дуан заметил это и обрадовался: семена были брошены в благодатную почву.

— Довольно философии, — заявил он. — Уверен, ты пришел сюда не для того, чтобы обсуждать проблемы наших религий, да и мое время дорого. Что нового у аббата Олина?

Собираясь с мыслями, Маккеронт прочистил горло. Эаким Дуан старался не смотреть на него, устремив взгляд на линию гор на северо-западе.

— Аббат Олин прислал меня сообщить вам, что состояние здоровья отца-настоятеля Агронгерра ухудшилось, — заговорил наконец магистр. — Он очень стар и болен. В ближайшие год или два должна собраться Коллегия аббатов.

— И аббат Олин рассчитывает, что Коллегия аббатов назначит его на этот высокий пост?

— Рассчитывает. Хотя, конечно, у него есть соперники…

— Вот почему у нас выбор главы церкви доверен Богу, а не смертному, — прервал Маккеронта Эаким Дуан.

Магистру это замечание явно не пришлось по вкусу, однако он сдержал себя.

— В Санта-Мер-Абель есть один магистр, который может составить аббату Олину серьезную конкуренцию. И еще один, возможно. Тот помоложе, но ему повезло оказаться рядом с последователями брата Эвелина, который с помощью чуда своего завета спас Хонсе-Бир от ужасного бедствия. Этот человек еще не созрел для столь высокого поста, конечно, но многие поддержат его из-за всеобщего расположения к покойному брату Эвелину.

— Эвелин? Ах да, тот странствующий еретик, который взорвал гору и победил демона, — с еле заметным оттенком иронии откликнулся Эаким Дуан, — Вознес к небесам мертвую руку и совершил чудо, с Божьей помощью исцелив вашу страну от обрушившейся на нее розовой чумы.

Чезру подавил искушение заметить, что, логически рассуждая, это бедствие следовало бы рассматривать скорее как насланное Богом. И почему весь этот ужас не обрушился на Бехрен и его жрецов с их «варварской» религией?

Обычного смертного человека такие вопросы могли бы поставить в тупик. Но только не Эакима Дуана, просуществовавшего на этом свете уже не одно столетие и намеревавшегося жить вечно; его они лишь забавляли.

«Не сейчас, — мысленно остановил себя Чезру. — Не здесь и не с этим человеком».

— В какой степени этот молодой последователь брата Эвелина представляет угрозу для аббата Олина? — осведомился он.

Магистр Маккеронт пожал плечами, видимо довольный тем, что разговор свернул в другое русло.

— Молодой аббат Браумин Херд вряд ли представляет собой серьезного соперника. Сам он не претендует на этот пост, и если его имя вообще всерьез упоминается, то лишь из-за связи с деяниями Эвелина — тот теперь считается мучеником, а Браумин пользуется немалым уважением в Хонсе-Бире как со стороны церкви, так и государства. Второй соперник гораздо опаснее, и именно он больше всего беспокоит аббата Олина. Он имеет

значительное влияние в церкви, являясь фактически правой рукой немощного отца-настоятеля Агронгерра. С ним аббату Олину придется выдержать тяжелую борьбу.

«Последнему придется выдержать тяжелую борьбу, — эхом прозвучало в сознании Дуана. — Так вот зачем магистр Маккеронт здесь. Аббату Олину нужна помощь».

— Он готов к этому, — с энтузиазмом продолжал Маккеронт. — Аббат Олин понимает, как много выиграют обе страны, если именно он займет пост отца-настоятеля, в то время как в Бехрене правит Чезру Эаким Дуан. Возможно, тогда наши народы смогут забыть прежние распри. Возможно, тогда связи Хасинты и Энтела окрепнут настолько, что война никогда больше не будет угрожать нам.

— Энтела? — скептически спросил Эаким Дуан. — Постой, магистр Маккеронт. Если аббат Олин займет этот пост, разве по обычаю ему не придется переселиться на север, далеко от любимого Энтела, под мрачные своды аббатства Санта-Мер-Абель?

— Не исключено, — ответил Маккеронт уже чуть менее восторженно, — что аббат Олин поставит вопрос о переносе центра власти церкви Абеля в Энтел.

— Старые традиции отмирают с трудом.

— Или, если ему и впрямь придется переселиться в Санта-Мер-Абель, он непременно позаботится о том, чтобы аббатства Сент-Бондабрис и Сент-Ротельмор в Энтеле возглавляли люди, понимающие, как важны более тесные взаимоотношения между нашими народами. Аббат Олин заверяет, Великий, что его преданность тебе не имеет границ…

— Конечно не имеет, — прервал магистра Чезру, решив, что с него хватит. — Так что по возвращении в Энтел заверь и своего господина в моей не меньшей преданности ему. Хотя у меня есть подозрения, что тебе не придется ничего говорить, когда аббат Олин увидит, с каким грузом ты прибыл. — Он встал, надеясь, что магистр Маккеронт поймет намек.

Съевший в подобных делах собаку Маккеронт, естественно, его понял и поклонился, собираясь уходить. Мерван Ма бросился к двери, чтобы открыть ее перед ним.

— Возвращайся сразу же ко мне, — сказал юноше Эаким Дуан и посмотрел на магистра. — Я объясню доброму пастырю Ма, чем загрузить твои повозки.

— Ты необычайно великодушен, Глас Бога, — произнес ошеломленный Маккеронт и неуклюже поклонился.

Чезру лишь улыбнулся в ответ и сделал жест в сторону выхода, кивком дав понять Мервану Ма, чтобы тот поторопился. Потом, оставшись один, он снова опустился в кресло и устремил взгляд на великолепный вид, открывающийся из окна. Ожидая возвращения юноши, Эаким Дуан размышлял о происходящих вокруг него событиях и обдумывал обстоятельства, от которых зависело, когда он наконец сможет сбросить свою исстрадавшуюся бренную оболочку.

— Я не понимаю, Глас Бога, — спугнув легкую, приятную дремоту, послышался у него за спиной голос Мервана Ма.

Эаким вздрогнул и повернулся к нему, а юноша, осознав, что разбудил Чезру, смертельно побледнел.

— Прошу прощения… — залепетал он и, кланяясь, попятился к двери.

— Терпеть не могу, когда мои помощники ведут себя как последние идиоты, — холодно произнес Чезру. — Что это ты так всполошился? Ничего страшного не произошло.

— Да, Глас Бога.

— Так что ты сказал, когда вошел?

— Я сказал, что не понимаю, — ответил Мерван Ма. — Магистр Маккеронт вышел отсюда в прекрасном расположении духа.

— Я этого и добивался.

— Конечно…

— Ну, и чего ты тогда не понимаешь?

— Все, что касается… — начал юноша, но потом замолчал и с потрясенным видом покачал головой.

— Ты удивлен тем, что я способствую упрочению положения аббата Олина, оказывая ему финансовую помощь?

— Это дело церкви Абеля и тех, кто живет по ту сторону гор, Глас Бога. Не понимаю, зачем нам нужно вмешиваться. Конечно, аббат Олин твой друг…

— Мой друг? — Эаким Дуан от души рассмеялся. — Нет, никакой он мне не друг. Или, по крайней мере, я не называю его своим другом — за исключением, конечно, тех случаев, когда нужно убедить в этом кого-то вроде магистра Маккеронта. Между мной и аббатом Олином существует взаимопонимание, это так.

— И взаимное уважение?

— Он уважает меня, как и должно быть. Мы понимаем, какие выгоды сулит нам обоим сотрудничество. У него есть то, что необходимо Бехрену, а у меня — то, что требуется Хопсе-Биру. К примеру, золото, драгоценности, тогайские пони и прочее в том же духе, понимаешь?

— Да, Глас Бога, — неуверенно произнес Мерван Ма.

Чезру снова рассмеялся.

— Ты не можешь не понимать, насколько выгодным окажется для нас, если церковь Абеля возглавит такой человек, как аббат Олин. Город Энтел очень важен для Хасинты, через него поступают многие необходимые нам товары. Дерево, используемое в Хасинте, включая то, что идет на мачты для наших кораблей, доставляют сюда из Энтела морем, как и деликатесы, приятно разнообразящие наш стол.

— Это понятно. — Доводы Эакима Дуана, казалось, не слишком убедили явно взволнованного молодого человека.

— Но, с другой стороны, ты знаешь, что негоже помогать абеликанским язычникам, и именно это беспокоит тебя, — продолжал Чезру. Мерван Ма промолчал, но, судя по выражению его лица, Эаким Дуан попал в точку. — Дружеские и торговые отношения помогут нам проникнуть в северное королевство со словом ятолов. Мы знаем, что наша вера истинна, сильна и что церковь Абеля заблуждается в своем увлечении магическими драгоценными камнями. И мы добьемся того, что постепенно свет религии ятолов начнет открываться и им. Чем больше людей видит нас, тем более бесплодной в их глазах будет выглядеть жалкая религия церкви Абеля.

К концу этой тирады Мерван Ма принялся горячо кивать в знак согласия. Эаким Дуан понял, что должным образом разрешил проблему помощника. Конечно, на самом деле Дуан совершенно не верил в то, что провозглашал. Он прекрасно понимал, что любой, увидевший своими глазами переход духа Чезру в тело следующего избранного ребенка, будет потрясен и, скорее всего, рухнет на колени при виде этого «чуда». Однако он знал также, что монахи церкви Абеля и сами большие мастера творить чудеса. Учитывая всю суету, поднятую вокруг воздетой из пепла руки мертвого Эвелина и того, как она чудесным образом спасла Хонсе-Бир от постигшего страну ужасного бедствия, Эаким Дуан сознавал, что пройдет еще очень, очень много времени, прежде чем монахи абеликанского ордена хотя бы задумаются об изменении направления духовного пути.

И тем не менее он понимал, что возвышение Олина ему выгодно, хотел иметь союзников в северном королевстве, которые не будут оказывать давления на Бехрен во время Возрождения и, пусть ценой богатых подношений, в следующей инкарнации сделают его жизнь более спокойной и приятной.

— Взаимоотношения с церковью Абеля могут оказаться весьма важными в то трудное время, которое вскоре ожидает нас, — продолжал Эаким Дуан. Глаза Мервана Ма слегка расширились, и Чезру понял, что вложил в эти слова чуть больше страсти, чем требовалось. Он рассмеялся. — Чему быть, того не миновать, и ты знаешь, что входит в твои обязанности.

— Неужели ты не боишься, Великий?

Эаким Дуан с таким уверенным видом отмахнулся от этого вопроса, что плечи юноши поникли.

— Давай не начинать снова, мой юный друг. И учти: тебе явно не хватает веры, и мне

это не нравится.

Мерван Ма сделал шаг назад и опустил взгляд. Эаким Дуан был тронут, заметив в карих глазах юноши слезы.

Как переживает из-за него этот молодой набожный пастырь!

Он подошел к ссутулившемуся Мервану Ма, обхватил его за плечи и заставил стоявшего с убитым видом юношу поднять голову.

— Я обрету новую жизнь, и ты будешь охранять меня, пока мы не воссоединимся снова, — сказал старик, — В данном случае обещание ятолов следует понимать буквально. Я знаю это, потому что возрождался уже не один раз. Вот почему, мой юный друг, я действительно не боюсь. И после того, как ты станешь свидетелем Возрождения, после того, как услышишь в высшей степени разумные речи из уст младенца, ты станешь спать спокойно, в полной уверенности, что Бог с нами, что он сопровождает каждый наш шаг.

Добившись того, что Мерван Ма наконец улыбнулся, Эаким Дуан отослал его. Солнце уже почти скрылось, и он хотел в одиночестве насладиться закатом.

Однако уснул еще до того, как тьма опустилась на город.

ГЛАВА 5
РАЗРЫВАЯСЬ МЕЖДУ ДОЛГОМ И ДРУЖБОЙ

— Что случилось? — спросила Бринн, увидев, что эльф вскочил со своего места у костра и пересек маленькую поляну, где они решили заночевать.

Некоторое время Джуравиль пристально вглядывался в темноту леса, потом покачал головой. Его явно что-то встревожило, вот только он не мог объяснить, что именно.

— Я тоже это ощутила, — сказала девушка. — Что-то в воздухе… Вроде запаха смерти.

Белли'мар Джуравиль пристально посмотрел на тогайранку. Он действительно почувствовал в лесу что-то необычное; может, там было слишком тихо? Чуткая Бринн дала очень неплохое, хотя и не совсем точное определение.

— Нет, не смерти, — поправил он ее. — Гниения. Как будто на земле лежат трухлявые бревна.

— Вокруг нас и впрямь много поваленных деревьев.

Эльф покачал головой.

— Нет, это другое, — сказал он, по-прежнему не находя точных слов.

Действительно, можно было сказать, что в воздухе ощущается влажность и легкий запах гниения, хотя эта неделя выдалась сухой и поблизости не было ни ручьев, ни болот, ни озер.

Что бы это могло быть?

— Запах становится ощутимее, — спустя несколько мгновений заметила девушка.

Она подошла к Джуравилю, который замер у края поляны, напряженно вглядываясь в глубину леса.

Тот кивнул. Поскольку ветра не было, это могло означать одно: источник запаха приближается к ним. Вскоре запах стал настолько силен, что Джуравиль сморщил нос. И в тот же момент понял, что это такое.

— Торф.

Он резко повернулся, заметив стремительное движение в лесу.

— Торф? — с любопытством переспросила Бринн.

Эльф понял, что ей это слово незнакомо. Однако сейчас было не до объяснений, поскольку нечто — или, возможно, несколько этих нечто — уже появилось из леса.

Он пригнулся и отступил в тень, острым взглядом внимательно изучая обступившие поляну деревья. Снова какое-то движение под ними, чуть в стороне. И сейчас он разглядел силуэт. Слишком крупный для эльфа, поври или гоблина, с облегчением понял Джуравиль. Похож скорее на человека, но стоит слишком прямо и движется как-то странно, почти не

сгибая корпуса и ног.

— Возвращайся к костру, — сказал Джуравиль. Сначала у него мелькнула мысль велеть тогайранке загасить костер, но он тут же понял, что опоздал с этим, поскольку, кто бы ни прятался в лесу, огонь он уже заметил. — Подбрось дров и держи лук наготове.

— Что ты видишь?

— Ступай, — повторил эльф и скользнул под прикрытие ветвей.

Скорее всего, это люди — охотники или трапперы из приграничных селений. А может, отщепенцы, изгнанные из цивилизованного мира. В любом случае, для Джуравиля и Бринн будет лучше, если они не заметят эльфа.

Бринн Дариель выглядела совершенно спокойной; девушка и в самом деле не испытывала волнения. Она — рейнджер, прошедшая обучение у эльфов, и что бы там Джуравиль ни углядел в темноте, она с этим справится. Ее пальцы крепко сжимали гладко отполированный эльфийский лук из серебристого папоротника, его дуга была пронизана тонкими волокнами серебра, которые папоротник вытягивал из земли.

Тогайранка была совершенно уверена, что они с Джуравилем выстоят против кого угодно.

Но то, что спустя мгновение появилось в свете костра, ошеломило как ее, так и эльфа.

Существо напоминало крепкого коренастого человека, «медведя», как иногда называли жителей Хонсе-Бира, но с ног до головы его покрывала грязь вроде той, которая остается под ковром мха после затяжных весенних дождей. Оно двигалось неестественно прямо, на негнущихся ногах и было более чем на фут выше Бринн. Вся его изодранная одежда тоже пропиталась грязью, а глаза…

Когда тогайранка заглянула в них, по спине у нее побежали мурашки. В глазах странного существа отражался огонь костра, но ни малейшей внутренней искры в них не было; они выглядели совершенно безжизненными.

Это были глаза мертвеца.

— Чего ты хочешь? — закричала Бринн; вскочив на ноги, она схватила лук и наложила на тетиву стрелу. — Кто ты?

Человек — или зомби — никак не прореагировал на слова девушки, продолжая двигаться к ней, и тогайранке пришлось попятиться, чтобы сохранить дистанцию между ними. Правда, за спиной тоже послышались звуки, и Бринн поняла, что бесконечно пятиться не сможет.

— Стой! — снова закричала она, но существо продолжало приближаться. Девушка прицелилась.

— Это не человек, — послышался откуда-то сверху голос Джуравиля. — Стреляй!

И когда существо сделало еще шаг вперед, Бринн выстрелила. Стрела угодила ему точно между глаз.

Оно вздрогнуло, сбилось с шага и наклонилось в сторону, но всего лишь под воздействием инерции, с ужасом поняла тогайранка. В целом существо явно не пострадало, тут же выпрямилось и опять зашагало вперед.

Девушка выстрелила снова, на этот раз целясь в сердце. Стрела насквозь пробила грудь и вышла с другой стороны, проделав в туловище чудища дыру, из которой потекло что-то вроде зеленоватого молока.

Оно прошло мимо костра, а Бринн отскочила в сторону и приготовила новую стрелу.

Существо приближалось медленно, но неотвратимо.

Тогайранка выпустила еще одну стрелу, и еще. Выстрелы, которые, несомненно, свалили бы с ног любого человека, казалось, не причиняли никакого видимого вреда странному существу.

Мелькнула мысль отступить, и Бринн повернулась к тому месту, где был привязан Сумрак.

И замерла, от ужаса открыв рот. Ее жеребца окружали несколько жутких, источающих

смрад гниения созданий, этих оживших мертвецов из ночных кошмаров.

Нет, она не отдаст им Сумрака! Ни за что! Девушка одним движением запястья сняла тетиву, превратив лук в смертоносную дубинку. Зрелище ржущего Сумрака, нервно переступающего с ноги на ногу и уже отшвырнувшего одного зомби в кусты ударом копыта, заставило Бринн забыть о страхе за себя. Она бросилась в атаку, вложив всю энергию во вращение посоха.

Удар, сопровождающийся отвратительным чавкающим звуком, пришелся по голове одного из существ, оставив в ней огромную вмятину. Он наклонился в сторону и запрыгал на одной ноге, но не упал и, видимо, не испытывая никакой боли, тут же снова пошел в наступление.

Тогайранка нанесла ему новый удар. Снова попала по голове и, увидев, что цель по-прежнему не достигнута, перехватила посох и ткнула им прямо в лицо мерзкому созданию, не делающему никаких попыток защититься.

Голова зомби откинулась назад, однако он продолжал надвигаться на нее.

И снова Бринн ударила его в лицо, а потом в незащищенное горло. Без толку. Перехватив посох, она, вращая его, принялась наносить противнику удары.

Голова зомби моталась из стороны в сторону, словно никак не связанная с шеей. Девушка отскочила в сторону, а чудище продолжало двигаться в прежнем направлении, широко раскинув руки и как будто не видя ее. Когда оно прошло мимо, Бринн перехватила посох обеими руками и со всей силы ударила его по затылку.

Голова снова качнулась, зомби начал поворачиваться к Бринн, но повалился на землю.

Даже не взглянув на него, тогайранка набросилась на двух других существ, подбирающихся к Сумраку сзади. Прыгнув, приземлилась между ними и заработала посохом, нанося ужасные удары по головам зомби.

Сумрак отчаянно ржал, становился на дыбы, молотил в воздухе передними ногами. Бринн быстро распустила удерживающую его привязь.

— Беги! Беги! — закричала она Сумраку, и жеребец, становясь на дыбы, подпрыгивая и таща за собой двух зомби, бросился в ночной лес.

Слезы текли по лицу девушки, но она была рада, что, по крайней мере, у Сумрака есть шанс спастись. Что касается ее самой, то ни о каком бегстве теперь не могло быть и речи — зомби надвигались со всех сторон. Она ринулась на ближайших чудищ, разя их посохом. Увертываясь, пригибаясь и отпрыгивая, она каким-то образом сумела прорвать их круг.

Однако впереди замаячили новые существа, а один из оставшихся за спиной, рухнувший на землю под ударом Бринн, с нечеловеческой силой вцепился ей в лодыжку.

Тогайранка отчаянно закричала, вырываясь из лап зомби, и сумела, по крайней мере, устоять на ногах. Повернувшись, она нанесла удерживающему ее чудищу несколько сильных ударов по голове.

Остальные между тем постепенно сужали круг.

Упавший на землю зомби не двигался, точно возвратившись в царство смерти, которому принадлежал, но тем не менее не выпускал тонкую лодыжку Бринн. Она отчаянно брыкалась и колотила по его пальцам свободной ногой.

И в этот момент остальные зомби всем скопом навалились на девушку.

Притаившись высоко на дереве, Белли'мар Джуравиль посылал стрелу за стрелой в круг нападающих. В отличие от Бринн он сразу же понял, что перед ним создания, вставшие из могилы, и поэтому не колебался ни мгновения.

Колчан уже наполовину опустел, прежде чем эльф осознал, что его выстрелы не производят совершенно никакого эффекта.

Испустив тяжкий вздох разочарования, Джуравиль перебрался на ветку пониже, прямо над головами чудищ. Полностью сосредоточив внимание на Бринн и Сумраке, ужасные создания, похоже, не замечали его, что дало эльфу возможность, перескакивая с ветки на ветку, оказаться над одним из зомби, слегка отбившимся от товарищей.

Маленький меч стремительно опустился, глубоко уйдя в голову ожившего мертвеца.

Зомби остановился и тупо оглянулся.

Джуравиль нанес второй удар, а потом третий, прямо в лицо, когда чудище подняло голову.

Вроде бы не испытывая боли, оно протянуло негнущиеся руки к стремительно перемещавшемуся эльфу. Джуравиль, не теряя времени даром, полоснул по одной руке зомби, а потом по другой, отрубив несколько пальцев. Из обрубков хлынул зеленоватый, отвратительно пахнущий гной. Эльф отпрянул, а зомби, по-видимому, поняв, что не доберется до него, обеими руками вцепился в ветку и начал подтягиваться вверх.

Джуравиль тут же воспользовался этим. Держа меч обеими руками, он прыгнул в пространство между руками зомби и вонзил лезвие ему прямо между глаз. Однако оживший мертвец, казалось, не обратил на это никакого внимания.

Не веря собственным глазам, эльф вложил всю энергию в новый удар.

Зомби медленно повернулся, перекинул одну ногу на ветку, и эльф быстрыми движениями несколько раз полоснул по ней, пока та не отвалилась. Монстр тоже полетел вниз, вцепившись в ветку одной рукой.

Джуравиль отрубил и эту руку.

Чудище свалилось на землю и предприняло несколько попыток встать на ноги, однако каждый раз снова падало.

Глядя, как монстр бьется в бесплодных попытках подняться, в то время как любое живое создание уже успокоилось бы навек, эльф понял, что эту схватку выиграть невозможно. Каждый зомби в одиночку не был серьезным противником, но чтобы справиться со всеми, понадобилось бы слишком много времени.

— Нужно бежать! — крикнул Джуравиль.

Услышав, как неистовствует Сумрак, он кинулся в ту сторону и вскоре увидел и лошадь, и тогайранку.

Бринн сражалась великолепно, надо отдать должное и ей самой, и ее наставникам. Посох стремительно взлетал над головой девушки, нанося разящие удары. Или, по крайней мере, их можно было бы назвать разящими, будь перед ней противники из плоти и крови.

Джуравиль видел, как она ценой героических усилий прорвалась к Сумраку и освободила его. Для Бринн это было важнее всего, и, несмотря на тяжесть ситуации, губы эльфа тронула мимолетная улыбка. Любой тогайранец не раздумывая рискнет жизнью, чтобы спасти коня.

Зомби между тем надвигались на девушку.

Белли'мар Джуравиль прекрасно знал, что ему следовало не сидеть на суку, а кинуться ей на выручку. И все же не двинулся с места.

Потому что он понимал, что им не выиграть этого сражения — и даже не сбежать. Или, по крайней мере, Бринн вырваться не удастся.

Сердце эльфа разрывалось на части. Прикусив нижнюю губу, он с такой силой стиснул рукоятку меча, что побелели костяшки пальцев. Он страстно желал кинуться на помощь тогайранке, сражаться бок о бок с ней и умереть рядом, если так повернется дело. Он знал, что с радостью отдал бы за нее жизнь.

Но не мог позволить себе этого.

Потому что значение происходящего выходило далеко за рамки просто жизни Белли'мара Джуравиля и Бринн Дариель и даже за рамки провала плана возвращения Бринн в тогайские степи с целью поднять мятеж против Бехрена. Тот кошмар, который сейчас разворачивался на глазах у эльфа, имел чрезвычайное значение для всего народа тол'алфар. Он понимал, в чем состоит его долг, хотя это понимание разбивало ему сердце. И все же долг перед народом был выше долга дружбы с Бринн, и этот долг заключался в том, чтобы немедленно вернуться в Кер'алфар, рассказать обо всем госпоже Дасслеронд и предостеречь эльфов от бродящих в лесах на юге восставших из могил мертвецов.

Джуравиль видел, как зомби всей толпой повалили девушку на землю, несмотря на то

что она упрямо продолжала сопротивляться.

Эльф собрался уже было подняться повыше и направиться на север.

Он остановился, не сделав и трех шагов.

Нет, он не мог так поступить. Кодекс чести эльфов ставил представителей всех других разумных рас, в том числе и людей, даже тех, из кого они сами воспитали рейнджеров, существенно ниже тол'алфар. И тем не менее Белли'мар Джуравиль не мог бросить Бринн, предоставив ее судьбе.

То, что она сделала для Сумрака, он должен сделать для нее. Эльф повернулся и ринулся в бой, яростно размахивая маленьким мечом.

Сумев оторвать от тогайранки одного зомби, он обрушился на двух других и яростными взмахами меча заставил их отступить, создав таким образом прореху в оцеплении, через которую Бринн смогла бы вырваться. Она между тем каким-то чудом снова поднялась на ноги и тут же кинулась в бой.

Широко расставив руки, девушка держала посох горизонтально перед собой. Отогнав двух зомби, она с силой нанесла удар в лицо третьему.

Теперь они с Белли'маром Джуравилем сражались спина к спине.

— Нам не вырваться! — закричала тогайранка.

— В таком случае, умрем достойно, — хладнокровно ответил эльф.

Жестоко, без устали один работал мечом, а другая посохом, но стена зомби смыкалась вокруг них все теснее.

Однако им все же удалось свалить нескольких тварей, а остальных отогнать в сторону костра.

Джуравилю первому пришло в голову, какое новое оружие можно попытаться применить против этих чудищ. Схватив горящую ветку, он ткнул ею в лицо ближайшего зомби. Повалил вонючий дым, но эффект был не больше, чем от меча или посоха. Руки обившего мертвеца пылали, и все же он продолжал тянуть их к эльфу.

Правда, от первого тут же загорелся и второй зомби.

— Жги их, жги! — закричал Джуравиль; в его голосе была слышна вновь вспыхнувшая надежда.

Бринн среагировала молниеносно. Отпихнув посохом одного из чудищ, она бросилась к костру в отчаянной попытке найти подходящую ветку. Схватила длинный прут, обожгла руку и, не обращая внимания на боль, ткнула его горящий конец в глаз зомби.

Казалось, в ходе сражения наступил перелом. Горящие ветки заставили оживших мертвецов отступить. Один упал, пылая как факел; за ним вспыхнул другой; через мгновение — еще один.

И все же эльф и тогайранка понимали, что им не выиграть сражения. Зомби было слишком много, а запас горящих веток невелик.

— Прорывайся и беги! — закричал Джуравиль.

Бринн кивнула, бросилась вперед, намереваясь проскочить рядом с эльфом, и вдруг резко остановилась, почувствовав в шее жжение. Подняла руку и коснулась этого места; на лице ее отразилось крайнее изумление.

— Бринн? — в тревоге крикнул эльф.

Она снова рванулась вперед, сунула головню в лицо зомби и заставила его отступить.

Но потом прямо на глазах у Джуравиля ее движения неожиданно и необъяснимо замедлились.

— Бринн! — снова закричал он и ткнул факелом в зомби, которого тут же охватило пламя.

Девушка рухнула на землю, и монстры навалились на нее, осыпая ударами.

Джуравиль не мог прорваться к подруге, был не в силах ей помочь.

Вот теперь ему точно надо было уходить, мчаться назад, в Кер'алфар, чтобы сообщить эльфам ужасные новости. Он круто развернулся, описывая факелом круг и отгоняя монстров. Потом швырнул факел в лицо одному из них, подпрыгнул и, взмахнув крыльями, устремился

к ветке над головой.

И тут один из зомби схватил его за лодыжку.

Джуравиль вырывался изо всех сил. Однако маленькие крылья тол'алфар предназначены не для полета, а скорее для усиления прыжков. И зомби сжимал его ногу слишком сильно.

Эльф почувствовал, что его разворачивает в сторону, и увидел дерево прежде, чем врезался в него.

Со звоном в ушах рухнув на землю, он подумал о Бринн и о том, что не смог помочь девушке.

Джуравиль увидел, как зомби подняли Бринн, снова швырнули на землю. Теперь она не оказывала никакого сопротивления; ему показалось даже, что тогайранка уже мертва.

Он продолжал отчаянно отбиваться от зомби, пытаясь вырваться на свободу. Почувствовав, что хватка ослабела, эльф вскочил и сделал два быстрых шага в сторону.

Однако его тут же схватили снова. Беспомощный, уже теряя сознание, Джуравиль увидел направляющегося к нему монстра, охваченного пламенем.

С последним проблеском сознания мелькнула мысль, что ему повезло, — тьма обрушится на него прежде, чем он сгорит заживо.

ГЛАВА 6
ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА ЯТОЛОВ

Длинный караван змеился по разбитой глинистой дороге. Он напоминал гигантскую многоножку, туловище которой составляли верблюды и крытые повозки, а ноги — верховые солдаты. В центре, в самой вместительной карете, восседал ятол Гриаш, то и дело жалующийся на жару, хотя служанки, хорошенькие молодые женщины, усердно махали опахалами и беспрестанно вытирали ему лоб влажными полотенцами.

— Ненавижу! — в который уже раз повторил ятол. — С этими проклятыми ру приходится трудиться, не ведая отдыха.

Две его служанки с длинными волнистыми волосами и миндалевидными глазами были из племени тогайру, однако и ухом не повели, услышав это замечание, поскольку давно привыкли к отвратительным манерам Гриаша.

— В отдаленных поселениях обеспокоены тем, что разбойники день ото дня ведут себя все более дерзко, — заметил Карвин Пестль, пастырь, советник Гриаша, один из шести человек, сидящих во вместительной крытой повозке.

Первоначально караван, направляясь в Дариан, город, где властвовал ятол Гриаш, прокладывал путь вдоль южных отрогов Пояса-и-Пряжки. Они отошли совсем недалеко от Хасинты, когда посланцы из храма Эаминос в Дариане отыскали их и доложили правителю, что разбойники тогайру, и прежде бывшие бельмом в глазу ятола Гриаша, в последнее время совсем обнаглели. Это, конечно, сильно тревожило отдаленные деревни в Коркорке, области к юго-западу от Дариана, где жили переселенцы из Бехрена, рискнувшие обосноваться в тогайских степях.

Ятол Гриаш усердно поощрял создание таких поселений, считая, что его деятельность во многом станет легче, если бехренские поселенцы начнут цивилизовывать дикие тогайские степи. Но на первых порах, естественно, возникали трудности, донельзя раздражавшие не слишком-то любившего утруждать себя ятола.

Ему пришлось изменить маршрут каравана, с тем чтобы проследовать прямо в Коркорку, не заходя в Дариан.

Гриаша сопровождали двести солдат, в том числе двадцать воинов чежу-лей, известных боевым мастерством и чрезвычайной свирепостью. Он проучит этих псов ру. Хотя от Дариана до границы с тогайскими степями было недалеко, путь их ожидал нелегкий. Предстояло несколько лишних дней неудобств, и ятола Гриаша это страшно раздражало.

Откинувшись на спинку сиденья, он смотрел в окно на унылый, простирающийся до

самого горизонта ландшафт. Далеко на севере можно было разглядеть уходящие в небо горные пики. Гриашу хотелось вернуться в прохладную тень дворца с его роскошью, свежей обильной пищей, чистой водой купален и пышнотелыми покорными женщинами.

Однако ятол Гриаш понимал, что единственный способ обеспечивать и дальше безопасность драгоценного дворца состоит в том, чтобы железной рукой править подвластными ему землями. Он ненавидел тогайру, этих варваров кочевников; по большому счету он их и за людей-то не считал.

Гриаш посмотрел на тогайранских служанок и похотливо улыбнулся. Вот их женщины ему нравились, тут он ничего сказать не мог.

— Как у жителей Дуан Кел идут дела со строительством защитной стены? — спросил он Карвина.

Это большое поселение, имевшее чрезвычайную важность для бехренцев, названное в честь Чезру, чаще других подвергалось набегам тогайранских разбойников.

— Они трудятся без устали, ятол, — отозвался Карвин Пестль. — Но им очень нелегко. Воду приходится доставлять издалека, посевы требуют постоянного ухода. Их охотники еще не изучили повадки местной живности и часто возвращаются без добычи. Поселенцев не так уж много, но они делают все, что в их силах. Как только возникает возможность, режут блоки для защитной стены.

— А почему они не используют для этой работы тогайранцев?

— Многие из них ушли, ятол. Летом тогайру обычно кочуют в нагорьях.

— А многие бродят в степях неподалеку, дожидаясь возможности стащить что-нибудь у наших людей.

— Жизнь здесь трудная, — мрачно заключил, кивнув, Пестль.

Гриаш откинулся на сиденье, глядя в окно кареты и обдумывая новые тяжкие обязанности, легшие на его плечи после того, как Чезру Дуан решил, что для Бехрена настало время «цивилизовать» древнюю провинцию Тогай. Да, его покорение дало Бехрену множество рабов и великолепных рослых пони, столь ценимых жителями Хонсе-Бира. Однако ятол, почти ежедневно сталкиваясь с трудностями удержания в узде дикого степного народа, по-прежнему сомневался, имело ли смысл все это затевать или, иначе говоря, стоила ли игра свеч.

У Гриаша хватало соображения понимать, что бехренцы плохо приспособлены к жизни в продуваемых ветрами тогайских степях. Сколько лет пройдет, прежде чем поселенцы приспособятся к новым условиям? И сколько охотничьих сезонов пропадет впустую, прежде чем они изучат повадки местных животных?

Однако Хасинта приказала продолжать строить новые поселения, продвигаясь все дальше и дальше на запад, с тем чтобы способствовать ассимиляции тогайру. Ятол Гриаш отличался практичным складом ума, слишком религиозным он не был, но из осторожности считал необходимым всегда следовать указаниям Чезру буквально.

Поэтому и сейчас он откликнулся на призыв из Коркорки. Позже в тот же день, когда палящее летнее солнце начало опускаться за горизонт, посланные вперед верховые доложили, что стены Дуан Кел уже показались в поле зрения.

— Будем продолжать двигаться и в темноте, — распорядился ятол Гриаш. — Пошлите вперед всадника, пусть скажет поселенцам, чтобы они выставили сигнальные огни.

— Путешествие в темноте чрезвычайно опасно… — начал было Карвин Пестль, но умолк, встретившись с недовольным взглядом Гриаша.

— Просто держитесь плотнее, по три повозки в ряд, — распорядился ятол и обратился к командиру охранявшего караван отряда, воину чежу-лей, носившему имя Вен Атанн: — Вы ведь сумеете защитить нас от тогайранских головорезов?

Вен Атанн, надменный и преданный, очень прямо сидел на лошади, устремив на ятола холодный непреклонный взгляд.

— Разумеется, ятол.

Ятол Гриаш прикрыл окошко, поскольку в степях даже летом с заходом солнца

палящую дневную жару невероятно быстро сменял ночной холод.

Он дал знак девушкам прижаться к нему со всех сторон: пусть греют его как живые одеяла.

Вообще-то больше всего на свете ему хотелось сейчас очутиться дома, однако Гриаш относился к тому типу людей, которые в любых обстоятельствах умеют устроиться с удобствами. Даже эта ночная дорога оказалась не лишена приятности.

Он заранее знал, что будут рассказывать жители Дуан Кел: разбойники тогайру постоянно нападают на поселение и угоняют домашний скот.

— Что ты думаешь об этих головорезах? — спросил ятол Гриаш у советника, когда они остались одни. Относительно одни, конечно, но ведь служанок ятол за людей не считал.

— Молодежь, — после некоторого раздумья отозвался Карвин Пестль. — Может быть, даже подростки. Тогайру постарше действуют более целенаправленно и жестоко.

— Поскольку цель ру постарше — не просто домашний скот, — заметил Гриаш, и Карвин горячо закивал.

— Да уж. Если они нападают, то вырезают всех бехренцев, включая женщин и детей, — вздохнул он.

— Потому что преступники постарше — хвала Всевышнему, их осталось совсем немного — сражаются с именем языческих богов на устах, уверенные, что, убивая бехренцев, мостят себе путь на небеса, как они их себе представляют, — объяснил ятол. — Они фанатики, а фанатики — самые опасные враги, мой юный ученик.

— Вроде наших чежу-леев? — осмелился спросить Карвин.

— И всегда самые лучшие союзники, — с хитрой улыбкой закончил ятол Гриаш. — Ну, скажи, что нам делать с этими разбойниками? Как найти их в открытой пустыне?

Карвин Пестль откинулся на спинку сиденья и задумался. Поселенцы, конечно, постепенно осваивали окружающие пространства, но никто не знал эти места так, как тогайру. Холмистый ландшафт Коркорки прорезали неожиданно открывающиеся глубокие ущелья. Гоняться за тогайру здесь, на их собственной земле, представлялось ему бесполезным делом.

— Мы можем преследовать их до конца своих дней, — продолжал ятол Гриаш, безошибочно прочтя мысли собеседника на его лице. — И они будут при любой возможности нападать на нас исподтишка. Кроме того, эта погоня таит в себе еще одну опасность, выходящую за рамки прямого ущерба, который они в состоянии нам причинить. Как думаешь, какую? — Молодой пастырь молчал. — Мы превратим банду разбойников-молокососов в отряд, о котором станут рассказывать совершенно невероятные вещи, — продолжал Гриаш, не дождавшись ответа. — И эти вымышленные истории породят у тогайру надежду на то, что бехренцев можно изгнать с их земли.

— И что же нам тогда делать, ятол?

— Здесь неподалеку раскинули лагерь кочевники, — ответил Гриаш. — Утром мы нанесем им визит.

Тон, каким были произнесены эти слова, заставил волосы на затылке Карвина встать дыбом. Что-то в выражении лица ятола Гриаша, возможно усмешка, но больше всего самодовольный решительный взгляд, подсказало пастырю, что его господин настроен решить эту трудную задачу.

Причем любой ценой.

На следующий день караван остался в Дуан Кел: в путь отправилась лишь карета ятола. Правда, ее сопровождали весь его военный эскорт и несколько жителей Дуан Кел, знающих кое-кого из кочевников.

Карвин Пестль ехал вместе с Гриашем. Поначалу он пытался было завязать беседу, но быстро понял, что ятол взволнован и хочет побыть наедине со своими мыслями. Пестль догадывался, что должно произойти, поскольку ему уже приходилось видеть Гриаша в таком настроении; это обычно происходило перед тем, как тому предстояло подписать смертный

приговор. Как ятол Дариана, Гриаш являлся главным судьей и в этом качестве отдавал распоряжения о наказании осужденных преступников. Похоже, эти обязанности не доставляли ему особого удовольствия, но он никогда не уклонялся от их исполнения.

Вскоре после полудня, услышав сообщение о том, что лагерь кочевников уже виден, Карвин высунулся из окна. Его, никогда не видевшего шатров тогайру, разбирало любопытство.

Карета поднялась на гребень холма и остановилась. Сверху взору Пестля открылся длинный пологий спуск к широкой, мелкой, извилистой реке. В ее излучине раскинулись шатры кочевников, к бледно-голубому небу лениво поднимался дым костров. Насколько Карвин мог видеть, лошадей в лагере не было, но довольно большое их стадо паслось неподалеку: вряд ли это были дикие животные.

Всадники из эскорта ятола оцепили лагерь, оставив единственно открытым проход к воде. Ушей Карвина коснулись испуганные крики; это были голоса женщин и детей. Спустя некоторое время Вен Атанн подал сигнал, что лагерь окружен, возница кареты щелкнул хлыстом, и та покатила в лагерь кочевников.

По мере приближения к шатрам Карвин Пестль понял, что правильно расценил донесшиеся до него крики; похоже, взрослых мужчин в лагере не было.

Вен Атанн подъехал к ним и доложил:

— Все спокойно, ятол.

— Оружия не видно?

— Нет. Здесь только дети, старики и женщины.

Карвин Пестль с любопытством посмотрел на Гриаша и высказал предположение, что, возможно, мужчины отправились на охоту.

— Может, и на охоту, конечно. Однако хорошо известно, что тогайру обычно охотятся рано утром, — с усмешкой отозвался ятол. — На самой, я бы сказал, заре.

— Но…

— Сразу же возникает совершенно естественный вопрос, мой юный друг: если они и в самом деле на охоте, то на кого в данный момент охотятся?

Пестль откинулся на спинку сиденья, изумленно глядя на ятола. Им — даже живот от этого свело — начало овладевать весьма скверное предчувствие.

Ятол Гриаш медленно вышел из кареты и пристально оглядел все, что попало в поле его зрения: стоящие вкруговую шатры кочевников и множество маленьких детей, выглядывающих из них.

— Эти люди размножаются как кролики, — со смешком заметил ятол. — Найдите, кто главный в этом жалком лагере.

Вен Атанн сделал знак одному из жителей Дуан Кел подойти к нему. Они вместе пошли по лагерю: чежу-лей говорил что-то поселенцу, а тот переводил его слова на тогайский.

Везде наблюдалась одна и та же картина: покачивание головы, потом Вен Атанн рявкал что-то, а поселенец повторял, уже более настойчиво.

Но и это не приводило ни к какому результату. Тогда Вен Атанн делал шаг вперед, движением руки приказывал тогайранцу опуститься на землю и в сопровождении поселенца отправлялся дальше.

— Они напуганы, — объяснил Гриаш Карвину. — Не отвечают, потому что не знают, что сказать.

— Ваш человек, Вен Атанн, внушает им страх.

— Отнюдь, — отозвался ятол Гриаш, — Они не знают, что сказать, потому что боятся сказать правду. Эти глупцы не успели придумать правдоподобную ложь, никак не ожидая, что им придется столкнуться с такой силой. Нерешительность выдает их, понимаешь?

— Понимаю, ятол.

— В самом деле? — Гриаш повернулся к Карвину, пристально вглядываясь в его лицо. — Ну, так почему они боятся?

Пестль знал ответ, но никак не мог решиться произнести его вслух.

— Потому что они виновны, — сказал он наконец.

Ятол медленно кивнул, прищурился и снова обратил взгляд на тогайру.

Карвин Пестль не мог отказать этому рассуждению в логике. Для него было очевидно, что жители селения если и не были в сговоре с бандитами, то, по крайней мере, знали о них. Но при виде всех этих перепуганных женщин, детей и стариков слово «виновны» казалось не слишком подходящим.

Его внимание привлекла неожиданно возникшая суматоха чуть в стороне. Из шатра выскочил бехренский солдат, пинками гоня перед собой юношу тогайранца.

— Они говорят, что все мужчины на охоте, ятол, — доложил Вен Атанн.

— Похоже, все, кроме одного.

Солдат подошел к Вен Атанну и толкнул юношу к ногам командира.

чежу-лей кивнул двум другим солдатам, они тут же сорвались с места и скрылись в шатре.

— Кто это? — спросил ятол Гриаш, и бехренский поселенец перевел его вопрос женщине, с которой разговаривал прежде.

Женщина замешкалась с ответом, и переводчик, уже повышенным тоном, снова повторил вопрос.

Вдруг она произнесла что-то, причем так выразительно, что сразу чувствовалось — лжет; это поняли даже те, кто не знал тогайского языка.

Потом неожиданно наступила тишина. Женщина и переводчик сверлили друг друга настороженными взглядами.

— Где остальные? — спокойно спросил ятол Гриаш; переводчик повторил его вопрос.

— Нет остальных, — ответила женщина.

И Гриаш, и Карвин поняли смысл ее ответа без перевода.

— Где остальные? — повторил ятол.

Женщина дала тот же самый ответ. Поселенец собрался перевести его ятолу Гриашу, но тот поднял руку, останавливая его, и посмотрел на Вен Атанна.

— Здесь нет деревьев, чтобы его вздернуть, — произнес ятол. — Сожгите его!

У Карвина глаза полезли на лоб.

— Ятол… — начал было он, но взгляд Гриаша недвусмысленно дал понять, что его решения не подлежат сомнению.

Вен Атанн отрывисто бросил распоряжения. Вскоре пленника оттащили в сторону, распластали на земле и связали ему руки и ноги. Все попытки сопротивления пресекались ударами.

Тогайранцы разразились громкими криками, но солдаты не подпускали их к пленнику.

Гриаш кивнул Вен Атанну, и тот — явно не новичок в такого рода экзекуциях — поджег факел. Один из солдат подбежал к нему и вручил мех, в котором булькала какая-то жидкость.

Масло для ламп, понял Карвин Пестль. Он буквально потерял дар речи, даже дышал, и то с трудом. Однако не смог выдавить ни единого слова протеста; впрочем, было понятно, что ятол и не стал бы его слушать.

Стараясь скрыть отвращение, молодой пастырь смотрел, как Вен Атанн облил тело юноши маслом.

— Спроси ее еще раз, где остальные, — приказал Гриаш переводчику.

Женщина, застывшая с широко открытыми, немигающими глазами, казалось, заколебалась, но потом повторила прежний ответ, хотя гораздо более смиренным тоном.

Ятол с широкой улыбкой на лице посмотрел на женщину.

— Спрашиваю в последний раз, — сказал он без малейшего нажима в голосе.

Та отвернулась. Пестлю страшно хотелось поступить точно так же, но он не смог, загипнотизированный тем, как ятол Гриаш спокойно кивнул Вен Атанну, и тот с непроницаемым лицом поднес горящий факел к телу пленника.

Карвин понимал, что несчастный юноша зашелся в крике, а вместе с ним отчаянно кричат собравшиеся вокруг места казни его соплеменники, но почему-то не слышал ни звука: ужасное зрелище буквально парализовало его.

— Ну же, иди! — услышал он наконец и понял, что ятол Гриаш зовет его за собой к карете и, видимо, обращается к нему уже не в первый раз.

Пестль повернулся, подбежал к ступенькам, помог подняться господину и прыгнул в карету, страстно желая как можно скорее захлопнуть дверцу и избавить себя от чудовищного зрелища.

— Делай что хочешь, — сказал ятол Гриаш Вен Атанну и дал знак вознице трогаться с места.

Бехренские солдаты не последовали за ними, оставшись вместе с командиром в лагере. Карвин Пестль долго не решался оглянуться, но в конце концов сделал это.

Лагерь уже скрылся за гребнем холма, однако его место было нетрудно определить по поднимающимся в небо зловещим клубам черного дыма. Молодой пастырь содрогнулся и обмяк на сиденье, с трудом сдерживая позывы к рвоте.

ГЛАВА 7
ТИМВИВЕНН

Белли'мар Джуравиль открыл глаза и попытался встать, но обнаружил, что крепко связан. Он лежал в лесу на какой-то тряпке, которая ранее, возможно, служила одеялом. Все деревья вокруг были мертвы — пустотелые, с заломленными как бы в молчаливой мольбе черными руками-ветками. Вдоль земли тянулся густой туман, сквозь который лишь кое-где проглядывал мох. Эльф не замечал поблизости никаких признаков жизни, но вдруг услышал стон и, с огромным трудом повернув голову, увидел Бринн. Девушка была привязана за руки к толстой ветви так, что ноги не касались земли; глаза ее были закрыты.

— Бринн, очнись, — прошептал Джуравиль.

Тогайранка не отвечала, и он снова позвал ее, на этот раз громче и настойчивее.

Словно в ответ на его призыв из тумана начали вырастать фигуры. Неуклюжие, с негнущимися конечностями, они, не издавая ни звука, двинулись в сторону пленников.

— Бринн! — закричал эльф. — Да очнись же наконец!

Зомби были уже рядом с Бринн. Один из них, развязав веревку, подхватил девушку под мышки и без видимых усилий поднял в воздух. Бринн пришла в себя и сразу же попыталась вырваться из рук ожившего мертвеца. Но эта попытка была пресечена: издающие смрад гниения твари навалились на нее, осыпая ударами.

Спустя несколько мгновений один из монстров взвалил безжизненное тело тогайранки на плечо и на негнущихся ногах двинулся прочь.

Джуравиль попробовал освободиться из пут, полагая, что зомби, заметив это, оставят Бринн и примутся за него. Однако те скрылись в тумане, не обратив на эльфа никакого внимания.

Поразмыслив, Джуравиль пришел к выводу, что за всем происходящим должен стоять кто-то другой: зомби трудно было отнести к созданиям, обладающим разумом. Но почему их просто не убили? И кто-то позаботился бросить под него эту тряпку, его пока вроде бы оставили в покое, в то время как девушку утащили неизвестно куда… Может, сейчас ожившие мертвецы вернутся за ним?

Джуравиль решил, что, наверное, скоро получит ответы на свои вопросы — и, по-видимому, не слишком приятные для его ушей. Как раз в этот момент из тумана возник неуклюжий монстр и двинулся к пленнику, выставив вперед руки.

Эльфа охватили отвращение и ужас, быстро, однако, сменившиеся злостью — главным образом на самого себя. Он понимал, что поступил неразумно, оставшись с Бринн. Пока была возможность, нужно было отступать. А теперь весь его народ может оказаться под угрозой только по той причине, что он проявил совершенно неуместную сентиментальность.

— Хефле! — внезапно услышал он окрик.

Слово показалось Джуравилю смутно знакомым. Зомби остановился, опустил руки, и тут эльф понял, что, собственно, он услышал. Это слово представляло собой искаженное «хефеле», что на эльфийском языке означает «перестань».

Джуравиль как смог повернул шею, пытаясь увидеть говорящего. Наконец это ему удалось, и он удивленно раскрыл глаза. И было отчего! Рядом с ним стояли два создания, мужчина и женщина, невероятно похожие на него самого. Глаза мужчины напоминали огромные темные озера, а у женщины сверкали холодной голубизной, резко контрастируя с черными, как и у ее спутника, волосами. Крыльев у них не было, но черты узких лиц отличались той же резкостью, что и у тол'алфар. Кожа Джуравиля была покрыта легким загаром, а у этих двоих она выглядела так, словно ее никогда не касался солнечный свет; белая как мел, она почти светилась на фоне серого тумана.

Женщина сказала Джуравилю несколько слов: спрашивала, подумал эльф, или угрожала, но говорила слишком быстро, и он не сумел уловить смысл.

Однако потом он смог разобрать одно слово, «нарушитель», и следом за ним второе: «вор» — и только тут до него окончательно дошло, что она обращается к нему на его собственном языке! Или, по крайней мере, на весьма схожем, только по-особому составляя фразы и произнося их с непривычной его уху интонацией.

Женщина продолжала говорить, и теперь Джуравиль понимал почти все. Во всяком случае, ему стало ясно, что опасность далеко не миновала. Эти двое и их народ разгневаны тем, что он и Бринн переступили пределы их владений. Его спутницу ждет самое суровое наказание, то же самое будет грозить и эльфу, если он откажется сотрудничать с ними.

Наконец Джуравиль справился с удивлением настолько, что сумел произнести:

— Мы не собирались причинять вам вред.

Оба создания отпрянули, широко раскрыв глаза. Запинаясь, женщина издала несколько звуков, в которых были страх, волнение, гнев и… что-то еще.

— Кто вы такие? Откуда знаете мой язык? — спросил эльф, стараясь интонировать слова схожим с женщиной образом, однако не проявлять, как она, враждебности.

Удивительные создания с любопытством посмотрели друг на друга, как будто пытаясь понять смысл вопроса. И оба несколько раз повторили последнее слово: «язык», недоуменно качая головами.

Пытаясь объясниться, Джуравиль произнес несколько его синонимов, и они, похоже, поняли его.

— Кто ты такой, знающий наш… язык? — спросил темноглазый.

— Кто ты? — в унисон с ним произнесла женщина.

Он ответил, зная, что идет на огромный риск:

— Тол'алфар. Я — тол'алфар.

— Тилвин Тол! — воскликнула женщина, снова широко распахнув искрящиеся голубые глаза; в тоне ее прозвучала неприязнь, словно она в чем-то его обвиняла.

Джуравиль внимательно посмотрел на нее. Если дело обстоит так, как он предполагает, тогда подобный тон ему понятен. Эти создания — док'алфар, сородичи его народа. Давным-давно эльфы жили как одна раса. Однако некоторые из них были изначально наделены крыльями, а другие их не имели, и на этой почве возник раздор. Вдобавок эльфы без крыльев страдали какой-то разрушительной болезнью, а их крылатые собратья были избавлены от этой напасти. Все это привело к тому, что эльфы Короны разделились на народы тол и док.

Белли'мар Джуравиль не выказывал ни страха, ни возмущения. Он понимал, что должен очень точно рассчитать линию поведения, балансируя на грани, малейший шаг в сторону от которой будет стоить ему жизни — и возможности спасти Бринн, если она еще жива.

— А вы — док'алфар, — сказал он.

— Нет, Тилвин Док, — поправил Джуравиля собеседник довольно спокойным тоном, хотя его спутница, казалось, готова была вцепиться в горло крылатому эльфу.

— Тилвин Док, — повторил Джуравиль.

— А ты Тилвин Тол, — бросила эльфийка.

— Мы называем себя тол'алфар, но если вы так уж настаиваете, готов согласиться и на Тилвин Тол.

— Готов согласиться? — фыркнула она. — Разве у тебя есть выбор?

— Как тебя зовут? — спросил док'алфар.

— Белли'мар Джуравиль.

— Откуда ты пришел? — осведомилась эльфийка.

— Я Белли'мар Джуравиль, — повторил крылатый эльф, обращаясь к бескрылому сородичу — он казался ему более рассудительным.

Тот некоторое время пристально разглядывал его, потом сказал:

— Я Лозан Дайк.

Как и Джуравиль, он перевел взгляд на спутницу.

Эльфийка, однако, продолжала с угрозой смотреть на Джуравиля.

— Каззира, — произнесла она наконец, — Знай, что твоя смерть носит имя Каззира, Белли'мар Джуравиль.

— Почему ты говоришь о смерти? — спросил тот.

Каззира прищурила сверкающие гневом глаза.

— Ты вторгся в пределы наших владений, — объяснил Лозан Дайк. — Тилвин Док не любят незваных гостей.

Джуравиль задумался.

— У вас так заведено — наказывать всех, кто забредет в ваши земли, хотя нет никаких знаков, обозначающих границу?

— Установить такие знаки означает сообщить всему миру, где мы обитаем, не так ли? — сердито произнесла Каззира. — Как ты можешь догадаться, мы не хотим, чтобы мир знал о нас.

— Где моя спутница? — спросил эльф. — Ее имя Бринн Дариель; она прошла обучение у тол'алфар и возвращается теперь в свою страну по ту сторону гор. Она не представляет угрозы для Тилвин Док.

— Ее бросят в болото, — сухо ответил Лозан Дайк.

— Все люди попадают в болото, — с явным удовольствием добавила эльфийка. — А потом мы превращаем их в наших рабов.

По спине Джуравиля побежали мурашки. Он представил себе Бринн ставшей одним из этих «рабов», вставших из могилы безмозглых чудищ, слепо подчиняющихся приказам хозяев.

— Наши земли невелики, — объяснил Лозан Дайк. — И понятно, что мы стараемся охранять их как можно лучше.

Действительно, Белли'мару Джуравилю это было понятно, ведь и тол'алфар охраняли свою долину с не меньшей тщательностью. Они редко убивали нарушителей, но лишь потому, что эльфийская магия и изумруд госпожи Дасслеронд помогали сделать так, чтобы случайно забредшие в Эндур'Блоу Иннинес люди забывали дорогу в эти места. Однако в случае возникновения хотя бы малейших сомнений если нарушитель успевал слишком много узнать о тол'алфар, как, к примеру, могло случиться с рейнджером, оказавшимся непригодным для обучения, — владычица Кер'алфар без колебаний убивала этого человека.

Джуравиль вспомнил об Эйдриане, который уже подошел к этой тонкой грани, — и снова содрогнулся.

— Вы не должны этого делать! — воскликнул он, не успев даже хорошенько обдумать свои слова, и снова вывернул шею, чтобы лучше видеть собеседников. Лицо Лозана Дайка выражало сочувствие, чего никак нельзя было сказать о его спутнице. — Подумайте сами! Сколько веков прошло с тех пор, как наши народы разделились?

— С тех пор как Тилвин Тол прогнали Тилвин Док: их земель, ты хочешь сказать, — уронила Каззира.

— Кто сейчас может знать, как все происходило на самом деле? — примирительно произнес эльф. — Может, ты и права… Так или иначе это произошло. И каковы бы ни были причины, мы-то тут при чем? Заслужили ли мы столь жестокое наказание?

Эльфийка открыла было рот, собираясь ответить, но Лозан Дайк остановил ее, подняв руку.

— Решение принимаем не мы, — сказал он, — Твоя судьба в руках короля Элтирааза, Белли'мар Джуравиль.

— А что будет с Бринн?

— Ей место в болоте, — тут же ответила Каззира.

Джуравиль покачал головой.

— Это будет ужасной ошибкой с вашей стороны. Ошибкой, которую тол'алфар не смогут вам простить.

— Ты угрожаешь нам? — холодно осведомилась эльфийка.

— Я объясняю вам, что может произойти, в надежде, что наша встреча не обернется трагедией. Бринн Дариель…

— Твоя Бринн Дариель — человек, а мы не сохраняем жизнь людям, которые забредают на наши земли!

— Бринн Дариель — рейнджер, — продолжал, не смущаясь ее выпадом, Джуравиль. — Она не такая, как другие люди. Мы много лет обучали ее в долине тол'алфар. Она обладает таким пониманием народа эльфов, которое ставит ее гораздо выше сородичей. Мы возложили на эту девушку чрезвычайно важные обязанности и очень верим в нее. Я говорю вам все это, чтобы вы поняли, какими могут быть последствия вашей ошибки. Хочу, чтобы на этот счет между нами не было никаких недоразумений. Бринн Дариель можно считать тол'алфар, хотя и не по рождению, а мы защищаем своих столь же истово, как и док'алфар.

По мере произнесения этой тирады на лице Каззиры проглядывало все большее напряжение. Она раздраженно повела плечом, когда Джуравиль назвал ее народ своим термином, а не тем, которым пользовались они сами.

— Может, нам следует лучше познакомиться друг с другом, или вы предпочитаете одним махом обрубить всякую возможность отношений между нами?

Лозан Дайк воззрился на спутницу и смотрел на нее до тех пор, пока она не отвела от Джуравиля испепеляющий взгляд. Потом сделал Каззире знак отойти в сторону, желая переговорить с ней наедине.

Белли'мар Джуравиль попытался понять, как правильнее действовать. Может, его попытки спасти Бринн заранее обречены на неудачу? Может, важнее спастись самому, пусть даже ценой жизни спутницы, вернуться на север и рассказать госпоже Дасслеронд о том, что он нашел док'алфар?

Нет, решил эльф. Он не станет приносить Бринн в жертву. Ни ради себя, ни ради кого-то другого. Он намерен вырваться отсюда и сделает все, чтобы тогайранка оказалась при этом рядом с ним.

Однако, учитывая положение, в котором они оказались, Джуравиль вынужден был признать, что эти планы весьма далеки от воплощения в жизнь.

— Следует дождаться решения короля Элтирааза, — велел Каззире Лозан Дайк, когда они отошли от пленника.

— Наш повелитель принял решение в отношении людей много веков назад, — возразила эльфийка.

Лозан Дайк посмотрел на Джуравиля и снова перевел взгляд на спутницу.

— Король должен поговорить с ним, прежде чем решит судьбу рейнджера, — заявил он. Каззира сердито уставилась на него. — Ты знаешь, что я прав. Король Элтирааз разгневается, если мы будем действовать как обычно после того, что узнали.

Каззира посмотрела на пленника. Ее жесткий взгляд слегка смягчился, на іуб ах мелькнула улыбка.

— Легенда ожила. Кто скажет, чем это может обернуться для Тилвин Док?

— А для Тилвин Тол? — осведомился Лозан Дайк.

Любое движение причиняло боль, но все же Бринн повернула голову и открыла глаза.

Она лежала на мягкой, издающей зловоние земле. Это была пещера, поняла девушка, разглядев висящий на стене светильник. Ее взгляд задержался на нем — ничего подобного она никогда не видела. Короткая деревянная рукоятка, накрытая мерцающим голубым шаром, — и никакого пламени.

Тогайранка продолжала оглядываться, насколько позволяли мучительно ноющие спина и шея. Со стен и потолка во множестве свисали небольшие корни: похоже, пещеру просто вырыли в земле.

Бринн закашлялась. Возникло ощущение, что от этого ребра вот-вот треснут.

Слишком измученная, чтобы хотя бы заплакать, девушка снова уткнулась лицом в землю. И закрыла глаза, страстно желая, чтобы все это ей лишь приснилось, прекрасно сознавая, однако, что это не так. Она понимала, что потерпела неудачу и не сможет теперь спасти свой народ от рабства.

Через несколько минут тогайранка забылась беспокойным сном.

Когда девушка открыла глаза, она почувствовала рядом чье-то присутствие.

Бринн вздрогнула, но быстро успокоилась, узнав Белли'мара Джуравиля. Медленно, с огромным трудом тогайранка повернулась, чтобы иметь возможность видеть наставника. Он сидел рядом: руки его, как она заметила, связаны не были.

— Док'алфар умеют оживлять мертвецов, но весьма мало сведущи в исцеляющей магии, — пробормотал эльф, словно обращаясь к себе самому.

— Док'алфар? — с трудом выдавила из себя Бринн.

Губы пересохли и потрескались, так что каждое слово причиняло ей боль.

Джуравиль подошел к девушке и приложил к ее губам небольшой мех с водой. Тогайранка начала жадно глотать воду, но эльф быстро отодвинул мех.

— Не торопись. — Выждав немного, он снова поднес мех к ее губам. — Ты долго спала, и если сейчас выпьешь слишком много, навредишь себе.

— Так сколько же я спала?

Джуравиль оглянулся и пожал плечами.

— По крайней мере три дня, как мне кажется, хотя время тут определять нелегко.

«Три дня, — подумала Бринн. — Но как им с Джуравилем удалось сбежать? И насколько близка погоня? Вряд ли миниатюрный эльф мог долго тащить меня…»

Эти мысли вихрем закружились в голове девушки, постепенно тускнея. Сознание затягивала серая пелена, снова погружая ее в царство сна.

Очнувшись в очередной раз, Бринн поняла, что прошел еще день, даже до того, как Джуравиль заговорил об этом. Она повернулась на бок, в ту сторону, где должен был сидеть и все еще сидел эльф.

Тот взял мех с водой, подошел к тогайранке и дал ей напиться.

— Помоги мне сесть, — сказала она и несколько раз глубоко вздохнула, почувствовав, что каждый вздох все еще отдается болью в ребрах.

Джуравиль мгновенно оказался рядом и помог Бринн прислониться спиной к стене.

— Я помню, как получила удар, — продолжала она после долгой паузы. — Попыталась подняться, но все они навалились на меня…

— Ты действовала прекрасно, но их было слишком много. И вдобавок они, похоже, невосприимчивы к ударам.

— Как нам удалось вырваться? — Еще не успев договорить, девушка по выражению лица Джуравиля поняла свою ошибку. Никуда они не вырвались, они все еще оставались пленниками… — Чего они хотят от нас? И кто они такие?

— Если ты имеешь в виду тех, кто напал на нас, то это просто безмозглые ожившие мертвецы, — ответил эльф. — Зомби, превращенные в рабов док'алфар.

— Док'алфар, — повторила Бринн.

Возникло чувство, что она уже слышала это слово, но не могла вспомнить, где и когда.

— Тебе рассказывали о них, — сказал Джуравиль, — но ты вряд ли помнишь.

— Док'алфар?

А-а, ну конечно. Ей припомнилось, что это слово переводится как «темные эльфы», в то время как тол'алфар означает «светлые эльфы».

— Давным-давно, в незапамятные времена, существовала одна раса эльфов, — угрюмо заговорил Джуравиль, глядя в пространство, точно пронзая взглядом столетия. — Она называлась тол'алфар или Тилвин Тол. Одни из эльфов имели крылья, другие — нет. У крылатых, как правило, были золотистые волосы и светлые глаза, а у бескрылых — темные глаза и волосы.

— Выходит, они ваши собратья, — Бринн огляделась. — И это дом…

— Это тюрьма, и ничего больше.

— Но они же тоже эльфы. У вас общие корни. Почему они обращаются с тобой… — Джуравиль как-то странно посмотрел на девушку. — Они что, собираются убить нас?

— Тебя — скорее всего. Они терпеть не могут людей. Но меня они могут оставить в живых. Ради важных для них сведений или чтобы было чем торговаться, если им когда-нибудь понадобится найти госпожу Дасслеронд и Эндур'Блоу Иннинес.

— Тогда надо во что бы то ни стало найти способ вырваться отсюда.

Эльф пожал плечами и махнул рукой в сторону темной дыры в стене на уровне пола, такой узкой, что через нее, казалось, едва можно было протиснуться.

— Это единственный выход отсюда. Он закрыт снаружи большим валуном и охраняется целой толпой зомби, не говоря уж о док'алфар, наверняка находящихся неподалеку.

— Но я не могу умереть здесь! — воскликнула Бринн. — По крайней мере, не сейчас. Мой народ нуждается во мне, и я не должна обмануть его ожиданий!

Последние слова она произнесла не столько от решимости, сколько от отчаяния. Что они могут вдвоем с Джуравилем?

От обиды захотелось ударить кулаком по стене, но, когда девушка повернулась к ней, в голову ей внезапно пришла другая мысль. Лицо у нее прояснилось. Она принялась ковырять пальцами мягкую стену и очень скоро отломила значительный кусок почвы, из которого торчали корни. Не обращая внимания на боль в плечах и ребрах, она продолжала рыть туннель наружу.

— Перестань сейчас же! — крикнул эльф. Тогайранка остановилась и повернулась к нему. — Пещера не такая уж прочная. Они знали, где лучше устроить тюрьму. Если мы нарушим целостность стен, все это просто обрушится на нас, — Обдумывая его слова, Бринн закрыла глаза. Глубоко вздохнув, она снова почувствовала боль в ребрах. — Мы, чтобы ты знала, находимся очень глубоко под землей.

Девушка снова прислонилась к прохладной стене.

— Что же нам делать? Сидеть, ждать и молить неизвестно кого, чтобы к нам проявили милосердие?

— Хотел бы я знать ответ…

Джуравиль без конца перебирал в уме, как ему лучше повести переговоры, если выпадет такой шанс. Бринн же думала о провале своей миссии. Судя по всему, ей не удастся стать избавительницей тогайру.

Вполне естественно в такой ситуации, что девушка задумалась о смерти. Каково это — умереть? Встретят ли ее в конце темного туннеля, как утверждали шаманы тогайру, погибшие родители, приветствуя Бринн и приглашая ее принять участие в Великой Охоте? Или больше не будет ничего, просто тьма и пустота, конец всякого существования?

Поймав себя на этих раздумьях, тогайранка старалась вернуться к насущным проблемам, попытаться найти их решение. Однако мысли о великом неизбежном таинстве возвращались снова и снова.

Время текло незаметно. Непонятно, сколько прошло — минуты, часы или дни. Бринн не испытывала голода. Более того, казалось, что она не сможет проглотить ни кусочка. Девушка просто сидела и ждала, изредка поглядывая на Джуравиля. Тот замер как изваяние напротив нее, скрестив ноги и упираясь в них локтями.

Услышав звук, Бринн вздрогнула и очнулась от похожей на транс полудремы. Тогайранка сдвинулась с места, полагая, что нужно укрыться, но боль в боку заставила ее вернуться в прежнее положение, и она застыла, хватая ртом воздух.

Джуравиль даже не шелохнулся, лишь посмотрел в ту сторону, откуда исходил звук. Не от слабости и боли, понимала Бринн, а просто из покорности судьбе. Они потерпели поражение, и эльф полностью смирился с этим. Если те, кто пленил их, подведут его к краю утеса, свяжут крылья и велят прыгнуть вниз, он, как казалось девушке, без возражений подчинится этому требованию.

Первым из темной дыры у основания стены пещеры появился накрытый крышкой горшок, который проталкивали вперед измазанные в торфе руки с негнущимися пальцами. Потом и сам зомби протиснулся в пещеру — двигаясь как червь, а не двуногое создание. Оставив горшок, он попятился назад к дыре.

«В такой узкий туннель только зомби посылать, — подумала Бринн. — Его не охватит паника и желание поскорее выбраться оттуда, он будет просто медленно ползти вперед, дюйм за дюймом».

— Что это? — спросила девушка, когда мерзкий зомби исчез из виду.

— Пища и вода, — ответил Джуравиль, — Давай начинай первой и ешь, сколько захочется. Ты уже давно не подкрепляла силы.

Тогайранка некоторое время смотрела на горшок. Боль в ребрах вызывала тошноту. Ей совсем не хотелось есть, но она понимала, что подкрепиться действительно надо.

А собственно, зачем? Какой в этом смысл, если ей все равно конец?

Бринн не дала этим мрачным мыслям завладеть собой, подползла к горшку и сняла с него крышку. В тусклом свете разглядеть толком ничего не удавалось, но обоняние подсказало ей, что там просто хлеб — причем черствый, как стало ясно, когда она вытащила его оттуда, — и маленькая фляжка с водой. Это была первая еда за четыре дня, но она чувствовала себя слишком плохо, чтобы радоваться куску хлеба и глотку воды. Однако девушка заставила себя съесть хлеб, воспринимая каждый проглоченный кусок как маленькую победу над тюремщиками и подхлестывая таким образом свою решимость преодолеть все трудности и выкарабкаться из безнадежной ситуации.

Бринн вдруг пришло в голову, что пассивная позиция Джуравиля объясняется тем, что она увеличивает его собственные шансы выйти отсюда живым, даже если этим он обрекает на гибель спутницу.

Нет, оборвала себя тогайранка. Эльф смирился, потому что считает, что у них нет никаких шансов оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление.

Она должна показать ему, что такие настроения ни к чему хорошему не приведут!

По оценке Бринн, зомби вернулся на следующий день: принес новый горшок и забрал старый.

У девушки возникла мысль убить ожившего мертвеца, пока он зажат в узком туннеле и, следовательно, уязвим. Джуравиль, однако, разгадал ее намерения.

— Нет! — резко сказал он. Бринн замерла, посмотрела сначала на эльфа, потом на безразличного зомби. — Если ты убьешь его, он останется гнить в туннеле, а здесь и без того страшный смрад.

Тогайранка снова привалилась к стене и вздохнула.

— И что, будем вот так сидеть и ничего не делать?

— Нужно поесть, — отозвался эльф. — И на этот раз не спеша, потому что неизвестно, когда они еще принесут нам пищу.

Так проходил день за днем. Ребра Бринн болели все меньше, но она чувствовала, что

слабеет. Те, кто держал их в заточении, видимо, знали свое дело, поскольку давали им еды и питья ровно столько, чтобы они не умерли от голода и жажды, но добиваясь того, что силы и воля пленников постепенно таяли.

Девушка потеряла счет дням и даже не обращала внимания на ставшие привычными звуки движения в туннеле. Даже после того, как оттуда появился док'алфар, до нее не сразу дошло, что это не обычный зомби с едой и питьем!

— Белли'мар Джуравиль, — в качестве приветствия произнес бескрылый эльф.

— Привет, Лозан Дайк, — ответил его крылатый собрат, и Бринн удивленно распахнула глаза.

— Король Элтирааз ждет тебя.

Джуравиль кивнул и с трудом встал. Тогайранка тоже начала подниматься, но он остановил ее взглядом и сделал знак оставаться на месте. Лозан Дайк с угрожающим видом посмотрел на нее.

— Ты получишь возможность объясниться с моим королем, — сказал док'алфар Джуравилю, — во время судебного разбирательства.

— А я могу поговорить с вашим королем Элтираазом? — Дерзость отчаяния развязала язык Бринн.

Лозан Дайк медленно повернулся к ней.

— Тебе нечего сказать ему, *н'Тилвин'Док* .

Н'Тилвин'Док. Это слово снова и снова прокручивалось в сознании девушки. Она много раз слышала нечто похожее во время пребывания у тол'алфар, в особенности в самом начале обучения. Тол'алфар часто называли ее *н'тол'алфар* с определенной долей насмешки, и это означало, что она не относится к эльфам, к тем, кого только и следует принимать в расчет. Наверное, то же самое имеет место и здесь, в особенности если учесть, что к Джуравилю док'алфар так не обращался, совершенно сознательно использовав этот термин применительно к Бринн в качестве причины отказа взять ее с собой.

Пренебрежительное обращение *н'Тилвин'Док* прозвучало для тогайранки как звон погребального колокола. Она обессиленно откинулась к стене.

Эльфы покинули пещеру с несравненно большей легкостью и грацией, чем зомби. У Бринн мелькнула мысль последовать за ними и напасть на бескрылого эльфа, хотя она и понимала, что теперь, до крайности ослабевшая, едва ли справится с ним. Единственное, что ее остановило, это возможные последствия такого поступка для Белли'мара Джуравиля. Сама она обречена, как и предполагал ее друг, но, возможно, хоть он спасется.

Она сидела, привалившись к холодной стене, а минуты скользили за минутами, незаметно складываясь в часы.

Вслед за Лозаном Дайком Джуравиль проник в маленькое помещение, где их ожидала Каззира. Не произнеся ни единого слова — и не услышав ни слова протеста со стороны Джуравиля, — она и Лозан Дайк подошли к нему и надели на эльфа широкий пояс, крепко прижавший его крылья к телу.

— Теперь ты не сможешь улететь, маленькая птичка, — с удовлетворением произнесла Каззира, застегивая на его груди пряжку.

Джуравиль обратил внимание, что слово «птица» на их языке звучало точно так же, как на его собственном: *марави* .

— Думаешь, я так стремлюсь улететь? — спросил он. Может быть, наконец произошло то, что должно было случиться давным-давно — встреча двух ветвей народа алфар, — и судьба привела меня к вам именно по этой причине.

— Может быть, — сказал Лозан Дайк.

— А может быть, просто ты такой невезучий, — тут же добавила эльфийка. Джуравиль сделал вид, что не заметил ее ехидной реплики. — А еще более невезуча твоя подруга н'Тилвин'Док.

— Пошли, — сказал ее товарищ, который, казалось, в такой же степени хотел положить конец этому разговору, что и Джуравиль.

Они проследовали длинным, уходящим вверх туннелем, тол'алфар впереди, а не спускавшая с него глаз Каззира — за его спиной.

Наконец они выбрались из туннеля. Вокруг был густой туман.

— Король Элтирааз снизошел к выполнению твоей просьбы и встретится с тобой, — произнес Лозан Дайк. — Это большая честь для тебя.

— Я тоже так считаю, — со всей искренностью ответил Джуравиль.

И тут же ощутил укол совести, вспомнив о своей подруге и ее весьма вероятной судьбе. Тем не менее он не мог сдержать волнения при виде белокожих бескрылых собратьев. Для тол'алфар это была грандиозная новость, по значимости не уступающая тому, что могла бы совершить Бринн для тогайру.

— Боюсь, что я одет неподобающим образом для королевской аудиенции, — заметил он.

— Почему же? — возразила эльфийка. — На тебе одежда, вполне подходящая для путешественника. Или разбойника.

Джуравиль в очередной раз пропустил мимо ушей ее замечание, отметив про себя, однако, что, несмотря на обычную ехидность слов, тон Каззиры слегка смягчился.

Сделав ему знак следовать за собой, Лозан Дайк подвел Джуравиля к большому пню с двумя выдолбленными в нем углублениями, в одно из которых оказалось налито масло, а в другое — дождевая вода.

Как приятно было наконец смыть с кожи въевшуюся в нее, казалось, навечно грязь!

Умывшись, эльф повернулся и успел подхватить брошенное ему Каззирой полотенце. Потом они долго шли извилистыми, затянутыми туманом тропами, среди мертвых черных деревьев. Джуравиль подумал, что вряд ли сумел бы повторить этот путь в одиночку, и заподозрил, что провожатые нарочно водят его по кругу. Поистине, они удивительно похожи на тол'алфар, подумал крылатый эльф.

И вдруг они оказались на тропе в узком ущелье, ведущем в огромную пещеру. Войдя внутрь, сопровождающие Джуравиля док'алфар взяли каждый по необычному светильнику и посмотрели на пленника.

Джуравиль оглянулся, но увидел немного, так как дальние стены пещеры терялись во мраке. И тут он заметил в руке Лозана Дайка черный колпак.

Крылатый эльф не протестовал, когда они надели колпак ему на голову. Дальше Лозан Дайк вел его за руку.

Наконец они остановились. Каззира стянула с головы Джуравиля колпак, сверля его льдисто-голубыми глазами. Они находились в большой пещере.

Он начал обшаривать ее взглядом, но тут же забыл о пещере, потому что увидел возвышающиеся впереди великолепные врата города док'алфар.

— Тимвивенн, — объяснил Лозан Дайк. — Ты первый за многие столетия, кто кроме нас видит врата Тимвивенна.

— Весьма польщен, — отозвался крылатый эльф снова совершенно искренне.

Огромные ворота были сделаны из дерева золотистого оттенка. Они висели на столбах из того же самого материала. Поперечина имела резные украшения и была усыпана множеством драгоценных камней. Джуравилю было приятно убедиться, что здесь, как и в Кер'алфар, тоже ценят красоту.

Они вошли в изумительные врата и оказались в огромной пещере. Туман здесь был менее густым. Вокруг вырисовывались неясные силуэты домов, сделанных из полированного дерева разных оттенков и качества.

Джуравиль, можно сказать, шествовал сквозь строй док'алфар Всем, по-видимому, хотелось хоть одним глазком взглянуть на плененного Тилвин Тол. Лица собравшихся несли на себе целый спектр выражений, от любопытства до потрясения; однако многие, очень многие бросали на него недобрые взгляды.

В городе было довольно темно, хотя мрачным он не выглядел. Совсем скоро, как только позади осталась большая центральная площадь, крылатый эльф понял, куда его ведут.

На стене пещеры рядами тянулись рукотворные террасы, ярусами поднимавшиеся над городом. И на самой верхней из них высился дворец короля Элтирааза.

Очутившись в нем, спутники прошествовали по коридору в просторный зал, где на троне восседал док'алфар с длинными черными волосами и большими темными глазами. Как и у остальных бескрылых эльфов, его кожа была молочно-белого цвета. Зато одежда заметно выделялась среди прочих. Те док'алфар, которых до сих пор видел Джуравиль, были одеты достаточно незамысловато. Темно-коричневые одеяния Лозана Дайка и Каззиры, по мнению Джуравиля, очень подходили для охоты среди затянутых туманом болот.

Король Элтирааз — в том, что это он, Джуравиль не сомневался — был облачен в красную мантию, сверкающую от множества нашитых на них драгоценных камней. Владыка док'алфар держал в руке скипетр из золотистого дерева со вставленным в него драгоценным камнем. Королевская корона представляла собой обруч из серебристого металла, обвитый виноградными листьями. Джуравиль узнал этот металл, который невозможно спутать ни с каким другим; до сих пор считалось, что только тол'алфар умеют добывать его. Оставалось предположить, что либо док'алфар тоже знаком этот секрет, либо корона представляла собой реликт прошлого, сохранившийся с тех времен, когда эльфы были единой расой. Скорее всего, последнее, решил Джуравиль, поскольку нигде больше не заметил признаков этого необычного серебристого металла. К тому же, умей док'алфар добывать его, их воины не были бы вооружены деревянными дубинками.

Хотя кто знает? Может, дерево, из которого сделаны эти дубинки, обладает какими-то неизвестными Джуравилю свойствами?

В сопровождении Лозана Дайка и Каззиры он остановился перед Элтираазом.

— Расскажи королю Элтираазу свою историю, Белли'мар Джуравиль из тол'алфар, с самого начала пути, который привел тебя в наши края, — сказал Лозан Дайк. — Не забудь объяснить, по какой причине ты терпел рядом с собой человеческое существо.

Последнее замечание заставило Джуравиля вздрогнуть, поскольку лишний раз подтверждало презрительное отношение док'алфар к людям. Тем не менее он отбросил эмоции и сделал то, что ему было велено, опустив некоторые эпизоды, например сражение с гоблинами, и тщательно избегая каких-либо намеков на местоположение Эндур'Блоу Иннинес.

Король Элтирааз слушал его внимательно и терпеливо, время от времени наклоняя голову набок, словно у него возникло желание задать вопрос. Однако он ни разу не прервал крылатого эльфа.

— Нам давно известно, что на севере живут Тилвин Тол, — глубоким мелодичным голосом произнес Элтирааз, когда Джуравиль наконец закончил повествование. Странно, что такой сильный, звучный баритон мог исходить из уст столь миниатюрного создания. — Тем не менее это удивительно — увидеть тебя, одного из них, в этих краях. Знай, что ты первым из наших давно потерянных собратьев своими глазами увидел Тимвивенн.

— Я высоко ценю оказанную мне честь, король Элтирааз, — с легким поклоном отозвался Джуравиль.

Владыка док'алфар кивнул и посмотрел на Лозана Дайка.

— Король Элтирааз желает знать, почему с тобой был человек, — сказал тот.

Джуравиль с любопытством перевел взгляд с короля на Лозана Дайка, недоумевая, почему Элтирааз сам не задал этот вопрос.

— Бринн Дариель — рейнджер, — ответил он, — прошедшая обучение у тол'алфар. Мы осуществляем подобное на протяжении столетий — подбираем человеческих детей-сирот, которые кажутся нам достаточно способными, и обучаем их своему пониманию жизни. Потом они, помимо всего остального, служат нашей владычице, госпоже Дасслеронд, ее глазами и ушами в человеческом мире.

— Почему просто не убивать любого человека, забредающего в ваши владения? — со всей серьезностью поинтересовалась Каззира. — Они — низшие существа и при малейшем

намеке на угрозу с их стороны должны подлежать уничтожению.

— Возможно, мы оцениваем их выше, чем вы, — сказал Джуравиль, стараясь сохранять учтивость, поскольку понимал, что на кону — жизнь Бринн. — Мы рассматриваем их как союзников, хотя часто и довольно беспокойных.

— Беспокойных — это очень мягко сказано, — заметила эльфийка.

— Рейнджеры не такие, как другие люди, — продолжал объяснять Джуравиль, обращаясь к королю Элтиraазу. — Они гораздо лучше понимают мир, чем остальные представители их примитивной, недалекой расы. Мы воспитываем из них опытных воинов; они импульсивны, но в высшей степени дисциплинированны и потому мудро используют свою силу. Они дружественны по отношению к природе, к тол'алфар, и, несомненно, ни один рейнджер не представляет ни малейшей угрозы для вашего народа.

— Откуда тебе знать? — осведомился Элтирааз.

— Рейнджерам, не проявляющим должной рассудительности, не позволено возвращаться во внешний мир.

— И твоя спутница выдержала эти испытания? — спросил король док'алфар.

— Бринн — одна из самых замечательных рейнджеров, когда-либо выходивших из Эндур'Блоу Иннинес и Кер'алфар.

— Тогда зачем Белли'мар Джуравиль сопровождал эту женщину?

Эльф сделал глубокий вздох и задумался, соображая, как много можно открыть Элтиraазу и остальным док'алфар. Он уже сообщил им название долины и поселения эльфов, имя своей владычицы и чувствовал, что должен рассказать кое-что еще. Но как они отнесутся к человеку, который оказался в их краях, направляясь туда, где он собирался развязать междоусобную войну?

— Бринн Дариель родом из тогайру, кочевников, обитающих в диких степях к югу от великих гор, — сказал он.

— Нам известно о тогайру, — заметил Элтирааз.

— Тогда вам известно, что они не такие, как другие люди. Лучше чувствуют землю и…

— Некоторые наши рабы раньше были тогайранцами, — сообщила Каззира.

Джуравиль посмотрел на эльфийку, уже в который раз пытаясь оценить истинную глубину ее враждебности, и снова был очарован взглядом миндалевидных льдисто-голубых глаз.

Заставив себя не отвлекаться, крылатый эльф постарался сосредоточиться на возникших у него весьма интересных вопросах. Каким образом кто-то из тогайранцев мог забрести во владения док'алфар? Откуда этому народу вообще известно о тогайру, обитающих далеко на юге, по ту сторону непреодолимых гор? А может, и не таких уж непреодолимых?

В особенности Джуравилю хотелось получить ответ на этот последний вопрос и, если удастся, выяснить у док'алфар, каким образом можно перевалить через горы. Но как подвести беседу к этой теме, когда он до сих пор не знает, сохранят ли вообще он и Бринн свои жизни?

— Как, по вашему мнению, тогайру по качествам выше других людей? — решился наконец спросить эльф.

— А стоит ли нам задумываться об этом, Белли'мар Джуравиль? — вопросом на вопрос ответил король Элтирааз. — По-твоему, мы должны больше доверять тогайру, чем иным людям? Ты считаешь, что мы заблуждаемся, когда судим их слишком сурово?

Джуравиль заметил подвох, кроющийся в этих вопросах, в особенности в последнем. Но он все равно считал, что должен держаться своих принципов и ради себя самого, и ради любого, пусть даже крошечного шанса убедить суровых собратьев отпустить их с Бринн на свободу.

— Я считаю, что вам имеет смысл задуматься об этом, — ответил крылатый эльф. — По-моему, по образу жизни и духу тогайру гораздо ближе к Тилвин Тол и Тилвин Док, если, конечно, Тилвин Док придерживаются того подхода к жизни, который издревле характерен

для нашего народа.

— Может, даже больше, чем Тилвин Тол, Белли'мар Джуравиль, — сказал король Элтирааз, — учитывая, что Тилвин Тол водят дружбу с людьми.

На это Джуравилю возразить было нечего, поскольку в давние времена, когда раса эльфов еще не распалась на две ветви, они действительно имели контакты только с теми, кого считали равными себе, — люди к таковым не относились.

— Я не стану утверждать, что ты заблуждаешься, король Элтирааз. Не мне судить об этом. Мы защищаем свои земли с не меньшей тщательностью; с человеком, которому нельзя доверять, обращаются как и с гоблином, случайно забредшим в наши владения. Хотя, может, все же не так жестоко — людей мы при необходимости убиваем быстро и милосердно. Но только не тогайранцев, — тут же добавил он, понятия не имея, правда это или ложь, поскольку никто из тогайру никогда не появлялся поблизости от Эндур'Блоу Иннинес — если не считать отобранных самими эльфами будущих рейнджеров, конечно. — Госпожа Дасслеронд, владычица тол'алфар, предпочитает не убивать тогайранцев, не выяснив сначала их намерений.

— А тогда часто бывает слишком поздно, — вставила Каззира.

— Слишком поздно для чего? Мы рассматриваем в качестве реальной угрозы разве что целую армию.

Это заявление заставило его собеседников слегка задуматься.

Может, вас больше, чем нас, — произнес король Элтирааз после небольшой паузы, бросив взгляд на двух других док'алфар. — Нас немного, и, следовательно, мы вынуждены более серьезно относиться к любой угрозе нашим землям.

— Или вы просто предпочитаете рассматривать любое вторжение как угрозу, — осмелился заметить Джуравиль, и стоящая рядом с ним Каззира тяжело задышала.

Крылатый эльф хотел было разъяснить сказанное, чтобы его слова меньше походили на обвинение, но сдержался: пусть король Элтирааз хорошенько их обдумает.

— Возможно, нам иначе нельзя, — немного погодя сказал король. — И вряд ли мы переменим точку зрения, Белли'мар Джуравиль. Мы придерживались ее все эти столетия и в результате сохранили Тимвивенн. Люди меня не настолько заботят, чтобы я рискнул ради них жизнью хотя бы одного Тилвин Док. И даже если мне придется уничтожить все человечество, чтобы защитить своих людей, я без колебаний сделаю это.

— А как насчет Тилвин Тол, нечаянно забредшего в твои владения, добрый король Элтирааз? Что, этот ваш неудачливый — или, возможно, наоборот, удачливый — далекий собрат тоже должен быть уничтожен? Или все же владыка док'алфар готов рискнуть своими людьми, сохранив ему жизнь?

Элтирааз поднялся с трона, сурово глядя на крылатого эльфа.

— Разве существует угроза моим людям, Белли'мар Джуравиль?

Джуравиль расправил плечи и устремил на короля не менее пристальный, немигающий взгляд.

— Нет.

Последовала долгая, очень долгая пауза. Оба эльфа не отрывали друг от друга напряженного взгляда. Наконец, прерывая затянувшееся зловещее молчание, Элтирааз посмотрел на двух других док'алфар, стоящих справа и слева от крылатого эльфа, и заявил:

— Угрозы действительно нет.

Джуравиль не спускал с него пристального взгляда и сохранял решительную позу, хотя больше всего ему хотелось испустить долгий вздох облегчения. Похоже, по крайней мере, ему смерть не грозит.

Но этого было недостаточно.

— А что насчет Бринн Дариель? — спросил он. — Она тогайранка и, более того, рейнджер, обученная Тилвин Тол в соответствии с их представлениями о жизни. Она воспринимает мир как Тилвин Тол и гораздо ближе к нам, чем к людям.

— Это ты так утверждаешь, — вмешался в разговор Лозан Дайк.

Джуравиль вопросительно посмотрел на него, но док'алфар лишь пожал плечами, как будто показывая, что никаких задних мыслей за его словами нет.

— Да, я это утверждаю. — Крылатый эльф снова посмотрел на Элтиракса. — Бринн Дариель также не представляет никакой угрозы для вашего народа. Более того, она могла бы стать другом Тимвивенна, если ей было бы позволено.

— Мне не нужны друзья среди людей, Белли'мар Джуравиль, — холодно произнес Элтиракс.

Тот кивнул, не желая спорить.

— Бринн Дариель — мой друг, — сказал он. — Я прошу тебя, король Элтиракс, позволь моему другу уйти отсюда вместе со мной.

— Я пока не говорил, что ты можешь уйти, — заметил король Тилвин Док. На этом аудиенция завершилась.

Немного погодя крылатый эльф вернулся в пещеру, где Бринн по-прежнему сидела, прислонившись к стене, в мягком свете необычных светильников. Девушка тут же принялась расспрашивать его о визите к королю, но он лишь рукой махнул, не в силах обсуждать эту тему. Впервые за всю долгую жизнь Белли'мар Джуравиль чувствовал себя совершенно беспомощным, и это ощущение ему очень не нравилось.

День сменился ночью, потом новым днем, но никто, кроме приносившего еду зомби, в пещере так и не появился.

Однако на следующий день снова пришли Лозан Дайк с Каззирой и отвели Джуравиля в тронный зал, где его ожидал король.

— Я обдумал твои слова, Белли'мар Джуравиль, — заявил Элтиракс. — И пришел к выводу, что тебе можно верить. — Крылатый эльф молчал, не зная точно, как понимать услышанное. — Дай слово, что, уйдя отсюда, ты никому не откроешь, где находится Тимвивенн.

— Не открою, клянусь в этом.

— И ты сообщишь мне местоположение Кер'алфар.

— Король Элтиракс, я давал госпоже Дасслеронд такую же клятву, — холодно произнес Джуравиль.

Лозан Дайк и Каззира тут же ощетинились.

— Но мы оказываемся не в равном положении, — сказал король Элтиракс. — Теперь ты, Тилвин Тол, знаешь, где находится Тимвивенн, но никто из нас не знает расположение Кер'алфар.

— Король Элтиракс, если бы кто-то из твоих подданных случайно забрел в наши земли и оказался схвачен, неужели, ты думаешь, он выдал бы местонахождение Тимвивенна, даже если за молчание ему пришлось бы заплатить жизнью?

— И ты готов к таким последствиям для себя и спутницы? — Голос короля зазвучал с необычной силой.

— Да, если таково твое решение, — без колебаний ответил Джуравиль. — В этом случае я прокляну судьбу, приведшую меня сюда, но не короля Элтиракса и его народ. Однако меня не устраивает подобное развитие событий. Может быть, сейчас у наших народов появился шанс снова воссоединиться или, по крайней мере, прийти к лучшему пониманию друг друга.

Некоторое время король док'алфар все так же сурово смотрел на него, а потом вдруг расхохотался, и напряжение тут же разрядилось.

— Ты, похоже, и в самом деле готов по доброй воле принять смерть!

— Да!

— И эта искренность заставляет меня еще больше верить тебе, Белли'мар Джуравиль, друг Тимвивенна. Нет, мы не убьем тебя и не будем больше держать в плену. Хотя мне бы хотелось, чтобы ты остался на некоторое время у нас в качестве моего гостя.

— И мне бы этого хотелось, король Элтиракс из Тимвивенна, — с поклоном ответил крылатый эльф, — Но не тогда, когда мой друг находится в заточении. Ты говоришь, что

веришь мне, и я очень рад, если это так. Но я не приму от тебя ничего — ни свободы, ни твоего приглашения, если рядом со мной не будет Бринн Дариель.

— А если мы убьем ее? Тогда ты будешь считать нас врагами?

Джуравиль с трудом перевел дыхание.

— Да, — произнес он, не веря собственным ушам.

Как мог он пойти на такой риск в тот момент, когда перед тол'алфар открываются невиданные возможности? Дружба с док'алфар может перерасти в нечто удивительное и прекрасное для его народа. Учитывая это обстоятельство, действует ли он в интересах тол'алфар, защищая Бринн? И имеет ли право на это?

Положа руку на сердце, Белли'мар Джуравиль этого не знал, и, если быть до конца откровенным, это не слишком его заботило.

— Приведите сюда женщину тогайру, — приказал король Элтирааз Каззире и Лозану Дайку. — Только сначала дайте ей умыться и как следует накормите. Похоже, сегодня мы приобрели двух новых друзей.

Джуравилю понадобилась вся его сила воли, чтобы не упасть от удивления и радости.

— Ты не первый человек, кому позволено пройти через наши земли, — сказал король Элтирааз Бринн, когда она, посвежевшая после купания, в чистой одежде, вместе с Джуравилем в тот же день встретилась с королем.

— Прежде чем продолжать, скажи, где Сумрак! — требовательно заявила тогайранка.

Король Элтирааз откинулся на спинку трона, прищурившись и снова помрачнев лицом. Крылатый эльф положил руку на плечо тогайранки и с силой сжал, призывая подругу придержать язык.

— Речь идет о ее лошади, добрый король Элтирааз, — объяснил он, — Когда нас захватили, с нами был ее жеребец, прекрасное, должен тебе сказать, создание.

— Где Сумрак? — не обращая внимания на предостережение Джуравиля, упрямо повторила Бринн.

Тот еще сильнее стиснул ей плечо, опасаясь, как бы девушка своей дерзостью не разрушила все, чего он с таким трудом добился; они явно были не в том положении, чтобы предъявлять какие бы то ни было претензии.

Однако лицо короля Элтирааза разгладилось.

— Твое беспокойство об этом создании — Сумраке, так ты его назвала — настолько велико, что ты решаешься говорить со мной в подобном тоне?

— Да, — с мрачной решимостью в голосе ответила Бринн.

— А если твоя дерзость исчерпает мое терпение?

— Если вы причинили вред Сумраку, тогда мне все равно, хватит ли у тебя терпения на меня, король Элтирааз. Если вы причинили вред Сумраку, тогда…

Элтирааз поднял руку, но заставил тогайранку замолчать не этот жест, а улыбка на губах короля.

— Тилвин Док не причиняют вреда нашим друзьям *га'на'тил* . Твой конь Сумрак бегает в полях на востоке вместе с другими такими же свободными созданиями. Повторяю, свободными. Он там, где ему надлежит быть. — Бринн испустила вздох облегчения. Джуравиль тоже. — Ты хочешь получить коня обратно?

Девушка почувствовала, что король, пожалуй, проверяет ее.

— Я беспокоилась о Сумраке, а не о себе, — ответила она, — Если мой конь на свободе и в безопасности, все в порядке.

Король Элтирааз тепло улыбнулся.

— Когда-то, много лет назад, наши владения пересек человек, пришедший с севера. И король Тез'незин принял решение пропустить его, — продолжал он прерванный Бринн рассказ. — Говорят, Тез'незин, мой предшественник на троне, покинул наш город и тайно встретился с этим человеком. Не могу сказать, что именно он узнал такого, что заставило его изменить нашему давно устоявшемуся отношению к людям. Этот человек был из тогайру,

как и Бринн Дариель. Он искал дорогу домой, через горы или под ними. Не знаю, удалось ли ему вернуться в свои края.

— Как его звали? — с чрезвычайной заинтересованностью спросил Белли'мар Джуравиль, — И когда это было? Лет сто назад?

— Его имени я не знаю, и с тех пор прошло гораздо больше времени. По крайней мере три, а может, и четыре столетия. Годы, десятилетия… Все они сливаются для нас.

Джуравиль задумался. Чтобы тогайранец шел через эту местность, да еще с севера… Действительно редкость, в особенности несколько столетий назад, когда Хонсе-Бир и Бехрен были заклятыми врагами, а люди к северу от гор вообще не знали о существовании Тогая. Однако и до Бринн Дариель эльфы воспитывали рейнджеров из тогайру, их было несколько на протяжении столетий. Все они впоследствии возвращались в родные края. Возможно ли, что человек, о котором говорит король Элтирааз, был одним из рейнджеров-тогайранцев? Эмхем Диал, к примеру? Или Салман Аник Зо?

Заинтригованный не меньше подруги, Джуравиль задумчиво потер рукой подбородок.

— Ну и как, нашел он способ перевалить через горы? — поинтересовалась Бринн.

— Нет, — ответил король Элтирааз, и на лице тогайранки появилось разочарованное выражение. Впрочем, девушка тут же просияла, когда услышала следующие слова короля, — Не через горы. Этого человека отвели к началу пути, который Тилвин Док называют Дорогой Беззвездной Ночи.

— Под горами, — предположил крылатый эльф, и король Элтирааз кивнул.

— А вы можете отвести меня и Джуравиля к этой Дороге Беззвездной Ночи? — взволнованно спросила Бринн, не заметив недовольства, вспыхнувшего во взгляде короля.

Джуравиль, однако, обратил на него внимание; возможно, этот подземный переход пользуется дурной славой.

— А ты что скажешь, Белли'мар Джуравиль? — спросил Элтирааз. — Желаешь, чтобы мы вывели тебя на этот путь, действительно очень мрачный, вполне соответствующий названию?

Джуравиль посмотрел на тогайранку. Одержимость подруги подталкивала его к тому, о чем он позже, скорее всего, будет жалеть.

— Да. Если Дорога Беззвездной Ночи избавит нас от путешествия к морю, наверное, стоит попытаться.

Король Элтирааз откинулся на спинку трона.

— Ну, в таком случае нам, возможно, придется меньше беспокоиться о том, что ты можешь выдать нас Тилвин Тол, — сказал он. Джуравиль снова посмотрел на Бринн, но та сохраняла прежнее решительное выражение лица. — А что Белли'мар Джуравиль расскажет о нас госпоже Дасслеронд? Когда ты в конце концов вернешься домой, что ты ей скажешь?

— Скажу, что нашел живую легенду, — ответил Джуравиль. — Или не скажу ничего. Выбор за тобой, владыка Тимвивенна, учитывая проявленные тобой милосердие и любезность. Я обязан тебе своей жизнью и жизнью воспитанного нами рейнджера. Если ты пожелаешь рассматривать этот эпизод всего лишь как несбывшуюся мечту Белли'мара Джуравиля, так тому и быть.

Элтирааз задумался. Перевел взгляд на приглашенных док'алфар, Лозана Дайка, Каззиру и нескольких других, как бы безмолвно спрашивая их мнение.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Ты расскажешь госпоже Дасслеронд, что видел Тимвивенн и встречался с давным-давно потерянными собратьями. Передашь ей, что король Элтирааз приглашает ее прибыть с визитом и что нам следует задуматься над проблемой возможного воссоединения наших народов, Док и Тол.

Джуравиль почти не верил своим ушам и буквально разрывался в этот момент на части. Долг требовал от него сопровождать Бринн в тогайские степи. Может быть, перспектива воссоединения двух ветвей алфар куда важнее и ему следует предоставить Бринн продолжить путь в одиночку, а самому со всей возможной скоростью вернуться на север? Или лучше взять ее с собой, отложив возвращение рейнджера в родные земли? Если

разобраться, никакой срочности в этом не было, ситуация мало изменилась с тех пор, как тол'алфар взяли на воспитание Бринн.

Однако Элтирааз решил все за него.

— Но все это в будущем, — сказал король. — Сейчас твой путь лежит на юг. Мы покажем вам Дорогу Беззвездной Ночи и расскажем все, что знаем, об опасностях, подстерегающих путника в горах. Вы можете воспользоваться этим путем, а можете, как собирались раньше, повернуть на восток. Но не на север; по крайней мере, не сейчас. Мои люди еще не готовы к этой встрече, и я не хочу усложнять им жизнь.

Джуравиль кивнул в знак согласия.

— А что, если Белли'мар Джуравиль не вернется с юга? — вмешался в разговор Лозан Дайк. — Что, если он сгинет во мраке Дороги Беззвездной Ночи? Тогда надежда на воссоединение умрет вместе с ним?

Взгляд, который Лозан Дайк бросил на короля, подсказал Джуравилю, что этот вопрос, видимо, был продуман заранее.

— Я хотел бы поговорить с тобой наедине, — сказал крылатый эльф Элтираазу. Тот взмахнул рукой, и они остались вдвоем. — Если ты желаешь этой встречи, а я не вернусь, отправь одного-двух посланцев на север, западнее земель, где обитают люди, к горной гряде в трех неделях пути отсюда. Оказавшись там, пусть они выкликают имя госпожи Дасслеронд ночному ветру ежечасно на протяжении нескольких ночей. Не сомневайся, она найдет ваших посланцев, и тол'алфар непременно поговорят с ними, прежде чем решать их судьбу. Пусть они расскажут о встрече с Белли'маром Джуравилем, Бринн и о том, каким образом оказались во владениях тол'алфар.

— А им не причинят вреда?

Джуравиль испустил глубокий вздох.

— Точно утверждать я ничего не могу, — признался он. — Мои народ ведет столь же затворнический образ жизни, что и ваш; это мы, по-видимому, унаследовали от общих предков. Владычица Кер'алфар сурова и обладает неизмеримым могуществом, но одновременно она наделена и мудростью. Я верю, она сделает правильный выбор.

— Ну, ты-то ведь ничем не рискуешь.

— Это правда, — признался крылатый эльф. — Однако ничего лучше я предложить не могу, владыка Тимвивенна.

— Что ж, по крайней мере, ты говорил искренне. — Король протянул руку Джуравилю, и они обменялись крепким рукопожатием. — Останься с нами на несколько недель. Погуляй по Тимвивенну, посмотри, как живут эльфы Тилвин Док.

— А Бринн?

— Конечно, это относится и к ней. Вот уж поистине благословенное человеческое существо, ведь она видела и Кер'алфар, и Тимвивенн! Когда сочтете себя готовыми, мы отведем вас к Дороге Беззвездной Ночи, и вы примете решение. Мы снабдим вас негаснущими светильниками и дадим припасов, сколько сможете унести. — Король лукаво посмотрел на гостя. — Или даже больше.

Джуравиль понимал, что сейчас не время добиваться разъяснения по поводу этого последнего, таинственного заявления. Им уже было предложено гораздо больше, чем он мог рассчитывать; гораздо больше, чем у него когда-либо повернулся язык попросить!

— Смена времен года на Дороге Беззвездной Ночи практически не ощущается, — продолжал Элтирааз, — Вообще-то, чем ближе к зиме, тем легче вам будет пройти по туннелям, поскольку проникшая в них с весенними паводками вода к этому времени уже схлынет, а ручьи снаружи окажутся скованы льдом.

Это было приглашение, которое Белли'мар Джуравиль отвергнуть не мог. Он от всей души надеялся, что его подруга с ним согласится. Даже задержавшись в Тимвивенне, они все равно выиграют время по сравнению с тем, сколько его ушло бы в случае похода на восток. Однако не одно лишь стремление сэкономить время двигало крылатым эльфом. У него не было ни малейшего желания пробираться через населенный людьми Хонсе-Бир и тем более

через враждебный Бехрен. Бринн там в лучшем случае воспринимали бы как сбежавшую от хозяина рабыню, а его, если бы было установлено, что он тол'алфар, жрецы-ятолы неминуемо обрекли бы на смерть.

Да, это будет замечательный отдых, хотя, возможно, он продлится не несколько недель, а чуть меньше.

— Ты веришь ему? — той же ночью спросила Бринн у Джуравиля, когда они обсуждали события прошедшего дня.

Как быстро изменилась их судьба! И как неожиданно!

— Если бы король Элтирааз собирался причинить нам вред, зачем ему все эти хлопоты? — отозвался эльф. — Он узнал у меня все, что хотел, включая то, что касается Эндур'Блоу Иннинес. Нет, он вполне искренен.

Джуравиль улыбнулся, однако с лица девушки не исчезло настороженное выражение. Он с интересом посмотрел на нее, надеясь, что подруга объяснит причину тревоги.

— Я беспокоюсь за Сумрака.

— Они же сказали, что твой жеребец бегает на свободе вместе с другими лошадьми.

— А что, если это сказано, чтобы успокоить меня? — спросила тогайранка. — Что, если они просто говорят нам то, что мы хотим услышать?

— Нет, — со спокойной уверенностью ответил эльф. Ты заметила, чем они нас угощали? Они употребляют в пищу плоды земли, дары га'на'тинне. Фрукты и растения, грибы. Но не животных. Король Элтирааз сказал правду. Они действительно высоко чтят га'на'тил и не причиняют им вреда. Я уверен — Сумрак свободен, и ты можешь не тревожиться о нем.

— Ну да, га'на'тил они вреда не причиняют, — с иронией заметила Бринн. — А люди, понятное дело, не в счет.

— Потому что люди, по их глубокому убеждению, заслуживают этого, — возразил Джуравиль. — Подумай, с кем из представителей твоей расы они сталкиваются. Трапперы и охотники, лесорубы и отщепенцы, изгнанные из своих земель. Люди, которые безжалостно вырубают леса и убивают животных часто просто ради того, чтобы содрать с них шкуры, которые они продают на востоке. Люди, которые ставят капканы, причиняющие жестокую боль зверям. Док'алфар остро чувствуют близость к живой природе. Скажи, как могут они не возмущаться действиями людей?

Она пожала плечами. Доводы эльфа, видимо, не слишком убедили девушку, ей было трудно смириться с ужасной судьбой, уготованной док'алфар случайно забредшим в их края людям.

Джуравиль не стал приводить другие доводы, поскольку по большому счету не рассчитывал, что тогайранка в состоянии по-настоящему понять его. Даже будучи родом из тогайру, народа, наиболее близкого по духу и воззрениям к тол'алфар, и пройдя у них обучение, Бринн оставалась человеком и подсознательно находила те или иные оправдания действиям людей. Эльф считал, что это вполне естественно. Однако сам он воспринимал мир как тол'алфар и потому в большей степени разделял подход док'алфар. Более того, эти далекие собратья в каком-то отношении выглядели даже достойнее его сородичей из Эндур'Блоу Иннинес, которые, что ни говори, охотились на обитающих там оленей, кабанов, птиц и зайцев. Док'алфар причиняли вред лишь тем живым созданиям, которые, по их мнению, заслуживали этого. Никогда в жизни королю Элтираазу не подавали на обед оленину, и ни один док'алфар не убил дикое животное, забредшее к нему в поисках пищи. Другое дело люди. В отличие от зверей они обладают разумом.

И разум этот таков, что постоянно подталкивает их к нарушению заповедей док'алфар. Следовательно, с них и спрос иной.

Потом Джуравиль вспомнил о жутких зомби, содрогнулся — и понял, что все же не в силах полностью согласиться с отношением док'алфар к людям. Однако их мировоззрение было не лишено последовательности и включало в себя определенное понятие справедливости.

Он посмотрел на Бринн и, поняв, что та почти засыпает, решил отложить разговор.

Когда на протяжении следующих нескольких недель они гуляли по Тимвивенну, их преследовали взгляды по большей части просто любопытные, но иногда и подозрительные. Они могли бродить где угодно, но в пределах города — король Элтирааз не хотел, чтобы им стало известно точное расположение Тимвивенна.

Время тем не менее проходило приятно и интересно. Для Бринн это был еще один новый мир, увеличивающий ее и без того достаточно широкие познания, а для Белли'мара Джуравиля — знакомство с другой ветвью истории его собственного народа. Многие здешние обычаи были ему знакомы, однако очень много обнаружилось и отличий. Его сородичи тянулись к живой природе — огромным деревьям и цветам. Док'алфар, напротив, работали с мертвым материалом — со срубленными бревнами и рабами-зомби. Их мастера украшали искусной резьбой стены всех зданий, оружейники превращали куски дерева в изумительные щиты и доспехи. Культура док'алфар была, по мнению Джуравиля, в чем-то примитивнее, поскольку основывалась на разрушении созданного живой природой, и в то же время казалась странно прекрасной и по-своему тоже созвучной природе, пусть даже и в несколько более суровой манере.

Все эти дни проводниками Джуравиля и Бринн были Лозан Дайк и, как ни удивительно, Каззира. После того как король Элтирааз провозгласил свое решение, она несколько изменила отношение к Джуравилю и Бринн. Казалось, ей хотелось вызнать как можно больше о чужаках, хотя трудно сказать, из каких соображений — дружеского расположения или желания собрать как можно больше сведений о врагах, что, как известно, всегда дает преимущество над ними. Эльфийка постоянно забрасывала гостей вопросами, в то время как Лозан Дайк стремился показать им как можно больше интересного, в особенности это касалось произведений искусства. Однако именно она как-то раз отвела Бринн в здание, где женщины Тимвивенна с помощью румян, различных красок и масла подкрашивали лица и изящно укладывали волосы.

К концу этой недели Каззира и тогайранка много времени проводили вместе, причем эльфийка готова была выслушивать историю Бринн снова и снова, ловя каждое слово, когда та углублялась в воспоминания. Джуравиль все время бросал в сторону этой пары любопытные взгляды, стараясь не упускать их из виду, поскольку в глубине души опасался, как бы Каззира не вытянула из его подруги чего-нибудь лишнего. Тем не менее он пришел к выводу, что предостерегать девушку от этого не следует. В конце концов, ситуацией сейчас владели док'алфар, а Джуравилю и Бринн оставалось лишь довериться им.

— Белли'мар Джуравиль был прав, когда утверждал, что эта тогайранка отличается от других людей, — однажды вечером доложила Каззира королю Элтираазу, после того как выслушала очередную историю Бринн. — Если люди имеют такие способности, может, нам не стоит слишком торопиться…

Элтирааз предостерегающе поднял руку.

— Мы действуем, руководствуясь осторожностью и стремлением к собственному выживанию. Так быстро взгляд на жизнь не изменишь, пусть даже мы и сделали исключение для этой необычной пары.

Эльфийка задумалась над словами короля. Возможно, она относилась к числу наиболее безжалостных и твердых Тилвин Док, но только потому, что ей удалось воздвигнуть вокруг себя эмоциональную стену, защищающую от комплекса вины. Резкая на словах, на деле она вовсе не испытывала удовольствия от убийства, даже если речь шла о низших существах, к каковым эльфы относили людей; хотя любви к этим большим, неуклюжим созданиям особой не питала.

— А впрочем, возможно, нам и имеет смысл пересмотреть некоторые взгляды и принципы, — признал, однако, король Элтирааз. Каззира с любопытством посмотрела на него. — Может быть, пора выйти за пределы Тимвивенна.

— К северу или к югу? — спросила эльфийка, прищурив голубые глаза и пытаясь

понять, каковы истинные намерения их владыки.

Возможно, он задумал послать кого-нибудь на север на поиски Кер'алфар? Или хочет, чтобы один из Тилвин Док отправился вместе с чужаками на юг, Дорогой Беззвездной Ночи и дальше, в бескрайние южные степи?

— Думаю, мы поступили бы неблагоразумно, если бы попытались добраться до этой их долины Эндур'Блоу Иннинес, не имея Джуравиля в качестве проводника, — разъяснил свои слова Элтирааз. — Сначала, мне кажется, он сам должен рассказать о нас госпоже Дасслеронд, чтобы ей не пришлось принимать решение второпях. Пусть сначала побольше узнает о док'алфар, а уж потом…

— Ты желаешь, чтобы я сопровождала их на Дороге Беззвездной Ночи, владыка?

— Я допускаю, что кому-то из Тилвин Док следует отправиться вместе с Белли'маром Джуравилем и Бринн Дариель, — ответил Элтирааз и поднял обе руки, как бы стараясь предотвратить хорошо всем известную вспышку гнева эльфийки. — Прошу ли я об этом тебя? Нет, Каззира, не прошу и тем более не приказываю. Просто тебе я делаю это предложение первой, поскольку именно ты раньше других вступила в контакт с нашими гостями.

Эльфийка откинулась в кресле, стараясь скрыть удивление. Король Элтирааз редко просил — именно просил, не приказывал, — поскольку это не соответствовало его роли в сообществе Тилвин Док. Он — владыка и должен принимать любое решение в интересах всех Тилвин Док, независимо от того, какой жертвы оно потребует. Тем не менее он *предлагает* ей сопровождать Джуравиля и Бринн. Отсюда можно сделать прежде всего тот вывод, что миссия эта чрезвычайно важна и крайне опасна. В конце концов, им предстоит пройти Дорогой Беззвездной Ночи, а ведь ни об одном Тилвин Док или человеке из числа пришедших с севера тогайру, когда-либо вступивших в эти мрачные туннели, никто больше ничего не слышал.

— Как, по-твоему, имеет смысл послать кого-нибудь с ними? — спросил король Элтирааз, еще раз удивив Каззиру.

— Имеет, — воскликнула та, не успев толком ни разобраться в своих мыслях, ни обдумать ответ. Элтирааз молчал, давая ей возможность собраться с мыслями. — Не следует упускать такую возможность, — спустя некоторое время заговорила Каззира. — Я не доверяла Белли'мару Джуравилю со времени самой первой встречи с ним. Мне казалось, он даже хуже и опаснее, чем люди, время от времени забредающие в наши края. Он выше их, он сродни нам и в то же время, возможно, обладает таким могуществом, что может уничтожить всех Тилвин Док. Мы не можем позволить ему уйти, выпустив из поля зрения.

— И тем не менее, насколько я понимаю, в сердце этого эльфа нет зла. Я считаю, что, если остальные тол'алфар проявят к нам такие же чувства, — король Элтирааз произнес слово «тол'алфар» с запинкой, но стараясь в максимальной степени подражать интонации Джуравиля, — это будет разумно — вступить в контакт с нашими давно потерянными собратьями.

— Возможно, ты принимаешь желаемое за действительное, владыка.

Король Элтирааз испустил тяжкий вздох.

— Возможно. По моим ощущениям, Белли'мар Джуравиль искренен, говоря о возобновлении отношений между нашими народами, и все же меня что-то тревожит. Рискнув просто отпустить его и Бринн Дариель, я могу подвергнуть Тимвивенн серьезной опасности.

— Ты уже пошел на большой риск, сохранив Белли'мару Джуравилю и Бринн Дариель жизнь, — заметила Каззира. — И все же теперь ни я, ни кто-нибудь другой не поддержит их убийство. На самом деле, отправь ты тогайранку в болото, а Джуравиля — на казнь или в заточение, у этого решения найдется множество противников, хотя, может быть, они и не выскажут это открыто.

— И ты будешь среди них?

— Я — нет.

Король Элтирааз рассмеялся: искренность собеседницы его позабавила. До сих пор

Элтираазу казалось, что она тоже считает избранный им в отношении незваных пришельцев курс правильным.

— Да, пока я не готов к встрече с госпожой Дасслеронд, — повторил король. — Не готов посмотреть в лицо прошлому Тилвин Док и Тилвин Тол. Все, что у меня есть, — это интуитивное понимание Белли'мара Джуравиля и рейнджера-тогайранки, но это лишь интуиция. Для того чтобы предпринять попытку воссоединения обеих ветвей нашего народа, мне требуется нечто большее.

Слушая его, эльфийка кивала, соглашаясь с каждым словом Элтирааза.

— Тогда тебе нет нужды просить меня, владыка, — сказала она. — Одному из нас действительно следует сопровождать Белли'мара Джуравиля на юг и потом вернуться вместе с ним. И это действительно должна быть я. Я первая увидела их.

— Однако именно Лозан Дайк настоял на том, что Белли'мара Джуравиля и Бринн Дариель не следует убивать немедленно, — заметил Элтирааз.

— Кви'миелле Дайк носит ребенка, — без колебаний ответила Каззира, имея в виду жену Лозана Дайка; это была первая беременность в Тимвивенне за последние без малого четыре десятка лет. — Лозану Дайку уходить не следует.

Король Элтирааз пристально, долго смотрел в льдисто-голубые глаза эльфийки, пытаясь оценить ее решимость.

Джуравиль и Бринн по команде Каззиры сняли колпаки и зажмурились от ярких солнечных лучей позднего лета. Несмотря на то что вначале крылатый эльф не хотел надолго задерживаться, они провели в Тимвивенне, куда солнечные лучи не проникали, несколько недель. Как приятно было снова окунуться в сияние и тепло солнца!

Настолько приятно, что Джуравиль не сразу осознал: он, Каззира и Бринн остались одни. Док'алфар, провожающие их из города, как сквозь землю провалились.

Они стояли у подножия огромных гор, совсем рядом с ними.

— Где мы? — спросила тогайранка. — И где остальные?

— Мы там, куда вы так стремились, ответила Каззира. — Неподалеку, по крайней мере. И с какой стати Тилвин Док должны сопровождать вас к Дороге Беззвездной Ночи? Они не любят туда ходить.

— Тогда почему осталась ты?

Бринн еще не успела задать вопрос, а Джуравиль бросил взгляд на эльфийку — и все понял.

— Ты собираешься идти с нами, — сказал он; возражений не последовало. — Это путь, предназначенный нам судьбой и необходимостью, и вовсе незачем…

— А наш владыка считает, что есть зачем, — прервала его Каззира, — Ты забрел в наши владения, Белли'мар Джуравиль. Не делай вид, что твое присутствие в Тимвивенне ничего не означает для Тилвин Док или Тилвин Тол. Теперь наши народы снова узнали о существовании друг друга. Раз открыв эту дверь, ее уже не закрыть, к добру ли, или к худу.

— Если я не погибну на юге.

— Все равно нам уже известно о тебе, о Кер'алфар и Эндур'Блоу Иннинес. Значит, король Элтирааз сможет узнать и больше, постепенно и в соответствующее время. Он предпочел бы, чтобы ты остался в Тимвивенне на месяцы, а то и годы, чтобы иметь возможность лучше понять твою душу и твои мысли. Но задержать тебя здесь ему не позволяет совесть — вопреки моему совету, между прочим, — потому что долг зовет тебя на юг.

— Мы благодарны королю Элтираазу за подобное понимание.

— И он хотел бы, чтобы ты выразил эту благодарность как друг, — сказала эльфийка. — Он надеется, что наша случайная встреча станет началом чего-то гораздо большего, и поэтому посылает с вами меня — я должна стать его глазами и ушами, должна помочь ему лучше понять Белли'мара Джуравиля.

— А я тут, похоже, вообще ни при чем? — вмешалась в их разговор тогайранка, явно

уязвленная отсутствием к себе всякого интереса.

— Ты жива и идешь куда хочешь, — ответила Каззира, по-прежнему не сводя взгляда с крылатого эльфа. — Будь довольна, Бринн Дариель, поскольку это гораздо больше того, чего до сих пор удостаивались оказавшиеся во владениях Тилвин Док люди!

Девушка вздохнула.

— Значит, ты станешь глазами и ушами короля Элтирааза на пути к Дороге Беззвездной Ночи? — спросил Джуравиль.

Каззира издала смешок, повернулась и махнула рукой в сторону темной расселины у основания скалы, совсем рядом с ними.

— Вон он, вход, — ответила она и сняла заплечную сумку. Развязала ее, достала оттуда три бело-голубых светильника, два из них бросила спутникам, а третий оставила себе. — Продолжение вашего пути — и начало моего.

Она зашагала к расселине, но Джуравиль остановил ее, схватив за руку. Эльфийка круто развернулась, воззрившись на него.

— Это не твое дело, — сказал Джуравиль.

— Однако — твое?

— Да, потому что так решила госпожа Дасслеронд.

— А мое, потому что так решил король Элтирааз, — отозвалась Каззира. — Может, Тилвин Док и впрямь не стоит вмешиваться в дела Тилвин Тол, тогайру или других людей. А может, мы просто не настолько доверяем тебе, чтобы предоставить полную свободу. В этом нам и предстоит разобраться. Можешь воспринимать мое общество как плату за вашу свободу, как ответную любезность Белли'мара Джуравиля и Бринн Дариель нашему королю.

Джуравиль стоял, не сводя с нее пристального взгляда, и наконец рассмеялся, признавая свое поражение. В самом деле, док'алфар проявили по отношению к нему и Бринн поразительное доверие; как мог он после этого отказаться от общества голубоглазой эльфийки?

И еще один вопрос мелькнул в глубине его сознания. Почему ему на самом деле вовсе *не хочется* отказываться от общества Каззиры? Может, путь станет для него приятнее в компании существа с родственной душой и сходным восприятием мира? Бринн — прекрасная спутница, но она человек и вскоре окажется среди других людей, их проблемы станут ее проблемами, и больше тогайранку ничто не будет занимать. А Джуравилю останется роль стороннего наблюдателя. Может быть, в компании себе подобной ему будет легче пережить эти дни?

Была и еще одна причина, по которой крылатого эльфа тянуло к Каззире, несмотря на ее внешнюю суровость и неприступность — или, может быть, именно благодаря этому. Ее пылкие, сердитые замечания напоминали ему другую особу, которую он когда-то знал, — тол'алфар по имени Тантан, его дорогую погибшую подругу. Каззира чем-то неуловимо напоминала ему Тантан.

— Веди нас, — коротко сказал он.

Бринн и Джуравиль вслед за эльфийкой вошли в узкий туннель, вскоре расширившийся до большой пещеры. В дальнем ее конце виднелись два темных проема. Некоторое время Каззира внимательно разглядывала их, а потом кивнула в сторону левого.

Вскоре троих путников обступила такая плотная тьма, что без светильников они не разглядели бы даже собственную руку, поднесенную к самому лицу.

ГЛАВА 8
ИСПЫТАНИЕ ВЕРЫ

— Ребенок будет совершенно разумен, дети мои, — заявил Эаким Дуан, обращаясь к собравшимся на очередной Совет ятолам, прибывшим из провинций, непосредственно примыкающих к Хасинте.

Он очень тщательно составлял списки приглашенных на эти встречи, сводя вместе

жрецов, отличающихся различными взглядами и зачастую враждующих между собой. Приближался довольно длительный период, когда он будет в высшей степени уязвим, и в это время крайне опасным будет возникновение любых тайных союзов. Вот почему на подобных встречах, где он по традиции произносил речь, провозглашая приближение Возрождения, присутствовали одновременно такие жрецы, как Перидан и Де Хамман, которые никогда не доверяли друг другу настолько, чтобы сплотиться в представляющий реальную опасность союз.

— Что ты имеешь в виду, Глас Бога? — спросил ятол Болх из крупного оазиса Дадах в девяти днях пути от Хасинты, — Ребенок будет способен говорить отдельные слова или фразы?

Эаким внимательно разглядывал Болха. Чуть за тридцать, один из самых молодых и, безусловно, амбициозных жрецов. Он правил Дадахом железной рукой, беря за предоставление приюта и припасы непомерно высокую плату со всех караванов, чей путь пролегал к западу от Хасинты. Можно не сомневаться, ятолу Гриашу не раз пришлось изрядно раскошелиться за остановку в этом оазисе на пути в Дариан.

— Совершенно разумен, — повторил Чезру, — Ребенок не старше года будет владеть речью не хуже меня и вас. Будет понимать наш подход к жизни, будет знать обо мне, своем предшественнике, и о своем предназначении.

— Какая-нибудь крестьянка, желающая возвышения сына, может научить…

— Этот ребенок будет знать о религии ятолов такое, о чем никакая крестьянка далее догадываться не может, — раздраженно перебил Эаким дерзкого ятола. — Когда вы увидите это, у вас не останется никаких сомнений.

— Глас Бога, не подумай только, что я сомневаюсь. — Болх с невинным видом развел руками.

Эаким Дуан улыбнулся. Ему совершенно точно было известно, что все жрецы, все его окружение, за исключением разве что таких безоглядно преданных людей, как Мерван Ма, имеют серьезные сомнения относительно Возрождения — таинства передачи власти от одного Чезру к другому. И кто бы стал осуждать их за это? Поверить в то, что младенец будет не только разумно говорить, но и разбираться во всех постулатах древней религии? Вот она, подлинная проверка того, что сильнее — вера или логика, убеждения или опыт.

Как хорошо Дуан понимал их сомнения! Он прекрасно помнил то время, много сотен лет назад, когда впервые узнал о Возрождении. Тогда, правда, все происходило существенно иначе; в частности, речь о Возрождении и разъяснения к ней произносил не Чезру. Нет, только когда Чезру умирал, зачастую неожиданно, религиозные лидеры Бехрена приступали к поискам.

Эаким Дуан, молодой ятол, был лишь чуть старше Болха, когда принял в них участие. Он прекрасно помнил страстное желание и огромную радость при мысли о том, что ему предстоит стать свидетелем чуда, подтверждающего истинность его веры, — желание, присущее любому человеку, неважно, заявляет он об этом открыто или нет. Тогда ятолы довольно быстро нашли благословенное дитя. Переполненный чувствами предвкушения и радости ожидания, Эаким оказался среди тех, кто должен был засвидетельствовать, что чудо и в самом деле свершилось.

И он увидел ребенка, самого обычного, ничем с виду не отличающегося от других детей!

Те, кто тогда входил в Совет ятолов — их имена он уже забыл, — объяснили ему и остальным жрецам, свидетелями какого «чуда» якобы они стали, и даже повторили слова, будто бы произнесенные лепечущим младенцем. Большинство жрецов удовлетворились сказанным, восприняли все это как доказательство того, что перед ними действительно чудесный младенец, новый Глас Бога.

Однако Эаким Дуан догадался, что было на самом деле. Он инстинктивно понял, что этот младенец был всего лишь пешкой в серьезной игре находящихся на вершине церковной власти ятолов, благодаря которой они могли провести остаток дней, правя Бехреном.

И поэтому он прекрасно понимал опасения и сомнения таких людей, как Болх, в преддверии надвигающегося кризиса. Если ему удастся удержать ятолов в узде до момента появления ребенка на свет и они собственными глазами увидят доказательства истинности своей веры — доказательства того, что избранный ребенок и впрямь Глас Бога, тогда такие люди, как Болх, в следующей его инкарнации могут стать самыми ценными союзниками.

— Когда я был избран, я знал о религии ятолов столько же, сколько сейчас, — сказал Эаким Дуан. — И цитировал Пророчества по памяти точно так же, как могу делать это ныне… — Он усмехнулся. — Нет, лучше, ведь тогда тело еще не начало подводить меня, и в памяти не случалось провалов, как частенько бывает теперь.

Собравшиеся — их было десять человек — тоже вежливо засмеялись; им нечасто приходилось слышать из уст Чезру подобные признания. Все, за исключением ятола Болха. Тот продолжал пристально смотреть на Дуана, словно пытаясь проникнуть взглядом в самую его душу.

Чезру подавил искушение отвести глаза в сторону и просто обезоруживающе улыбнулся.

— Любое мыслящее существо на вашем месте испытывало бы сомнения, — заметил он. В ответ жрецы в один голос принялись отрицать наличие каких бы то ни было сомнений, но Эаким Дуан поднял руки, устремив взгляд поверх их голов. — Этого и следовало ожидать, дети мои, поскольку вера не имеет никакого логического обоснования. Кто-нибудь из присутствующих видел рай, который ждет нас на том свете? Нет. Дух нельзя ни увидеть, ни услышать. После смерти человека мы видим лишь его мертвое тело — пустую, безжизненную оболочку. Значит, рассуждая логически, смерть — это конец существования. Я знаю больше и говорю вам, а Возрождение подтвердит это, что существуют другие возможности бытия кроме тех, которые доступны нашему восприятию. Увидев новое воплощение Гласа Бога, услышав, как дитя произносит слова Истины, вы все поймете и будете вполне удовлетворены. Страшны вовсе не ваши сомнения сами по себе, — продолжал Чезру, стараясь сохранить должный накал страсти в голосе, не скатываться к рутинному повторению речей, которые он уже столько раз произносил на протяжении столетий. — И эти сомнения отнюдь не означают, что те, кем они овладевают, слабы в вере. Вы должны спрашивать, должны сомневаться! К примеру, как вы можете быть уверены, что, выбрали того ребенка, которого следует? Но поверьте — когда вы увидите и услышите нового Гласа Бога, вопросы застрянут у вас в горле, а сомнения полностью исчезнут. И тогда мир снизойдет в ваши души, потому что вы получите подлинное доказательство истинности своей веры. Чудо развеет ваши страхи. Взгляните на тех немногих жрецов, которые помнят последнее Возрождение! Какую удовлетворенность вы можете заметить в их уже мало что видящих глазах! Мужайтесь, дети мои, и тот же покой снизойдет и в ваши души.

И это в большой степени соответствовало действительности. Сейчас остались в живых лишь три ятола, помнивших то Возрождение, когда Эаким Дуан был признан следующим Гласом Бога, и они поистине были счастливы. Счастливы, потому что видели чудо и знали, что их ждет блаженство рая. Счастливы, потому как понимали, что жизнь, отданная служению Богу, потрачена не зря.

Счастливы, потому что Эаким Дуан обманул их.

Вскоре собравшиеся стали расходиться, возбужденно обсуждая подробности предстоящего Возрождения. Исключение составляли лишь два человека, привлекшие внимание Эакима Дуана. Чуть в стороне, не отрывая взгляда от Чезру, сидел Мерван Ма. Его глубоко огорчали и сама предстоящая, даже в некотором роде долгожданная смерть Чезру, и собственная неспособность принять эту реальность, отмести в сторону вполне естественный страх перед смертью как таковой и не менее понятную печаль из-за потери человека, которого он считал наставником и другом.

Его переживания, однако, не слишком волновали Эакима Дуана; он знал, что Мерван Ма воспрянет духом, как только будет найден новый Глас Бога. Чезру давно уже решил, что, когда это произойдет, одним из его первых откровений станут слова, обращенные к Мервану

Ма. Он скажет бедняге, что Эаким Дуан по-прежнему с ним, смотрит на него с небес и гордится тем, как успешно его помощник выполняет важные обязанности.

Другое обеспокоило Дуана гораздо сильнее: ятол Болх покидал зал без улыбки и не принимая участия в возбужденных разговорах товарищей. На его лице застыло выражение глубокой задумчивости.

С ним могут возникнуть сложности, понял Чезру. Он молод, силен, энергичен и нетерпелив. И настолько амбициозен, что ему, возможно, будет трудно подчиниться какому-то ребенку, пусть даже и благословенному. Жрец, сколь бы набожным он ни был, ни при каких обстоятельствах не может подняться в иерархии церкви выше, чем до положения второго лица. Конечно, когда Болх увидит избранное дитя, услышит из его уст церковные догматы, он поверит и отбросит амбиции.

Но хватит ли у ятола Болха терпения? Ведь после смерти Эакима Дуана должно пройти почти два года, пока найдут нового Чезру. А что, если Болх попытается изменить установившуюся практику и добиться назначения нового Чезру?

Эаким Дуан улыбнулся. Чтобы узнать правду, он прибегнет к той же самой магии, без которой невозможно и само Возрождение.

— Зачем нужно ждать годы, чтобы потом испытать разочарование? — скептически спросил ятол Болх гостя, ятола Зей'а'ху, — Ведь ты наверняка не веришь во всю эту болтовню о ребенке, говорящем как взрослый!

— Чезру Дуан призывает нас полагаться на веру, — ответил второй жрец, всего лет на десять с небольшим старше Болха, но гораздо более потрепанный жизнью, худой, с водянистыми глазами и плохо обритой головой; челюсть у него постоянно подрагивала из-за давнего недуга. — Как можно верить в чудо рая, если не хватает веры даже в такое, значительно уступающее ему по значимости?

— Уступающее, ты считаешь? — с тем же скептицизмом переспросил Болх. — Несмышленый младенец, излагающий тексты писания ятолов? Ты видел хотя бы одного младенца, способного произносить осмысленные фразы?

— Да, уступающее, — настойчиво повторил Зей'а'ху, — Бог смог создать рай, сумел выйти за пределы смерти. Почему же ты сомневаешься в этом?

Болх поудобнее устроился в кресле и, приложившись к трубке кальяна, сделал глубокий вдох.

— И однако ты тоже сомневаешься, несмотря на всю твою аргументацию. Иначе, друг мой, почему ты здесь?

Следовало признать, что в словах Болха есть определенная доля истины. И отношение Зей'а'ху к предстоящему Возрождению было сугубо отрицательным, о чем ясно свидетельствовало выражение его лица. Он никогда не испытывал особой приязни к Эакиму Дуану и часто в личных беседах выражал несогласие с ним. Хотя Зей'а'ху всегда безоговорочно повиновался Чезру и выполнял все его распоряжения буквально, тот, по его мнению, принял несколько неправильных решений, нанесших серьезный урон провинции Эт'зу, которой правил ятол. Десять лет назад Дуан «отрезал» от этой провинции северную часть и передал ее ятолу Прешу. Которому сильно досаждали племена, кочующие по пустыне Тоссионас. Проблему кочевников это не решило, они по-прежнему причиняли соседям массу беспокойства, зато ятол Зей'а'ху лишился важного оазиса. При всей своей набожности он никак не мог поверить в то, что это решение пришло свыше; не мог же, в самом деле, Чезру совершить столь очевидную ошибку? Это был самый яркий пример, но имели место и другие, в которых, по мнению Зей'а'ху, отсутствовала какая бы то ни было логика.

— Мы придерживаемся традиции Возрождения вот уже на протяжении столетий, — сказал он. — Когда Чезру умирает, начинаются поиски нового Гласа Бога. Подлинность его личности подтверждает чудо, состоящее в том, что младенец знает то, чего знать не может, и способен выразить это словами. Таков наш путь, и сейчас Чезру Дуан подготавливает нас к

следующему Возрождению. Что, по-твоему, мы должны делать, ятол Болх? Самим назначать Чезру? Ты всерьез веришь, что остальные жрецы — а их в Бехрене, как тебе известно, двести человек — согласятся с таким решением?

— Ничего подобного я не предлагаю! — горячо возразил Болх.

— Тогда что?

— Не дремать и быть начеку, — отозвался молодой ятол. — Мы должны принять самое деятельное участие в процессе поисков и найти ребенка, который будет соответствовать нашим чаяниям.

— А как ты выяснишь это в отношении младенца? И неужели ты веришь, что, если найдешь ребенка, не обладающего способностями, о которых говорил Чезру Дуан, остальные жрецы примут его?

— А ты веришь, что вообще может существовать ребенок, являющийся Гласом Бога и излагающий постулаты нашей религии не хуже нынешнего Чезру?

Услышав эти откровенные, почти еретические высказывания ятола Болха, Зей'а'ху внутренне сжался. Как ответить на такой вопрос? Либо они верят в то, что существует такое дитя, точно соответствующее описанию Чезру Дуана, либо нет. И если нет, может, неплохо было бы подыскать ребенка, чью мать выберут сами Болх и Зей'а'ху?

— Друг мой, если такой младенец и в самом деле обнаружится, мы всегда можем промолчать о нашем собственном выборе и поддержать всех остальных, — продолжал Болх, — А если нет, то что мы теряем?

— Даже если мы найдем подходящее дитя, остается еще одна проблема: Чезру Дуан назначил пастыря Мервана Ма наставником ребенка, — напомнил ятол Зей'а'ху. — Он будет оказывать на следующего Чезру наибольшее влияние, а этот юноша душой и разумом предан идеям Дуана. Мальчик вырастет таким же, и, значит, в его сердце не найдется сочувствия к нуждам Эт'зу.

— Мерван Ма? Пустое, — заявил ятол Болх. — Незначительная фигура в большой игре за будущее нашей религии.

— Нет, согласно распоряжению Чезру Дуана.

— Который будет мертв и похоронен, — отозвался Болх.

Услышав такое из его уст, ятол Зей'а'ху прищурил глаза. Тон Болха не оставлял сомнений, что, если понадобится, он устранит Мервана Ма — и сделает это без колебаний.

Эакима Дуана этот разговор чрезвычайно удивил. Он тоже присутствовал в роскошной комнате, где сидели собеседники. Не физически, разумеется. Физически он оставался в Чом Дейру, дворце Чезру в Хасинте, в помещении для медитаций, куда никто не смел войти, дабы не нарушить его личного общения с Богом. На самом деле если с кем он и «общался лично» в эти часы, то с гематитом, камнем души. Используя его магию, Эаким покинул собственное тело и отправился вслед за беспокойным ятолом Болхом в занимаемую им резиденцию.

Весьма кстати, что Болх решил выбрать для разговора с ятолом Зей'а'ху именно сегодняшний день.

Чезру поразило, что Зей'а'ху тоже оказался в числе заговорщиков. Он всегда относился к этому человеку с симпатией, хотя знал, что тот затаил на него обиду из-за потери северных земель. И все же Чезру даже представить себе не мог, что это давнишнее решение поможет Болху завлечь Зей'а'ху в свои сети.

Вот последнее заявление ятола Болха, в котором содержался намек на возможность устранения Мервана Ма, удивило Эакима Дуана куда меньше. Он хорошо понимал Болха, поскольку на протяжении столетий видел немало таких людей — молодых, нетерпеливых, не слишком сильных в вере. Да что там — Чезру и сам был одним из них!

Если бы он в этот момент находился в своем теле, то испустил бы тяжкий вздох. Глядя на Болха — как будто зеркальное отражение себя самого периода первой инкарнации, — Чезру уже, наверное, в тысячный раз задумался над тем, как хорошо было бы предложить

бессмертие и другим, немногим избранным, друзьям и возлюбленным, с тем чтобы они сопровождали его сквозь время. Конечно, существование Гласа Бога одиноким никак не назовешь. В любой инкарнации он мог окружить себя новыми друзьями и, уж конечно, не имел сложностей с плотскими утехами в обществе любых женщин.

Но это, наверное, совсем не то, что проживать столетие за столетием не в одиночку, а с кем-то еще. С Болхом, к примеру, или с Мерваном Ма.

Как обычно, Эаким Дуан тут же выбросил эту мысль из головы. Нет, слишком велик риск. Любой, даже самый преданный человек, узнав правду о гематите и Возрождении, может впасть в искушение открыть ее еще кому-нибудь. Лучшему другу, например. Может влюбиться и захотеть взять возлюбленную с собой в путешествие сквозь время. Или, даже хуже того, обладать собственными амбициями и пожелать стать Гласом Бога, угрожая положению Эакима Дуана, от которого тот, само собой разумеется, отказываться никак не желал.

Тем более что открыться он мог только человеку, каким был в свое время сам, или такому, как Болх. Но Чезру знал, что доверять человеку, не имеющему истинной веры в рай и, следовательно, не знающему подлинного страха перед Богом, нельзя, ведь он, скорее, пожелает превратить собственную жизнь в рай уже на этой земле и за ценой не постоит.

Эаким Дуан прекрасно понимал, что теперь ему придется устранить ятола Болха.

И ятола Зей'а'ху, конечно, тоже.

Как можно это сделать, не вызвав серьезного раскола среди ятолов, не нарушив мира, который он так долго и трудно создавал? Если бы еще речь шла об одном человеке, он просто приказал бы чежу-леям напасть на караван под видом разбойников. И даже если бы кто-то из уцелевших в караване опознал их хотя бы по росту, никто бы ему не поверил. Но убирать двух жрецов, нападать на два каравана?

Следует организовать все крайне тщательно и не торопясь.

Не торопясь. Эаким Дуан, уже вернувшийся в свое тело, раздраженно покусывал губу. Он не хотел откладывать решение этой вновь возникшей проблемы, не желал тратить несколько недель — а может, и месяцев — на организацию покушения на жрецов, а потом еще ждать, что из этого получится.

— Но как можно… — произнес он вслух и вдруг замолчал.

Губы Чезру искривила злобная усмешка.

Он снова с помощью гематита покинул свое тело, проник, пролетев по городу, в дом, где остановился Зей'а'ху, и нашел его в ванне, окруженного полуобнаженными молодыми слугами обоих полов. Эта сцена вызвала у него и удивление, и жалость. Все знали, что Зей'а'ху утратил мужскую силу; ходили слухи, что он находит для себя иные, извращенные формы удовольствия. К примеру, наблюдая за соитием других.

Бедняга!

Не обращая внимания на окружение ятола, дух Эакима Дуана устремился прямо к разнежившемуся в ванне человеку и произвел одержание.

Глаза ятола Зей'а'ху чуть не выскочили из орбит. Он издал пронзительный крик, слуги испуганно повернулись в его сторону. Потом они бросились к своему господину, но отпрянули, когда Зей'а'ху забился в ванне, расплескивая воду по всей комнате.

Он судорожно раскрывал рот, точно пытался выкрикнуть какие-то слова, позвать на помощь. И так оно и было.

Однако ятол теперь не был хозяином положения. Внутри его тела шла борьба — два духа, две воли сражались за контроль над его разумом. Получая прямо противоположные сигналы, мышцы напрягались и сокращались. Глаза вытаращились, рот продолжал кривиться, зубы впивались в язык и губы.

«Ты узнаешь меня, ятол Зей'а'ху? — мысленно спросил дух Эакима Дуана. Ятол внезапно перестал метаться и теперь спокойно лежал в ванне. — Взгляни на меня! Пусть сердце подскажет тебе, кто твой гость!»

«Чезру Дуан?» — безмолвно спросил дух Зей'а'ху.

«В этой инкарнации», — последовал таинственный ответ.

Слуги начали медленно приближаться к ванне, но снова отступили, когда тело их господина вновь забилось в ужасных судорогах.

«Ты отступник! — продолжал Эаким Дуан. — Я разочаровался в тебе, ятол Зей'а'ху».

«Нет!»

«Ты вступил в сговор с еретиками, отрицающими истину Бога!»

Зей'а'ху снова и снова повторял шепотом лишь одно слово:

— Пощади…

«Исправь совершенное тобой святотатство, ятол Зей'а'ху! Сегодня же ночью! Сейчас! Другого шанса вернуться на путь в рай у тебя не будет».

Эаким Дуан разъяснил, что он имеет в виду, с помощью нескольких картин, посланных им в сознание ятола, после чего покинул тело Зей'а'ху и воспарил к потолку. И хотя никто не мог его ни видеть, ни слышать, слуги почувствовали присутствие чего-то потустороннего. Было очень забавно наблюдать, как на их физиономиях возникает выражение недоумения и страха, волосы на затылке непроизвольно встают дыбом, а женщины обхватывают себя руками, словно им внезапно стало холодно. Многие с криком выбежали из комнаты.

Но самое интересное еще впереди, понимал Чезру, наблюдая, как ятол Зей'а'ху поспешно выбрался из ванны, отталкивая слуг, пытающихся помочь ему накинуть халат на его обнаженные плечи.

Завернувшись в накидку не столько из соображений пристойности, сколько для защиты от холода, Зей'а'ху выскочил из дома. Чувствовалось, что им внезапно овладела какая-то навязчивая идея и что только она и занимает его разум.

Заодно под накидкой удобно было спрятать оружие, которое поможет Зей'а'ху вернуться на дорогу в рай.

Все резиденции, где останавливались приезжающие в Хасинту жрецы, находились в одном квартале. Поэтому Зей'а'ху не пришлось долго бежать до дома ятола Болха. Он промчался мимо двух стоящих на страже солдат и с грохотом распахнул дверь. За ней обнаружился еще один стражник, но ятол Зей'а'ху, не дав ему сказать ни слова, бросился в глубину дома, громко выкликая имя Болха.

Вскоре тот появился, одетый в точности так, как три часа назад во время встречи с ятолом Зей'а'ху.

— Зей'а'ху, — ошеломленно выговорил он, — Что стряслось? — И широко раскинул руки, удивленно глядя на него.

Выражение удивления заметно усилилось, когда нож ятола вонзился ему в живот.

— Еретик! Неверующий! — завопил Зей'а'ху, давя на рукоятку ножа со всей силой и решимостью, подогреваемой глубокой верой в то, что на кону спасение его души.

К тому моменту, когда потрясенные стражники оттащили непрошеного гостя, ятол Болх, держась за живот, лежал на полу в луже собственной крови.

Паря наверху, Эаким Дуан наблюдал впечатляющую сцену с сожалением, но не без удовольствия. И вдруг до него внезапно дошло, что в этом есть что-то от страсти к подглядыванию. Ощутив укол совести, он спросил себя, чем, в таком случае, он лучше Зей'а'ху, находящего удовольствие в созерцании того, в чем сам участвовать не мог.

Впрочем, все это не имело никакого значения, решил Чезру, вернулся в свое тело и занялся подготовкой к тому, что его ожидало дальше. Он знал, что вскоре ятол Зей'а'ху предстанет перед ним как обвиняемый в убийстве.

Эаким Дуан решил сыграть роль с утонченным презрением к окружающим. Он выслушает рассказ Зей'а'ху, мнение других жрецов, удалится для совещания с Богом, а по возвращении объявит Зей'а'ху героем веры.

Старый Чезру все еще хихикал, когда к нему ворвался Мерван Ма, заявивший, что его срочно ожидают в зале для аудиенций.

ГЛАВА 9

ЗАТЕРЯВШИЕСЯ ВО МРАКЕ

.

На Дороге Беззвездной Ночи царил такой мрак, какого Бринн и представить себе не могла; уж во всяком случае, тьма здесь была гораздо гуще, чем в пещере, где их держали в заточении. Спускаясь вместе с Джуравилем и Каззирой по бесконечным туннелям, уходящим все глубже под основание горы, она начала понимать, что дело не просто в отсутствии света; здесь стояла такая тягостная тишина, что закладывало уши, и все в целом заставляло девушку невольно погружаться вглубь себя. Она все время пыталась собрать силы и решимость, думать о цели их похода, о том, что в конце Дороги Беззвездной Ночи окажется в Тогае, в заросших душистыми травами степях родины.

Однако тишина давила, дробила мысли и, казалось, жаждала поглотить дерзких путников, растворить в себе.

У них были светильники, эти удивительные творения док'алфар, мерцающие голубоватым огнем. Но даже их свет казался здесь странно неуместным, слабым и лишь усиливал ощущение тревоги. К тому же он выхватывал из тьмы весьма ограниченное пространство и, как казалось Бринн, скорее помог бы хищникам заметить их, чем наоборот.

Воздух был теплый, неподвижный — настолько неподвижный, что окутывал тело, словно тяжелое одеяло, отчего идти становилось еще труднее. Неровный, бугристый пол туннелей принуждал все время смотреть под ноги, чтобы за что-нибудь не зацепиться. В стенах тут и там также торчали выступы, отбрасывающие в тусклом свете зловещие тени.

— Насколько страшнее выглядели бы эти тени в трепещущем свете обычных факелов. — Голос Каззиры разорвал тишину так внезапно, что тогайранка и Джуравиль едва не подскочили, — Они были бы прямо как живые. В прежние времена многие погибли здесь, прежде чем мы придумали, как использовать стайки фазлов, заключив их внутри светильников. Пляшущие тени на стенах вводили путешественников в состояние оцепенения, и реальная опасность захватывала их врасплох.

Тогайранка взглянула на светильник с вырезанной из дерева рукояткой и матовым стеклянным шаром наверху. Он действительно отбрасывал очень ровный свет, но, даже приглядевшись повнимательней, она не заметила за матовой поверхностью никакого движения.

— Стайки фазлов? — как бы прочтя ее мысли, спросил Джуравиль.

— Фазлы — это такие маленькие многоножки, живущие глубоко в залежах торфа, — объяснила эльфийка. — Они светятся, хотя очень слабо, и выглядят как мерцающий туман. Заключенные в лишенный воздуха шар, они продолжают светиться на протяжении многих недель. Без них у нас почти не было бы шансов проделать этот путь. Мы не смогли бы унести столько дерева, сколько нужно для факелов, а здесь его не найдешь.

Разговор угас, и спутники в безмолвии продолжили путь. По дороге им попадалось множество перекрестков, ответвлений и больших пещер с несколькими выходами. Каззира, однако, каждый раз уверенно выбирала дорогу. Бринн понадобилось некоторое время, чтобы догадаться, в чем тут секрет: все избираемые ею проходы и повороты были еле различимо помечены округлыми эльфийскими символами.

— Ваши люди часто бывают здесь, — сказала тогайранка и тут же поняла, что ее слова прозвучали как обвинение.

Каззира и Джуравиль холодно посмотрели на спутницу; Бринн стало ясно, что эльф советует ей быть осторожнее.

— Я хочу сказать, что проходы помечены Тилвин Док, — продолжала девушка, стараясь, чтобы в ее тоне не чувствовалось никакой враждебности. — Выходит, ваши люди хорошо знают Дорогу Беззвездной Ночи.

— Да, мы издавна пользовались этим путем, — после продолжительного молчания ответила Каззира. — Когда-то, много столетий назад, Тимвивенн состоял из двух городов. В одном вы были, а второй находился здесь.

— А почему эльфы покинули подземный город? — опередив Бринн, спросил Джуравиль.

Видимо, он сам не опасался касаться этой темы.

— Причин много, но, по правде говоря, важнее всего, что это место нам не по душе. После нескольких дней, проведенных здесь, начинаешь понимать, что на открытом воздухе куда лучше.

— Я уже это понимаю, — заметила девушка, и эльф, явно придерживающийся того же мнения, невесело рассмеялся.

Спутники шли до конца дня — так им казалось, по крайней мере — и устроили привал в небольшой пещере. Светильники разместили таким образом, чтобы тот, кто стоит на страже, мог заметить приближение чего-либо угрожающего.

Следующий день протекал точно так же, с короткими разговорами, от которых мрачная тишина казалась лишь глубже. Каззира показала спутникам съедобные грибы и мох, объяснив также, какие ядовитые грибы ни в коем случае не следовало употреблять в пищу. Они все дальше углублялись по Дороге Беззвездной Ночи, и временами потолок туннелей опускался так низко, что приходилось пригибаться даже невысоким эльфам.

Так прошел еще один день, и еще один, и еще; единственным событием стало обнаружение маленького ручья. Спутники наполнили мехи для воды и даже искупались в нем, что доставило Бринн огромное удовольствие.

Дорога оказалась извилистой, все время петляла то влево, то вправо, и это лишало возможности хотя бы приблизительно прикинуть, насколько они продвинулись в южном направлении. Временами тропа уходила вверх так круто, что приходилось подниматься, цепляясь за каждый камень, а иногда почти обрывалась вниз; тут очень помогли веревки, которые прихватила с собой Каззира.

На пути им попадались причудливые, сверкающие, необыкновенно красивые кристаллические друзы на стенах, за века существования принявшие на редкость причудливые формы.

Спутники проходили по плато, заросшему гигантскими грибами, каждый из которых имел ножку толще ствола большого дуба и высоту, втрое превышающую рост тогайранки, когда вдруг поняли, что они не одни.

Мимо Бринн что-то промелькнуло настолько быстро, что она не успела ничего разглядеть и только издала предостерегающий крик.

Джуравиль среагировал мгновенно, совершив кувырок через голову и оказавшись рядом с девушкой. Вскочив на ноги, он увидел, как сверкающее лезвие прорезало воздух в том месте, где он только что находился. Он окликнул Каззиру, но, как выяснилось, эльфийка оказалась расторопнее его.

Описывая круги дубинкой из золотистого дерева, она приближалась к одной из смутно различимых фигур, и, хотя была все еще слишком далеко от нее, свист разрезающей воздух дубинки заставил нападающего на мгновение замереть.

Большего Бринн и не требовалось. Она рванулась вперед и, просунув лук между широко расставленными ногами противника, резким рывком лишила его равновесия, свалив на землю.

Не успев разделаться с ним, тогайранка заметила новое движение и едва смогла занять оборонительную позицию, как на нее бросился второй нападающий.

— Гоблины! — закричал Джуравиль.

Пара безобразных созданий промчалась через освещенное пространство, и эльф хорошо разглядел их. Он сделал новый кувырок в сторону Бринн, избежав удара двух копий.

Джуравиль хотел прийти на помощь Каззире, но тут же понял, что она в этом не нуждается.

Движения эльфийки были похожи на те, что практиковались тол'алфар в би'нелле дасада. Она наносила удары ногами и маленькой дубинкой, иногда вообще выпуская оружие из рук и тут же снова его подхватывая.

В какой-то момент Каззира повернулась спиной к гоблину, и тот бросился в атаку, угрожающе вскинув копье.

Однако она молниеносно развернулась, копье пролетело мимо, а сам гоблин оказался в пределах досягаемости ее дубинки.

Звук удара был таким сильным, что Джуравиль и Бринн подумали, будто дубинка раскололась. Однако эльфийка как ни в чем не бывало продолжила танец с дубинкой в руке, а гоблин рухнул на пол с расколотым черепом.

Дубинка снова просвистела в воздухе, не задев второго гоблина, и он тут же кинулся вперед, решив, что его противница утратила равновесие.

Ничто не могло быть дальше от истины. Каззира перекинула дубинку в левую руку, ловко увернулась от удара, снова перебросила дубинку, схватив ее за толстый конец, и ткнула тонким прямо в лицо нападающему, по инерции пролетевшему вперед и просто напоровшемуся на него.

Теперь уже два гоблина неподвижно лежали на полу. Завораживающий танец продолжался.

Белли'мар Джуравиль так увлекся необыкновенным зрелищем, что чуть не поплатился за это, едва не просмотрев нападения гоблинов. Он выхватил меч, отбил летящее в его сторону копье и заставил второго гоблина отступить.

Тогайранка мгновенно оказалась рядом, за спинами нападающих, держа в широко расставленных руках лук-посох. Удар влево — в затылок одному гоблину, удар вправо — в спину второму, и оба пролетели вперед.

Прямо на меч Джуравиля.

Покончив с ними, эльф развернулся, они с Бринн встали спина к спине, но оставшиеся гоблины с криками разбежались, растаяв в темноте.

Девушка и Джуравиль посмотрели на Каззиру. Она, словно статуя, замерла в той позе, в какой ее застало последнее мгновение танца: одна рука с дубинкой поднята над головой, другая вытянута перед грудью. Эльфийка вытянулась на одной ноге — на носке, точнее говоря, — вторая же нога обхватывала первую, превосходно обеспечивая равновесие.

Ни одного гоблина в поле зрения не было, если не считать распростертых на полу.

— Нужно как можно быстрее уходить отсюда, — заметил Джуравиль. — В туннеле гоблинам с их копьями будет труднее напасть на нас.

— Тут остались раненые, — заметила Бринн, но эльфы, похоже, не придали ее словам никакого значения.

— Не медлите, — повторил Джуравиль.

Они побежали мимо возвышающихся над головами грибов, подальше от открытого пространства, в узкий туннель.

Эльф мчался первым и, завернув за угол, наткнулся еще на одного гоблина, желтоватые глаза которого широко распахнулись от удивления.

Меч проткнул ему живот, дубинка Каззиры нанесла удар по лицу.

Он упал на спину, а спутники побежали дальше.

Чуть позже они услышали за спиной топот преследующих их гоблинов.

Тогайранка отдала светильник Джуравилю и на бегу надела на лук тетиву. Когда топот приблизился, она внезапно развернулась и выстрелила. Стрела исчезла во мраке. Девушка не знала, достигла ли она цели, но звук шагов на мгновение стих, и троица снова бросилась бежать.

Они пересекли огромную пещеру, держась ближе к стенам, свернули в первый же проход и услышали звуки, свидетельствующие о присутствии здесь гоблинов, множества гоблинов!

Выскочив оттуда, спутники пробежали мимо еще одного прохода, потом третьего и свернули — просто наугад — в четвертый. В тусклом свете светильника бежавшая первой эльфийка едва не свалилась с края обрыва. Она упала на колени, в ужасе провожая взглядом

соскользнувшие вниз камни.

Прошло несколько секунд, прежде чем послышались звуки удара о каменное дно внизу.

— Назад! — закричал Джуравиль. — Быстро, пока гоблины не догнали нас.

— Они уже здесь! — воскликнула Бринн.

— Вон туда! — Каззира указала вправо от обрыва.

Вглядываясь сквозь густой полумрак, тогайранка разглядела уходящую вниз тропу, сплошь усыпанную камнями. Она подумала, что может возникнуть камнепад, однако эльфы ждать не стали. Каззира подбежала к тропе и заскользила вниз. Джуравиль последовал за ней, помогая себе крыльями.

Бринн обернулась и выпустила еще пару стрел. Пусть эти двое спустятся как можно ниже, прежде чем она тоже начнет спуск.

Девушка догнала спутников на краю невероятно глубокого обрыва.

Тогайранка с любопытством наблюдала за тем, как Каззира вытащила веревку. *Для защиты, что ли,* подумала она? Нет, эльфийка взяла один конец, а весь моток отдала Джуравилю. Тот понимающе кивнул, прыгнул во тьму и, взмахивая крыльями, быстро исчез из виду. Веревка разворачивалась без рывков; по-видимому, спуск протекал спокойно.

— Он нашел опору, — спустя некоторое время сказала Каззира.

Обвязав обломок сталагмита, она перекинула собственный пояс через веревку.

— Используй свой пояс, — сказала она Бринн и заскользила вниз.

Девушка, чей светильник все еще был у Джуравиля, осталась в полной темноте. Судя по звукам, гоблины уже приближались.

Она сняла пояс, упала на колени и на ощупь подползла к сталагмиту и туго натянутой веревке. У нее не было времени, чтобы окликнуть эльфийку и выяснить, можно ли опускаться ей самой и как долго будет продолжаться спуск. Бринн просто перекинула пояс через веревку, схватила драгоценный лук и заскользила вниз.

Джуравиль и Каззира стояли на небольшой площадке, освещая ей путь. За их спинами темнел вход в туннель. Как только девушка опустилась, эльфийка умело вытянула веревку, и, смотав ее, они побежали прочь. На этот раз звуков шагов позади слышно не было. И все же они мчались до тех пор, пока не почувствовали себя совершенно обессилевшими.

Весь следующий день путники быстро шли по единственному доступному им туннелю. Каззира призналась, что понятия не имеет, где они оказались.

— У нас в Тимвивенне говорят, что если кто и гибнет на Дороге Беззвездной Ночи, то в глубокой старости, — слегка усмехнувшись, заметила она.

Если это была попытка пошутить, то спутники сочли ее не слишком удачной.

Инстинкт подсказывал, что они движутся в правильном направлении, на юг; однако беспокоило то, что туннель уходил все глубже и глубже. С каждым часом воздух становился более теплым, дышать стало еще труднее.

Следующее изменение происходило настолько постепенно, что они заметили его далеко не сразу.

Джуравиль остановился, недоуменно оглядываясь. Бринн и эльфийка с любопытством посмотрели на него.

— Эти туннели — не естественные подземные ходы, — сказал он. — Они рукотворные.

Каззира и тогайранка высоко подняли светильники, разглядывая стены и потолок. И точно, искусно сделанные опоры поддерживали потолок, а под ногами простирался выложенный плитами пол.

Бринн и Джуравиль посмотрели на эльфийку, ожидая объяснений, но ей нечего было сказать.

— На такой глубине нет городов или хотя бы поселков, о которых Тилвин Док было бы известно, — пожала она плечами, — Если только эти туннели не построили гоблины.

Джуравиль покачал головой, отметая это зловещее предположение.

— Гоблины такого не сделают, — уверенно заявил он. — Эти твари умеют только

разрушать, созидать они не способны.

— Мир необъятен, Белли'мар Джуравиль, — заметила Каззира. — Ты сам говорил, что не все люди одинаковы, что обитатели севера не такие, как тогайру. Может, то же самое относится и к гоблинам?

Ее спутник на мгновение задумался и снова покачал головой. Нет, только не к гоблинам.

— Думаю, скоро все выяснится, — Бринн решительно зашагала вперед.

Эльфы последовали за ней. Так они шли около часа, пока наконец не оказались в просторном зале, перегороженном скрепленной известковым раствором стеной, в центре которой имелся узкий вход. Осторожно, готовые в любой момент кинуться в бой или повернуть обратно, трое спутников подошли к неплотно закрытой двери, криво свисающей на старых проржавевших петлях.

Джуравиль мягко толкнул ее, и дверь открылась. Он заглянул внутрь, увидел каменную кладку, вошел, бросил взгляд вокруг…

Потом посмотрел сквозь дверной проем на спутниц и пожал плечами.

Они последовали за ним, прошли влево вдоль стены шести-семи футов высотой и оказались в тупике.

Эльф посмотрел на Бринн и Каззиру, снова пожал плечами и, взмахнув крыльями, вспрыгнул на стену. А потом взлетел еще выше, чтобы иметь возможность осмотреть помещение сверху. Понимая, что в этом положении он представляет собой отличную мишень, Джуравиль почти сразу же опустился.

— Лабиринт стен, — сказал он. — Есть и проходы, но на противоположных концах коридоров.

— Может, это сделано в целях самозащиты, — высказала предположение Каззира. — Врагу пришлось бы сражаться в узких коридорах, чтобы пересечь один-единственный зал.

— Тогда будем надеяться, что сейчас его никто не обороняет, — заметил эльф и зашагал вдоль коридора в противоположный его конец.

Там обнаружился проход, через который они проникли во второй коридор, добрались до его конца и перешли в третий.

Бринн подпрыгнула, ухватилась за верхний край стены, подтянулась и взобралась наверх.

— Ноги устали от ходьбы, — объяснила она Каззире и протянула ей руку.

Эльфийка ухватилась за нее, легко подтянулась и тоже уселась на стену, а Джуравиль взлетел и приземлился рядом с ними.

Отдохнув, спутники отправились дальше. Обогнув последний из тридцати барьеров, они увидели широкие ступени лестницы, обрамленной колоннами. Резьба на колоннах свидетельствовала о многом.

— Поври, — пробормотал эльф. Каззира ответила ему непонимающим взглядом. — «Красные шапки». Карлики.

Его спутница пожала плечами, подошла к Джуравилю и остановилась рядом с ним, разглядывая очень точное скульптурное изображение поври, украшающее колонну. Карлик стоял в угрожающей позе с мечом наготове и в полном боевом снаряжении.

— Если за этой дверью город поври, мы обречены, — сказал Джуравиль.

Эльфийка с усмешкой посмотрела на него.

— И все же ты не меньше меня хочешь ее открыть.

При виде того, как эльфы обменялись улыбками, Бринн охватило странное чувство; внезапное, чисто интуитивное прозрение подсказало ей, что между ее спутниками возникает какая-то более глубокая связь. Она, конечно, не сказала ни слова, просто последовала за ними с луком наготове. Джуравиль и Каззира подошли к огромной железной двери, некоторое время внимательно разглядывали ее, потом толкнули. Дверь открылась, скрипя ржавыми петлями.

За ней мерцал разреженный туман.

— Фазлы, — заметила эльфийка и шагнула вперед.

Сразу за дверью находился балкон, возвышающийся над огромной пещерой с целой серией площадок, расположенных на разной высоте. Их связывали между собой каменные лестницы, и на каждой площадке стояли какие-то постройки. Все они светились тем же тусклым белым светом. Там и тут были видны гнезда со стаями фазлов, множество огромных живых светильников, каждый из которых содержал, по оценке Каззиры, миллионы этих крохотных существ. Лишь самые края площадок тонули в тени, все остальное было освещено. Внизу — уровень за уровнем — распростерся огромный город.

Однако, еще только спускаясь по каменной лестнице с балкона к ближайшей площадке, спутники поняли, что город разрушается, причем уже давно. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что камни многих зданий обвалились, скрепляющий их известковый раствор выкрошился. В самих домах — как можно было заметить, заглядывая в их окна, — осталось немного вещей: глиняные горшки и другая посуда, утварь и каменная мебель. Все было покрыто пылью, словно дома были давным-давно покинуты обитателями.

Спутники продолжали путь, спустились еще по одной лестнице, а потом по узкому каменному мосту приблизились к группе зданий, которые, казалось, сохранились лучше остальных.

— Назад! — закричала Каззира, как только они сошли с моста.

Джуравиль и тогайранка замерли.

Проследив за ее взглядом, они увидели гигантскую подземную ящерицу, а потом еще одну. Скользя среди раскиданных повсюду камней, твари ползли к путникам.

— Новые обитатели города, — прошептала эльфийка.

— А что случилось со старыми? — поинтересовалась Бринн.

Этот вопрос волновал всех троих.

Ответ обнаружился в самой нижней части города, очень похожей на тот зал с лабиринтом, который они уже миновали, только тут сохранились еще и полусгнившие остатки деревянной баллисты.

Здесь у каждого прохода грудами лежали скелеты.

— Невысокие и толстые, — заметил Джуравиль, подняв чью-то бедренную кость. — Несомненно, поври. — Он недоуменно покачал головой, разглядывая сломанные кости. — Что могло погубить такое крупное поселение воинственных поври?

Вопрос остался без ответа; более того, спутницы эльфа, никогда прежде не сталкивавшиеся с карликами, до конца даже не понимали смысла его вопроса.

Наклонившись, тогайранка подняла еще одну кость — та была обуглена.

— Какое военное орудие может произвести такой эффект? — спросил эльф.

— Ужасный крылатый змей, — ответила Каззира и добавила, увидев недоумение на лицах спутников. — Дракон.

— Дракон? — переспросила Бринн и недоверчиво взглянула на Джуравиля.

Однако тот кивнул в знак согласия.

— Возможно, эти, как ты их называешь, поври проникли слишком глубоко — продолжала эльфийка, — и потревожили то, что не следовало.

— Вы заметили, что здесь кое-чего не хватает? — спросил Джуравиль, и обе спутницы с любопытством посмотрели на него. — Оружия поври. Доспехов. Сокровищ. В городе, насколько мы видели, ничего этого нет.

Оставив эту тему, они продолжили исследования.

Узкий туннель вел в огромный зал, и там их ждал следующий сюрприз.

— Вот это был не поври. — Бринн подняла длинную, узкую бедренную кость, обожженную с одной стороны.

Рядом валялись другие кости, похожие на человеческие.

— Может, здесь с поври сражались люди? — высказала предположение эльфийка.

— Почему тогда тут кости только одного человека? — спросила тогайранка.

— Слишком много вопросов и предположений, — проворчала Каззира и смолкла,

услышав удивленный возглас Джуравиля.

Еще раньше он углубился в туннель и сейчас вышел оттуда с куском дерева длиной со свою руку.

— Что это? — спросила эльфийка.

— Серебристый папоротник, — ответила Бринн, заметив пронизывающие дерево серебряные волокна. — Это обломок лука, сделанного тол'алфар!

Приглядевшись, Джуравиль заметил на его дуге крошечное клеймо.

— Знак Джойсеневиала, моего отца, — сказал он. — Лук рейнджера — вот этого рейнджера, — кивнул он на человеческие останки и задумался, разглядывая обломок лука, — Его звали Эмхем Диал. Склони голову, Бринн Дариель. Здесь покоится Эмхем Диал, прошедший обучение у тол'алфар и отосланный ими в Тогай более трехсот лет назад.

— Похоже, до родины он не добрался, — заметила Каззира.

— Это означает, что его меч, Пляшущий огонь, лежит где-то здесь, — добавил эльф и испытующе посмотрел на спутницу. — Ты готова обрести меч, рейнджер Бринн Дариель?

Та с решительным видом кивнула.

— Если меч утащил дракон, вам его не вернуть, — произнесла Каззира. — Посмотрите, что он тут учинил! Какая ужасная судьба постигла рейнджера, осмелившегося сразиться с драконом!

— Сражение происходило сотни лет назад, — сказала тогайранка. — Неужели дракон все еще жив?

— Это мы вскоре выясним, — ответил Белли'мар Джуравиль.

Он выглядел мрачным и расстроенным; видимо, зрелище останков Эмхема Диала сильно его расстроило.

Эльфийка предложила вернуться в город поври, но Джуравиль, не сказав больше ни слова, устремился в туннель.

Они шли, руководствуясь инстинктом, а потом и жаром, пульсирующим под ногами, и дымом, пробивающимся сквозь трещины в полу.

Через три суточных перехода с короткими передышками между ними спутники оказались в огромной, со следами разрушений пещере с развалившимся каменным мостом, когда-то тянувшимся над глубоким ущельем. Далеко внизу мерцало оранжевое пламя.

— Если дракон жив, то он здесь, внизу, — сказал эльф. — И если Пляшущий огонь уцелел, то меч тоже находится здесь.

— Откуда тебе знать? — возразила Каззира.

— Я чувствую, — ответил Джуравиль. — Можем вернуться в туннель и продолжить путь.

— А можем спуститься туда, — Проследив за его взглядом, Бринн тоже посмотрела на эльфийку.

Та в ответ лишь усмехнулась.

И они продолжили спуск, для чего пришлось несколько раз воспользоваться веревкой. Когда в конце концов тогайранка достигла дна, пот заливал ей глаза.

Дальше они шли сквозь густой дым. Вскоре отблески огня стали настолько яркими, что нужда в светильниках отпала. Свернув в очередной коридор, они добрались наконец до источника пламени и жара. Это была просторная пещера, а на ее дне что-то вроде озера; правда, в некоторых местах на поверхности того, что казалось водой, поднимались языки пламени.

— На воде разлито масло, — предположил эльф.

— Но кто его поджег? — спросила Каззира.

— Давайте выясним. — Бринн наклонилась и окунула руку в воду. — Теплая, но не обжигает.

— Пусть тебя это утешит, если свалишься туда, — заметила эльфийка. — Это будет твоя последняя мысль перед тем, как дракон закусит тобой.

Они пошли по единственному доступному пути — небольшим камням, выступающим

над поверхностью воды.

— Неужели возможно, что дракон еще жив? — повторила вопрос девушка. — Триста лет — слишком долгий срок.

— Только в глазах людей, — отозвался Джуравиль. — Не по меркам Тилвин Тол или Тилвин Док и уж тем более крылатого змея, самого долгоживущего создания Короны.

— Что ты знаешь о драконах? — спросила Каззира.

— Только то же, что и ты, надо полагать, — ответил тот. — У нас общие предки и, следовательно, легенды тоже общие.

Внезапно тогайранка резко остановилась, и эльфы удивленно посмотрели на спутницу.

Бринн стояла на камне, глядя вниз, на мерцающую оранжевыми бликами воду. Проследив за ее взглядом, они поняли, в чем проблема: вода плескалась о камень, как будто что-то нарушало ее спокойствие.

— Давайте поторопимся, — сказала Каззира. — Не испытываю ни малейшего желания встретиться тут с драконом.

— Не испытываю ни малейшего желания встречаться с драконом где бы то ни было, — добавил Джуравиль.

Спутники запрыгали по камням, подныривая под слишком низко свисающие сталактиты и сворачивая то влево, то вправо — просто наобум. Случалось, оказывались там, где уже проходили, и еще несколько раз видели на воде рябь, хотя так и не поняли, что ее вызывает.

Наконец они заметили в стене вход в туннель и без колебаний устремились к нему, хотя, чтобы добраться туда, пришлось идти по воде.

Туннель оказался совсем коротким, а за ним открылась еще одна пещера. Точнее говоря, расселина, над которой виднелась большая пещера, откуда вырывались снопы света. Крылатому эльфу подняться туда ничего не стоило, что он и сделал, усевшись на краю расселины и открыв от удивления рот при виде того, что предстало его взору.

— Что там? — спросила Каззира.

— Джуравиль? — окликнула его Бринн, когда ответа не последовало.

— Идите сюда, — произнес эльф и сделал спутницам знак подняться.

Каззира запросто взбежала наверх, проворная тогайранка отстала совсем ненамного. Вокруг грудами, холмами, курганами лежали сокровища — золотые и серебряные монеты, сверкающие драгоценные камни, обломки доспехов, изваяния и самое разнообразное оружие.

— Теперь ясно, что случилось с поври, — с кривой улыбкой заметила девушка.

— Важнее другое — что случилось с тем, кто все это собрал? — произнесла Каззира.

Джуравиль взмахнул рукой в сторону высокого кургана из золота и серебра, на котором лежала одна-единственная изогнутая реберная кость. Гигантская кость: под ней, не наклоняясь, мог пройти даже самый высокий человек.

— Итак, дракон мертв, — произнесла эльфийка, когда они подошли поближе, — И его сокровища некому охранять.

— Итак, один из драконов мертв, — услышали они в этот момент голос, не принадлежащий ни человеку, ни эльфу.

Груда золота и серебра зашевелилась, раздалась в стороны, и оттуда вылез испускающий клубы дыма из ноздрей огромный дракон с красно-золотистым чешуйчатым покровом и горящими, прорезанными вертикальной щелью глазами. Спутники уставились на него с удивлением и ужасом, благоговейно раскрыв рты.

— Приветствую вас, воры!

— Мы… не… — начал было Джуравиль, запинаясь на каждом слове.

Но тут же оборвал себя и метнулся в сторону. Как раз вовремя: огромная передняя лапа с такой силой ударила по груде золота и драгоценных камней, где он только что стоял, что раскидала содержимое этой кучи во все стороны.

Эльфийка мгновенно оказалась рядом с чешуйчатой лапой и со всей силой ударила ее

дубинкой.

С таким же успехом она могла колотить по каменной скале.

— Бежим! — закричал Белли'мар Джуравиль, и все трое бросились в разные стороны, прячась за грудами сокровищ от ужасного существа.

Дракон забил хвостом, рассыпая по всей пещере фонтаны монет, драгоценностей и обломков оружия; больше всех достаюсь Бринн, которая споткнулась, сильно ударившись при падении, но тут же откатилась в сторону, опасаясь, как бы дракон не раздавил ее.

Однако чешуйчатое чудовище было занято преследованием Каззиры. Та бегала вокруг холма из монет; дракон опустил голову и пропахал его насквозь.

По-видимому, предвосхитив его маневр, эльфийка метнулась обратно, взобралась на ближайшую кучу и скатилась по другую ее сторону.

— Прекрасно! — взревел дракон с такой силой, что, казалось, грохочут сами камни пещеры, — Еда всегда вкуснее, когда достается в охоте!

Даже в самом жутком ночном кошмаре Бринн Дариель и представить себе не могла ничего столь же могущественного и чудовищного, как этот дракон. Казалось, он может убить одним своим ревом, и с каждым словом из его ноздрей вырывалось пламя! Куда деваться? Может, спрыгнуть вниз и побежать обратно к озеру с горячей водой? Она уже готова была так и поступить, забыв даже о том, что ее друзья тоже оказались в беде, — но тут нечто другое привлекло взгляд девушки.

Привидение, парящее над грудой оружия, на которую она недавно наткнулась; призрак человека — и человек этот был из тогайру.

— Эмхем Диал, — прошептала Бринн, не осознавая, каким образом к ней пришло это понимание.

Призрак поднял полупрозрачную руку, указывая куда-то в сторону; это был приказ, которого девушка не могла ослушаться. Не обращая внимания на дракона, крики Джуравиля и Каззиры, она метнулась к той груде сокровищ, куда он ей показывал, и начала разгребать ее, понятия не имея, что именно ищет.

Тогайранка просто рыла и рыла, отшвыривая кубки и драгоценности, монеты странной формы с изображением физиономии поври, шлемы и короткие мечи. А потом она увидела еще один меч…

Бринн едва не отбросила и его. Остановило ее ощущение чего-то знакомого, когда ладонь обхватила удобную позолоченную рукоятку в виде танцующей эльфийки с раскинутыми в повороте руками, голова которой, украшенная светло-красным рубином, служила местом соединения лезвия и головки эфеса.

Лезвие меча было замечательное. Девушка качнула запястьем, и оно завибрировало, но ощущение его невероятной мощи меньше не стало.

Она поняла, что это за меч — меч рейнджера, — и взглянула в сторону призрака, но тот уже исчез.

Бринн внезапно вышла из транса и увидела, что Джуравиль стоит на высоком кургане из сокровищ, осыпая дракона стрелами.

Потом эльф перелетел на другую груду, и змеиная шея чудовища тут же устремилась в его сторону. Тогайранка затаила дыхание.

Однако хитроумный Джуравиль не долетел до груды, приземлившись прямо перед ней, а дракон пронесся над ним и зарылся мордой в сокровища, разбрасывая монеты и драгоценности по всей пещере.

— Бежим! — закричал эльф. — Все в разные стороны, только подальше отсюда!

— Никуда вы не денетесь! — взревел дракон.

— А я и не собираюсь, — пробормотала себе под нос Бринн.

И с криком бросилась прямо на дракона, высоко подняв меч.

— Почувствуй, как жалит Пляшущий огонь! — закричала девушка и проскользнула под головой чешуйчатого чудовища, между гигантских передних лап.

Она наметила цель — впадину на его груди — и вложила всю силу и страсть в мощный

удар, стремясь пронзить сердце дракона.

К чести меча, он выдержал этот удар.

К чести тогайранки, она даже сумела немного поцарапать одну из чешуек.

— Бринн! — закричал Джуравиль.

Взглянув на царапину, девушка поняла, что, даже имей она время и возможность нанести еще хоть сто ударов, пробить «броню» дракона ей не удастся. Она со вздохом сожаления подняла взгляд и увидела, что чудовище уставилось на нее жуткими, похожими на кошачьи глазами.

Передняя лапа дракона поднялась…

Бринн метнулась в сторону.

Дракон с такой силой ударил лапой по каменному полу, что расколол его, и от сотрясения тогайранка упала. Дракон тоже не удержал равновесия и повалился на груду сокровищ. Они оба заскользили — прямо в образовавшуюся в полу трещину. Унести огромного зверя этот поток золота и драгоценностей, конечно, не мог, а вот Бринн за собой потащил. Она провалилась в трещину и полетела вниз по скалистому склону.

Девушка не знала, сколько времени продолжалось падение, потому что потеряла сознание задолго до того, как достигла дна образовавшегося провала.

Каззира бросилась бежать к боковому проходу и почти добралась до него. Почти — потому что проход в темный зев туннеля преградил хвост дракона.

Эльфийка метнулась в сторону, но внезапно хвост пришел в движение и отбросил ее на одну из груд сокровищ с такой силой, что она провалилась внутрь этой груды, скрывшись таким образом с глаз дракона.

Впрочем, чешуйчатого великана она мало интересовала: просунув в трещину голову, он пытался поймать ту, что провалилась туда. Однако внизу трещина оказалась слишком узкой, и дракон, негодуя, издал яростный рев.

И на кого ему оставалось выплеснуть ярость? В пределах досягаемости чудовища остался только Белли'мар Джуравиль, стремглав бросившийся к образовавшейся трещине.

Огромная когтистая лапа преградила ему дорогу; по крайней мере, так, видимо, думал дракон. Сам же Джуравиль яростно заработал крыльями, облетел гигантскую лапу и точно камень упал в трещину.

На этот раз чудовище, однако, было начеку. С пугающей скоростью — в точности как это происходит, когда делает бросок змея, — огромная голова метнулась вниз.

И когда она поднялась, эльф, молотя ногами, трепыхался в пасти дракона.

Бринн Дариель открыла глаза или, точнее, один глаз, поскольку открыть другой не позволила засохшая кровь. Темно не было, ведь светильник упал вместе с ней. Однако девушка сразу же поняла, что стеклянный шар дал трещину: если раньше свет был довольно резким, теперь он казался тусклым, и светильник окружал мерцающий белый туман.

Вспомнив рассказ Каззиры об устройстве этих светильников, тогайранка испугалась, что вскоре окажется в полной темноте.

Подстегнутая этой мыслью, она перекатилась на бок и села. Поначалу девушка думала лишь о том, что произошло недавно: о пещере наверху, об ужасном звере и своем падении, о спутниках и их, вероятнее всего, печальной судьбе. Однако вскоре Бринн заметила валяющиеся вокруг сверкающие предметы: драгоценности, безделушки и недавно обретенное оружие — меч рейнджера.

Она с благоговением подняла его и тут же чуть не отбросила в гневе, испытывая чувство, будто меч предал ее, оказавшись не в состоянии проткнуть чешуйчатую шкуру дракона.

Нет, девушка, конечно, не отшвырнула меч, напротив, взяла его в руки.

Пляшущий огонь, — повторила она название, услышанное от Джуравиля.

Потом Бринн взглянула вверх и поняла, что вряд ли сумеет вернуться в логово дракона.

Да она и не собиралась делать этого. Закрыв глаза, тогайранка безмолвно воздала честь Джуравилю и Каззире, к которой за время путешествия по Дороге Беззвездной Ночи начала испытывать теплые чувства. Однако теперь они мертвы, сказала себе девушка — а может, сбежали, затерявшись в лабиринте темных туннелей. В любом случае, Бринн понимала, что теперь ей следует рассчитывать только на себя и самостоятельно искать дорогу, которая приведет ее в родные степи. Она освободит Тогай и тем самым выполнит обязательства перед Белли'маром Джуравилем и остальными эльфами, которые потратили столько сил, чтобы она могла выполнить эту задачу.

Девушка осмотрела рассыпанные вокруг сокровища, не обращая внимания на монеты и драгоценности, сосредоточившись на поисках какого-нибудь источника света или чего-нибудь еще, что могло бы помочь ей в пути.

Сначала она наткнулась на берет, ярко сверкающий алым даже в тускнеющем свете. Тогайранка надела его на голову, чтобы убрать под него падающие ей на глаза, слипшиеся от крови волосы.

Почти сразу же Бринн почувствовала себя лучше, но не уловила связи с беретом, поскольку изменения были едва заметны.

Неподалеку лежал усыпанный драгоценностями широкий защитный браслет. Девушка взяла его и плотно закрепила на левой руке. И завершила переодевание, сменив рваную накидку на отличную, обшитую металлическими кольцами куртку и повязав красный пояс, к которому очень удобно было крепить меч.

Потом тогайранка взяла полуразбитый светильник и протиснулась сквозь небольшую щель в один из темных подземных туннелей. Сосредоточившись лишь на том, чтобы найти дорогу к тогайским степям, она тронулась в путь, не обращая внимания на боль. Остановившись отдохнуть в одной из ниш, Бринн потратила некоторое время, пытаясь привести в порядок светильник, однако ее труды не увенчались успехом, и далее пришлось идти при еле различимом свете.

Спала она беспокойно, терзаемая ночными кошмарами, в которых действующими лицами были ее потерянные друзья. Каждый раз девушка просыпалась в холодном поту.

Она заставляла себя подниматься и идти вперед, шаг за шагом, упорно и настойчиво.

На четвертый день ее светильник стал гореть совсем тускло и вскоре окончательно погас, оставив тогайранку в полном мраке. Эта внезапно наступившая темнота была такой плотной, что Бринн припала к земле и вытащила меч, молясь о свете, хоть каком-нибудь свете, любом свете!

И вдруг лезвие ее меча вспыхнуло. Тогайранка вздрогнула от удивления и выронила его. Еще мгновение клинок сиял, а потом угас.

Придя в себя, Бринн опустилась на колени, обшарила все вокруг и нашла меч. Встала и, держа его перед собой, мысленно пожелала, чтобы он снова засверкал.

Так и произошло: Пляшущий огонь горел не хуже любого факела. Не зная, как долго это будет продолжаться, девушка тут же отправилась в путь. В ее сердце вновь вспыхнула надежда.

Бринн шла среди теней, карабкалась по крутым скатам, пересекала обжигающе холодные подземные реки. Иногда до нее доносились какие-то звуки — скорее всего, их издавали бродящие где-то поблизости хищники, — но чаще вокруг царила полная тишина. Она старалась полностью сосредоточиться на своей цели, как бы далека та ни была, и не вспоминать слова Каззиры о том, что заблудившиеся на Дороге Беззвездной Ночи умирают в глубокой старости.

Тогайранка шла и шла, и, хотя свет ее «факела» не тускнел, временами она почти впадала в отчаяние.

Почти. Потому что Бринн была рейнджером, много лет прожила с эльфами и прошла у них обучение, и к тому же — тогайру. Ее народ нуждается в ней, она не может потерпеть неудачу, вот и все.

Однажды девушка по узкому лазу протиснулась в более широкий, уходящий вверх туннель. Ей пришлось долго ползти, и, вконец обессилев, Бринн остановилась, чтобы перевести дыхание.

И почувствовала движение воздуха.

Это был не горячий воздух, поднимающийся над лавой, а самый настоящий, хотя и легкий ветерок.

Вдохновленная мыслью о том, что ее испытание, возможно, подходит к концу, тогайранка помчалась по туннелю. Однако по прошествии часа она пошла медленнее, а когда миновал второй и третий, остановилась и решила передохнуть.

После недолгого отдыха она продолжила путь, причем дышать становилось все легче, а ветерок ощущался все сильнее.

II потом девушка увидела над головой пятно света, настоящего света, дневного света!

Бринн «погасила» пылающий меч и замерла, в оцепенении глядя на бледный свет.

А потом побежала со всей быстротой, с какой могли нести ее ноги.

Она выбралась из туннеля на склоне горы. Внизу расстилались продуваемые всеми ветрами бескрайние зеленые степи ее родины — Тогая.

В конце долгого пути Бринн Дариель все-таки вернулась домой.

Часть вторая
ВЕТЕР В СТЕПЯХ

Убеждена, что среда оказывает неизгладимое воздействие на то, какими мы становимся и как воспринимаем окружающий мир. Жители Бехрена совсем не такие, как тогайру, но и те и другие отличаются от обитателей северного королевства, Хонсе-Бира, о чем я могу судить хотя бы на примере Эйдриана Виндона. И, насколько мне известно, дикие варвары Альпинадора не похожи ни на одну из трех человеческих рас.

Многие, однако, не придают значения этим различиям, поскольку у всех нас одни и те же желания и надежды — чтобы лучше жилось нам самим и нашей стране, чтобы дети получили в наследство более благополучный мир и смогли продолжать наше дело. Многие люди используют отличия в культуре и внешнем облике, чтобы принизить другую расу. Несмотря на всю ненависть к бехренским ятолам, под пятой которых стонет мой народ, я должна стараться избегать подобного и все время помнить, что их убеждения являются результатом другого опыта, полученного совсем в иных условиях.

Что касается тогайру, то их жизненный уклад является отражением природы степей. Ведь мы — продукт культуры, а наша культура — продукт земли, на которой мы живем. Тогайру — кочевники, поскольку само их выживание зависит от животных, которых они разводят; тогда как бехренцы в основном люди оседлые и живут в городах. Их города, чаще всего выросшие на плодородных, орошаемых землях вокруг оазисов, значительно отдалены друг от друга; в таких условиях путешествовать трудно. Именно разные способы существования тогайру и бехренцев во многом и определи ют отличия их характеров. Тогайру — лучшие в мире наездники и прекрасные охотники; их жизнь невозможна без сильных, быстрых пони, которых они воспринимают как своих братьев. Тогайру — несравненные стрелки из лука; на скаку они метко поражают животных, на которых охотятся, обеспечивая себя едой и одеждой. Мы уважаем этих животных — свою добычу — именно потому, что наша жизнь так тесно переплетена с жизнью обитателей степей. Мы всегда благодарим их за то, что они нам дают. Тогайру понятно, насколько хрупка природа; ее равновесие ни в коем случае нельзя нарушать, если мы хотим выжить.

Тогда как бехренцы чаще всего передвигаются по необозримым просторам пустынь на медлительных верблюдах. Они реже охотятся, поскольку в пустыне

мало добычи, и в основном обрабатывают землю. Оружие нужно им для войны, а не для охоты. Мне кажется, у тех, кто обрабатывает землю, совсем другой взгляд на жизнь. Бехренцы собирают урожай и делают запасы, а не живут настоящим днем, как мои сородичи. Они постоянно думают о том, как увеличить доход и благосостояние, не умея просто наслаждаться ощущением радости жизни. Скучиваясь в городах и на фермах, все больше и больше перекраивая землю под свои нужды, они перестают замечать огромный прекрасный мир вокруг, чувствовать все его многообразие.

И это стремление копить, подгребать все под себя, делает бехренцев жадными. Лишившись естественных удовольствий и красоты, они замещают эти простые радости надуманными потребностями в богатстве и власти. В глазах бехренцев, а ятолов в особенности, только накопление бесполезного — на взгляд тогайру — богатства оправдывает их существование. Сооружение — на костях построивших их рабов — огромных могильных склепов, набитых сверкающими драгоценностями и произведениями искусства, позволяет им причислять себя к верхушке общества. Жадность и высокомерие всегда идут рука об руку.

Они совсем сбились с пути! Чезру, верховный правитель Бехрена, имеет столько сокровищ, что не в состоянии, наверное, их сосчитать, а простые люди живут в нищете и убожестве за стенами его дворца — стенами, которые он вынужден был возвести, потому что иначе не мог чувствовать себя в безопасности.

Если бы вождь тогайру вздумал копить богатство, его изгнали бы из племени — в лучшем случае. Кочевнику нет смысла окружать свой шатер защитными стенами.

В бехренском обществе существует жесткая иерархия, от жрецов ятолов до простых крестьян, и богатства давным-давно поделены между теми, кто принадлежит к его верхушке, хотя они и предпринимают постоянные попытки переделить их. Чтобы успокоить недовольных положением дел в стране, бехренцы устремляют взгляд за ее пределы. Когда бехренцы превратили тогайру в рабов, даже их крестьяне стали жить чуть лучше, а продажа в Хонсе-Бир тогайских пони позволяет пополнять и без того богатую казну страны.

Я ненавижу идеологию, которая толкнула бехренцев к захвату моей страны и порабощению моего народа. Я ненавижу жрецов-ятолов — это они избрали столь гнусный и кровожадный путь, оправдывая его с точки зрения религии и заявляя, что их ведет по нему Бог.

Но не следует смешивать разные вещи. Я не питаю ненависти к простым бехренцам, вовлеченным в круговорот страстей, обуревающих жрецов. Я должна напоминать себе об этом снова и снова, если хочу остаться верна своей цели. Я должна напоминать себе об этом во время всех сражений, если не желаю, чтобы сердце мое ожесточилось, а сама я стала похожей на тех, кого презираю. Я освобожу свой народ — или погибну, пытаясь сделать это.

Бринн Дариель

ГЛАВА 10
ДОМА

Бринн около двух недель бродила по южным склонам Пояса-и-Пряжки, прежде чем наткнулась на перевал, который вывел ее в заросшие травой степные просторы. Спуск оказался легким; с пищей и холодной, свежей водой проблем тоже не было.

Правда, все эти дни и в особенности ночи сердце девушки не знало покоя. Она потеряла Белли'мара Джуравиля, самого близкого друга. Бринн сумела спастись, а он нет. Тем не менее тогайранка понимала, что у нее не было выбора — спасти эльфа она все равно не могла. Бринн не сомневалась в том, что приняла правильное решение. Именно этого от нее ожидали и госпожа Дасслеронд, и сам Джуравиль. Цель ее жизни состояла не в том, чтобы отомстить за погибшего друга или, не сумев сделать этого, бросить все и, вернувшись в Эндур'Блоу Иннинес, рассказать эльфам о его судьбе.

Нет, цель жизни Бринн Дариель распростерлась перед ней на поросших травой степях Тогая.

Как-то ясным утром девушка проснулась от грохота, донесшегося не с неба, а снизу, от самой земли. Нетерпение овладело ею, и Бринн припала к выступу скалы, на котором устроила привал, глядя вниз, на травянистый, усыпанный валунами луг. И, к своей радости, увидела табун скачущих по степи пони.

Тогайранка не заметила рядом никаких признаков ни хищников, ни человека. Внимательно приглядевшись, она поняла, что кобылы и жеребята скачут, чтобы убраться с пути нескольких чрезмерно возбужденных самцов.

Все ясно. Один из молодых жеребцов бросил вызов вожаку табуна. Опершись на локти, Бринн лежала, наблюдая за разворачивающейся перед ней сценой.

В «сражении» участвовали три пони. Вожак, заматерелый, весь в шрамах от укусов и ударов копыт, старался отогнать двух других. Второй, вороной масти, выглядел заводилой. Однако внимание девушки привлек именно третий жеребец — наименее рослый, но ладный и крепкий, старавшийся держаться подальше от вожака. Он был пегий, с белыми ногами и белой гривой с черным хохолком, черным, с белыми прядками хвостом, и, в отличие от большинства других пони, у него были голубыми оба глаза.

Этот небольшого роста жеребчик выглядел младшим братом столь обожаемого Бринн Сумрака!

Тогайранка взволнованно покусывала нижнюю губу, надеясь, что пегий пони окажется не слишком драчлив и не сильно пострадает в схватке.

Когда вожак набросился на него, тот в знак покорности прижал уши, опустил голову и метнулся прочь. Хотя эта покорность, по-видимому, была показной. Как только вожак попытался отогнать второго задиру, пегий пони тут же укусил его за круп. Вожак повернулся, чтобы ответить, но малыш стрелой промчался между ним и вторым молодым жеребцом. И тут у Бринн создалось впечатление, будто пегий присматривается к тому, как протекает схватка, и пытается понять, кто из двоих побеждает! Он бросился вперед решительно и быстро, ударив копытами вожака, который явно брал верх над менее опытным соперником. А затем снова отскочил в сторону.

Однако вскоре опять вмешался в схватку, напав уже на молодого жеребца.

Сообразительный крепыш, — усмехнувшись, прошептала Бринн, понимая, что это не могло быть случайным совпадением.

Маленький пони делал все, чтобы затянуть схватку между более крупными жеребцами, заставить их до предела выложиться, чтобы потом самому одержать над ними верх!

Вскоре так и произошло: пегий прогнал сначала вожака, а потом и измотанного, сильно пострадавшего от его зубов и копыт молодого соперника.

— Радуйся, ты одержал великолепную победу, — прошептала девушка, когда победитель начал проявлять внимание к молодой кобылке, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор.

Продолжая посмеиваться, тогайранка пустилась в путь. Однако она все время оглядывалась на маленького пегого пони. Было в нем что-то такое — помимо сходства с Сумраком, — отчего у девушки создалось впечатление, будто между ними возникла какая-то связь.

Бринн думала о пегом крепыше и на следующий день, когда, пересекая широкое ущелье, снова услышала топот бегущего табуна. Она бросилась к большому валуну и притаилась за ним.

Пони ворвались в ущелье, явно чем-то сильно испуганные. Услышав низкий урчащий рев, тогайранка тут же сообразила, в чем дело.

Горная пума, совсем неподалеку.

Табун с грохотом промчался мимо. Бринн понимала, что серьезная опасность быстроногим скакунам не угрожает, если только огромная кошка не успела уже забраться наверх и изготовиться к прыжку. Девушка пригнулась и инстинктивно стиснула рукоятку

меча. Если пума не сможет добраться до пони, ей вполне может прийти в голову полакомиться человеческой плотью…

II тут она увидела хищника. Огромная кошка неслась по скалистому гребню позади табуна так легко, словно бежала по ровному полю. Она уступала пони в скорости, но упорно продолжала преследование, прижав уши и отталкиваясь мощными лапами от неровной скалистой поверхности.

Пока не увидела Бринн.

Пума тут же замерла — так, что почти слилась с коричневато-серым камнем позади нее. Девушка тоже не двигалась, не спуская с хищницы взгляда из опасения, что, отведя глаза, потом не сможет найти ее. Пума была очень крупной. Правда, по сравнению с последним противником Бринн, ужасным драконом, она казалась не слишком грозной, и все же девушка знала, как опасны горные кошки. Тогайру часто сталкивались с ними в летние месяцы, когда кочевали в предгорьях, и нередко с весьма плачевным результатом — многие из них навечно остались лежать в тех местах.

Однако Бринн была рейнджером и прошла такое обучение, какое и не снилось даже самым лучшим воинам тогайру. Она сдержала желание обежать валун и укрыться за ним, зная, что любое неожиданное движение может заставить пуму прыгнуть, а расстояние между ними не слишком велико.

Нет, следует дать хищнице пошевелиться первой, полагаясь на свое умение среагировать так, как надо.

Время тянулось бесконечно; девушка едва осмеливалась дышать.

Терпеливая кошка тоже не сводила с нее взгляда, оценивала противника, и в какой-то момент Бринн заметила одно-единственное, но выразительное движение: пума слегка сместила вес с одной задней лапы на другую.

В тот же миг огромная кошка распрямилась, словно сжатая пружина, и прыгнула. Девушка сделала кувырок в сторону, рассчитав движение таким образом, чтобы обогнуть валун. Когда она вскочила на ноги; пума стояла на валуне, глядя на нее глазами с вертикально поставленными зрачками. Наклонив голову, поджав задние лапы для следующего прыжка, хищница издавала злобный рев, от которого по спине Бринн побежали мурашки.

Она воззвала к своему мечу, и лезвие Пляшущего огня ослепительно вспыхнуло.

Пума взревела еще яростнее и выгнула спину. Она голодна, поняла тогайранка, и сильно разозлена.

Прыжок хищницы был настолько внезапным и быстрым, что любого другого воина застал бы врасплох, не дав ему даже той крохотной доли секунды, которая требуется, чтобы вскинуть меч. Однако Бринн была рейнджером и настолько хорошо чувствовала животных, что еще до прыжка знала, что сейчас произойдет.

Она повернулась влево, описав мечом полукруг и зацепив им бок кошки.

Хищница развернулась и снова прыгнула, на этот раз высоко, явно добираясь до головы девушки.

Тогайранка упала на землю, и пума пролетела над ней. Не имея возможности развернуть меч, Бринн с силой ударила ее в живот его эфесом, а другой рукой, на которой был защитный браслет поври, оттолкнула в сторону задние лапы со смертоносными когтями и удивленно раскрыла глаза: один из драгоценных камней, вправленный в браслет, испустил пульсирующий белый свет, окруживший девушку словно щитом! Поднявшись на ноги, она ткнула в него кончиком меча и убедилась в материальности щита, сотканного из чего-то вроде мерцающей энергии.

— Убирайся! — закричала Бринн кошке, снова принимая защитную позу.

На этот раз животное решило избрать другую тактику и начало подкрадываться к жертве.

Тогайранка нанесла удар мечом, пума отпрянула, но тут же снова бросилась вперед.

Девушка уклонилась, нанеся кошке жалящий удар мечом. Однако плечо Бринн словно

обожгло — по нему прошлись смертоносные когти. Она упала на спину и инстинктивно зажала рану, но вынуждена была тут же отпустить ее и выставить меч перед собой, когда сверху на нее набросилась огромная кошка — сплошные мускулы, клыки и зубы.

Тогайранка отражала удары когтей пумы, пару раз даже сама задела ее, а потом просто приставила острие меча к шее хищницы, не давая ей приблизиться к себе.

Вскочив на ноги, она пошла в наступление, вращая мечом над головой в надежде, что пылающий клинок отпугнет пуму и та сбежит.

Хищница подалась назад, припала на передние лапы, прижала уши и открыла пасть, издавая хриплый рык, в котором явственно слышались возмущение и ярость.

Ни та ни другая не осмеливались напасть первой, отдавая дань уважения силе и ловкости противника.

Бринн понятия не имела, чем это может кончиться. Сбежать вряд ли удастся, уж слишком быстра привыкшая бегать по горной местности кошка. И напугать ее пока тоже не получалось.

Между тем пума продолжала наступать, а девушка пятилась, шаг за шагом, удерживая ее на расстоянии. Теперь хищница рычала так громко, что у тогайранки заложило уши. Неудивительно, что в пылу сражения она не сразу заметила появление еще одного его участника: маленький пегий пони сбоку напал на пуму, лягнув ее передними копытами. Огромная кошка отпрянула от Бринн, и, как только жеребец опустился на все четыре ноги, та не раздумывая вцепилась ему в гриву и запрыгнула на его спину. Пони тут же понесся вскачь.

Кошка помчалась за ними.

Хорошо, что пони и сам прекрасно соображал, что делать. Тогайранка сейчас не смогла бы направлять его. Низко наклонив голову, пегий крепыш ударился в галоп, скача зигзагами, и, оторвавшись от преследующей его пумы на значительное расстояние, припустил напрямую, в сторону пологого склона, заваленного стволами упавших деревьев и валунами. Девушка попыталась направить его в сторону, считая, что там ему будет труднее скакать, но пони продолжал нестись в прежнем направлении. Бринн едва не свалилась, когда он перепрыгнул через валун, а потом взлетел над бревном, один конец которого был придавлен камнями. Перед следующим препятствием, однако, не оказалось расстояния для разбега. Тогда пони встал на задние ноги и перепрыгнул его в такой странной позе!

«Точно заяц», — подумала тогайранка. Оглянувшись, она поняла, насколько правильно пегий крепыш выбрал путь: горная кошка отстала. Преодолев последние препятствия, она помчалась быстрее, но пони теперь тоже скакал во весь опор. Все же пуме удалось догнать его и даже цапнуть когтями за заднюю ногу, но она не смогла сделать ничего большего, начав отставать. Вскоре хищница прекратила преследование.

Пони продолжал скакать. Бринн уселась поудобнее, слегка сдавливая пятками крутые бока коня, а руками лишь чуть придерживаясь за снежно-белую гриву, поскольку инстинктивно чувствовала, что пегий крепыш ее не сбросит. Еще ребенком она не раз была свидетельницей того, как объезжают диких коней для верховой езды, и поэтому хорошо понимала, насколько из ряда вон выходящей была эта их «встреча». Ведь пони прибежал сам, неизвестно откуда, своим появлением сбил горную кошку с толку, а потом добровольно позволил девушке сесть на себя и унес ее от погони.

Тем не менее существовало немало историй о подобном начале взаимоотношений между конем и всадником, что, в общем-то, неудивительно для тогайру, не мысливших себе жизни без замечательных степных пони.

Наконец, удостоверившись, что горная кошка осталась далеко позади, Бринн немного сместилась назад, слегка потянула за гриву и прошептала в ухо пони:

— Эй!

Тот сразу же замедлил бег и остановился. Бринн соскользнула на землю.

— Я очень тебе благодарна, — сказала тогайранка и поцеловала пони в холодный нос.

Молодой жеребец, словно в ответ на ее слова, несколько раз вскинул и опустил голову.

Бринн улыбнулась и почесала его за ухом.

— Где твои друзья? Оставили тебя в арьергарде?

Пони заржал, опустил голову и начал щипать траву, как будто ничуть не торопясь вернуться к собратьям.

Девушка знала, что не от нее зависит дальнейшее развитие этих столь многообещающе начавшихся взаимоотношений, хотя от всей души надеялась, что пони останется с ней. Веревки у нее не было, но даже если бы и была, тогайранка не стала бы использовать ее после того, как он унес ее от смертоносных когтей и зубов дикого зверя.

Нет, она страстно желала, чтобы пони стал ее скакуном и, более того, ее другом — и последнего, может быть, сильнее всего, потому что после гибели Джуравиля и Каззиры чувствовала себя ужасно одинокой. Но это должна быть дружба по взаимному согласию, и, следовательно, теперь все зависело от пегого крепыша.

Бринн снова приласкала пони, вздохнула и не слишком быстро зашагала прочь. И не смогла сдержать улыбки, увидев, что маленький пони последовал за ней.

Спустя час она набрела на небольшую лужайку и решила устроить привал.

— Ну, как мне назвать тебя? — спросила тогайранка, и пони посмотрел на нее таким взглядом, точно понимал каждое слово, — Такого сообразительного, такого храброго, такого ловкого — это ничего, что ты самый маленький в табуне. — Будешь у меня Крепышом, — сказала она наконец. — Если ты, конечно, не против!

Пони снова несколько раз опустил и вскинул голову.

Бринн подумала, что он понял ее, и пришла от этого в восхищение.

Несколько следующих дней они провели вместе. Иногда Бринн скакала на пони, когда тропа была не слишком удобна для ходьбы, но чаще они просто шли — девушка впереди, а Крепыш, по-видимому вполне всем довольный, трусил сзади. Приближалось время холодов.

Бринн напряженно вглядывалась в окружающий ландшафт, надеясь увидеть знакомые приметы — особым образом зазубренную скалу или извилистый ручей, — которые пробудили бы детские воспоминания и помогли найти кочевников-тогайру. Она знала, что в это время года все племена подтягиваются ближе к горам, и в конце концов с облечением заметила тонкие, поднимающиеся в небо струйки дыма.

Взобравшись на пони, она пустила его быстрым шагом. Девушку охватил трепет при мысли о том, что совсем скоро она впервые за десять лет увидит соплеменников. Бринн чувствовала все большую тревогу и вынуждена была снова и снова напоминать себе, что хорошо подготовилась к этой встрече. Тол'алфар обучили ее многим видам искусства, ценимым тогайру, и, отходя от своего обыкновения, часто разговаривали с девушкой на ее родном языке, а не на собственном, так напоминающем пение.

Внезапно Бринн подумала о том, что она, несомненно, знала и раньше, но как-то не обращала на это внимания, — ей никогда не приходилось слышать, чтобы госпожа Дасслеронд или любой из эльфов разговаривали с Эйдрианом на языке Хонсе-Бира. Общение с мальчиком протекало исключительно на эльфийском языке. Только сейчас тогайранку удивила странность такого подхода, и, непонятно почему, волосы у нее на затылке встали дыбом. Ну, как бы то ни было, Эйдриан еще долго пробудет в Эндур'Блоу Иннинес, считала Бринн, не знавшая, разумеется, о том, что тот, фактически еще мальчик, натворив массу дерзких, безответственных поступков, уже покинул Долину эльфов, избежав смертоносного гнева выведенной из терпения госпожи Дасслеронд.

Вскоре пони достиг вершины холма и остановился. На лице девушки расплылась широкая улыбка.

И тут же исчезла. То, что Бринн увидела внизу, было совсем не похоже на лагерь тогайру, как она его помнила. Никаких стоящих кругом шатров из оленьей кожи, в центре которого обычно устраивали общий очаг; никаких свободно бегающих по полям лошадей, столь необходимых для жизни тогайру, или охраняющих их табунщиков. Вообще-то, взбираясь на холм, девушка не удивилась бы, столкнувшись с табунщиком.

Однако его не было, как, насколько Бринн могла видеть, не было и резвящихся коней. И шатров тоже не было! То, что она увидела внизу, представляло собой не лагерь кочевников, а окруженное стеной и рвом поселение. Жилье было сооружено из камня и дерева, между домами тянулись отчетливо различимые дорожки, сходящиеся к просторной центральной площади. Посреди нее стоял самый большой дом в селении: длинное, высокое строение с покатой крышей и маленькими башенками-минаретами на каждом из четырех углов.

Некоторое время тогайранка разглядывала здание, а потом ее внимание привлекло другое, стоящее чуть сбоку, второе по величине, длинное, широкое и низкое, с несколькими загонами вокруг него. Конюшня, поняла Бринн, поскольку в загонах стояли лошади.

Прошло немало времени, прежде чем она набралась решимости и направила Крепыша вниз по склону. Приблизившись к воротам, девушка разглядела большое число бехренцев в типичных для них светлых одеждах и тюрбанах: многие из них подозрительно поглядывали в ее сторону. Были там и тогайранцы, тоже бросающие на нее любопытные, но куда менее враждебные взгляды.

Только тут Бринн подумала, что, наверное, зря осталась в куртке, берете и не спрятала бросающийся в глаза меч. Может быть, лучше было бы попробовать изобразить из себя простую тогайскую странницу?

— Все равно теперь слишком поздно, — пробормотала девушка, медленно приближаясь к воротам.

— Стой! — приказал один из четырех охранников у ворот.

Бринн слегка потянула пони за гриву.

Все стражники были бехренцами, причем один из них — женщиной в доспехах из находящих друг на друга пластинок, характерных для воинов чежу-лей.

Женщина-чежу-лей, выйдя вперед, с мрачным видом оглядела тогайранку и буркнула что-то одному из бехренских солдат.

— Кто ты? — спросил тот.

— Бринн Дариель, — ответила девушка, не видя причин скрывать имя, которым привыкла называться, хотя оно и не было получено ею при рождении.

— Откуда ты пришла?

Тогайранка помола плечами и через плечо бросила взгляд в сторону гор.

— С предгорий.

Стражник быстро перевел ее ответы женщине-воину, та оглядела Бринн более внимательно, сощурив темные глаза. И что-то произнесла на бехренском языке, которого девушка не понимала.

— Из какой ты деревни? — продолжил допрос переводчик. — К какому племени принадлежишь?

— Родом я из Кейлин Кек, — ответила Бринн, снова не погрешив против истины. — Но покинула селение много лет назад.

— И чем теперь занимаешься?

Теперь я просто странница, — сказала девушка. Мужчина недоуменно смотрел на нее, словно не понимая ее слов. — Странница, — повторила она. — В это время года так близко к горам вы наверняка не раз встречались с тогайскими странниками.

Стражник, казалось, по-прежнему не улавливал сути, и Бринн с трудом сдержала улыбку. В бехренских пустынях тоже существовали в некотором роде кочевники, главным образом разбойники, совершающие набеги на оазисы, а в Тогае странники — так их называли потому, что они имели склонность к кочевому образу жизни даже больше, чем остальные тогайру, — встречались нередко и пользовались среди сородичей немалым уважением. Они рассказывали, что нового случилось в других племенах, и часто подсказывая охотникам, где больше дичи. Девушка хорошо помнила, как радовались в Кейлин Кек при появлении странников.

— Ты слишком молода.

— Не так уж молода, — возразила она. — Однако я устала и хотела бы отдохнуть, а перед этим подкрепиться горячей пищей.

Стражник снова перевел сказанное женщине чежу-лей. Та задумалась, а потом кивнула.

— чежу-лей Дии'дак не будет возражать, Бринн Дариель, — сказал мужчина. — Если только ру согласятся принять тебя. Но учти, Дии'дак не потерпит никаких выходок.

Стараясь сохранить как можно более нейтральное — чтобы никто не подумал ни о насмешке, ни об угрозе — выражение лица, тогайранка слезла с пони и оправила одежду. Дии'дак следила за каждым ее движением, и Бринн попыталась притвориться слегка неуклюжей.

— Можешь оставить коня в конюшне, — продолжал бехренский стражник. — Сторгуйся о цене. Что касается ночлега, спроси об этом ру, но учти, что мой господин, ятол Тао Джин Эан пожелает поговорить с тобой.

Тогайранка внутренне содрогнулась от звуков этого имени и тона, каким с ней разговаривали, пытаясь уяснить явные и весьма существенные перемены в отечестве. Значит, здесь свои ятолы и чежу-леи? Что, теперь у них все поселения под таким надзором?

Крепыш потянулся за Бринн, но девушка шепнула на ухо пони что-то успокаивающее, и тот послушно потрусил к небольшому пятну зеленой травы неподалеку.

Дии'дак тут же разразилась потоком негодующих слов.

— Не позволено! — закричал на Бринн бехренский переводчик, — Коня нужно взять с собой!

— Это их земля в той же степени, что и наша, — ответила тогайранка.

— Это земля ятола Тао Джин Эана! — воскликнул мужчина. — Конь должен находиться в конюшне!

Бринн задумалась, напомнив себе, что сейчас не время кидаться в бой. Вряд ли бехренцы причинят вред Крепышу; тогайские пони слишком высоко ценятся. Она коротко свистнула, Крепыш остановился и посмотрел на нее. Второй свист заставил его развернуться и неторопливо потрусить к девушке.

— Тогда я вряд ли останусь тут надолго, — сказала Бринн, когда пони оказался рядом, и вошла в ворота, даже не оглянувшись на Дии'дак.

Она снова и снова напоминала себе, что сейчас может и должна сделать для соплеменников одно — собрать как можно больше информации, разузнать все, что можно, о нынешнем положении дел в Тогае.

А сражаться они будут потом.

— Уж больно ты молода для странницы, — тем же вечером сказала Бринн пожилая женщина Тсолана, сидевшая рядом с ней в трактире.

— Не так уж молода. Я старше, чем выгляжу, если не годами, то опытом.

— Да что ты говоришь! — воскликнул Барачак, муж той женщины, старый, морщинистый, но с такими пронзительно яркими глазами, что они могли бы принадлежать двадцатилетнему человеку. — И по каким же краям ты странствовала?

Девушка улыбнулась, обдумывая ответ. Она предпочла бы, чтобы разговор пошел совсем в другом направлении, ей хотелось самой расспросить об их жизни. С ночлегом у нее проблем не возникло; несколько тогайских семей предложили взять ее просто за возможность поговорить, и Бринн приняла приглашение этой пожилой пары. Какой-то бехренец тоже предложил ей гостеприимство, и Бринн едва не приняла это предложение, подумав, что таким образом сможет больше разузнать о врагах. Однако, взглянув в глаза мужчины, догадалась о его истинных намерениях; по-видимому, не имел значения даже тот факт, что собственная жена бехренца находилась в том же доме.

— В основном по горам, — медленно ответила тогайранка, не упуская из виду двух сидящих неподалеку бехренцев, внимательно прислушивающихся к разговору. Все время чувствовалось, что за ней наблюдают, куда бы она ни пошла; по-видимому, представители власти в поселке хотели вызнать как можно больше об этой страннице. — И еще под горами.

Старики удивленно переглянулись, похожее выражение мелькнуло и на лицах тех, кто прислушивался к разговору. Пронесся шепоток, и спустя несколько мгновений Бринн, в нетерпении ожидая ее рассказа, окружили и тогайру, и бехренцы.

И девушка поведала им о путешествии под горами, хотя ни словом, разумеется, не упомянула о Джуравиле и Каззире. На лицах слушателей возникло недоуменное выражение, когда она рассказывала о городе поври, поскольку и тогайру, и бехренцы мало что знали об этих карликах. А уж как у всех широко раскрылись глаза, когда они услышали об огромном драконе и охраняемых им сокровищах!

Тогайранка постаралась как можно эффектнее обыграть этот момент, для усиления драматизма слов даже встала и жестами дополнила рассказ о том, как происходило сражение.

Все время, однако, Бринн искоса бросала взгляды на двух сидящих неподалеку бехренцев, которые притворялись — правда, без особого успеха, — что не слишком интересуются молодой странницей и ее рассказом. На самом деле они, разумеется, ловили каждое ее слово и наверняка доложат об услышанном ятолу Тао Джин Эану, перед тем как завтра утром она встретится с ним.

— Говорят, ты из Кейлин Кек, — заметил один из слушателей.

— Я не была там очень давно.

Простое упоминание названия ее племени мгновенно пробудило в тогайранке воспоминания о беззаботных днях детства.

— Прекрасное племя! — сказал другой мужчина.

Почти все собравшиеся закивали, соглашаясь, и Бринн с особой остротой почувствовала, что вернулась домой. Не все тогайские племена дружественно относились друг к другу, а иногда между ними случались даже вооруженные стычки. Но что существовало всегда — это взаимное уважение и понимание того, что в картину мира в целом они вписываются как единый народ — гордые тогайру.

Внезапно девушка заметила на лице старика Барачака смущенное и даже подозрительное выражение.

Она не слишком удивилась, когда, вдоволь наговорившись, пошла вместе с супружеской парой к ним домой и старик сказал:

— Я знаю Кейлин Кек. Когда-то охотился вместе с ними. Там нет семьи Дариель.

Бринн заметила, как Тсолана мягко, но решительно положила руку на плечо мужа, как бы напоминая, что Бринн — своя, тогайру.

И все же девушка понимала опасения Барачака. Кейлин Кек — небольшое племя, всего человек триста и около двадцати семей. А сейчас, под тяжелой пятой Бехрена, приходилось подозревать каждого.

Она остановилась, ее спутники тоже. Она поглядела в глаза старику.

— А семью Тсочак ты знаешь?

По лицу Барачака скользнуло выражение печали, потом он широко раскрыл глаза.

— Керегу и Далана? — неуверенно спросил он.

— И их дочь Дариель, уцелевшую в то страшное утро, когда их убили, и навсегда сохранившую воспоминание об их гибели в своем сердце, — закончила Бринн.

— Дариель, — прошептала Тсолана.

— Так ты — их маленькая дочка? — спросил старик, вглядываясь в лицо девушки. — По возрасту вроде бы подходишь…

— Бедняжка, — сказала его жена, с сочувствием и одновременно как бы покоряясь неизбежности, вытекающей из реалии их нынешней жизни.

Она подошла к Бринн и положила ей на плечо руку тем же жестом, что прежде Барачаку.

Девушка яростно мотнула головой, не позволяя жутким сценам убийства родителей снова вспыхнуть перед ее мысленным взором. Сейчас не время выказывать слабость, а боли можно позволить переплавиться лишь в яростное желание освободить порабощенный народ.

— Я ушла одна, на следующий день, — объяснила она, — II не знаю ничего о своем племени… Они все еще кочуют по степи?

— Скорее, живут в такой же деревне, как наша, — ответила Тсолана.

— Мало кто живет теперь по-старому, — добавил старик. — Тогай сильно изменился.

— Стал цивилизованным, — с явным огорчением сказала его жена.

Спустя несколько минут они в молчании подошли к маленькому невзрачному дому. Барачак дождался, пока все удобно расположились, и только после этого приступил к расспросам.

— Как ты выжила? Какое племя приняло тебя? Они все еще здесь, в предгорьях?

Тон его расспросов и возбужденный огонек в глазах подсказали Бринн, что она среди своих, среди истинных тогайру, страстно желающих жить, придерживаясь обычаев, которые были у них до прихода ненавистных бехренцев. Девушка испытала чувство огромного облегчения. Ей, конечно, и прежде не верилось, что тогайру под давлением завоевателей полностью отказались от того, что было им присуще, но все же прошло уже десять лет… всякое могло случиться.

— Я жила не в племени, — ответила она, — И даже не в Тогае. Я путешествовала к северу от гор.

Как широко раскрылись у них глаза! Конечно, тогайру были кочевниками, однако никогда не переступали определенных границ, одной из которых служила горная гряда Пояс-и-Пряжка. Очень немногие тогайру переваливали через нее, еще меньше — да практически никто! — когда-либо возвращались.

— В то, что ты говоришь… — начал Барачак, но замолчал, просто покачав головой.

— Слишком трудно поверить? — закончила за него Бринн. — Уверяю вас, если бы вы знали обо мне все, глаза у вас и вовсе выскочили бы из орбит!

Она достала из кармана берет поври и натянула его на голову. Старики непонимающе смотрели на нее.

У девушки мелькнула мысль вытащить меч и заставить его вспыхнуть, но она отбросила эту идею. Не стоило сразу открывать слишком много даже этим двоим, хотя им она уже полностью доверяла. В конце концов, у них есть друзья, с которыми они, не удержавшись, могут поделиться захватывающими новостями, а бехренцы наверняка теперь станут подслушивать разговоры Барачака и Тсоланы, как это уже происходило в отношении самой Бринн.

— Это головной убор, который высоко ценится у расы могучих и злобных карликов, называемых поври, — объяснила она. — Многое из того, что я ношу, когда-то принадлежало им.

— Ты подружилась с карликами? — спросила Тсолана.

— Нет.

— Значит, ты сражалась с ними. Это трофеи?

— Я никогда не видела ни одного поври. Все это я нашла в логове совсем другого, гораздо более могущественного врага, глубоко в недрах гор. Это создание может разрушить до основания целую страну!

Старики изумленно посмотрели друг на друга, но тут же усмехнулись, явно сомневаясь в ее словах.

— И ты убила это создание? — спросил Барачак.

— Нет, дракон едва не прикончил меня.

— Ах да, дракон… — протянул тот по-прежнему с недоверием в голосе.

Бринн тем не менее постаралась сохранить спокойствие.

— Но я сбежала от него и даже кое-что прихватила с собой.

— Дорогая моя, да с тобой не соскучишься, — заметил старик.

Девушка в ответ лишь улыбнулась. На этом разговор закончился. Она устала, а завтра ей предстояла важная встреча.

ГЛАВА 11
МНОГОЦВЕТНЫЙ ПОЯС

Астамир смотрел на красный пояс, свисающий с крюка, прибитого к двери его маленькой скромной комнаты. Красивый пояс — множество оттенков красного, близкого к цвету крови; символ жизни его древнего тайного ордена мистиков Джеста Ту. Астамир был одним из четырех среди полутора сотен братьев и сестер ордена, удостоившихся пояса Жизни, и все же, снимая его с крюка и повязывая вокруг талии, чтобы приталить коричневую тунику, не испытывал какой бы то ни было гордости.

Если бы он испытывал это чувство, то был бы недостоин красного пояса.

Нет, Астамир носил пояс с чувством скромного оптимизма, распространяющегося не только на него самого, но и на всех людей в мире. Он был Джеста Ту, ведущим жизнь вдали от мирских страстей, в неспешных размышлениях и в надежде, что обретя в конце концов истинное понимание жизни, смерти и своего предназначения, достигнет абсолютной просвещенности.

Джеста Ту был маленьким орденом. Их единственный монастырь, Обитель Облаков, находился высоко в горах, там, где заканчиваются тогайские степи и пустыни Бехрена; да еще немногие собратья странствовали по большому миру.

Очень немногие, поскольку бехренские ятолы были нетерпимы к Джеста Ту, а тогайру мало что знали о них.

Большинство Джеста Ту вели происхождение от бехренцев, а корни остальных, и среди них Астамира, уходили в тогайские степи. Однако все они оказались в Обители Облаков в очень юном возрасте и почти не сохранили воспоминаний о прошлой жизни. Кое-какие представления о большом мире они получали из ученых трудов и рассказов собратьев, но по большей части вели замкнутую жизнь в горном доме, построенном на вершине утеса, куда вела лестница длиной в пять тысяч ступеней.

Сквозь обращенное на юг маленькое окно до Астамира донесся сначала треск, потом оглушительный грохот, но это лишь позабавило, а ничуть не напугало сорокалетнего мистика. Молодые Джеста Ту практиковались в работе с магическими камнями, готовясь к празднику осеннего равноденствия, который должен состояться сегодня вечером. Тогда молнии и огненные шары осветят вечно затянутое туманом ущелье под мостом Ветров. Астамир улыбнулся; предстоящий праздник радовал его, и к тому же он знал, что его вклад в действо доставит удовольствие его младшим собратьям.

В Обители Облаков мало кто умел работать с магическими драгоценными камнями так хорошо, как Астамир, хотя и он, без сомнения, уступал в этом монахам церкви Абеля из северного королевства Хонсе-Бир. Дело в том, что в глазах Джеста Ту эти камни вовсе не были священными; во всяком случае, не более, чем трава, ветер и другие творения и проявления природы. Мировоззрение мистиков основывалось на чувстве внутреннего мира и удовлетворенности, на гармоничном слиянии разума, тела и природы. Джеста Ту высоко ценили магические драгоценные камни. И тем не менее не считали их священными и уж тем более Божьим даром.

Снова послышались треск и грохот. Оторвавшись от размышлений, Астамир подошел к окну, выглянул в него и увидел группу молодых людей, собравшихся на мосту Ветров. Из ущелья под ними поднимались облака тумана. На большинстве мистиков были белые пояса Воздуха, символизирующие не столько определенные достижения в области знаний, сколько желание открыть им свой разум. Некоторые имели желтые — следующие по рангу, уступающие коричневым поясам Земли.

Астамир увидел лишь один голубой пояс Воды — очень высокий ранг — на женщине лет тридцати, из рук которой вырвалась молния, сопровождаемая грохочущим звуком.

За первой молнией последовала вторая, скрывшаяся в тумане. Люди на мосту разразились радостными криками и захлопали в ладоши.

Мистик разделял их радость, но внезапно она погасла, вытесненная отчетливым

пониманием того, что сегодня ночью он не будет участвовать в празднике.

Астамир отошел от окна, пораженный этой мыслью.

«Он не будет участвовать в празднике. Сегодня вечером и ночью он не сможет покинуть — и не покинет — свою комнату». Перед внутренним взором мистика молнии чистейшей энергии снова и снова причудливыми зигзагами прорезали туман.

Дыхание вырывалось изо рта резкими толчками; такое дыхание не упорядочить тому, кто носит белый пояс и владеет лишь обычной техникой дыхательных упражнений. Астамир отступил от окна. Все глубже погружаясь в свои мысли, он вновь представил себе молнию, но на этот раз она проложила путь внутри тела, пронизывая его от головы до паха зарядом невероятной силы.

Расчистив место на полу, мистик расстелил коврик со сложным узором, который собственноручно плел из овечьей шерсти целых два года. Уселся на него, скрестив ноги, очень медленно развел руки и опустил их на колени, ладонями вверх. Мысленно представляя себе все части тела по очереди, привел их в состояние полной расслабленности.

Добившись этого, Астамир позволил образу молнии снова возникнуть перед своим внутренним взором. Однако на этот раз он сосредоточился на растущем ощущении собственной жизненной энергии, которая в большей степени выражала его суть, чем любые проявления и даже достижения смертного тела.

Потеряв всякое представление о времени и пространстве, мистик погрузился в себя так глубоко, как никогда прежде.

И, находясь в этом состоянии, впервые обрел ощущение идеальной гармонии.

Астамир открыл глаза и вперил взор в темноту. Медленно, очень медленно соединил руки перед грудью. Неспешно, глубоко задышал, используя технику, которую освоил, еще нося белый пояс, и мысленно представляя себе, как потоки вдыхаемого воздуха растекаются по всему телу.

Он плавно поднялся, по-прежнему держа руки перед грудью.

Пытаясь сообразить, сколько времени прошло, мистик вышел в коридор и обнаружил все двери закрытыми. Спустился в Зал света — круглую комнату, уставленную рядами горящих свечей, с висящими под разными углами зеркалами и маленькими фонтанчиками, установленными в тех точках, где они в максимальной степени ловили и преломляли свет.

В одном из зеркал он увидел отражение своего лица, тронутого удовлетворенной улыбкой от сознания того, что совсем недавно произошло нечто очень важное.

— Три дня, — раздался голос у него за спиной.

Астамир повернулся и отвесил учтивый поклон своему наставнику.

В Обители Облаков сейчас жили еще три мистика уровня Астамира, обладатели красного пояса Жизни, и всего два, достигшие высот многоцветного пояса, символа просвещенности, — магистр Чаэс и его жена, магистр Глария. За столетия существования ордена число тех, кто обладал этим поясом, было невелико — всего около ста человек, а одновременное присутствие двух магистров в Обители Облаков являлось почти беспрецедентным случаем.

И сейчас Астамир собирался сообщить о том, что вскоре к ним добавится третий.

— Я видел Чи, — сказал он.

Магистр Чаэс кивнул с торжественным видом.

— Я так и подумал, когда тебя не оказалось на празднике равноденствия три дня назад, — сказал он, — Я всегда надеялся, что ты увидишь Чи, Астамир. Теперь путь перед тобой открыт.

Три дня? Мистик рассмеялся, хотя не слишком этому удивился.

— Я прикоснулся к Чи, — добавил он. — Я понял Чи.

Эти заявления заставили пожилого магистра отпрянуть. Не многие осмеливались заявлять о таком, а в возрасте Астамира прикоснуться к Чи, понять Чи было делом практически неслыханным. Глария, жена Чаэса, обрела Чи всего два года назад, на семьдесят

восьмом году жизни и семьдесят пятом году обучения.

Я пройду Многоцветным Путем, магистр Чаэс, — уверенно продолжал Астамир.

Его наставник кивнул. А что еще ему оставалось делать? Хотя было понятно, что старик сомневается, помешать ученику он не мог. Открытие Чи, этого высочайшего уровня просвещенности, было личным делом каждого. Ни Чаэс, ни любой другой магистр никакого влияния на этот процесс не имели.

— Ты отдаешь себе отчет в том, насколько это опасно? — спросил все же магистр Чаэс. — Понимаешь, что идти Многоцветным Путем не обязательно именно сейчас… или завтра, или в любой другой день?

— Ждать неразумно, поскольку я готов, — заверил его мистик.

— Ну, коли так, мне больше нечего тебе сказать. — Магистр Чаэс поклонился в знак понимания и уважения. Если Астамир одолеет Путь, он сравняется с Чаэсом в уровне просвещенности, если нет — погибнет. Третьего не дано; в тот момент, когда Астамир объявил о своем намерении, его ученичеству у магистра Чаэса пришел конец.

Склонив голову, Чаэс удалился.

Астамир чувствовал себя уверенно. Он видел Чи, внутреннюю жизнь, то, что соединяет душу и тело, и потому не сомневался, что пройдет Путь. Не раздумывая, он зашагал к заброшенной лестнице в северном крыле обители. Спустился с третьего этажа на самый нижний его уровень и подошел к окованной железом двери, которую никто не открывал с тех пор, как магистр Глария преодолела Многоцветный Путь. Взявшись за кольцо в центре двери, Астамир ощутил исходящий из-за нее жар. Он рванул кольцо на себя, разомкнув таким образом запирающий механизм: дверь открылась, и порыв горячего ветра ударил мистику в лицо.

Он вошел внутрь и выждал несколько мгновений, давая глазам возможность привыкнуть к тусклому оранжевому свету, мерцающему далеко внизу.

Рукотворные туннели Обители Облаков здесь заканчивались, и Астамир двинулся далее по естественному земляному ходу, уводящему в глубь горы. Путь занял около получаса, и в конце его обнаружилась еще одна дверь. Рядом с нею на стене во множестве висели красные пояса, точно такие же, какой носил Астамир.

Мистик подошел к стене и с удовлетворением отметил, как хорошо сохранились пояса, многие из которых находились тут не одно столетие, и это несмотря на то, что пропитанный неприятным серным запахом воздух оказывал разрушительное действие почти на любую ткань.

Астамир снял пояс, повесил рядом с другими и ласкающим движением провел по нему рукой: хотя он носил его всего несколько лет, красный пояс стал для него не просто символом, а постоянным напоминанием об избранном жизненном пути.

Отбросив из головы все посторонние мысли, мистик открыл еще одну дверь, понимая, что никогда больше не увидит ни свой пояс, ни помещение, где он остался висеть.

Сейчас Астамир находился в просторном, тускло освещенном зале с уставленными в нем изваяниями воинов, выполненными в полный человеческий рост и словно готовыми мгновенно вступить в бой. Помещение походило на то, в котором он заработал пояс Жизни.

Этот зал служил скорее не для проверки нового уровня просвещенности явившегося сюда, а для предостережения тому, кто пришел преждевременно. Скульптуры имели скрытые механизмы, приводящиеся в движение при изменении давления на пол. Только человек, имеющий красный пояс, обладал достаточным навыком, чтобы пересечь это помещение, избегнув подстерегающие его ловушки.

Все с тем же ощущением несокрушимой уверенности в себе, стараясь не думать о том, что ждет его впереди, Астамир снял мягкие комнатные туфли и начал пересекать зал.

Под ногами ощущалась слабая вибрация. Гармонично слившиеся тело и разум мистика помогли ему увернуться от удара копьем, который нанесло ближайшее изваяние воина, и тут же наклониться так, чтобы меч другого, резко повернувшегося воина рассек лишь воздух в том месте, где он только что находился.

Словно обладая провидческими способностями, Астамир подпрыгнул за миг до того, как из пола под ним вырвались наружу острые шипы. Приземлившись чуть в стороне, на одну ногу, что не мешало ему превосходно сохранять равновесие, он уверенно двинулся вперед.

Краем глаза мистик успел заметить летящее в него копье.

Вскинув руку, он отбил его, сделал кувырок, проскочил под двумя стремительно опускающимися мечами, высоко подпрыгнув, пропустил под собой еще одно копье и устремился вперед, уворачиваясь от новых ударов, пытавшихся достать его то справа, то слева.

И вот Астамир уже стоял рядом с огромным рычагом в полу перед дверью из этого зала. Крепко обхватив рычаг, он отвел его назад и замер, дожидаясь, пока противовесы наполнятся песком, открывая проход в запретный зал. Минуты постепенно складывались в часы. Наконец скрипы и шорохи смолкли. Мистик вернул рычаг в исходное положение, набрал в грудь побольше воздуха, открыл дверь и оказался в широкой, но низкой естественной пещере. По ее стенам метались отсветы оранжевого пламени; было нестерпимо жарко. Пещера образовалась задолго до появления Астамира на свет, когда из глубины горы прорвался поток расплавленной лавы.

Обратившись внутрь себя, мистик начал собирать свое Чи, чтобы защититься от убийственного жара. Человеческие кожа и кровь не могут вынести жар такой интенсивности, однако Чи — может. Мистик создал также энергетический щит, блокирующий боль.

Обезопасившись таким образом, он взглянул на узкую металлическую балку, пересекающую пещеру в направлении потока оранжевой лавы. Она была раскалена добела.

Собрав внутреннюю силу в единый энергетический пучок, Астамир медленно, не испытывая страха, шагнул на металлическую балку шириной всего в несколько дюймов. Не спеша, отвергая саму мысль о жаре и боли, он прошел по ней и остановился на расстоянии всего нескольких футов от потока лавы, настолько близко, что мог бы дотянуться до него рукой. Мистик огляделся, но не обнаружил далее никакого пути. Тем не менее он твердо знал, что возвращаться нельзя.

Потом пришло понимание. Он отступил на несколько шагов и снова погрузился вглубь себя, вытягивая жизненную силу и формируя из нее окружавший тело защитный кокон.

Короткая пробежка, прыжок — голова откинута назад, руки расставлены в стороны, пальцы сжаты в кулаки.

Он пролетел сквозь поток лавы и, сумев не потерять равновесия, опустился на узкую раскаленную балку на другой стороне потока. Сдерживая радостное возбуждение, Астамир двинулся вперед и в конце концов оказался у входа в другой туннель, имеющий уклон вниз.

Он шел по нему в полной темноте несколько часов, пока не увидел впереди еле заметное пятно дневного света. Выйдя из туннеля, мистик оказался в очень глубокой и узкой — не более десяти футов в поперечнике — каменной расселине. Здесь на остром выступе висел символ его достижения — многоцветный пояс. Астамир благоговейно взял его в руки. Сделанный из тончайших, специальным образом обработанных и искусно сплетенных нитей, пояс выглядел черным при любом освещении, кроме солнечного, в котором играл всеми цветами радуги.

Мистик поворачивал его так и эдак, ловя еле проникающий в расселину солнечный свет, чтобы увидеть хотя бы намек на истинное великолепие пояса.

Следующие несколько месяцев Астамиру предстояло заниматься плетением пояса для того, кто решится пройти испытание Чи следующим. Закончив работу, он достигнет того места, которое сейчас имело вид бледного пятна над головой, и сбросит пояс в расселину, где тот будет ожидать своего владельца — десятилетия или, возможно, даже столетия.

Таков путь Джеста Ту.

Астамир повязал новый пояс и оглянулся, обдумывая, как выбраться наверх. Расселина имела отвесные стены высотой в несколько сот футов.

Однако для магистра ордена непреодолимых препятствий не существует.

Мистик вновь отыскал энергетический стержень, пронизывающий его от головы до паха, и, используя его, нейтрализовал собственный вес.

И начал подниматься, придерживаясь руками за стены расселины.

Оказавшись наверху, среди нагромождения камней узкого ущелья, он подошел к нижним ступеням длинной лестницы. Высоко над головой можно было разглядеть мост Ветров. Астамир подавил желание вознестись к нему, удивив стоящих там молодых мистиков, и начал смиренно подниматься по ступеням.

Наверху его ожидал магистр Чаэс.

— Я рад за тебя, магистр Астамир, — сказал он.

— У меня не было никаких сомнений в успехе.

— Будь они у тебя, ты бы не выжил.

Астамир очень хорошо понимал, что стояло за этими словами. Мистики, пытавшиеся пройти Многоцветным Путем исключительно из гордыни, на самом деле не увидевшие и не понявшие свое Чи, были обречены. Те же, кто достиг истинной просвещенности, потерпеть поражение просто не могли.

— В том, что касается поясов, ты достиг вершины, — продолжал магистр Чаэс. — И теперь пойдешь дальше. Ты уже решил, куда направишь стопы?

— В Тогай, — ответил мистик. — Мне было видение — заросшие травой степи. Я знаю, что должен вернуться туда.

— Я стар, друг мой, и магистр Глария тоже. Однажды ты можешь вернуться в Обитель Облаков и обнаружить, что один носишь многоцветный пояс. Это тяжкая ответственность, но я уверен, что ты справишься.

Астамир кивнул и тепло улыбнулся. Он понимал, что имеет в виду Чаэс. Уходя из обители, он рискует никогда больше не увидеть дорогих его сердцу стариков. Он почувствовал укол сожаления. Но только на мгновение, поскольку видел свое Чи и понял, что такое вечность. Мистик больше не боялся ни собственной смерти, ни смерти друзей, потому что знал: на самом деле смерти нет, есть только возрождение.

ГЛАВА 12
ПРАГМАТИЗМ И ТЕРПЕНИЕ

Мерван Ма с удивлением и даже страхом наблюдал за тем, как Чезру Дуан в пух и прах разносит магистра Маккеронта. Юноша редко видел своего обычно уравновешенного господина таким разгневанным и не понимал, почему это происходит именно сейчас.

— Каким количеством даров я должен осыпать Олина? — воскликнул Эаким Дуан. — И сколько еще раз ты будешь выезжать с повозками, нагруженными золотом и драгоценностями, только затем, чтобы потом вернуться за новыми подношениями?

— Деньги нужны не для аббата Олина, — спокойно отвечал магистр Маккеронт; он даже осмелился взмахнуть рукой в тщетной попытке утихомирить необычайно разбушевавшегося Дуана. — Они должны помочь убедить нескольких высокопоставленных церковников в том, в чью пользу им необходимо высказаться на Коллегии аббатов…

— Коллегия аббатов, Коллегия аббатов… — Чезру, казалось, с отвращением выплевывает каждое слово. — К тому времени, когда ваша Коллегия соберется, аббат Олин давно будет мертв!

Он сильно наклонился вперед в кресле, и Маккеронт съежился под его яростным взглядом.

— Как выяснилось, у отца-настоятеля Агронгерра еще немало сил, — вынужден был признать магистр Сент-Бондабриса. — Мы не думали, что он переживет лето.

— А он спокойно это сделал, и теперь ты заявляешь, что процесс его переизбрания затягивается, потому что здоровье Агронгерра неожиданно улучшилось. Он переживет зиму, как вы теперь полагаете, а там, глядишь, и весну, и следующее лето. Когда же ожидать созыва вашей Коллегии аббатов, магистр Маккеронт?

— Мы не можем этого знать.

— И даже опережая события, не можете запланировать Коллегию на следующую осень просто в ожидании неизбежного конца?

Маккеронт побледнел, услышав эти слова.

— Это немыслимо — высказывать какие бы то ни было предположения о том, когда Бог призовет к себе отца-настоятеля Агронгерра!

— Бог! — снова выплюнул Эаким Дуан. — Бог тут ни при чем, глупец! Все дело в упрямстве старика, который просто не желает умирать. И как это характеризует вашу церковь, если ее глава боится смерти?

Магистр еще больше вжался в кресло, но потом вскочил, сердито глядя сверху вниз на Чезру.

Мерван Ма прищурился, готовый в любой момент вмешаться, если этот человек посмеет поднять руку на Глас Бога. И впрямь, магистр Маккеронт, казалось, вот-вот взорвется — он весь дрожал, стиснув челюсти так плотно, что заскрежетал зубами.

Если Эаким Дуан и испытал хоть какой-то страх, то не подал виду. Он откинулся на спинку кресла, поигрывая кончиками пальцев.

— Что ты себе позволяешь… — сквозь стиснутые зубы начал Маккеронт.

— Довольно, друг мой, довольно. — Эаким Дуан успокаивающе вскинул руки. — Мы все испытываем немалое беспокойство из-за того, что старик Агронгерр не может мирно отойти и уступить место аббату Олину.

— Ты не смеешь оскорблять… — Магистру, по-видимому, придал смелости явно изменившийся тон Чезру.

Однако Эаким Дуан мгновенно вспыхнул снова, пригвоздив Маккеронта к месту свирепым взглядом.

— Я не сказал ничего такого, что ты можешь опровергнуть, — произнес он спокойным, ровным тоном, что лишь придало его словам еще больше веса. — А вот я не опасаюсь говорить правду, какой бы горькой она ни была.

— Я не…

— Сядь и выслушай все, что я сочту нужным сказать! — внезапно рявкнул Эаким Дуан. — Ты пришел сюда как проситель, хотя не принес никаких новостей, которые порадовали бы мои старые уши. Ладно, забирай золото, забирай драгоценности и продолжай поддерживать аббата Олина. И молись Богу, которому ты искренне поклоняешься в своем сердце, магистр Маккеронт, чтобы старик Агронгерр смирился с неизбежным и ушел туда, где его ждет награда за праведную жизнь. Потому что мое терпение на исходе. Передай это аббату Олину.

Маккеронт хотел было что-то ему ответить, но Дуан махнул рукой, приказывая ему удалиться.

Как только дверь за магистром закрылась, Мерван Ма посмотрел на Чезру Дуана, ожидая указаний или, может быть, разъяснений. Когда сообщили, что магистр Маккеронт снова в Хасинте, они подумали, что он явится в Энтел с известием о смерти Агронгерра и о том, что Коллегия аббатов назначена на весну. Однако выяснилось, что отец-настоятель абеликанской церкви не только все еще жив, но даже чувствует себя намного бодрее, и это сообщение привело Эакима Дуана в исступление.

И все же внезапный гнев Чезру застал юношу врасплох. Дуан говорил, что хотел бы видеть во главе церкви Абеля аббата Олина, но ведь Хонсе-Бир далеко, очень далеко — по ту сторону высоких гор. Правда, морем от Энтела до Хасинты гораздо ближе, но ни у Бехрена, ни у Хонсе-Бира не было достаточных сил на море, чтобы угрожать друг другу. С какой стати, в таком случае, затянувшееся правление отца-настоятеля Агронгерра стало причиной столь серьезного беспокойства?

Эаким Дуан долго сидел в кресле, глядя в окно на высившиеся за ним горные пики. Наконец он поднялся, подошел к небольшому столу в дальнем конце комнаты и принялся проглядывать лежащие на нем пергамента, среди которых находился и тот, что был получен

сегодня утром от ятола Гриаша.

Чезру взял этот пергамент и прочел его снова.

— Ты знаешь, что у них появился вожак? — спросил он немного погодя.

— У кого, Глас Бога?

— У мятежных тогайру, — объяснил Дуан. — Шайка разбойников во главе с кем-то, кого они называют Ашвараву. — Он с усмешкой посмотрел на Мервана Ма. — Знаешь, что означает это имя?

Юноша задумался, так и эдак поворачивая в уме чужеземное слово. Вроде бы окончание «аву» на языке тогайру имеет какое-то отношение к состраданию или жалости. Он покачал головой.

— Ашвараву, — повторил Эаким Дуан, — Безжалостно Убивающий. — Он фыркнул и рассмеялся. — Гордыня покоренных. Им так мало осталось, что они хватаются за любую соломинку.

— Ятол Гриаш просит о помощи? — спросил Мерван Ма, хотя, конечно, знал ответ, поскольку знакомился с посланиями, прежде чем передать их Чезру.

— Как и следовало ожидать, — сказал Дуан, стараясь, чтобы его голос звучал смиренно, хотя это и плохо ему удавалось. — Он просит восьмирядное каре солдат.

Юноша кивнул. Восьмирядным каре называли основное воинское соединение бехренской армии. Оно состояло из шестидесяти четырех человек, по восемь в каждом ряду. Воины, окаймлявшие каре, имели высокие щиты, а те, что находились внутри его были вооружены копьями.

— Грнашу нужно послать то, что он просит, — продолжал Эаким Дуан, но тут же воскликнул, подняв палец, словно на него только что снизошло озарение. — Постой! Лучше послать ему двадцатирядное каре… Нет — два двадцатирядных каре!

Глаза у Мервана Ма чуть не вылезли на лоб. Не его дело было обсуждать решения Чезру, но два двадцатирядных каре?

— Повинуюсь, Глас Бога, — тем не менее пролепетал он.

— Небольших восстаний в Тогае следовало ожидать, — объяснил Эаким Дуан. — Чтобы народ действительно покорился, должно вырасти по крайней мере одно новое поколение. Мы открыли им дорогу к лучшей жизни, но должны уйти из жизни все старые, упрямые варвары, чтобы молодые тогайру осознали и приняли эту простую истину. Рыщущие по степи бандиты, конечно, не старики. Это дерзкая молодежь, стремящаяся утереть нос так ничего и не сумевшим понять старшим. Лучше разом покончить с этой напастью. Значит, два двадцатирядных каре послать ятолу Гриашу, и пусть чежу-лей Вэй Атанн прочешет с этими солдатами всю страну. — Губы Эакима Дуана искривила злобная усмешка. — Пусть Вэй Атанн добьется, чтобы тогайру и его называли Ашвараву.

Несмотря на уверенность в необходимости предпринять самые решительные действия против тогайру, остальная часть этого дня прошла для Эакима Дуана безрадостно. Ему стало ясно, что время Возрождения опять откладывается, а ведь он надеялся, что не придется мучиться еще одну зиму. В Хасинте зимы весьма умеренные, но и они отзывались болью в его старых костях.

Дела в церкви Абеля на севере тоже идут совсем не так, как хотелось бы Чезру. Если здоровье отца-настоятеля Агронгерра и впрямь улучшается, пройдет много, много месяцев, прежде чем будет созвана Коллегия аббатов.

По какой-то ему самому до конца не ясной причине Эаким Дуан чувствовал, что с Возрождением придется подождать до тех пор, пока ситуация в Хонсе-Бире не стабилизируется. Казалось бы, в этом могущественном северном королевстве сейчас все было спокойно, но совсем недавно его сотрясали катаклизмы, и в абеликанской церкви после этого так называемого «чуда завета Эвелина», спасшего страну от розовой чумы, все еще царили разброд и шатание.

Все, что Чезру считал незыблемым, внезапно зашаталось у него под ногами.

Тем не менее старый Эаким Дуан вполне мог смириться с этим. Столетия жизни добавляли ему мудрости. Сейчас важно одно: он должен быть максимально неуязвим. Значит, быть по сему.

Дуан вошел в помещение, где хранился священный сосуд, на всякий случай оглянувшись через плечо, хотя никакие правила не запрещали ему этого. Он — Глас Бога и может делать все, что сочтет нужным.

Тем не менее Чезру постоянно напоминал себе, что все связанное с этим сосудом представляет собой самый значительный его секрет, который ни при каких обстоятельствах не должен быть раскрыт.

Нервно потирая руки, он подошел к стоящему в центре помещения подиуму. Усмехнулся — окажись сейчас здесь кто-нибудь, он ничуть не удивился бы его поведению и выражению лица: все жрецы-ятолы приближались к этому сосуду неуверенно и с благоговением. Это немало забавляло Эакима Дуана. Его взволнованность объяснялась совсем другими причинами. Для Чезру в сосуде не было ничего священного или имеющего хотя бы отдаленное отношение к Богу; там, на его дне, под кровью, был вправлен магический драгоценный камень, секрет его бессмертия.

Что такое Бог любой религии, если не надежда на это самое бессмертие?

Обхватив руками сосуд, Эаким Дуан мгновенно ощутил связь с магическим камнем. И хотя не было никаких сомнений в том, что гематит здесь и в любой момент его можно достать, Чезру испытывал облегчение каждый раз, когда эта связь возникала.

Погрузившись в магию камня, а потом и вглубь себя, он тщательно обследовал все закоулки своего дряхлого тела.

Нашел болевые точки — потерявшие эластичность мышцы, ставшие хрупкими кости — и, используя магию гематита, направил туда энергию исцеления. И долго стоял так, очищая тело от шлаков и немощи. Он понимал, что облегчение носит временный характер, а его тело страдает тем, что невозможно исцелить: оно стремительно дряхлеет. И все же эта процедура поможет ему пережить несколько последующих месяцев относительно спокойно — а потом он в очередной раз перехитрит старость.

Мерван Ма наткнулся на Эакима Дуана совершенно случайно. Он зашел в комнату со священным сосудом, чтобы навести там чистоту, потому что такое ответственное дело нельзя было доверить ни одному слуге.

И ужасно удивился, застав там Чезру, — настолько, что даже вскрикнул.

Однако погрузившийся в магический транс Эаким Дуан не услышал его.

Отсутствие ответной реакции подхлестнуло интерес юноши. Проклиная себя за то, что ворвался к Гласу Бога, он уже было направился к выходу, но вполне естественное любопытство остановило его.

Мерван Ма не понимал, что происходит; Эаким Дуан никогда не рассказывал ему ни о каком подобном ритуале. Зная, что может ошибаться в таких вопросах, юноша тем не менее испытывал непонятное для него самого ощущение беспокойства.

Это ощущение подтолкнуло преданного слугу Чезру к тому, чтобы снова обругать себя и напомнить, какой он невежа.

И Мерван Ма выскочил из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь и страшно опасаясь побеспокоить Чезру.

Сознание твердило юноше, что возникшее ощущение беспокойства не имеет под собой никаких оснований.

С подсознанием, однако, справиться было труднее.

ГЛАВА 13
ЭТО МОЙ КОНЬ!

Он был не бехренец, а из тогайру: Бринн не сомневалась в этом с того самого момента,

как вошла в украшенное гобеленами помещение и остановилась перед ятолом Тао Джин Эаном. У этого человека были прямые волосы цвета воронова крыла и кожа столь характерного для тогайру красноватого с легким прикосновением желтизны оттенка. И хотя фигурой он скорее напоминал бехренца, живущего в роскоши города, Бринн заметила сильную мускулатуру его обнаженных рук.

Тао Джин Эан сурово смотрел на Бринн, спокойно стоящую перед ним вместе с Дии'дак, которая была на полфута выше тогайранки. Ятол, не моргая, с прищуром уставился на девушку.

Бринн хотелось ответить ему таким же взглядом, но она сдержалась. То, что этот человек был тогайранцем, вызывало в ней еще большую ненависть. Он предал своих людей, отказался от древних заветов, перешел на сторону захватчиков. И представлял собой прямую противоположность Бринн, цепко держась за все то, что она презирала. Им нечего было сказать друг другу. Однако тогайранка знала, что ятол Тао придерживается на этот счет другого мнения. Ну что же, пусть пока наслаждается, играя в свои игры.

— Кейлин Кек. Насколько мне известно, никого из Кейлин Кек пока нигде не обнаружили, — произнес он на чистом тогайском, с оттенком насмешки в резко звучащем голосе. — Им нечем гордиться; стоит ли заявлять о своем присутствии? — Бринн не стала обращать внимания на эту издевку; она понимала, что ее проверяют. — Вижу, ты предпочитаешь не расставаться с мечом.

— Я бы оскорбила тебя, если бы пришла без него, — ответила девушка. — Мы встретились, чтобы познакомиться друг с другом. Я — воин, и всякий другой мой облик лишь бы вводил в заблуждение, ты согласен?

Она имела в виду давнюю традицию тогайру: наличие необнаженного оружия было признаком честных побуждений владельца, а не угрозы с его стороны.

Дии'дак тут же ощетинилась; судя по выражению ее лица, она понимала тогайский язык лучше, чем дала понять об этом при первой встрече с Бринн.

— Воин! Это лишь твое воображение.

— Я воин. И это вовсе не пустые амбиции, можешь мне поверить.

— Прекрасный воин, надо полагать?

— Каковым меня считают, не так уж важно, — сказала Бринн. — Благодаря своим навыкам я жива, и этого более чем достаточно.

Произнося эти слова, она испытала легкие угрызения совести; приобретенные навыки не помогли ей уберечь от гибели Белли'мара Джуравиля и Каззиру. И снова ее ответ прозвучал в традициях тогайру: боевые умения оценивались ими, исходя не из тщеславия, а исключительно из соображений разумности и необходимости их использования в нелегкой кочевой жизни.

— Истинный воин стоит рядом с тобой, — заметил ятол Тао.

— Мне известна репутация чежу-леев, — отозвалась Бринн.

Искоса взглянув на Дии'дак, тогайранка заметила, как та горделиво выпятила грудь.

— Может, стоит устроить поединок между вами, — произнес Тао Джин Эан, как бы разговаривая сам с собой, — По-моему, это неплохая идея.

— С каким исходом?

Прямой вопрос Бринн вызвал со стороны отступника сердитый взгляд.

— Думаешь, на твоем месте имеет смысл задавать вопросы? — спросил он. Девушка лишь пожата плечами. — Может, этот поединок просто меня позабавит. Мне всегда нравилось, когда женщины дерутся для того, чтобы тебя развлечь…

Тогайранка снова проигнорировала его слова; возможно, этот человек просто глуп? Она позволила себе немного пофантазировать: Тао Джин Эан устраивает этот поединок, она убивает Дии'дак, а потом на глазах у всей деревни — самого ятола.

«Терпение, — напомнила себе Бринн. — Сейчас прежде всего необходимо терпение».

— Я хочу взглянуть на твой меч, — неожиданно сказал ятол. Девушка вытащила из ножен свой удивительный меч и, держа его перед собой на таком расстоянии, чтобы

отступник не смог дотянуться, подняла клинком вверх. — Дай мне его.

Бринн медленно поворачивала меч, давая Тао Джин Эану возможность рассмотреть работу оружейника, но не выполняя распоряжения ятола. Ее лицо было спокойным, без малейшей тени вызова.

— Кодекс воина тогайру не позволяет мне отдавать меч никому, кроме того, кто нанес мне поражение в ириш кад'ду, — спокойно сказала она, имея в виду одно из главных состязаний тогайру, проверку искусства верховой езды и мужества.

— Ириш кад'ду запрещен, — раздраженно заметил ятол Тао. — Ты, разумеется, знаешь об этом.

Девушка, разумеется, об этом не знала; в ее глазах промелькнуло изумление. Неужели все зашло так далеко? Неужели тогайру настолько подчинились завоевателям, что отказались от одного из самых священных ритуалов, ириш кад'ду? И почему ее гордые соплеменники пошли на это, не оказав сопротивления бехренцам?

Бринн изо всех сил старалась сейчас не углубляться в эти проблемы, напоминая себе, что время открытого противостояния еще не пришло. Она здесь и ведет беседу с отступником-тогайранцем, потому что ей нужно как можно больше узнать о врагах.

Ятол Тао протянул к мечу руку, и, несмотря на желание ничем не вызывать раздражение собеседника, девушка молниеносным движением убрала драгоценный меч в ножны.

В темных глазах ятола вспыхнули зловещие огоньки.

— Может, это состязание и запрещено, но никто не коснется моего меча, пока я жива, — заявила Бринн и опять почувствовала, как стоящая рядом с ней Дии'дак напряглась.

На какое-то мгновение у тогайранки мелькнула мысль, что она, возможно, перешагнула границы дозволенного и сейчас этот человек просто прикажет Дии'дак убить ее. Тем не менее поступить иначе она не могла. Вручить свой прекрасный меч врагу? Нет; ни за что!

Ятол Тао, однако, взял себя в руки; похоже, непосредственная угроза миновала.

— Можешь остаться в нашем поселке, — внезапно сказал он, махнул рукой и отвернулся. Девушка не сразу поняла, что ее отпускают, но потом, пожав плечами, направилась к двери. — У тебя, конечно, нет официального разрешения на отъезд? — Бринн остановилась и недоуменно воззрилась на ятола. Надо полагать, она нарушила какое-то установление. — Прощаю тебе и это, — высокомерно продолжал Тао Джин Эан. — Но если ты собираешься остаться здесь — а точнее говоря, Бринн Дариель, если ты собираешься выжить, — тебе придется должным образом усвоить, как следует себя вести.

Тогайранку так и подмывало снова вытащить меч и броситься на предателя. Тем не менее ни жестом, ни выражением лица она не дала ему понять, насколько оскорбило ее последнее замечание.

Выходя из здания, она знала: сейчас Тао Джин Эан беседует с Дии'дак о ней и, возможно, обсуждает план, как опозорить ее в глазах остальных тогайру или просто уничтожить. Пока она во владениях ятола Тао, за каждым ее шагом будут следить, и любой отказ подчиниться его приказам наверняка приведет к столкновению и с ним, и с Дии'дак.

Но другого пути выяснить истинное положение дел в Тогае она не видела.

Значит, быть по сему.

Одетый в куртку из тяжелой шкуры буйвола, отороченную серебристым мехом волка, высокий, сильный, с перекатывающимися под кожей мускулами, Ашвараву и внешне соответствовал той репутации неистового воина, которая летела впереди него по степи. У него была твердая квадратная челюсть, лохматые брови, густые черные волосы и темные, таинственно мерцающие глаза. Его посадка в седле не давала возможности усомниться в том, что этот человек с легкостью может заставить своего скакуна совершить любой маневр.

II это соответствовало действительности.

Поговаривали, что многие враги Ашвараву, встретившись с ним на поле битвы, сдавались, не вступая в поединок и умоляя о быстрой милосердной смерти. И все, кто хоть

раз видел сурового тогайранского воина, верили этим слухам.

Он с мрачным видом смотрел на одинокий могильный камень, выступающий из травы чуть выше пересохшего русла реки: на этом месте был распят и убит совсем молодой тогайранец по имени Джейсан Ло.

Ашвараву привел сюда отряд, чтобы его люди сами увидели этот камень — еще один пример жестокости ятола Гриаша и его убийц чежу-леев. Многие воины Ашвараву принадлежали к подвергшемуся нападению племени. Многие знали и любили Джейсана Ло.

Еще одно оскорбление, нанесенное тогайру, еще одно напоминание о том, что у них с бехренцами нет ничего общего и любой ценой надо изгнать завоевателей со своей земли.

Ашвараву направил коня к могильному камню и трижды ткнул в него кончиком копья — так по традиции живые тогайру обещают погибшему товарищу отомстить за него. Вслед за Ашвараву его воины один за другим приближались к могильному камню и давали такую же клятву.

Он посмотрел на воинов, своих друзей — и понял, что они готовы на все.

— Наши люди поняли, что от них требуется? — спросил Ашвараву разведчика.

— Они считают, что смогут тайком провести и спрятать человек двадцать, — ответил тот.

Лицо предводителя отряда исказила презрительная улыбка. До чего же глупы завоеватели! Используют покоренных в таких жизненно важных делах, как строительство фортификационных сооружений! Людям Ашвараву не потребовалось особых усилий, чтобы войти в контакт с занятыми на строительстве защитных стен тогайранскими рабами, и еще меньше, чтобы убедить их помочь отряду Ашвараву во время планируемого нападения.

Он приказал помощникам выделить два десятка лазутчиков. Горящие жаждой мщения воины двинулись по степи к бехренской деревне. До сумерек они будут прятаться в траве на подступах к Дуан Кел, а потом, когда рабы отвлекут внимание охранников, один за другим проберутся в поселение и спрячутся в заранее оговоренных местах.

Высоко подняв над головой копье, с песней бога войны Джаука на устах Ашвараву с оставшимися воинами пошел в атаку на Дуан Кел незадолго до рассвета.

Послышались крики дозорных, призывающих бехренских поселенцев защищать свои дома от нападения. Впопыхах выбравшиеся из постелей поселенцы принялись осыпать нападающих стрелами, но стремительно скачущий отряд не замедлил движения и не свернул в сторону.

В отличие от перепуганных бехренцев нападавшие не стреляли с далекого расстояния, дабы не тратить стрелы впустую. Дождавшись, пока цель не окажется в пределах досягаемости, они вскинули мощные луки и уже в который раз доказали, что никто в мире не сможет сравниться с тогайру в искусстве стрельбы на скаку.

Окружающая деревню стена не превышала человеческого роста, и Ашвараву с его воинами не составляло труда пускать стрелы поверх нее, поражая бехренцев.

К делу приступила другая часть отряда. Они закинули на стену крюки, привязанные к веревкам, другие концы которых крепились к седлам лошадей, и, развернув пони, натянули веревки, разваливая укрепления.

Бехренцы попытались организовать хоть какую-то слаженность в обороне, но этим планам не суждено было осуществиться из-за действий затесавшихся среди поселенцев лазутчиков. Наконец нападавшим удалось разрушить часть стены, и люди Ашвараву ворвались в поселок.

Дуан Кел не задумывалось как поселение, способное выдержать серьезное нападение, и у его защитников не было ни малейшего шанса отразить его. Спустя несколько минут почти все они лежали на земле мертвые или тяжелораненые. Уцелевшие вскоре побросали оружие, умоляя о пощаде.

Ответом им было одно слово, от которого мурашки побежали у них по телу: Ашвараву.

Плененных мужчин связали и отвели к пересохшему руслу реки. Там некоторых из них развязали и приказали рыть в песке ямы такой глубины, чтобы человека можно было

закопать в них по пояс.

В песок по пояс закопали около четырех десятков беспомощных, скрученных веревками, с завязанными глазами бехренцев. Ашвараву велел воинам набрать побольше камней…

Избиение продолжалось несколько часов, до тех пор, пока последний бехренский поселенец не погиб.

Большинство мужчин Ашвараву вернулись в Дуан Кел, чтобы развлечься с бехренскими женщинами, а потом прикончить и их.

Детей убивали милосердно — одним ударом; после чего их тела вместе с телами женщин сожгли на огромном костре, разложенном в центре поселка.

Джейсан Ло был отомщен.

Со временем Бринн поняла, какой ее проступок больше всего оскорбил ятола Тао. Он ввел правило, чтобы по окончании встречи с ним тогайру опускались на одно колено и склоняли голову.

На протяжении последующих нескольких недель девушка прикладывала все усилия, чтобы избегать ятола.

И с не меньшим рвением вникала в распорядок жизни поселка. Старалась по возможности ничем не выделяться, что не слишком ей удавалось хотя бы потому, что она постоянно не расставалась со своим мечом и магическим браслетом поври.

Каждый день она навещала Крепыша. Пони, привыкшему к вольной жизни, явно не нравилось находиться в конюшне.

— Еще немного, — каждый раз обещала ему Бринн. — Скоро мы снова вернемся в привольные степи.

Пони, казалось, понимал ее и всегда становился спокойнее, когда тогайранка обращалась к нему. В последние несколько дней, однако, он грыз деревянное стойло и тыкался в него мордой даже в ее присутствии — верный признак серьезного недовольства.

Внешне Бринн сохраняла спокойствие, не желая еще больше огорчать пони. Внутренне же она просто дрожала от возмущения, добавив ограничения в передвижениях четвероногих скакунов к списку преступлений бехренцев, отчего ее ненависть к ним еще более усилилась.

Но она по-прежнему не позволяла клокочущему внутри гневу выплеснуться наружу. Девушка уже начала разбираться в нынешнем положении тогайру. Кое-кто из них ассимилировался; к огорчению Бринн, она не раз слышала от многих жителей деревни, что насаждаемый бехренцами новый уклад кажется им предпочтительнее старого.

Однако так думали далеко не все. И уж конечно, не Барачак и Тсолана, которые каждый вечер засыпали ее расспросами о Кейлин Кек. И хотя девушка не так уж много могла рассказать о временах десятилетней давности, она делала все, что в ее силах, — а заодно и сама задавала массу вопросов. Так уж получилось, что эта пожилая чета стала для нее источником знаний о той самой прошлой жизни, которую тогайранка собиралась возродить.

На протяжении нескольких недель все оставалось относительно спокойно. Деревня готовилась к приходу зимы. К северу от Пояса-и-Пряжки зимы были довольно мягкие, но в тогайских степях, открытых всем ветрам и расположенных довольно высоко в нагорьях, дело обстояло иначе.

Однажды, когда тучи над головой уже готовы были разродиться первым снегом, Бринн выполняла обычные обязанности — носила воду с ближайшей реки. И вдруг заметила неподалеку от конюшен скопление людей. Опасаясь за Крепыша, девушка бросила ведра и побежала в сторону конюшен. Там собралось множество бехренцев, в том числе солдаты, ятол Тао и чежу-лей Дии'дак. Из конюшен вывели нескольких пони.

Бринн вздрогнула, увидев среди них Крепыша, которого с трудом пытался удержать отчаянно ругающийся бехренец.

Она протолкалась сквозь толпу и спросила стоящую в первом ряду молодую женщину по имени Чинирак:

— Что здесь происходит?

— Ятол Тао сокращает количество голов в табуне, — объяснила та. — Отобранных пони отправят в Бехрен на продажу.

Не успела Чинирак договорить, как тогайранка метнулась к ятолу Тао. Тот, надо полагать, заметил ее приближение, но не подал виду, продолжая отдавать команды подчиненным.

— Ты не должен трогать моего коня, — без всяких предисловий заявила девушка, указывая рукой на Крепыша.

— Эти пони будут отосланы для продажи в Дариан, — ответил ятол Тао.

— Мой конь…

— Нет тут никакого твоего коня! — внезапно рявкнул ятол так громко, что Дии'дак судорожно стиснула рукоятку меча, а стоящие поблизости солдаты замерли. — По условиям капитуляции все кони принадлежат Чезру Эакиму Дуану. Знай правила — и свое место, приблудная ру.

Бринн бросила взгляд на Крепыша и тут же снова перевела его на ятола, зловеще прищурив карие глаза.

— Это мой конь, — с нажимом произнесла она.

— В самом деле? — холодно осведомился ятол Тао.

— В самом деле. — В тоне тогайранки не было ни намека на покорность.

— Тогда повторяю: знай свое место, приблудная ру.

— Тогда я заберу коня и уйду, — ответила Бринн.

Ятол Тао фыркнул.

— Даже последний глупец давным-давно бы уже понял: коня у тебя нет.

— Ты тогайранец, — сказала девушка. — Ты понимаешь, что стоит за моими словами.

— Пусть тебя не сбивает с толку то, что мои родители были тогайру, жалкая дурочка. Сколько можно повторять: у тебя нет коня. А теперь ступай отсюда, да советую впредь держать рот на замке. Предупреждаю: мое терпение на исходе.

Бринн повернулась к Крепышу и резко свистнула. Тот встал на дыбы и, вскинув голову, с легкостью отшвырнул удерживающего его бехренца, упавшего на землю.

— Прекрати, или я прикажу убить этого пони, — закричал ятол Тао.

Тогайранка выхватила меч.

— Отпусти моего коня, ятол, — произнесла она.

Ятол пришел в полное исступление.

— Убить девчонку! И коня — тоже! — пронзительно завопил он.

Дии'дак, выхватив кривой меч, принялась описывать им круги над головой. Она делала это без видимых усилий, прекрасно сохраняя равновесие, и Бринн поняла, что бой ей предстоит трудный — перед ней достойный противник.

Хотя вообще-то схватку между ними вряд ли стоило считать честной, ведь Дии'дак понятия не имела о боевом мастерстве Бринн. С ее точки зрения девушка была всего-навсего еще одна ру, к тому же пешая. Чежу-лей быстро приближалась, вращая меч с такой быстротой, что его движения было не уловить взглядом.

Не выпуская соперницу из поля зрения, тогайранка сделала вид, что ее внимание занимает только ятол Тао, и продолжала двигаться в его сторону, выжидая до последней секунды, пока чежу-лей не оказалась совсем рядом. В этот момент великолепно отточенным движением — даром, что ли, эльфы годами обучали ее би'нелле дасада? — она молниеносно развернулась и нанесла сильнейший удар в грудь Дии'дак, пробив ее доспехи.

чежу-лей остановилась. Все вокруг удивленно пораскрывали рты, потрясенные скоростью, с какой действовала Бринн. Вполне понятно — никому из тогайру никогда не приходилось видеть точной и прямой атаки в стиле би'нелле дасада. Глаза Дии'дак расширились — скорее от удивления, чем от боли; до нее еще не дошло, что она смертельно ранена.

Смертельно ранена, но все еще опасна, понимала Бринн.

И нацелила следующий удар прямо в сердце соперницы.

На мгновение Дии'дак словно замерла на лезвии меча тогайранки, а затем рухнула на землю.

Сердце Бринн сжалось — ведь она только что совершила убийство, но переживать по этому поводу у нее не было времени. Она решительно шагнула к ятолу Тао.

Видевший, что только что произошло, ятол вскинул руки, моля о пощаде.

— Забирай своего коня, странница! — прерывающимся от страха голосом произнес он и крикнул солдатам, пытавшимся удержать Крепыша, чтобы те его отпустили. — Забирай его и уходи отсюда — нам с тобой не о чем спорить!

Бринн посмотрела на него с выражением любопытства — и презрения. Этот человек, назначенный главой поселка, был, конечно, обыкновенным трусом. Не опуская меч и не сводя с ятола взгляда, тогайранка позвала пони, и Крепыш тут же подбежал к ней.

— Вот видишь, твой конь тебе возвращен, — продолжал Тао. — Нам не о чем спорить. Я не враг тебе, странница. Я тогайранец.

— Нет! — даже не дав ему договорить, воскликнула Бринн.

— Если ты убьешь меня, тебе не уцелеть, — дрожащим голосом произнес ятол. — Прошу тебя, забирай коня и уходи.

— Нет, глупец, — уже более спокойно произнесла девушка и слегка опустила меч. — Ты не тогайранец.

— Религия ятолов…

— Дело не в том, что ты носишь эту одежду! — закричала Бринн. — Нет, это гораздо глубже. — Крепыш подбежал к ней, девушка притянула к себе его голову и потерлась щекой о мягкую гриву. — Нет. Ни один тогайранец никогда не украдет коня.

— Кони принадлежат… — запротестовал было Тао, но Бринн его не слушала.

— И ни один тогайранец никогда не прикажет убить коня. — Произнося эти слова, она обнимала Крепыша и, как казалось со стороны, расслабилась.

Тем неожиданнее был взрывной удар би'нелле дасада, настолько молниеносный, что ятол Тао даже не успел уловить взглядом движение. С бесконечным изумлением он посмотрел вниз и увидел меч тогайранки, глубоко вонзившийся ему в живот.

— Будь ты проклят, вместе с твоими новыми порядками! — воскликнула девушка и воззвала к мечу, который тут же охватило пламя.

Ятол взвыл от боли. Бринн резко повернула лезвие в ране раз, другой; пламя пожирало тело Тао.

Наконец она выдернула меч, повернулась и увидела, что большинство бехренцев и тогайру в совершенном ошеломлении уставились на нее, не веря своим глазам.

Но это продолжалось недолго. Бехренские солдаты взревели и бросились в атаку.

Девушка вскочила на Крепыша. Сжав левый кулак, она окружила себя переливающимся всеми оттенками защитным экраном, образовавшимся за счет скрытой в браслете поври магической энергии.

Однако бежать Бринн не собиралась. Вместо этого она развернула пони и поскакала прямо навстречу бехренцам. Те бросились врассыпную. Тогайранка свалила одного, прикончив его рубящим ударом, и, перед тем как направить Крепыша к дому Барачака и Тсоланы, позволила ему затоптать второго.

К ее облегчению, старики стояли на пороге, и Барачак бросил ей лук и колчан со стрелами.

Недобрая улыбка искривила губы Бринн. Что ни говори, она выдержала первое испытание, уготованное ей госпожой Дасслеронд. Девушка видела врагов так же ясно, как мишени темной ночью на освещенном факелами поле в Эндур'Блоу Иннинес, и стреляла столь же метко, как тогда.

К тому времени, когда Бринн Дариель покинула поселок, в ее колчане недоставало двенадцати стрел, каждая из которых поразила цель.

Тогайранка обернулась: ее никто не преследовал.

ГЛАВА 14
ДАЖЕ Б СРАЖЕНИИ ПОМНЯ О МИЛОСЕРДИИ

Тогайру, обитающие в южных степях, раскинувшихся у подножия Огненных гор, никогда по-настоящему не были кочевниками, поэтому вторжение бехренцев не столь существенно изменило их жизнь, как это произошло с их северными собратьями. Склоны вулканической горной гряды были достаточно плодородны и изобиловали дичью круглый год, поэтому необходимости в кочевой жизни не возникало. И здесь, вдали от Хасинты и указов Чезру, в местах, где граница между двумя государствами была не так четко обозначена, как между бесплодной пустыней и цветущими степями далеко на севере, многие бехренцы и тогайру относительно мирно сосуществовали на протяжении столетий. Случались даже смешанные браки, хотя они не были частым явлением и открыто не поощрялись.

Единственной реальной переменой после вторжения стало присутствие бехренских солдат. Они переходили от селения к селению, от одного тогайранского рода к другому, пытаясь настроить бехренцев против их соседей. Однако действия их особого успеха не имели — стоило воинам покинуть селение, как между бехренцами и тогайру возобновлялись привычные отношения.

Было и еще кое-что, роднившее южных бехренцев и тогайру. А именно: недоверие и даже страх по отношению к таинственному ордену мистиков, Джеста Ту, по слухам, обитающих в Огненных горах. Эти настроения были особенно распространены среди бехренцев, поскольку религия ятолов объявила Джеста Ту еретиками. Но даже тогайру, традиционно более терпимые к чужим верованиям, поскольку их собственные племена поклонялись различным божествам, никогда не питали особой приязни к Джеста Ту.

Вот какой была обстановка в тех краях, когда, следуя своему видению, там объявился Астамир. При себе у него была заплечная сумка с разноцветными нитями и приспособлениями, необходимыми для плетения многоцветного пояса тому, кто следующим попытается повторить его путь. Мистик понимал, что, в каком бы направлении от Огненных гор ни двинулся, везде его ожидает враждебное отношение. Однако он познал истину, испытал на практике жизненную силу своего Чи и потому не боялся ничего.

Войдя в трактир в первой же встретившейся на его пути деревне, Астамир почувствовал, как все взгляды обратились к нему. Мистик свободно владел как бехренским, так и тогайским языками и, услышав неодобрительный шепоток в свой адрес, не стал обращать на это внимания. Собравшиеся здесь просто многого не понимали. Да и откуда к ним могло прийти понимание?

Тогайранец, хозяин трактира, обслужил его как положено — конечно, это не значит, что быстро! Астамир щедро расплатился с ним серебром.

— У тебя найдется комната для ночлега? — спросил он. Хозяин обвел встревоженным взглядом сидевших в зале; те, в свою очередь, выжидающе смотрели на него. — Хотя нет, дружище, я передумал, — сказал мистик. На лице трактирщика появилось выражение облегчения. — Ночь не холодная, а звездное небо — лучшая крыша, о которой человек может мечтать.

Астамир осушил стакан с водой, улыбнулся, поклонился хозяину и в знак приветствия всем остальным вскинул руку. Они, по крайней мере, не проявляли открытой враждебности, даже те несколько бехренцев, которые находились в трактире. Тем не менее вряд ли разумно ночевать в этом селении, решил мистик и, углубясь в ближайший перелесок, удобно устроился меж ветвей одного из деревьев, следя взглядом за лениво скользящей по небу луной.

Он отправился в путь еще до наступления рассвета, выбрав северное направление. Ему все еще было неясно, зачем видение увлекло его в этот мир, однако продолжающаяся ассимиляция культуры завоевателей чрезвычайно его заинтересовала. Может, ради этого он

и был призван — узнать больше о столкновении двух культур, формирующем новую цивилизацию к югу от горной гряды.

Так рассуждал, неспешно шагая, Астамир, даже не догадываясь, что в скором времени им овладеют совсем другие, гораздо более сильные и глубокие чувства.

Его странствие продолжалось уже много дней. Мысль о том, что приближается зима, доставляло Астамиру удовольствие, не вызывая ни малейшего беспокойства; он был Джеста Ту и мог выжить в любом, самом суровом климате.

Однажды днем он почувствовал, что надвигается буря — зимняя буря, которая принесет с собой снег, — и примерно в то же самое время увидел впереди за холмом сносимые пока еще легким ветерком струйки дыма.

Мистик поднялся на вершину холма, и его взору открылись глинобитные хижины и табун пасущихся лошадей — не пегих, что было основной мастью тогайских пони, а более крупных, по большей части гнедых и чалых. Приглядевшись, он заметил рядом с ними человека, светлое одеяние которого и пересекающие грудь кожаные ремни указывали на принадлежность к бехренским солдатам.

— Это может оказаться интересным, — пробормотал Астамир и спустился в деревню.

Там он зашел в местный трактир. Дюжина находящихся в нем солдат, одетых в белые туники с перекрещивающимися на груди черными кожаными ремнями, окинули человека в коричневой тунике и с поясом Джеста Ту настороженными, недружелюбными взглядами. Астамир кивнул им и направился к тому месту, где по обычаю находился хозяин заведения.

Звуки шагов за спиной подсказали ему, что один из солдат покинул помещение. Надо полагать, побежал доложить о страннике начальству.

— Далеко, однако, ты забрался от дома, — заметил трактирщик, широкоплечий ру с лицом, заросшим темной бородой до самых глаз.

— Не так уж далеко, — ответил Астамир. — Быстрым ходом не больше недели.

— А вот бехренские псы наверняка решат иначе, — негромко сказал хозяин.

Услышав позади какое-то движение, мистик обернулся и увидел, что солдат вернулся в трактир, и не один: с ним был человек с суровым лицом, тоже в белом одеянии бехренских солдат, но его широкую мускулистую грудь пересекали не черные, а золотистые ремни.

Вошедший пристально рассматривал Астамира. В ответ тот лишь почтительно кивнул и вновь повернул голову к хозяину трактира.

— Как тебя зовут? — прозвучало у него за спиной на одном из тогайских диалектов. Мистик не ответил. — Ты, Джеста Ту! Как тебя зовут?

Астамир медленно повернулся. Позади вошедшего столпились солдаты, большинство из которых испытывали явное беспокойство. Несомненно, репутация Джеста Ту была известна и в этих местах.

— Как тебя зовут? — в третий раз рявкнул бехренец.

— Мое имя Астамир. А кто ты?

— Я буду спрашивать, а ты отвечать.

— Я уже ответил.

— Молчать! — Прищурившись, он полоснул мистика злобным взглядом, — Ты насмехаешься надо мной?

— Вовсе нет.

— Я командир каре, — надменно заявил бехренец.

— По-твоему, это то, чем следует гордиться?

— А разве нет?

— А разве да?

Астамир понимал, что, возможно, немного перегнул палку, хотя все его высказывания были произнесены совершенно спокойным тоном и представляли собой просто замечания, не суждения. «Или все же суждения?» — стараясь быть честным, спросил себя он. Не обращая внимания на злобу, пылающую в глазах бехренца, мистик воспроизвел в памяти их

разговор и вынужден был признать, что его ничуть не содержащие оскорбления слова несли в себе определенный элемент насмешки.

— Меня зовут Астамир, командир каре, — стараясь придать словам оттенок дружелюбия, сказал он. — Я путешествую в поисках мудрости, просвещенности и, уверяю тебя, никому не хочу причинить беспокойства.

Закончив, мистик опустил взгляд, рассчитывая, что надутый от гордости командир расценит это как признак покорности и миролюбия.

Увы. Словно почуявшая кровь акула, бехренский солдат ринулся к Астамиру и попытался взглянуть мистику в глаза, схватив его за подбородок. Тот инстинктивным молниеносным движением оттолкнул протянутую к нему руку и, сжав большой палец командира, отогнул его назад, причинив бехренцу сильную боль.

Теперь мистик смотрел прямо в лицо бехренца, искаженное от ярости и боли.

— Я могу убить тебя за это! — сквозь стиснутые губы прорычал командир.

— Я ищу мудрости и просвещенности, а не неприятностей, — спокойно повторил Астамир. — Но мое тело принадлежит Джеста Ту, и я поклялся защищать его.

Он отпустил руку командира. Тот отступил на шаг и выпрямился, потирая ноющий палец и с ненавистью глядя на мистика.

— Я — глас Чезру в этой провинции, — проворчал он, и Астамир заметил, что остальные солдаты схватились за оружие.

Он не боялся их — в смысле личной безопасности, по крайней мере, — но его беспокоили возможные последствия этой стычки; а ведь он еще даже не начал по-настоящему знакомиться с Тогаем и не приблизился к пониманию того, как это знакомство связано с его видением.

— Я не подвергаю сомнению твою власть, командир каре, — смиренно сказал мистик, глядя ему под ноги.

Командир вскинул руку, призывая подчиненных к спокойствию.

— И все же ты совершил преступление против Гласа Бога, — заявил он. Астамир промолчал, хотя ответ напрашивался сам собой. — Ты не должен был прикасаться ко мне, и теперь я могу поступить с тобой, как сочту нужным. Понятно?

Сохраняя невозмутимое выражение лица, мистик приложил все усилия к тому, чтобы сдержаться, когда командир снова с силой схватил его за подбородок и заставил взглянуть себе в глаза.

В голове Астамира промелькнуло не менее тридцати способов искалечить этого глупца; однако все, что он себе позволил, — это с удовольствием мысленно перебирать их, чтобы отвлечься от овладевшего им отвращения.

— Отдашь мне все свои деньги в качестве штрафа за нанесенное мне оскорбление, — закончил бехренец и с силой оттолкнул Астамира.

— Я и без них останусь Джеста Ту, — спокойно ответил мистик.

Командир потянулся, вытащил из-за пояса Астамира маленький кошелек и ссыпал на ладонь серебряные монеты.

— Маловато, учитывая твое преступление, — сказал он, направляясь к выходу, — Но так и быть, на этот раз я тебя прощаю.

Судя по одобрительным кивкам, солдаты приветствовали решение командира.

Астамир позволил ему уйти. Напряженная ситуация разрядилась ценой нескольких монет, которые совсем нетрудно возместить. Что же, он поступил правильно, в духе братства Джеста Ту. Они не считали себя воинственным орденом.

Однако если уж очень прижмут…

Мистик попытался запечатлеть в памяти облик командира каре.

Как и следовало ожидать, солдаты принялись насмехаться над ним, а один из них даже плюнул в его сторону.

— Он наглец, этот тип, — все так же негромко сказал трактирщик, наклонившись к Астамиру. — Не обращай на него внимания. — И он поставил перед мистиком стакан воды.

— Мне нечем платить, — заметил Астамир, но хозяин покачал головой, давая понять, что не взял бы денег, даже если бы они у мистика были.

— Может, когда-нибудь ты в уплату расскажешь мне о своем ордене.

— Этого я не могу сделать, — ответил Астамир.

Трактирщик пожал плечами и улыбнулся в знак того, что претензий все равно не имеет.

Немного погодя Астамир покинул трактир под улюлюканье бехренских солдат.

Он стерпел и это, «вписав», однако, в тайный уголок памяти.

Невдалеке от трактира мистик предался краткой медитации для успокоения духа.

— Ты бесплатно напоил его! — услышал он вдруг крик вернувшегося в трактир командира каре. — А раз так, этой ночью будешь поить всех нас задаром!

— Это была всего лишь вода, — запротестовал хозяин.

— А он всего лишь проклятый пес Джеста Ту! — рявкнул бехренец. — Если он заслуживает воды, то мои солдаты — всего того, что у тебя здесь есть, в том числе и всех твоих денег!

Новый протест хозяина оборвал звук удара.

Солдаты вопили, требуя выпивки, а их командир — извинения и денег, но все разом смолкли, когда дверь резко отворилась и на пороге возник Джеста Ту со спокойным выражением лица и опущенными вниз руками. На первый взгляд он производил впечатление совершенно беззащитного человека.

Обманутый этим, один из солдат бросился на него, вскинув копье. Астамир не сдвинулся с места, однако копье бехренца почему-то отлетело в сторону, а к лицу продолжавшего движение солдата взметнулась рука мистика, нанесшая ему несильный, но точный удар в нос. Нападавший словно наткнулся на невидимую стену, но Астамир, не дав ему упасть, схватил бехренца за пояс и вышвырнул его, словно куль с песком, на улицу.

Тут же на мистика бросились еще двое. Сделав резкий кувырок вперед, Астамир ушел от просвистевшего над головой меча и, оказавшись справа от его владельца, волчком нанес тому удар по ногам, заставив нападавшего рухнуть как срубленное дерево. Распрямляясь, будто пружина, мистик молниеносно оказался рядом со вторым солдатом, вооруженным копьем, и левой рукой ударил его в живот: бехренец, судорожно хватая открытым ртом воздух, склонился в три погибели. Астамир подцепил его под мышку правой ногой и, слегка отклонившись, перекинул через себя, сбив с ног солдата, который лишь только пытался вытащить из ножен меч. Вслед за ним стремительной атаке мистика подверглись еще трое бехренцев, похоже так и не понявших, что же именно — руки или ноги мистика — заставило их грохнуться на заплеванный пол трактира.

На все эти действия Астамиру потребовалось не более десятка секунд. Остальные солдаты, выхватив оружие, были полны решимости проучить Джеста Ту. Однако мистик вернулся в трактир отнюдь не затем, чтобы устраивать показательные бои.

Движениями, которые скорее напоминали танец, Астамир с легкостью уклонился от направленных на него мечей и копий и спустя несколько кратких мгновений уже стоял перед ошеломленным командиром бехренцев.

Тот оттолкнул хозяина трактира и кинулся на Астамира, сжимая в руке маленький зазубренный нож.

Правая рука мистика метнулась быстрее молнии и сжала левое запястье противника. Левая же, двигаясь с той же невероятной скоростью, стиснула руку с ножом, с силой отогнула ее, что причинило командиру резкую боль, и заставила выпустить оружие.

Каким-то удивительным образом нож взлетел вверх, а Астамир нанес командиру несколько хлестких ударов по лицу.

Поймав падающий нож, мистик всунул его в ладонь обескураженного командира.

— Если уж решил бить, бей точнее, — посоветовал он. — Это единственный урок, который я даю тебе даром.

Лицо командира исказилось от ярости, он вскинул руку, собираясь нанести удар, но сдержал себя, окинув взглядом трактир. Несколько его подчиненных все еще валялись на

полу, пыл остальных, похоже, значительно поостыл.

— Один раз я простил тебя… — начал было командир бехренцев, но смолк, услышав шепот мистика, доступный только его ушам.

— Если хочешь спасти не только репутацию, но и жизнь — уходи отсюда и вообще из деревни сейчас же, — сказал Астамир.

Командир еще раз обвел взглядом помещение.

— Уходим! — приказал он и направился к выходу.

Как раз в этот момент первый солдат, которого мистик вышвырнул из трактира, имел несчастье сунуться обратно; командир с силой оттолкнул его и выбежал наружу. Явно раздосадованные таким развитием событий — хотя и испытывавшие несомненное чувство облегчения — солдаты последовали за ним.

— Аклай не простит тебе этого, — предостерег Астамира хозяин. — Он убьет тебя.

— Это вряд ли, — ответил мистик и быстро осушил протянутый ему стакан воды.

Дождавшись, пока послышится топот лошадей, уносящих солдат Аклая, мистик покинул трактир и, не оглядываясь, двинулся в путь.

Он шел на север еще несколько дней. Погода становилась все холоднее и неприветливей. Однажды, когда косой ветер бросал ему в лицо хлопья мелкого снега, Астамир нашел удобное укрытие в небольшой пещере под нависающим скальным выступом. Он сел скрестив ноги, положил руки на колени ладонями вверх, расслабил по очереди все мышцы и, подчинив своей воле все процессы, что протекали в его физическом теле, существенно их замедлил.

Впав таким образом в состояние, подобное трансу, мистик мысленно перебирал события последних недель. Зачем он пришел в Тогай? Какую роль призван сыграть здесь?

Задумался он и о своем происхождении, об отношении к тогайру и бехренским завоевателям. Это были вопросы не из серии «нравится — не нравится», столь примитивным понятиям нет места, когда речь идет о целых народах. Нет, это была проблема справедливости. Бехренцы поработили тогайру и ведут себя по отношению к ним как хозяева, причем отнюдь не милосердные!

Если правитель Бехрена Чезру мог вот так просто взять и захватить Тогай, то что будет с Огненными горами, в особенности если учесть, что на протяжении столетий бехренские жрецы слали проклятия Джеста Ту, объявив их еретиками? Все понимали, каковы истинные мотивы вторжения бехренцев в тогайские степи приносящая немалую прибыль торговля знаменитыми тогайскими пони; утверждения ятолов, что Тогай когда-то был провинцией Бехрена, не более чем небылицы, распространяемые ими для оправдания. Чезру явно одержим жаждой обогащения и ради этой цели пошел на наглое вторжение и порабощение целого народа; а что, если он обратит взор в сторону земель, что лежали вокруг Обители Облаков и были известны богатством недр?

— Может, именно в этом смысл видения, которое привело меня в эти края? — произнес Астамир вслух, но его голос утонул в вое разбушевавшегося ветра. — Может, все здесь происходящее — предвестие того, что ждет наш орден?

Он оставался в укромном уголке остаток дня и всю ночь, а когда занялся рассвет и стало ясно, что промерзшая земля укрылась снегом, продолжил путь.

В этот день мистик наткнулся на караван, тоже направляющийся на север, и присоединился к нему. По дороге он больше помалкивал и внимательно прислушивался к разговорам тогайранских рабов о творимых беззакониях. Во всех этих горестных стенаниях Астамир уловил одну любопытную деталь, связанную с упоминанием имени Ашвараву безжалостного вожака отряда мятежников, который, по-видимому, действовал где-то рядом.

Мистик пришел к выводу, что ему необходимо найти этого человека.

ГЛАВА 15
СТОЛЬКО НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Ятол Гриаш воспринял появление в Дариане двадцатирядного каре солдат из Хасинты со смешанными чувствами. С одной стороны, он был доволен, что Эаким Дуан прислал подкрепление, которое поможет ему вернуть полный контроль над подвластной ему территорией. Но, с другой стороны, амбициозный тщеславный ятол терпеть не мог обращаться за помощью. В особенности сейчас, когда, по словам Чезру Дуана, Возрождение было уже близко, Гриашу не хотелось демонстрировать остальным жрецам свою слабость.

И почему Эаким Дуан прислал ему двадцатирядное каре, четыреста солдат, когда Гриаш упоминал всего лишь о восьмирядном? Может, это показатель недоверия к нему?

Скрывая чувства за непроницаемым выражением лица, ятол, стоя на балконе дворца, смотрел, как вновь прибывшие солдаты маршируют внизу рядами по пять человек. Десять рядов, двадцать рядов, восемьдесят рядов!

Гриаш терпеливо дожидался, пока они перестроятся на площади в двадцатирядное каре, давая возможность тем, кто наблюдал за ними, включая его собственный городской гарнизон из двухсот солдат во главе с чежу-леем Вэй Атанном, оценить увиденное зрелище. Внимательно вглядываясь в лицо воина, ятол пытался понять, какие чувства тот испытывает. В Дариан прибыл еще один чежу-лей, возглавлявший этот отряд из четырехсот человек. Может, его появление создало у Вэй Атанна ощущение… допустим, определенной неуверенности?

Если и так, внешне Вэй Атанн никак этого не проявлял, однако Гриаш знал его слишком хорошо, чтобы понимать: это еще ничего не означает. Позже нужно будет непременно переговорить с ним один на один, решил ятол, и заверить воина, что его честолюбивым планам ничто не угрожает.

Взгляды присутствующих устремились на ятола Гриаша — он должен был приветствовать вновь прибывших. Однако не успел ятол и рта открыть, как вдали протрубил рог — долгий заунывный звук, призывающий открыть городские ворота.

Только ятол Гриаш и стоящие рядом с ним могли видеть с высоты балкона, что происходит: у ворот Дариана стояло второе двадцатирядное каре во главе со сверкающим доспехами чежу-леем.

Второе двадцатирядное каре! Эаким Дуан откликнулся на просьбу Гриаша о подкреплении, прислав ему восемьсот воинов?!

Ятолу понадобилось все его самообладание, чтобы скрыть потрясение. Восемьсот солдат! Больше четверти постоянного гарнизона Хасинты!

— Ятол, — пролепетал Карвин Пестль, — мы будем завоевывать еще какой-то народ?

Гриаш холодно посмотрел на него, и пастырь опустил взгляд. Хотя, если разобраться, это предположение было не лишено смысла, просто Пестль в свойственной ему манере выпалил первое, что пришло в голову.

Мысль о возможных перспективах использования такого мощного подразделения возбуждала ятола Гриаша. Если прибывшие солдаты здесь для того, чтобы служить ему, а не с целью расширения влияния Чезру Дуана, то ятол становится вторым по могуществу человеком к югу от Пояса-и-Пряжки. И это можно расценивать как полное доверие ему со стороны Чезру и желание укрепить мощь Гриаша в преддверии Возрождения.

Слишком много возможностей внезапно открылось перед потрясенным ятолом, слишком много вопросов обрушилось на него. Он сделал глубокий вдох и постарался успокоиться, напоминая себе, что еще не беседовал с командирами прибывших каре и потому пока рано делать какие бы то ни было выводы.

Однако тут же его стали одолевать новые сомнения. Где разместить и как прокормить восемь сотен дополнительных ртов в условиях уже в полной мере разыгравшейся зимы? Нелегкие задачи, но Гриаш был уверен, что справится с ними.

Ятол подал знак стражникам на воротах впустить солдат в город. Еще раз протрубили огромные изогнутые рога, ворота широко распахнулись, и столь же четко и слаженно, как первая, к центральной площади двинулась вторая за это утро процессия. Прибывшие солдаты перестроились в каре и расположились рядом с уже стоящими на площади напротив

казавшегося теперь совсем небольшим отряда Вэй Атанна.

Гриаш кивком подбодрил чежу-лея — и сделал это совершенно искренне. Он пока еще понятия не имел, что задумал Эаким Дуан, но, уж конечно, не узурпировать власть ятола Гриаша. А раз так, то положению Вэй Атанна как командующего гарнизоном Дариана ничто не угрожало, потому что Гриаш полностью ему доверял.

Оставшуюся часть церемонии ятол провел, наблюдая за всем происходящим как бы издалека. Его голова была занята обдумыванием того, как лучше провести предстоящую встречу и использовать присланное подкрепление.

В частности, он поставит перед воинами задачу найти опасного тогайранского бунтовщика, того самого, о котором говорят, что он убивает без жалости.

— Джилсепони Виндон, — покачивая головой, произнес Чезру Дуан. — Кто эта женщина, претендующая на то, чтобы стать епископом церкви, где правят мужчины?

Сидя за столом напротив него, Мерван Ма прикусил язык; вопрос, несомненно, касался не тех сведений, которые были доступны им обоим.

Именно благодаря Джилсепони десять лет назад стало известно о совершенном Эвелином чуде, избавившем Хонсе-Бир от постигшего королевство бедствия. Подруга погибшего Полуночника, Джилсепони принимала участие в уничтожении демона Бестесбулзибара и помогла Хонсе-Биру выстоять в войне против его прихвостней — гоблинов, горных великанов и поври. На протяжении последних лет ни Эаким Дуан, ни Мерван Ма не получали никаких новых сведений о ней вплоть до сегодняшнего дня, когда от аббата Олина пришло послание, где он с немалым возмущением сообщал, что Джилсепони Виндон назначена епископом города Палмарис., а также, что к ней открыто проявляет внимание король Дануб Брок Урсальский.

— Аббат Олин опасается, что Джилсепони может стать королевой, — заметил Мерван Ма, — Может, он считает, что это поможет ей занять и главенствующее место в церкви?

— Это был бы беспрецедентный случай, — ответил Эаким Дуан и снова неодобрительно покачал головой.

Полученное известие, следует признать, чрезвычайно его огорчило. До Возрождения ли, когда на севере творится такое, и не только в церкви, но и в самом королевстве? А если события начнут развиваться по худшему варианту и политика Хонсе-Бира по отношению к Бехрену станет враждебной? Неужели придется отодвигать Возрождение еще на какое-то время?

Чезру наклонил голову, стремясь не показывать помощнику досады. Он так жаждал избавиться от этого ослабевшего, дряхлого тела! Хотел снова ощутить энергию юности, восторг и радость плотских утех, его привлекали даже волнения, связанные с новыми взаимоотношениями с теми же самыми жрецами, которые сейчас называют его Гласом Бога.

Однако теперь Эакиму Дуану стало ясно, что все его усилия, в том числе и отправка целой армии ятолу Гриашу, становятся тщетными. Возрождение придется отложить до того времени, пока ситуация в тогайских степях и в Хонсе-Бире не стабилизируется и не станут ясны все опасности, с которыми он может столкнуться на протяжении тех десяти лет, когда будет наиболее уязвим.

— Не стоит особенно беспокоиться из-за ситуации на севере, — сказал Дуан Мервану Ма. — Вспомни о нашем после в Хонсе-Бире Давине Кусааде, который неплохо осведомлен о ситуации в этой стране и всегда может подсказать, какая политика в отношении соседей окажется для нас наиболее выгодной. Вспомни о том, что между Хасинтой и аббатом Олином идет постоянный обмен посланиями. Повторяю: постоянный обмен. Я все время в курсе того, что происходит и в королевстве, и в церкви Абеля. Тем не менее мы не можем существенно влиять на события в Хонсе-Бире, разве что продолжать «подкармливать» аббата Олина, чтобы он мог и дальше проводить свою, чрезвычайно выгодную для нас политику. Следовательно, нам нужно сосредоточить внимание на улаживании проблем с проявляющими дерзкое неповиновение тогайру.

— Сейчас посланные тобой, Великий, каре, наверное, уже добрались до Дариана, — предположил Мерван Ма.

— Ятол Гриаш неглуп и дальновиден. Не сомневаюсь, он использует их с толком.

Эаким Дуан кивнул, удовлетворенный — насколько это вообще было возможно — тем, что предпринял для создания обстановки, без которой Возрождение было бы неосуществимо. Он глубоко вздохнул и задумался над тем, что предпринять дальше. И решил, что начиная с этого дня будет как можно чаще использовать гематит для подкрепления сил и душевного спокойствия.

— Скоро, уже совсем скоро, — пробормотал он.

Поймав вопросительный взгляд юноши, Чезру взмахом руки отослал его прочь.

В Дариане собрались три воина чежу-лей. Беспрецедентный случай!

Это слегка тревожило ятола Гриаша, но в конце концов он пришел к выводу, что все три выдающихся воина бесконечно преданы Чезру Дуану, а на данный момент подчиняются именно ему, Гриашу.

— Я удивлен вашим появлением, Вокс Лиен и Дахмед Блай, — заявил ятол, после того как его помощник Карвин Пестль принес напитки и все расселись в удобные кресла.

— По закону, ятол Гриаш, двадцатирядное каре должен возглавлять чежу-лей, — заметил Вэй Атанн.

— Но я не рассчитывал на двадцатирядное каре! — как можно беспечнее отозвался Гриаш, не сводя взгляда с гостей. — По моему мнению, восьмирядного каре вполне хватило бы для защиты Дариана на протяжении зимы и весны.

Он посмотрел на Карвина Пестля, заранее проинструктированного, как должна проходить эта встреча.

— Возможно, Глас Бога желает, чтобы мы обеспечивали безопасность не только Дариана, ятол, — высказал предположение Пестль и посмотрел на Вокса Лиена, старшего из двух вновь прибывших чежу-леев и потому наверняка более опытного.

— Нас послали в Дариан, чтобы служить под началом ятола Гриаша и выполнять его распоряжения, — без колебаний ответил тот. — Что за этим стоит, ятол Гриаш, мне знать не дано.

Гриашу понравилась такая открытость; на его пухлом лице возникла кривая улыбка.

— Мы решим, как лучше использовать ваши силы, чежу-лей Вокс Лиен. Чезру Дуан определил срок вашего возвращения в Хасинту?

— Нет.

«Отлично», — подумал Гриаш.

— Значит, вы покинете Дариан, когда я посчитаю нужным? — спросил он. Воин кивнул. — Вам известно, что, находясь здесь, вы оба будете подчиняться Вэй Атанну?

Прибывшие из Хасинты чежу-леи, посмотрев на командующего дарианским гарнизоном, обменялись взглядами.

— Иерархия внутри нашего ордена устанавливается по определенному порядку — произнес Вокс Лиен. — Согласно ей Вэй Атанн стоит выше нас как опытный воин благородного происхождения. Если бы дело обстояло иначе, Вэй Атанн с готовностью и радостью подчинился бы мне.

По губам ятола Гриаша скользнула легкая улыбка. Он понял, что, прекрасно зная тонкости взаимоотношений чежу-леев, Эаким Дуан сознательно послал в Дариан именно этих воинов. «Неплохо задумано, Глас Бога», — мысленно поздравил он Чезру.

Теперь Гриаш не сомневался: подкрепление послано ему с тем, чтобы раз и навсегда навести в тогайских степях порядок, быстро и бесповоротно уничтожить очаги мятежа.

— У вас хватит припасов на зиму? — поинтересовался он.

— Припасов хватает, — отозвался Вокс Лиен. — Кроме того, мы умеем добывать себе пропитание, в том числе и охотой. Чезру Дуан специально оговорил, чтобы наше присутствие не привело к истощению запасов в Дариане.

— Прекрасно, — сказал Гриаш. — Тогда имеет смысл пустить слух, что вы доставили нам съестные припасы, чтобы помочь поселенцам пережить суровую зиму.

— Если ты считаешь это необходимым, ятол.

— Я считаю необходимым внушить подобные мысли людям, — объяснил Гриаш, — Наша задача существенно осложнится, если этот невесть кем себя возомнивший ру узнает, что в мое распоряжение прибыли еще восемьсот воинов. Пожалуй, поступим вот как: каждый из вас выделит по тридцать два воина Вэй Атанну, с тем чтобы создать восьмирядное каре, которое я просил прислать.

— Как прикажешь, ятол, — отозвался Вокс Лиен; Дахмед Блай кивнул в знак согласия.

— Поселенцам известно о резне, учиненной в Дуан Кел? — задал Гриаш вопрос Карвину Пестлю.

— Отчасти.

— Проследи, чтобы эти сведения не распространялись. Пусть люди знают, что Дуан Кел подвергся нападению, но ни слова о том, что поселение полностью разрушено, иначе может возникнуть впечатление, что пополнение прислано в ответ на этот набег.

— Поселение было уничтожено? — удивился Вокс Лиен.

— Бунтовщиком ру, которого называют Ашвараву, — пояснил Вэй Атанн.

— Достойный противник?

— Трус, который нападает на тех, кто слабее его, и тут же скрывается. Однако следует признать, что в последнее время он становится все более наглым и постепенно приближается к Дариану.

— Он нападет на город только в том случае, если вообразит, что сможет добиться успеха, — заметил ятол Гриаш. — Поэтому мы доведем до всеобщего сведения о прибытии в Дариан пополнения в составе восьмирядного каре и о том, что оно послано охотиться на Ашвараву. И на самом деле пошлем воинов на его поиски.

— А когда Ашвараву убедится, что присланные в качестве пополнения солдаты покинули город, он может счесть, что самое время нанести удар по Дариану, — закончил нить рассуждений ятола Вэй Атанн.

— И на горле дерзкого смутьяна сомкнутся смертоносные челюсти, — добавил Гриаш. — В предгорных районах есть множество пещер, где может скрытно находиться оставшаяся часть одного из ваших каре. Что же касается другого… — Он вопросительно посмотрел на Карвина Пестля.

— Делвин, — подсказал тот.

— Да, разумеется, Делвин. Это маленькая деревушка на полпути между тогайскими степями и Бехреном. Мало кто знает о ее существовании, и там легко организовать оборону, поскольку с одной стороны от поселения крутой обрыв, а с другой — уходящая ввысь отвесная стена. Попасть туда можно лишь по узкой тропке, так что Ашвараву и близко к ней не решится сунуться. Однако оттуда в случае необходимости вы сможете добраться до Дариана за одну ночь.

Ятол откинулся на спинку кресла. Действительно, если бы удалось каким-то образом заманить сюда Ашвараву…

Конечно, перед ним открывается масса других возможностей. К примеру, можно просто отправить всех присланных солдат на его поиски, и наверняка достаточно скоро он получит голову дерзкого бунтовщика.

Однако замысел, план которого он только что изложил собравшимся, привлекал Гриаша гораздо сильнее. Куда лучше одним ударом прихлопнуть Ашвараву вместе с остальными смутьянами, его приверженцами.

Ятол Гриаш еще раз безмолвно поблагодарил Чезру Дуана, в полной уверенности, что его жизнь в неспокойном приграничном районе вскоре станет гораздо более приемлемой.

ГЛАВА 16
ЕЕ НОВАЯ СЕМЬЯ

— Бехренцы делают вид, будто разыскивают тебя, но на самом деле не прикладывают к этому особых усилий, — с усмешкой сообщил Барачак.

С тех пор как Бринн внезапно покинула деревню, он с Тсоланой каждую ночь выходили за околицу, уверенные, что рано или поздно девушка вернется. И вот теперь, спустя неделю после схватки, в результате которой Крепыш обрел свободу, их ожидания были вознаграждены.

— Ты убила ятола, — заметила Тсолана, у которой, в отличие от мужа, настроение было отнюдь не радужное. — Да еще и женщину чежу-лей. Теперь люди Чезру будут преследовать тебя. Жрецы ни за что не смирятся с гибелью одного из них.

— Одного из них! — воскликнула Бринн. — Тао был тогайранцем, предавшим наш образ жизни, наши обычаи. Как глубоко, хотелось бы мне знать, эта порча проникла в Тогай?

— Не настолько, как желали бы того отступники вроде Тао, — ответил Барачак.

— В глазах жителей деревни ты героиня, Бринн Дариель, — добавила его жена. — Наши сердца истекали кровью, когда мы смотрели на лошадей, которых держали в загонах. Увидеть своими глазами, как тогайранка наносит поражение проклятым Тюрбанам! Это радует сердце и напоминает о том, кем мы были когда-то…

— И кем будете снова, — пообещала девушка.

Мысли ее внезапно вернулись к далеким воспоминаниям, связанным с оброненным старой женщиной прозвищем «Тюрбаны». Так тогайру издавна презрительно называли бехренцев из-за их обычая обматывать головы длинными полосами материи. Некоторые тогайранцы тоже носили тюрбаны, неплохо спасающие головы от палящего солнца, но достаточно простые, в отличие от огромных вычурных тюрбанов, что накручивали на голову бехренцы, в особенности состоятельные. Но дело было даже не в самом слове, а в том, как Тсолана произнесла его; в этот момент она напомнила Бринн ее мать.

— Тюрбанов много, они богаты, и на их стороне сила, вот и покупают готовых предать тогайру, таких как Тао, — сказал Барачак. — Твоя победа над ятолом и воином чежу-лей — это, конечно, замечательно, только вот сколь-нибудь весомого значения она не имеет. Эта победа может так и остаться единственной, если приспешники Чезру ополчатся на тебя более основательно.

— Я с радостью встречусь с ними, — угрюмо ответила Бринн. — И по всей степи расставлю столбы с насаженными на них головами этих псов, чежу-леев.

— Ты не можешь одна вести с ними войну, — заметил старик. Тогайранка пристально посмотрела на него. Что-то в его тоне подсказывало, что он не просто пытается посоветовать ей отказаться от борьбы. Барачак вопросительно взглянул на жену, и та кивнула. — Ты слышала об Ашвараву?

На лице девушки возникло выражение любопытства. Она поняла, что значит это слово, но не восприняла его как имя, хотя Барачак, по-видимому, имел в виду как раз последнее.

— Безжалостно убивающий?

— Ашвараву движется от деревни к деревне, собирая тогайранцев, желающих дать отпор Бехрену, в свой отряд, — объяснила Тсолана. — Наши завоеватели боятся его как огня.

— Он будет рад заполучить такого великолепного воина, как ты, — добавил ее муж. — Молва о твоем деянии уже идет по степи.

— Ты говоришь так, словно меня там ждут… — В голосе Бринн была слышна настороженность.

Отправившись в Тогай, она надеялась найти здесь хотя бы редкие очаги сопротивления захватчикам и сейчас просто боялась поверить, что, возможно, ее надежда наконец оправдалась.

— У Ашвараву длинные уши, моя дорогая, и он с радостью примет любого тогайранца, который готов поднять меч против ненавистных Тюрбанов! — заявила Тсолана так громко, что Барачак зашикал на жену, опасаясь, как бы их не услышали охраняющие деревню

стражники.

— Мы знаем, где он, — зашептал старик. — Ну, по крайней мере, знаем, где ты можешь его найти.

После чего он обрушил на девушку град вопросов, пытаясь выяснить, насколько хорошо она помнит местность к югу от горной гряды. Увы, результат оказался неутешительным — ведь Бринн так давно покинула тогайские степи.

Тогда Барачак просто показал рукой в южном направлении.

— Три дня, — сказал он. — Или два, если у тебя быстрый конь. Там ты найдешь пересохшее речное русло. Снег никогда не заносит его настолько, чтобы это русло можно было не заметить. Поскачешь вдоль него на восток. По дороге пересечешь несколько ущелий и в одном из них увидишь скалу, напоминающую профиль старика.

— Утес Барачака, — заметила Бринн, вызвав улыбку на лице собеседника.

Такое название мне нравится, хотя вряд ли кто-нибудь кроме тебя будет так его величать, — отозвался он. — Там Ашвараву тебя и найдет.

— Или я его найду. — Тогайранка улыбнулась, зная, что старики не воспримут всерьез ее слова.

Ведь они не догадывались, каким прекрасным следопытом была Бринн. У нее не вызывало сомнений, что, оказавшись поблизости от отряда Ашвараву, она с легкостью его обнаружит.

Девушка взяла у стариков принесенные ими припасы, от всей души поблагодарила их и, вскочив в седло, поскакала на юг.

— Как ты нашел нас? — хмуро спросил тогайранский всадник, глядя на внешне ничем не примечательного мужчину в коричневой тунике и поясе Джеста Ту.

— Может, вы скрываетесь не так хорошо, как вам кажется, — ответил тот, пожав плечами.

— В последний раз спрашиваю!

Мистик снова пожал плечами. Всадник сердито заворчал и, казалось, готов был вот-вот растоптать его копытами жеребца, но тут послышался другой голос, и тогайранец успокоил коня.

— Важно не как он нашел нас, а зачем, — сказал Ашвараву, выезжая вперед на пегом пони. — Что тебя так привлекло в нашей борьбе, Джеста Ту?

— Прежде чем стать Джеста Ту, я был тогайранцем, — ответил Астамир.

— Это надо понимать так, что ты предан нашему делу? — последовал новый вопрос. Снова пожатие плечами, подчеркнуто безразличное. — А как насчет тех Джеста Ту, которые родом из Бехрена? Их у вас, по-моему, достаточно много. Может, они тоже спустились с Огненных гор и сейчас мчатся к Чезру, чтобы заверить его в преданности?

Услышав эти слова, Астамир издал короткий смешок и почувствовал, что Ашвараву слегка расслабился.

— Вряд ли, — ответил мистик. — Их убили бы еще до того, как они приблизились к Хасинте. Ты же знаешь, что бехренские ятолы не очень-то жалуют наш орден.

Казалось, тот воин, что первым встретил Астамира, хочет что-то сказать, но Ашвараву поднял руку, призывая его к молчанию.

— Враг моего врага — мой друг?

— Джеста Ту не называют ятолов врагами, — ответил мистик, — хотя, конечно же, их друзьями они не являются. Мы вращаемся по разным орбитам.

— И все же ты здесь.

Эти простые слова заставили Астамира призадуматься, поскольку он до сих пор так и не разобрался, зачем пришел в тогайские степи и по какой причине разыскивал Ашвараву. Двигаясь по степи, он все время слышал рассказы о том ужасе, который наводил его отряд на бехренских поселенцев. Теперь мистик понимал, почему этот неистовый молодой человек — а к его удивлению, Ашвараву оказался почти юнцом! — заслужил прозвище «Безжалостно

убивающий».

— Так зачем ты искал меня, мистик? — продолжал допытываться Ашвараву. — Я не стану спрашивать, как ты это сделал, — мне не раз приходилось слышать рассказы о колдунах Джеста Ту. Не сомневаюсь, ты нашел нас силой волшебства. Меня интересует одно: это волшебство служит Тюрбанам или действует против них? Может, ты лазутчик? Хочешь навести их на меня? Рассказать Тюрбанам, сколько у меня людей?

— Ни то ни другое, — без колебаний ответил Астамир, — Я пришел в тогайские степи учиться.

Это неожиданное заявление заставило Ашвараву широко распахнуть глаза.

— Чему учиться, мистик? Как сражаться? Или как умирать?

— Возможно, как жить.

Ашвараву слегка откинулся в седле, не сводя с Астамира пристального, изучающего взгляда.

— Значит, ты пришел, чтобы учиться, — медленно проговорил он. — Хочешь понять, на чью сторону тебе стоит встать?

— Борьба между Бехреном и Тогаем не касается Джеста Ту.

— Ты сказал, что прежде был тогайранцем!

— Да, когда-то был и, может, еще буду снова, — ответил мистик. — Не знаю. На данный момент я Джеста Ту. Я пришел, чтобы наблюдать, учиться — и ничего более в моих помыслах нет.

Воин, стоящий рядом с Ашвараву, с явным презрением сплюнул на землю.

— Он что, развлекаться собирается, глядя на нас? — спросил он командира.

Однако Астамир чувствовал, что его слова заинтересовали Ашвараву. Молодой человек явно оказался способен понять, что бывают ситуации, когда не существует простых и однозначных ответов. Он не сводил с мистика изучающего взгляда, пытаясь оценить выгоду, которую можно извлечь из этой встречи. Предводитель мятежников прекрасно понимал, насколько сильнее он станет, если мистики Джеста Ту — или хотя бы один из них — будут на его стороне. Хотя Астамир был первым Джеста Ту, которого Ашвараву видел воочию, и по Бехрену, и по тогайским степям о мистиках из Обители Облаков ходили легенды которые со временем обрастали все более и более невероятными деталями.

— Ты для нас — лишний рот, — сказал наконец Ашвараву.

— Об этом ты можешь не беспокоиться: я сам найду себе пропитание.

— И для моих воинов сможешь?

— Это нетрудно.

Вот так холодным зимним днем, ближе к концу 840-го года Господня, магистр Джеста Ту Астамир присоединился к отряду молодого бунтовщика, того самого, молва о котором достигла ушей не только ятола Гриаша в Дариане, но и Чезру Эакима Дуана в далекой Хасинте.

Ашвараву по-прежнему не до конца понимал, что все это означает, но перспектива заручиться поддержкой Джеста Ту его явно устраивала.

Внутренний же голос мистика нашептывал ему, что, присоединившись к Ашвараву, он получит ответы на вопросы, тревожащие его со времени видения, которое, собственно, и направило его стопы в Тогай.

Сильный косой ветер со снегом хлестал Бринн, заставляя девушку щуриться и склонять голову к шее Крепыша. Прижатые уши маленького пони свидетельствовали о том, что такая мерзкая погода ему тоже не слишком нравится.

Бринн удручала не жалящая ее лицо ледяная крошка, что было обычным делом в этих краях, а совсем другое. Она уже несколько дней находилась в долине, о которой говорили Барачак и Тсолана, но никаких признаков Ашвараву и его отряда так и не обнаружила; это означало, что они вообще тут не появлялись. А между тем девушка очень надеялась, что встреча с отрядом приведет ее к желанной цели, и буквально сгорала от нетерпения.

Понимая, что сейчас нет смысла самой искать Ашвараву, Бринн направилась вдоль северной гряды холмов в поисках нависающего выступа или пещеры, где они с Крепышом могли бы укрыться от непогоды.

Вокруг ярился ветер, но тогайранка сохраняла спокойствие, углубившись в свои мысли. Она вспоминала о тех, кого оставила позади, — о Джуравиле и Каззире, о госпоже Дасслеронд и Эндур'Блоу Иннинес.

Но больше всего о Белли'маре Джуравиле.

Бринн хорошо помнила все, что эльф рассказывал о своем предыдущем воспитаннике, знаменитом Элбрайне-Полуночнике. О том, как Джуравиль принимал участие в борьбе с демоном Бестесбулзибаром и как госпожа Дасслеронд с помощью магического изумруда спасла Джуравиля и людей, которых он опекал, перенеся их — а также, к сожалению, и демона дактиля — в Эндур'Блоу Иннинес, где ее магия обретала дополнительные силы. Ей удалось одержать верх над демоном, но он оставил на земле долины эльфов ужасное гниющее пятно, которое никакими силами не удавалось устранить.

Девушка вздохнула. Именно оставленное демоном постоянно увеличивающееся в размерах пятно привело к тому, что госпожа Дасслеронд взяла в долину эльфов сына Элбрайна и Джилсепони, Эйдриана; владычица Кер'алфар задумала некий таинственный план, по которому тот должен был избавить Эндур'Блоу Иннинес от ужасной порчи. Именно наличием этого пятна объяснялось и то, что интерес Дасслеронд к Бринн вышел за рамки обычных взаимоотношений между эльфами и рейнджерами. Предполагая, что пятно может выжить эльфов из долины, Дасслеронд решила, что, освободив соплеменников, тогайранка позволит тол'алфар беспрепятственно совершить переход на юг.

Все так странно, неожиданно переплелось…

Бринн, однако, не впадала в заблуждение относительно собственных намерений. Она находилась в тогайских степях вовсе не ради того, чтобы облегчить жизнь госпожи Дасслеронд. Нет, она здесь ради своего народа. И если Дасслеронд и эльфы получат выгоду от того, что она сделает для тогайру, тем лучше.

Девушка верила, что освободит соплеменников от гнета бехренских захватчиков. И ей было нестерпимо жаль, что на этом пути ее не будет сопровождать Белли'мар Джуравиль, что эльф не сможет подсказать ей, когда она совершает глупость, а когда поступает правильно.

Как тогайранке недоставало его — и наставника, и друга!

Углубившись в свои мысли, Бринн не заметила, что Крепыш поставил уши торчком и негромко, удивленно заржал.

Внезапно из снежной круговерти вынырнул всадник и вскинул дубинку, чтобы нанести ей удар.

Повинуясь исключительно инстинкту, девушка наклонилась вниз и вбок, с силой сжав пятками бока Крепыша. Пони тут же отпрыгнул в сторону. Нападающий развернулся, и Бринн поняла, что он не один.

Пустив Крепыша галопом, она поскакала к центру долины, где было больше свободного пространства для маневра. Всадники не отставали, один за другим выныривая с оружием наготове из окружающей белой мглы.

Подавив желание выхватить меч, девушка послала Крепыша вскачь крутыми зигзагами, время от времени резко увеличивая скорость. Напавшие на нее воины были не бехренцы, а тогайру, и хотя это не помешало бы ей пострадать от их оружия, Бринн не хотела убивать никого из своих.

Конечно, оторваться от них будет трудно; лучших, чем тогайру, всадников в мире не найти.

Крепыш резко свернул вправо, унося Бринн от воина, пытавшегося преградить ей путь. Тот замахнулся на нее длинным посохом, но Бринн наклонилась, ухватилась за конец посоха и, заставив Крепыша снова повернуть влево, подтянула его древко к Себе.

Кони промчались мимо друг друга, однако девушка крепко держалась в седле, а вот

воину этого сделать не удалось. Падая, он выпустил из рук посох, Бринн вскинула его над головой и издала победный клич.

Описав посохом круг, она отбила атаку другого всадника. Когда тот очутился рядом, девушка ухватила его под руку и сильным рывком выдернула из седла.

Преграждая путь, перед Бринн возникли две высокие фигуры, но пони, не дожидаясь команды всадницы, совершил крутой поворот. Прямо туда, где покоились валуны, достигавшие в высоту половины человеческого роста.

С силой сжав бока коня, тогайранка привстала в стременах. Крепыш взлетел в воздух, пронесся над первым валуном и почти сразу же над вторым. Еще несколько шагов, и он перемахнул через третий, самый большой.

Преследователи окружали девушку со всех сторон, но на ее лице играла улыбка. Всадница и конь стали как единое целое. Делая внезапные крутые повороты и неожиданно увеличивая скорость, Бринн промчалась сквозь ряды преследователей, яростно работая посохом.

И все же вскоре пришлось остановиться, потому что впереди из снежной пелены выступил плотный строй всадников. Повернув голову, она убедилась, что ее окружают. По команде тогайранки Крепыш встал на дыбы и в таком положении развернулся назад.

Но и там видны были неясные очертания темных фигур.

Девушка швырнула посох на снег, выхватила меч, и по ее мысленному приказу лезвие вспыхнуло.

Никто, однако, не ответил на этот вызов. Темные фигуры вокруг замерли, словно чего-то ожидая.

Бринн гарцевала на Крепыше, разворачивая его то туда, то обратно, и тут от плотной стены окружающих ее воинов отделился высокий мужчина на пегом пони и медленно направился к девушке. Оружия у него она не заметила, но было в этом человеке что-то такое, отчего он казался опаснее всех прочих.

Он остановил коня перед Бринн и вперил в нее немигающий взгляд.

— Ашвараву… — удивленно произнесла тогайранка.

Удивленно не потому, что встретила наконец легендарного бунтовщика, а из-за того, что он оказался так молод! Может, даже моложе Бринн, а ведь ей только-только исполнилось двадцать!

Высокий, с крупными чертами широкоскулого лица, квадратной челюстью и проницательными светло-серыми глазами, особенно выделяющимися на фоне смуглой кожи и черных волос. Широкоплечий, он казался еще внушительней из-за мехового одеяния.

Когда девушка произнесла его имя, выражение лица воина не изменилось; Ашвараву словно и не сомневался, что оно должно быть ей известно. После долгого многозначительного молчания он вскинул руку, но в жесте этом не было угрозы.

— Ты забрела далеко от деревень, женщина.

— Я нахожусь там, куда направлялась.

Воин выгнул бровь, улыбнувшись ее уверенному тону.

— Неплохо держишься в седле, — заметил он небрежно.

— Как и положено тогайранке, — ответила Бринн.

Ашвараву улыбнулся. Девушка почувствовала, что ее спокойный ответ произвел впечатление на молодого воина. На что она, собственно, и рассчитывала.

— Кто ты и зачем сюда явилась? — спросил он.

Мое имя Бринн Дариель. — Тогайранка немного повысила голос, чтобы ее услышали и остальные. — У меня нет дома, и до недавнего времени я была странницей, пока не наткнулась на деревню, управляемую одним презренным ятолом.

— Ты сбежала оттуда?

— Я убила ятола и одного из его воинов, женщину чежу-лей, — ответила Бринн.

— И кто-то направил тебя ко мне, — сделал вывод Ашвараву, стараясь сохранить спокойный тон, в то время как по рядам его соратников пронесся шепот восхищения и

недоверия.

Как это могло произойти? Такая молодая, хрупкая с виду, и одолела воина чежу-лей, не важно, что это была женщина! Да к тому же еще этот пламенеющий меч в ее руках. Магия, не иначе.

— Угадал, — ответила девушка.

Ашвараву продолжал внимательно ее рассматривать, скользя взглядом по фигуре, коню и удивительному, объятому языками пламени мечу.

— Ты из тогайру, — заявил он наконец. — Сейчас зима, и мы не можем бросить тебя на произвол судьбы. — Бринн убрала меч в ножны. — Но не рассчитывай ни на какие привилегии! — внезапно воскликнул юный предводитель бунтовщиков. — Ты будешь делать, что прикажут! — Девушка кивнула; ничего другого она и не ожидала. — Я непременно проверю, правдивы ли твои слова, Бринн Дариель. И если окажется, что ты солгала, чтобы произвести на меня впечатление, считай, что зря старалась. А если солгала, чтобы втереться в доверие и использовать свое новое положение к выгоде наших врагов, — тебе придется пожалеть о том, что родилась на свет.

— А если я сказала правду?

— Тогда я буду рад принять тебя как одного из воинов, — без колебаний ответил Ашвараву.

Не дав девушке произнести ни слова, он развернул коня и поскакал прочь. Остальные воины последовали за предводителем.

Бринн пристроилась за последним из всадников. Она чувствовала, что нашла наконец новую семью.

ГЛАВА 17
ЖЕСТОКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Бринн верхом на Крепыше двигалась замыкающей среди воинов-тогайру, что соответствовало ее положению в отряде Ашвараву, определенному с момента их первой встречи. Чуть впереди нее — и, следовательно, немного выше рангом — находился сразу же возбудивший ее интерес мужчина, одетый в коричневую тунику, штаны и прекрасно выделанную накидку из медвежьей шкуры. Талию его перетягивал удивительный пояс, казавшийся черным, но под солнечными лучами вспыхивающий мириадами цветов, словно был соткан из радуги.

— Еще один караван, — заметила девушка, когда далеко внизу в свежем, чистом зимнем воздухе проступили очертания вытянувшихся цепочкой повозок. — Неужели бехренцы и в самом деле настолько тупы?

За три недели, проведенные ею в отряде, это был третий караван, который Ашвараву выследил и теперь собирался уничтожить. Тактику он выбирал несложную: в обоих случаях тогайранские воины неожиданно налетали с возвышенностей и без труда справлялись с возницами и немногочисленной охраной караванов.

Ятол Дариана откликнулся на отчаянные просьбы То'ин Ру, — ответил мистик, имея в виду крупное, хорошо защищенное поселение, на которое Ашвараву пока еще не решался совершить набег. — Может, сочувствие ятола своим людям преобладает над здравым смыслом, а может быть, он недооценивает решимость нашего предводителя.

Бринн всегда очень внимательно прислушивалась к словам этого человека, которого звали Астамир, потому что он, будучи мистиком Джеста Ту, всегда смотрел на происходящее с непривычной точки зрения. Она не во всех случаях была согласна с ним — как, например, сейчас, — но его слова почти всегда позволяли ей понять что-то новое — в особенности в том, что касалось бехренцев. Воины в отряде Ашвараву обычно называли их презрительным прозвищем — Тюрбаны, но только не Астамир. И он часто осмеливался говорить о них в таком тоне, как сейчас, хотя, конечно, Ашвараву не слишком нравилось, что мистик ставит врагов наряду с обычными людьми, имеющими достоинства и слабости.

К Ашвараву галопом подскакал посланный на разведку воин.

— Двадцать солдат охраняют семь повозок, — доложил он, — Почти как в прошлый раз.

— Имеет смысл захватить их в плен, — пробормотала Бринн себе под нос.

— Ашвараву не пойдет на это, — отозвался Астамир.

Тогайранка посмотрела на мистика, но ничего не сказала, хотя внутренне признавала правоту его слов. Ашвараву давно дал всем понять: его цель состоит в том, чтобы на земле Тогая не осталось ни одного живого бехренца. Ни женщины, ни дети исключением не являлись.

По счастью, Бринн пока не приходилось принимать участие в избиении мирных женщин или детей. Оба предыдущих каравана, как, по-видимому, и этот, сопровождали солдаты — послушные орудия жрецов-ятолов. С ними она могла сражаться, их она могла убивать, даже если среди них оказывались женщины, поскольку все они были захватчиками, источником страданий ее порабощенного народа, просвещенными дикарями, уничтожавшими тогайскую культуру и обычаи.

Девушка постаралась не думать о неизбежном конфликте, который возникнет между нею и привыкшим к беспрекословному подчинению Ашвараву, когда дело все же дойдет до столкновения с мирными бехренцами, и посмотрела на приближающийся караван. Бринн уже знала, что произойдет далее: воины Ашвараву дождутся, пока караван окажется прямо под ними. Потом они с устрашающими криками понесутся по склону вниз и набросятся на неприятеля словно рой рассерженных ос, подавляя всякое сопротивление количеством, жестокостью и непоколебимой внутренней уверенностью в превосходстве воинов тогайру над любым бехренцем.

Караван двигался очень медленно, возницы и стражники проявляли явную беспечность, не опасаясь нападения.

Через несколько мгновений все завертелось в бешеном вихре атаки; две сотни глоток одновременно издали боевой клич, разносимый ветром.

Бехренцы попытались развернуть повозки и занять оборону, но нападавшие действовали стремительно.

Бринн скакала вместе с остальными, горя желанием вступить в схватку. Крепыш, сильный, быстрый пони, опередил остальных всадников и даже пегого коня Ашвараву.

Бринн первой достигла порядков неприятеля и наотмашь нанесла удар мечом бехренскому солдату. Тут же развернулась влево, магическая завеса браслета поврн защитила ее от брошенного копья, и Крепыш, прекрасно понимающий всадницу, сблизился с тем, кто его метнул. Девушка подняла пони на дыбы и взмахнула мечом; голова копьеносца покатилась в снег.

Крепыш без особого труда прорвался в тыл обороняющихся бехренцев и двинулся вдоль повозок. Тогайранка наносила удары по всем возницам и воинам противника, которые попадались на ее пути. Так и не созданная бехренцами оборона развалилась, солдаты и возницы быстро оказались отрезаны друг от друга и зарублены, заколоты или затоптаны копытами коней.

Все заняло считанные мгновения — словно прокатилась снежная лавина. Уцелели всего двое бехренцев — раненые, они лежали на снегу, истекая кровью, вопя от боли и моля о пощаде.

Бринн оглянулась и увидела, что Астамир подтаскивает к остальным одну из оказавшихся в стороне повозок. Стараясь не обращать внимания на крики раненых, она поскакала ему на помощь.

Грязное это дело, — сказал мистик, заметив расстроенное выражение на лице тогайранки.

— Я не получаю удовольствия от убийства, — призналась та и, подхватив поводья упряжки, стала ее разворачивать.

Но вдруг замерла, заметив, что Астамир смотрит ей за плечо и движением головы

пытается привлечь внимание Бринн к тому, что там происходит.

Девушка обернулась: тогайранские воины окружили разбитый караван, а к ней медленно приближался Ашвараву.

— Ты неплохо сражалась сегодня, заметил он, — как и во время прошлых набегов.

— У меня были хорошие наставники, — ответила Бринн, — И я тогайранка. — Она сумела улыбнуться. — А лучше моего коня ни у кого… — Тут девушка умолкла, осознав, что предводитель бунтовщиков ее не слушает.

— Передвинешься на семь мест в строю, — небрежно бросил он. Бринн понимала, что в ответ на заявление Ашвараву должна проявить признательность и бурную радость, однако что-то в тоне предводителя ее насторожило. — После того как справишься еще с одним делом.

Он кивнул в сторону раненых бехренцев.

Девушка поняла, что от нее требуется. Ее словно наотмашь ударили по лицу. Одно дело — сражаться с противником, которого тогайранка от всей души ненавидела. Но можно ли видеть врага в истекающем кровью, беспомощном человеке?

Она перевела взгляд на Ашвараву. Тот пристально, не моргая, смотрел на тогайранку.

В поисках поддержки девушка повернулась к Астамиру и увидела, что мистик стоит, переводя взгляд с нее на предводителя бунтовщиков, словно оценивая обоих.

Мучительно тянулись мгновения.

У Бринн перехватило дыхание. Она понимала, насколько важно это испытание; понимала, что если не выдержит его, то ей нет места среди этих людей, а может, и вообще среди тогайру. Мелькнула мысль еще раз затеять спор на тему взятия пленников, но в этом вопросе их молодой предводитель не признавал каких-либо компромиссов — и был, в общем-то, совершенно прав. В отряде не было возможности содержать пленных. К тому же жизнь бехренского солдата или возницы не имела для Ашвараву ни малейшей ценности, поскольку он не мог ничего выторговать за нее ни у одного жреца-ятола.

Тогайранка снова окинула взглядом Ашвараву и его замерших в ожидании воинов, страстно желая найти достойный выход из создавшегося положения, но понимая, что, скорее всего, сделать это ей не удастся.

С окровавленным мечом в руке она подошла к одному из бехренцев — у того уже не осталось сил, чтобы умолять о пощаде или хотя бы взглянуть ей в глаза. Он тяжело дышал, и с каждым вдохом на его губах вскипали кровавые пузыри. Было ясно, что, даже согласись Ашвараву взять пленников, этому уже ничто не поможет.

В сознании всплыли слова Джуравиля о жестокости войны.

Девушка нанесла ему сильный и точный удар в сердце, разом прекратив мучения несчастного.

Когда она подошла ко второму раненому, тот поднял на нее взгляд, моливший о милосердии.

Бринн вызвала в памяти ужасную сцену гибели родителей, свидетельницей которой стала в далеком детстве, и нанесла удар, пытаясь внушить себе, что этот человек был тогда среди убийц.

И тут же пошла прочь, держа воспламенившийся по ее призыву меч на отлете, — ей хотелось как можно скорее выжечь с него следы крови.

За спиной она услышала возгласы похвалы, но героиней себя не чувствовала — более того, было ей сейчас на редкость скверно. Ашвараву смотрел на нее с одобрением…

С одобрением ли? Нет, на властном лице предводителя мятежников тогайранка прочла нечто большее. Он избрал именно ее для славного завершения столь удачного для них боя, словно вознаграждая за проявленную доблесть; и Бринн удалось, собрав всю свою волю, справиться с этой задачей. Однако теперь она готова была поклясться, что Ашвараву просто проверял ее и, возможно, хотел унизить, пусть даже только в ее собственных глазах. Что же произошло? Неужели Ашвараву только что приобрел над ней чуть больше власти?

Девушка перевела взгляд на Астамира. Тот сидел на коне, держа в поводу Крепыша.

Лицо мистика выражало печаль и сочувствие, чего она, по правде говоря, не ожидала.

Бринн взяла поводья и вскочила в седло. Ее пони — тогайранке казалось, что Крепыш прекрасно понял, что здесь только что произошло, — вел себя как ни в чем не бывало. Это слегка успокоило девушку — мысль о том, что Крепыш мог бы осудить ее так, как она сама себя осуждала, была совершенно невыносимой.

— Убиты все, — доложил Вэй Атанн ятолу Гриашу в зале для аудиенций храма в Дариане. — Бунтовщики бросили убитых, а повозки, кроме одной, полностью разломанной, забрали с собой.

Все это чежу-лей произнес сухим, совершенно прозаическим тоном, словно потеря нескольких десятков солдат не имела никакого значения.

Ятол Гриаш отвел взгляд.

— Вы все сделали так, как я приказал? — спросил он.

— Да, ятол.

Сидевший рядом с Гриашем Карвин Пестль заерзал на месте и бросил на него любопытный взгляд.

— Припасы отравлены, — с довольным видом объяснил ятол. — Этому каравану пришлось достаточно долго находиться в пути, прежде чем эти смутьяны его заметили!

— Вы принесли наших людей в жертву? — изумленно спросил Пестль.

— Ашвараву глупец, но он крайне опасен, — отозвался Гриаш. — Впрочем, не исключено, что сейчас он уже мертвый глупец.

Произнося эти слова, он старался не смотреть в сторону работающих в храме рабов; все они были тогайранцами. Можно не сомневаться, что весть о вероломстве ятола Гриаша быстро распространится по степи и достигнет ушей Ашвараву; именно так и было задумано. Ятол был разочарован несообразительностью помощника. Неужели Пестль сам не мог в этом разобраться: ведь ни одно из поселений на самом деле особо не нуждалось в припасах, так с какой стати Гриаш послал целых три каравана с продовольствием?

Карвин Пестль слишком простодушен, пришел к выводу ятол, чтобы понять необходимость такой жертвы. Первые два каравана были посланы только ради того, чтобы у Ашвараву не возникло никаких сомнений по поводу третьего, который вез отравленные съестные припасы.

Откровенно говоря, третий караван и уловкой-то не был — просто в распоряжении ятола поначалу не оказалось достаточного количества такого яда, применение которого было бы необнаружимо по виду. Но и в этом все-таки заключалась хитрость, имеющая своей целью подхлестнуть уверенность Ашвараву — в собственных силах, в тупости врагов и в сведениях лазутчиков, работающих на него в Дариане. Вне всякого сомнения, в самое ближайшее время кто-то из рабов-ру, слышавших слова Гриаша, передаст сообщение об отравленных припасах тому, кто сможет донести это важное известие до главаря мятежников.

Губы ятола искривились в довольной усмешке.

Не может быть, чтобы самоуверенный смутьян не поддался на его уловку; вот тогда-то и пригодятся восемьсот прекрасно обученных солдат.

— Ты удивлен, что я предпринял против мятежников столь решительный шаг? — осведомился Гриаш, обращаясь к Пестлю.

— Нет, ятол.

— Удивлен, удивлен, не притворяйся. Тебе кажется, что куда разумнее было бы дождаться весны, когда на взбунтовавшихся ру можно будет обрушить всю мощь армии и покончить с этим делом быстро и без особого труда? — Ятол с усмешкой разглядывал молодого помощника. — Что ж, надеюсь, визит сегодняшних гостей поможет тебе лучше разобраться в моем замысле.

Он кивнул Вэй Атанну, и чежу-лей сделал знак одному из охранников, стоявших у огромных двустворчатых дверей. Тот, выглянув в коридор, дважды хлопнул в ладоши, и в

зал вошли Вокс Лиен и Дахмед Блай, воины чежу-лей, возглавляющие присланные в Хасинту двадцатирядные каре.

— Ятол, — произнес Вокс Лиен с поклоном, — Мы пришли сообщить, что наша задача выполнена — припасы доставлены и распределены. Затребованное тобой восьмирядное каре сформировано из числа самых лучших наших солдат.

— Так значит, вы все-таки уходите? Возвращаетесь в Хасинту, чтобы отгонять там птиц от фонтанов? — недоверчиво спросил Гриаш. — Вы воины, друг мой, а здесь идет самая настоящая война. Неужели вы покинете нас и вернетесь в город, где царят мир и спокойствие?

Заметно нервничая, Вокс Лиен посмотрел на товарища, тоже явно испытывающего неловкость.

— Не мы принимали это решение, ятол.

— Однако вы командуете элитными подразделениями, — возразил Гриаш, — Уверен, в исключительных ситуациях вам предоставлена свобода действовать по своему усмотрению.

— Это правда, ятол. Однако я не вижу особой исключительности в том, что здесь происходит. По крайней мере, на данный момент. И Глас Бога принял решение о нашем возвращении в Хасинту. Как только позволят погодные условия, мы…

Ятол вскинул руку, призывая его к молчанию.

— Ну что же, ничего не поделаешь. — Он перевел взгляд с Карвина Пестля на Вэй Атанна, напустив на свою физиономию по возможности более убедительное выражение беспокойства — которого на самом деле не испытывал. — В таком случае нам остается лишь молиться, чтобы этот негодяй Ашвараву первым решил попробовать захваченные в последнем набеге припасы!

С этими словами ятол Гриаш, старательно изображая досаду и разочарование, покинул зал в сопровождении совершенно сбитого с толку и чрезвычайно встревоженного Карвина Пестля.

Однако сам ятол встревожен отнюдь не был. Ничуть. Он уже начал понимать этого дерзкого мятежника Ашвараву и твердо знал, что, играя на его самоуверенности, сумеет одолеть главаря шайки бунтовщиков.

Весна, которая придет в Дариан, будет для него, Гриаша, счастливой.

— Я вижу, ты расстроена, — заметил Астамир на следующий день после набега на караван. Бринн, приводя в порядок оружие, сидела в стороне от других воинов отряда, внешне спокойная и сдержанная. Однако проницательный мистик чувствовал, что именно под этим кроется. — Понимаю: одно дело — убить человека в бою; в этом случае необходимость самозащиты оправдывает человека в собственных глазах. И совсем другое — убить беспомощного пленника. Однако тебе следует утешиться тем, что те двое бехренцев получили смертельные ранения и в любом случае не смогли бы выжить.

— Это лишь твои предположения.

Астамир обезоруживающе улыбнулся.

— К тому же солдат, вторгшийся в чужую страну, заслуживает смерти.

— Любой бехренец, явившийся в Тогай незваным, заслуживает смерти. — Девушка постаралась, чтобы ее голос звучал как можно убежденнее.

— Любой? — спросил мистик спокойно, как бы рассуждая. — А если в одном из поселений ты наткнешься на молодую бехренскую мать с ребенком, убьешь и их? Не испытывая никакого чувства вины? — Бринн бросила на собеседника рассерженный взгляд. — А вот мне почему-то кажется, что ты, скорее всего, пощадишь их да еще и покажешь ближайшую дорогу, ведущую в Бехрен. А возможно, даже дашь с собой припасов, чтобы в пути им не пришлось выпрашивать еду, подвергая себя опасности.

— Это опять же твои предположения.

— Предположения, разумеется, но для них у меня есть серьезные основания, — ответил Астамир и присел рядом с девушкой. — Сегодня утром я видел, как ты разминалась.

Бринн замерла. Рано утром, уйдя подальше от лагеря, она занялась тем, чем частенько пренебрегала в последнее время, — упражнением в би'нелле дасада, эльфийском танце с мечом. В Эндур'Блоу Иннинес она исполняла этот ритуал обнаженной, но здесь, холодной тогайской зимой, в продуваемых яростными ветрами заснеженных степях, надела легкую тунику. Признание мистика застало ее врасплох и сильно смутило; ощущение было такое, как если бы он на самом деле увидел ее голой. Би'нелле дасада — сугубо личное занятие, предназначенное не столько для оттачивания боевых навыков, сколько для развития сознания и укрепления связи между телом и духом.

Тогайранка медленно подняла глаза на Астамира.

— У Джеста Ту есть схожие упражнения, — как ни в чем не бывало продолжал мистик, — хотя мы редко имеем дело с оружием. Воины чежу-лей тоже практикуют подобные вещи, как и некоторые монахи абеликанского ордена в Хонсе-Бире. Хотелось бы знать, где ты научилась своему танцу. Очень уж он у тебя необычный.

— Совершенно излишнее любопытство, — резко ответила Бринн, вспомнив строжайший запрет госпожи Дасслеронд разглашать секреты би'нелле дасада.

И снова полностью углубилась в свое занятие.

— Надеюсь, когда-нибудь ты расскажешь мне об этом. Конечно, если сама захочешь. Что касается вчерашних событий, я совсем не расстроен тем, что ты приняла их так близко к сердцу.

Девушка снова посмотрела на Астамира. Лицо ее приняло скептическое выражение, хотя мистик затруднился бы сказать, что было тому причиной. Может, его предположения полностью необоснованны, а может, молодая тогайранка просто смущена тем, что он догадывается об испытываемом ею чувстве вины.

— Повторяю: тебе нет смысла мучиться угрызениями совести, — продолжал он. — Эти люди были обречены и неминуемо приняли бы смерть — если не от руки Ашвараву, то от полученных ран. Ты убила их с состраданием и милосердием; на большее рассчитывать они не могли.

— По-твоему, это правильно? — Судя по тону Бринн, на этот счет она придерживалась той же точки зрения, что и Астамир.

— Не знаю, — признался мистик. — Репутация Ашвараву служит не только ему лично, но и всему Тогаю. На одной чаше весов она, на другой — совесть. Что перевесит?

— Если ты не считаешь, что бехренцев нужно изгнать из тогайских степей, то зачем ты здесь, с нами?

— Не могу точно сказать, — искренне ответил Астамир и усмехнулся, как бы удивляясь самому себе. — Это вопрос, на который мне еще предстоит найти истинный ответ. Однако очень прошу, обдумай то, о чем мы с тобой сейчас говорили. Тебе так или иначе придется решать эту проблему, окажись мы в мирной бехренской деревне. Если Ашвараву прикажет, ты убьешь и бехренского ребенка? Ты согласна с ним, что невинных бехренцев не существует?

— Хочешь посеять раздор в отряде?

Мистик снова негромко рассмеялся.

— Ты же знаешь, сам я никогда не заговариваю ни с кем из них, только отвечаю, когда мне задают вопросы.

— Тогда чем вызван такой интерес ко мне?

— Я видел тебя сегодня утром, — ответил мистик, как будто это многое объясняло.

Бринн хотела ответить, но тут к ним подошел еще один человек; высокий, статный, словно изваянный умелым резчиком, в то же время он вызывал у окружающих страх.

— Еще одна славная победа! — объявил предводитель отряда. — Неужели они так и не выследят Ашвараву до того, как наш отряд окажется под стенами Хасинты?

Девушка улыбнулась, хотя и испытывала неловкость, оттого что он упомянул о себе в третьем лице; главным образом потому, что Ашвараву говорил об «Ашвараву» как о чем-то большем, чем о человеке из плоти и крови.

Однако боюсь, караванов больше не будет, — продолжал командир. — Толстяк Гриаш не решится посылать новые, учитывая, насколько силен Ашвараву. Придется сровнять с землей еще несколько селений, чтобы обеспечить себя припасами на зиму.

Внешнее спокойствие Бринн на мгновение дало трещину, стоило ей представить себе, что будет с жителями этих мирных селений.

— А может, стоит отправиться прямо в Бехрен? — с недоброй усмешкой спросил вдруг Ашвараву.

Девушка в ответ лишь пожала плечами.

— А как считаешь ты, мистик? — Командир отряда посмотрел на Астамира. — Решил, зачем ты остаешься с нами?

— Когда душа созреет для ответа на твой вопрос, известно только ей самой.

Ашвараву недоуменно посмотрел на него и внезапно разразился хохотом.

— Что ж, как знаешь! — сказал он. — От тебя, надо признать, есть толк. Ты, правда, не сражаешься, зато прекрасно обращаешься с лошадьми. Да и пищу добываешь неплохо. Продолжай отрабатывать свой хлеб. — Мистик счел за лучшее не указывать на то, что пищу он добывает в гораздо больших количествах, чем требуется ему самому. — Любопытная вы, должен сказать, парочка! Главарь бунтовщиков отступил на шаг, переводя взгляд с Бринн на Астамира. — Может, вы разлученные когда-то отец и дочь?

Тогайранка вздрогнула. Ашвараву шутил, надо полагать, но упоминание об отце причинило ей боль.

Ашвараву, видимо, понял, что его слова неприятны Бринн.

— Ну, а ты во вчерашнем набеге показала себя с самой лучшей стороны, — заметил он, — Согласись: редкостное удовольствие прикончить раненого бехренца!

Девушка натянуто улыбнулась; в ее ушах звучало предостережение мистика.

— Вот что: пошли со мной, воин. — С этими словами командир отряда протянул ей руку.

Бринн бросила взгляд на Астамира, но выражение лица мистика было непроницаемым. Она взяла протянутую руку и последовала за Ашвараву.

Он вывел ее за пределы лагеря — чуткие уши девушки уловили обрывки непристойных фраз, которыми обменивались стоящие на страже воины, — к маленькому, стоявшему на отшибе шатру.

Внутри лежали груды мехов, и Ашвараву знаком велел Бринн сесть. Она так и сделала, устроившись у дальней стены шатра. И хотя командир отряда сел у противоположной стены, шатер был настолько мал, что их ноги практически сплелись.

Он начал раздеваться, но даже тогда никаких подозрений у девушки не возникло. В палатке было очень тепло; скорее всего, под мехом лежали нагретые камни.

— Когда мы преследовали тебя в долине, ты доказала, что умеешь сражаться, — сказал Ашвараву. — И дальнейшие бои с Тюрбанами подтвердили, что ты обладаешь и силой, и волей. — Сорвав с себя рубашку и кожаные штаны, молодой воин внезапно опустился перед ней на колени. — Я боялся, что так и не сумею найти женщину, достойную Ашвараву. — С этими словами он обхватил Бринн сильными руками и прижался к ее губам.

Тогайранку охватило смятение. Ашвараву — высокий, стройный, с мужественным лицом и рельефно обозначенными мускулами, несомненно, нравился ей. К тому же Бринн обладала сильно развитым чувством долга и считала, что должна подчиняться командиру в любой ситуации. Все это и стало причиной того, что она не оттолкнула молодого воина.

Он повалил Бринн на меха, его руки заскользили по телу девушки, проникли под куртку, лаская бедра. Не отрываясь от ее губ, Ашвараву начал раздевать тогайранку.

Его прикосновения вызывали у Бринн приятное возбуждение — ощущение, какого она никогда прежде не испытывала. Однако в то же время она инстинктивно понимала, что не должна допустить этого. Не здесь и не сейчас.

Она оттолкнула Ашвараву, точнее, попыталась это сделать, поскольку тот был гораздо сильнее. В результате молодой воин лишь крепче сжал ее в объятиях и еще яростнее впился

в губы.

Но все же Бринн сумела противостоять его напору.

— Нет, — сказала она.

Наверное, Ашвараву удивился бы меньше, если бы она выхватила нож и приставила острие к его груди.

— Ты отвергаешь Ашвараву?

Он слегка расслабил объятия, девушка выскользнула из его рук и отодвинулась, снова сев у стенки шатра.

— Я ведь даже не знаю тебя, — произнесла она смущенно.

Отважный главарь мятежников был в этот момент похож на обиженного мальчишку. Бринн почувствовала себя ужасно неловко и искренне устыдилась того, что в ней так мало было от женщины.

— Я Ашвараву! — воскликнул молодой воин. — Тот, кто несет надежду тогайру. Тот, перед кем дрожат от страха бехренцы!

— Да, все это так, — еле слышно прошептала Бринн.

— Ты должна гордиться, что стала моей избранницей!

Девушка решительно посмотрела на Ашвараву, как бы останавливая его взглядом, потому что он снова придвинулся к ней. Тысячи мыслей и чувств метались в ее сознании, она отчаянно пыталась разобраться в них, но не придумала ничего лучше, как спросить:

— Разве благодарность может быть поводом для того, чтобы заниматься любовью?

Ашвараву бросил на нее непонимающий взгляд.

— Доставь мне удовольствие и позвать мне доставить удовольствие тебе, ведь завтра утром мы оба можем погибнуть в бою!

В конце концов, разве она хочет умереть девственницей? Хотя, по правде говоря, до сих пор она мало задумывалась об этом; в ее жизни было слишком много других забот.

Однако Бринн не могла избавиться от ощущения, что она не должна допустить этого. Ашвараву привлекал ее, и все же она еще очень, очень многого в нем не понимала.

— Нет, — решительно повторила она. — Я не знаю тебя. Я служу тебе своим мечом — и пока ничего больше.

— Этой ночью ты могла бы неплохо послужить мне и по-другому, — раздраженно отозвался молодой воин.

— Меня это не устраивает.

По-прежнему испытывая внутреннее смятение, Бринн все же почувствовала себя гораздо увереннее. Сейчас она уже совершенно четко знала, что не уступит.

— Ашвараву! — послышался внезапный оклик.

Воин холодно посмотрел на Бринн, встал и откинул полог шатра.

— Бару очень плох, — произнес голос. — И несколько других тоже…

Ашвараву схватил одежду и выбрался наружу, взглянув напоследок на девушку. Судя по выражению его лица, он хотел дать ей понять, что события этой ночи не должны сделаться достоянием остальных.

— Закончим в другой раз, — бросил он, имея в виду то ли их разговор, то ли любовные игры.

Однако тогайранке показалось, что в словах его содержался и некоторый оттенок угрозы.

Решительно тряхнув головой, она последовала за командиром, но остановилась, внезапно осознав, что произошло.

Вчера на поле боя Ашвараву сумел заставить ее заглушить голос совести и убить двух беспомощных людей. Сегодня он пытался сделать то же самое, подчинив ее своим желаниям, совершенно не считаясь с тем, каковы ее собственные.

В молодом воине было много такого, что вызывало у Бринн отвращение, но в то же время она, безусловно, восхищалась им.

Может, таким и должен быть истинный предводитель, способный поднять

соплеменников на восстание?

На этот вопрос девушка пока ответить не могла.

Ночью умер Бару, молодой воин, почти подросток; еще несколько мятежников чувствовали себя крайне скверно. Не понадобилось много времени, чтобы сообразить — кто-то их отравил.

Астамир предложил проверить все припасы. Никто не понимал, как именно он собирается это делать, но вопросов задавать не стали.

Мистик послал свой дух в каждый съестной продукт, отыскивая порчу. Монахи абеликанского ордена действовали примерно так же, только в отличие от него использовали для этой цели камень души, гематит.

Проверив все припасы, Астамир указал, какие продукты годятся в пищу, а какие отравлены. Многие тогайранцы, не знакомые с подобными методами, бросали на него подозрительные взгляды, но Ашвараву кивнул в знак согласия.

Более того — он подошел к копченому окороку, который Астамир объявил годным в пищу, и откусил от него внушительный кусок.

— Да, от тебя и впрямь есть толк! — провозгласил он, и все остальные мятежники приветствовали мистика радостными криками.

Бринн внимательно следила за всем происходящим, придирчиво взирала на каждый поступок Ашвараву, отмечала, как умело он играет на чувствах воинов, пробуждая в них боевой дух и поднимая настроение. Не вызывало сомнений, что Ашвараву понимает: яд в припасах страшен не столько сам по себе, сколько как факт, способный пошатнуть уверенность его людей в том, что они сильны, а враг слаб, и, конечно, поколебать веру в их предводителя.

Так или иначе, проблема с отравленной пищей была решена, если, конечно, словам Астамира насчет состояния припасов можно было верить.

Сама Бринн в этом нисколько не сомневалась. Проведя столько лет с эльфами, она уже начала осознавать, что представляет собой этот мистик Джеста Ту.

Последующие недели подтвердили, что она не ошиблась.

Несколько дней прошло без особых событий. Как почти всегда после очередной победы, в отряд влились новобранцы. Девушка продолжала внимательно приглядываться к Ашвараву, оценивая его слова и пытаясь разобраться в правильности его поступков. Она никогда не забывала, что командир очень молод, однако недостаток зрелости и опыта он с успехом восполнял отвагой и жестокостью.

В этом-то и заключается его секрет, решила тогайранка. Главным качеством Ашвараву была храбрость, и уже одно его присутствие вселяло уверенность и мужество в окружающих. Так было, когда он бестрепетно отведал еды, которую Астамир признал неотравленной. И в сражении он тоже не прятался за спинами воинов — нет, издавая яростные вопли, он скакал впереди них, вызывая врага на бой.

К чести Ашвараву, в эти дни он никоим образом не давал Бринн понять, что помнит о том, что произошло между ними. Обращался с ней так, как и прежде, разве что иногда украдкой бросал на девушку испытующие взгляды.

Проснувшись однажды поутру, Бринн обнаружила, что весь лагерь возбужденно гудит. Неподалеку от ее шатра стоял Астамир, глядя на воинов, столпившихся вокруг женщины-тогайранки средних лет.

— Это Эа Денг, — пояснил он Бринн, — наша лазутчица из Дариана. Ее сестра прислуживает в тамошнем храме и имеет возможность подслушивать разговоры ятола Гриаша с его приближенными. Она пришла сообщить нам об отравленных припасах, хотя и понимает, что, скорее всего, это известие запоздало.

— Очень удачно для ятола Гриаша… — пробормотала девушка.

Не то чтобы у нее возникли какие-то подозрения, просто вдруг мелькнула мысль, что к словам таких лазутчиков нужно относиться крайне осторожно.

— Говорят, ее сведения всегда подтверждаются, — ответил Астамир. — Ашвараву доверяет этой женщине.

— Наверное, она и впрямь предана ему, если проделала такой долгий путь, почти наверняка зная, что ее известие не принесет пользы.

— Она доставила еще одну новость. Оказывается, два прибывших раньше двадцатирядных каре не останутся в Дариане и не будут направлены в Тогай, — добавил мистик. — По-видимому, они вернутся в Хасинту, как только позволит погода.

Бринн с любопытством посмотрела на мистика.

— Двадцатирядные каре?

— Наш предводитель знал об их прибытии в Дариан. Может, именно поэтому мы в последнее время держались подальше от города. По-моему, Ашвараву опасается, что слава о нем может разнестись слишком быстро, слишком далеко и привлечет внимание врагов, когда он еще не будет готов встретиться с ними лицом к лицу.

Разумеется, известие о том, что восемьсот прекрасно обученных и экипированных солдат возвращаются на восток, вместо того чтобы заняться его поимкой, чрезвычайно порадовало главаря мятежников.

— Любопытная вещь — бегущая впереди нашего отряда слава, — продолжал Астамир. — С одной стороны, это привлекает к нам пополнение и вселяет в людей уверенность в своих силах. С другой стороны, на врагов она воздействует двояко — вроде бы устрашает противника и тем самым работает на нас. Однако в то же время это очень опасная игра, если речь идет о столь могущественном противнике, как Чезру Дуан, у которого достаточно сил, чтобы стереть с лица земли весь Тогай.

Бринн молча кивнула. Она получила важный урок и знала, что никогда его не забудет.

В начале 841 года Господня зима ослабила хватку. Над тогайским плато несколько раз зарождались бури, но быстро сходили на нет, проливаясь дождями.

В последний день второго месяца года, с такой же помпой, с какой в свое время появились, два прибывших из Хасинты двадцатирядных каре покинули Дариан, стройными рядами маршируя по ведущей на восток дороге. В городе остались шестьдесят четыре солдата, затребованных ятолом Гриашем еще прошлым летом.

Спустя два дня под звуки горнов солдаты прошествовали через бехренский город Богади и повернули в сторону пустыни, где, кроме редких оазисов с небольшими поселениями вокруг, отстоящих друг от друга на много миль, иного жилья не было.

Там, в безлюдной местности, воины из Хасинты разделились на два отряда. Один под предводительством Дахмеда Блая повернул на юго-запад, а второй, возглавляемый Боксом Лиеном, — на северо-запад.

Высланные вперед под видом дозорных небольшие группы солдат выбрали в предгорьях места для лагерей. Там отрядам предстояло дождаться, пока получивший сведения об их уходе из Дариана самонадеянный Ашвараву начнет действовать.

ГЛАВА 18
НАЖИВКА ПРОГЛОЧЕНА

Ятол Гриаш и Карвин Пестль беседовали, сидя в зале для аудиенций дарианского храма. К ним подошел Вэй Атанн.

— Надо полагать, ты уже слышал последние новости о мятежниках, — сказал Гриаш, обращаясь к своему помощнику. Тот кивнул. — Сейчас они совсем рядом с Данкала Гриаш, — Ятол говорил о небольшой деревне у самой границы тогайских степей, недавно переименованной в его честь. — Это поселение не должно пострадать! — неожиданно громким голосом закончил ятол, и его толстощекое лицо с двойным подбородком исказила злобная гримаса. — Я не допущу, чтобы мне было нанесено такое же оскорбление, как Чезру, когда бунтовщики уничтожили Дуан Кел!

— Каре из Хасинты покинули город, ятол, — напомнил ему Вэй Атанн. — В моем распоряжении мало воинов…

— В твоем распоряжении не только оставшееся здесь восьмирядное каре, но и весь городской гарнизон. Вполне хватит, чтобы разделаться с этими жалкими ру.

Не опасно ли оставлять Дариан без защиты? — осведомился чежу-лей.

— Это не твоя забота! — резко оборвал его Гриаш.

— Но как раз это и является моей заботой! — воскликнул совершенно ошеломленный Вэй Атанн. — В первую очередь я должен защищать Дариан и ятола Гриаша…

— А кроме этого защищать репутацию ятола Гриаша, для чего нужно защитить Данкала Гриаш, — закончил за него собеседник.

И Вэй Атанн, и Карвин Пестль окинули ятола недоуменными взглядами. Пестль редко видел своего уравновешенного, расчетливого господина в таком возбуждении и с трудом верил, что Гриаша так сильно заботит судьба какого-то незначительного селения, пусть и носящего его имя.

— В Данкала Гриаш еще не закончено возведение оборонительных укреплений, — заметил чежу-лей. — Чтобы защитить это поселение, понадобится почти столько же солдат, сколько для обороны самого Дариана.

— Ты возьмешь с собой столько солдат, сколько потребуется.

— Ятол, это невозможно, — растерянно ответил Вэй Атанн.

— У нас в гарнизоне около трехсот человек, сказал Гриаш, — А у Ашвараву не больше полутора сотен. Вполне достаточно, чтобы одолеть его даже в отсутствие оборонительных укреплений. И какие бы потери мы ни понесли, они стоят того, чтобы освободить страну от этого пса. Когда мы с ним покончим, я запрошу подкрепление из Хасинты, если в том возникнет необходимость.

— Может быть, стоит запросить его уже сейчас, — предложил воин, — до того, как гарнизон покинет город.

— Дариан в полной безопасности.

— Доходят сведения, что на севере, в предгорьях, бродят гоблины.

Это заявление заставило Пестля бросить на чежу-лея удивленный взгляд. В последнее время о гоблинах никто не докладывал — по крайней мере, о сколько-нибудь заметном их количестве.

— Ты предложил отравить мятежников. Мы попытались сделать это, но потерпели неудачу, — возразил ятол Гриаш, — Сколько еще мне терпеть этого пса Ашвараву? Ходят слухи, что он неподалеку от Данкала Гриаш. Прекрасно. Ты нагрянешь в деревню с солдатами, и там он и умрет, а мне больше не придется без конца слышать его имя!

— Я не пойду на это, ятол, — спокойно ответил Вэй Атанн. — Я обязан всегда находиться рядом с тобой, в особенности если, выполняя твой приказ, гарнизон покинет город. Уверен, что они прекрасно справятся с Ашвараву и без меня.

Ятол Гриаш некоторое время холодно разглядывал чежу-лея, после чего издал натянутый смешок.

— Что ж, если тебя столь тревожит моя безопасность, можешь увеличить гарнизон на сто человек за счет ополчения, — сказал он. — Отбери еще сотню надежных горожан для защиты городских стен. С этим делом нужно кончать. Мне на твоем месте было бы обидно отсутствовать в Данкала Гриаш в момент смерти Ашвараву, но я не стану принуждать тебя нарушать клятву.

Щелкнув каблуками и коротко поклонившись, Вэй Атанн развернулся и, четко печатая шаг, покинул зал.

Мне кажется… — начал было Карвин Пестль, но ятол оборвал его.

— Я устал и нуждаюсь в отдыхе, — сказал он, собираясь пройти в свои покои. — Но прежде нам следует обсудить эти новые обстоятельства. Может, стоит послать тебя моим эмиссаром в Данкала Гриаш?

Последнее замечание чрезвычайно удивило Пестля, но он прикусил язык и последовал

за господином.

— Теперь можешь говорить открыто, — заявил Гриаш, оказавшись в маленьком уютном помещении и опустившись в удобное кресло.

Карвин Пестль запинаясь пробормотал что-то нечленораздельное.

— Говори, ничего не бойся, юный пастырь, — подбодрил его ятол. — Что именно тебе непонятно?

— Ты собираешься послать воинов гоняться за Ашвараву по степи, ятол? — явно волнуясь, спросил Пестль. — Мне казалось, наша идея строительства защитных стен вокруг каждого из поселений под руководством солдат приносит плоды. На протяжении всей зимы Ашвараву ни разу не нападал на деревни, только на караваны.

— Разумеется, она хороша — ответил Гриаш. — Ашвараву не рискует нападать на мелкие селения, где немного можно найти, зато много потерять. Он атакует Данкала Гриаш только в том случае, если решит, что риск будет ничтожно мал.

— Эта деревня защищена далеко не лучшим образом, но… — Карвин Пестль замолчал, услышав смех Гриаша.

— Вэй Атанн меня прекрасно понял, — сказал ятол. — Наш храбрый чежу-лей жаждет славы, поэтому и отказывается покидать Дариан.

Пестль недоуменно поднял брови, и вдруг глаза у него чуть не вылезли из орбит — он наконец тоже начал кое-что понимать в хитросплетении замыслов ятола Гриаша.

— Ты думаешь, ятол, что Ашвараву пренебрежет Данкала Гриаш и пойдет на Дариан? — недоверчиво спросил он.

— По всем признакам силы его отряда заметно возросли, — отозвался ятол, — Слухи об Ашвараву вселяют мужество в сердца всех ру, и с каждой победой к нему стекаются новые воины. Сумев одержать по-настоящему значительную победу, он мог бы поднять весь Тогай. Этот пес далеко не глуп. Если он сочтет, что наше слабое место здесь, в Дариане, то захочет добиться победы, которая принесет ему настоящую славу. Он понимает, что стратегия нанесения молниеносных ударов «из-за угла» хороша только на первом этапе; в конце концов это нам надоест, и мы пошлем против него такой отряд, который покончит с ним раз и навсегда. Уверен, когда в начале зимы в Дариан вошли два каре из Хасинты, наш смутьян сильно забеспокоился, решив, что это время уже близко. Значит, ему нужна серьезная победа, которая превратит его в символ освобождения всех тогайру. Он непременно придет в Дариан, и это будет его последним походом.

Карвин Пестль откинулся в кресле, вдумываясь в услышанное; да, такое развитие событий, несомненно, имело смысл. Действительно, с чего бы это Вэй Атанну так беспокоиться за безопасность ятола Гриаша и Дариана, когда всего на расстоянии дня пути стоят лагерем восемьсот солдат?

Это был умело скоординированный хитрый план, целью которого было заманить Ашвараву в Дариан, заставить бунтовщика думать, что протяни он руку — и победа в его кармане. Пестль с искренним восхищением посмотрел на ятола Гриаша, только сейчас осознав, что вся эта комбинация зародилась в его сознании в тот самый момент, когда в город вошли каре из Хасинты. Каждый очередной ход, каждый принесенный в жертву караван, каждое ложное сообщение, достигшее ушей лазутчиков ру, — все это служило одной желанной цели.

— Я знаю Ашвараву лучше, чем этот пес знает себя сам, мой юный пастырь, — уверенно продолжал ятол. — Я понимаю мотивы, которые им движут. Главный из них — гордыня, а гордыня — это та человеческая слабость, на которой легче всего играть. Не сомневайся: он явится в Дариан. И найдет здесь гибель. После чего пройдет много, очень много времени, прежде чем ру наберутся мужества снова выступить против Бехрена. Наблюдай и учись, поскольку, скорее всего, когда-нибудь ты займешь мое место и тебе придется иметь дело с очередным Ашвараву. Я в то время уже буду в раю. Представляешь, какое разочарование меня постигнет, если, взглянув на землю, я увижу, что ты потерпел неудачу?

Карвин Пестль кивнул и даже улыбнулся, когда Гриаш снова разразился смехом. Молодой пастырь и в самом деле многое узнал и понял за эту зиму. Караваны, посланные в качестве приманки в заранее обусловленном порядке и в заранее намеченные места; уловка с отравленными припасами, целью которой было укрепить уверенность Ашвараву в своих силах и осведомленности лазутчиков в Дариане; переименование крошечного селения — все это выстраивалось в стройную, убедительную схему.

Припомнив последний жестокий урок — на берегу пересохшего речного русла, в лагере ру, — он не смог сдержать дрожи, пробежавшей вдоль позвоночника.

Так жестоко — и так эффективно.

Карвин Пестль доверял своему господину, хотя временами тот внушал ему ужас.

— Ятол из Дариана бросает нам вызов, — заявил Ашвараву, обращаясь к воинам. — Он не понимает, насколько сильнее мы стали.

— И числом, и решимостью, — прошептал Астамир, чтобы его могла услышать одна Бринн; оба стояли в стороне от остальных.

Девушка улыбнулась. Им уже не раз приходилось слышать подобные речи.

Отряд собрался на высоком холме, глядя на деревню внизу и длинную цепочку приближающихся к ней солдат. По оценкам разведчиков их было около четырех сотен, то есть примерно вдвое больше того, чем располагал Ашвараву.

Однако тогайранские воины не сомневались, что каждый из них стоил по крайней мере трех бехренцев.

— И мы ответим на этот вызов, — услышала Бринн слова предводителя отряда, — Когда и где сочтем нужным.

— Думаешь, он нападет на деревню? — спросила девушка Астамира.

Тот пожал плечами.

— Мне кажется, это было бы неразумно. Может, он и одержит верх, но наши потери будут слишком велики.

Тогайранка придерживалась той же точки зрения, но речь ведь шла об Ашвараву, а что решит он — предсказать было трудно.

Этой ночью командир велел разбить лагерь на вершине холма, отправив одних разведчиков к деревне, а других дальше на восток, где они в заранее обусловленном месте должны были встретиться с лазутчиком из Дариана.

Эа Денг прибыла на следующее утро, подтвердив, что в Данкала Гриаш находится практически весь гарнизон Дариана: солдаты посланы в поселение для укрепления его обороны.

Ашвараву снова собрал людей.

— У тебя встревоженный вид, — заметила Бринн, обращаясь к Астамиру.

Мистик покачал головой, не сводя взгляда с далекой деревни.

— Ятол Гриаш отсылает почти весь гарнизон из города сразу после того, как солдаты Хасинты покинули Дариан?

— По словам Эа Денг, Гриаш не желает, чтобы деревня, носящая его имя, была разрушена Ашвараву. Естественно, наш командир именно так и поступит.

Астамир оценил ее иронию, но был слишком обеспокоен, чтобы ответить. Девушка перевела взгляд на Ашвараву.

— Ятол Гриаш, не скрываясь, отсылает сюда почти всех своих солдат, бросая вызов нам и остальным тогайру, — заявил между тем командир бунтовщиков, — Он ничуть не сомневается, что этого жалкого отряда хватит, чтобы одолеть нас!

— Нет! — послышалось со всех сторон.

— Ну что, принимаем вызов? — спросил Ашвараву.

— Смерть Тюрбанам! — как один закричали его воины.

На лице Ашвараву заиграла злобная усмешка.

— Смерть ятолу Гриашу, — выкрикнул он. — В своем высокомерии он просчитался.

Его гарнизону не угнаться за нами, когда мы двинемся на восток!

— По-моему, он только что сказал, будто собирается напасть на Дариан, — заметила тогайранка, обращаясь к Астамиру.

Мистик, оторвав взгляд от деревни, посмотрел сначала на Бринн, потом на Ашвараву.

— Мы нападем на ятола Гриаша у него дома и посмотрим, что он тогда запоет! — воскликнул их предводитель. — Он до такой степени не воспринимает нас всерьез, что не побоялся оставить город без гарнизона. Гриаш дразнит и оскорбляет нас. Будет ли он так же глумиться над нами, когда Дариан запылает?

Воины разразились одобрительными восклицаниями, и голос Бринн влился в общий хор.

Только Астамир молчал. Он снова перевел взгляд на деревню и подумал, что как-то все уж очень хорошо сходится. Конечно, вопрос о нападении на Дариан не раз обсуждался и прежде; Эа Денг сделала все возможное, чтобы обеспечить мятежникам поддержку в городе.

И вот сейчас совершенно неожиданно этот плод созрел, остается только сорвать его.

Видимо, дело обстоит именно так.

Отряд с невиданной быстротой свернул лагерь и двинулся на восток. До Дариана было пять дней пути, но Ашвараву надеялся за счет скорости передвижения выгадать один день, чтобы успеть напасть на город и, возможно, даже разграбить его до того, как весть о нападении дойдет до гарнизона, что находится сейчас в далекой деревушке и вряд ли поспеет прийти на помощь.

Люди Ашвараву с величайшей охотой откликнулись на это устремление командира. Они совершили почти невероятное: уже на третью ночь разбили лагерь, из которого были хорошо видны белые городские стены и возвышающийся над ними храм Дариана.

— Завтра нас ждет победа или поражение, — сказала Бринн Астамиру.

— В голосе воина не должна звучать покорность судьбе, — заметил мистик: — Чего ты боишься?

Девушка задумалась, пытаясь разобраться в своих чувствах.

— Такое впечатление, будто Гриаш и впрямь относится к нам с явным пренебрежением, раз оставил город без прикрытия. Неужели он настолько глуп?

— Я так не думаю, — ответил Астамир.

Бринн стало ясно: он понимает, что у нее на уме, поскольку и сам задавался теми же самыми вопросами.

— А если нет, значит, он хочет, чтобы мы оказались здесь, — ответила она и вздохнула. — Но разве не должен командир, перед которым внезапно открывается столь удивительная возможность, задать себе тот же вопрос?

— Должен конечно, — отозвался мистик.

— Тогда почему?..

В ответ Астамир кивнул на Ашвараву. Тот сидел у небольшого костра, весело переговариваясь с окружившими его воинами. При всех его недостатках невозможно было отрицать ту любовь, которую молодой командир мятежников пробуждал в сердцах людей. Они смотрели на него с благоговением, ни на мгновение не усомнившись в правильности действий предводителя.

Они смотрели на Ашвараву с надеждой.

Рассвет принес с собой густые облака.

Ашвараву разбил отряд на группы, перед каждой из которых была поставлена задача: одна из них должна была доставить факелы к основанию городской стены; другая — подобраться к сравнительно невысокой стене и, взобравшись на нее, быстро и бесшумно прикончить стражников.

По мнению командира, для выполнения последней задачи как нельзя лучше подходил Астамир. Все знали, что он способен внезапно появляться из тени, производя шума не больше, чем если бы и сам был тенью.

Для мистика это было весьма нелегкое решение; он понимал, что, если согласится, ему уже не удастся уклониться от участия в предстоящей схватке. Однако обезвредить стражников было крайне важным, возможно, решающим моментом. И не только этого сражения. Если Ашвараву захватит самый большой город на северо-западе Бехрена, слава о нем разнесется по всей степи, и сотни или даже тысячи тогайру присоединятся к пока не такому многочисленному отряду мятежников.

— Я помогу убрать стражников со стены, — произнес наконец Астамир.

— Я тоже пойду с тобой, — вызвалась Бринн.

Ашвараву и стоящие рядом с ним воины с любопытством посмотрели на девушку, поскольку командир ей этого не предлагал. Один из них разразился смехом, остальные охотно присоединились к товарищу, но Ашвараву поднял руку, заставив всех замолчать.

— Твоя воинская доблесть наилучшим образом проявляется, когда ты в седле, — заметил он.

— Но в пешем бою я лучше владею мечом, — возразила девушка. — И не хуже Астамира умею бесшумно подбираться к противнику. Тюрбаны нипочем меня не заметят.

Однако убедить командира ей не удалось. И больше всего тогайранку обеспокоило не это, а недоверчивый и даже разочарованный взгляд, устремленный на нее мистиком.

— Ты пойдешь в составе основной группы всадников. Здесь пригодится твое прекрасное владение луком, — заявил Ашвараву, чуть дольше обычного задержав взгляд на Бринн.

— Не осуждай меня, — попросила девушка Астамира, когда они остались одни, — Разве ты сам только что не дал согласие принять участие в боевых действиях?

— Это слово совсем не вяжется с твоим обликом, — заметил мистик.

— Какое слово?

— Тюрбаны. Произнося его, ты изменяешь себе.

Сказав это, Астамир отошел, оставив Бринн наедине со своими мыслями.

Вэй Атанн весь день расхаживал по городской стене Дариана. И он, и ятол Гриаш знали, что Ашвараву где-то неподалеку. Мысль о предстоящем сражении доставляла огромное удовольствие неистовому чежу-лею. Он страстно желал одного: убить как можно больше ненавистных ру, до того как подойдут находившиеся в засаде каре из Хасинты.

А может, ему повезет своей рукой прикончить Ашвараву?

Для защиты города в распоряжении Вэй Атанна имелось всего двести человек, причем половину из них составляли ополченцы, не прошедшие такой выучки, как солдаты регулярной армии. Он рассчитывал, что в отряде Ашвараву людей будет не больше. И, прекрасно понимая, что самому ему не составит труда прикончить в любой схватке двух мятежников, отнюдь не недооценивал боевых качеств ру.

До прибытия затаившихся в засаде каре город нужно удержать с минимальным числом потерь и разрушений.

Наступила ночь, но все по-прежнему было тихо, и Вэй Атанн начал опасаться, что Ашвараву догадался о ловушке. Может, ру заметили передвижение того каре, солдатам которого было приказано занять позицию в часе пути от города? Если так, решил чежу-лей, он сам найдет Ашвараву и будет гнать этого пса хоть до западной границы тогайских степей!

Находясь в караульном помещении недалеко от главных ворот, Вэй Атанн отдавал приказания стражникам, когда услышал какой-то необычный звук, на который его менее опытные подчиненные не обратили внимания.

— Всем занять позиции! — приказал он.

Вышел и тихо, подобно самой смерти, заскользил по стене.

Астамиру не составило труда незамеченным добраться до основания городской стены. Оказавшись там, мистик воззвал к своей жизненной энергии, добиваясь того, чтобы его вес уменьшился.

Он провел ладонью по стене, нащупывая щели между большими каменными блоками. Когда стену строили, блоки скрепляли замешанным на песке раствором, однако под воздействием постоянных ветров он во многих местах уже осыпался.

Там, где стоял Астамир, стена была наиболее высокой, но и здесь она составляла всего около дюжины футов. Мистик взобрался на нее с такой же легкостью, словно полз по полу. Наверху он замер, и вскоре до него донеслись звуки приближающихся шагов. Это был один из стражников, о чем можно было судить по бряцанью оружия.

Свесившись с края стены, Астамир уперся в нее ногами и замер, прислушиваясь.

Внезапно над недоуменно глядящим во тьму солдатом молниеносно взметнулась из-за стены какая-то тень. Стражник так и не успел ничего понять, когда Астамир обрушился на него.

Еще находясь в полете, он ударил солдата ногой в спину, лишив его возможности не только крикнуть, но даже вздохнуть. Мягко приземлившись на стену, мистик мертвой хваткой сжал ему горло. Тот безжизненным кулем осел в его руках.

Астамир осторожно опустил тело солдата на камни. После чего совершенно бесшумно двинулся дальше, в сторону караульного помещения, находящегося в центральной части западной городской стены.

Вскоре он наткнулся еще на одного стражника, и тот разделил судьбу предыдущего.

Мистик поспешил дальше. Он понимал, что в караульном помещении его ожидало сопротивление посерьезнее. Однако в момент его появления внимание бехренцев будет сосредоточено на другом. Из тьмы уже доносился топот копыт: это пошли в наступление воины Ашвараву.

Десять всадников, находившихся довольно далеко друг от друга, одновременно остановились неподалеку от городской стены и, не обращая внимания на окрики стражников, до которых только сейчас дошло, что происходит, зажгли по паре факелов и, удерживая их, развели руки.

Теперь в наступление пошла основная ударная сила Ашвараву; среди этих людей была и Бринн. Проносясь мимо факелов, всадники касались огня промасленными наконечниками стрел, а затем посылали их в сторону противника.

Рой горящих стрел вырвал из темноты фигуру одного из находящихся на городской стене солдат, и Бринн, тщательно прицелившись, выпустила в него стрелу.

Несчастный взмахнул руками и бешено завертелся на месте в отчаянных, но тщетных попытках сбить огонь. К тому моменту, когда он горящим факелом рухнул со стены, девушка была готова послать следующую смертоносную стрелу.

Астамир на четвереньках крался по стене. Он видел бехренца, охваченного пламенем, и слышал крики тех, в кого также попали горящие стрелы. Вскоре в городе вспыхнул один из домов.

Происходящее отнюдь не радовало мистика. Хотя Джеста Ту прекрасно владели искусством ведения схваток, их жизнь носила сугубо мирный характер. Члены ордена прибегали к сражению исключительно как к последнему средству самозащиты.

Что, в таком случае, он тут делает?

Однако сейчас было не время задумываться над философскими вопросами; он уже почти достиг караульного помещения. Астамир вздрогнул, услышав, как вскрикнул один из тех, кто вместе с ним должен был обезвредить стражников: голос сопровождался свистом рассекшего воздух меча и звуком падения тела.

Не спуская взгляда с ниши, где находился механизм, приводящий в действие ворота, мистик поспешил вперед, но тут же замер на месте: оттуда выскочил человек, яростно размахивающий кривым мечом.

Астамир замер в оборонительной позиции. Однако совершенно неожиданно нападающий тоже остановился, удивленно глядя на него. Судя по амуниции, перед ним

стоял чежу-лей.

— Джеста Ту? — недоверчиво спросил Вэй Атанн.

Мистик прищурился и слегка присел, готовый броситься на заклятого врага своего ордена.

Тот с ревом ринулся вперед, угрожающе выставив вперед меч. Астамиру, единственным оружием которого были руки и ноги, не оставалось ничего другого, как отступать.

Тем не менее действия его противника не достигали успеха. Словно мангуст, уворачивающийся от нападающей на него змеи, мистик сохранял такое расстояние между ним и собой, чтобы оставаться вне досягаемости его меча. Он делал еле уловимые движения, всего лишь легкие повороты или наклоны, поскольку первым правилом Джеста Ту в сражении с опытным противником было экономить энергию. Астамир мог рассчитывать лишь на то, что в конце концов чежу-лей выдохнется, что позволит выбить из его рук оружие и самому нанести удар.

Меч в очередной раз опустился и снова взлетел вверх, но вместо того, чтобы отступить, мистик бросился вперед и на узком парапете сделал кувырок, проскочив мимо Вэй Атанна как раз в тот момент, когда его меч начал смертоносное движение вниз.

Чежу-лей взревел и развернулся так быстро, что, едва успев вскочить на ноги, Астамир увидел, что меч противника вновь готов разрубить его пополам.

— Что ты здесь делаешь, Джеста Ту? — прорычал Вэй Атанн. — С каких пор вы имеете дело со взбунтовавшимися ру?

Мистик промолчал, потому что не знал ответа.

В этот момент из-за городских домов в темноту неба взмыл пылающий шар и, описывая яркую дугу, устремился на восток за пределы Дариана.

Астамир встревоженно проводил огненный шар взглядом. Он пошл, что это такое, еще до того, как чежу-лей с издевкой произнес:

— Ты думал, что вам удастся застать нас врасплох? Если Джеста Ту решили сражаться вместе с ру, это было ошибочным выбором. Смотри, мистик! Если ты сумеешь прожить достаточно долго, то собственными глазами увидишь, как челюсти судьбы сомкнутся на горле Ашвараву и его головорезов.

Астамир не понимал всех деталей происходящего, но не сомневался, что эта яркая вспышка — выпущенный баллистой огненный заряд — была каким-то сигналом. И потому не удивился, услышав с двух сторон — к северу и к югу от города — трубный рев.

Однако прежде, чем он успел осознать, что все это означает, Вэй Атанн снова двинулся на него, размахивая кривым мечом.

Кружась у городской стены, Бринн посылала в обороняющихся стрелу за стрелой, многие из которых она не успевала поджечь у факельщиков; да в этом теперь не было особой нужды — деревянные своды сторожевых башен пылали двумя громадными кострами, освещая все вокруг.

Ашвараву возглавлял группу всадников, которые устремились к воротам в попытке разнести их в щепки. Воины, сгрудившиеся вокруг командира мятежников, осыпали стрелами любого, кто осмеливался нацелить в него оружие. Другие тогайранцы карабкались на стену и кидались на защищавших город бехренцев.

Учитывая ярость атаки, храбрость нападающих и вдохновляющий пример Ашвараву, у Бринн затеплилась надежда, что сегодня они одержат победу. Конечно, она не питала иллюзий, что столь малыми силами можно захватить такой большой город, как Дариан, но чувствовала уверенность, что они могут нанести врагу серьезный урон и в ореоле героев снова раствориться в бескрайней степи.

Девушка заметила огненную дугу на небе, но в пылу сражения не придала этому значения, отнеся выпущенный заряд к обычным действиям обороняющихся. Однако призывные звуки труб, долетевшие до ее ушей с двух противоположных сторон, насторожили ее.

Городские ворота должны были вот-вот пасть, но внутри у тогайранки все сжалось от дурного предчувствия.

Астамиру крайне не хотелось поворачиваться спиной к противнику, но тем не менее ему пришлось пойти на это, поскольку уголком глаза он заметил приближающихся сзади двух бехренских солдат.

За его спиной Вэй Атанн рванулся в атаку. Бехренцы же застыли, удивленно глядя на человека, который, неожиданно присев, сделал кувырок назад.

И тут брошенный нападавшими в сторону ворот мех с маслом взорвался, сбросив со стены обоих солдат и ослепив Вэй Атанна. Мистик завершил кувырок ударом ногами в живот чежу-лея. Тот замер, судорожно хватая ртом воздух. Астамир нанес ему второй удар в пах. Когда мистик вскочил на ноги, Вэй Атанн уже валился набок, готовый упасть со стены; в этот момент он был полностью уязвим, и Астамир мог прикончить его одним ударом. Однако мистик уже успел оценить ситуацию и знал, что у него нет ни одного лишнего мгновения.

— Бегите! — закричал мистик осаждающим, размахивая руками, чтобы обратить на себя внимание. — Это ловушка! Бегите!

Однако в шуме сражения его голос не был никем услышан.

Лежа на земле и ожидая, что противник прыгнет на него сверху, Вэй Атанн поднял над головой меч. Однако этого не произошло. Когда у него восстановилось дыхание, чежу-лей поднялся на ноги. Больше всего ему хотелось вскарабкаться обратно на стену и расквитаться с ненавистным Джеста Ту, но он понимал, что сейчас не время для этого. Не обращая внимания на двух катающихся по земле объятых пламенем бехренцев, Вэй Атанн заторопился к воротам.

Оглянувшись, он увидел, что его солдаты, выполняя данный ранее приказ, покинули укрытия в тени ближайших домов и бегут в сторону сторожевых башен. Указав их командиру на горящие, вздрагивающие под ударами ворота, чежу-лей бросился к винтовой лестнице, находящейся внутри башни.

Среди нападающих началось смятение. Тогайру наконец заметили приближающиеся к городу огни факелов, услышали трубный рев и начали понимать, что оказались в ловушке.

Вэй Атанн взглянул вниз, ища глазами Джеста Ту, но заметил другого человека, которого сразу же узнал: Ашвараву!

Ашвараву был все еще у ворот, его конь колотил в них копытами, а сам предводитель мятежников, несмотря на очевидное изменение ситуации, криками подбадривал товарищей.

В этот момент Вэй Атанн и думать забыл о мистике. Он рванулся по стене в сторону ворот, расталкивая попадающихся на пути стражников и не обращая внимания на нескольких тогайранцев, успевших взобраться на стену и сейчас яростно сражающихся с теми, кто ее оборонял. Остановившись над воротами, чежу-лей посмотрел вниз.

Сейчас его интересовало только то, что происходило там.

Ворота распахнулись, солдаты Вэй Атанна вырвались из города и атаковали тогайру, обтекая Ашвараву, яростно размахивающего мечом и наносящего смертоносные удары.

Злобно улыбаясь, чежу-лей прыгнул вниз.

Приторочив лук к седлу, Бринн неистово рубила противников мечом. Теперь, когда через распахнутые ворота хлынули солдаты, бой шел на небольшом участке около них.

Однако пока бехренцев было слишком мало, чтобы одолеть нападающих.

Но замеченные девушкой факелы неумолимо приближались с севера и юга; стало ясно, что нужно срочно отступать.

В самой гуще сражающихся она увидела Ашвараву; тот яростно рубил мечом, нанося один разящий удар за другим. Предводитель бунтовщиков возвышался над всеми, словно Бог среди простых смертных; это зрелище завораживало настолько, что Бринн

засомневалась, стоит ли прислушиваться к внутреннему голосу, призывающему немедленно отступить. Может, командир каким-то чудом выведет их из этой кровавой заварухи?

И вдруг кто-то спрыгнул сверху, со стены, и умелым ударом свалил Ашвараву на землю.

Девушка помчалась в сторону ворот, но наткнулась на двух бехренцев; пришлось пустить в ход меч.

К тому времени, когда она получила возможность взглянуть в сторону ворот, Ашвараву и спрыгнувший сверху воин стояли, как бы примериваясь друг к другу. Предводитель мятежников выхватил из-за спины боевой топор.

Однако чувствовалось, что с ним что-то не так; возможно, Ашвараву был ранен. Почти ни один его удар не достигал цели.

Его противник ловко увертывался от топора, а затем, неожиданно нагнувшись, сделал выпад и нанес Ашвараву удар кривым мечом. Тот сложился вдвое, а нападающий неожиданно выбросил вперед руку с мечом и наотмашь рубанул его по лицу.

Глаза тогайранки застлал туман. Это было ужасно — видеть, как их предводитель стоит, обливаясь кровью.

А потом Бринн буквально оцепенела: новый удар снес голову Ашвараву с плеч.

Девушка пришпорила коня, крича, чтобы тогайру немедля отступили от города. Большинство соплеменников, услышав ее слова, сумели вырваться из гущи сражения, развернули коней и поскакали на запад.

Бринн надеялась найти своего единственного друга — мистика, незаметно ставшего для нее больше чем просто единомышленником. Но его нигде не было видно — ни на стене, ни среди отступающих.

Наверное, он погиб или захвачен в плен, решила тогайранка. Если это так, здесь ей больше делать нечего.

Вырвавшись из свалки, Бринн снова взяла в руки лук, развернулась в седле спиной по ходу движения и принялась осыпать бехренских солдат стрелами. Она успела сделать около десятка выстрелов, прежде чем оказалась вне пределов досягаемости и услышала, что звуки сражения возобновились с новой яростной силой. Девушка развернула Крепыша и поскакала обратно, думая только о том, чтобы помочь товарищам. Однако очень скоро она поняла, что те обречены.

Ряды солдат из Хасинты надвигались на отступающих тогайру с севера и с юга, словно смертоносные челюсти капкана, смыкающиеся на горле пойманного зверя. Со слезами на глазах, решив, что все кончено и осталось только достойно умереть, Бринн бросилась в гущу сражения.

Она дралась так яростно и умело, что вскоре вокруг нее образовалось пустое пространство — противники предпочитали отступать, а не вступать с ней в схватку.

Однако тогайранка начала уставать, сказывалась потеря крови от многочисленных ран — браслет поври уже просто не успевал защищать девушку от сыплющихся на нее ударов. Ей в бок, сломав два ребра и проткнув легкое, вонзилась стрела. Перед глазами Бринн все поплыло.

Она повисла на шее Крепыша, погрузившись в водоворот боли — настолько, что не заметила могучего бехренского всадника, устремившегося к ней с поднятым мечом.

Для чежу-лея Дахмеда Блая наступил момент, долженствующий немало возвысить его в глазах соратников. Эта тогайранская женщина сражалась поистине героически, чему было множество свидетелей. Чежу-лей сумел оттеснить ее от остальных тогайру, ранил выстрелом из лука и теперь на глазах у всех собирался убить — она будет его личным трофеем.

Дахмед Блай вскинул меч над головой и подскакал к пегому тогайскому пони.

И тут перед ним буквально взлетел в воздух какой-то человек.

Вспрыгнув на спину Крепышу позади обмякшей Бринн, Астамир вцепился левой рукой

в луку седла, чтобы сохранить равновесие. Резко выкинув в сторону правую ногу, он оттолкнул коня ошеломленного чежу-лея и ребром ладони с такой силой ударил воина, что сломал тому шейные позвонки, а затем обнял девушку и пришпорил коня.

За их спинами тело мертвого чежу-лея свесилось с седла, зацепившись ногой за стремя.

Оказавшись вдали от поля битвы, Астамир осторожно опустил раненую подругу на песок.

Погрузившись вглубь себя, он воззвал к источнику внутренней силы, направил ее поток в ладони и принялся мягко массировать бок тогайранки, откуда все еще торчала стрела. Он понимал, что нужно извлечь стрелу, но прежде хотел передать Бринн часть своей жизненной энергии.

Мистик заставил себя отключиться от всего и сосредоточился только на девушке, вливая в нее энергию.

И вдруг замер, широко распахнув глаза. Он понял, что не один бьется за жизнь Бринн, что его поток исцеляющей энергии не единственный, вливающийся в ее тело.

Берет! Астамир внезапно осознал, что красный берет на голове тогайранки обладает магической силой.

Он едва не рассмеялся, только сейчас открыв для себя истинную причину невероятной выносливости поври. Однако радоваться было рано, поскольку даже с помощью магического берета дело продвигалось не так быстро, как ему хотелось.

Мистик трудился над исцелением девушки около часа. По прошествии этого времени он почти изнемог, зато ему удалось извлечь стрелу. Астамир поднял Бринн, положил на спину Крепыша, взял поводья и повел пони на юг.

Весна уже сменилась летом, когда мистик и Бринн добрались наконец до Огненных гор. У подножия лестницы в пять тысяч ступеней, ведущей к Обители Облаков, Астамир снял упряжь с пони и легонько шлепнул его по крупу, посылая туда, где на свободе бегали дикие кони.

Потом он перекинул ослабевшую Бринн через плечо и, не сделав ни одной остановки, добрался до тайной обители Джеста Ту.

Мистика встретили недоуменные взгляды, но он ничего другого и не ожидал, поскольку нарушил давнишнее соглашение о том, чтобы никого не приводить в Обитель Облаков без предварительной договоренности.

Без сомнения, крайне удивлен был и его наставник — магистр Чаэс.

Часть третья
ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Итак, все закончилось — быстро и жестоко. Понимая, как мало мне известно об Ашвараву, я не перестаю удивляться тому, насколько сильно я, да и все примкнувшие к отряду люди находились под его влиянием.

Меня одолевает множество вопросов об этом человеке, о том, что сделало из него столь отважного предводителя мятежа. Откуда он был родом? Из какого племени? Может, он, как и я, стал свидетелем гибели своих родителей? Или они еще живы? Странно, что, когда он был рядом, мне и в голову не приходило спросить его об этом. Как и все остальные, я была захвачена моментом, надеясь на близкую свободу и победу нашего дела.

И самое главное: что же так влекло нас к Ашвараву — его величие или наше собственное отчаяние, заставлявшее верить, что с его помощью мы можем взять верх над ненавистными захватчиками? Был ли он действительно выдающимся предводителем или просто харизматической личностью, возглавившей бунт вконец отчаявшихся людей?

Сейчас, спустя несколько месяцев, я должна дать искренний ответ на все эти вопросы. Хотя бы ради того, чтобы не потерять рассудок, я должна понять причины нашего поражения — и смириться с ним.

Я была потрясена, узнав, как много тогайранцев не дали себя сломить жрецам ятолам. И среди них были не только старики, сожалеющие о давно прошедших временах; нет, молодые и сильные тоже. Большинство воинов Ашвараву были моего возраста или даже еще моложе. Мы сражались за справедливость — как мы ее понимали — со всей страстью и пылом юности.

И были наголову разбиты.

В первое время, оказавшись в Обители Облаков, я воспринимала все происшедшее как немыслимый, невозможный ночной кошмар. Есть ли в самом деле Бог наверху, Бог справедливости и чести? И если есть, как Он может выступать против нас на стороне Бехрена? Разве это справедливо — захватывать чужую страну? Подвергать мучениям ее жителей? Превращать целый народ в рабов? Нет, Бог справедливости не может быть заодно с бехренскими ятолами и их приспешниками!

И тем не менее мы потерпели жестокое поражение.

Но в том, что нас постигла подобная участь, не следует искать вмешательство — или невмешательство — божественных сил; это я поняла путем долгих размышлений. Во всем виновны мы сами и прежде всего наша гордыня. Нападая на караваны или на бехренские деревни, мы казались себе такими непобедимыми! Даже увидев многочисленный отряд бехренцев, входящий в Данкала Гриаш, я лишь на миг усомнилась в нашей победе. Конечно, в тех случаях, когда мы выбираем поле битвы сами, когда можем использовать свои сильные стороны, тогайру всегда будут одерживать верх над бехренцами. Я не сомневаюсь в этом, но, одерживая одну победу за другой, мы забыли, что было ключом к этим победам: мы должны сами выбирать поле боя.

Воинское подразделение, вошедшее в Данкала Гриаш, предназначалось не для сражения с нами, а для того, чтобы заманить отряд бунтовщиков на восток. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, какую непростительную глупость мы совершили! Как легко бехренцам удалось сыграть на гордыне Ашвараву! Нас подманивали и загоняли, точно стадо неразумных коров. Нам позволили проникнуться уверенностью в непобедимости. И какими смехотворными кажутся эти иллюзии теперь, когда безжалостные челюсти Хасинты сомкнулись на горле нашего отряда!

Боюсь, сейчас по всем тогайским степям звучат отголоски этого поражения. Учитывая, сколь ужасным был разгром Ашвараву, поднять людей на сопротивление захватчикам во второй раз будет гораздо труднее.

И что теперь, в таком случае? Мечты о свободе тогайру остались лежать на поле боя под Дарианом? Замыслы госпожи Дасслеронд и мои надежды на освобождение соплеменников оказались беспочвенными?

Не знаю.

Эта мысль причиняет мне боль. В душе просыпаются воспоминания о смерти родителей и пережитом мной ужасе, и словно мрачные крылья отчаяния смыкаются над головой. И все же я понимаю, что должна разобраться в причинах нашего поражения и беспристрастно оценить шансы еще одного мятежа, взвесить соотношение сил. Если мне предстоит поднять тогайру на борьбу против бехренских ятолов, я должна сделать это взвешенно, отринув гордыню и высокомерие. В сердце своем еще до нападения на Дариан я чувствовала: что-то идет не так, все получается слишком гладко, ятол Дариана, который снискал репутацию неглупого человека, совершает уж слишком явную ошибку. Я нутром ощущала опасность и уверена, что те же чувства испытывал Ашвараву… Однако наш предводитель или, точнее, все мы были слишком захвачены идеей добиться блистательной победы, чтобы прислушиваться к внутренним голосам.

Ашвараву поверил в открывшуюся перед нами возможность, потому что хотел в нее верить. Так отчаянно хотел!

Это была решающая проверка, и он ее не выдержал.

Я должна тщательно разобраться во всем, что мне известно об этом человеке.

Еще один урок, данный мне Астамиром, когда я оправилась от ран, состоял в том, чтобы заставить меня признать: в сердце своем я злюсь на упущенную возможность и на человека, который ее упустил. Ашвараву вывел меня на тропу войны, он делал то, к чему я так страстно стремилась, а потом потерпел сокрушительную неудачу и тем самым отсрочил достижение моей — нашей — цели, может быть, навсегда.

Моя первая задача состоит в том, чтобы избавиться от чувства горечи по отношению к Ашвараву. Я должна разобраться, в чем этот человек был прав, а в чем ошибался. Это необходимо для того, чтобы лучше подготовиться к дальнейшей борьбе.

Значит ли это, что я все еще не утратила надежду поднять тогайру против проклятых жрецов-ятолов? Да, это так, но не знаю, откроется ли когда-либо передо мной возможность ее осуществить.

Бринн Дариель

ГЛАВА 19
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ ОДНОГО ЗРИТЕЛЯ

Он в который уже раз бросил раздосадованный взгляд на отвесную пятидесятифутовую стену, прекрасно понимая, что крошечные крылья за его спиной не помогут ему выбраться из этой пещеры.

Белли'мар Джуравиль вздохнул, напоминая себе, что, если даже он каким-то чудом выкарабкается отсюда, до реальной свободы еще далеко. Предстояло пересечь логово дракона Аграделеуса, углубиться в примыкающий к нему туннель и, разыскав Дорогу Беззвездной Ночи, выбраться наружу. Куда идти, на юг или на север? Сейчас, когда он обнаружил сначала док'алфар, а потом логово одного из огромных драконов, самым разумным представлялось вернуться в Эндур'Блоу Иннинес и обсудить все происшедшее с госпожой Дасслеронд.

Однако Бринн, по словам Аграделеуса, удалось от него сбежать. Если это так, она направилась в тогайские степи. Может быть, сейчас она уже осуществляет свое предназначение, разжигает в душах соплеменников искры мятежа, а ведь Белли'мар Джуравиль сопровождал молодую тогайранку для оказания ей помощи, которая может потребоваться ей на этом нелегком пути.

Конечно, все это были одни лишь общие рассуждения, поскольку Аграделеус отпускать пленников явно не собирался.

Шум за спиной прервал невеселые размышления эльфа. Обернувшись, он посмотрел в сторону единственного горизонтального выхода из пещеры, откуда начинался длинный, узкий коридор, ведущий к выступу, вокруг которого всегда клубился пар. Через этот выступ в поток лавы с шипением изливался водопад. Каззира, с мокрыми после купания волосами, раскрасневшаяся от жара, вошла в пещеру, облаченная лишь в короткую тунику.

— Он уже вернулся? — спросила она, небрежно откинув с лица влажные пряди.

Белли'мар Джуравиль смотрел на нее, точно не слыша вопроса.

Заметив его взгляд, эльфийка замерла.

— Что с тобой? — спросила она.

— Я подумал, насколько тягостнее было бы мне находиться в заточении, если бы тебя не было рядом.

Каззира улыбнулась и, подойдя к золотоволосому тол'алфар, положила руку на его плечо. Джуравиль закрыл глаза, ощущая исходящий от Каззиры запах свежести. Мелькнула мысль сжать эльфийку в объятиях, но это побуждение тут же исчезло, когда она спросила:

— Ты воспринимаешь наше положение как плен?

Джуравиль открыл глаза.

— А разве это не так?

Эльфийка пожала плечами.

— У нас ты тоже был в плену.

Она отошла в дальний конец пещеры, где, разложенная на камнях, сушилась ее одежда.

— Верно, — отозвался Джуравиль. — И это, пожалуй, было даже хуже, чем сейчас.

— А куда, интересно, нам было вас девать? Ты еще должен быть благодарен, что тебя и твою подругу не бросили сразу в болото.

У эльфа вырвался беспомощный смешок. Он поднял взгляд к краю ямы и покачал головой.

— И Аграделеус не причинил нам вреда, — продолжала Каззира.

— Чему я, между прочим, до сих пор не вижу объяснений.

— Он понял, кто мы такие.

— Ты так считаешь? — осведомился Джуравиль. В голосе его слышались скептические нотки, — Разве твои или мои сородичи когда-нибудь были союзниками драконов? Мне, напротив, кажется, что, как только Аграделеус поймет, кто мы такие, он тут же спалит нас дотла.

Эльфийка вздохнула и прислонилась к стене. Они, наверное, уже в тысячный раз принимались обсуждать эту проблему.

— Четыре расы, — сказала она, — Всего четыре. Док'алфар и тол'алфар, дети жизни, демоны дактили и драконы — звери смерти.

— Да, так было раньше, но не сейчас.

— Однако Аграделеус воспринимает мир именно так, — продолжала настаивать Каззира. — Для него все остальные расы — люди, поври, гоблины, великаны — не больше чем животные, паразиты, которые должны быть уничтожены. Но мы с тобой — представители высшей расы, и, в глазах дракона, наше появление сулит ему надежду на взаимовыгодные отношения.

— Даже если наши расы — заклятые враги?

— Это не имеет значения, когда численность каждой мала. Если бы Тилвин Док и Тилвин Тол находились в состоянии войны и уцелели бы только мы двое, неужели мы стремились бы к уничтожению друг друга?

На губах эльфа мелькнула улыбка. Он не мог представить себе, что вступает в схватку с Каззирой. Это было просто невозможно после недель, проведенных рядом с ней, когда он так много узнал о ее надеждах, мечтах и взглядах на жизнь, понял, как много между ними общего.

— Драконы и демоны — создания тьмы, — возразил Джуравиль. — Когда Бестесбулзибар, будь проклято навеки его имя, десять лет назад появился в землях Короны, никаких переговоров он не вел — сразу же развязал войну.

— В таком случае, драконы отличаются от демонов, — заметила Каззира.

Дальше продолжать спор эльф не стал; между двумя темными расами и в самом деле имелась существенная разница. Драконы, всегда очень немногочисленные, были смертны и с самого появления жили в землях Короны, тогда как демоны дактили были созданиями другого типа. Они искали и находили разрыв в ткани какого-нибудь из существующих миров, проникали туда и стремились к уничтожению его обитателей. Согласно эльфийским легендам, такой разрыв порождало зло в сердцах людей; вот почему эльфы часто воспринимали людей как существ, создающих почву для появления демонов.

— А если мы наскучим Аграделеусу? — спросил Джуравиль. — Или покажемся ему паразитами?

Каззира задумалась, но потом покачала головой.

— Мне кажется, дракон все больше проникается к нам симпатией, все больше дорожит нашей дружбой.

— В таком случае, он никогда нас не отпустит.

Эльфийка, не желая спорить, пожала плечами.

Джуравиль снова принялся изучать стены их узилища в поисках хотя бы крошечных выступов или трещин — чего угодно, что позволило бы ему вскарабкаться до того уровня, когда можно было бы воспользоваться крыльями. Увы, место заключения было сработано на славу — выжженные огнем стены превратились в гладкую, совершенно ровную поверхность.

Он сел и прикрыл лицо руками.

Каззира подошла к нему сзади, обхватила за плечи и поцеловала в затылок.

— Аграделеус говорит, что твоя подруга сбежала, — сказала она. — Скорее всего, она уже преодолела Дорогу Беззвездной Ночи. Ты сам упоминал, что девушка достигла серьезных успехов в обучении. Тебе надо верить в нее, друг мой. Возможно, Бринн Дариель уже подняла тогайру на борьбу с ненавистными захватчиками.

Джуравиль нежно сжал локоть эльфийки и прислонился к ней головой, с удовольствием ощущая исходящий от нее аромат.

Внезапно земля задрожала под тяжкой поступью приближающегося дракона.

Каззира отпрянула от эльфа и обхватила себя руками, но ее реакция была куда более спокойной, чем у Джуравиля, поднявшего взор к верхнему краю пещеры.

Спустя несколько мгновений показалась голова дракона. Сейчас Аграделеус не казался таким огромным, как при первой их встрече. Однако его вид все равно производил устрашающее впечатление — голова, покрытая красновато-золотистыми чешуйками, пасть с торчащими длинными зубами, рога, выступающие над глазами зеленовато-желтого цвета с вертикально расположенными черными зрачками. С каждым выдохом из ноздрей дракона вырывался дым, образуя облако вокруг его головы. Достигнув края пещеры, Аграделеус спрыгнул вниз.

Умом понимая, что он теперь вряд ли причинит им вред, эльфы все же непроизвольно пригнулись. В том облике, который принял сейчас дракон, — двуногое существо, напоминающее покрытого красноватой чешуей человека с коротким толстым хвостом и головой размером с конскую, — он оставался устрашающим зверем, излучающим невероятно мощную ауру. Эльфийка в жизни не видела ничего подобного, а Белли'мар Джуравиль считал, что могуществом Аграделеус уступает лишь Бестесбулзибару. Конечно, демон дактиль был несравненно коварнее и использовал всех других существ как пешек в своей игре; зато дракон излучал чистую примитивную силу, которая ассоциировалась с силой землетрясения или извержения вулкана.

Движения Аграделеуса были столь же стремительны, как у атакующей змеи. Это сходство еще более усиливал раздвоенный язык, который то и дело «выстреливал» из его пасти. Дракон протянул Джуравилю охотничью сумку с грибами, которыми эльфы питались все время, пока находились здесь.

— Хочу новых историй, — заявил он. Прежде, когда Аграделеус представал в обычном гигантском виде, голос дракона просто оглушал; сейчас он слегка дребезжал, но стал ненамного тише. Каждый звук заставлял вибрировать камни пола, сотрясая маленькую фигурку Джуравиля, — Расскажи мне об этом… как его… вашем рейнджере. Человеке по имени Эмхем Диал, которого я убил.

— Мне мало что известно об Эмхеме Диале, — отозвался эльф. — Но я могу рассказать тебе о рейнджере по имени Полуночник, который сражался с Бестесбулзибаром, демоном дактилем.

Аграделеус внезапно прищурился и выдохнул дым из ноздрей. Хотя легенды изображали драконов и демонов как детей темных рас, причем драконы чаще всего выступали в них как создания демонов, на самом деле они никогда не были союзниками. У Джуравиля возникло впечатление, что Аграделеусу доставит удовольствие услышать о поражении Бестесбулзибара.

Дракон издал низкое утробное ворчание, воспринятое эльфами как «грр-м-м-м».

— Рассказ, надеюсь, будет занятным? — осведомился он.

— Лучшим из тех, что относятся к нашей эпохе, — ответил Джуравиль. — И возможно, он еще окончательно не завершен.

— Тогда рассказывай, эльф, а я уж сам оценю его достоинства, — заявил Аграделеус и добавил, внезапно усилив голос так, что задрожали камни: — Но трепещи, если я останусь недоволен!

Джуравиль заметил выражение беспокойства на лице Каззиры и улыбнулся, желая успокоить подругу. На его взгляд, не существовало истории интереснее той, что повествовала о жизни и деяниях Полуночника и его отважных друзей. Но даже если Аграделеус заявит, что рассказ не пришелся ему по вкусу, рев дракона не так страшен, как его зубы. Аграделеус лишь пытается нагнать на них страх: он не убьет пленника, выслушав эту историю, потому что страстно жаждет новых.

И эльф начал рассказ об Элбрайне, поведав о том, как много лет назад его сородичи тол'алфар спасли юношу, почти еще мальчика, после нападения гоблинов на маленькую деревеньку, носящую название Дундалис. Ему пришло на ум, что история другого уцелевшего в тот роковой день ребенка, девочки по имени Джилсепони, или просто Пони, о которой ему предстояло часто упоминать на протяжении этого рассказа, еще далеко не завершена. Хотя, конечно, он и представить себе не мог, что чумазой, измазанной копотью, на время потерявшей от перенесенного ужаса память девчонке, которой чудом удалось тогда выбраться из разрушенного Дундалиса, вскоре предстоит стать королевой Хонсе-Бира!

Джуравиль подробно рассказал о годах, проведенных Элбрайном у эльфов, о его обучении, о том, насколько он был силен и телом, и духом.

— Он и впрямь был человеком? — не раз с недоверием спрашивал Аграделеус.

Эльф кивал, и дракон издавал одобрительное «грр-м-м-м…», словно этот рассказ заставил его изменить, хотя бы отчасти, сложившееся мнение о жалкой людской расе.

Сидя на камне, Каззира слушала друга, ловя каждое его слово. Джуравилю было очень приятно; по правде говоря, он был слегка удивлен, осознав это. У него и в мыслях не было, что док'алфар просто пользуется случаем, чтобы побольше разузнать о нем и его народе и впоследствии использовать эти сведения против них; нет, он чувствовал, что она по-настоящему увлечена его историей. И, более того, возможно, увлечена и рассказчиком.

Джуравиль все дальше разматывал нить повествования. Однако перед тем как приступить к описанию заключительной церемонии, превратившей Элбрайна в рейнджера Полуночника, он откинулся назад, глубоко вздохнул и надолго умолк.

— Продолжай! — одновременно воскликнули Аграделеус и эльфийка, после чего удивленно посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Я устал, хочу подкрепиться и отдохнуть, — заявил Джуравиль.

— А я хочу слушать дальше! Хочу услышать эту историю до конца! — пророкотал дракон.

— А я опасаюсь рассказывать все до конца. А вдруг после рассказа о Полуночнике все остальные покажутся тебе бледными и неинтересными?

— Продолжай! — Аграделеус с такой силой топнул когтистой лапой, что задрожал пол. — И если эта история на самом деле столь занятна, как ты утверждаешь, ты будешь рассказывать о Полуночнике снова и снова, года, десятилетия, века!

Ничего не скажешь, занимательная перспектива, подумал Джуравиль. Хотелось бы ему воспринимать ситуацию, как Каззира: дескать, это ценный опыт и они получили уникальную возможность побольше узнать о драконе и лучше понять представителя этой едва ли не самой малочисленной — и во многих смыслах выдающейся — расы. Эльф и сам наверняка воспринимал бы проведенное в плену у Аграделеуса время по-другому — если бы у него не было столь неотложного дела. И пусть прошли уже многие дни, он все равно постоянно думал о подопечной, своей подруге Бринн Дариель, о том, что молодая тогайранка, возможно, уже проходит через испытания, в которых, как предполагалось, он должен был оказывать ей поддержку и помощь. И между прочим, от успеха или неуспеха девушки зависит, возможно, выживание его собственного народа, поскольку пятно разъедающей землю долины эльфов порчи, оставленное демоном дактилем, продолжает расти.

Джуравиль с тревогой размышлял, сумела ли Бринн преодолеть подземный туннель,

добраться до тогайских степей и как в случае удачного исхода обстоят теперь ее дела. Только успокоившись на этот счет, он смог бы перевернуть одну из страниц своей жизни и с открытой душой получать удовольствие от общения с Аграделеусом.

Однако выбирать ему не приходилось, и эльф продолжил рассказ о том, как Элбрайн-Полуночник вернулся в родные края.

— А ты не сопровождал его? — спросила Каззира. — Никто из Тилвин Тол не отправился с Полуночником? Я думала, обычно вы поступаете именно так.

— Нет, Бринн одна из немногих, кому была оказана подобная честь, — объяснил Джуравиль. — Потому что целью ее путешествия является страна, сведения о которой для нас почти недоступны.

— И эти сведения очень важны для вас, верно? — с недоброй усмешкой спросил Аграделеус. — А почему, позволь осведомиться, Белли'мар Джуравиль? Может, ваш народ собирается совершить путешествие на юг, через горы, через мой дом? Может, вы хотите захватить мои сокровища, а, признайся?

— Нет! Нет и еще раз нет! — крикнул Джуравиль и даже взмахнул рукой, стремясь успокоить явно начинавшего злиться дракона. — Нам такое и в голову не могло прийти, ведь народ тол'алфар даже не догадывался о твоем существовании, великий Аграделеус! Единственные драконы, о которых нам что-либо известно — если они вообще еще живы, — обитают далеко на севере, в Альпинадоре, а туда эльфы не добираются.

— Но если бы Белли'мар Джуравиль мог рассказать сородичам… — не без намека предположил дракон.

— Они бы держались как можно дальше от Дороги Беззвездной Ночи, — без колебаний ответил эльф. — Ради чего тол'алфар сражаться с великим Аграделеусом? Ради твоих сокровищ? Но для нас они таковыми вовсе не являются, если ты можешь это понять. У нас есть серебристый папоротник, зачарованная долина, где мы живем, и наша магия. Золото не имеет никакой власти над нами, как это присуще людям.

Дракон задумался, кивнул и снова заворчал, но на этот раз, как показалось Джуравилю, уже с некоторым пониманием. Эльф продолжил историю, стараясь всячески оживить ее красочными подробностями и даже используя все доступные ему средства — веточки и небольшие камни — для описания происшедших сражений.

Совершенно выбившись из сил, он оборвал повествование на том моменте, когда вместе с Элбрайном, Джилсепони и Эвелином отправился в далекий Барбакан, не дойдя до описания столкновения с демоном дактилем. Закончил Джуравиль такими словами:

— Никто даже не догадывался, что демон следит за каждым нашим шагом, готовый в любой момент наброситься на нас.

Это, в общем, не вполне соответствовало действительности, но для эльфа важно было заинтриговать дракона, чтобы у того возникло желание на следующий день услышать продолжение истории.

— Ты не можешь вот так закончить! — Аграделеус затопал ногами с такой силой, что Джуравиль подскочил.

— Тем не менее придется, — отозвался эльф. — Впереди — рассказ о самом главном, а я слишком устал. Позволь мне отдохнуть и поспать, добрый Аграделеус.

— Поспать? — с иронией переспросил дракон. — Да спи хоть сотню лет, только, просыпаясь, продолжай историю! — Он расхохотался, извергая из пасти языки пламени, — Ладно. Но учти, больше года я тебе спать не дам. Хочу поскорее дослушать этот занятный рассказ до конца!

Джуравиль выразительно покачал головой, с трудом сдерживая улыбку. Год? Аграделеус явно страдает манией величия. Эльф имел в виду всего несколько часов!

— Нет, не год… — пробормотал он, напомнив себе об одном из основных различий между драконами и всеми остальными расами.

Драконы были свидетелями зарождения жизни в землях Короны. Они не были бессмертными, но погибали лишь от неестественных причин, и для них время текло совсем

иначе, чем даже для таких долгожителей, какими были эльфы.

— Нет, не год, — повторил Джуравиль, — Мне необходимо всего несколько часов, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Потом я позову тебя, могучий Аграделеус.

Тут его осенила новая идея; он оглянулся, почесывая затылок.

— Что такое?

— Да вот, ломаю голову, как сделать рассказ еще занимательнее. Ладно… Что-нибудь придумаю.

Аграделеус уставился на него желто-зелеными глазами, присел и одним прыжком взлетел на край пятидесятифутовой каменной ямы.

Каззира подошла к Джуравилю, посмотрела вверх, туда, где исчез дракон, обняла эльфа одной рукой и положила голову ему на плечо.

Он посмотрел ей в лицо — белизной кожи эльфийка напоминала фарфоровую статуэтку, — заглянул в дивные, поразительной голубизны глаза.

Нет, что ни говори, Белли'мар Джуравиль ничего не имел бы против этого заточения — если бы не отсутствие Бринн.

— Ну вот, ты опять замолчал! — взорвался Аграделеус. Джуравиль в этот момент подобрал какой-то камень, внимательно изучил его и отшвырнул в сторону. — В чем еще дело?

— Я должен как можно выразительнее изобразить эту сцену, понимаешь? А как, если под рукой у меня ничего нет?

— Изобразить? Я просил тебя рассказать!

— Но это история сражений и небывалого мужества, проявленного героями! — возразил эльф. — Или я должен показать, каков был Полуночник и его друзья на самом деле, или вообще ничего не буду рассказывать!

— Нет, будешь… — начал было дракон, но потом внезапно замолчал и, обведя взглядом пещеру, произнес: — Ладно, идите сюда.

Он подхватил подошедших эльфов и, поднявшись вместе с ними к верхнему краю пещеры, поставил пленников на каменное основание сокровищницы, заваленной амуницией и оружием, серебряными и золотыми монетами, сверкающими драгоценностями.

— Такая сцена тебя устроит? — осведомился дракон.

Джуравиль кивнул и принялся прохаживаться по сокровищнице, разглядывая лежащие вокруг предметы. Может, подвернется что-нибудь, что сгодится не только для украшения рассказа? Разящий клинок или магический драгоценный камень, которые помогут вырваться на свободу?

Эльф почти сразу же отбросил эту надежду, с грустью напомнив себе, что даже с самым великолепным мечом или обладающим самым невообразимым могуществом магическим камнем он своему нынешнему противнику не ровня.

Кроме того, даже имей он какой-то шанс одержать над ним верх, с Аграделеусом он сражаться не хотел.

Эта мысль поразила Джуравиля до такой степени, что он застыл на месте. Выходит, что дракон ему нравится?

Однако он быстро взял себя в руки и, выкинув все посторонние мысли из головы, продолжил рассказ, перемещаясь по всей сокровищнице, чтобы оживить повествование — в какой-то момент даже подхватив валяющийся под ногами меч, изображая поединки, которые Элбрайну и Пони пришлось вести в недрах Барбакана. Стремясь затянуть рассказ, он намеренно приукрашивал события, добавляя всякие впечатляющие детали, и делал это поистине мастерски.

Повествуя о том, как они спасались от горных великанов, эльф вспрыгнул на груду монет, соскользнул с нее по противоположному склону и таким образом исчез из виду. И затаился.

— Где ты, малыш? — прогремел Аграделеус; в голосе дракона слышались

подозрительность и нарастающая злость.

Белли'мар Джуравиль появился из-за груды монет.

— Великаны вопили почти так же, как только что закричал сейчас ты! — взволнованно заявил он, размахивая мечом. — И в этот момент из укрытия выскочил Полуночник, обрушив удары Урагана на наступающих со всех сторон громадных тварей.

К восхищению Каззиры и Аграделеуса, эльф на редкость красочно живописал детали сражений, лишь отчасти, дабы доставить удовольствие слушателям, приукрашивая их.

Закончив, Джуравиль тяжело оперся на эфес меча.

— На сегодня все, — заявил он.

К удивлению эльфа, на этот раз именно Каззира выразила негодование по поводу окончания повествования. Однако он остался непреклонен.

— Даю вам возможность хорошенько обдумать услышанное сегодня, соединить воедино все части моего рассказа, — с этими словами Джуравиль швырнул меч на груду сокровищ, — и тогда завтрашнее его продолжение произведет на вас еще более неизгладимое впечатление.

Аграделеус разразился хохотом и запрыгал на месте, расшвыривая во все стороны монеты и драгоценности.

— Идите, идите спать. — С этими словами дракон подхватил Каззиру и эльфа и отнес их в каменную яму.

То же самое повторилось на следующий день и на третий. И Джуравиль непременно улучал хотя бы один момент, чтобы исчезнуть с глаз слушателей на более длительный, чем поначалу, срок.

Когда он проделал это в третий раз, до эльфийки дошел наконец его замысел.

— Ты хочешь сбежать? — спросила она, когда из сокровищницы над ними послышался мощный храп уснувшего Аграделеуса.

Джуравиль жестом призвал ее к молчанию.

— Я связан словом и долгом, — пояснил он.

— А время, проведенное со мной, тебя ни к чему не обязывает?

— Гораздо в большей степени, чем ты можешь себе представить.

Белли'мар Джуравиль внезапно придвинулся к ней и нежно прижался к губам эльфийки. Каззира хотела было что-то сказать, но он оборвал ее новым поцелуем, за которым последовал еще один. Каждый раз эльф прижимался к ней все теснее, с радостью отмечая, что она не отстраняется.

Этой ночью они любили друг друга, и на дне каменной ямы под логовом дракона Джуравиль чувствовал себя ничуть не хуже, чем если бы над ними распростерлось усыпанное звездами ночное небо Эндур'Блоу Иннинес.

Проснувшись, Каззира увидела, что ее друг лежит рядом, опираясь на локоть, и смотрит на нее.

— Я связан с тобой гораздо крепче, чем ты можешь предположить, — сказал он, лаская пальцами ее лицо и длинные шелковистые волосы. — Связан любовью и потому ни за что не решусь подвергнуть тебя опасности погибнуть при осуществлении моего отчаянного плана. Хотя самого меня, скорее всего, ждет смерть в подземных туннелях, даже если я смогу вырваться из берлоги Аграделеуса.

— Бринн Дариель всего лишь человек, — пробормотала эльфийка.

— Она — рейнджер. Я обязан помочь ей и попытаюсь сделать это.

— А потом?

Джуравиль посмотрел в сторону, обдумывая этот вопрос, затем в подтверждение своей искренности погрузил взгляд в голубые глаза Каззиры.

— А потом я вернусь и дорасскажу Аграделеусу историю. Если ты все еще будешь здесь, останусь и я. Если же тебя не будет — я вернусь в Тимвивенн, и мы снова окажемся вместе.

Эльфийка улыбнулась и нежно погладила друга по щеке.

Если ты не придешь, я развяжу войну против Кер'алфар. Сражения не раз начинались и по менее значительным поводам!

Джуравиль наклонился и нежно коснулся губами ее шеи, но Каззира, крепко обхватив его, опрокинула на спину и, устроившись сверху, страстно прижалась к его губам.

Прошло достаточно много времени, прежде чем Джуравиль окликнул Аграделеуса и приступил к завершающему акту «представления».

Мускулистое чешуйчатое тело дракона наклонилось вперед: он нетерпеливо ожидал, когда же из-за груды монет снова появится Белли'мар Джуравиль. Эльф только что изобразил бегство Полуночника и Пони с горы Аида на спине могучего жеребца по имени Дар. После этого, глубоко зарывшись в груду монет, он высунул наверх руку с зажатым в ней мечом, долженствующую изображать иссохшую руку погибшего Эвелина, торчащую из пепла.

Потом он метнулся в дальний конец сокровищницы и исчез за насыпанным там холмиком из монет и драгоценностей.

Мгновения медленно утекали прочь.

Каззира сидела, прислонившись к стене сокровищницы спиной, переживая потерю. Ее удивляло то ощущение пустоты в сердце, которое она испытывала. Эльфийка понимала, что ее друг действовал так, как было лучше для нее самой; оба они не сомневались, что Аграделеус не причинит ей вреда, чего нельзя было сказать о Джуравиле, который, конечно же, шел на огромный риск.

И все же, знай Каззира заранее, какой болезненной окажется разлука, она нашла бы способ уговорить Джуравиля взять ее с собой.

Она не сводила взгляда с дракона, на физиономии которого последовательно сменилась целая гамма чувств — страстный интерес, непонимание, подозрительность и нарастающая ярость.

— Где ты, малыш? — проворчал Аграделеус, после чего вопросительно посмотрел на эльфийку.

Та пожала плечами, изображая удивление.

— Скоро появится, наверное.

Дракон, испуская угрожающее рычание, встал и обшарил взглядом сокровищницу. Сделал шаг вперед, медленно повернулся, громко втягивая носом воздух.

— Малыш? — снова позвал он уже громче. Каззира шагнула к дракону, но остановилась, заметив, что его мощные чешуйчатые лапы подрагивают от гнева. — Малыш?

Тишина.

Внезапно Аграделеус повернулся к эльфийке, молниеносно схватил ее и, сделав огромный прыжок, приземлился на дне каменной ямы. Бесцеремонно швырнув Каззиру на пол, он снова взлетел вверх, сотрясая воздух рыком.

— Малыш! — яростно ревел дракон, расшвыривая во все стороны монеты и драгоценности.

Под одной грудой он наткнулся на огромный обломок скалы. Наклонившись, поднял его над головой и в исступлении с силой кинул через всю сокровищницу, разбив о стену.

Позади холмика с драгоценностями, за которым исчез Джуравиль, был виден вход в туннель. Аграделеус ринулся было туда, но внезапно остановился, принюхиваясь.

Попятившись назад, он взглянул на небольшой пролом в стене, всего в дюжине футов над полом, куда крылья вполне могли поднять эльфа.

Дракон ринулся в этот пролом и побежал по идущему от него туннелю, волоча за собой толстый хвост.

Джуравиль мчался что было сил, однако в наружные туннели оранжевое мерцание лавы почти не доходило, и он то и дело спотыкался, несмотря на острое зрение. Он понимал, что, следуя по прямому пути, от Аграделеуса ему не уйти. Оставалось надеяться на то, что далее туннель имел ответвления.

Вскоре эльф услышал топот преследования и удвоил усилия, понимая, что вскоре будет схвачен, если только….

Наконец его взгляд уловил желанное ответвление: узкий извилистый лаз уходил вниз и вправо. Джуравиль инстинктивно свернул в него, но тут же остановился, сообразив, что Аграделеус именно этого от него и будет ждать.

Он выскочил из бокового ответвления и побежал вперед по основному туннелю, надеясь, что правильно выбранное решение поможет выиграть хоть немного времени. Топот позади стих, послышалось мощное сопение: очевидно, дракон принюхивался.

Вскоре топот возобновился.

Несколько новых развилок дали Джуравилю небольшое преимущество, поскольку на каждой из них Аграделеус вынужден был останавливаться и по запаху определять, куда свернул эльф. На одном из таких перекрестков, от которого отходили сразу три ответвления, Джуравиль кинулся в одно из них, круто уходящее вниз, но вскоре вынужден был остановиться на краю бездонного обрыва; пришлось вернуться обратно. Оказавшись снова в основном туннеле, эльф заработал крыльями, взлетел под свод и довольно долго полз по нему, прежде чем снова опуститься и побежать далее.

Позади опять раздались топот и сопение Аграделеуса. Потом шаги дракона замедлились и вовсе смолкли.

Однако спустя примерно час, двигаясь в кромешной тьме буквально на ощупь, Джуравиль снова услышал топот преследователя.

«У него глаза как лампы», — подумал эльф, прекрасно понимая, что рано или поздно Аграделеус схватит его и, скорее всего, просто сожрет.

Вынырнув из-за очередного поворота, Джуравиль оказался в огромной пещере, освещенной потоком текущей внизу лавы. На большой высоте над потоком дугой изгибался каменный мост. За ним на противоположной стороне виднелся темный зев туннеля. Эльф быстро осмотрел мост — в его интересах было, чтобы сооружение как можно больше пострадало от времени. Однако вскоре ему стало ясно, что мост, построенный поврн, не утратил надежности и наверняка выдержит дракона.

Поглядывая на поток лавы, Джуравиль задумался, пытаясь найти выход. В воздухе ощущался едкий запах серы — значит, определить, где находится беглец, по запаху Аграделеусу будет трудно.

У эльфа возникла идея. Он поглядел на далекую стену, потом вниз, прикидывая высоту моста.

От топота приближающегося дракона уже дрожали его пролеты.

Джуравиль разбежался по мосту и, подпрыгнув как можно выше, яростно заработал миниатюрными крыльями, ловя восходящие потоки нагретого лавой воздуха. Эльфа отнесло в сторону и с силой ударило о стену, но он удержался и пополз по теплому камню, стараясь все время держаться в тени. Потом он остановился, вжал голову в плечи и вообще постарался сделаться как можно незаметнее.

Вскоре Аграделеус вбежал в пещеру и после недолгого колебания затопал по мосту. Дождавшись, пока его шаги начали затихать, Джуравиль изогнул шею и посмотрел на опустевший каменный мост. Если бы только ему удалось проползти над ним и вернуться в коридор, откуда он вышел…

Мост, однако, был далеко. Джуравиль понимал, что, попытавшись пролететь нужное расстояние, он, скорее всего, выбьется из сил и рухнет в поток лавы.

Оставалось одно: ползти по стене, что он и сделал, используя крылья лишь для того, чтобы уменьшить свой вес. Дюйм за дюймом эльф подбирался к стене с тем туннелем, откуда вышел, постепенно приближаясь к изогнутому мосту. Как только он окажется рядом, можно будет перебраться на мост.

Дюйм за дюймом.

На одном особенно гладком участке стены Джуравиль остановился, собираясь с силами. Передохнув, он уже готов был двинуться дальше, но в этот момент…

— Вот ты где! — послышался рев Аграделеуса.

Голос его звучал гораздо громче, чем раньше. Мгновение — и в свете горящих как факелы глаз дракона Джуравиль увидел на стене свою четко очерченную тень.

Он медленно повернул голову, но вдруг замер и закрыл глаза, заметив край огромного кожистого крыла. Дракон вернулся к своему истинному, чудовищному облику.

— Предатель! — Голос Аграделеуса загрохотал с такой силой, что стена затряслась, и эльф не удержался на ней.

Отчаянно взмахивая крыльями, он искал, но не находил, за что бы уцепиться. Пальцы кровоточили, ноги болели от ударов о камни.

Однако все усилия были тщетны. Джуравиль летел вниз, не в силах не только остановить, но даже замедлить падение.

Ему вспомнилась эльфийка Тантан, дорогая его подруга, погибшая в раскаленной лаве в недрах Барбакана, и он подивился зловещей усмешке судьбы, уготовившей ему ту же страшную участь.

ГЛАВА 20
Я ВИЖУ В ТЕБЕ СЕБЯ САМОГО

— Ты должна избавиться от гнева, — сказал Астамир.

Бринн мрачно посмотрела на мистика.

— Я своими глазами видела, как убили Ашвараву.

— Я видел много смертей, — отозвался Астамир. — И тебя спас от неминуемой смерти.

— Я видела, как убили родителей, — Лицо девушки исказила гримаса.

— Ты должна избавиться от гнева.

— Как можно забыть…

— Не надо забывать, — перебил ее мистик, — Ни в коем случае. Личность каждого из нас складывается в результате опыта, равно хорошего и дурного. Утрата воспоминаний хотя бы о части пережитого обедняет человека. Не надо забывать об этом. Пусть образы живут в твоей памяти, но не позволяй им подталкивать себя к самоуничтожению. — Бринн непонимающе посмотрела на него. — Гнев затуманивает сознание. Гнев толкает тебя на путь, с которого трудно свернуть, даже если здравый смысл подсказывает, что этот путь неверный. Да, ты собственными глазами видела, как убили Ашвараву. Но почему он погиб? Отчасти потому, что, ослепленный гордыней и гневом, не заметил подготовленной бехренцами ловушки.

Девушка не нашла что ему возразить.

— Это будет нелегко — снова поднять тогайру на борьбу с Тюрбанами.

— Это слово звучит в твоих устах отвратительно, Бринн Дариель, — заметил Астамир. — Тюрбаны… В нем есть оттенок презрения к врагу; вроде как речь идет не о людях, а о каких-то тварях.

— Презрения? Да будь у меня возможность, я бы поубивала всех Тюрбанов… ну ладно, всех бехренцев!

— Да? И бехренского ребенка тоже? И его несчастную мать? И человека, в жизни не поднимавшего оружия против тогайру? Неужели горечь поражения настолько изменила девушку, которой внушала отвращение необходимость прикончить беспомощных, лежащих на окровавленном снегу бехренских солдат? — Астамир улыбнулся, а потом, не выдержав, рассмеялся.

Бринн отвернулась, но возразить ей снова было нечего. Мистик оказался прав — уже в который раз! — и она чувствовала, что иначе как неразумными ее продиктованные гневом заявления не назовешь.

— Задумайся над тем, что для тебя входит в понятие «бехренцы», — посоветовал Астамир. — Отдай себе отчет в том, что не все они думают одинаково и не все заслуживают

возмездия. Подумай о том, что даже те, кого ты ненавидишь больше всего, тоже люди и как таковые не меньше вас заботятся о своих детях, мечтают о лучшей доле для них и для самих себя.

— Ты предлагаешь мне отказаться от борьбы?

— Нет, просто хочу, чтобы ты оставалась верна самой себе. Ничего больше. Если ты снова встанешь на тропу войны, за это придется заплатить очень высокую цену. Прольется много крови, и бехренцев, и тогайру. Стоит ли свобода такой цены?

— Стоит! — без колебаний ответила Бринн.

— Тогда и говорить больше не о чем.

Астамир резко повернулся и ушел, оставив тогайранку на небольшом каменном мосту над глубоким ущельем.

Несколькими словами мистик сумел изменить линию ее жизни — совсем немного, но именно в том направлении, в котором уже и прежде устремлялись мысли самой Бринн.

Она знала: это всего лишь один урок из множества тех, что Астамир и другие братья и сестры Обители Облаков еще сумеют ей преподать.

— Я часто поражаюсь тому, насколько все мы схожи, несмотря на разные верования, разные имена богов и различные способы, помогающие достичь более высоких уровней сознания, — заметил Астамир, выходя из затемненной комнаты к поджидающей его взволнованной Бринн.

Девушка пошла на огромный риск, поведав мистику, который за последнее время стал ей очень дорог, об одном из величайших секретов тол'алфар — Оракуле. Но, похоже, ее рассказ о том, как она смогла разговаривать с погибшими родителями, не произвел на него того впечатления, на которое она рассчитывала.

— В конечном счете существует только одно направление, — начал Астамир, но замолчал, заметив на лице тогайранки разочарование, — Тебе известно о монахах церкви Абеля из Хонсе-Бира? — Бринн кивнула. — Они используют силу магических драгоценных камней, считающихся у них священными.

— Рейнджер, проходивший обучение вместе со мной, тоже умел пользоваться этими камнями, — сказала девушка.

— Жрецы-ятолы считают использование магических камней кощунством.

— А Джеста Ту? — спросила тогайранка.

— Мы используем их магию.

— И это вам так понравилось, что вы решили, будто их применение не противоречит вашей религии? — Помня отсутствие видимой реакции мистика на сообщение об Оракуле, Бринн не смогла удержаться от сарказма.

— Ту силу, которую могут дать магические камни и Оракул, Джеста Ту ищут внутри себя, — Астамир подошел к девушке и дотронулся до ее лба. — Вот здесь ничуть не меньше магии и силы. — К удивлению Бринн, он мягко провел рукой по ее лицу, шее, между грудями, по животу и дальше, к паху, — Линия силы проходит вот здесь. Это сердцевина твоей жизненной энергии, твое Чи. Очень немногие способны осознавать, какое могущество таит в себе эта энергия.

— Только Джеста Ту?

— Только немногие Джеста Ту, — поправил ее мистик. — И только после долгих лет обучения. Говоря «обучение», я имею в виду прежде всего работу мысли, — Он развязал свой пояс и показал его тогайранке. — Этот многоцветный пояс — символ истинного понимания. Сейчас в Обители Облаков такой пояс носят, если считать вместе со мной, трое. Из остальных же — а всего нас больше сотни — хорошо если несколько человек когда-нибудь достигнут того уровня просвещенности, который даст им право носить многоцветный пояс.

Бринн с благоговением прикоснулась к поясу и заметила, что он сплетен из тончайших разноцветных нитей, хотя с расстояния в несколько шагов выглядит черным.

Девушка не сводила взгляда с Астамира, снова аккуратно повязавшего пояс. С особой остротой именно сейчас она почувствовала его подавляющее превосходство, почти сводящее на нет все годы ее напряженного обучения у тол'алфар.

— И какое место отводится Оракулу в свете таких достижений? — спросила она, снова не сумев заглушить в голосе скептические нотки.

Мистик рассмеялся.

— Это замечательная вещь, бесценный дар, позволяющий далеко продвинуться на пути к просвещенности.

Тогайранка смутилась.

— А мне показалось, что на тебя он не произвел особого впечатления.

— Этим утром кое-кто из моих товарищей вручает себя ветру, — сказал Астамир. — Пойдем. Я покажу тебе нашего Оракула.

— Вручают себя ветру?

— Пошли, пошли, — Мистик протянул Бринн руку.

Чрезвычайно заинтересованная, девушка последовала за Астамиром. Тот вывел ее из монастыря через проход, который она раньше не видела. Спутники оказались у начала тропы, уходящей в гору. Вскоре, все еще продолжая подниматься, они увидели наверху шестерых мистиков в коричневых туниках, осуществлявших подъем, растянувшись в цепочку.

— Здесь довольно холодно, — заметила тогайранка.

— В этом весь смысл.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, остановившись.

— Какая ты нетерпеливая, — со вздохом произнес Астамир и широко улыбнулся. — Это один из ритуалов ордена Джеста Ту. Хотя большинство наших братьев и сестер, способных вручать себя ветру, старше и опытнее тебя, мне кажется, ты тоже должна попытаться. Насколько я могу судить, ты прошла великолепное обучение и тебе доступны азы медитации, которую ты называешь общением с Оракулом.

— То, что ты предлагаешь, на шаг выше?

Снова почувствовав оттенок скепсиса в ее голосе, мистик рассмеялся.

— Это шаг в сторону, — объяснил он. — Тот же Оракул, только на наш лад. Одно из его проявлений, по крайней мере.

Бринн опять хотелось возразить, но на этот раз она удержалась.

— Тогда пошли. — Тогайранка снова взяла предложенную ей руку.

Они поднимались еще около часа, все медленнее по мере того, как возрастала крутизна склона, и наконец догнали тех, кого видели снизу. Астамир встал предпоследним в их цепочке, Бринн — замыкающей. Девушка опасалась, что встретит неприятие со стороны восходивших на гору, но никто, казалось, даже не заметил ее присутствия. Вспомнив о высоком ранге друга в ордене Джеста Ту, тогайранка подумала, что он, скорее всего, может устанавливать свои правила, в особенности если речь идет о его личном госте.

К середине дня вся группа поднялась уже достаточно высоко. Здесь яростно бушевал ветер и расселины гор были заполнены снегом. Бринн хотела сказать Астамиру, что одета не совсем подходящим образом для такой погоды, но промолчала, поскольку на идущих впереди мистиках тоже были лишь легкие одеяния и почти все они были босы.

Наконец процессия достигла развилки. От основной тропы, по-прежнему уходящей вверх, влево отходила другая, в направлении крутого горного склона. Тогайранка удивилась, когда мистики свернули на нее, и еще больше, когда этот путь привел на гребень утеса, где не было никакого укрытия.

Несмотря на бушевавший ледяной ветер, мистики держались совершенно спокойно. Тот, кто возглавлял процессию, сел, скрестив ноги, прямо на узкой тропе, идущей по гребню. Остальные последовали его примеру.

Астамир знаком показал девушке сделать то же самое.

Мистики подняли руки и соединили ладони на уровне лица. Потом они положили руки

на бедра, все одновременно дугой выгнули спины, слегка приподняли бедра и, раскинув руки в стороны, наклонились вперед, касаясь лбами камня.

Бринн взглянула на Астамира. Он знаком велел ей делать то же, что и остальные.

Тогайранка попыталась повторить позу мистиков, однако, несмотря на гибкость, наклониться так низко, как они, не смогла.

Потом потянулось ожидание, казавшееся бесконечным.

Время от времени девушка из-под руки поглядывала на остальных мистиков, рассчитывая увидеть, что они хотя бы немного смещают положение тел. Никто, однако, даже не шелохнулся. Минута скользила за минутой. Спустя некоторое время Бринн перестала поглядывать на других, позволив мыслям унестись в обрывочные воспоминания, в фантазии и, наконец, в пустоту.

Погружаясь в нее, она все дальше и дальше уходила от окружающего ее мира.

Сознание вернулось к тогайранке спустя некоторое время вместе с ощущением холодного оцепенения. Она открыла глаза, заморгала и с удивлением отметила, что солнце уже зашло.

Все ее мышцы свело от холода, зубы выстукивали отчаянную дробь. С огромным усилием девушка подняла голову навстречу пронзительному ветру, жалящему обнаженные части тела, и ухитрилась сесть прямо.

И тут же Астамир оказался рядом, завернул ее в плотное шерстяное одеяло, помог встать и поддерживал, пока в ногах не восстановилось кровообращение.

А затем он повел ее прочь.

— А остальные? — спросила тогайранка.

— Они вернутся в монастырь утром.

Бринн остановилась, глядя на шесть застывших фигур.

— Они же замерзнут!

— Эти люди усилием воли замедлили нормальный жизненный ритм в телах. Их сердца едва бьются, и холод не причинит им никакого вреда, — объяснил магистр Джеста Ту. Тогайранка недоверчиво посмотрела на него. — У тебя свой Оракул, а у них — свои. Со временем ты поймешь, как этого можно достигнуть, если захочешь, конечно.

Девушка последовала за ним, но потом снова остановилась, пристально глядя на мистика.

— Но ведь тебе удалось связаться с Оракулом с первой попытки, — сказала она, причем тон Бринн свидетельствовал о том, что она думала, будто здесь что-то не так и Астамир, возможно, шутит.

— Тебя так волнует соотношение наших с тобой возможностей? — без обиняков спросил тот. Тогайранка не отвечала. — Все эти мистики, сейчас вверяющие себя ветру, старше тебя, а я так даже вдвое. Друг мой, не стоит тратить время, эмоции и таланты на негативные переживания.

— Ты привел меня сюда, чтобы убедиться, что я не выдержу испытание? — тоже напрямую спросила Бринн.

— Я привел тебя сюда, не зная, выдержишь ты испытание или нет, — ответил мистик. — Однако так просто подобные вещи не делаются. Я займусь твоим обучением, и когда ты снова придешь сюда, то проведешь ночь на ледяном ветру, не испытывая каких-либо неприятных ощущений. Ты погрузишься внутрь себя и таким образом защитишься от стужи. — Девушка недоверчиво посмотрела на тропу, — Даже в самую холодную зимнюю ночь.

И он повел ее обратно в монастырь, легко шагая в темноте по узкой тропе.

Обучение началось уже на следующий день. Астамир учил тогайранку, как сосредоточивать внимание на какой-то одной части тела, как сознательно расслабляться, как усиливать контроль над телом, вплоть до того, чтобы замедлять биение сердца.

Бринн снова поднялась на утес спустя три недели. На следующее утро вместе с другими Джеста Ту она вернулась в монастырь. За всю долгую дорогу ни один мистик не

сказал девушке ни слова, но всякий раз, ловя на себе их взгляды, она читала в них одобрение.

В дальнейшем тогайранка не один раз поднималась на гору, чтобы вручить себя ветру, и, хотя внизу уже вовсю цвело лето, только уроки эльфов и Астамира позволили ей пережить холодные ночи на продуваемой ветрами вершине. Как-то она продержалась на утесе целых три дня, уйдя в себя так глубоко, что ничего не замечала вокруг.

Возвращаясь в монастырь, Бринн всегда чувствовала себя более сильной, но, главное, с каждым разом становилось все яснее, куда дальше ей следует держать путь.

Она часто покидала Обитель Облаков, не только поднимаясь в горы, но и спускаясь в долину. Найти заросшие травой поля, где на свободе бегали дикие кони, не составляло труда. Стоило девушке свистнуть — и ее лучший друг тут же являлся на зов.

Однажды утром, когда лето 841 года Господня уже клонилось к осени, Бринн и Крепыш наслаждались последними теплыми солнечными лучами. Тогайранка тщательно вычистила пони, добираясь до самых потаенных уголков его тела и умело выбирая для каждого из них нужную щетку, на что Крепыш реагировал тихим одобрительным ржанием.

Этим утром девушка спустилась вниз еще до рассвета и с восходом солнца уже нашла Крепыша. Она рассчитывала провести с ним весь день, почистить его, поскакать на нем, просто посидеть рядом, когда пони будет щипать траву, выискивая замечательно вкусный клевер.

Бринн удивилась, заметив приближающегося мужчину. Когда на него упал прямой солнечный свет, тогайранка узнала Астамира.

— Я нужна наверху? — с тревогой спросила она.

Ее насторожило не выражение лица мистика, а сам факт его появления здесь.

— Мне просто захотелось провести этот день с тобой, — ответил Астамир, — И с твоим великолепным пони.

Он подошел к Крепышу, продолжавшему лакомиться клевером, и погладил его мускулистую шею. Пони повернул голову и легонько сжал зубами руку Астамира — не всерьез, не желая причинить вред, а просто в порядке предостережения.

— Ты ему нравишься, — улыбнулась девушка.

— Скорее всего, я нравлюсь ему на вкус.

— Может, он просто ревнует, видя нашу дружбу.

— Нет, наверное, я нравлюсь ему на вкус, — повторил Астамир и похлопал пони по холке, — Сегодня утром я провел несколько часов с Оракулом.

Бринн понимала, что он не лжет и не пытается сделать так, чтобы она чувствовала себя комфортнее в Обители Облаков.

— Не только даешь, но и берешь уроки? — осведомилась она.

— По-моему, очень даже ценный обмен.

— А другие Джеста Ту тоже так считают? — серьезно спросила тогайранка. — Они разделяют твой энтузиазм по поводу того, что я могу вступить в ваш орден?

— Тебя это беспокоит?

Девушка, подумав, кивнула.

— В Обители Облаков не привыкли к случайным гостям.

— А ты считаешь себя случайным гостем?

— А разве нет? Я не член ордена, и все же ты делишься со мной секретами. Как твои братья относятся к этому?

— Я ношу многоцветный пояс и ответствен только перед самим собой, — ответил Астамир, — Никто не задает мне никаких вопросов, никто не шепчется у тебя за спиной. Джеста Ту знают свое место и понимают, когда можно задавать вопросы, а когда этого делать не следует.

— Но почему ты так ведешь себя со мной? — продолжала допытываться Бринн. — Считаешь, я достойна стать Джеста Ту? Надеешься, что я смогу пойти этим путем?

— Думаю, ты будешь идти этим путем большую часть своей жизни, — отозвался мистик, — А станешь ты формально Джеста Ту или нет, значения не имеет.

Тогайранка хотела было ответить, но Астамир остановил ее, вскинув руку. Еще раз похлопав Крепыша по шее, он подошел к девушке и сел рядом.

— Много столетий назад, вскоре после учреждения церкви Абеля в Хонсе-Бире, один из абеликанских миссионеров явился к нам с магическим камнем с целью распространения слова Господня, как он его понимал. Он жил с нами, как и ты, мы ничего, как и от тебя, от него не скрывали. По моему убеждению, от этого взаимодействия выиграл и он сам, и наш орден. Чем больше человек узнаёт, тем сильнее он становится. Я надеюсь, что время, проведенное в Обители Облаков, укрепило тебя.

Бринн не отрываясь смотрела на Астамира.

— Почему ты хочешь, чтобы мои силы окрепли? Желаешь удачи моей миссии?

— Не знаю, — признался ее друг.

— Нет, скажи почему? — настаивала тогайранка. — Почему ты, рискуя жизнью, спас меня во время сражения под Дарианом? Почему увез меня так далеко на юг? Ты поступил бы точно так же, будь на моем месте кто-то другой? Ты привел бы сюда другого — например, самого Ашвараву — и раскрыл бы ему секреты вашего ордена?

— Нет, — без раздумий ответил мистик.

— Тогда почему?

Девушка, страстно желая получить ответ на волнующие ее вопросы, наклонилась к нему. Астамир глубоко вздохнул и отвернулся.

— Потому что я в значительной степени вижу в тебе себя самого, — ответил он, помолчав, и снова посмотрел на Бринн. Ее прелестное, бесконечно удивленное лицо находилось всего в дюйме от его собственного. — Ты в состоянии понять Джеста Ту, я знаю, чувствую это. И уверен, мы оба выиграем от… — Впервые за все время их знакомства мистик, казалось, не находил слов.

Тогайранка приложила палец к его губам.

— Я тоже поняла это сразу же, с нашей первой встречи в лагере Ашвараву.

Она убрала палец, но Астамир молчал. Они просто сидели рядом, неотрывно глядя друг на друга.

В этот момент мистику хотелось одного: поцеловать эту девушку. Но он сдержался, напомнив себе, что вдвое старше ее.

В этот момент Бринн хотелось одного: поцеловать этого человека. Но ей не хватило смелости проявить инициативу. Хотя, по правде говоря, она думала, что их физическая близость стала бы всего лишь дальнейшим развитием того, что оба ощущали все эти месяцы. А что касается возраста Астамира… Они так гармонично совпадали и душой, и разумом, что этот вопрос тогайранку нисколько не волновал.

Итак, Астамир сдержал себя, а Бринн не сделала первого шага, потому что… не знала, как его сделать.

Они оставались в поле вместе с Крепышом почти до вечера, а потом начали подниматься по длинной лестнице к Обители Облаков.

ГЛАВА 21
ВОЗРОЖДЕНИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Эаким Дуан был в высшей степени удивлен, узнав, что Калиит Тимиг, глава ордена воинов чежу-лей, прибыл в Хасинту для встречи с ним. Да, чежу-лей были преданы жрецам-ятолам, служили их телохранителями, первыми без каких-либо колебаний бросались на копье, нацеленное в ятола. Однако Калиит, звавшийся в миру Тог Тимигом, редко покидал родную деревню, расположенную в нескольких сотнях миль к югу от Хасинты. Его появление свидетельствовало о том, что случилось нечто непредвиденное.

Дверь приемной распахнулась, и в помещение вошли Мерван Ма и старый согбенный человек. У Калиита за плечами торчал горб, и хотя туловище оставалось таким же сильным, как в прежние годы, руки и ноги старика истончились и напоминали сухие ветви. Однако

глаза его по-молодому блестели. Едва перешагнув порог, Тимиг не отрывал от Дуана взгляда, в котором ощущались и уважение, и большая внутренняя сила.

— Приветствую тебя, Калиит Тимиг, — тепло произнес Чезру. — В последнее время я опасался, что не буду иметь возможности встретиться с тобой до того, как Бог возьмет одного из нас к себе.

Старик опустился в кресло с трудом, однако не теряя при этом достоинства.

— Уже недолго ждать, — сухо отозвался он. — Перед каждой бурей у меня ломит все кости, даже когда на небе еще ни облачка.

Эаким Дуан кивнул и улыбнулся. Он понятия не имел об истинном возрасте посетителя, но этот человек был очень стар: Чезру Дуан был еще ребенком, когда в то время уже немолодой Тог Тимиг стал главой ордена Калиитом.

— Должен признать, эти слова делают твое решение посетить меня еще более таинственным, — сказал Дуан, заметив, что взгляд Калиита Тимига устремился в пространство.

Старик медленно повернул голову и посмотрел на Чезру.

— Чежу-лей сделают то, что должны, — заявил он. — Впервые за триста лет наши воины будут призваны со всех уголков Бехрена.

Эаким Дуан недоуменно взглянул на Тимига. О чем он говорит? Мятеж тогайру окончательно сломлен у ворот Дариана, и за последние месяцы никаких признаков появления еще каких-либо смутьянов обнаружено не было. Ситуация настолько успокоилась, что ятол Гриаш отослал оба двадцатирядных каре обратно в Хасинту. Даже вездесущие пираты притихли, понимая, что теперь военная мощь Бехрена может быть направлена против них.

— Будут призваны для чего? — осведомился Чезру, пытаясь скрыть недоумение.

— Они пойдут на юг, — ответил Калиит Тимиг.

— В джунгли, что ли?

— Нет, в Огненные горы, где обосновались Джеста Ту.

— Джеста Ту? — К удивлению Дуана начал примешиваться нарастающий гнев.

С какой стати глава ордена чежу-леев хочет пробудить спящего тигра Джеста Ту? Эти малахольные мистики сидят у себя в горах, отгородившись от внешнего мира; его, Эакима Дуана, это вполне устраивает.

— Чежу-лей Дахмед Блай не вернулся из Дариана, — сказал Тимиг.

— Да, он не вернулся. Погиб наряду с *немногими* другими. Признаюсь, я огорчился и был слегка удивлен, узнав, что сей достойный воин был убит в Дариане. Мне и в голову не шло, что эти жалкие бунтовщики ру способны на такое.

— Чежу-лей Дахмед Блай погиб не от рук ру, Глас Бога, — ответил старик. — Его убил Джеста Ту. Наши извечные враги спустились с гор и начали войну.

— Откуда тебе знать?

— Этого Джеста Ту еще раньше видели в степях южного Тогая, — прокаркал Тимиг, впервые за все время разговора гневно возвысив голос; этот бесстрастный, великолепно владеющий собой человек поступал так всего лишь считанное число раз в жизни. — Достаточно взглянуть на рану, — Постаравшись распрямить скрюченные пальцы, он ткнул ими перед собой, снова согнул и вернул в прежнее положение, имитируя удар, которым Астамир убил чежу-лея, — Это подтверждают и свидетели гибели Дахмеда Блая. Его убил Джеста Ту. В этом нет никаких сомнений.

— Ну, в таком случае, речь идет об одном бродяге-мистике, — заметил Эаким Дуан.

— Даже если и так, Глас Бога, его действия следует рассматривать как удар, нанесенный одним орденом другому. Это вызов, который мы не вправе игнорировать.

На лице Чезру возникло выражение сильного разочарования. Неужели он так и будет биться в политической сети и не сможет вырваться из нее, чтобы избавиться наконец от этого старого, больного, так измучившего его тела?

— Вызов? — В голосе Дуана отчетливо проступили скептические нотки. — Какой-то

бродяга-мистик прибился к мятежным ру и в сражении победил воина чежу-лей. И мы должны усматривать в этом вызов? Может, этот Джеста Ту все еще шатается по степям в северном Тогае. Пошли чежу-лея ятола Гриаша, Вэй Атанна, с небольшим отрядом воинов — пусть найдут его и прикончат.

— Мы уже сделали это, Глас Бога, — сказал Калиит.

Эаким Дуан, услышав эти слова, слегка отпрянул. Орден чежу-леев не был совсем независимым, поскольку его глава обязан был отчитываться перед ним, Чезру. Во всяком случае, так предполагалось.

— Мы расспрашивали о Джеста Ту всех, кого возможно, — добавил Калиит.

— И что, его присутствие на севере Тогая оказалось частью заговора мистиков с Огненных гор?

Старик неловким движением пожал плечами.

— Нам мало что удалось выяснить, Глас Бога, — признался он. — Но одно несомненно: убийца Дахмеда Блая вернулся на юг, в свою крепость в Огненных горах.

— Ты хочешь послать туда воинов чежу-лей?

— Мы должны сделать это, Глас Бога, — ответил Тимиг. — На вызов один ответ — смертельный удар мечом.

Эаким Дуан встал, подошел к креслу Калиита Тимига и внезапно низко наклонился. Его лицо оказалось в нескольких дюймах от лица старика.

— Вы *должны* ? — спросил он, — Глас Бога приказал вам это?

— Нет, Великий.

— Тогда с какой стати ты позволяешь себе решать, что вы что-то там должны, Калиит Тимиг?

— Наше противостояние с Джеста Ту началось две тысячи лет назад, Глас Бога, — попытался объяснить старик. — Это одна из самых важных обязанностей чежу-леев — сдерживать язычников Джеста Ту. Мы на протяжении столетий защищали от них Чезру. Разве триста лет назад не мы спасли Хасинту от мятежа, вдохновленного Джеста Ту? Разве не мы…

Первый пример так позабавил Эакима Дуана, что дальнейшие слова Калиита он просто пропустил мимо ушей. Он прекрасно помнил день мятежа в Хасинте, когда воины чежу-лей устроили на улицах города настоящую бойню, вырезав несколько тысяч человек. Да, ходили слухи, что восставших подстрекали Джеста Ту, но они оказались, мягко говоря, сильно преувеличены, и Чезру прекрасно это знал. Горожане взбунтовались от отчаяния, потому что в тот год была продолжительная засуха и запасы продовольствия быстро иссякли. Однако воины ордена чежу-леев упорно держались версии, позволяющей им выступать в ореоле героев: толпу подстрекали Джеста Ту, и среди восставших были замечены несколько мистиков.

Вернувшись в настоящее, Эаким Дуан обнаружил, что Калиит Тимиг только вошел во вкус перечисления славных побед своего ордена, и остановил его словоизвержение, вскинув руку.

— Никто не подвергает сомнению ценность чежу-леев, Калиит, — заметил он. — Вы — самые выдающиеся воины Хасинты, и ваша преданность никогда не подвергалась сомнению. Но ты сказал, что вы должны отправиться на юг, а ведь я не принимал такого решения.

Глас Бога… — Тимиг с трудом поднялся и выпрямился, насколько позволяло его старое искалеченное тело, — Умоляю тебя, прислушайся к моей просьбе. Чежу-леи не могут оставить без ответа убийство собрата…

— Это произошло в бою, Калиит, — напомнил старику Эаким Дуан и услышал, как у него за спиной тяжело задышал Мерван Ма.

— Бой, в котором не было места Джеста Ту, — упрямо гнул свою линию Калиит Тимиг. — Само их появление должно устрашить тебя, Глас Бога. Они очень могущественные враги.

— Один, — Эаким Дуан поднял палец. — Там был один из них. Единственный воин.

— Тебе решать, Глас Бога, — сдался наконец старик. — Я хочу лишь одного: чтобы ты понял, насколько важно для ордена чежу-леев не оставить безнаказанным это убийство. Мы должны выступить на юг. Иначе получится, что мы стерпели унижение, а это неизбежно приведет к уменьшению влияния нашего ордена. Я молю Бога направить тебя, чтобы ты понял, как велика наша нужда в этом вопросе.

С этими словами Калиит Тимиг, встав, поклонился, насколько позволяло скованное недугом тело, и, шаркая ногами, вышел из зала.

Мерван Ма остановился у двери, не зная, уйти ему или остаться.

Взмахом руки Чезру отослал юношу.

Упав в кресло, он долго размышлял, перебирая различные варианты. Конечно, у него не было ни малейшего намерения отправить чежу-леев в дальние края сражаться с Джеста Ту. Эти воины представляли собой элитное подразделение, охраняющее прежде всего самого Эакима Дуана; это была «железная рукавица» на кулаке, в котором он держал Бехрен. Чезру не мог позволить себе отослать их далеко и надолго; пусть даже в итоге воины ордена одержат победу, их поход займет значительную часть года.

И тем не менее как отказать старому крабу в этой просьбе? Чежу-лей всегда были преданы жрецам-ятолам. И в ответ никогда не просили многого. В их среде идеалам гордости и чести придавалось огромное значение. Если они считают, что претерпели унижение от ненавистных Джеста Ту, по их неписанным законам остается одно: пойти и отомстить. Эаким Дуан знал, что, скажи он «нет», те послушаются. Но в какую цену им — и ему — обойдется это решение? Иначе говоря, какова цена попранной чести чежу-леев?

Чезру потер усталые глаза.

А что, если Калиит Тимиг прав в своем предположении и Джеста Ту действительно принимали участие в сражении под Дарианом? Что, если этот древний орден сейчас принял сторону тогайру против Бехрена? Эаким Дуан отдавал себе отчет в том, что не выглядит героем в глазах еретиков Джеста Ту. Религия ятолов не проявляла терпимости к их странным взглядам на мир уже с давних пор, задолго до того, как Дуан впервые занял положение Чезру. Во время прошлой инкарнации у него возникала идея попробовать залатать брешь между жрецами-ятолами и мистиками Джеста Ту. Но эту мысль пришлось отбросить, поскольку ятолы даже слышать о подобном не желали.

Все дело в том, что они ненавидели Джеста Ту так же страстно, как воины чежу-лей, и потому все попытки Чезру в этом направлении были обречены на провал.

И вот вопрос: в самом ли деле Эаким Дуан так уж хочет удержать чежу-леев от этого похода? Если старик прав, чем это грозит Дуану? Джеста Ту — призраки, таинственные и могущественные. Чезру не сомневался, что при желании они могут стать самыми беспощадными убийцами. И если таинственные мистики действительно встали на сторону тогайру, разве это не угрожает ему?

Это просто еще одна проблема, которой Эакиму Дуану не хотелось заниматься именно сейчас, когда он так жаждал мира и стабильности. Но, как и множество других проблем, игнорировать ее он не мог.

Так в напряженных раздумьях у него и созрело решение.

Едва только завидев магистра Маккеронта, Эаким Дуан и Мерван Ма поняли, что в Хонсе-Бире произошло что-то серьезное.

— Олин скончался? — спросил Чезру Дуан и тут же прикусил губу, досадуя на себя за несдержанность.

Это была просто высказанная вслух мысль, ответ на взволнованное выражение лица магистра, но Гласу Бога не пристало озвучивать свои догадки.

— Нет, Чезру, — ответил Маккеронт, и вид у него сделался смущенный, как и у Мервана Ма, устремившего на господина вопросительный взгляд. — У аббата Олина все по-прежнему… Коллегия аббатов избрала преемником отца-настоятеля Агронгерра Фио Бурэя

из Санта-Мер-Абель.

— Аббат Олин мертв, — повторил Дуан; сейчас это прозвучало не как вопрос. — Его роль в церкви сведена к нулю, теперь перед ним одна дорога: в могилу.

Маккеронт тяжело задышал, хотя явно пытался сдержать себя.

Эаким Дуан круто обошелся с магистром, он понимал это. Пожалуй, границы переходить все же не следует.

— По крайней мере, аббат Олин наверняка так это воспринимает, — добавил он. — Иначе он не послал бы тебя сюда. — Магистр Маккеронт стоял, переминаясь с ноги на ногу. — Это поистине несчастье, ведь аббат Олин один из мудрейших людей вашей страны, один из мудрейших людей, которых я вообще когда-либо встречал. Это печальный день и для Олина, и для церкви Абеля, которая под его руководством обрела бы гораздо большее могущество. Не в наших силах изменить происшедшее, но мы должны продумать, как действовать дальше.

Это была некоторая уступка со стороны Чезру, ведь путь к верхушке церковной иерархии, преграждённый Олину, не был для него столь катастрофическим событием, как для Маккеронта.

— Новая королева Хонсе-Бира Джилсепони проголосовала против аббата Олина, Глас Бога, — объяснил Маккеронт, — Думаю, этот выпад со стороны короля Дануба может представить для тебя определенный интерес.

Эаким Дуан сел, сделав знак собеседнику последовать его примеру. И надолго задумался. Было ли это нечто большее, чем тот очевидный факт, что Дануб хотел бы свести к нулю влияние Бехрена в своем королевстве?

Пожалуй, это не так, решил в конце концов Чезру; Маккеронт просто чересчур драматизирует ситуацию.

— Я по-прежнему остаюсь другом аббата Олина, — сказал Эаким Дуан.

И принялся делиться с собеседником подробностями отношений с аббатом Олином. Даже признался, что однажды совершил путешествие в Энтел — инкогнито, разумеется, — чтобы отобедать с настоятелем Сент-Бондабриса.

Слушая Чезру, Маккеронт заметно успокоился; Мерван Ма, напротив, выглядел все более сбитым с толку.

Закончив, Эаким Дуан внезапно встал, причем чрезвычайно энергично, чего уже давно за ним не замечалось.

— Проводи нашего друга на пристань и посади на корабль. Он возвращается сегодня в Энтел, — приказал Чезру Мервану Ма. — И дай ему с собой гобелен, тот, что висит при входе.

Юноша ушам своим не поверил. Прекрасный, тонкой работы гобелен, о котором шла речь, изображал масштабное морское сражение, во время которого флот Хасинты преследовал корабли Хонсе-Бира, отступающие к Энтелу.

— Аббату Олину будет приятно получить его, — объяснил Дуан ошеломленному помощнику. — Мы с ним не раз обсуждали эту баталию во всех деталях. Он настаивал, что в ней победил Энтел, потопивший флот Хасинты. Ну, нам-то, конечно, известно, как в действительности обстояло дело. В этой битве бехренские корабли одержали выдающуюся победу над маломощным флотом Энтела, загнав его в собственную гавань и потопив большинство вымпелов. Однако потом нашим судам не повезло. Возвращаясь с победой, они попали в свирепый шторм, и множество из них затонули. — Чезру усмехнулся, — Это так нетрудно понять, у каждого своя истина!

Оставшись один, Эаким Дуан задумался, глядя на дверь. Какими, однако, странными, можно сказать судьбоносными, были эти несколько последних недель. Сначала глава ордена чежу-леев заявляет, что его воины должны отправиться в поход на Юг, чтобы наказать Джеста Ту, и сразу же после этого церковь Абеля вдребезги разбивает надежды аббата Олина. Все эти новости должны были бы встревожить Дуана, поскольку из-за них снова приходилось откладывать столь давно и страстно желаемое событие — Возрождение.

Однако, как ни странно, последние события заставили старого Чезру почувствовать полноту жизни гораздо более явственно и рельефно, чем когда-либо за долгие предшествующие годы.

Ему опостылело вялое, с вечной оглядкой существование.

Вернулся Мерван Ма. Судя по выражению лица юноши, он был все еще ошеломлен реакцией Дуана на новости, сообщенные Маккеронтом, и решением господина подарить магистру столь ценимый им самим гобелен.

— Я должен был хоть как-то утешить аббата Олина, — объяснил Чезру. — Тебя удивляет, почему я проявляю о нем такую заботу? В конце концов, он ведь всего-навсего монах церкви Абеля, а тебя всегда волновали мои взаимоотношения с настоятелем Сент-Бондабриса.

— Глас Бога, я не вправе…

— Задавать мне вопросы? Нет конечно, и ты их не задаешь. Вслух, разумеется. Но в сердце своем, мой юный друг, ты частенько грешишь этим.

— Нет, Глас Бога!

Эаким Дуан успокаивающе поднял руки, давая понять помощнику, что в том нет ничего такого уж страшного.

— То, как абеликанская церковь обошлась с аббатом Олином, наверняка в очередной раз заставит его усомниться в вере, — заметил Чезру. — Его единоверцы то и дело сбиваются с пути. Кого это не разочарует? Наша щедрость по отношению к этому человеку имеет своей целью помочь ему сойти с пути еретических воззрений, провозглашаемых его церковью.

— Ты веришь, что аббат Олин может прийти к пониманию религии ятолов? — спросил Мерван Ма с таким недоверием, что Эаким Дуан от всего сердца рассмеялся.

— Я верю, что он и сейчас в значительной степени понимает истинность нашего пути. Открыто он, конечно, не перейдет на нашу сторону, да я и не желал бы этого, поскольку в таком случае его отлучат от церкви и, скорее всего, сожгут на костре. Можно, конечно, насильственно обратить в нашу веру целые народы, как это было сделано с отсталыми тогайру. Однако чтобы одержать победу в таком культурном, устоявшемся сообществе, как королевство Хонсе-Бир, требуются десятилетия и даже столетия, на протяжении которых собственные неудачи будут подталкивать их к тому, чтобы постепенно охладеть к своей вере. Аббат Олин далеко не первый церковник из Энтела, сочувствующий учению ятолов; не станет он и последним. Но конец один, мой юный друг. Мы победим, потому что истина на стороне нашей веры.

Мерван Ма улыбнулся широко, искренне, и Эаким Дуан понял, что его объяснение удовлетворило молодого человека, еще раз напомнив ему, что перед ним Глас Бога, мысли и поступки которого лежат за пределами его понимания.

Это был блеф — любимый прием Чезру, к которому он неоднократно прибегал.

— Ну, что еще? — спросил Эаким Дуан, заметив выражение любопытства на лице Мервана Ма.

Молодой человек, явно чем-то смущенный, покачал головой.

— Говори, дружок. — Чезру протянул руку и похлопал Мервана Ма по плечу, чем, казалось, привел юношу в еще большее смущение.

— В последнее время ты выглядишь более счастливым, Глас Бога, — пробормотал Мерван Ма.

Дуан отступил на шаг, удивленный прямотой юноши и еще больше справедливостью этого наблюдения. Да, он действительно чувствовал себя намного лучше. Все дело в магическом камне, разумеется. Он каждый день погружался в его волшебные глубины, черпая оттуда здоровье и силу.

— То, чего ты желал, совершилось, мой юный друг, — ответил он. — Возрождение откладывается на неопределенное время. Бог призвал меня продолжить служение в этом мире. Происходящие события не позволяют мне отойти от дел. Скорее всего, в ближайшие месяц-другой воины чежу-лей отправятся на юг, чтобы сразиться в Огненных горах с Джеста

Ту. А теперь вот братья по вере нанесли удар аббату Олину. Нет, в такие сложные времена Бог не может оставить своих детей без защиты, и именно я призван осуществить его волю.

Услышав это, Мерван Ма просиял. Однако в выражении лица юноши мелькнуло что-то еще, чего Эаким Дуан не смог распознать сразу, но что остро напомнило ему о необходимости продолжать соблюдать осторожность.

И тем не менее Чезру чувствовал прилив новых сил.

Да, Возрождение откладывается, и тщательно скрываемый от всех гематит вливает в него новые жизненные силы. Однако истинная причина того, что в последнее время улыбка часто освещала его лицо, крылась именно в том, о чем Дуан сказал Мервану Ма. На протяжении месяцев и даже лет он плыл по течению, думая только о том, чтобы дождаться Возрождения в новом, молодом теле. Даже еще сегодня он поначалу упорно держался за эту идею, хотя события упорно подталкивали его на время отказаться от нее.

Однако сейчас Чезру наконец решительно отодвинул осуществление своей мечты на будущее. Два этих события, с Калиитом Тимигом и аббатом Олином, окончательно убедили его в этом. Теперь Эаким Дуан полностью сосредоточился на том, что происходит здесь и сейчас.

Не исключено, что еще в этой ипостаси он сможет совершить великие деяния.

ГЛАВА 22
ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР В КОЖИСТЫХ КРЫЛЬЯХ

Падая, он чувствовал нарастающий жар, источаемый потоком лавы, и надеялся, что мгновенно сгорит в огне, не успев испытать мучений. Однако вместо этого внезапно осознал, что находится в месте, которое более всего походило на темную, влажную пещеру. Переведя наконец дыхание, Белли'мар Джуравиль сообразил, что дракон поймал его пастью всего в нескольких футах над смертоносной лавой.

Время от времени Аграделеус вздрагивал и издавал недовольный рык. Вероятно, пока он летел вверх, его обжигали капли бушующей лавы. Потом эльфа затрясло — это дракон приземлился и сделал несколько неуверенных шагов.

Когда Аграделеус выплюнул его, Джуравиль с силой ударился о камни.

Наконец он сел, огляделся вокруг и тут же отвернулся, увидев, что дракон начал обратную трансформацию в двуногое существо. Наблюдать за этим жутким зрелищем было крайне неприятно.

Бросив взгляд в сторону туннеля, эльф подумал, что, возможно, стоило бы воспользоваться этой возможностью и снова сбежать. Хотя чем его бегство закончится? Аграделеус опять без труда поймает его…

Тогда у Джуравиля мелькнула другая мысль: напасть на дракона и, может быть, даже столкнуть его в раскаленный поток.

Эльф пожал плечами и беззвучно рассмеялся. Разве ему по силам победить огромного, могущественного зверя, даже сейчас, когда тот находился в процессе трансформации? Вот если бы найти подходящий валун или что-нибудь в этом роде, швырнуть в Аграделеуса, сбросить его с края…

Джуравиль, однако, не желал этого делать. Он не вправе поступить так коварно с существом, которое вопреки всем ожиданиям обошлось с ним достаточно милосердно.

Эльф закрыл глаза и стал ожидать, пока дракон завершит трансформацию.

Мощная лапа ухватила его за ворот, с пугающей легкостью подняла в воздух и потащила куда-то. Джуравиль не сопротивлялся и не открывал глаз, целиком смирившись с судьбой, какой бы она ни оказалась.

Аграделеус с огромной скоростью мчался по мрачным туннелям. Дракон бежал без устали, тяжело топая по камням. Эльфа, пораженного выносливостью дракона, раскачивало и трясло. Он уже и не чаял, что этот бег когда-нибудь прекратится. Тем не менее Аграделеус наконец остановился и встряхнул его. Открыв глаза, эльф увидел, что они вернулись в

логово дракона, к самому краю каменной ямы, откуда снизу вверх на него смотрела Каззира.

Аграделеус сердито заворчал и сбросил его вниз; если бы не крылья, Джуравиль наверняка разбился бы о камни. Правда, он все равно сильно ударился и распластался на спине, чувствуя сильное головокружение. Эльфийка мгновенно оказалась рядом и положила его голову себе на колени.

— Удивительно, какими глупцами могут проявить себя Тилвин Тол! — сердито воскликнула она. — Неужели ты до сих пор не уразумел, что от дракона сбежать невозможно! Мне следовало удержать тебя от этой попытки.

Джуравиль поднял на Каззиру взгляд, ухитрился улыбнуться и слабо сжал ее руку.

— Тебе это не удалось бы. Я понимал, что опасность велика, а шансов почти никаких. И все равно должен был попытаться…

Его подруга вздохнула и отвернулась. Заметив в ее глазах выражение боли, эльф с огромным усилием встал на колени, обхватил голову Каззиры обеими руками и повернул к себе ее лицо.

— Это никак не связано с чувствами, которые я испытываю к тебе.

— Очень даже связано. — Не имея сил отвернуться, она просто опустила взгляд.

— Нет, — настойчиво повторил Джуравиль. — Я связан долгом, который превыше любви. — При этих словах Каззира посмотрела на него. — Да, я люблю тебя, — признался эльф — не только подруге, но и себе самому. — Люблю. И это лишний раз убеждает меня в том, что я должен придумать, как нам обоим выбраться отсюда.

На этом силы окончательно оставили Джуравиля. Эльфийка обняла его и нежно прижала к груди.

Так они и сидели, гадая, что ждет их дальше и что придумает Аграделеус в качестве наказания.

На следующее утро эльфы проснулись от содрогания камней вокруг и, вскочив, оказались лицом к лицу с Аграделеусом. Тот в исступлении играл мускулами, хватая когтистыми лапами воздух и издавая утробное рычание. Потом, как будто не в силах дольше сдерживать ярость, схватил камень размером с эльфа и с размаху разбил его о стену.

Двигая челюстями, будто перекусывая кого-то пополам, страшный зверь с угрожающим видом сделал шаг вперед.

Каззира вскочила и заслонила собой Джуравиля.

— Если ты убьешь его, — закричала она, — знай: я твой смертельный враг!

Аграделеус остановился.

— Убью? — переспросил он и неожиданно фыркнул.

Отодвинув возлюбленную, Джуравиль предстал перед драконом. Некоторое время он молча разглядывал Аграделеуса, пытаясь оценить его настроение. И кое-что удивило эльфа. Дракон, безусловно, был страшно разгневан, но Джуравиль внезапно понял, что его безрассудное бегство причинило Аграделеусу боль — такую, какая возможна только в отношениях между друзьями.

— Я кормлю тебя, — прорычал Аграделеус. — Ты в тепле и находишься в приятном обществе. Ты рассказывал мне свои истории, а я тебе — свои. После чего ты взял и предал меня!

— Я тебя не предавал! — закричал эльф. — Можешь мне не верить, но я страдал, убегая от тебя.

— Ты меня обманул! — возразил дракон. — Шаг за шагом, ты вовлек меня в свою игру, а она оказалась всего лишь уловкой, которая помогла тебе сбежать!

— Нет! — воскликнул Джуравиль, но, взглянув на Аграделеуса, решил, что нет смысла отпираться, — Хорошо, не буду спорить. Я обманул и тебя, и Каззиру.

— Тогда я оторву тебе голову! — взревел дракон и с угрожающим видом навис над эльфом.

Тот лишь плечами пожал.

— Я не в силах помешать тебе, — сказал он.

Аграделеус негромко зарычал сквозь стиснутые зубы.

От огорчения, догадался Джуравиль.

— Чего еще можно ждать от тол'алфар, кроме предательства?

Эльф понял: он не должен допустить, чтобы случившееся повлияло на взаимоотношения между их древними расами. Если не ради себя самого, то хотя бы ради Каззиры. Дракон глубоко задет и, скорее всего, убьет его, но если он решит, что предательство Джуравиля вообще характерно для тол'алфар, да к тому же распространит этот вывод на док'алфар, то эльфийку ожидает та же судьба, что и его, Джуравиля.

— Ты не оставил мне выбора, Аграделеус, — сказал он. Сверкающие глаза уставились на эльфа, как будто стремясь прожечь в нем дыры. — Вот уже несколько месяцев ты держишь нас здесь, а девушка, которой требуется моя помощь, в это время в одиночку идет своим тернистым путем. Я должен быть рядом с ней, но ты меня не отпускаешь. Пока ты заставляешь меня рассказывать истории, пишется еще одна, причем та, участником которой, как предполагалось, должен был стать и Белли'мар Джуравиль. Мне совсем неплохо здесь с тобой, и, как ты совершенно правильно заметил, я нахожусь в приятном обществе… И тем не менее я должен уйти.

Аграделеус издал звук, в котором насмешливое фырканье смешивалось с сердитым ворчанием.

— Как можешь ты рассуждать о предательстве, если не признаешь дружбу? — внезапно вмешалась в разговор Каззира.

Эльф и дракон удивленно уставились на нее. Джуравилю захотелось крикнуть, чтобы Каззира не вмешивалась, что это не ее дело, захотелось защитить ее от ярости Аграделеуса, которая теперь может быть направлена и на нее. Но слова замерли у него на устах, когда эльфийка заговорила снова, на удивление спокойно.

— Да, ты вправе наказать Джуравиля за попытку бегства, но только в том случае, если мы — твои пленники.

— Вправе? — переспросил дракон таким тоном, как если бы услышал невероятную глупость.

Здесь, в подземелье, он чувствовал себя владыкой, подчиняющимся лишь собственным прихотям.

— Нельзя быть одновременно и тюремщиком, и другом, Аграделеус, — все так же спокойно продолжала Каззира. — Поначалу казалось, что ты тюремщик, но потом возникло чувство, что ты отказался от этой роли.

— Но он обманул меня, пытаясь сбежать!

— Я должен уйти, — повторил эльф, и дракон рассмеялся ему в лицо.

— Он просит тебя как друга, — добавила Каззира.

Смех смолк. Все трое молчали, задаваясь вопросами, какие отношения связывают их на самом деле.

— И поэтому я обязан извиниться перед тобой, — заговорил наконец Джуравиль. — Мне следовало больше доверять нашей дружбе, следовало открыто рассказать тебе обо всем, объяснить, почему я должен уйти. Мой долг найти Бринн, и сейчас я со всей откровенностью заявляю, что, если ты не отпустишь меня, я снова попытаюсь сбежать. Не ради того, чтобы удрать от тебя, — тут же добавил он, почувствовав, что дракон опять приходит в бешенство, — но чтобы найти свою подопечную.

— Ты не знаешь даже, жива ли она, — отозвался Аграделеус уже гораздо спокойнее.

— Я должен выяснить это.

Дракон подумал немного и кивнул.

— Ты действительно должен был объяснить мне.

— Ты мог бы не отпустить меня… — Джуравиль запнулся и посмотрел на Каззиру. — Ты мог бы не отпустить нас.

— Ты знаешь такие истории, которые мне занятно слушать, — сказал Аграделеус. —

Сотни лет я мирно жил здесь в одиночестве. Я не просил вас врываться в мой дом и даже пощадил вас, хотя обычно разговор с ворами у меня короткий.

— Мы не воры, — снова вмешалась в разговор эльфийка. — Уж чего-чего, а такой цели у нас не было.

— И все же вы не станете спорить, что я поступил великодушно! — взревел дракон и топнул ногой с такой силой, что камни пещеры задрожали.

— Это правда, — согласился Джуравиль. — Ты проявил истинное великодушие, но оно не освобождает меня от моего долга.

— Ты должен был попросить!

— Ты мог не отпустить меня!

— Одного — нет!

Это заявление вызвало шок не только у эльфов, но, похоже, и у самого дракона.

— Ты отпустил бы Каззиру вместе со мной? — спросил Джуравиль.

— Я сам выбрался бы отсюда вместе с вами! — воскликнул Аграделеус; чувствовалось, что эта идея только что пришла ему в голову, — Да, — продолжал он, кивая и обращаясь как бы к самому себе. — Уже очень давно я не выбирался из своего логова и не видел, что творится в мире. Мы найдем твою Бринн, если она еще жива, а если нет… Что же, станем героями нашей собственной истории.

У эльфа буквально перехватило дыхание; бросив взгляд на Каззиру, он увидел, что та ошеломлена не меньше. Что он натворил, неумышленно, конечно? Какие разрушения принесет миру та сила, которую он только что, сам того не желая, выпустил на свободу?

— Да, уже слишком давно я не ведал никаких приключений и не добавлял ничего нового к своим сокровищам! — продолжал дракон. — Мы отправимся в путь, как только вы будете готовы. — С этими словами Аграделеус, настроение которого заметно улучшилось, покинул эльфов.

Джуравиль не отрывал взгляда от подруги, которая, казалось, едва держится на ногах.

— Это невозможно, — прошептала она, тяжело дыша.

— Нам не остановить его, — ответил эльф и снова ощутил тяжкий груз вины за то, что именно благодаря ему в голове дракона зародилась такая идея.

— Он же станет делать то, что ему в голову взбредет, — сказала Каззира. — Представляешь, сколько людей может погибнуть?

— Но ведь они просто люди, — вопреки собственному желанию, не удержался от иронии Джуравиль.

Он тут же пожалел об этих словах, заметив огорченное выражение на лице подруги.

— Может, меня вовсе не люди беспокоят? — сказала она. — Ведь Аграделеус может перелететь через горы и напасть на Тимвивенн.

Сверху послышался утробный грохочущий звук, и эльфы не сразу поняли, что это дракон говорит что-то — нет, не говорит, поет! — на своем древнем языке. Язык эльфов в основе имеет много общего с языком дракона. Во всяком случае, они поняли, о чем была эта песнь: о грабеже и пожарах, о вкусе человеческой плоти и радости обладания новыми сокровищами, которые люди так искусно создают из сверкающих драгоценных камней и металлов.

— По-моему, тебе нужно многое, очень многое обсудить с нашим спутником, — сухо заметила Каззира.

— Тогда как бы мы не вернулись к тому, с чего начали, — отозвался Джуравиль.

Эльфы тянули, сколько могли, однако по мере того, как часы складывались в дни, песнь дракона становилась все яростней и настойчивей. В конце концов Аграделеус снова явился к ним и заявил, что пора наконец отправляться в путь — пока он не передумал. Эльфы пытались возражать, но дракон просто подхватил их и взлетел вверх. Оказавшись в его сокровищнице, Джуравиль и его возлюбленная обнаружили, что дракон сложил в одном месте все необходимое для длительного путешествия, включая богатый выбор оружия.

— Забирайте быстро свои манатки, и в путь.

Когда эльфы сообщили ему, что они готовы, Аграделеус спросил:

— Вы знаете, куда идти?

— Мы как раз искали выход из подземелья, когда наткнулись на тебя, — ответил Джуравиль.

— Тогда возвращаемся туда, откуда вы пришли! — взревел дракон.

Взглянув на Каззиру, эльф увидел, что та — как ни странно это говорить о создании с такой белой кожей — побледнела как мел.

— Нет, — сказал Джуравиль. — Там множество туннелей, по которым можно пройти лишь в одну сторону, да и все они очень извилистые и длинные. Лучше повернуть на юг.

— Ты уверен? — осведомился дракон. — Мне ничего не стоит перелететь через горы. Для могучего Аграделеуса преград не существует!

Эльф снова бросил взгляд на подругу. Она, казалось, немного пришла в себя.

— Мы пойдем на юг, — твердо заявил Джуравиль. — Однако, прежде чем мы окажемся в населенных людьми землях, ты должен дать мне слово… — Дракон наклонил голову с таким выражением, словно слышать такое ему было очень странно, хотя и забавно. — Если ты и будешь убивать людей, — Аграделеус при этих словах заворчал, — то только в целях самозащиты, — Дракон издал возмущенный рык, — Или в сражении. И решать, когда и как тебе действовать, Аграделеус, буду я! Дай мне слово, что согласен на это!

— Иначе?

— Или не сможешь стать участником того великого приключения, которого столь жаждешь, — без колебаний ответил эльф. — Если ты желаешь выбраться отсюда, чтобы просто разорять землю, помешать тебе мы не сможем, но принимать в этом участие ни я, ни Каззира не будем. Но если ты хочешь принять участие в битве, которая изменит мир, и таким образом войти в историю, тогда ты согласишься с моим предложением. Просто дай мне слово, неужели это так трудно?

— Ладно, — ответил дракон после короткого раздумья. — Я буду полагаться на твое суждение в этом вопросе, Белли'мар Джуравиль. На юг так на юг, и давайте начнем наши поиски пути с той дыры, куда провалилась ваша спутница. Если она не выбралась отсюда живой, лучше узнать об этом до того, как мы окажемся под бескрайним небом. Может, нам и не придется разбираться, кого убивать, а кого нет!

Теперь Джуравиль почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Однако он справился с собой, и вместе с Каззирой они покинули сокровищницу вслед за готовым к увлекательным приключениям драконом.

У каждого разветвления туннеля — а их было великое множество — им приходилось сворачивать наугад, и потому продвигались они мучительно медленно.

Но потом Аграделеус обнаружил прямой, длинный и уходящий вверх туннель, в котором пусть совсем слабо, но все же ощущалось движение воздуха.

Стояла поздняя осень 841 года Господня, когда эльфы, спустя почти год с тех пор, как вступили на Дорогу Беззвездной Ночи, выбрались на поверхность под прекрасное, усыпанное сверкающими звездами небо. Джуравиль и Каззира замерли, точно завороженные: они почти забыли, насколько это красиво. Почти впав в транс, они не обращали внимания на треск костей у себя за спиной и потому очень удивились, услышав рев дракона. Не тот рев, от которого сотрясались скалы, а тот, от которого они просто разваливались на куски. Аграделеус снова вернулся к подлинному облику огромного дракона!

Эльфы молниеносно обернулись и на мгновение замерли в ужасе от одной и той же мысли: что соглашение, которое Джуравиль заключил с Аграделеусом, больше не действует.

Но тут дракон перестал реветь и расправил огромные крылья.

— Как приятно снова почувствовать бьющий в крылья ветер!

ГЛАВА 23

ЧЕГО ХОЧЕТ АГРАДЕЛЕУС…

Почти каждый день Бринн спускалась по длинной лестнице с Обители Облаков в долину у подножия Огненных гор и шла дальше, в поля, где Крепыш бегал на свободе с другими лошадьми. Мистики Джеста Ту, понимая ее желание проводить время с пони, налагали на нее обязанности, позволяющие делать это.

С приходом осени тогайранке поручили собирать и приносить наверх черные лавовые камни. Впоследствии эти камни размалывали в порошок, которым удобряли почву в многочисленных садах, разбитых вокруг монастыря. Девушка без единой жалобы таскала тяжелые ведра на высоту пяти тысяч ступеней со стоицизмом, который выработался у нее за годы обучения у тол'алфар. Как и все другие будущие рейнджеры, она потратила в Эндур'Блоу Иннинес немало часов, разыскивая на болотах похожие на губку млечные камни, оттаскивая их к специальному корыту и выжимая из них болотный сок. Еще тогда она научилась уходить вглубь себя, полностью отрешаясь от внешнего мира. Таким же образом тогайранка действовала и сейчас, медленно поднимаясь по лестнице с коромыслом на плечах, на уключинах которого покачивались тяжеленные ведра с камнями.

Это было хорошее время — столь необходимая Бринн передышка от превратностей судьбы, время раздумий и накопления сил.

Почти все вечера она проводила с Астамиром и другими Джеста Ту. В отличие от Эндур'Блоу Иннинес здесь можно было открыто спрашивать о чем угодно. То и дело возникали краткие дискуссии на темы философии и различных религиозных течений, в которых мистик, как правило, задавал тон, причем споры неизменно сворачивали в сторону религии бехренских ятолов.

Довольно быстро тогайранка поняла, что Астамир поступает так намеренно — помогая познать себя, он одновременно дает ей возможность как можно больше узнать о врагах. Мистик мягко подводил Бринн к пониманию того, что не все бехренцы мыслят одинаково, не всех можно считать ненавистными Тюрбанами, они представляют собой сообщество людей, чьи заповеди в целом не так уж отличаются от ее собственных.

— Ты хочешь отвлечь меня от того, что я считаю своим предназначением, — сказала девушка как-то вечером после особенно жаркого спора о том, что сюжеты фресок и других изображений в пантеонах тогайру, монахов абеликанского ордена и Джеста Ту не слишком отличаются друг от друга. Астамир смотрел на нее с улыбкой. — Да, именно этого ты и добиваешься. Все время стараешься подчеркнуть человеческие черты бехренцев, надеясь, что я перестану ненавидеть их и в конечном счете сверну с уготованного мне пути.

— А может, я считаю, что если ты не научишься понимать бехренцев — даже Чезру, даже жрецов-ятолов, — то, скорее всего, закончишь жизненный путь как Ашвараву.

— Скажи прямо, ты хочешь, чтобы я отказалась от своей миссии? — после долгой паузы спросила Бринн.

— Я хочу, чтобы ты продолжала совершенствоваться и физически, и духовно, — ответил Джеста Ту. — И пусть сердце подскажет тебе, когда настанет время выйти в бескрайний мир и решить, где твое место среди тогайру и бехренцев. В конечном счете, откровения всегда приходят изнутри, а не под влиянием внешних причин.

— Ну да, так было и с тобой, когда ты присоединился к отряду Ашвараву, — заметила тогайранка. — Теперь, когда я увидела Обитель Облаков и начала понимать учение Джеста Ту, твое тогдашнее решение покинуть монастырь ставит меня в тупик даже больше, чем прежде. Что заставило тебя пойти на это?

— Может быть, это судьба, или безмолвный приказ свыше, или просто случай, и только время покажет, был ли удачен этот опыт.

Мистик, усмехнувшись, встал, собираясь уйти, но Бринн схватила его за руку и повернула лицом к себе.

— Ты считаешь встречу со мной неудачей?

— Нет, — ответил Астамир. — Я никогда так не думал.

Затухшая было искра желания разгорелась вновь, и Бринн всем телом прижалась к мистику, который, не сделай она этого первой, сам готов был скрепить свои последние слова печатью долгого поцелуя.

— Еще одна ничем не примечательная деревенька, — заметила Каззира, глядя с гребня холма вниз.

— Я могу разрушить ее и сожрать всех жителей. Тогда ее название будут помнить в веках, — простодушно предложил Аграделеус.

Эльфы сердито посмотрели на спутника, и дракону ничего не оставалось, как глубоко вздохнуть, выпустив из ноздрей облако дыма.

Уже несколько недель они двигались по открытой всем ветрам степи. Все это время дракон сохранял обличье двуногого существа, за исключением нескольких ночей, когда, вернувшись к своему подлинному виду, отправлялся на промысел: воровал скот, ловил диких лошадей или каких-то других животных в местах, о которых Джуравиль и Каззира считали за лучшее его не расспрашивать.

До той, что виднелась впереди, им на пути попались всего две деревни. Не показываясь на глаза местным жителям, спутники старались разузнать как можно больше о том, что происходит вокруг. Из разговора двух пожилых женщин, стирающих белье в мелком ручье, они узнали, что в расположенной неподалеку деревне Телликвик возникла смута, в результате которой были убиты местный ятол и женщина чежу-лей, но сейчас Телликвик снова под властью Тюрбанов, и их там даже больше, чем прежде.

И вот перед ними эта деревня — по мнению Джуравиля, не такая уж не примечательная. Эльф не сомневался, что убить воина чежу-лей под силу далеко не всякому.

А вот одного способного на это человека он знал.

— Этой ночью останешься здесь, — велел он Аграделеусу.

— Если только не учую, что неподалеку бродит что-нибудь съестное, — отозвался дракон.

— Ты наелся прошлой ночью, — возразил Джуравиль. Губы дракона искривились в усмешке. — Прошу тебя, оставайся здесь. Если ты поднимешь суматоху рядом с деревней, нам несдобровать.

Усмешка Аграделеуса погасла.

— Ладно. Опять хотите что-нибудь подслушать?

— Было бы неплохо напасть хоть на какой-то след, — отозвался эльф.

Позже, когда вело солнце и на небе высыпали яркие звезды, почти все жители деревни собрались в трактире, что-то оживленно обсуждая. Джуравиль и Каззира, спрятавшись под открытым окном места всеобщих сборищ, прислушивались к тому, о чем говорили люди.

Разговоры в основном не имели никакого отношения к тому, что интересовало эльфов. Правда, кое-кто из бехренских солдат хвастался, что не так давно произошло серьезное сражение, в котором они наголову разгромили противника.

— Мы научим вас знать свое место, ру! — заплетающимся языком заявил один из них.

— Да знаем мы его, знаем — счищать навоз с ваших сапог! — ответил какой-то тогайранец, и все вокруг засмеялись.

— Для вас же лучше, если наши сапоги будут в навозе, а не в крови, как было в Дариане! — выпалил бехренец, и в мгновение ока в трактире наступила тишина.

Джуравиль и Каззира осторожно заглянули в окно, пытаясь лучше разобраться, что происходит. Второй солдат вскочил и обхватил первого за плечи, уговаривая приятеля успокоиться.

— Они знают, что произошло в Дариане! — вырываясь, закричал пьяный, — Что, разве нет? — Он, злобно улыбаясь, обвел взглядом собравшихся. — Когда воины ятола Гриаша втоптали в грязь ваших героев! Когда вашему храбрецу Ашвараву одним ударом снесли с плеч голову!

Несколько тогайранцев вскочили так резко, что уронили стулья, на которых сидели;

остальные кинулись утихомиривать их.

— Сражение было совсем недавно, — прошептал эльф на ухо подруге.

Судя по накалу страстей, вряд ли речь могла идти о том времени, когда бехренцы только завоевывали Тогай.

— Мы все помним, — ответил тогайранец из дальнего угла. — Мы прекрасно все помним. В том числе ятола Тао Джин Эана, чежу-лей Дии'дак и тогайранскую девушку, которая их зарубила!

Джуравиль затаил дыхание, изо всех сил вытягивая шею.

— Хватит! — приказал тогайранцу второй солдат, а когда его пьяный приятель снова открыл было рот, стукнул его по затылку.

Все бехренские солдаты вскочили, несколько человек выхватили мечи.

Однако все это была пустая болтовня и похвальба, настоящего вызова никто никому не бросил. Достаточно быстро все сидящие в трактире успокоились, и возобновились отдельные, не связанные друг с другом разговоры.

Правда, на протяжении примерно двух последующих часов эльф заметил, что, собираясь покинуть трактир, многие тогайранцы задерживались у стола, где сидела пожилая пара, и похлопывали старика по плечу, оглядываясь на продолжавших накачиваться спиртным и напропалую хвастаться бехренских солдат.

Когда позже старик и его спутница тоже вышли из трактира, две незаметные фигурки бесшумно последовали за ними до их дома. Закрыв за собой дверь, хозяева понятия не имели, что рядом кто-то находится.

— Всегда приятно слышать, когда наши упоминают о ней, — заметил старик.

Жена подошла к нему сзади и обняла за плечи.

— Думаешь, они говорят о Бринн? — сдавленным шепотом спросила Каззира.

Джуравиль кивнул и, сдерживая дыхание, плотнее прижал ухо к трещине в стене. Однако услышанное дальше сильно его разочаровало.

— Пошли-ка, старый, спать, — сказала женщина.

— Да, вроде бы уже пора, — согласился старик.

Эльфы услышали скрип стула и шарканье ног по полу.

— И что теперь? — спросила эльфийка. — Вернемся к трактиру? Или к Аграделеусу?

Ее возлюбленный поступил иначе. Обойдя дом, он остановился у окна, рядом с которым находилась постель, и, действуя исключительно по наитию, постучал.

Ответа не последовало, и Джуравиль постучал снова, на этот раз сильнее.

— А? — послышался голос старика, и тут же внутри зашевелились.

— Расскажите мне о ней, — сказал Джуравиль, хотя Каззира схватила его за руку так крепко, что у него онемели пальцы. — Расскажите об убийстве ятола Тао Джин Эана.

— Кто ты? — послышался испуганный шепот.

— Друг.

В доме приглушенно заговорили, а потом старая женщина спросила:

— Друг бехренцев?

— Друг той, что убила ятола, — ответил эльф, и Каззира с силой потянула его от окна.

— Не делай этого! — прошипела она.

— Другого пути нет! — возразил ее возлюбленный.

Они смолкли, услышав, как с другой стороны дома открылась дверь. Из-за угла вышел старик с палкой в руке — видимо, в качестве оружия.

— Кто ты? — спросил он и оглянулся по сторонам, но никого не увидел.

— Я путешествовал вместе с Бринн Дариель, — ответил Джуравиль, используя старый трюк тол'алфар, позволяющий сбивать с толку слушателя, который не мог определить, откуда слышится голос.

— Тогда покажись!

— Этого я не могу сделать, — сказал эльф. Теперь его голос послышался с другой стороны, и старик повернул туда голову. Однако, когда Джуравиль заговорил снова,

возникло впечатление, будто он совсем в другом месте. — Она думала, что я погиб на Дороге Беззвездной Ночи, в туннелях под горами на севере. Но я сумел выбраться оттуда и, надеюсь, скоро снова буду рядом с ней.

Поза старика стала менее напряженной.

— Нет у меня желания разговаривать с призраками, — заявил он, однако. — И с бехренскими шпионами тоже. Откуда мне знать, что ты не из них?

Эльф сделал шаг в его сторону.

— Нет, — прошептала Каззира.

— Он что-то знает о Бринн, — ответил Джуравиль.

Когда старик обошел вокруг дома, эльф оказался у него за спиной.

— Тебе приходилось видеть *таких* бехренских солдат? — спросил он. Старик резко обернулся, выронил палку и замер. — Я не враг тогайру. И я друг Бринн Дариель. Очень тебя прошу, расскажи о ней.

— Ту д'элфин фейри, — пробормотал старик.

Так тогайранцы называли эльфов, которые часто выступали персонажами их легенд.

— Белли'мар Джуравиль, к твоим услугам, — низко поклонился эльф, — Тебе известно о Бринн. Расскажи мне о ней, это очень важно.

— Я послал ее на смерть, — ответил старик и прикрыл дрожащими руками лицо.

— Нет, Барачак! — воскликнула его жена, выскочив из дома и обняв старика за плечи. — Ты в этом не виноват. Откуда нам было знать?

— Это она сражалась со здешним ятолом и тем, кого ты называешь Дии'дак? — спросил Джуравиль.

— Так звали женщину-чежу-лей, — кивнула старуха. — Бринн убила их обоих и еще нескольких солдат. Еще она освободила лошадей, но позже Тюрбаны загнали их обратно. — Старики обменялись тревожными взглядами, — Пошли-ка лучше в дом. После этого мы виделись с Бринн только один раз. Нам известно, куда она отправилась, но это очень грустная история.

Вслед за супругами эльф вошел в дом и сел на предложенный стул. Барачак расположился напротив, а его жена — старик представил ее как Тсолану — принялась хлопотать у огня, разогревая чайник.

Джуравилю пришлось снова заверять супругов в том, что он вовсе не шпион, а один из тех ту д'элфин фейри, о которых рассказывается в легендах. Ему все же удалось добиться от них своего. Говорил главным образом Барачак — о том, как Бринн проводила время в их деревне и как она разделалась с ятолом и чежу-лей. Рассказал он и о последней встрече с девушкой, после которой она отправилась на поиски отряда Ашвараву.

Когда речь зашла о разгроме под Дарианом, в голосе Барачака зазвучали печальные нотки.

— Значит, она погибла? — Горло у Джуравиля перехватило, он едва смог выговорить эти слова.

— Боюсь, что да, — ответил старик, тоже заметно расстроенный.

— Ходят слухи, что какой-то Джеста Ту сражался на стороне мятежников и вынес ее с поля боя, — вмешалась в разговор Тсолана, — И вроде бы кто-то из них убил еще одного воина чежу-лей.

— Слухи! — презрительно фыркнул Барачак.

— Не все погибли под Дарианом! — стояла на своем его жена.

— Тогда почему она не вернулась к нам? — возразил старик.

— Так вы не знаете точно об ее гибели? — спросил Джуравиль.

— Кое-кому удалось вырваться оттуда, и они разбежались по степи, — сказал Барачак, — Теперь, конечно, помалкивают о том, что произошло…

— Из гордости, — добавила Тсолана.

— Кто это — Джеста Ту? — спросил эльф, помолчав.

— Мистики, которые живут где-то на юге, — объяснил Барачак. — Говорят, один из

них был в отряде Ашвараву.

— Вы не можете подсказать, как мне найти след Бринн, если она все-таки осталась в живых после битвы под Дарианом? — спросил Джуравиль.

Старики посмотрели друг на друга, и по выражению их лиц эльф понял, что те рады бы сказать ему об этом, но сами ничего толком не знают.

Каззира дожидалась друга в тени за домом.

— Ты прямо оживший герой легенды, — с усмешкой произнесла она.

— Будем надеяться, что жив и еще кое-кто, — угрюмо ответил Джуравиль.

Покинув деревню, они отправились на поиски Аграделеуса, твердо зная, что теперь их путь лежит на юг.

— Мне было ниспослано видение. — Эаким Дуан выразительным жестом поднял руки, скрестил их на груди и медленно закрыл глаза.

Собравшиеся жрецы забормотали молитвы, и даже один из двух присутствовавших здесь чежу-леев кивнул в знак согласия. Калииту Тимигу хотелось взорваться возмущенным криком. Он пришел сюда не за разрешением отправиться в поход к Огненным горам — его целью было сообщить Чезру, что воины чежу-лей готовы к долгому пути. Прошли месяцы со времени той их встречи с Эакимом Дуаном, когда глава ордена чежу-леев поставил его в известность, что его воины обязаны отомстить ненавистным Джеста Ту. И все это время Чезру не раз давал понять, что он не имеет ничего против.

И вот теперь Эаким Дуан доводит до его сведения, что Калииту Тимигу будет позволено взять с собой лишь половину из собранных им под свои знамена чежу-леев и воинское подразделение Хасинты, за исключением приписанных к нему чежу-леев. Огорчение старика усиливал тот факт, что Чезру представил свое решение как ниспосланное ему свыше. Чежу-лей, как и все остальные бехренцы, воспринимали Дуана как Глас Бога и верили, что он действительно непосредственно общается с ним. А раз так, какие могут быть сомнения?

По крайней мере, сказать о них в открытую было невозможно.

— В каком качестве можно использовать солдат из Хасинты? — спросил Калиит Тимиг.

— В любом, в каком пожелает командир чежу-леев, — ответил Чезру таким тоном, как будто он и сейчас, стоя с закрытыми глазами, находился в непосредственном контакте с Богом.

Старше с ошеломленным видом склонил голову. «Командир чежу-леев»? Что Эаким Дуан имеет в виду? Именно Калиит Тимиг — их командир, и никто не сомневается, что, несмотря на преклонный возраст, он сам поведет воинов к Огненным горам. Неужели Чезру Дуан таким образом намекает, что поход может состояться без его участия?

— Я никоим образом не осмеливаюсь ставить под сомнение твои слова, Глас Бога, — начал Тимиг, стараясь говорить твердым голосом, — но…

— Это хорошо, что ты не ставишь под сомнение волю Бога, — прервал его Чезру, намереваясь покончить с этим раздражающим его разговором. — Из видения свыше мне стало ясно, что орден должен защитить свою честь, а мне следует отбросить личные опасения и позволить чежу-леям совершить этот поход. Но также я понял и то, что неприкосновенность Бехрена в значительной степени покоится на мечах, достойных всяческих похвал чежу-леев, и недопустимо оставлять страну на долгие месяцы без защиты. Ты назначишь командиром отряда Вэй Атанна, закаленного в боях и всеми уважаемого воина, и он отберет тех, кто отомстит за смерть Дахмеда Блая. Пусть они отправляются в поход, а мы с тобой подумаем, как лучше передислоцировать войско, оставшееся в моем распоряжении… Ты не одобряешь это решение? — спросил Дуан после небольшой паузы, и Калиит Тимиг понял, что выражение лица все-таки его выдало. — Неужели так сильно опасаешься Джеста Ту? Их всего-то меньше двух сотен, и среди них много новичков, которые никогда не участвовали ни в одном сражении. Вообще складывается впечатление,

что мистик, сразивший Дахмеда Блая, был единственным в ордене, когда-либо поднявшим против врага оружие или кулак. Ты пошлешь примерно равное им количество закаленных в боях, опытных воинов, которым предстоит сражаться с детьми, — не побоюсь сказать именно так, а я добавлю тебе вчетверо больше своих солдат. Успокойся, Калиит Тимиг. Когда эта резня закончится, вся слава за разгром Джеста Ту достанется чежу-леям.

Тимиг понимал, что обложен со всех сторон, и, поскольку, говоря все это, Чезру Дуан ссылался на ниспосланное ему Богом видение, протестовать бесполезно. Старик отвесил почтительный поклон.

— Вэй Атанн — прекрасный выбор, Глас Бога, — произнес он.

— Это совет Эакима Дуана, не Бога, — со смешком заметил Чезру, почувствовав, как царящее вокруг напряжение сразу же разрядилось.

— И я непременно приму его во внимание. — Калиит Тимиг снова поклонился и покинул зал аудиенций.

Его ждали триста отборных воинов, полностью готовых к долгому походу к Огненным горам. И теперь ему предстояло сообщить им, что только половина примет участие в этой операции.

Вряд ли они обрадуются, услышав такое известие.

Однако Эаким Дуан — Глас Бога, какие могут быть споры?

Ясным утром второго месяца года половина всех бехренских чежу-леев, лучших в землях Короны воинов, восседавших на закованных в броню лошадях, четким строем выступили из Хасинты под трубные звуки рогов. За ними, поблескивая наконечниками копий, маршировало двадцатирядное каре.

Чезру Дуан и Калиит Тимиг бок о бок наблюдали за удаляющимся войском с высоты балкона огромного храма.

— Мой человек в Хонсе-Бире, Давин Кусаад, недоволен новой королевой Джилсепони, — меняя тему разговора, сказал Эаким Дуан, и старый чежу-лей удивился, поскольку обычно Глас Бога никогда не делился с ним своим мнением по подобным вопросам. — Она занимает высокий пост в абеликанской церкви, как тебе, наверное, известно, — продолжал Чезру, заметив вопросительный взгляд Тимига. — Пост, сравнимый по значению с рангом настоятеля монастыря.

Его собеседник кивнул, хотя он ни о чем подобном не слышал и не слишком хорошо понимал, какое все это имеет значение.

— Именно она способствовала тому, чтобы церковь Абеля не возглавил аббат Олин из Энтела, а ведь этот человек делал все возможное для укрепления связей Бехрена с нашими северными соседями. Боюсь, ее действия в этом направлении означают, что король Дануб, ее супруг, предпримет определенные действия для ограничения влияния аббата Олина.

Калиит Тимиг понятия не имел, как ему следует реагировать на услышанное, и вообще — следует ли как-нибудь реагировать. Ведь никогда раньше таких разговоров Эаким Дуан с ним не вел, и старик никак не мог взять в толк, чего именно Чезру от него добивается.

Но лицо Дуана внезапно приняло суровое выражение, и он посмотрел прямо в глаза Калииту.

— Если король Дануб выступит против аббата Олина, мы поддержим последнего… Может быть, даже окажем ему военную поддержку, чтобы Энтел остался в его руках.

При этих словах подслеповатые глаза Калиита Тимига широко распахнулись.

— Ты имеешь в виду продвижение наших кораблей в воды Хонсе-Бира?

— Если таковым окажется решение Бога, — хладнокровно отозвался Чезру Дуан и снова перевел взгляд на удаляющееся войско.

На этот раз ему удалось скрыть улыбку. Конечно, на самом деле у него и в мыслях не было поддерживать Олина как-то иначе, чем деньгами, даже если бы король Дануб открыто выступил против настоятеля Сент-Бондабриса, что Эакиму Дуану казалось совершенно невероятным. Однако, по крайней мере внешне, все сказанное выглядело вполне правдоподобно. Слегка видоизменив события в Хонсе-Бире, Чезру добился того, чтобы его

собеседник задумался над услышанным и меньше ему досаждал.

Искоса взглянув на Тимига, Дуан заметил, что тот глубоко ушел в свои мысли. До этого момента старик кипел от возмущения по поводу решения Гласа Бога, наполовину уменьшившего численность направляющегося в Огненные горы отряда, но теперь, после услышанных «сведений», наверняка задается вопросом, не много ли воинов они отослали в поход? По понятиям чежу-леев, надутых от гордости и помешанных на своей чести, эта самая честь состояла прежде всего в том, чтобы защищать Чезру.

Эаким Дуан вовсе не опасался, что король Дануб предпримет какие-то действия против него или аббата Олина.

Судя по сообщениям Давина Кусаада, королева Джилсепони не стремилась ни к каким завоеваниям. Она редко появлялась даже в королевском замке в У реале, поскольку зима 842-го года Господня в северном королевстве выдалась на редкость жестокой и сердобольная Джилсепони проводила все дни среди бедных и больных.

Ни она, ни ее супруг не представляли собой ни малейшей угрозы Бехрену.

Однако Калииту Тимигу знать об этом было совершенно ни к чему.

Аграделеус точил обломком скалы когти, которые выглядели устрашающе даже сейчас, когда он имел облик человекоподобного существа. Вид у него, как обычно, был не слишком довольный.

— Как думаешь, зачем он их точит? Чтобы в ближайшее время пустить в ход? — полюбопытствовала Каззира.

Ее друг лишь пожал плечами, хотя уже давно опасался чего-нибудь в этом роде. С того самого момента, как они выбрались из подземных туннелей, Джуравиль прикладывал неимоверные усилия, чтобы сдерживать его. Дракон рассматривал все живые существа вокруг — в том числе и людей, а может, людей даже в особенности — как возможное пропитание или способ высвобождения своей природной агрессивности. Пока Аграделеус вел себя пристойно; по крайней мере — насколько эльфам было известно, — не убил ни одного человека. Однако по мере того, как недели складывались в месяцы, а гуляющий по степи ветер становился все холоднее, жаля колючим снегом, у Джуравиля начало возникать ощущение, что терпение дракона подходит к концу.

Чем дальше, тем больше времени Аграделеус проводил в стороне от эльфов, разминая мощные мускулы или затачивая смертоносные когти.

Что касается дракона, причина его разочарования никакой загадки собой не представляла. Когда Аграделеус, просидевший в подземелье много-много лет, решил вместе с эльфами выбраться на поверхность, он сделал это, движимый исключительно жаждой приключений. Увы, пока, по крайней мере, удовлетворить эту жажду ему не удавалось. Джуравиль и сам был разочарован поскольку мало продвинулся в поисках Бринн.

Поэтому вопрос Каззиры прозвучал для эльфа весьма зловеще. Если бы дракону вздумалось, он играючи мог бы сровнять с землей любую деревню, попавшуюся ему на глаза. Чтобы справиться с Аграделеусом, понадобилась бы прекрасно обученная, вооруженная до зубов армия. В плане личной мощи дракон уступал только демону дактилю, причем у них обоих эта мощь представляла собой комбинацию магии и физической силы. Что касается последнего качества, то в этом даже демоны не могли сравниться с драконами. До встречи с Аграделеусом Джуравилю не приходилось сталкиваться с представителями этой древней расы. То, что способно учинить подобное создание, если его по-настоящему разозлить, просто не поддавалось воображению.

Или если оно заскучает.

Казалось, дракона с такой силой распирает от скопившейся внутри энергии, что он, того и гляди, не сможет больше сохранять нынешний человекоподобный облик и буквально взорвется, приняв естественный для себя вид.

Они двинулись дальше, и у эльфа стало чуть легче на душе, когда он увидел впереди костер. Первой его заметила Каззира, но прежде, чем они смогли придумать, как удержать

Аграделеуса подальше от людей, он тоже увидел далекий огонь.

— Пошли посмотрим, кто еще живет на этой земле, — как-то чересчур увлеченно воскликнул дракон и рванул вперед.

— Лучше, если туда пойду я один — или вместе с Каззирой, — быстро ответил Джуравиль.

Дракон остановился, повернулся к нему и раздраженно зашипел.

— Для начала, — тут же добавил эльф, — Если мы застанем людей врасплох, от неожиданности они могут рассказать нам то, что нас интересует. Если им есть что сообщить, мы вернемся за гобой.

— Если им есть что сообщить, они расскажут это мне, — ответил Аграделеус и поспешил в сторону костра.

Джуравиль и Каззира побежали следом.

Дракон остановился чуть в стороне, и увлеченные беседой люди, сидящие подле костра, заметили его не сразу.

— Мы не можем сунуться ни в одну деревню! — говорил один. — Может, ты вообразил, что Тюрбаны больше не ищут нас? Славная награда для них — наши головы!

— Но сколько можно торчать тут без еды? Даже грабить некого — ни одного каравана… — возразил второй. — Лучше уж погибнуть в бою с Тюрбанами, чем от холода и голода здесь, где только канюки в состоянии найти себе пищу — полусгнившие трупы!

— Ну и бился бы до смерти под Дарианом! — воскликнул первый собеседник.

— Не надо об этом снова! — закричали сразу несколько человек, и один из них спросил: — Что, так и будем без конца сковыривать коросту со старых ран?

Стоя в темноте, за пределом светового круга, Аграделеус бросил яростный взгляд на Джуравиля.

— Тебе нужен ответ? Ты его получишь! — пророкотал он так громко, что разговор у костра немедленно смолк, люди вскочили на ноги и выхватили оружие.

Но тут же отступили, налетая друг на друга, когда прямо перед ними появилась, плотно прижав к спине крылья и волоча за собой хвост, огромная двуногая ящерица.

Пара человек окаменели от ужаса, кто-то завопил и бросился бежать; но, что ни говори, это были воины тогайру, и не успел Аграделеус раскрыть рот для дальнейших объяснений, как остальные ринулись к нему, размахивая оружием.

У дракона и в мыслях не было отступать. Он прыгнул вперед, туда, где плечом к плечу стояли четверо его противников. Не обращая внимания на жалкое человеческое оружие, Аграделеус врезался в них и разбросал в разные стороны. Один воин сумел просунуть меч между чешуйками и вонзить ему в грудь, но дракон, вцепившись в лезвие, вырвал меч из руки противника и одним ударом свалил человека на землю. После чего мощным пинком ноги подбросил несчастного в воздух, отшвырнув на дюжину футов.

Молниеносно развернувшись, Аграделеус вырвал меч у другого воина, швырнул его на землю и лапой отбил летящее в его сторону копье.

В это время сзади на него обрушился удар тяжелого боевого топора.

Дракон взревел — не столько от боли, поскольку удар не причинил ему особого вреда, сколько от досады, подпрыгнул, ударом хвоста подбросил противника в воздух, поймал его лапой и выставил напоказ.

— Вы будете говорить со мной или мне придется поубивать вас всех? — взревел Аграделеус, свободной лапой схватив очередного нападающего за руку и легким движением запястья подбросив в воздух и его. — Ну? — Он слегка сжал голову человека, которого держал на весу, и тот взвыл от боли.

Оставшиеся тогайранцы попятились, выставив перед собой оружие, но было совершенно очевидно, что ни у кого из них желания нападать не осталось.

— Нет! — закричал вдруг кто-то за их спинами. Обернувшись, уже и без того потрясенные воины увидели, как к костру подбегают еще два удивительных существа. — Они нам не враги! — крикнул Джуравиль дракону, — Это тогайру, Бринн Дариель

принадлежит к их роду!

— Бринн? — воскликнули сразу несколько человек.

Это имя явно было им знакомо.

— Вы были под Дарианом? — взревел дракон, встряхнув пленника.

— Откуда ты знаешь… — начал было один тогайранец, но Аграделеус не дал ему договорить.

— Вы были под Дарианом? — повторил он на этот раз столь зычным голосом, что говоривший отшатнулся, словно от порыва ветра.

— Ну, были, — ответил воин, — Все мы были там.

— Заткнись! — закричал на него другой. — Хочешь выдать нас Тюрбанам?

— Будь мы на стороне бехренцев, вы уже были бы мертвы, — сказал Джуравиль. — Но мы не имеем к ним никакого отношения, и если вы были в отряде вместе с Бринн Дариель, то мы вам не враги. — Закончив, он сердито посмотрел на Аграделеуса.

Тот опустил тогайранца. Бедняга стоял несколько мгновений, таращась на гигантскую ящерицу, потом ноги его подкосились, и он рухнул на землю.

— Расскажи мне все, — потребовал дракон. — Хороший рассказ заставит меня на время забыть, как приятна на вкус человеческая плоть!

Тот, к кому он обращался, побелел как мел. Эльф мгновенно оказался рядом.

— Мы вам не враги! — настойчиво повторил он, — Возможно, мы даже ваши союзники. Не упрямься и расскажи о том ужасном дне и о Бринн Дариель, моем друге.

Понадобилось некоторое время, чтобы человек, к которому он обращался, и некоторые его товарищи — те, что посмелее, — пришли в себя и поведали о сражении под Дарианом. Выяснилось, что многие подробности они помнят очень смутно, а кое в чем даже противоречат друг другу.

Но в одном вопросе все были единодушны. Бринн не погибла — по крайней мере, не на поле боя, хотя никто не знал, не были ли полученные ею раны смертельными. Астамир, мистик Джеста Ту, увез молодую женщину на ее замечательном пони, но куда — никто понятия не имел.

Также все они утверждали, что далеко на юге, в горах, есть место, которое Джеста Ту считают своим домом, — монастырь под названием Обитель Облаков.

— Ваш рассказ достоин того, чтобы унять голод любого прожорливого зверя, — решительно заявил Джуравиль, не дав Аграделеусу и слова вымолвить. — Простите нас за неожиданное вторжение и стычку, так неудачно закончившуюся для некоторых из вас.

— Они первые начали! — запротестовал дракон, и люди съежились от трубного звука его голоса.

— От всей души надеюсь, что ваши раненые выздоровеют и для всех эта встреча вскоре обернется удачей — для нас, для Бринн Дариель и для тогайру, — закончил эльф, не обращая внимания на реплику Аграделеуса.

Он встал и подал Каззире и дракону знак уходить.

— Хватит прятаться и ждать, пока удастся подслушать необходимые нам сведения, — заявил Аграделеус, когда они отошли от костра.

Судя по тону, он был весьма горд собой.

Джуравиль смело вышел вперед и остановился перед драконом.

— Чтобы больше этого никогда не было! — Эльф погрозил пальцем Аграделеусу, который застыл с несколько смущенным видом, — Они нам не враги. Это люди, на которых Бринн возлагает все надежды, и горе всем нам, если ты совершишь что-нибудь такое, что отвратит тогайру от нас и от нее!

— Они просто люди, — насмешливо ответил дракон, — Тогайру, бехренцы — ха! Можно подумать, между ними есть какая-то разница…

— В данном случае есть.

— Только для тебя, малыш-эльф, — заявил Аграделеус. — По мне, все они ужасно смешные, и ничего больше — если, конечно, не говорить о вкусном мясе, которым можно

набить брюхо!

Джуравиль посмотрел на Каззиру и увидел, что его подруга огорчена и взволнована.

— Ты дал мне слово, — напомнил он дракону. — И я надеюсь, что ему можно верить.

— Ты бы лучше помалкивал, эльф, а то могу взять и разорвать наш глупый договор, — раздраженно возразил Аграделеус. — Эти люди набросились на меня с оружием! Если не считать вас, они первые, кто сделал это и живым унес ноги. Вместо того чтобы предъявлять какие-то смешные претензии, тебе следовало бы похвалить меня.

Джуравиль задумался. Аграделеус грозился нарушить их соглашение, а ведь только оно удерживало дракона от того, чтобы погрузить мир в хаос, столь же ужасный по последствиям, как тот, который учинил демон Бестесбулзибар. И последнее предложение Аграделеуса — прозвучавшее скорее как требование — нельзя было оставить без ответа.

— Ты и вправду поступил достойно, не причинив этим людям особого вреда, — вынужден был уступить он.

— Я поступил хорошо, добыв нужные нам сведения. А ты не мог сделать этого на протяжении нескольких недель, — с чувством собственного достоинства заявил дракон.

Джуравиль вынужден был признать, что они действительно продвинулись в поисках, точно зная теперь, куда идти. Но в то же время эльф понимал, что больше подобных действий со стороны Аграделеуса допускать ни в коем случае нельзя, хотя им еще многое что могло понадобиться выяснить. Хорошо, что на этот раз они нарвались всего лишь на небольшую группу вооруженных людей. А иначе…

Однако он не мог помешать дракону наслаждаться сегодняшним «подвигом». Потому что Аграделеус не просил — он требовал.

И Белли'мар Джуравиль прекрасно отдавал себе отчет в том, что, если дракон чего-то требует, ответить отказом не в его силах.

ГЛАВА 24
ДРЕВНИЕ ВРАГИ

Отряд бехренских воинов неутомимо двигался по раскаленным пескам пустыни. В безжалостном солнечном свете сверкали оружие и великолепно отполированные доспехи. Впереди шествовали конные чежу-лей, за ними — пешие солдаты Хасинты, а в арьергарде — все те, без которых немыслима жизнедеятельность армии, включая прислужников и рабов из числа тогайру. На огромное расстояние растянулись повозки с припасами, являясь залогом того, что столь многочисленный отряд сможет пересечь бесплодную пустыню с крайне редко встречающимися оазисами.

Колонну возглавлял гордый и неистовый Вэй Атанн. По сравнению с ним едущий рядом человек казался подростком. Тревога не покидала Мервана Ма на всем протяжении пути. Он и на коне-то редко сидел до тех пор, пока Чезру Дуан совершенно неожиданно не приказал ему отправиться в поход, — приказ, ошеломивший как самого юношу, так и жрецов храма Хасинты. Дело в том, что доверенному помощнику Чезру чрезвычайно редко позволялось покидать храм. Правда, Мервану Ма предписано было сопровождать воинов не до самых Огненных гор: Эаким Дуан не мог рисковать столь важным для него человеком. Юноша должен был завершить путешествие в городе ятола Перидана Горте, а оттуда вернуться в Хасинту.

Во время долгого пути Мерван Ма не раз предпринимал попытки скрасить скуку, втягивая Вэй Атанна в разговор, однако поначалу встречал лишь вежливую, но холодную отчужденность. Когда же он, отчаявшись, оставил тему бесконечных восхвалений Чезру и стал задавать вопросы о чежу-леях и их древней вражде с Джеста Ту, гордый воин все-таки соблаговолил ему ответить.

— Раньше, до познания истины, мы представляли собой единый орден, — объяснил Вэй Атанн особенно жарким днем, когда караван еле-еле тащился по раскаленным пескам. — Те, кто стоял у истоков ордена чежу-леев, были магистрами Джеста Ту.

— Но что в те давние времена представляли собой Джеста Ту? — полюбопытствовал юноша, имеющий довольно слабое представление об этих страницах бехренской истории.

— Они защищали уединенные деревни от головорезов, шныряющих по стране, где не властвовал какой-либо закон. Жрецы-ятолы помогли навести порядок в этих землях, и предтечи нынешних чежу-леев приняли их учение, но большинство древних Джеста Ту ее отвергли.

— И так началась ваша вражда, — предположил Мерван Ма.

— Чезру и воины чежу-лей захватили всю власть и влияние в Бехрене, тогда как Джеста Ту удалились в земли еще более бесприютные, чем пески пустынь, — ответил Вэй Атанн, — Истина, таким образом, победила. Время от времени чежу-леям приходится напоминать об этом своим неразумным бывшим собратьям.

Молодой человек откинулся в седле, обдумывая услышанное. Он чувствовал себя чужим здесь, среди мужественных воинов, которым вскоре предстояло вступить в кровопролитный бой. Все это приводило его в восхищение, но одновременно страшно пугало, и больше всего на свете ему хотелось оказаться сейчас в безопасности храма Хасинты, рядом со своим господином.

Каждый раз, когда караван проходил через какой-нибудь город, его жители с готовностью пополняли припасы армии, кузнецы заново подковывали коней и приводили в порядок доспехи. А когда солдаты его покидали, воздух гудел от восхищенного перешептывания жителей, с восторгом провожавших взглядами мужественных людей, отправлявшихся на войну.

Дорога от Хасинты до Огненных гор пролегала вдоль побережья до самой южной оконечности королевства, города Горта, где Мерван Ма и распрощался с воинами.

Оттуда Вэй Атанн взял направление на запад, и дальше отряд двигался от оазиса к оазису. К тому времени, когда в поле зрения воинов показались серо-черные скалистые горы, весна уже почти полностью отдала права лету.

На протяжении нескольких последующих дней песок под ногами воинов сменился каменистой землей предгорий, а по вечерам солнце скрывалось за вершинами и наступавшая прохлада значительно облегчала путь. Металлическую броню, которую до сих пор тащили в обозе, снова надели на коней, и армия двигалась не спеша, делая всего несколько миль за ежедневный переход, чтобы подойти к монастырю презренных Джеста Ту, сохранив силы.

Белли'мар Джуравиль и его спутники впервые услышали о походе воинов чежу-лей в северных отрогах Огненных гор, неподалеку от маленькой деревушки. Поход сопровождал слух о том, что во время сражения под Дарианом кем-то из Джеста Ту был убит чежу-лей, что вселило в сердце эльфа новую надежду на скорую встречу с дорогой его сердцу Бринн. Теперь Джуравиля волновало одно: как можно быстрее найти дорогу в это таинственное место под названием Обитель Облаков.

Однако заметил — и уже не в первый раз с тех пор, как они расстались с мятежниками в степи далеко на севере, — что один из спутников не разделяет его энтузиазма.

В самом деле, Аграделеус с каждым днем двигался все медленнее и неохотнее, проявляя признаки странной нерешительности, в особенности после того, как впереди начали вырисовываться силуэты горной гряды.

— Мы должны найти их до того, как произойдет сражение, — заметил Джуравиль как-то ночью, когда троица разбила лагерь в небольшой пещере у подножия гор. — Может, под покровом ночи ты сможешь принять естественный вид, Аграделеус, и полетать над горами в поисках монастыря?

— Нет, — ответил дракон так решительно и жестко, что эльфы удивленно посмотрели на него.

— Ты скучаешь по дому? — спросил Джуравиль.

Ответом ему была лишь скептическая усмешка.

— Тогда в чем дело?

Аграделеус угрожающе прищурил глаза с вертикальными, как у кошки, зрачками, и эльф понял, что дальнейшие расспросы следует прекратить.

Внезапно его осенило. Дракон боялся — или, по крайней мере, всерьез уважал — мистиков Джеста Ту. Это открытие немало удивило Джуравиля, однако лишь в первый момент. Конечно, драконов убивали в прошлом, обычно это удавалось монахам церкви Абеля, которые пользовались мощью магических драгоценных камней. С драконами вели войну и жители далекого севера, воинственные варвары из Альпинадора.

Аграделеус не хотел возвращаться к истинному облику на виду у Джеста Ту; по-видимому, он испытывал к ним то же уважение, что и к абеликанским монахам, использующим магию камней. Все это лишний раз вселяло в душу эльфа надежду на то, что, может быть, Бринн и вправду уцелела после сражения под Дарианом.

Бринн в очередной раз чистила Крепыша на маленькой, защищенной со всех сторон скалами поляне на дальнем конце длинной, усыпанной валунами долины, начинающейся у монастырской лестницы. После быстрой, неистовой скачки по полям, они оказались здесь, на берегу ручья, где тогайранка могла поплавать сама и искупать любимца.

Девушке очень нравились эти спокойные, мирные часы — время рассеянных раздумий, воспоминаний и попытки разобраться в своих чувствах.

Она настолько ушла в мысли, что не замечала ничего вокруг, в том числе и того, что возле скал возникло какое-то движение. Поэтому прозвучавший за спиной голос оказался для нее полной неожиданностью.

— Стой где стоишь, или умрешь на месте! — послышался грубый окрик, и Бринн, еще даже не видя говорящего, узнала бехренский диалект.

Когда же она повернулась, кровь отхлынула у нее от лица. Перед ней стоял не один воин, а целый отряд чежу-леев!

— Ты не носишь пояс, — продолжал он.

Тогайранка даже не расслышала слов воина, настолько была потрясена его появлением здесь. Девушка помнила этого человека по сражению под Дарианом; это он, спрыгнув со стены, убил тогда на ее глазах Ашвараву.

— Почему на тебе нет пояса, если ты Джеста Ту? — спросил воин.

Бринн поняла, что он ее не узнал. В самом деле, одета она была не как воин, на ее голове не было красного берета, и меча она при себе тоже не имела. Да, в бою под Дарианом она очень хорошо разглядела этого человека, но тот-то наверняка не обратил на нее внимания во всей этой суматохе.

— Я не Джеста Ту, — ответила тогайранка, заметив, что остальные воины передвигаются, пытаясь ее окружить.

— Мы видели, как ты спускалась по лестнице, — заявил чежу-лей.

— Я… Я тут гостья и не принадлежу к их ордену, — запинаясь произнесла Бринн, не зная, в какую сторону разумнее направить разговор.

— Взять ее! — внезапно приказал воин. — С пленницей легче будет выманить птичек из их гнезда.

На девушку попытались наброситься сзади, и она инстинктивно сделала кувырок в сторону пони.

Вскочив, обежала Крепыша, отразила направленный в лицо удар, резко наклонила голову вперед и ударила нападавшего лбом в нос. Когда тот упал, тогайранка выхватила его меч.

Она никогда не держала в руках изогнутое лезвие меча чежу-леев и, пытаясь парировать удар другого воина, поставила его под неправильным углом. В результате меч нападавшего полоснул ее по руке, между большим и указательным пальцами.

Зашипев от боли, Бринн, вместо того чтобы отступить, левой рукой шлепнула Крепыша по крупу, и умный конь нанес воину сильнейший удар копытом. Тот пошатнулся, и это позволило девушке нанести ему смертельный удар.

Однако к ней быстро приближались несколько других воинов. Она метнулась к раненому, но чежу-лей бросились ей наперерез.

Тогайранка швырнула в них меч, развернулась, обхватила Крепыша за шею и вскочила на его спину. Пони тут же поскакал прочь. Она описала небольшой круг, ища брешь в сжимавшемся вокруг кольце воинов, после чего понеслась в сторону того, что заговорил с ней.

Мимо просвистела стрела, еще одна угодила в бок Крепышу.

Пони пошатнулся и едва не упал, но Бринн с силой сжала ногами его бока, давая понять, что останавливаться ни в коем случае нельзя. С трудом восстановив дыхание, Крепыш поскакал, кренясь на один бок. Девушка низко пригнулась к его шее, понуждая его двигаться с прежней скоростью.

Воины преграждали ей дорогу до самого последнего мгновения, но потом двое из трех все же отскочили в стороны. Третий лишь отступил на шаг и вскинул меч для удара, рассчитывая сбросить всадницу с седла, когда она будет проноситься мимо, однако он понятия не имел, насколько тесно связаны друг с другом девушка и ее скакун. Его удар не достиг цели, лишь разорвал тунику и оцарапал бок тогайранки. Бринн удалось удержаться в седле, и Крепыш понес ее прочь.

Стрелы свистели совсем рядом, и несколько из них остались в теле Крепыша. Каждый раз, когда ее любимый пони отчаянно мотал головой от боли, которую причиняли ему впившиеся стрелы, слезы с новой силой принимались катиться из глаз девушки, но, несмотря на раны, храбрый Крепыш унес-таки ее от врагов.

Они пересекли долину и добрались до усыпанной валунами поляны у подножия горной лестницы. Как будто понимая, что нужно Бринн, пони вынес ее к самым ступеням и остановился.

Она соскочила с его спины, потянулась к торчащей из крупа стреле, однако не успела ничего сделать — пони тут же поскакал прочь.

Тогайранка подумала, что надо бы догнать Крепыша, но услышала быстро приближающиеся звуки преследования и только сейчас почувствовала жгучую боль от полученных ран.

— Беги, — прошептала она вслед пони и помчалась вверх по лестнице.

Несколько раз она останавливалась и оглядывалась на Крепыша. Прихрамывая, тот продолжал удаляться. Ей так хотелось оказаться рядом и облегчить его боль!

Крики преследующих ее воинов приближались, и девушка внезапно осознала, что на ней помимо заботы о собственной безопасности лежит ответственность перед Джеста Ту. Теперь она поднималась со всей возможной скоростью, больше не оглядываясь и ощущая все усиливающуюся слабость. Боль в боку затрудняла движение; коснувшись раны, она увидела на пальцах кровь.

Стараясь не обращать на нее внимания, Бринн двигалась вверх, шаг за шагом, упорно и настойчиво. Всякое чувство времени исчезло. Крики за спиной смолкли, но тогайранка знала, что останавливаться ей нельзя: стоит присесть — и у нее не хватит сил подняться и продолжить путь. Шипя от боли, Бринн решительно, упорно двигалась вверх. Очень скоро ей пришлось опуститься на четвереньки и почти ползти по ступеням.

В тот момент, когда в ее затуманенном сознании мелькнула мысль, что сил больше нет, сейчас она просто ляжет и позволит холодной тьме поглотить себя, девушка достигла верхнего края лестницы и выползла на площадку перед дугообразным каменным мостом.

Она закричала — или, по крайней мере, попыталась сделать это — и ничком упала на камни.

Вокруг послышались голоса. Бринн почувствовала, как ее подхватывают чьи-то сильные и заботливые руки.

Когда мир вокруг перестал вращаться, тогайранка поняла, что лежит на скамье в главном здании обители. Открыв глаза, она увидела склонившихся над ней Астамира и нескольких других Джеста Ту.

— Воины чежу-лей, — с трудом, тяжело дыша, произнесла Бринн. — Много… Внизу…

Лицо Астамира исказилось. Мистик медленно повернулся и посмотрел на стоящего рядом пожилого магистра.

— Я втянул вас в кровавую войну, — сказал он.

— Чежу-леям нечего здесь делать, — заметил Чаэс.

— Они пришли, чтобы отомстить за убитого мною, — объяснил Астамир.

— Им не добраться до Обители Облаков, — попытался успокоить его старик. — Пусть хоть всю бехренскую армию приведут с собой. Одолеть Джеста Ту невозможно.

Мистик тоже придерживался такого мнения, однако на его лице сохранялось обеспокоенное выражение. Он посмотрел на девушку и сказал:

— Отдыхай. Здесь никакая опасность нам не угрожает.

Сделав знак остальным Джеста Ту следовать за собой, магистры покинули комнату.

— Они бросят тебе вызов, — высказал предположение Чаэс, — в расчете на то, что гордость заставит тебя спуститься и тогда они отомстят за убитого тобой чежу-лея.

Астамир пристально посмотрел на собеседника, понимая, что за этими словами скрывается предостережение. В свое время он опрометчиво, как теперь казалось, покинул обитель, и сейчас то же самое безрассудство может заставить его спуститься вниз, прямо в руки чежу-леям.

— Они будут взывать к твоей — нашей — чести, — продолжал магистр Чаэс. — Однако в бесполезной битве никакой чести нет. Нет чести в том, чтобы умереть не за дело чести.

— Я не поддамся искушению гордыни, — заверил старика Астамир. — Пусть чежу-лей сидят у подножия хоть все лето… или даже целый год.

Магистр Чаэс удовлетворенно кивнул.

А мистик снова задумался над тем, разумно ли поступил, покинув Обитель Облаков и сражаясь на стороне отряда Ашвараву. Он испытывал ощущение, что, приняв участие в совершенно чуждой для него войне, подверг опасности орден. Однако стоило ему вспомнить о лежащей неподалеку удивительной девушке, и мысли Астамира начинали путаться. Если бы он не оказался в отряде Ашвараву, Бринн, без сомнения, погибла бы под Дарианом, и тогда, это мистик знал совершенно точно, мир для него стал бы намного мрачнее.

Подняв взгляд, он увидел магистра Чаэса, идущего вдоль ряда красных и розовых цветов. Остановившись, старик сорвал один из них и, свернув за угол, с улыбкой протянул супруге. Казалось, в Обители Облаков по-прежнему течет мирная, спокойная жизнь.

Астамир перевел взгляд на повязанный вокруг талии многоцветный пояс, напоминающий о том, что никто не занимает в ордене более высокого положения и что его решения не могут быть поставлены под сомнение никем — кроме него самого.

И когда он снова посмотрел туда, где лежала Бринн Дариель, то уже не сомневался, что все сделал правильно.

Спустя два дня по ступеням лестницы, ведущей к Обители Облаков, поднялся одинокий воин. На нем был шлем, но оружие он оставил внизу, прихватив с собой лишь мех с водой и белый флаг.

— Я хочу поговорить с Джеста Ту, который сражался под Дарианом, если он здесь, — заявил чежу-лей. — А если его нет, то с хозяином этого логова.

На мосту рядом с Астамиром стояли магистры Чаэс и Гларий.

— Он имеет в виду тебя, — заметил Чаэс.

На лице Астамира застыло мрачное выражение.

— Ты будешь говорить с обоими в одном лице, — сказал он, сделав шаг вперед. — Я являюсь хозяином Обители Облаков, и я воевал на стороне Ашвараву под Дарианом.

— Зачем ты полез не в свое дело, мистик? — насмешливо спросил чежу-лей.

— Ты желаешь обсудить эту тему здесь и сейчас?

Такая постановка вопроса поубавила воину спеси, напомнив, что он всего-навсего

посланец.

— Тут нечего обсуждать, — заявил чежу-лей после короткой паузы. — Ничто не может ни извинить, ни объяснить твоих действий. Ты убил члена нашего ордена, и мой командир Вэй Атанн требует возмездия.

— По-твоему, защитить друга от кровожадного чежу-лея — недостаточная причина? — Мистик помолчал, давая воину вникнуть в смысл сказанного, хотя и понимал, что в глазах чежу-леев этот довод не имеет веса.

Судя по всему, ссылка на участие Астамира в бою под Дарианом была скорее предлогом, чем истинной причиной их появления здесь. Лидеры ордена чежу-леев были довольны, найдя повод для того, чтобы продолжить войну со своим древним врагом, в особенности теперь, когда ситуация с тогайру разрядилась.

— И что, твой командир хочет сразиться со мной? — спокойно спросил мистик.

— Нет. Это было нападение Джеста Ту на чежу-леев, — ответил посланец, подтверждая предположения Астамира. — Орден против ордена, а не человек против человека. Соберите воинов и спускайтесь вниз, в долину. Пусть честная битва решит, кто из нас прав!

— В сердце своем мы не воины, — сказал Астамир. — Иди и скажи командиру, что вы зря проделали это путешествие, поскольку мы не покинем Обитель Облаков, а сражаться с нами здесь было бы полной глупостью с вашей стороны. И выкиньте из головы всякую мысль об осаде, хотя это было бы забавно — смотреть, как целая армия сидит день за днем, неделю за неделей, в то время как мы ни в чем не нуждаемся, потому что имеем все, что нам нужно.

— Вы спуститесь, — заявил чежу-лей с таким злорадством, что мистику стало не по себе. — Мы предполагали, что вы будете упираться, и согнали сюда тогайру из ближайших деревень. Мы начнем их убивать завтра утром, по одному ежедневно, пока вы не спуститесь.

С этими словами он поклонился и пошел вниз по ступеням, оставив позади ошеломленного Астамира.

Магистр Чаэс подошел к нему и успокаивающим жестом положил руку на плечо.

— Какую ужасную ошибку я совершил! — воскликнул мистик.

— Ты пошел туда, куда позвало тебя видение, какая же может быть ошибка? В нашем понимании это приказ. Ты носишь честно заработанный многоцветный пояс и должен делать то, что подсказывает тебе сердце, независимо от последствий.

— Последствий для меня или для всех наших братьев?

— И для тебя, и для них, — ответил Чаэс. — Это сражение навлекли на нас твое видение и судьба, но неужели ты думаешь, что чежу-лей отправились бы в путь, если бы не поняли, что в сердце своем ты заодно с тогайру в их борьбе со жрецами-ятолами? Чезру в нынешнем воплощении — впрочем, это было присуще и всем его предшественникам — явно тяготеет к насилию, и почему мы должны быть исключением? Может быть, это сражение — лучший способ защитить себя.

— Значит, по-твоему, мы должны сражаться.

— Я в этом уверен, — ответил магистр Чаэс.

Днем один из мистиков отправился вниз на разведку и вернулся обратно, чтобы сообщить о результатах наблюдений. Каждый Джеста Ту выражал желание принять участие в сражении, но магистры Обители Облаков не хотели посылать туда всех. Они смотрели далеко вперед и понимали, что орден должен быть сохранен независимо от исхода этого сражения.

Среди рвущихся в сражение была и Бринн.

— Это столько же мое сражение, сколько и ваше, — запротестовала она, узнав, что ее не включили в число тех, кому предстояло принять бой.

Ее раны уже исцелились — благодаря магической силе берета поври и действиям Джеста Ту, — и, казалось, ничто не мешает тогайранке принять участие в битве.

— Нет, — резко ответил Астамир.

— Ты ведь убил этого чежу-лея, защищая меня!

Мистик рассмеялся.

— Сражение под Дарианом не имеет ко всему происходящему никакого отношения, — объяснил он, — Оно только предлог, и ничего более, чтобы возобновить борьбу, которая началась задолго до того, как Бринн Дариель увидела первый рассвет, и будет продолжаться много лет спустя после того, как ты увидишь последний.

— Я могу сражаться не хуже… — начала было девушка.

— Не хуже всех остальных, кроме меня, Чаэса и Гларии, — с улыбкой закончил мистик.

Однако на этот раз его улыбка не смогла умиротворить Бринн.

— Позволь мне сражаться рядом с вами, — попросила она, — Я многому успела научиться в Обители Облаков.

— Ты не Джеста Ту, — ответил Астамир, — хотя, возможно, когда-нибудь и сможешь стать ею. Однако сейчас ты здесь всего лишь гостья, и, следовательно, это не твое сражение. Если ты вмешаешься, это может помешать достижению твоих же собственных целей. Ты разве забыла, с каким могущественным противником нам придется иметь дело?

Тогайранка стиснула зубы — все ее существо сопротивлялось этой простой, ясной логике.

Вскоре после полудня Обитель Облаков покинули семьдесят пять мистиков во главе с магистрами Чаэсом и Астамиром. Глария и Бринн Дариель провожали их, стоя на мосту.

Бринн покинула магистра Гларию, дав волю гневу, разочарованию и желанию побыть одной. Она понимала доводы, приведенные Астамиром в пользу ее неучастия в сражении, и даже соглашалась с ними. Но это мало утешало ее, когда девушка провожала взглядом совсем недавно обретенных друзей, уходящих вниз, туда, где им угрожала смертельная опасность…

И так как Бринн отличалась необыкновенным упрямством — она и девочкой была такой же, всегда находя способ обойти строгие приказания тол'алфар, — то решила, что, пожалуй, воспримет слова Астамира буквально. Да, это не ее сражение, но что запрещает ей просто следить за его ходом? Дождавшись, пока собравшиеся на мосту мистики разошлись, тогайранка схватила оружие и бросилась вниз по ступеням.

К тому времени, когда она оказалась внизу, у Бринн возникло впечатление, что ее друзья заняли совершенно невыгодную позицию. Вооруженные всего лишь копьями, Джеста Ту вытянулись длинной линией на большом удалении друг от друга, в то время как стоящие напротив чежу-лей сверкали доспехами, которые у мистиков отсутствовали вовсе. К тому же все воины чежу-лей были на лошадях! Неужели Астамир не понимает, что, выступая пешими против конных, он дает противникам огромное преимущество?

Девушка едва не произнесла пару крепких слов, но они застряли у нее в горле в момент, когда чежу-лей двинулись в атаку. Грохот копыт раскатился по всей долине. Джеста Ту заняли оборонительную позицию, припав к земле и выставив вперед копья.

Тогайранка вздрогнула, прикусив нижнюю губу. Между мистиками были такие расстояния, что любому опытному воину не составляло труда проскочить вне досягаемости их копий.

Чежу-лей мчались вперед, неистово вращая кривыми мечами.

Бринн так дрожала, что едва не пропустила удивительное зрелище. Действуя, точно управляемые единым разумом, мистики Джеста Ту внезапно пришли в движение и, опираясь на копья, высоко подпрыгнули. Копья согнулись под их весом и затем, резко выпрямившись, перенесли мистиков над строем нападающих!

Некоторые из чежу-леев попытались сбить пролетающих над ними мистиков, но безрезультатно. Другие начали разворачивать коней, рассчитывая затоптать противников копытами. Однако большинству чежу-леев мистики обрушились буквально на головы, и спустя несколько мгновений в долине воцарился хаос. Тут и там на земле лежали тела как

Джеста Ту, так и воинов чежу-лей и метались лишившиеся всадников кони.

Все происходило настолько быстро — взмахи мечей, удары копьями, руками и ногами, — что девушка с трудом успевала следить за происходящим. Она нашла взглядом Астамира и сосредоточила взгляд на нем.

Мистик свалил на землю всадника, увернулся от пробегавшего мимо коня и коленом надавил распростертому на земле человеку на горло. Тут же вскочил, нанес удар второму попытавшемуся подняться чежу-лею и метнулся в сторону на помощь товарищу.

Бринн содрогнулась, когда сумевший удержаться в седле чежу-лей раскроил череп этого мистика мечом. Она узнала в этом всаднике того, кто убил Ашвараву!

Астамир высоко подпрыгнул и ногой отбил удар меча чежу-лея. Схватив его за руку и держась за седло, мистик оказался за спиной противника. Однако и тот был не новичок в подобного рода переделках. Если Астамир и приобрел какое-то преимущество, то оно тут же сошло на нет, когда тяжелая латная перчатка ударила его по лицу. Пытаясь сбросить мистика, его противник вначале заставил коня встать на дыбы, а затем пустил его галопом. Через несколько мгновений оба противника слетели с бешено мчащейся лошади и, не отпуская друг друга, откатились за большой валун, оказавшись вне пределов досягаемости взгляда тогайранки. Она переключилась на то, что происходило на поле боя, и сердце девушки радостно встрепенулось — мистики Джеста Ту благодаря великолепно слаженным действиям добились заметного преимущества.

Вопреки данному обещанию держаться в стороне от сражения, Бринн выбежала из укрытия и устремилась на поиски Астамира.

Они вскочили на ноги и встали друг против друга, в стороне от основной схватки.

— Я узнал тебя, — усмехнулся чежу-лей, презрительно прищурив глаза. — Вот мы и встретились снова, мистик.

Рука Астамира ныла от удара при падении, но он отступил на шаг, сложил ладони перед грудью и отвесил учтивый поклон.

— Я магистр Астамир, — сказал он. — Назови свое имя.

— Да, я скажу тебе имя, потому что ты сейчас умрешь от удара моего меча, — ответил его противник, — Я — чежу-лей Вэй Атанн. Мои глаза — последнее, что ты увидишь в жизни!

С этими словами неистовый воин бросился в атаку, бешено вращая мечом. Астамир легко уклонился от первого удара и тут же быстро шагнул вперед. В то же мгновение на него обрушился второй, более точный удар, нацеленный в плечо.

Мистик, прекрасно умеющий сохранять равновесие, мог снова увернуться, но не стал этого делать. Потянувшись к могущественному, неодолимому стволу своей жизненной энергии и направив ее в левую руку, он молниеносно вскинул ее и отразил удар, как будто сжимал в руке металлический щит.

Одновременно кулаком правой руки Астамир ударил чежу-лея в защищенную доспехами грудь. Однако в этот удар не было вложено его Чи, поскольку весь поток энергии уходил в левую руку. Вэй Атанн пошатнулся, но всерьез не пострадал.

Чежу-лей снова бросился в атаку, пытаясь нанести удар в горизонтальной плоскости. Астамир сделал кувырок, проскользнул под мечом и откатился в сторону, прежде чем Вэй Атанн успел изменить направление удара.

И тут же меч чежу-лея снова взметнулся вверх. Мистик опять проскочил под ним, молниеносно выпрямился и обрушил на противника целую серию ударов, однако и сам получил чувствительный удар кулаком в плечо, а ногой — по колену.

Противники отступили на пару шагов и тут же снова кинулись друг на друга, словно могучие горные бараны. Они наносили удары руками и ногами, потекла первая кровь: Вэй Атанн царапнул мечом по предплечью Астамира, но в ответ получил такой мощный удар в лицо, что едва удержался на ногах.

— Ты прекрасно сражаешься, — заметил мистик.

Чежу-лей, взревев, снова бросился в атаку.

Во время очередной мимолетной передышки, когда противники на мгновение разошлись, Астамир заметил на лице Вэй Атанна кривую усмешку. Чежу-лей, который, казалось, готов был ринуться вперед, внезапно остановился.

Мистик почувствовал движение за спиной, взлетел в воздух, поджав в прыжке ноги, и одновременно повернулся.

За валуном стоял второй чежу-лей, бросивший в него копье. Он, конечно, промахнулся, но в результате разворота Астамир оказался спиной к Вэй Атанну.

Как только мистик приземлился, чежу-лей прыгнул вперед, обеими руками держа меч над головой. И этот удар не мог не достичь цели.

Чежу-лей издал победоносный крик и… получил сокрушительный удар в лицо, бросивший его на землю. Уже падая, Вэй Атанн осознал, что это был не удар кулаком, а попавшая в него стрела.

— Только, прошу, не надо меня ругать! — крикнула Бринн, подбегая к Астамиру.

— Ругать тебя? — воскликнул мистик, обрушивая на второго чежу-лея серию молниеносных ударов кулаками и ногами. — Да я должен тебя благодарить! Вот когда все кончится, я непременно отругаю тебя за то, что ты допустила самовольство!

Воин развернулся и бросился бежать. Астамир устремился за ним.

Тогайранка метнулась было следом, но услышала звуки движения за спиной и поняла, что убийца Ашвараву все еще жив.

Она замерла, нарочно не поворачиваясь, надеясь, что это послужит для него приманкой.

Так и произошло. Когда командир чежу-леев прыгнул на девушку, Бринн резко обернулась, и магический щит браслета поври легко отклонил его меч в сторону. Часть ее стрелы с отломанным оперением торчала у чежу-лея из щеки.

— Помнишь меня? — спросила тогайранка, занимая превосходно сбалансированную позу би'нелле дасада.

— С какой стати? — неразборчиво, с трудом открывая рот, произнес чежу-лей. — Ты не Джеста Ту, а жалкая трусливая ру, стреляющая только издалека!

— И разящая вблизи!

Девушка ринулась вперед с поразившей бывалого воина внезапностью. Он попытался отразить удар, но опоздал, напоровшись на клинок пылающего меча Бринн.

Стараясь сдержать стон боли, чежу-лей хотел обрушить на тогайранку новое оскорбление, но не решился заговорить, боясь, что она заметит, до какой степени ее точно нацеленный удар лишил его сил.

С трудом удержавшись на ногах, Вэй Атанн с неожиданной яростью бросился в атаку, перебрасывая меч из руки в руку, делая обманные выпады и неожиданно отступая, чтобы тут же нанести удар под другим углом.

Бринн, стоя в той же позе эльфийского танца с мечом, все время оставалась вне пределов досягаемости. Она уже поняла, что ее стиль ведения боя превосходит тот, каким владел чежу-лей. Пока тогайранка лишь защищалась, ожидая возможности нанести один-единственный, но смертельный для ее противника удар.

— Ты выглядел бы лучше без этой стрелы, — сказала она, просто чтобы разозлить и без того исступленного воина.

Чтобы он сделал еще одну ошибку…

Астамир догнал преследуемого им чежу-лея и бросился на него, словно хищный зверь. Обхватив голову противника руками, он сделал едва уловимое, но резкое движение, за которым послышался треск шейных позвонков. Вскочив на ноги, мистик заметил, что находившийся невдалеке другой чежу-лей, понимая, что ему не одолеть этого могущественного Джеста Ту, не попытался даже предпринять попытки напасть на

безоружного и, выставив перед собой меч, поспешно ретировался.

Астамир не стал его преследовать. Вместо этого он, отыскав глазами магистра Чаэса, стал перемещаться в его сторону.

Пара десятков мистиков неподвижно лежали на поле боя, некоторые из них, по-видимому, были мертвы. Более пятидесяти защитников Обители Облаков продолжали вести бой, в то время как от первоначального числа воинов чежу-лея осталось меньше половины.

Исход битвы казался очевидным, и магистры Джеста Ту обменялись хоть и мрачными, но удовлетворенными взглядами.

Однако тут протрубили рога, и долину заполнили сотни бехренских солдат — весь гарнизон Хасинты. Окружая мистиков, они старались отрезать им путь к каменной лестнице.

Увидев это, магистры Астамир и Чаэс подали сигнал к отступлению. Уцелевшие подхватили раненых товарищей и двинулись в сторону лестницы в Обитель Облаков.

Однако Астамир понял: им не успеть.

Меч Вэй Атанна вращался, словно крылья любимой бехренскими детьми игрушки. Бринн наносила удары продуманно, зная, что способна победить противника, что он, с его более тяжелым мечом и массой излишних движений, устанет гораздо раньше нее. Как только это произойдет, ее тонкий меч проскользнет между пластинами доспехов и поразит чежу-лея в грудь.

Пока тогайранка не была уверена, что в достаточной степени измотала противника.

Она нанесла удар в предплечье Вэй Атанна, потом второй, в другое плечо, но эти удары, казалось, лишь еще больше раззадоривали его.

Когда после очередного дразнящего удара девушка снова отступила, чежу-лей, великолепно держа равновесие, начал вращаться как бешеный, выставив меч горизонтально перед собой.

Тогайранка могла нанести ему последний удар в те краткие мгновения, когда он оказывался к ней спиной, но понимала, что даже в этом случае чежу-лей не остановится, по инерции продолжая ужасное вращение, и закаленное кривое лезвие разрежет ее пополам.

Поэтому Бринн остановила порыв и, вместо того чтобы нанести удар, выставила меч вертикально перед собой.

Вэй Атанн в очередной раз повернулся, их клинки скрестились. Чежу-лея, на добрую сотню фунтов более тяжелого, чем девушка, вполне устраивал ближний бой. Продолжая давить на ее меч, нависая над ней, он поднял свободную руку, собираясь нанести сокрушительный удар кулаком.

И вдруг меч тогайранки охватило пламя. Воин чежу-лей невольно остановился и даже отступил на шаг назад.

А Бринн рванулась вперед, круговым движением подняла левую руку и ухватилась за рукоятку меча рядом с правой, одновременно окружив себя магическим щитом поври. Потом она неожиданно наклонилась вперед, ее меч соскользнул с клинка противника и со всей инерцией, накопленной за время их противостояния, обрушился на голову Вэй Атанна.

Тогайранка увидела, как с обеих сторон разрубившего его череп лезвия на нее уставились мертвые глаза чежу-лея.

Услышав движение у себя за спиной, девушка поняла, что оказалась в ловушке, — меч прочно застрял в голове противника, и в данный момент она была беспомощна.

Уцелевшие чежу-леи спешно покидали поле боя. Спотыкаясь, они ковыляли к солдатам гарнизона Хасинты, плотным кольцом окружившим долину.

Астамир и магистр Чаэс в это время старались собрать вместе всех способных держать оружие мистиков и организовать из них кольцо вокруг раненых. Они понимали, что нет возможности добраться до основания лестницы, прорвавшись сквозь ощетинившийся копьями и мечами строй бехренских солдат.

— Чежу-лей больше не признают честного боя, — с отвращением заметил Чаэс. —

Знаешь, меня это не удивляет. Однако историю пишут победители, — сокрушенно добавил магистр, — и, можешь не сомневаться, наше поражение будет представлено как величайшая победа чежу-леев!

— Бринн расскажет остальным правду, — мрачно произнес Астамир. — Она должна уцелеть!

Тогайранка, напрягая все силы, освободила меч и, обернувшись, удивленно открыла рот, непроизвольно выронив оружие из рук.

— Джуравиль… — пролепетала она. — Каззира!

И чуть не упала сама, заметив маячившее над эльфами еще одно знакомое ей существо. Бринн безошибочно узнала могучего дракона, хотя в прошлый раз, когда она его видела, голова у него была в десять раз больше.

— Быстрее! — закричал Джуравиль. — Бехренские солдаты загнали твоих товарищей в ловушку!

Он жестом подозвал к себе девушку, а дракон в это время развернулся и опустился на колени.

— Садись ему на плечи, — велела Каззира.

Тогайранка на мгновение оторопела, но тут же с помощью эльфов взобралась на спину чудовища. Джуравиль и Каззира подпрыгнули и уселись рядом с ней.

Аграделеус начал увеличиваться в размерах.

Спустя считанные мгновения Бринн обнаружила, что сидит на шее дракона, принявшего знакомый ей облик!

— Как мы… — заикаясь пробормотала она, — Что…

— Сейчас не время болтать! — остановил ее Джуравиль. — Твои друзья окружены целой армией, и, если им не помочь, они обречены!

— Умрем, прихватив с собой в вечность как можно больше противников, — сказал Астамир, обращаясь к остальным Джеста Ту.

Солдаты из Хасинты воинственно взревели, готовясь броситься в атаку. Однако вырвавшийся из сотен глоток вопль утонул в звуке одного-единственного яростного клича, настолько мощного, что от его звука содрогнулась под ногами земля.

Дракон Аграделеус пронесся мимо, жаром дыхания разгоняя бехренцев, преграждающих мистикам путь к ведущей к спасению лестнице.

На плечах у него восседала Бринн, высоко вскинувшая пылающий меч, а у нее за спиной Джуравиль осыпал ошеломленных бехренцев градом стрел, поражая их одного за другим.

Те солдаты, чьи ноги не сковал ужас, развернулись и бросились бежать. Мистики, не тратя время на обсуждение столь неожиданного поворота событий, подхватили раненых и устремились к лестнице. Их никто не преследовал.

Аграделеус круто развернулся и устремился за убегающими бехренцами, выдыхая из глотки убийственное пламя. Воплощенный ужас с тремя всадниками на спине мчался за улепетывающими солдатами, и мало кому из них удалось спастись.

Испуганные тогайранские рабы, за которыми уже никто не присматривал, тоже бросились наутек.

— Не трогай их, — закричал дракону Джуравиль. — Лети над ними! А ты, Бринн, крикни им, кто ты! Скажи, пусть не пугаются, потому что Бринн Дариель явилась на спине дракона, чтобы освободить тогайру!

Вот так и рождаются легенды.

Всласть поохотившись на бехренских солдат и убив многих из них, Аграделеус с тремя всадниками на спине взлетел и завис рядом с мостом в Обители Облаков, удерживаясь в этом положении взмахами огромных крыльев. Тогайранка соскочила на землю и

остановилась перед Чаэсом и Астамиром. Множество других мистиков стояли позади, удивленно раскрыв глаза.

Без какой-либо команды со стороны сидящих у него на спине эльфов Аграделеус развернулся и скрылся за пеленой облаков.

Астамир стоял, беспомощно свесив руки вдоль тела. Ничего удивительного в его реакции не было, поскольку мистик только что стал свидетелем появления трех легендарных созданий, само существование которых многие вообще ставили под сомнение, — и в том числе огромного дракона!

— Меня обучали тол'алфар, — с места в карьер заявила девушка и подняла прекрасный меч. — Этот меч тоже создан руками эльфов, он выкован в далекой Эндур'Блоу Иннинес, долине к северу от великих гор. Один из моих спутников тол'алфар, другая тоже из близкого им рода, док'алфар, а третий… Ну, вы сами его видели.

— Совершенно верно, мы все видели третьего, моя дорогая Бринн, — сказал магистр Чаэс, ухитрившись улыбнуться. — Прими нашу глубокую благодарность, потому что сегодняшний день закончился бы трагедией для Обители Облаков, если бы не ты и твои… друзья.

— Около двух десятков наших братьев мертвы, — добавил Астамир, — И еще больше ранены, некоторые очень тяжело. Однако если бы не дракон, погибли бы все, кто спустился в долину.

— По моим подсчетам потери бехренцев составляют сотни, — ответила девушка. — Это великая победа.

— Победа? — с иронией переспросил Чаэс. — Согласно нашим воззрениям, любая война для рода человеческого не победа, а всегда лишь поражение.

Тогайранка поджала губы, не имея настроения спорить.

— Однако для меня война неизбежна, — заявила она. — И я от всего сердца надеюсь, что моя родная страна снова станет свободной. Теперь, с появлением дракона и двух других моих друзей, я могу приступить к исполнению своей миссии — изгнанию бехренцев из тогайских степей.

— Будь осторожна. Мощь дракона слишком велика, — предостерег ее магистр Чаэс.

— Важно даже не само присутствие моих друзей, а та репутация, которую они мне создали, — не колеблясь ответила девушка. — Все тогайру, ставшие свидетелями сегодняшнего сражения, расскажут о драконе друзьям и знакомым. Новость быстро распространится по степи и привлечет множество воинов, жаждущих восстать против гнета жестоких завоевателей!

— И многие из них погибнут, — заметил убежденный противник насильственных действий Чаэс.

И снова Бринн не дрогнула.

— Значит, такова их судьба.

Магистр Чаэс перевел взгляд на Астамира. Тот не отрываясь смотрел на тогайранку.

— Время моего пребывания в Обители Облаков подошло к концу, — сказала она.

— Не навсегда, может быть, — ответил мистик. — Кто знает? Не исключено, что когда-нибудь мы с тобой вернемся сюда, чтобы вместе учиться и пытаться понять смысл существования в этом мире.

При этих словах девушка удивленно раскрыла рот.

— Ты пойдешь со мной? — не решаясь поверить в это, спросила она.

Астамир кивнул.

— Я чувствую, что должен, хотя все еще не понимаю зачем. Но если ты и твои друзья готовы принять меня, я буду сражаться бок о бок с вами.

— Ты будешь рядом, когда я войду в Дариан, — сказала Бринн.

Часть четвертая

ТОГАЙСКИЙ ДРАКОН

Еще во время первого столкновения с Аграделеусом в его подземном логове я поняла, как велика его мощь. Один вид дракона заставил меня оцепенеть. Мне приходилось видеть вулканы, могучие реки и бешеные ливни, приходилось слышать грохочущий топот орды буйволов, несущихся по высокой степной траве. Все это — проявления могущества дикой природы, по сравнению с которыми мы сами, наши надежды и мечты кажутся такими мелкими и ничтожными.

То же самое относится и к Аграделеусу. Он подобен вулкану или землетрясению. И хотя в это трудно поверить, но сам дракон и вся его мощь в моем распоряжении! Как Джуравиль сумел обзавестись таким другом — выше моего понимания.

Эльфы говорят, что дракон поможет нам возродить боевой дух Тогая. Сидя у него на спине, я могу облететь все степи за пару дней, привлекая в отряд воинов и поднимая их боевой дух рассказом о том, что теперь на нашей стороне будет сражаться это сверхъестественное существо. Найдется ли хотя бы одно бехренское поселение, которое сможет устоять перед нами?

Да что там поселение! А Дариан? А сама Хасинта?

Но у этой монеты под названием «дракон Аграделеус» есть, как водится, и оборотная сторона. Способен ли он прислушиваться к нашим советам? Или для него самым важным на свете являются собственные желания и прихоти?

Я спрашивала совета у Оракула, но тот лишь напомнил мне о смерти родителей. Я остро почувствовала: они глубоко возмущены утратой нашего прежнего жизненного уклада. И еще раз убедилась, что мы не можем покорно склонить голову перед Чезру и жрецами ятолами, а древние традиции тогайру непременно должны быть возрождены.

Но все же не могу выбросить из головы мысль о том, какой огромной мощью я теперь располагаю и какая ответственность ложится на мои плечи. Аграделеус будет выполнять мои команды, так сказал Белли'мар Джуравиль. Но, вспоминая те минуты, когда дракон кинулся вдогонку за бехренскими солдатами, я поняла, что он готов подчиняться только тем командам, которые сам желает выполнять!

Боюсь, я никогда не осмелюсь позволить Аграделеусу в одиночку напасть на какой-нибудь бехренский город. Есть ли для него различия между солдатами и мирным населением? Взрослыми и детьми? Думаю, для него это лишние условности и вряд ли дракон будет вникать в столь незначительные, на его взгляд, различия в особях низшей, как он глубоко уверен, расы.

Итак, я получила удивительный шанс, который манит меня неудержимо. Теперь я могу приблизиться к своей цели семимильными шагами. Летая по небу над степями на огромном Аграделеусе — почему-то именно я, а не он получила прозвище Тогайский Дракон, — я могу вернуть нашим людям надежду на иную жизнь и поднять их на борьбу с захватчиками.

И тогда я, возможно, увижу, что представляет собой истинный Аграделеус, который, по словам Джуравиля, отнюдь не является совершенно неуязвимым. Армия, оснащенная соответствующими орудиями, способна осуществить это.

И надо признаться, что какая-то часть моей натуры надеется на подобный исход событий. Потому что как ответить на вопрос: что делать с драконом, когда Тогай вновь обретет свободу?

Не исключено, что после победы над Бехреном я вынуждена буду возглавить поход против Аграделеуса. Хотя и надеюсь всем сердцем, что этого не произойдет, потому что такой исход невероятно страшит меня.

Белли'мар Джуравиль не раз предупреждал, что, стремясь к победе, я должна закалить сердце, сделав его невосприимчивым к ужасам войны.

Своим присутствием дракон просто лишний раз подчеркивает эту мысль.

Судьба, дай мне сил!

Бринн Дариель

ГЛАВА 25
ЛЕГКАЯ ПОБЕДА

Калиит Тимиг сидел в затемненной комнате наедине со своими мыслями, мучимый ужасным чувством вины. Так он проводил почти все дни со времени страшного поражения у подножия Огненных гор. Он узнал о нем от немногих чежу-леев и солдат гарнизона Хасинты, которым повезло уцелеть во время побоища и последующего перехода по бесплодной палящей пустыне.

Все рассказы сводились к тому, что внезапный поворот в сражении произошел после неожиданного появления дракона, на спине которого восседала женщина-воин с пылающим мечом в руке!

Дракон! Слыханное ли дело? Легенды, конечно, рассказывали о таких созданиях, но даже в них никогда не говорилось ни об одном драконе, принявшем ту или иную сторону в столкновении людей между собой!

Все это было за пределами понимания главы ордена чежу-леев. Немыслимо! Дракон, конечно, всего лишь проявление магии Джеста Ту; ведь известно, что мистики могут обладать такими возможностями. Вернувшиеся чежу-леи все как один утверждали, что никто из участвовавших в бою мистиков не применял магии и не использовал волшебных драгоценных камней, хотя несколько таких камней у проклятых Джеста Ту имеются, это точно.

Может, самые их выдающиеся колдуны остались наверху, рассуждал Калиит Тимиг, и объединенными усилиями создали могущественного зверя или, что вернее, — его иллюзию.

В любом случае, произошло ужасное несчастье, и этого отрицать нельзя. За один день столь восхваляемый всеми орден чежу-леев оказался вырезан наполовину, и множество прекрасно обученных воинов, лучших во всем Бехрене, а может, и во всем мире, остались лежать в далекой бесплодной земле. Эта ноша так тяжко давила на плечи старого воина, что временами казалось — он не выдержит. Какой ужасный промах он совершил, какое бедствие принесло его правление древнему ордену!

Калиит Тимиг не прервал горестных размышлений, даже когда услышал звяканье дверного колокольчика. Дверь отворилась, но он продолжал сидеть со смеженными веками, не замечая просочившегося в комнату света.

Однако голос, который его окликнул, он проигнорировать не мог, сколь бы велико ни было желание старика остаться наедине с самим собой. Тимиг медленно открыл глаза, повернул голову и увидел в дверном проеме знакомый силуэт.

— Глас Бога…

— Сколько времени ты уже сидишь здесь, Калиит? — осведомился Чезру Дуан, — Прячась от всех, пока твой орден пытается найти способ оправиться от постигшей его беды?

— Она не имеет себе равных, — ответил Тимиг. — Я не знаю, как нужно поступать дальше, и размышляю в надежде найти выход.

— Ты просто забился в темную нору, — обвиняющим тоном произнес Чезру, и за его спиной взволнованно задышал Мерван Ма, помощник Дуана, так вовремя покинувший войска.

— Я уже сказал, что ищу достойный выход из создавшейся ситуации, и ничего более, — объяснил старик, постаравшись, чтобы его голос прозвучал как можно увереннее.

Эаким Дуан рассмеялся.

— Ты погубил бы весь орден, если бы я не вмешался и не заставил тебя оставить часть воинов здесь. Что было бы сейчас с чежу-леями, если бы все они отправились в этот забытый Богом край? И ради чего, Калиит Тимиг? Чтобы отомстить за смерть одного-единственного воина, убитого в честном бою?

Голова старика снова поникла; вся его решимость дать отпор Гласу Бога испарилась. Это так: вина лежит именно на нем. Словно черные крылья отчаяния, она заслонила от него

весь остальной мир. И от этой беды не сбежать, чтобы он ни делал, пытаясь воссоздать утраченное или прячась во мраке, боясь посмотреть правде в глаза.

— Тебе, конечно, известно, что уцелевшие чежу-лей ломают головы над тем, что же произошло, — произнес Чезру Дуан. — А некоторые поклялись отомстить и надеются, что ты снова пошлешь всех оставшихся в Огненные горы.

Услышав это, Тимиг вскинул голову и пристально посмотрел на Эакима Дуаиа. Действительно, может быть, это и есть выход? Отомстить за павших, уничтожив проклятых Джеста Ту!

— Если ты предоставишь в мое распоряжение армию, я могу превратить поражение в великую победу, — решился наконец сказать он.

И снова услышал издевательский смех.

— В победу? Победу над кем? Над Джеста Ту? Но они не враги ни мне, ни Бехрену. Если только мистики не выступили в военный поход против нас, о чем мне пока ничего не известно.

— Один из Джеста Ту был под Дарианом, сражаясь в отряде бунтовщиков, выступивших против ятола Гриаша, — сказал Тимиг. — А потом он вернулся в Обитель Облаков и, по словам тех, кто был там, участвовал в бою. Конечно, это…

— …ничего для меня не означает, закончил за него Эаким Дуан. — Мысль отправить против Джеста Ту чежу-леев могла прийти в голову только полному идиоту. Известно ведь — не трогай лихо, пока оно тихо. Не я разбудил дракона, Калиит Тимиг. Это результат твоих усилий.

Старик сокрушенно опустил взгляд.

— Наверное, и мне не следовало посылать с твоими воинами солдат гарнизона Хасинты, — заметил Чезру, но тут же поправился, поскольку не к лицу тому, кто напрямую разговариваете Богом, совершать подобные промахи. — Но если бы я не сделал этого, то, возможно, никто из твоих чежу-леев не вернулся бы живым, а заменить простого солдата несравненно легче, чем великолепно обученного воина из элитного подразделения… Итак, откуда ни посмотри, Тимиг, кругом виноват ты один. Я позволил тебе совершить глупость, хотя это шло вразрез с моим пониманием истинного положения дел, только потому, что речь шла о чести возглавляемого тобой ордена. Такую просьбу нельзя отвергнуть, чего бы это ни стоило. Хотел бы я знать, каким образом ты теперь собираешься защитить свою честь? Ты не справился с тем, что тебе было поручено! Неужели ты считаешь, что имеешь моральное право и дальше оставаться главой чежу-леев? Или ты слишком труслив, чтобы совершить тот единственный поступок, который действительно сможет защитить твою честь?

Снова из-за его спины послышалось учащенное дыхание — Мерван Ма, как и Калиит Тимиг, был потрясен, услышав эти жестокие слова.

Произнеся их, Чезру Дуан рассмеялся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Старик долго сидел, в отчаянии прикрыв глаза, снова и снова обдумывая услышанное. Слова Гласа Бога лишь дали новую пищу ни на миг не прекращавшим терзать его демонам вины, и неудивительно, что взгляд Тимига все чаще обращался к прекрасному мечу с кривым лезвием, лежащему неподалеку на резной подставке.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, старый воин подошел к мечу и пристально посмотрел на него. Даже в тусклом свете лезвие, казалось, излучало силу. Калиит Тимиг протянул руку и коснулся холодного металла, испытанного в бесчисленных боях. Это был древний меч, передававшийся в его роду из поколения в поколение. Чем больше его клинок находился в деле, тем более острым становился.

Взяв меч в руки, Тимиг долго рассматривал замысловатые руны, вырезанные на гладкой поверхности металла.

Потом он бросил взгляд на дверь и снова вспомнил слова Гласа Бога, понимая, что они несут в себе истину.

Старый воин вышел на середину комнаты, установил великолепный меч на полу острием вверх и примерился, чтобы оно находилось точно напротив груди. Он не справился

с задачей, отрицать это дальше было невозможно, вина его велика, и нет ей прощения.

И Калиит Тимиг, сделав последний шаг в жизни, упал грудью на клинок меча.

В Чом Дейру стало известно о смерти Калиита Тимига на следующий день. Кто-кто, а Чезру Дуан ничуть этому не удивился. Собственно, его вполне устраивал такой поворот событий, поскольку это самоубийство позволило ему и дальше перекладывать вину за провал похода к Огненным горам на плечи Тимига.

Больше от старика ничего и не требовалось; сейчас у Дуана были другие заботы. Со времени разгрома в Огненных горах уже не один ятол из соседней провинции обращался к нему с просьбой прислать подкрепление на случай появления огнедышащего монстра; повсюду царили явно панические настроения.

Однако сам Чезру не воспринимал это поражение как непомерное несчастье. На всем пути от Огненных гор до Хасинты он расставил соглядатаев и каждый день получал с курьерами доклады о том, что в этих местах происходило. И хотя прошло уже несколько месяцев, никакой угрожающей для Хасинты деятельности в районе убежища Джеста Ту замечено не было, равно как никто не сообщал о летающем в тех краях драконе.

Конечно, Джеста Ту, если так можно выразиться, сильно проредили орден чежу-леев, и Дуан потерял в Огненных горах лучших воинов. Но тогайру тем не менее, после того как с помощью хитроумного замысла ятол Гриаш уничтожил этого дерзкого негодяя Ашвараву, вели себя смирно. Было спокойно и в северном королевстве, политика которого в отношении Бехрена не претерпела существенных изменений, после того как новым отцом-настоятелем церкви Абеля стал Фио Бурэй.

Лето 842 года Господня Эаким Дуан провел в Хонсе-Бире, неподалеку от Энтела, путешествуя инкогнито и даже теша себя надеждой, что, может быть, Возрождение не придется откладывать на длительный срок.

После оглушительного разгрома воинов чежу-лей в Огненных горах тогайранке не терпелось перейти к решительным действиям. Однако Белли'мар Джуравиль постоянно призывал Бринн к терпению, напоминая ей том, что их враг все еще очень силен.

Для передвижения тогайранка и эльфы использовали Аграделеуса, причем вместе с ними путешествовал и Крепыш, для которого мистики Джеста Ту соорудили специальное стойло, крепившееся ремнями под брюхом дракона.

На протяжении последних месяцев Бринн и ее спутники останавливались во всех селениях, которые попадались им на пути. Девушка рассказывала людям о товарищах и о том, как она поведет тогайру к свободе. Вся ее миссия получила название «Осеннее кочевье». Подобные события не раз случались в истории тогайру и ранее — когда после поражения одного из враждующих племен его уцелевшие в боях воины скрывались в степи. Правда, к такому приему никогда не прибегали все тогайру, но ведь никогда раньше весь их край не был завоеван, и никогда раньше во главе восстания не стояла тогайранская девушка-рейнджер, прошедшая обучение у эльфов да к тому же летающая на драконе!

Бринн глубоко вздохнула, глядя на раскинувшееся перед ней знакомое поселение. Это была деревня Телликвик — та самая, в которую девушка вошла сразу же по возвращении в Тогай.

Она опустила плечи, словно человек, уставший от долгой дороги, и натянула на голову капюшон изношенного плаща. Приблизившись к воротам, Бринн заметила удивленные взгляды, которые бросали на нее стражники, и заговорила хрипловатым голосом с простонародным акцентом:

— Ох, пропало, все пропало — и телега, и мои бедные кони!

— У тебя была телега? — спросил один из стражников.

— И телега, и муж, и друзья! — Девушка, приблизилась, не сводя с него полубезумного взгляда.

Сама она этого человека не помнила, но опасалась, что тот может узнать ее, ведь когда

год назад Бринн убила здесь ятола Тао и чежу-лей Дии'дак, многие из бехренцев имели возможность достаточно хорошо ее разглядеть.

— И что же с ними случилось? — с усмешкой полюбопытствовал стражник.

— Убили на дороге! — всхлипнула девушка. — Проклятые грабители… Их было так много!

Сдерживая ухмылку, стражник успокаивающе похлопал ее по плечу. В степи не действовали никакие законы, и нападения грабителей не рассматривались как такая уж большая беда — всеми, кроме их жертв, разумеется. Бринн была уверена, что бехренцы не откликнутся на просьбу какой-то жалкой полусумасшедшей ру.

— Ну-ка, расскажи, где это произошло, — велел солдат.

— В пятнадцати днях пути отсюда, — ответила девушка.

— В пятнадцати?!

— Да! — дурным голосом запричитала Бринн. — Бехренцы, вы же наши защитники! Подымайте товарищей: скачите на юг, там вы этих грабителей и найдете. Отомстите им за моего мужа и моих друзей!

Теперь, уже не таясь, засмеялись оба стражника.

— Мы расскажем об этом ятолу Торнуку.

— Я сама хочу говорить с ним!

— Это не положено, мы сами расскажем ему обо всем. — В голосе стражника снова появились успокаивающие нотки. — А ты пока отдохни и перекуси в таверне, если есть чем заплатить, конечно.

Он открыл ворота и пропустил Бринн в деревню, наблюдая за тем, куда она пойдет.

Войдя в трактир, тогайранка испытала огромное облегчение, заметив среди присутствующих тех, с кем она непременно хотела увидеться. Пробравшись к угловому столику, она уселась рядом с Тсоланой и Барачаком.

Слегка откинув капюшон, девушка широко улыбнулась, но тут же снова прикрыла лицо.

— Ох! — негромко вскрикнула Тсолана. — Мы уже и не чаяли увидеть тебя в живых…

— Тогайский Дракон вернулась, чтобы встретиться с нами, — прошептал Барачак, наклонившись над столом. Девушка изумилась. Значит, это ее прозвище действительно уже повсеместно известно? — Ты пришла, чтобы рассказать нам о «Кочевье»? У нас в Телликвике об этом уже наслышаны. Молва опередила тебя, и среди нас найдется много желающих принять участие в борьбе с захватчиками.

Не в силах вымолвить ни слова, Бринн лишь кивнула старику.

— А ты и вправду летаешь на драконе? — поинтересовалась Тсолана, предварительно оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто не прислушивается к их разговору.

— Это долгая история, — ответила девушка.

— Тогда пошли к нам, — предложил Барачак. — Расскажешь нам все, а мы передадим это тем, кто кочует в степи.

Бринн улыбнулась: на стариков можно было положиться.

Они беседовали долго. Девушка, почти ничего не скрывая, рассказала о сражении в Огненных горах. К ее удивлению, выяснилось, что старики уже встречались с эльфом, который назвал себя ее другом.

— Можешь, как раньше, переночевать у нас, — сказала Тсолана, когда перевалило далеко за полночь.

Бринн задумалась, вспоминая время, проведенное с этими людьми, которые в чем-то заменили ей родителей.

— Нет, я должна идти, — наконец ответила она. — У меня осталось всего несколько дней. Скоро события начнут развиваться стремительно. Теперь вы знаете обо всем и, заметив сигнал, присоединитесь к нам. Я надеюсь, что мы соберем достаточно воинов из числа тех тогайранцев, что хотят принять участие в нашей борьбе.

— И лотом ты поведешь их на бехренцев! — с удовлетворением произнес Барачак. —

Торнуку, присланному сюда взамен того пса, которого ты убила, полагаю, тоже не поздоровится!

Презрение старика было понятно девушке: имя выдавало в новом ятоле Телликвика тогайранца. Этой деревне прямо-таки «везло» на отступников! В глазах ее гордого народа предатели были гораздо хуже самих бехренцев.

— Мы завоюем себе свободу, а все, кто принес столько горя в наши края, получат по заслугам, — заверила стариков Бринн.

Она подошла к Барачаку и расцеловала его в обе щеки, потом крепко обняла Тсолану.

Три ночи спустя Бринн верхом на изрыгающем пламя драконе пролетела над степью. Завидев в небе языки огня, тысячи ее соплеменников выскользнули из деревень в темную степь. Кое-где произошли стычки с бехренскими солдатами, которые пытались задержать беглецов. Ушедшие в степь собрались в заранее оговоренном месте.

У Эакима Дуана возникло чувство, будто его что-то гложет изнутри. Он стиснул кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Карвин Пестль, принесший столь неприятные новости из Дариана, с тревогой посмотрел на Мервана Ма, и тот сделал ему знак отойти от кресла Чезру Дуана.

— Только не это, — процедил Эаким Дуан сквозь стиснутые зубы. Каждое произносимое слово давалось ему с трудом.

— Ятол Гриаш просит у тебя прощения, Глас Бога, — беспрерывно кланяясь, снова заговорил Пестль. — Ему очень не хотелось беспокоить тебя, Великий, сообщая об этом, но бегство тогайру внушает ему самые серьезные опасения.

— И что, все сбежали? — спросил Чезру.

— Почти все, Глас Бога, — ответил Пестль. — Кроме тех, кого удалось задержать на месте. Мы разослали по всей степи солдат, а наши поселенцы спешно организуют дополнительную защиту.

— Вам удалось схватить кого-нибудь из сбежавших?

Карвин Пестль съежился.

— Нет, Глас Бога. Поселенцы из ополчения завязали в одном месте бой против Тогайского Дракона, но были разбиты.

— Дракон? — переспросил Дуан. — Так с поселенцами сражался настоящий дракон?

— В полученных донесениях сообщается, что в ту ночь, когда тогайру ушли в степь, по небу летал огромный дракон, но в боевых действиях он не участвовал. Ятола Гриаша очень огорчает мысль, что ему приходится отнимать у тебя драгоценное время, Глас Бога, но он опасается, что этот противник гораздо опаснее Ашвараву.

Эаким Дуан еле заметно улыбнулся; он знал, что последнее замечание предназначено исключительно для того, чтобы напомнить о блестящей победе у ворот Дариана, одержанной Гриашем над этим безмозглым главарем мятежников. То была последняя хорошая новость, которую услышал Дуан!

— Он, наверное, и в самом деле так считает, раз послал сюда помощника, — заметил Чезру. — Ятол Гриаш, без сомнения, заслуживает моего доверия и уважения. Ты просишь два двадцатирядных каре? Я дам тебе три, причем верховых. — Глаза его собеседника округлились от изумления. — Но при условии, что вы используете их не только для защиты Дариана, — продолжал Эаким Дуан. — Сомневаюсь, что после разгрома Ашвараву у этой новой предводительницы смутьянов хватит глупости сунуться в Дариан. Я выделю ятолу Гриашу лучших солдат Хасинты. Но он, в свою очередь, должен пообещать, что отправит их прочесывать степь, уничтожит всех бунтовщиков и накажет тогайру так жестоко, чтобы они в дальнейшем даже думать боялись о неповиновении!

— Я все передам ятолу, Глас Бога!

— Ты уверен, что хорошо меня понял? — Чезру выбрался из кресла и остановился перед Пестлем, — Скажи своему ятолу, что он должен очистить от скверны как тогайские

степи, так и головы тогайру. Я не желаю, чтобы во время Возрождения эта угроза продолжала висеть над нами, — На лице Карвина Пестля возникло недоуменное выражение. — Очистить от скверны, — повторил Эаким Дуан. — Уничтожить всех бунтовщиков. Ты слышишь: всех! Я рассчитываю в самом скором времени услышать из Дариана о том, что тогайру должным образом наказаны.

Карвин Пестль склонил голову в поклоне и, повинуясь жесту Чезру, удалился.

— Что тебя беспокоит? — спросил Дуан Мервана Ма, взглянув на расстроенное лицо юноши.

— Глас Бога, мне не к лицу задавать вопросы…

— Но в данном случае такова моя воля, — сказал Эаким Дуан, — Тебя смущают распоряжения, которые я передал через Пестля?

— Очищение от скверны…

На лице Чезру возникла зловещая улыбка.

— Эти упрямцы тогайру страшно мне надоели. Не желаю больше иметь из-за них никакого беспокойства. Они сами накликали на себя беду — вот пусть и пожинают теперь плоды своей наглости и неповиновения! Тысяча двести солдат, друг мой, и во главе каждого каре воин чежу-лей… нет, два чежу-лея! Мы завоюем Тогай снова, и на этот раз — окончательно. А потом я смогу уйти на покой, Мерван Ма. Мое терпение и силы на исходе.

Все это было сказано таким холодным тоном, что молодой человек не поверил своим ушам и, не осмеливаясь задать еще какие-либо вопросы, поклонился и оставил своего господина в одиночестве.

Эаким Дуан долго стоял, обдумывая собственное решение. Три двадцатирядных верховых каре! Но он понимал, что стоит на кону, а после поражения в Огненных горах ставки поднялись еще выше. Гриаш, имея под рукой такие силы, должен разметать по степи мятежников и вырвать с корнем новую вредную легенду об этом их Тогайском Драконе.

Успокаивал, по крайней мере, тот факт, что, согласно последним донесениям, Джеста Ту действительно сидят у себя на горе, не проявляя никаких признаков желания присоединиться к взбунтовавшимся кочевникам.

ГЛАВА 26
ИГРАЯ НА СЛАБОСТЯХ ПРОТИВНИКА

— Три двадцатирядных каре, — сообщил Астамир Бринн десятого баффэя, третьего месяца года. — Тысяча двести всадников.

— Тем чувствительнее будет удар, — отозвалась тогайранка.

Мистик хотел было ей возразить, но раздумал, пристально глядя на девушку. Они потратили зимние месяцы, собирая всех, кто хотел присоединиться к Бринн Дариель. Войско образовалось внушительное, гораздо более многочисленное, чем можно было рассчитывать после гибели Ашвараву. Все дело было в том, что весть о победоносном сражении в Огненных горах распространилась по степи со сверхъестественной быстротой. Если этот Тогайский Дракон оказалась в состоянии уничтожить крупный отряд чежу-леев и обратить в бегство солдат Хасинты, то кто сможет одержать над ней верх? Все вставшие под знамена Бринн Дариель тогайранцы горели желанием сражаться и с радостью последовали за предводительницей в пустыню к югу от Дариана.

— У нас около шести тысяч воинов, — напомнила Бринн охваченному сомнениями мистику.

— На самом деле в нашем распоряжении всего четыре тысячи, — возразил Астамир. — Остальные, как ты приказала, помогают войску. К тому же, обращая взор на восток, ты забываешь о множестве надежно укрепленных деревень, которые останутся у нас в тылу.

— Ты что, не согласен со мной? — с простодушным видом поинтересовалась тогайранка.

Мистик растерянно усмехнулся.

— Я ищу брешь в твоих планах, — ответил он. — Ты сама просила меня об этом.

Бринн рассмеялась и обняла за плечи верного друга. Действительно, она просила Астамира выступать в качестве ее совести и здравого смысла, ставить под сомнение все ее решения, приводя любые аргументы, которые он мог найти, и предлагая возможные альтернативные решения. Вот только она и понятия не имела, насколько хорошо он справится с этой задачей!

— Четырех тысяч нам вполне хватит, — решительно произнесла девушка. — Дариан падет.

— Спаленный огнем дракона? — осведомился мистик. — Учти, на вооружении этого города находится множество баллист. Одного прицельного выстрела из такого орудия достаточно, чтобы сбить Аграделеуса, а на земле он попадет под такой град стрел, что даже его бронированная чешуя, может быть, не выдержит.

— Аграделеусу будет отведена не такая значительная роль, а может, я вообще оставлю его в резерве, — отозвалась тогайранка.

Мистик удивленно посмотрел на нее.

— Но…

Бринн заметила, что некоторые командиры, услышав ее последнее замечание, стали более внимательно прислушиваться к их разговору.

— Я сыграю на самоуверенности ятола Гриаша, — объяснила девушка. — Но удар нужно нанести быстро, до того как Бехренские солдаты вернутся в город.

— Ты собираешься атаковать обнесенный стеной, хорошо укрепленный город, который защищают полторы тысячи опытных солдат и примерно столько же призванных на военную службу гражданских лиц всего-навсего с четырьмя тысячами воинов? — спросил Баргис Траудок, один из ее командиров, человек уже в возрасте, пришедший из Телликвика.

— Нет, — возразила Бринн, — Мы будем атаковать укрепленный город с гарнизоном всего в двести солдат, бросив против них около четырех тысяч отважных воинов тогайру.

Все удивленно воззрились на нее, но девушка лишь улыбнулась. Даром, что ли, столько лет тол'алфар учили ее стратегии и тактике, а потом, уже в Обители Облаков, она с пристальным вниманием изучала историю Бехрена? Тогайранка хорошо представляла себе возможную реакцию бехренских командиров, в особенности тех, которые были на службе у ятола Гриаша.

Да, Бринн могла позволить себе улыбаться. Теперь она куда лучше знала врага, понимала, что он непомерно уверен в собственных силах и страстно жаждет повторить громкую победу, одержанную год назад над Ашвараву. Знала, как раздразнить его, поманив возможностью легкой победы, а затем отнять ее буквально из-под носа и разделаться с противником — быстро и жестоко.

— Он чувствует себя незаслуженно обиженным, — сказал Джуравиль, когда в тот же день Бринн пришла повидаться с эльфами и Аграделеусом в их лагерь, который они устроили чуть в стороне от остальных воинов на краю утеса.

— Он жаждет крови, — раздраженно ответила тогайранка.

— Не крови, а приключений, — поправила ее Каззира. — Аграделеус — не слишком-то терпеливое создание, а ты вот уже несколько месяцев держишь его в стороне от основных событий, используя только как средство для перевозки людей и припасов.

— Я величайший воин в мире! — раздался шипящий голос. Все трое резко обернулись и увидели приближающегося Аграделеуса с мертвой косулей на плече, причем нес он ее с такой легкостью, словно это был кролик. — Может, ты боишься, что твои воины увидят меня во всей красе и упадут на колени, умоляя, чтобы я стал вместо тебя их предводителем?

— Вовсе нет, просто я не хочу, чтобы наши враги раньше времени увидели, какова твоя истинная сила.

Дракон презрительно фыркнул, выпустив из ноздрей клубы дыма.

— Они уже убедились, каков Аграделеус в ярости, — там, на юге…

— Оттуда смогла унести ноги всего горстка бехренцев, настолько испуганных и отчасти даже лишившихся рассудка, что их словам не очень-то верят, — возразила Бринн. — На основании их сбивчивых рассказов в Бехрене, скорее всего, решили, что дракон — всего лишь иллюзия, сотворенная Джеста Ту. Неужели я снова должна напоминать тебе об этом? Выиграть всю войну, Аграделеус, гораздо важнее, чем одно-единственное сражение.

Дракон снова презрительно фыркнул, как будто мысль о том, что он всего лишь дело рук мистиков, казалась ему совершенно абсурдной, хотя бехренские солдаты, захваченные в плен в одном из селений, действительно подтвердили, что такая версия существует.

— Я нападу на Дариан завтра утром, — сообщила тогайранка.

— А я буду летать над городом завтра утром! — объявил Аграделеус. — Неужели тебе все равно, кто понесет тебя в бой — эта легкая закуска, которую ты называешь Крепышом, или тот, на ком не стыдно показаться будущей правительнице!

Джуравиль и Каззира обеспокоенно посмотрели на Бринн, но та лишь улыбнулась.

— Ты нападешь на город завтра ночью, — поправила она дракона. — Надеюсь полететь с тобой, но если это по какой-то причине окажется невозможно, ты и эльфы будете знать, что делать.

Улыбка Бринн показала ее друзьям, что за этими словами кроется нечто гораздо большее, что у нее есть определенный замысел, придающий ей уверенности. И девушка изложила им этот план; эльфы выслушали ее очень внимательно и не перебивая; даже в ворчании Аграделеуса на этот раз явно звучали нотки одобрения.

— Довольно дерзкий план, — сказала эльфийка Джуравилю, когда они остались одни. — Причем задуман с учетом всех слабостей, присущих ятолу Гриашу.

Ее друг оглянулся, дабы убедиться, что дракон не обращает на них никакого внимания, поедая добычу.

— И с расчетом на то, чтобы одержать победу, сохранив в секрете истинную мощь дракона. И не только от противника, но, что даже еще важнее, — от собственных воинов.

— Думаешь, Аграделеус осознает, чего она опасается?

— Нет. Я думаю, что Бринн слишком умна, чтобы раскрывать все карты сразу. Она понимает, что, независимо от присутствия дракона, усилиями Чезру в тогайских степях осталось слишком мало тех, кто готов встать под ее знамена.

— И все же она предпочитает напасть на Дариан, вместо того чтобы пройтись по степи и очистить ее от мелких воинских отрядов.

— Она считает, что должна нанести решительный удар. — Джуравиль перевел взгляд на скачущую на Крепыше Бринн, и улыбка уважения осветила его узкое лицо с острым подбородком.

— Смутьяны замечены на севере в долине Мазур-Шинтон, ятол, — доложил Гриашу Карвин Пестль. — Внушительный отряд, в несколько раз больше того, каким командовал Ашвараву.

— А как там насчет летающих над ними драконов? — с иронией осведомился Гриаш и, криво улыбнувшись, Отвернулся от висящей на стене карты, которую изучал его помощник.

— Возглавляет отряд Тогайский Дракон, — ответил Пестль. — Я имею в виду женщину, а не зверя.

Ятол рассмеялся. Когда в Дариан прибыли солдаты из Хасинты, он предложил им обустроиться в городе и отдохнуть, а уж потом, с приходом весны, начать прочесывать степи. Как он радовался теперь этой отсрочке! И тому, что организовал их прибытие без всякой помпы, по-тихому — настолько, насколько это было возможно. И ведь оказался прав! Потому что каждый день к нему поступают сведения, что эта их предводительница, Тогайский Дракон, покинула степи и вторглась со своим войском в пределы Бехрена.

— Говорят, она воевала вместе с Ашвараву, — заметил Гриаш. — Ты слышал об этом? — Карвин Пестль кивнул. — Она жаждет мести и, по-видимому, весьма страстно. Даже готова не принимать во внимание, что в нашем распоряжении больше тысячи двухсот

воинов.

— Мы выведем их из города, как в прошлый раз, с Ашвараву, ятол?

— Нет, — решительно ответил Гриаш. — Эта женщина хорошо помнит, что случилось тогда, и, без сомнения, будет искать признаки крупных воинских соединений неподалеку от города. Наши силы останутся в Дариане. И с сегодняшнего дня никто не вправе покинуть город! Ни бехренцы, ни ру! Понятно?

— Да, ятол, этот приказ уже передан всем стражникам, охраняющим городские ворота.

— Вот пусть этот Тогайский Дракон и бросается прямо на ворота. Мы обрушим на шайку презренных бунтовщиков всю свою мощь и раздавим их под нашими стенами.

— Я в этом не сомневаюсь, ятол.

Гриаш перевел взгляд на карту, на долину Мазур-Шинтон. Если в донесениях все указано точно, Тогайский Дракон окажется у ворот Дариана уже сегодня вечером. Что ж, эта женщина найдет здесь погибель, как до нее подобная же участь настигла Ашвараву.

Эта мысль заставила ятола Гриаша вспомнить о друге Вэй Атанне, чьи кости белели сейчас на выжженных солнцем камнях далеко на юге, и пожалеть о том, что неистовый чежу-лей не примет участия в новой победоносной битве.

Однако сейчас в его распоряжении семь воинов чежу-леев, напомнил себе Гриаш: шесть возглавлявших присланные из Хасинты каре и новый военный советник. Хватит, чтобы разделаться с этой возомнившей о себе невесть что мятежницей, дракон там она или нет. А потом сам Гриаш возглавит поход в Тогай — проведет, если понадобится, все лето в степях, но примерно накажет тех, кто поддерживал бунтовщиков. Кто не желает жить по правилам Бехрена, тот жить вообще не будет.

Все очень просто, не так ли?

— В линию! — приказала Бринн.

В качестве передового отряда она выставила около тысячи человек, с большими промежутками вытянув их в одну линию неподалеку от Дариана. Стены города темными силуэтами вырисовывались на фоне городских огней.

Тогайранка бросила взгляд на Астамира. Она просила его не принимать участия в сражении, но тот решительно отказался. И, по правде говоря, девушка была рада этому. Теперь, когда настало время, ей пришлось бы гораздо труднее, не окажись его рядом.

Но что, если он падет, сраженный стрелой?

Бринн постаралась выкинуть эту мрачную мысль из головы.

— Зажечь факелы! — скомандовала она.

Приказ начали передавать по линии, и те храбрецы, кто добровольно вызвался наступать с факелами, зажгли их.

— Вперед, не спеша! — выкрикнула девушка.

В медленном ритме ударила барабанная дробь, и, держа линию, тогайранцы двинулись в направлении городской стены. Грохот барабанов наверняка был слышен в Дариане, на что, собственно говоря, Бринн и рассчитывала.

На стене между тем вспыхнули новые факелы, и чей-то голос громко воззвал:

— Остановитесь и сообщите, кто вы!

— Разве ятол Гриаш не узнал меня? — спросила девушка. — Неужели он не слышал о Тогайском Драконе?

За ее спиной послышались одобрительные возгласы, а Астамир заметил:

— Хорошо сказано.

Именно такая поддержка ей от него и требовалась!

— Лучники! — крикнула Бринн, и тысячи стрел, взмыв в темное небо, понеслись в сторону Дариана.

Особого вреда они, однако, не причинили, — расстояние до городской стены было еще достаточно велико.

Но тогайранка и предназначала их совсем для другого.

Она вскинула меч и заставила его вспыхнуть. Барабаны смолкли.

— За свободу Тогая! — призвала девушка и резко опустила меч, подавая сигнал к атаке.

Тысяча коней поскакали вперед, сотрясая землю.

Последовал второй шквал летящих стрел, потом третий — и с каждым разом они наносили врагу все больший урон.

Стиснув зубы, Тогайский Дракон мчалась вместе с остальными воинами. Они уже так близко — слишком близко, опасалась она! — а ответа бехренцев все еще нет.

Сидя на краю нависающего над плато утеса, Джуравиль, Каззира и Аграделеус следили за линией горящих факелов, стремительно передвигающихся по темной равнине.

— Опять без меня сражаются! — горько пожаловался дракон.

— Какое же это сражение? — ответил Джуравиль. — Сейчас они повернут.

— Они слишком близко, — заметила Каззира.

— Бринн ждет, пока откроют ворота, — объяснил эльф, — и солдаты ятола Гриаша погонятся за ней.

Аграделеус с ворчанием покачал головой; чувствовалось, что все эти тонкости от него ускользают, да и нет у него никакого желания в них вникать.

— Она стягивает первую линию нападающих к центру, — заметила Каззира. — Может, и смелый ход, но уж слишком рискованный. Так с ними легче расправиться.

— Может, она хочет стать мученицей, — мрачно пошутил Джуравиль, но голос у него дрогнул.

Теперь их тоже осыпали стрелами. Заработали баллисты, выстреливая огромными копьями, со свистом проносящимися мимо. Стреляли и катапульты, хотя от них толку было немного: сверкающие огненные шары в царящей вокруг темноте легко было заметить издалека, а увернуться от них опытным тогайранским всадникам и вовсе не составляло особого труда.

Уже можно было разглядеть мечущиеся по стене фигуры, и потому стрелы нападающих теперь били прицельно, нанося обороняющимся гораздо больший урон.

Однако пострадавшие были и в рядах тогайру. Бринн стиснула зубы, но не собиралась менять задуманный план, зная, что никто из ее доблестных воинов не отступит. Тогайранцы понимали, что ожидает их под стенами Дариана, но добровольно вызвались вместе с предводительницей принять участие в этой первой, может быть самой опасной, вылазке.

— Давай выпускай их! — прошептала девушка, словно ее мог услышать ятол Гриаш. — Покажи жалким ру, насколько они тупы и безмозглы.

— Сворачивайте! — скомандовала наконец Бринн; сердце ее сжалось: она понимала, что при развороте всадники станут наиболее уязвимы.

Линия нападающих тут же распалась. Умелые наездники, тогайранцы даже в этот момент продолжали осыпать врагов градом стрел.

Вдруг со стены послышался знакомый голос.

— Ловушка! Ловушка! — на тогайском языке кричала Эа Денг, лазутчица Ашвараву.

И тут же ее слова перешли в сдавленный хрип. Все, кто слышал его, поняли — женщину прикончил вражеский меч.

Как благодарна была Бринн этой неожиданной помощи, дающей ей повод не посылать воинов снова к стене!

— Остановитесь и держитесь как можно ближе друг к другу! — прокричала она.

Воины начали перестраиваться. Но тут в Дариане дико взвыли рога, и стена, казалось, увеличилась в высоту — на нее встали сотни солдат с луками в руках, готовые осыпать градом стрел противника, когда он начнет приближаться.

— Ловушка! Ловушка! — прокатилось по линии наступающих, — Бежим! Прочь отсюда!

Они заметались из стороны в сторону, очень естественно изображая охватившее их ряды смятение. На самом деле тогайранцы действовали в строгом соответствии с разработанным планом — подбирали раненых товарищей, хватали поводья потерявших всадников лошадей, не забывая при этом посылать стрелу за стрелой в сторону тех, кто оборонял городскую стену. А потом, развернувшись, они поскакали прочь, испуская крики отчаяния.

Все, кто стоял на городской стене, восторженно закричали, приветствуя еще одну славную победу ятола Гриаша. Тот стоял недалеко от городских укреплений в окружении семерых воинов чежу-лей.

— Тогайский Дракон! — презрительно сплюнув, воскликнул один из них, — Да эта девка бросилась наутек при первом намеке на сопротивление!

Остальные явно разделяли его мнение.

— Они скакали сюда весь день и теперь совсем выдохлись, — уверенно заявил ятол Гриаш. — Возьмите людей, догоните этих ублюдков и прикончите их!

Это был приказ, которого с нетерпением ждали. Спустя некоторое время западные ворота Дариана широко распахнулись, и земля задрожала под копытами почти полутора тысяч всадников — воинов из Хасинты и большей части дарианского гарнизона.

Они бросились в погоню, позабыв и думать о каком-либо боевом строе.

Вскоре в их поле зрения показались удирающие тогайранцы. Уверенные, что добыча уже теряет последние силы, чежу-лей и бехренские всадники еще более рьяно пришпорили скакунов, неуклонно сокращая расстояние до преследуемых.

Впереди показалась узкая долина, разделенная надвое широкой, но мелкой рекой. Факелы в руках убегающих мелькали в южной ее оконечности, всего в четверти мили впереди.

С яростными криками, низко пригнувшись к шеям лошадей, уверенные в победе над усталым, измученным врагом, бехренские солдаты мчались, точно ветер.

И вдруг их крики захлебнулись — два темных холма, расположенные по обеим сторонам долины, как будто ожили, и по ним покатились вниз лавины тогайранских всадников — те, что до этого времени таились в засаде.

Бринн велела скачущим вместе с ней воинам развернуться. Спустя короткое время она во главе тех, кто только что «трусливо бежал» от стен Дариана, тоже присоединилась к атакующим. Словно гигантские смертоносные щупальцы, тогайранцы отрезали противнику путь к отступлению.

У бехренцев не было ни времени, ни возможности перестроиться. Они не умели стрелять на полном скаку с такой меткостью, как опытные тогайранские охотники. Бринн выбрала поле боя, на котором ее воины имели все преимущества, и сыграла на уверенности в силах ятола Гриаша, выманив его солдат из-под защиты городских стен на открытое пространство, где им было трудно тягаться с ее неистовыми соплеменниками.

Дело быстро дошло до ближнего боя, и пылающий меч девушки замелькал, неся смерть бехренцам.

— Моя ночь только начинается, — сказала Бринн Астамиру по окончании боя.

Девушка нашла мистика ухаживающим за ранеными, хотя и сам он пострадал — по предплечью тянулась длинная царапина, оставленная вражеской стрелой.

— Ты отдаешь себе отчет, какую силу выпускаешь на свободу? — спросил Астамир.

— Я понимаю одно: завтра утром Дариан падет, — с угрюмым видом ответила тогайранка. — Разве за это не имеет смысла заплатить любую цену?

Мистик кивнул. Девушка верхом на Крепыше поскакала туда, где на краю плато ее ждали Джуравиль и Каззира. Эльфы уже сидели верхом на драконе, принявшем естественный устрашающий вид.

— Я уж боялся, что нам придется лететь без тебя, — заметил Джуравиль, явно

испытывая чувство огромного облегчения, увидев Бринн живой и невредимой.

— Такую возможность мне не хотелось бы упустить, — ответила она и забралась на спину дракона.

— Мы заметили все места, где установлены баллисты, — сообщила Каззира.

— Копья баллист — единственное, что может помешать мне сровнять город с землей, — не упустил момента вставить замечание Аграделеус.

— Мы сломим их волю, и Дариан падет, — уверенно заявила тогайранка.

Они взмыли вверх, высоко в темное небо, и спустя считанные мгновения вдали показались огни Дариана.

Бринн велела дракону обогнуть город с севера, уверенная, что взоры его жителей сейчас устремлены на юг.

Аграделеус поднялся еще выше, а потом камнем ринулся вниз. Поток воздуха от его мощных крыльев был настолько силен, что сбросил стражников со стены. Дракон полетел над городом. Вопреки наставлениям девушки он устремился прямо к одной из баллист и когтями буквально разорвал ее на части, докончив разрушение взмахами хвоста. И только после этого повернул туда, куда ему было приказано, без труда найдя главную цель, поскольку дарианский храм был самым высоким зданием в городе.

Зависнув на мгновение, он выпустил мощную струю пламени, поджигая деревянные перекрытия и балки.

Вскоре все здание запылало, охваченное огнем.

Внизу на улицах люди, крича от ужаса, метались в поисках укрытий. Аграделеус опустился на землю, дыхнул огнем вдоль центральной городской улицы, и стоящие по ее сторонам постройки в один миг вспыхнули, как сухая солома.

Бринн, Джуравиль и Каззира осыпали стрелами солдат, которые пытались подобраться к дракону с тыла.

— Хватит, Аграделеус! — закричала наконец тогайранка, но дракон, казалось, ничего не слышал — или же просто не обращал внимания на ее призывы.

Он носился над улицами, яростно взмахивая хвостом, когтистыми лапами хватая солдат и жарким дыханием испепеляя всякого, кто не успевал вовремя убраться с его пути.

Погибло множество солдат, но еще больше — мирных жителей… Понимая, что дракон вышел из повиновения, Бринн была в полном отчаянии, но все же не оставляла яростных попыток заставить Аграделеуса прекратить бойню.

Наконец он подчинился ее приказу, однако, пролетая над главными городскими воротами, все же не удержался и поджег их жарким дыханием.

Оставив позади бушующие пожары, Аграделеус не дал возможности всадникам спуститься на землю. Взмыв вверх, он выискивал в предгорье валун, который смог бы обхватить мощными когтистыми лапами. Найдя и подхватив его, дракон развернулся в сторону Дариана и понесся над ним, стараясь держаться повыше, где его не могли достать ни стрелы, ни выпущенные из баллист копья.

Он сбросил валун точно над пылающим дарианским храмом; огромный камень со свистом рассек воздух и упал, проломив крышу здания.

— Я могу делать это всю ночь! — хвастливо взревел Аграделеус.

Бринн сейчас хотела одного: снова оказаться на твердой земле, и потому велела дракону отнести ее туда, где она оставила Крепыша.

Аграделеус на этот раз повиновался, после чего с двумя всадниками на спине принялся летать к горам и обратно, таская валуны и сбрасывая их на обреченный Дариан.

Бринн возвращалась в лагерь тогайру с тяжелым сердцем, не в силах отрешиться от страшного зрелища гибели и разрушений, свидетельницей которых она только что стала. В особенности ее мучило воспоминание о нескольких бегущих к укрытию женщинах, которые не смогли достичь его и заживо сгорели в извергаемом из пасти дракона пламени.

Однако она была воином и поэтому не могла не признать, что сражение прошло точно

так, как было спланировано. Больше тысячи бехренских солдат погибли в долине Мазур-Шинтон, и, без сомнения, многие наряду с мирными жителями нашли смерть в самом городе. От храма Дариана, объятого огнем, к утру наверняка останутся только угли.

В ее же отряде потери оказались не такими значительными: тогайранцы в полной мере смогли использовать все преимущества.

Теперь, как и предполагалось, они могли взять город.

Однако девушка была совершенно измучена, а угрызения совести и чувство вины лишь усугубляли ее состояние. Вернувшись в тогайский лагерь, она не произнесла ни слова, словно не слыша раздававшихся со всех сторон радостных возгласов. Бринн направилась к Астамиру, который все еще помогал ухаживать за ранеными — среди них были только тогайру, поскольку пленных ее люди не брали, — и почти упала в объятия друга.

Он притянул ее к себе, и Бринн спрятала лицо на груди мистика, не желая, чтобы окружающие видели слезы на ее глазах.

— Что я натворила! — прошептала тогайранка.

— Ты нанесла серьезный удар вашим угнетателям, весть о котором, подобно молнии, разнесется по всем степям и Бехрену, — мягко ответил он, — Ты дала тогайру шанс вновь обрести свободу, — Астамир отстранил от себя девушку и посмотрел ей в глаза. — Ты вселила в них надежду и дала мужество продолжать борьбу.

— Даже если всем им придется в этой борьбе погибнуть…

Мистик улыбнулся.

— Даже если всем им придется в этой борьбе погибнуть, — твердо повторил он, напоминая Бринн, что в мире есть вещи, за которые стоит расстаться с жизнью. — Что дальше?

— Утром мы сообщим бехренцам условия капитуляции, — ответила девушка.

— Ятол Гриаш отличается крайним упрямством.

— Тогда Дариан ожидает еще одна ужасная ночь — и разошедшийся не на шутку Дракон. Думаю, ятол должен это понимать, — сказала тогайранка.

В глазах ее больше не было слез, только решимость, столь мрачная и холодная, что по спине Астамира пробежала дрожь.

На следующее утро Бринн во главе войска подошла к стенам Дариана.

— Большая часть твоих солдат мертвы, ятол Гриаш, — крикнула она. — Высылай посланника для ведения переговоров, или от твоего города не останется камня на камне.

Девушка выждала некоторое время, но никто так и не вышел из сорванных драконом ворот. Тогда она сделала людям знак окружить город. Теперь ни один человек не мог покинуть обреченный Дариан.

Этой ночью Бринн снова летала над городом на Аграделеусе, который жег все подряд и сбрасывал на него огромные валуны. На следующее утро над городом повисло облако тяжелого дыма с отвратительным запахом сгоревшей плоти; отовсюду раздавались крики раненых. Тогайранка вновь подъехала к Дариану и повторила призыв выслать посланника, и на этот раз была услышана.

Из ворот выехал одинокий всадник с белым флагом перемирия в руке. Чувствовалось, что наездник он неопытный — несколько раз едва не свалился с коня, пока добрался до Бринн.

— Я Карвин Пестль, — представился он. — Посланник ятола Гриаша.

— Нам нужно обсудить условия капитуляции, — сказала девушка. Было видно, что бехренский посланник сильно нервничает, испытывая явную неловкость, как будто ему предстоит передать Бринн то, что ей не понравится.

— Ятол Гриаш велел сообщить тебе, что в городе около двух тысяч рабов тогайру, — медленно, запинаясь, начал Карвин Пестль.

— Две тысячи причин для того, чтобы не испытывать мое терпение и дальше, — отрезала девушка.

— Он предлагает вам вернуться в свои земли, — продолжал посланник, дрожа всем

телом — казалось, он вот-вот свалится с коня. — Если ты не уйдешь, Тогайский Дракон, эти рабы будут казнены самым жестоким образом.

Бринн кивнула и посмотрела на Астамира.

— Как думаешь, мой друг Джеста Ту, сколько времени понадобится ятолу Гриашу, чтобы организовать эту массовую бойню?

— Несколько часов, надо полагать, — спокойно ответил мистик.

Тогайранка перевела взгляд на Карвина Пестля.

— В таком случае, Гриаш их не получит, — заявила она.

Карвин Пестль, явно ничего не понимая, недоуменно уставился на девушку.

— Ты хочешь, чтобы именно это я и передал ятолу?

— Ты? — скептически осведомилась Бринн, — Нет, Карвин Пестль, я передам ему это сообщение лично. — Она бросила взгляд через плечо, на своих командиров. — Вперед! Отдаю вам Дариан на разграбление, и особая награда тому, кто доставит мне этого пса, Гриаша! И смотрите — только живым!

Не успел Пестль и рта раскрыть, как тогайранские всадники, воинственно крича, рванулись вперед.

Сопротивления им не было оказано, в общем, никакого. Уцелевшие защитники города, в основном из числа местного населения, спешно призванные на военную службу, сочли за лучшее побросать оружие и разбежаться по домам. Тогайранцы лавиной хлынули сквозь ворота и растеклись по улицам Дариана. Вслед за ними над городом появился Аграделеус с двумя эльфами на спине. Он летел низко и обдавал огнем всякого, кто пытался оказать сопротивление.

Все было кончено еще до полудня. Тогайранских рабов освободили, и почти все, кто мог держать в руках оружие, тут же встали в строй, горя жаждой сражаться с угнетателями.

Бринн приказала не жечь больше дома, а убивать только тех бехренцев, которые участвовали в сражениях. Однако было совершенно ясно, что многие ее воины пользовались любым предлогом, чтобы объявлять бехренцев участниками сражений, к тому же только что освобожденные рабы не желали покидать Дариан, не отомстив бывшим хозяевам, обращавшимся с ними хуже, чем с собаками.

Утром следующего дня к тогайранке приволокли и бросили к ее ногам толстого, жалобно скулящего человека. Он поднял на нее взгляд, умоляюще сложив руки.

— Ятол Гриаш, — доложил один из двух воинов, захвативших его, — Прятался в винном погребе.

— Жалкий трус! — воскликнул другой, плюнув в лицо Гриашу.

— Прошу тебя, госпожа! — заскулил ятол, — Я богатый человек. Я смогу заплатить тебе столько, сколько ты пожелаешь…

— Мне не нужны твои деньги, — отрезала девушка. — Я хочу, чтобы твои люди немедленно покинули город.

Последовала пауза, во время которой все стоящие вокруг переваривали услышанное. Потом Гриаш удивленно вытаращил глаза, а тогайру разразились радостными криками.

— Приведи сюда Карвина Пестля, — попросила Бринн Астамира.

— Ты не можешь рассчитывать удержать Дариан, — осмелился высказаться ятол Гриаш.

— Не Дариан, нет, — сказала тогайранка, задумчиво постукивая пальцем по губам, — Это бехренское название, и мне оно не по душе. Мы назовем этот город Дариаллом. Думаю, так будет куда лучше.

Воины вокруг нее снова торжествующе завопили. Новость в мгновение ока разнеслась по улицам, и отовсюду теперь слышалось:

— Дариалл! Дариалл!

Вскоре Астамир привел Пестля.

— Ятол!.. — воскликнул ошеломленный пастырь и бросился было к своему господину, но мистик удержал его.

— Ты будешь свидетельствовать мою победу перед Чезру, — сказала Бринн молодому человеку: — Передай ему, что Тогай свободен и что любой бехренец, явившийся незваным на наши земли, будет убит. Скажи также, что этот город, Дариалл, теперь принадлежит Тогаю. Скажи, — она подошла совсем близко к дрожащему пастырю и посмотрела на него таким взглядом, что тот едва не упал в обморок, — что, если он пошлет против меня хотя бы одного-единственного солдата, я сожгу дотла Хасинту — и его самого вместе с ней.

— Дура! — неожиданно закричал Гриаш и, как будто осознав, что терять ему нечего, нашел в себе силы подняться на ноги. — Язычница, поганая сука! Он Глас Бога, живое его воплощение! Он…

Бринн бросила взгляд на стоящих вокруг воинов и произнесла всего два слова:

— Повесить его.

На следующий день все уцелевшие бехренцы, мужчины, женщины и дети, скорбной вереницей потянулись через восточные ворота, по длинной, вымощенной булыжником дороге через пустыню, проходя мимо раскачиваемого ветром трупа человека, который на протяжении десятилетий правил ими.

ГЛАВА 27
ГОРОД-ПРИЗРАК

В прошлый раз, испрашивая аудиенции у Чезру, Карвин Пестль испытывал неловкость по той причине, что ятол Гриаш отправил его с просьбой прислать пополнение. Однако насколько больший ужас испытывал сейчас несчастный пастырь, вынужденный сообщить Чезру Дуану, что ятол Гриаш мертв, его войско, включавшее присланных из Хасинты тысячу двести солдат, разбито, а Дариан пал!

Мерван Ма бросил на Пестля понимающий взгляд. Молодой пастырь, во многих отношениях так похожий на него самого, медленно пересек зал и, дрожа от страха, остановился перед Эакимом Дуаном.

Им уже все известно, понял Карвин Пестль, увидев зловещее выражение на лице Гласа Бога и сочувствие во взгляде его доверенного помощника. Дуан глядел не на Пестля, а прямо перед собой, большим и указательным пальцами теребя нижнюю губу.

Взмахнув рукой, Чезру дал ему понять, что слушает.

— Я прямо не знаю, с чего начать, Глас Бога, — прерывающимся голосом заговорил пастырь.

— Где ятол Гриаш?

— Повешен по приказу Тогайского Дракона…

— Опять этот Тогайский Дракон! — раздраженно воскликнул Эаким Дуан, — Теперь, я думаю, ты можешь внятно объяснить, что это за дракон и откуда он взялся?

— Эт-то ж-женщина… — запинаясь ответил Пестль. — Молодая, небольшая такая с виду…

— То есть на самом деле никакой это не дракон из тех, о которых рассказывают старые легенды?

— Нет, она и… дракон тоже! — попытался объяснить пастырь. — Огромный! Она летала над городом по ночам, горячим дыханием поджигая дома. В первую же ночь она подожгла дарианский храм! — Карвин Пестль с трудом перевел дыхание. — А потом она начала сбрасывать на город с неба огромные камни!

Эаким Дуан сделал успокаивающий жест. Пестль несколько раз глубоко вздохнул и в конце концов смог взять себя в руки.

— И эта… этот дракон в одиночку уничтожил три двадцатирядных каре? — осведомился Чезру.

— Нет, Глас Бога. Тогайский Дракон привела с собой огромное войско — тысячи воинов! Не знаю, участвовала ли она в сражении в облике дракона, но во время захвата Дариана она выглядела как обыкновенная женщина.

— Ну, наверное, не совсем обыкновенная, — с кривой улыбкой заметил Дуан.

— Они уничтожили почти всех защитников города! — запричитал Карвин Пестль. — Их воины вволю натешились с нашими женщинами, а потом убили и их!

— Тем не менее многие из бывших жителей Дариана изгнаны в пустыню?

— Это так, Глас Бога. У нас было совсем мало воды. Удивительная удача, что до оазиса Дадах мы добрались, потеряв всего несколько человек. Многие горожане до сих пор остаются там в надежде вернуться в свои дома, как только ты расправишься с драконом.

— Так ей удалось захватить Дариан?

— Да, и она изменила его название. Теперь город называется Дариалл.

— А скажи-ка мне вот что, пастырь Пестль. Участвовали в этом ничем не спровоцированном, гнусном нападении мистики Джеста Ту?

— Один из них все время был рядом с их предводительницей, Глас Бога. Человек средних лет… Говорят, тот же самый, который сражался под Дарианом вместе с Ашвараву, хотя точно утверждать это я не могу.

— Скорее всего, это он. — Эаким Дуан кивнул. — Тебе не стоит расстраиваться так сильно, пастырь Пестль. Пройдет совсем немного времени — и уцелевшие жители Дариана вернутся в город.

— Но дракон…

— Она будет изгнана вместе с остальными бунтовщиками из ее отряда в их бесплодные степи. И там я переловлю их всех до единого и, можешь не сомневаться, примерным образом накажу. Тогайру еще проклянут тот день, когда эта женщина-дракон объявилась среди них. — Когда Чезру закончил, на его губах играла злобная уверенная улыбка, и Карвин Пестль слегка воспрял духом.

Повинуясь взмаху руки Дуана, он поклонился и вышел.

— Будь она проклята! — взорвался Чезру, чем страшно удивил Мервана Ма, который, как и Пестль, проникся уверенностью, что Глас Бога прекрасно знает, как поступать в дальнейшем, — Будь проклята эта тогайранская девка вместе с Джеста Ту! И будь проклят ятол Гриаш, жалкий трус и неудачник!

— Глас Бога, но, похоже, у бунтовщиков просто было численное превосходство… — осмелился вставить юноша.

— Численное превосходство? У кого? У этого сброда? Ятол Гайсан Бардох захватил половину Тогая с меньшим числом воинов, чем было у Гриаша! Нет, я совершенно убежден, что потеря хорошо укрепленного города — исключительно промашка Гриаша. Столь же грубая, как та, что допустил Калиит Тимиг. Мы играем на руку нашим врагам, неужели так трудно это понять? А все потому, что недооцениваем их.

Но как быть с драконом, Глас Бога? Ведь ни Калиит Тимиг, ни ятол Гриаш не могли ожидать…

— Это трюк, рассчитанный на темное простонародье, — презрительно махнул рукой Дуан, — Нелепые россказни до смерти перепуганных трусов. Скажи на милость — то ли какая-то девка, то ли дракон. Уверен, Джеста Ту способны создавать и не такие видения.

— Но Карвин Пестль… Ты же сам слышал, Великий… Он сказал — это огромное существо, дракон, о котором говорилось в легендах.

— Темной ночью, в пылающем осажденном городе… К тому же, повторяю, этот трусливый пастырь был настолько перепуган, что мог поверить во что угодно. Дракон… Ну, может, и в самом деле эта девка летает на спине дракона. Они вообще-то когда-то на самом деле существовали…

— И что же нам делать?

— Уничтожить ее, — хладнокровно заявил Чезру Дуан, — Драконы не обладают бессмертием и, стало быть, уязвимы. Отправим всех наших ученых бездельников в скриптории: пусть подробно разберутся в том, что известно об этих созданиях. Тогайский Дракон победила дважды, но в большей степени потому, что в обоих случаях застала нас врасплох. Уверяю тебя, те, кого мы сейчас пошлем против этой девки, будут готовы

разделаться с любым драконом. Одна удачно пущенная отравленная стрела — и наводящий ужас дракон мертвее мертвого. — Дуан помолчал, усмехаясь. — Если он, конечно, вообще существует, в чем я весьма сомневаюсь. Но, как бы то ни было, мое терпение в отношении тогайру закончилось. Можешь не сомневаться, они получат достойный отпор. Я обещал это Пестлю, обещаю и тебе. Призовем всех мужчин Хасинты, вооружим их, и спустя две недели пятнадцать тысяч солдат будут двигаться к Дариану с таким оружием, какого свет еще не видывал. Может, этот Тогайский Дракон и успеет испепелить кого-то дыханием, но тут же и погибнет, прямо на глазах у приспешников. И что им тогда останется делать? Возвращаться в тогайские степи? Но мы будем преследовать их и из Дариана, и с юга, откуда ятол Гайсан Бардох выведет еще пятнадцать тысяч солдат.

Мерван Ма отшатнулся, изумленный тем, что его господин готов разжечь безжалостный пожар войны. Последние годы между бехренцами и тогайру возникали, конечно, отдельные стычки, были случаи неповиновения, но не более того. Однако теперь Глас Бога готов развязать настоящую войну против степных кочевников, как это происходило более десяти лет назад.

Юноша ушел от господина потрясенный, однако он был совершенно уверен в том, что Эаким Дуан выполнит обещания.

Эаким Дуан расхаживал по покоям, с каждым шагом все больше закипая от злости. Как эти неблагодарные тогайру осмелились нанести Бехрену столь дерзкий и беспощадный удар? Разве не он, Чезру Дуан, принес этим варварам блага цивилизации? Разве не он подарил им лучшую жизнь?

Внезапно его плечо пронзила резкая боль, и волна жара охватила левую руку. Эаким Дуан споткнулся и едва не упал. На мгновение перед глазами все поплыло, а когда способность различать предметы вернулась, выяснилось, что он снова сидит в кресле.

Теперь боль переместилась в левую сторону груди. Дуан с великим трудом встал и пошатываясь подошел к дверям. В первый момент он хотел позвать Мервана Ма, но передумал, осознав, что там, куда сами несут его ноги, он должен быть один.

К тому времени, когда Чезру добрался до Зала Вечности, боль заметно уменьшилась, и все же он так нетерпеливо схватил чашу, что расплескал немного крови, забрызгав одежду и пол. Прижимая сосуд к груди, он позволил магии вправленного в дно сосуда гематита завладеть собой. Почти сразу же стало легче дышать, и не столько потому, что начался процесс исцеления, а скорее от понимания, что ничего по-настоящему страшного произойти с ним теперь не может.

Эаким Дуан засмеялся, догадавшись, чем был вызван его отчаянный страх: слишком многое поставлено на карту. Он бессмертен, но только до тех пор, пока владеет ситуацией. Если с ним внезапно случится острый приступ, хватит ли у него сил мысленно дотянуться до гематита, чтобы дух успел вырваться из старого тела и найти себе новое?

Чезру прикоснулся к магическому камню; физически осязаемая мощь гематита была способна провести его через века и поколения.

Внезапно за спиной у Эакима Дуана раздался грохот. Резко обернувшись, он увидел Мервана Ма — тот стоял с выражением удивления и ужаса на лице, выронив металлический поднос с различными ритуальными принадлежностями, среди которых был и жертвенный нож.

Дуан подумал: а как выглядит он сам, если посмотреть на него глазами Мервана Ма? Стоит, прижимая к груди Кубок Чезру; кровь на одежде и на полу… Не вызывало сомнений, пастырь понял: с этим священным сосудом связано нечто большее, чем он всегда считал.

— А, мой юный друг, — стараясь говорить как можно более спокойно, произнес Чезру. — Надо полагать, заканчиваешь выполнение своих обязанностей, прежде чем отправиться с чежу-леями?

Юноша пробормотал что-то, наклонился и принялся собирать рассыпанные по полу предметы.

— Что с тобой? — спросил Эаким Дуан с такой холодной властностью в голосе, что бедняга замер. — Ты удивился, застав меня здесь?

— Да, Глас Бога. Я думал, ты отдыхаешь в своих покоях.

— Но ты удивлен не только поэтому, не правда ли? — С каждым словом Эаким Дуан медленно приближался к Мервану Ма. — Что тебе известно об этом сосуде?

Мерван Ма начал лепетать общеизвестные слова о ритуале жертвоприношения. Чезру, не прерывая его, прибег к помощи магического камня, и его дух покинул тело, воспарив над ни о чем не подозревающим юношей, и вошел прямо в него. Теперь душа юного пастыря лежала перед Дуаном, как открытая книга. В мгновение ока Чезру выяснил то, что Мервану Ма действительно было известно о гематите и что именно этим объяснялось выражение ужаса на его лице, когда он застал господина с прижатым к груди сосудом.

Под воздействием духа Эакима Дуана бедняга пастырь сделал шаг назад и сел на пол, прикрывая лицо рукой, будто это могло его защитить.

Дух Чезру тут же покинул Мервана Ма из опасения, как бы любопытный юноша не догадался еще о чем-то.

— Что с тобой, друг мой? — невинным голосом осведомился Дуан.

Молодой человек встал на ноги и попытался вести себя так, будто ничего не случилось. Однако Эаким Дуан понимал ситуацию: Мерван Ма знал о камне и страшился этого знания.

Теперь мне нужно снова вымыть эти предметы, — пролепетал пастырь.

— Ступай, конечно, — спокойно сказал Чезру. — Но только сначала зайди к чежу-леям. Твои обязанности в Зале Вечности могут подождать.

Мерван Ма, поклонившись, оставил Эакима Дуана наедине со священным сосудом.

Тот застонал, огорченный собственной неосторожностью. Поставив сосуд на место, Дуан вытер кровь на полу и вернулся в покои, бормоча проклятия.

Мириться с тем, что Мерван Ма знал тайну Кубка Чезру, было нельзя.

Чежу-лей Шаунтиль вытянулся перед Чезру.

— Тебе понятен приказ? — спросил Эаким Дуан.

— Да, Глас Бога. Изгнать из города тогайру. Ввести Мервана Ма в должность правителя Дариана. Вместе с ятолом Гайсаном Бардохом уничтожить всех мятежников. Принести вам голову этой девки — Тогайского Дракона.

— Что еще?

Воин расправил плечи и выпятил мощную грудь.

— На самом деле место правителя займет Карвин Пестль, как и должно быть в случае отсутствия ятола.

— По какой причине?

— Потому что Мерван Ма погибнет в бою.

Эаким Дуан кивнул и отвернулся, огорченный тем, что приходится отдавать такой приказ в отношении юного пастыря, за долгие годы успевшего завоевать его искреннюю симпатию. Он уже давно говорил себе, что, возможно, слишком сблизился с Мерваном Ма, и последний инцидент со священным сосудом подвел роковую черту в судьбе молодого человека. Чезру просто не мог рисковать, поскольку сам факт наличия вправленного в дно чаши гематита существенно пошатнул бы его авторитет в глазах большинства жрецов-ятолов. Их религия была непреклонна в отношении к магическим драгоценным камням, почитая их орудием демонов.

Мерван Ма знал о гематите на дне священного сосуда и мог связать его наличие там с Дуаиом, а это открытие, в свою очередь, навело бы пытливый ум молодого пастыря на мысль об истинной природе Возрождения. Чего, конечно, Чезру не мог допустить ни при каких обстоятельствах.

По крайней мере, Мерван Ма умрет с честью, раз нет другого выхода. Нужно будет непременно позаботиться о церемонии за упокоение души молодого человека, когда трагическая весть о его гибели достигнет Хасинты.

— Отправляйтесь, как только будут готовы орудия для уничтожения дракона, — распорядился Чезру, — И по дороге, и позже, когда ятол Гайсан Бардох присоединится к вам с солдатами, твои приказы — решающие. Уверяю тебя, ятол Гайсан Бардох прекрасно понимает ценность воинов чежу-лей и знает свое место в этом опасном предприятии.

Последние слова вызвали неприятную дрожь, пробежавшую по спине Эакима Дуана. Да, ятол Гайсан Бардох знал множество способов наводить ужас на побежденных. Чезру отозвал его из тогайских степей не потому, что тот действовал плохо, но ятол слишком уж наслаждался ролью тирана. Сейчас, учитывая внезапный поворот событий и проявленное тогайру дерзкое неповиновение, Дуан часто спрашивал себя, не допустил ли он ошибку, заменив этого жестокого человека на другого?

Это не имеет значения, сказал он себе, взмахом руки отпуская Шаунтиля. У него и без того хватает проблем — прежде всего нужно найти себе нового помощника, который присмотрит за ним в тот период, пока он будет взрослеть в новом теле. Только осознав, что от Мервана Ма необходимо избавиться, Чезру Дуан понял всю глубину своей ошибки, состоящей в том, что он слишком сблизился с этим человеком. Сейчас он не столько испытывал горечь из-за скорой гибели юноши, сколько ругал себя за то, что ранее не позаботился найти ему замену на случай непредвиденного развития событий.

Впрочем, это тоже не имеет значения: теперь Возрождение придется отложить года на два, не меньше, а за это время, без сомнения, найдется преданный и набожный дурачок, жаждущий исполнять обязанности его доверенного помощника.

Бринн, Астамир, Аграделеус и эльфы наблюдали за проходившей колонной со смешанным чувством благоговейного ужаса и удивления. Никогда в жизни им не приходилось видеть такой собранной в единый кулак невероятной военной мощи — тысячи солдат и огромные боевые машины, начиная от катапульт и заканчивая стреляющими копьями баллистами. Именно мощь Бехрена, сейчас предназначенная для того, чтобы раздавить тогайру, удерживала Хонсе-Бир от поползновений в направлении южного соседа.

— Да, теперь я понимаю, почему ты отказалась от мысли защищать Дариан, — сказал Джуравиль, обращаясь к тогайранке.

В самом деле, едва город покинули изгнанные в пустыню беженцы, та вывела оттуда всех воинов. Они двинулись на юг и сейчас укрывались в пустыне. Только Бринн и ее спутники пришли сюда, чтобы своими глазами увидеть, каков будет ответ Хасинты.

— Не думала, что это будет так впечатляюще, — призналась девушка.

Аграделеус презрительно фыркнул, явно придерживаясь на этот счет иного мнения.

— Они хорошо подготовились, чтобы одолеть тебя. — Джуравиль показал дракону на баллисты. — Один попавший в цель выстрел из такого орудия повергнет тебя на землю.

— Мы даже дня не удержали бы Дариан против такой армии, — заметил Астамир.

— Мы никогда не сможем — не стоит и пытаться — одолеть бехренцев, если будем сражаться стенка на стенку, — ответила Бринн. — Мы должны свести на нет их усилия, заставить бехренских командиров понять, что продолжение войны не в интересах Бехрена. — Она посмотрела на дракона. — От тебя здесь очень многое зависит, Аграделеус, а Астамир поможет нам с продовольствием, которое здесь так трудно найти…

— Не так уж трудно, — перебил ее мистик.

Девушка кивнула, не желая, чтобы тот подумал, будто она его недооценивает, поскольку ничуть не сомневалась, что присутствие мистика окажется чрезвычайно ценным для решения и этой задачи.

— Однако в основном припасами нас обеспечит Аграделеус, — продолжала Бринн. — Ночью он будет летать к реке и приносить воду, а охотясь на антилоп — добывать мясо.

— У тебя тысячи воинов, — заметил несколько ошарашенный дракон.

— Я верю, что ты справишься, — отозвалась тогайранка. — Мы соорудим огромную платформу и привяжем к ней прочные веревки, чтобы ты мог нести ее. — Посмотрев на остальных, она увидела, что эльфы одобрительно кивают, а Астамир задумчиво потирает

подбородок. — Если мы сможем сохранять способность быстро перемещаться в степи, то бехренцам будет трудно настичь нас. Мы будем постоянно маневрировать поблизости от них и наносить при каждом удобном случае жалящие удары.

— Тогда тем большую ценность приобретают сведения о том, что именно они замышляют, — криво улыбнувшись, сказал Астамир.

Они уже не раз обсуждали эту проблему, и мистик настойчиво предлагал девушке использовать себя в качестве лазутчика.

— Им прислуживает много рабов-тогайру, — заметил Джуравиль.

Бринн не отрывала взгляда от Астамира. Ей не хотелось разлучаться с ним. Как советника она ценила его не меньше, чем эльфа. Мистик понимал бехренцев гораздо лучше ее и несравнимо больше знал о религии ятолов.

И все же невозможно отрицать, что одно из немногих ее преимуществ — умелое использование информации о враге. После долгих размышлений, не сводя взгляда со своего друга Джеста Ту, девушка кивнула, давая понять, что согласна на эту его миссию.

Астамир наклонился, прикоснулся губами к ее щеке и исчез за песчаными дюнами. Той же ночью, когда бехренцы разбили лагерь недалеко от города, число их тогайранских слуг увеличилось еще на одного.

Дракон взмыл в воздух, унося сидящую на спине девушку к ее войску. Доставив Бринн на место, он вместе с эльфами взлетел снова. Всю ночь они с воздуха наблюдали за движением в стане противника, а затем опустились в том месте, где расстались с мистиком, и стали ждать его возвращения.

В походе армию Хасинты сопровождало больше двухсот тогайранских рабов, безымянных и безликих в глазах командующих ими самодовольных бехренцев, поэтому Астамиру не составило труда проникнуть в лагерь. Он носил такую же неприметную одежду, как и остальные, а замечательный пояс, который мог его бы выдать, повязал на голое тело, спрятав под туникой.

Почти всю ночь он бродил по лагерю, прислушиваясь к тому, о чем говорят тогайру. По их словам, Чезру был в ярости, и это лишний раз напомнило мистику, какой опасной становится игра. Мощь армии Бехрена просто потрясала. И теперь Бринн добилась того, что все его силы были направлены против нее. Их единственный шанс состоял в том, чтобы наносить Чезру удары там, где он этого никак не ожидает, постоянно маневрируя вокруг огромной армии и выискивая ее уязвимые места, пока бехренцы не убедятся, что игра не стоит свеч.

Глядя на огромный, отлично обустроенный лагерь и на рвущихся в бой прекрасно обученных солдат, Астамир невольно задавался вопросом, не переоценивает ли их предводительница свои возможности. Немного подбодрило его то, что рабы в разговорах все время возвращались к Тогайскому Дракону. По-видимому, молва о Бринн уже распространилась вплоть до самого побережья. С каждым захваченным поселением ее войско будет прирастать новыми людьми.

На следующее утро бехренская армия подступила почти к самым стенам города, достаточно близко, чтобы видеть все еще висящее там тело ятола Гриаша. Мистик навострил уши. Среди солдат он заметил несколько чежу-леев и сразу же понял, кто из них главный. Действуя на редкость слаженно и быстро, солдаты установили катапульты и баллисты, а всадники заключили город в кольцо.

Мистик заметил также, что командир чежу-леев часто обращался к двум молодым людям, пастырям, судя по их одежде и прическе, как будто объясняя им, что он намерен предпринять. В одном из них Астамир узнал помощника ятола Гриаша.

Прошел час, другой, и разведчики, объезжающие город, доложили, что на городских стенах никто не замечен.

Один из чежу-леев поскакал вперед с белым флагом в руках, остановился у самых ворот и выкрикнул приветствие сначала на бехренском, потом на тогайском языках.

Естественно, из опустевшего города никакого ответа не последовало.

Казалось, это привело в ярость командира чежу-леев. Он бросился туда, где сгрудились тогайранские рабы, выбрал одного из них и потащил за собой к воротам.

Несколько минут спустя была приведена в действие катапульта и через городскую стену перелетел снаряд.

Единственным ответом на это были испуганные крики птиц — любителей поживиться падалью.

Астамир напряженно вглядывался в лицо командира. Оглянувшись по сторонам, он заметил мрачное выражение на лицах рабов-тогайру.

Чежу-лей выкрикнул несколько приказов, и армия приготовилась к штурму. Катапульты обстреливали город снарядами с горящей смолой и большими камнями. Баллисты пока молчали, нацелив огромные копья в небо, как будто ожидая, что в любой момент там появится Тогайский Дракон.

Потом начался штурм. Сотни всадников, сопровождаемые пешими солдатами, ринулись к воротам. Это обманный маневр, решил мистик, поскольку бехренцы никогда не посылают вперед кавалерию. Так оно и оказалось. С гиканьем и криками доскакав почти до самой стены, всадники резко свернули и понеслись вдоль нее, ожидая ответных действий со стороны противника.

Пешие солдаты устремились к восточным воротам, таща за собой таран.

Они беспрепятственно вошли в город, рассыпались по нему, и только потом за ними последовала кавалерия.

Астамир получил огромное удовольствие, увидев на лице командира чежу-леев выражение бешенства, когда до него дошло наконец, что город пуст.

Отправив разведчиков на запад, вся армия вступила в город. Тут же рабам было приказано заняться починкой тех домов, которые еще подлежали восстановлению, разборкой улиц от завалов и погребением мертвых тел.

Вскоре неизвестный Астамиру пастырь по имени Мерван Ма был провозглашен правителем города.

Несколько дней минули без всяких происшествий. Астамиру было ясно, что бехренская армия — или по крайней мере большая ее часть — не останется в Дариане надолго. Мистик с тревогой ждал возвращения разведчиков, задаваясь вопросом, сработала ли уловка Бринн. Покинув город и уходя на юг, она отправила большой отряд воинов в тогайские степи. Им было приказано забрать из деревень столько соотечественников, сколько удастся, и, растянувшись длинной вереницей, описать большую дугу, чтобы их заметили хотя бы в нескольких бехренских поселениях. Все это должно было создать впечатление, будто армия Тогайского Дракона двинулась на запад и растворилась в заросших травой степях.

И снова она рассчитывала на самоуверенность бехренцев, на их убежденность в том, что эти тупые ру наконец поняли: им с Бехреном не тягаться. И следовательно, отказались от попытки продолжать восстание.

На протяжении этих дней ожидания Астамир старался принимать участие в работах неподалеку от чудом уцелевшего здания, в котором расположились правитель Дариана Мерван Ма и командир чежу-леев Шаунтиль. В него мистик проникнуть не мог, поскольку туда допускали лишь специально отобранных рабынь. Однако, заведя дружбу с некоторыми из этих женщин, Астамир мог, по крайней мере, получать от них сведения о том, что там происходит.

К концу недели, под вечер, когда начало смеркаться, с плато вернулся всадник, и его тут же отвели к правителю города.

Охранники, надзирающие за рабами, в числе которых был и мистик, казалось, почти забыли о тогайранцах: их не меньше Астамира беспокоило, какую весть принес разведчик.

Мистик не спеша отошел в сторону и обходными путями устремился к резиденции Мервана Ма. Оглянувшись по сторонам, он удостоверился, что за ним никто не наблюдает,

и, воззвав к своему Чи, поднялся в воздух и поплыл к окну, по другую сторону которого он увидел правителя Дариана, Карвина Пестля, Шаунтиля и еще нескольких чежу-леев, собравшихся, чтобы выслушать донесение разведчика.

— Они бегут, — донеслись до его ушей слова одного из чежу-леев. — Жалкие трусы! Поняли, что против военной мощи Хасинты бессильны, что Дариан им не удержать, и удрали в степи.

— Они прошли мимо Данкала Гриаш спустя пару недель после взятия Дариана, — доложил разведчик. Астамир внутренне улыбнулся, радуясь тому, что уловка его подруги все-таки удалась. — И сейчас могут быть уже где угодно в степи, если их армия вообще не распалась.

Уверен, что не распалась, — заметил Шаунтиль. — Они слепо последуют за предводительницей, куда бы она их ни завела. Это в их духе.

— Я был в Дариане, когда Ашвараву напал на город, — сказал другой чежу-лей. — Командир абсолютно прав. Они как стая собак, эти презренные ру.

— Мы прочешем степи, — заявил Шаунтиль. — Схватим этого Тогайского Дракона и преподнесем всем тогайру жесточайший урок. Когда все будет кончено, их останется так мало, что о любой попытке сопротивления они и думать не посмеют.

Почувствовав внизу какое-то движение, Астамир понял, что пора уходить, но решил еще немного подождать, услышав, что Шаунтиль отпустил остальных чежу-леев, разведчика и Карвина Пестля, сказав Мервану Ма, что им нужно обсудить кое-что наедине.

Распластавшись вдоль стены, мистик постарался не упустить ни слова из этой беседы. Однако как раз в этот момент к зданию подошел бехренский стражник, и Астамир понял, что его могут обнаружить.

Он метнулся в сторону, спустился футов на пятнадцать и оказался прямо над головой ничего не подозревающего бехренца. Резко повернув ее, мистик сломал бедняге шейные позвонки.

Оба рухнули на землю, и Астамир, чтобы смягчить удар, перекувырнулся через голову. Тут же вскочил, оттащил стражника за груду камней и, сняв с того одежду, натянул на себя.

Когда он снова поднялся к тому же окну, комната была пуста. Астамир добрался до третьего, верхнего этажа, никого там не обнаружив, и потом что-то подсказало ему сместиться к другой стороне здания. Заглянув в одно из окон второго этажа, он увидел Мервана Ма, стоящего у стены с выражением безмерного ужаса на лице. Чуть в стороне от него находился Шаунтиль, с окровавленным кинжалом в руке, нацеленным в грудь правителя города. На полу за его спиной лежала мертвая рабыня-тогайранка.

— Ты должен подчиняться приказам Чезру! — закричал Мерван Ма.

Шаунтиль злобно ухмыльнулся.

— Дарианом будет править Карвин Пестль, пока ему не найдут подходящей замены, а я стану командующим гарнизона, а затем и всех наших войск в Тогае.

— Да пусть Пестль правит! — с готовностью воскликнул Мерван Ма. — Я только выполнял приказ нашего господина и не имею ни малейшего желания…

Он замолчал, увидев, как жесткое лицо чежу-лея обезобразила еще более злобная усмешка.

Астамир с любопытством наблюдал за этой сценой: ему стало ясно, что по какой-то причине Чезру приговорил ни о чем не подозревающего пастыря к смерти.

— Я служил ему столько лет! — обреченным тоном произнес Мерван Ма, с ужасом глядя на приближающегося чежу-лея. — Он сам выбрал меня, чтобы приглядывать за его преемником после Возрожде…

Речь юноши прервалась в тот момент, когда Шаунтиль вонзил кинжал ему в живот.

— Однако ты, правитель Дариана Мерван Ма, был убит тогайранской рабыней за то, что приказал с помощью катапульты зашвырнуть ее брага в город, — издевательским тоном произнес чежу-лей, снова и снова нанося удары несчастному. Наконец Шаунтиль отступил. Тело Мервана Ма сползло на пол. — Ты уж прости, но я не мог убить тебя одним ударом. В

конце концов, ты погиб от руки не воина чежу-лей, а доведенной до отчаяния жалкой рабыни.

С этими словами Шаунтиль швырнул нож на пол между телами и направился к двери, однако, не дойдя до нее, резко остановился, заметив кровь на одежде. Сорвав с себя плащ, он швырнул его в камин.

Астамир спустился в переулок, ловко придерживаясь руками за стену. Понимая, что время дорого, он побежал туда, где спрятал тело мертвого солдата, взвалил его на плечо, снова поднялся к окну и проник в комнату.

Мерван Ма негромко застонал; судя по всему, он был еще жив.

Астамир снял с пастыря окровавленную одежду и занялся его раной. Потом натянул на Мервана Ма свою одежду, а его одеяние — на солдата. Взял нож, воткнул его мертвецу в живот и оставил тело солдата у стены в том месте, где прежде лежал несчастный юноша.

Метнувшись к камину, он вытащил оттуда то, что осталось от плаща, и, держа над углями, подул на них. Когда ткань загорелась, он поднес ее к гобелену, висевшему рядом с камином. Тот вспыхнул. Пламя быстро распространялось по ветхому гобелену и сухому дереву. Мистик швырнул горящий плащ на грудь мертвому солдату, подхватил тело Мервана Ма и перекинул его через плечо.

На лестнице послышались голоса, кто-то крикнул:

— Горим! Пожар!

Астамир выпрыгнул из окна, с помощью внутренней силы удержал тело в воздухе, пролетел пятнадцать футов над переулком и приземлился на крыше противоположного здания. С огромной скоростью он, неся на плече тело пастыря, помчался по ней, перескочил на южную часть городской стены, а оттуда спрыгнул на песок.

Послышался крик: похоже, какой-то солдат заметил его — или, по крайней мере, заметил что-то. Мистик положил Мервана Ма у самого основания городской стены, лег рядом с ним и быстро забросал свое тело и тело пастыря песком.

Над головой зазвучали новые крики, но сейчас они имели отношение не к Астамиру, а к пожару, разгоравшемуся все сильнее.

Тогда мистик выбрался из-под песка и замер, сконцентрировавшись на своем Чи. Держа руки над ранами Мервана Ма, он посылал в полумертвого пастыря свою жизненную энергию и исцеляющую силу.

Пламя полыхало в ночи, из-за стены донесся еще один крик: «Убили!» Астамир мог лишь, стиснув от беспомощности зубы, слушать, как бехренцы выплескивают ярость за гибель нового правителя на тогайранских рабов.

Постепенно вопли людей смолкли, и в городе наступила тишина.

Мистик встал, взвалив тело юноши на плечи, и, ориентируясь по звездам, побежал.

Он бежал всю ночь и весь следующий день, время от времени останавливаясь для того, чтобы влить еще немного целительной энергии в смертельно раненного пастыря.

Наступила следующая ночь, но Астамир продолжал бег и остановился, лишь услышав приказ об этом, произнесенный знакомым мелодичным голосом.

Только тогда мистик понял, до какой степени выбился из сил, и, опустив тело Мервана Ма рядом с собой на землю, провалился в глубокий сон.

— Прекрасный подарок, — произнес Белли'мар Джуравиль, когда спустя некоторое время Астамир открыл глаза.

Приподняв голову, он увидел у небольшого костерка завернутого в одеяло Мервана Ма, Каззиру рядом с ним, а чуть позади — Аграделеуса.

— Надеюсь, — только и смог пробормотать мистик, уронил голову и снова погрузился в сон, зная, что ему понадобится много сил, если он хочет попытаться сохранить юноше жизнь.

В следующий раз он пробудился далеко за полдень. Рядом с Мерваном Ма стояла на страже Каззира.

— Джуравиль и Аграделеус улетели перед рассветом, чтобы продолжать вести

наблюдение за Дариаллом, — объяснила она.

— Он уже снова Дариан, — пробормотал Астамир и подошел к раненому.

— Поешь сначала, — предложила ему эльфийка, кивнув на стоящий в стороне горшок, над которым поднимался ароматный пар. — Джуравиль считает, что бехренцы скоро выступят в поход.

— Очень скоро, — отозвался мистик. — Будут гоняться за Тогайским Драконом и ее армией.

Каззира засмеялась.

— Кто это? — спустя некоторое время спросила она, глядя на раненого.

— Его зовут Мерван Ма, — объяснил Астамир. — Помощник Чезру, назначенный правителем Дариана и чудом избежавший смерти, — Эльфийка с любопытством посмотрела на него. — Его пытался зарезать чежу-лей.

— Они что-то не поделили?

Мистик покачал головой.

— Воины чежу-лей беззаветно преданы Чезру. Никогда ни один из них не сделал бы ничего подобного по собственной инициативе, тем более — в отношении его доверенного помощника.

— Тогда почему?

— Вот это я и надеюсь выяснить, — ответил Астамир.

Он съел еще кусок мяса и, присев рядом с Мерваном Ма, продолжил излечение, применив процедуру, называемую дойан дукад рейчи, или «тепло исцеляющих рук».

Ночью вернулись Белли'мар Джуравиль и Аграделеус, принеся с собой весть о том, что большая часть бехренской армии двинулась на запад.

— Чего я только не делал, чтобы отговорить Аграделеуса от нападения на них, — признался эльф, когда дракон принял человекоподобный облик и покинул лагерь, отправившись поохотиться. — Жажда крови растет внутри его с каждым днем. Не знаю, как долго еще мы сможем ей противостоять.

— Неужели он так сильно ненавидит бехренцев? — спросила Каззира.

— Нет, просто такова природа драконов, — вмешался в разговор Астамир. — Они созданы для разрушения, причем практически всего, что подвернется под руку. Это просто чудо, что вам и Бринн удается так долго сдерживать его инстинкты. Однако, боюсь, скоро этому придет конец и мы станем свидетелями того, каков Аграделеус в гневе.

Джуравиль перевел взгляд во тьму, где бродило в поисках добычи ужасное двуногое сейчас существо, и по спине эльфа пробежала легкая дрожь.

ГЛАВА 28
ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ

Проваливаясь в мягкий песок, тяжело поводя боками, Крепыш, как и остальные три сотни скачущих бок о бок с ним тогайских пони, тем не менее не сбавлял скорости. Обманный маневр против гарнизона бехренцев в городе Прада сработал прекрасно: потери воинов Бринн составляли всего несколько человек.

Как и следовало ожидать, не успели тогайру отойти далеко от города, как из городских ворот появились несколько сотен солдат гарнизона и местных жителей. Горя желанием расправиться с нападающими, они помчались следом за ними, кто на лошадях, кто на верблюдах, воинственно размахивая разномастным оружием — от прекрасных мечей до вил и других предметов крестьянской утвари.

Бринн привела всадников к подножию огромного бархана, велела всем остановиться и изготовиться к стрельбе из луков.

Как только показались первые преследователи, тогайру пришпорили коней и поскакали дальше. Многие сидели в седлах, развернувшись назад, полностью доверяя пони, и осыпали преследователей ливнем стрел. Первые ряды бехренцев оказались почти полностью

выкошены, остальные сочли за лучшее остановиться. Кое-кто стал призывать к отступлению. Оглянувшись и увидев, что их преследователи бегут, Бринн остановила воинов, велела им развернуться и выслала вперед разведчиков, дабы убедиться, что враги действительно спешат укрыться за городскими стенами.

До стен им не добраться, это она знала точно. Пока ее маленький отряд выманивал из города защищавших его солдат, основная часть ее армии окружила Праду со всех сторон.

Догнав отступающих бехренцев, тогайранка и ее воины обнаружили, что те отчаянно пытаются организовать хотя бы некоторое подобие оборонительных порядков. Однако защитникам города противостояли силы, втрое превышающие их количественно, к тому же большая их часть были опытными, закаленными в битвах воинами.

Девушка, собственно говоря, рассчитывала, что все так и произойдет и гарнизон Прады будет уничтожен прямо перед городскими стенами, на глазах у охваченных ужасом его немногочисленных защитников. Сейчас она заметила, что командиры обреченных бехренцев сгрудились, возможно обсуждая, не стоит ли им попросить пощады.

Однако это не входило в ее планы, не здесь и не сейчас.

Не дав противникам возможности даже начать переговоры о сдаче, Бринн, вскинув меч высоко над головой, возвестила этим о начале атаки.

Тогайранцы обрушили на злополучных бехренцев град стрел.

— Их единственное спасение — попытаться прорваться к воротам, — заметила девушка, обращаясь к тем, кто находился рядом. — Трусость будет стоить им жизни.

Что уж говорить о простых горожанах, если даже среди бехренских солдат мало кто смог оказать хоть какое-то сопротивление. Все они были озабочены лишь тем, чтобы найти прореху в строю тогайранцев и прорваться к городу.

Это удалось очень немногим. Из тысячи человек, покинувших Праду в расчете на славную победу, более девяти сотен полегли на поле битвы.

И вот четырехтысячная армия тогайру оказалась перед воротами города, охраняемыми всего горсткой людей.

Мерван Ма заморгал, открыл глаза и вскинул руку, защищаясь от лучей жаркого послеполуденного солнца.

Почти сразу же он услышал какие-то звуки, но природу их понял лишь спустя некоторое время.

Это были крики ужаса.

Закусив губы от боли, ослабевший пастырь приподнялся на локтях. Он не понимал, где находится, но в отдалении разглядел белые стены бехренского города и столбы густого черного дыма, поднимающиеся над ними.

Сердце юноши упало.

— Прада, — послышался голос рядом с ним.

Повернув голову, он увидел мистика Джеста Ту, своего спасителя.

— Прада? — повторил Мерван Ма, еле ворочая языком. — Величайший во всем государстве центр искусства и науки! Что же творят твои сподвижники?

— Сражаются за свободу.

— Прада не военный город!

— Похоже на то, — с кривой улыбкой отозвался Астамир.

— Нельзя разрушать его… — Мерван Ма застонал, тщетно пытаясь сесть, но в результате лишь упал на спину и вскрикнул от боли.

Спустя мгновение он почувствовал прикосновение к телу теплых рук и, хотя они принесли ему облегчение, попытался оттолкнуть их.

— Варвар! — воскликнул он в отчаянии. — Дикарь! Язычник!

— Ну, по крайней мере, я не стал бы убивать того, кто считает меня союзником, — заметил мистик, и пораженный юноша прекратил попытки сопротивления.

— Это очень жестоко, — прошептал он.

— А разве не с такой же жестокостью действуют ятолы Чезру, подчиняя себе народ степных кочевников? — спросил Астамир. Мерван Ма поджал губы. — Вижу, ты не слишком-то веришь моим словам.

— Мой господин — великодушный и мудрый человек. — Юноша старался говорить как можно убежденнее. — Он верховный правитель Бехрена и Глас Бога — он говорит с Богом и от его имени.

Астамир положил рядом с распростертым на земле человеком кинжал.

— Тогда выполни его приказание.

Мерван Ма взглянул сначала на клинок, потом на мистика.

— Это что, вызов?

— Для твоей совести и веры — возможно, — сказал Астамир. Ваш Глас Бога хотел, чтобы ты умер. Ну что же, бери кинжал и исполни его желание. Обещаю, что не буду пытаться снова исцелить тебя, если ты пронзишь себе сердце.

Юноша отвернулся.

— Это какая-то ошибка. Происки чежу-леев…

— Отнюдь, — возразил мистик. — Да ты и сам не веришь в это. Воин действовал по приказу Чезру. Ты должен был погибнуть, причем так, чтобы это выглядело, будто тебя убила тогайранская рабыня.

— Ты ничего не знаешь…

— Одно я знаю совершенно точно: ты сейчас лежал бы мертвым в Дариане, если бы я не вынес тебя оттуда и не исцелил твои раны.

— И теперь ты считаешь, что я перед тобой в долгу?

Астамир засмеялся и покачал головой.

— Думаю, тут скрыта какая-то тайна. Существует причина, по которой Чезру понадобилась твоя смерть, и я хотел бы узнать ее. Обдумай мои слова и попытайся осознать истину. С моей точки зрения, это был подлый поступок, хотя ты, возможно, все еще считаешь себя обязанным проявлять преданность тому, кто пожелал твоей гибели.

Прикусив нижнюю губу, Мерван Ма продолжал смотреть в сторону. Мистик не стал настаивать, уверенный, что, по крайней мере, заронил сомнения в душу молодого человека.

Неплохое начало.

Рукой прикрывая от солнца глаза, Астамир посмотрел в сторону Прады и понял, что бой закончен. Потом он перевел взгляд туда, где исхода сражения ожидали эльфы и Аграделеус. Дракон, конечно, был страшно недоволен тем, что все закончилось так быстро и без его помощи.

— Скрипторий Прады… — с благоговением произнес один из воинов Бринн.

Девушка, стоя перед огромным зданием, самым прославленным и почитаемым хранилищем знаний в Бехрене, а может, и во всем мире, разделяла его чувства. Внутри тянулись бесконечные ряды полок с манускриптами и свитками, как древними, так и созданными недавно. Здесь хранились такие выдающиеся ученые груды, как священные пергаменты ятолов, и вся история бехренской религии, а также множество работ, посвященных учению абеликанской церкви и магическим драгоценным камням, которые использовали ее адепты; последние были скопированы с трудов огромной библиотеки монастыря Санта-Мер-Абель.

— Не причините вреда этому зданию, — вырвалось у Бринн, поскольку в этом вопросе она ощущала огромную ответственность, — Передайте всем, что скрипторий ни в коем случае не должен пострадать.

Окружающие недоверчиво посмотрели на предводительницу, однако промолчали. Кто станет спорить с Тогайским Драконом, ведущей их от одной грандиозной победы к другой?

Один тем не менее все-таки нашелся.

— Скрипторий в какой-то степени тоже можно считать храмом, — послышался за спиной Бринн знакомый голос.

Обернувшись, она увидела приближающегося Астамира.

— Нет, это нечто гораздо большее, — ответила она.

Мистик остановился рядом с ней.

— Значит, ты проводишь различие между этим зданием и другими, уничтоженными по твоему приказу?

Девушка посмотрела на него и усмехнулась, понимая, что он поддразнивает и одновременно испытывает ее. Это было характерно для мистика — поставить вопрос, который тогайранка могла бы задать себе сама, с тем чтобы она сама же и нашла на него ответ.

— Если я отдам скрипторий на разграбление, мне придется держать ответ перед будущими поколениями, — сказала наконец Бринн. — Тогда будут говорить о тогайском мятеже как о временах мрака, а не славы и доблести, хотя в действительности дело обстоит совсем не так.

Этот ответ заставил Астамира улыбнуться.

— Тебя волнует, что произойдет много лет спустя, когда сама ты обратишься в прах?

— Я хочу сделать все, чтобы тогайру не воспринимали как варваров и дикарей.

— Вот и еще одно доказательство того, что ты истинная предводительница, друг мой, — заметил мистик, — Тебе мало освободить соплеменников. Ты хочешь создать тогайру достойную репутацию на века.

— Я хочу, чтобы все знали: нас опасно иметь своими врагами, — мрачно ответила Бринн, — Но также пусть знают, что мы не лишены благородства.

— Какой из этих характеристик соответствует факт повешения по твоему приказу ятола Гриаша?

Почувствовав укол вины, девушка постаралась не склонить голову перед взмахами ее черных крыльев.

— Мы будем обращаться с гражданскими бехренцами справедливо… насколько это возможно.

При ее последних словах Астамир нахмурился: действительно, слухи о насилии и убийствах сопровождали войско тогайранки на всем пути от Дариана до Прады. Бринн и ее приближенные прикладывали все усилия, чтобы уменьшить потери среди мирного населения, но добиться этого было невероятно сложно. Ее воины находились далеко от дома и яростно сражались с постоянным риском для жизни. К тому же среди них было немало тех, чьи семьи вырезали солдаты ятолов, как это произошло и с самой Бринн.

Беседа была прервана появлением маленького жилистого бехренца в развевающемся белом одеянии. Выбежав из дверей скриптория, он остановился перед тогайранкой, грозя ей длинным сухим пальцем.

— Не трогай это здание! — закричал он, — Жги город, если желаешь, но скрипторий Прады не принадлежит ни тебе, ни какому-либо другому человеку. Остановись, женщина! Это здание принадлежит истории, оно создано на века, и…

— Довольно, — прервала его Бринн, — Никто твой скрипторий трогать не собирается.

— Ну вот и славно! — воскликнул сердитый бехренец. — Идите своим путем. — Он взмахнул рукой, но ни девушка, ни Астамир не тронулись с места.

И мистик, и ученый смотрели на тогайранку, ожидая, как она поступит.

Та стояла, задумчиво покусывая нижнюю губу, прикидывая варианты и тщательно оценивая их, потом медленно кивнула.

— Захватив Праду, я стала хранительницей этого скриптория, — сказала она Астамиру.

Маленький человечек презрительно фыркнул.

— Чезру Дуан очень скоро вернет город! — заявил он.

Бринн обратилась к стоящим рядом воинам.

— Вынесите все из скриптория, — приказала она. — Оставьте лишь пустые каменные стены, а все остальное увезите из города.

— Что? — Бехренский ученый даже подпрыгнул от неожиданности. — Ты не

посмеешь! Я не позволю!..

Возмущенная тирада неожиданно захлебнулась — тогайранка выхватила меч и приставила клинок к его горлу.

— От тебя зависит, какое движение сделает рука, которая держит этот меч, — холодно произнесла она. — Не вынуждай меня причинить тебе вред.

Маленький бехренец побледнел и отступил на шаг назад, но Бринн по-прежнему не отводила острия меча от его горла.

Сейчас ты пойдешь и скажешь людям, чтобы они не мешали нам. Запомни: любой, кто утаит хоть один пергамент, на себе испытает мою ярость!

— Варвары! — взвыл бехренец.

— Совершенно верно, и советую никогда не забывать об этом! — бросила в ответ Бринн, яростно сверкнув глазами.

Ученый взвизгнул и бросился бежать.

Девушка убрала в ножны меч и посмотрела на Астамира.

— Я думал, ты убьешь его, — заметил мистик. Она лишь улыбнулась и пожала плечами. — Мне нужно оказаться в скриптории до того, как твои воины приступят к действиям. Вон тот наш приятель… — он кивнул на Мервана Ма, сидящего в стороне под охраной двух воинов, — намекнул, что в Хасинте происходит нечто из ряда вон выходящее, хотя я пока не разобрался, что именно.

— Думаешь найти в скриптории что-то касающееся нынешнего состояния дел в Бехрене?

— Чтобы понять необычное, нужно сначала разобраться с обычным, — отозвался Астамир.

Тогайранка кивнула, уверенная, что в деле добычи сведений мистик, как всегда, оказывает ей великую услугу. Знать врага — жизненно важно. Только понимание того, как мог рассуждать ятол Гриаш и вообще бехренцы, позволило Бринн обратить против них их же собственные слабости, захватить Дариан, Праду и отправить пятнадцатитысячную бехренскую армию прочесывать степи в бесплодных поисках Тогайского Дракона.

Она не сомневалась, что Астамир ее не разочарует.

Тот начал подниматься по длинной лестнице, но потом остановился и, обернувшись, сказал:

— Есть еще одна проблема, которую тебе не следует упускать из виду. Прежде чем идти сюда, я говорил с эльфами и драконом. Они там, где ты велела им ждать, но… Аграделеус в весьма скверном настроении. Ему не нравится все время оставаться в стороне.

Девушка радовалась тому, что захват Прады обошелся без необходимости напускать на город ужасного дракона, как это произошло в Дариане. До сих пор у нее в ушах звучали отчаянные крики его жителей, в панике спасающихся от дракона по узким улочкам. Меньше всего ей хотелось услышать их снова.

Однако она понимала, почему мистик придает такое серьезное значение этой проблеме. Аграделеус — страшное орудие разрушения. Долго удерживать его в стороне от боев не удастся.

— Сколько еще времени нам тут торчать? — вместо приветствия сердито спросил Аграделеус, когда Бринн приблизилась к лагерю эльфов.

— Ты — наше самое мощное оружие, и я не желаю показывать его врагам без особой нужды, — ответила девушка, постаравшись напустить на себя как можно более простодушный вид.

— Не держи меня за глупца! — взревел дракон.

Бринн посмотрела на эльфов, и выражение их лиц отнюдь ее не успокоило.

— Нашему другу не нравится быть сторонним наблюдателем, — заметил Джуравиль.

— Не ради этого я покинул свой мирный дом! — добавил Аграделеус.

— Ты согласился повиноваться мне в этом вопросе, — заявила тогайранка. — И

доверять мне.

— Мое терпение небезгранично.

Девушка соскочила с пони и подошла к дракону.

— Я буду прибегать к твоей помощи в той мере, в какой сочту нужным, и не больше, — решительно произнесла она. — Наши враги уже имеют представление о твоем могуществе, и это может оказаться очень опасным. Ты сам видел огромные боевые машины, которые они притащили с собой из Хасинты.

Дракон презрительно фыркнул.

— Детские игрушки!

Но весьма опасные, — возразила тогайранка. — Игрушки, которые в состоянии убить тебя! — Аграделеус хотел было возразить, но Бринн прикрикнула на него, и тот закрыл пасть. — Я не собираюсь рисковать тобой без необходимости. Один удачный выстрел бехренцев может обернуться для нас ужасным бедствием, потому что впереди много гораздо более серьезных дел, чем захват едва защищенной Прады!

Последнее заявление, по-видимому, возбудило любопытство дракона. Во всяком случае, он склонил голову набок и — что было гораздо важнее — прекратил ламентации.

— Сейчас по нашим степям рыщет огромная армия, — сказала девушка.

— Ты хочешь, чтобы я сразился с ними? — с надеждой в голосе спросил Аграделеус.

— Я хочу использовать твою возможность быстрого передвижения, как во время «Осеннего кочевья», — ответила тогайранка. — Нужно не спускать глаз с этой армии. Мы должны знать, где они находятся и куда направляются.

— Хочешь использовать меня в качестве разведчика? — разочарованно протянул дракон. — А ведь я могу и без тебя разорять города! Я могу…

— И будешь! Непременно будешь… когда придет время, — пообещала ему Бринн. — А сегодня ночью мне нужны твои крылья. Великий Аграделеус, доставь меня в Тогай: нам очень нужно найти армию чежу-лея Шаунтиля.

Некоторое время дракон стоял, меряя ее сердитым взглядом, но потом кивнул, по-видимому немного успокоившись — на время по крайней мере.

Этой ночью девушка снова ощутила бьющий в лицо ветер, когда, взлетев в небо, дракон понесся над тогайским плато и дальше, в степи. За несколько часов он преодолел расстояние, которое Бринн, нигде не останавливаясь, верхом смогла бы преодолеть не меньше чем за пару недель.

Сверху далеко на севере было видно зарево костров огромного лагеря.

Тогайранка велела лететь в том направлении, и дракон понесся с ошеломляющей скоростью; возникло ощущение, что земля поворачивается под ними. По мере приближения зарево разгоралось все ярче, и только теперь, глядя на лагерь сверху, Бринн в полной мере осознала, какая огромная мощь брошена против ее войска. И Аграделеус, по-видимому, тоже это понял, судя по тому, что внезапно замедлил движение, а потом поднялся еще выше.

Выгнув шею, он повернул голову к девушке.

— Хочешь напасть? — спросил он, и тогайранка впервые услышала что-то похожее на дрожь в его голосе.

Бринн просто покачала головой: объяснять что-либо было бессмысленно, дракон не расслышал бы ее сквозь вой ветра.

Потом еще дальше на севере она заметила второе зарево, поменьше, и указала на него Аграделеусу.

Девушка догадалась, что это за лагерь, даже прежде, чем Аграделеус пронесся над ним. Тот самый отряд, который она послала в степь для отвлечения внимания. Бринн сразу же поняла, как обстоит дело. Бехренцы, преследовавшие тогайру, вышли на их горячий след.

Надо было что-то предпринять. Она обшарила взглядом расстилавшуюся внизу темную равнину.

Идея возникла, когда тогайранка заметила в стороне огоньки небольшого селения. Она велела дракону лететь к нему и опуститься пониже.

Это была деревня бехренских поселенцев. Возможно, перед появлением вражеской армии ее отряд направлялся именно к ней.

Аграделеус по настоянию Бринн приземлился чуть в стороне от деревни. Девушка отдавала себе отчет в том, что возможен лишь один вариант, и ей не требовалось оглядываться на могучего дракона, чтобы осознать, насколько этот вариант ужасен.

Однако она не могла допустить, чтобы ее отряд был уничтожен. Тем более что у нее имелась возможность помешать этому.

— Ты был недоволен тем, что не смог принять участие в последнем сражении, — сказала тогайранка. Аграделеус выгнул длинную гибкую шею, приблизив голову к лицу Бринн и угрожающе сузив кошачьи глаза. — В твоем полном распоряжении вон та деревня: можешь ее уничтожить. Да разожги пламя так, чтобы оно взметнулось повыше и бехренцы его непременно заметили.

Закончив, девушка почувствовала, что дыхание с трудом вырывается у нее из груди. Кто бы мог подумать! Только что она отдала приказ — нет, позволила действовать самостоятельно — своему самому грозному оружию!

Дракон посмотрел на деревню и испустил низкое, наводящее ужас рычание.

— Ты полетишь со мной?

— Нет, я останусь здесь, — ответила Бринн, испытывая чувство, что поступит так отчасти из трусости.

Но что толку, если она полетит с Аграделеусом, который наконец получит возможность удовлетворить жажду разрушения? Удастся ли ей спасти хотя бы одного-единственного поселенца? Да и хочет ли она этого?

Впрочем, все эти размышления уже никакого значения не имели. Дракон не ждал ни мгновения. Он расправил огромные крылья и взмыл в воздух.

Спустя всего пару минут Аграделеус уже низко мчался над спящей деревней, выдыхая из ноздрей неистовое пламя.

Крики испуганных, обреченных людей наполнили воздух. А потом дракон обрушился на деревню, пустив в ход и когти, и зубы, и мощный хвост.

Тогайранка опустила голову и отвернулась, прекрасно понимая, что будет дальше.

Казалось, что этому не будет конца, но потом крики начали стихать и наконец умолкли. И тут девушка услышала другой звук — топот копыт.

Аграделеус, плавно скользя, опустился с ней рядом. За его спиной к небу поднималось ослепительное пламя. Бехренцы не могли не заметить его и, по-видимому, уже выслали вперед разведку.

Бринн сделала дракону знак пригнуть голову, чтобы она могла взобраться на его спину.

— Теперь следует заняться разведчиками, — объяснила она. — Я не хочу, чтобы они смогли вернуться и доложить, что деревня уничтожена.

Аграделеус снова издал низкое, угрожающее рычание, взлетел, и спустя считанные мгновения тогайранка оказалась над горящей деревней. В отсветах пламени были хорошо видны фигуры скачущих во весь опор бехренских солдат.

Дракон ринулся вниз. Ошеломленные бехренцы закричали от ужаса, но некоторые все же сумели развернуть коней и поскакали прочь.

Это не имело значения. Их было всего человек сорок, и ни у одного из них не было даже лука.

Аграделеус прикончил всех до единого.

Снова взмыв в небо, девушка заметила суматоху и беготню в бехренском лагере и поняла, что там готовятся к сражению.

— Пролети чуть в стороне над ними и повыше, — велела она дракону.

— Давай нападем на них!

— А вот этого делать не надо, — остановила его Бринн. — У них есть оружие против тебя. Пролети чуть в стороне, а затем двинемся к отряду тогайранцев.

Аграделеус разочарованно заворчал. Однако он, видимо, был в достаточной степени

удовлетворен учиненной им недавней бойней и потому на сей раз повиновался.

Через некоторое время девушка встретилась с командирами тогайру. И — вот радость! — среди них оказался Барачак.

Они обнялись, и на глазах старика заблестели слезы.

— Мы слышали, пал еще один большой город! — воскликнул он.

— Прада, — ответила тогайранка ему и всем, кто столпился вокруг. — Город наш, хотя мы вскоре оставим его, как оставили Дариан.

— Чезру несет большие потери? — спросил один из воинов, высокий хмурый мужчина с темными глазами и множеством боевых шрамов.

— Очень большие, и это только начало, — ответила Бринн, — Те чежу-лей, что не погибли в Огненных горах и при защите захваченных нами городов, в полном смятении. Бехрен потерял очень много солдат, и вдобавок страну затопила волна беженцев. Мы свободно действуем на территории Бехрена, пока его огромная армия гоняется за призраками на тогайской равнине. — Она перевела взгляд на юг, где в ночном небе все еще полыхало зарево пожарищ. — Горит деревня поселенцев. Нападение дракона отвлекло бехренскую армию.

— Они уже несколько дней упорно преследуют нас, — сказал Барачак.

— Ну, теперь вам будет легче заморочить им голову.

— Сколько с тобой народу? — спросил хмурый гигант. — Хватит, чтобы дать бехренцам сражение и покончить с ними здесь и сейчас?

— Даже если бы я привела сюда всю армию, я не стала бы сражаться с ними, — ответила Бринн, — Пусть еще побегают по степям, давая мне возможность обрушить на города Бехрена карающий меч. Было бы неплохо, если бы вы завели их еще дальше на северо-запад, в предгорья.

— А когда же мы будем сражаться?

Девушка пожала плечами.

— Каждый день, который они впустую потратят здесь, даст мне два дня, чтобы убедить бехренцев в бессмысленности продолжения войны. Прада пала, но у них еще много городов.

Судя по выражению лица того, кто задал вопрос, его такой ответ отнюдь не обрадовал. Бринн хорошо понимала этого человека: он был воином и хотел одного — сражаться с ненавистными бехренцами, каково бы ни было соотношение сил. Все остальные командиры, скорее всего, испытывают подобные чувства.

— Ты будешь сражаться, приятель, — пообещала тогайранка. — Но только в том месте, которое мы для этого выберем, и тогда, когда наступит наиболее благоприятный момент.

— Когда еще это будет! — Воин разочарованно махнул рукой, — Не скоро мы прогоним всех Тюрбанов со своей земли или оставим их тела гнить в степной траве на поживу стервятникам.

— Верьте в наше дело, прошу вас. С каждым завоеванным городом моя армия растет. Изматывайте бехренцев, держите их здесь — подальше от ваших домов. Высылайте небольшие отряды и уничтожайте караваны с припасами. Бехренские солдаты ненавидят эту страну, потому что не понимают ее. Если вы будете действовать умело и быстро, то заставите их возненавидеть Тогай еще больше. Голодные солдаты долго не выдержат, начнут разбегаться, и вы своими глазами увидите, как их армия тает.

— Никто не уйдет из тогайских степей живым, — заявил гигант с пересеченным шрамами лицом.

Бринн подошла к нему.

— Как тебя зовут?

— Я Таналак Кренк из Кейлин Кек, — ответил тот.

При упоминании племени, из которого она была родом, девушка невольно сделала шаг назад, широко распахнув глаза. Вдобавок имя воина показалось ей смутно знакомым.

— Я тоже из Кейлин Кек, — произнесла она.

Гигант кивнул и перевел взгляд куда-то ей за спину.

Бринн обернулась и увидела сочувственно кивающего Барачака.

— Я помню тебя, — сказал Таналак, — хотя тогда ты была совсем ребенком. Рад опять встретиться с тобой.

Девушка снова повернулась к собеседнику и положила руку на его могучее плечо.

— Пусть у тебя всегда наготове будут сорок самых быстрых и сильных воинов, — велела она. — Нападайте на караваны, наносите удары при всяком удобном случае. Эта земля щедра к нам, и вы сумеете найти здесь пропитание, а бехренцы будут голодать и терять силы.

Злорадная улыбка расплылась на лице Таналака, он медленно кивнул.

Где-то в отдалении послышался нетерпеливый грозный рев.

— Мне нужно возвращаться, — сказала Бринн. — Назад, к своей армии, в Праду. Увидимся мы снова или нет, призываю вас всегда крепко держаться наших старых тогайских обычаев и до последнего вздоха не поддаваться воле бехренских завоевателей.

Стоящие вокруг воины разразились одобрительными криками.

Их эхо звенело в сознании девушки, когда этой ночью она летела обратно на восток, над бехренской армией, прервавшей ночной отдых и выступившей в сторону разрушенной драконом деревни.

Тогайранка правильно оценивала опасность ситуации, понимая, что эти первые победы — самый легкий этап борьбы и что совсем скоро возгласы надежды могут смениться криками отчаяния.

Что ж, с этим ничего не поделаешь.

Не Бринн развязала эту войну, это Чезру напал на Тогай более десяти лет назад. И как бы ни обернулось дело, она собиралась продолжать борьбу до последнего вздоха. Мрачная решимость — единственное, чем девушка могла защититься от ужасных образов и звучащих в ушах криков умирающих бехренских поселенцев.

Да, значит, так тому и быть.

ГЛАВА 29
ОБЕЩАНИЕ

Астамир, разыскивавший Бринн, застал девушку за исполнением ее утреннего ритуала би'нелле дасада. Мистик слегка удивился, поскольку вот уже несколько недель тогайранка пренебрегала эльфийским танцем с мечом. Сейчас она была поглощена плавными отточенными движениями, исполняя их с неподражаемым совершенством.

Внезапно Астамир понял, что девушка использовала би'нелле дасада, чтобы освободить себя от накопившихся отрицательных эмоций.

Мистик подобрал лежащую рядом одежду Бринн и приблизился к ней.

Она посмотрела на него с удивлением; ее другу было отлично известно, что ритуал танца с мечом нарушать нельзя.

Астамир подошел к обнаженной девушке и бросил одежду ей под ноги.

Тогайранка подобрала ее и застыла, недовольно глядя на мистика. Потом, внезапно остро ощутив наготу, быстро оделась, не сводя с него напряженного взгляда.

— Ты узнал что-то такое, что сильно встревожило тебя? — спросила она.

— Нет, то, что я знаю, меня не беспокоит, — отозвался Астамир. — Город разграблен, съестные припасы готовы к отправке, ценные труды из скриптория Прады упрятаны и на юг по твоему приказу послан отряд с целью завербовать любых наемников, которых удастся найти, вплоть до пиратов. То, что мне известно, свидетельствует о том, что военные действия развиваются даже более успешно, чем мы могли надеяться. Меня тревожит то, чего я не знаю.

— Это связано с Мерваном Ма?

— Нет, с Бринн Дариель.

Она напряженно вглядывалась в его лицо. Мистик подошел к девушке вплотную, не сводя с нее пристального взгляда.

— Ты же знаешь, от меня тебе ничего не скрыть.

— А разве я когда-нибудь пыталась?

Улыбка скользнула по лицу Астамира, но тут же оно снова приняло озабоченное выражение.

— Расскажи мне, что произошло, когда ты летала в тогайские степи прошлой ночью.

— Я обнаружила бехренскую армию, преследующую мой отряд, уводящий их на запад, — ответила Бринн, причем слова ее, на взгляд мистика, звучали слишком уж спокойно.

— Значит, ты не хочешь рассказать мне, что тебя гложет, а сам я не в силах проникнуть в тайники твоей души, — сказал Астамир. — Но неужели ритуальный эльфийский танец поможет тебе скрыть правду от себя самой?

Тогайранка насмешливо фыркнула и взмахнула рукой.

— Глупости!

Однако внезапно ее пронзило острое чувство вины, и Бринн была вынуждена отвернуться, надеясь, что мистик не успеет разглядеть выражение ее глаз. Однако от него трудно было скрыть хоть что-то. Приподняв ее подбородок сильной рукой, Астамир заглянул в полные слез глаза подруги.

— И что же ты там натворила? — мягко спросил он. Бринн попыталась отвернуться, но мистик держал ее крепко.

— Бехренцы были уже совсем близко, — выпалила девушка, будто оправдываясь, — Огромная армия! Они наверняка совсем скоро догнали бы наш отряд. Я должна была отвлечь их внимание, дать тогайранцам возможность оторваться от преследователей.

— И ты напустила на бехренцев Аграделеуса?

— Не на армию… — ответила Бринн, опустив глаза. — Они были слишком сильны даже для дракона. Там неподалеку была деревня бехренских поселенцев… — С этими словами она прижалась к Астамиру, спрятав лицо у него на груди.

— Значит, напустила дракона на деревню? — спросил мистик и почувствовал, что тогайранка кивнула.

Он отодвинул ее от себя на расстояние вытянутых рук.

— Аграделеус спалил ее и сровнял с землей. Никто не уцелел…

Астамир кивнул понимающе и сочувственно.

— Когда-то я спрашивал тебя, оправдывает ли цель средства, — напомнил он. — И стоит ли свобода тогайру ужасов, которые несет с собой война. Ты ответила утвердительно.

Бринн вспомнила, с какой бестрепетной решимостью дала ответ в прошлый раз, отметая прочь все сомнения.

— Это было до того, как на нашей стороне стал выступать Аграделеус.

В словах тогайранки присутствовала определенная логика, отрицать которую было трудно.

— Праду захватила твоя армия, а не дракон, — заметил мистик. — Но разрушения все равно были огромны, и ничто не могло заглушить запах смерти, витающий в воздухе.

— Это было честное сражение. Битва людей с людьми, — возразила девушка. — Что же касается деревни, это была… просто ужасная бойня.

— И как ты собираешься избегать подобного в будущем? — произнес мелодичный голос.

Бринн и Астамир обернулись и увидели подходящих к ним эльфов.

— И вы меня спрашиваете об этом? — возмутилась тогайранка. — Вы же сами привели ко мне это «наказание»!

— Можно подумать, я мог остановить Аграделеуса, даже если бы захотел, — отозвался Джуравиль, — Дракон сам решил покинуть подземное логово, и не в моей власти было убедить его поступить иначе. И я привел его, надеясь, что он поможет делу освобождения

тогайру.

— Неужели? — Бринн подошла к эльфу и остановилась перед ним. — Используя невероятную мощь дракона, чем я… чем мы лучше захватчиков-бехренцев? Может, мы даже хуже, поскольку даем волю силе, которую сами не можем обуздать.

— Я не мог помешать дракону покинуть подземелье, — повторил Джуравиль. — Разве не лучше, что разрушительная мощь, присущая Аграделеусу, направлена на угнетателей, а не на угнетенных?

Девушка вздохнула и растерянно перевела взгляд на мистика.

— Слишком тяжко давит на мои плечи груз ответственности.

— Однако ты несешь его, не ожесточив сердце, и по этой причине, к примеру, приказала сохранить ценнейшие ученые труды из скриптория Прады, — заметил Астамир. — И ты не используешь мощь Аграделеуса в любом удобном случае. Во всяком случае, стараешься…

— Скажи это поселенцам той бехренской деревни, — перебила его Бринн. — Если, конечно, кто-нибудь из них остался в живых.

— А сколько таких деревень ты видела, пока летала туда и обратно? — спросил мистик, — Насколько я понимаю, не все они сожжены?

Эта мысль слегка улучшила настроение тогайранки.

— Я ненавижу эту войну, — сказала она все же.

— А я ненавижу любую войну, — ответил Астамир. — И потому снова задаю тебе тот же вопрос, и ты должна задавать его себе сама, каждый день, если понадобится: оправдывает ли твоя цель средства? Стоит ли свобода народа тогайру тех ужасов, которые несет с собой борьба за нее?

Девушка беспомощно пожала плечами и посмотрела на Джуравиля.

— Как бы мне хотелось, чтобы дракон остался в подземелье!

— Лучше бы тебе с такой же страстью хотелось избавить Тогай из-под гнета ятолов, — отозвался эльф.

— Я почти все время проводил во дворце Чезру и мало путешествовал по стране, так что вам от меня не будет никакого толку, даже если бы я и захотел вам помочь, — вызывающе заявил Мерван Ма.

Он ехал в крытой повозке, которая медленно тащилась вдоль пересохшего русла реки. Как только уцелевшие жители Прады были изгнаны из города и устремились на восток, Бринн повела войско на юг, предоставив опустевший город горячим ветрам и воронью.

— Тогайскому Дракону ничего от тебя не нужно, — ответил мистик, усаживаясь рядом.

Приподняв рубашку Мервана Ма, он осмотрел его раны и удовлетворенно кивнул: дела явно шли на лад.

Молодой человек отвернулся, на его лице по-прежнему можно было прочесть выражение вызова. Однако постепенно им овладела печаль, и по щеке скатилась слеза.

— Почему тебя отослали из Хасинты? — спросил Астамир. — Чем присутствие Мервана Ма угрожало Гласу Бога? В скриптории Прады я нашел труды, в которых много рассказывается о Чезру. Есть там и незаконченная глава о нынешнем Чезру, Эакиме Дуане. В ней, между прочим, упоминается Мерван Ма, чья верность, похоже, никогда не подвергалась сомнению.

— Говоря все это, ты ожидаешь, что я предам своего господина?

— Я просто произношу вслух те вопросы, которые ты боишься задать себе сам, — отозвался мистик. — Тебя приводит в ужас мысль, что Чезру Дуан хотел твоей смерти, и тем не менее дело обстоит именно так. Однако ты по-прежнему боишься задавать себе вопросы, вот я и делаю это за тебя.

— Ты стремишься исцелить мое сердце, как исцелил раны? — спросил юноша с оттенком иронии.

— Во всяком случае, пытаюсь, — со всей искренностью ответил Астамир.

Еще раз взглянув на заживающие раны Мервана Ма, он соскочил с повозки, оставив пастыря наедине с его невеселыми мыслями.

Юноша попытался вытянуться, прислонив голову к покачивающейся стенке повозки, но такая поза причиняла ему боль. Тогда он, наоборот, наклонился вперед, уперев в согнутые колени руки и уткнувшись в них лицом. Мысленно он снова и снова спорил с Джеста Ту, пытаясь опровергнуть его слова и внушить себе, что Шаунтиль действовал по собственной инициативе и, охваченный жаждой власти, решился убить пастыря, которого Чезру Дуан назначил управлять Дарианом. Да, именно так, и если бы только Мерван Ма смог вернуться в Чом Дейру и рассказать обо всем Гласу Бога, то предатель чежу-лей, безусловно, был бы наказан за подлый поступок.

Молодой человек повторял все это себе снова и снова. И тем не менее в глубине души чувствовал, что, вернись он и впрямь в Чом Дейру, то неминуемо встретил бы там смерть.

Но почему?!

Может, он ненамеренно оскорбил каким-то образом Глас Бога? Однако ничего подобного Мерван Ма припомнить не мог.

Все же один образ — Эаким Дуан в залитой кровью одежде, судорожно прижавший к груди священный сосуд, все время всплывал перед его мысленным взором. Это, надо полагать, и было поворотной точкой. Но какое преступление он совершил и как это связано с Кубком Чезру? Да, Мерван Ма знал, что в его дно вправлен драгоценный камень, но он не рассказывал об этом ни одной живой душе. Он даже, если признаться, никогда не думал, что в этом есть что-то неподобающее. Может, камень здесь для того, чтобы участники жертвоприношения тратили не слишком много крови для заполнения объемистого сосуда…

Что тут такого, спрашивается? Религия ятолов не запрещает драгоценные камни вообще — только магические драгоценные камни, которые используют еретики церкви Абеля.

И по крайней мере один из этих еретиков был личным другом Гласа Бога.

Мерван Ма откинул голову назад, не обращая внимания на пронзившую живот боль. Он вообще ничего не замечал, целиком поглощенный вспыхнувшим в сознании ужасным подозрением.

Нет, во всем этом нет никакой логики, просто очередная уловка мистика Джеста Ту, пытающегося в извращенном виде представить ему смысл действий негодяя чежу-лея, преследовавшего исключительно личные цели. И тем не менее, отвергая идею покушения на него по приказу Дуана умом, в сердце своем молодой пастырь чувствовал ее неоспоримость.

Эаким Дуан, горячо любимый им Глас Бога, человек, которому он преданно служил с тех пор, как стал взрослым, приказал его убить. Мерван Ма уже не мог продолжать убеждать себя в том, что это было не так.

Бринн вглядывалась в раскинувшийся перед ней ландшафт. Гладкие дюны, похожие на застывшие волны различных оттенков коричневого цвета, сбегали к вытянутому узкому озеру. По его берегам под порывами жаркого ветра покачивались финиковые пальмы, между ними зеленела густая трава. За ними виднелись ряды небольших домов, среди которых выделялся приземистый замок. Его выветрившиеся каменные стены были прорезаны узкими бойницами, крыша на отдельных участках имела скаты, сделанные под разными углами.

Девушке понадобилось три недели, чтобы привести сюда армию. Желая обмануть врага, который наверняка этого не ожидал, они в основном передвигались по бесплодной пустыне. Для уставших, вконец измученных жарой тогайранцев это место выглядело поистине как земной рай.

— Оазис Гароу, — произнес Астамир.

— Городок не защищен, — заметила Бринн.

— Типично для оазиса, — объяснил мистик. — Здесь останавливаются караваны, которые платят большую дань за воду для себя и своих животных.

— Мы сделаем то же самое, хотя дань платить, разумеется, не станем.

— Можно не сомневаться, при виде нас все жители сбегутся в замок, — сказал Астамир. — И оттуда примутся осыпать нас стрелами.

— Тогда, даже не успев утолить жажду, мы сровняем этот их замок с землей, — сухо отозвалась тогайранка.

— Не прояви излишнего легкомыслия, — предостерег ее мистик. — Замки бехренских оазисов представляют собой прекрасно защищенные крепости. Они могут выстоять под натиском любой армии, и выманить оттуда их защитников, как это произошло в Дариане и Праде, тебе не удастся.

— Посмотрим, — ответила Бринн и пришпорила Крепыша.

Они вихрем обрушились на оазис, вздымая мягкий, нагретый солнцем песок. В отличие от нападений на Дариан и Праду, сейчас девушка бросила в атаку все войско, численность которого составляла уже около пяти тысяч человек. Ее воины окружали оазис плотным кольцом. Бехренцы из отдаленных от замка домов тут же бросились под защиту его каменных стен.

Большинству удалось спастись, но кое-кого затоптали копыта лошадей тогайру. Спустя некоторое время после начала атаки в оазисе все снова успокоилось. Армия Бринн окружила его последний бастион.

Правда, не всем бехренцам удалось укрыться в замке. У его ворот стоял караван. Людям из него некуда было ни сбежать, ни спрятаться.

По приказу девушки ее воины не подходили близко к хорошо защищенной крепости. Она также не позволила тогайру напасть на угодивших в ловушку торговцев.

Сама Бринн направила Крепыша в сторону каравана, и торговцы тут же начали колотить в ворота замка при виде всадницы, в которой признали предводительницу войска так заметно выделялась она на фоне остальных тогайру.

Девушка движением руки поманила бехренцев к себе.

Те в страхе попятились, некоторые еще яростнее принялись стучать в железные ворота.

— Вам некуда идти, — заявила Бринн. — Предлагаю сдаться, иначе умрете на месте.

Эти простые слова, казалось, сломили волю торговцев. Обменявшись растерянными взглядами, они с беспрерывными поклонами двинулись в сторону тогайранки.

В этот момент из замка хлынул первый град стрел, нацеленных главным образом в Бринн. Они не долетали до цели, но некоторые угодили в ни в чем не повинных торговцев.

Среди них началась суматоха. Девушка попыталась отскочить в сторону, но стрела вонзилась в переднюю ногу Крепыша, глубоко уйдя в его плоть. Пони так резко встал на дыбы, что тогайранка едва не вылетела из седла.

Теперь охваченные ужасом бехренские торговцы со всей возможной скоростью ринулись бежать, спасаясь от своих же соотечественников. Воины Бринн согнали их вместе. Крепыш уже снова подчинялся командам девушки, и она вернулась на прежнюю позицию.

— Несмотря на ваше дерзкое нападение, предлагаю вам сдаться! — закричала она обороняющимся в замке.

— Убирайтесь! — послышалось в ответ. — Мы ни за что не покинем замок. Напоите коней, этому мы помешать не в состоянии, но ничего другого вы тут не добьетесь!

Бринн подняла меч и воспламенила его клинок.

— Я Тогайский Дракон! — воскликнула она. — Дариан и Прада пали. Та же участь ждет и вас. Я сровняю с землей стены замка — и вас вместе с ними!

Ответом ей послужил новый град стрел, но на этот раз девушка успела отъехать на безопасное расстояние.

— Напоите коней и пополните запас воды, — указала она командирам на дальний конец озера. — Но держите замок в окружении и будьте наготове. Если бехренцы попытаются удрать, гоните их в пустыню.

— А с этими что делать? — Могучий, сурового вида воин кивнул на два десятка пленников и их рабов, среди которых большая часть были тогайранцами.

— Наши соотечественники, если захотят, пусть присоединяются к нам — найдите им лошадей, — распорядилась Бринн. — Слуг-бехренцев отпустите. Дайте им воды и припасов, чтобы они смогли добраться до ближайшего оазиса. А торговцы… — Она помолчала, обдумывая, какую пользу можно извлечь из наличия неожиданных пленников. — Отошлите их на юг со следующей группой, которая отправится на поиски наемников. И объявите, что за их головы назначен выкуп.

Все, кто стоял рядом, недоверчиво посмотрели на девушку.

— Мы давным-давно договорились не брать пленников, — заявил исполин.

Бринн перевела взгляд на перепуганных торговцев, мужчин и женщин. Все они, без сомнения, обладают достаточным состоянием и живут в роскоши, тогда как другие вынуждены прислуживать им.

— Они нам пригодятся, — заявила она. — Воюя в Бехрене, мы берем на службу пиратов и других наемников, а для этого требуется много денег. Уверена, им найдется что предложить, чтобы спасти свою шкуру.

— Хорошо, Дракон, — ответил командир передового тогайского отряда и коротко поклонился.

Титул, которым он ее наградил, ударил девушку, словно пощечина. Она знала, что многие называют ее так, но сомневалась, можно ли, учитывая разрушительную природу Аграделеуса, считать это комплиментом.

Однако тогайранке удалось быстро справиться с внезапно нахлынувшим чувством вины. Она обещала упрямым бехренцам сровнять стены их замка с землей и действительно собиралась сделать это. Крепость Гароу в состоянии выстоять под ударами копий и снарядов любых, самых мощных баллист и катапульт, даже магические камни против нее бессильны, не говоря уж о боевых машинах, созданных людьми.

Однако в распоряжении девушки имелось орудие пострашнее.

Увидев подходящую Бринн, Джуравиль и Каззира дружно повернули к ней головы. Эльфы вместе с драконом прятались позади высокого бархана, в полумиле от осажденного оазиса. Как и во время нападения на Праду, жаждущий активных действий Аграделеус был явно недоволен тем, что опять не участвует в сражении.

При виде тогайранки верхняя губа дракона поползла вверх, обнажая острые клыки. Утробно ворча, он демонстративно отошел в сторону.

— Ты даже не попыталась выманить их оттуда, — сказала Каззира, — Бросила в наступление все силы. Почему?

— Не все! — с сарказмом заметил Аграделеус.

— Другие условия и, соответственно, другая тактика, — объяснила Бринн, — Я хотела, чтобы все они попрятались в замке, что и произошло. А теперь я хочу этот замок разрушить.

Все три головы повернулись в сторону дракона, живо заинтересовавшегося услышанным. Его губы снова искривились, но теперь это была довольная улыбка. Девушка подошла к Аграделеусу.

— Это будет для тебя нелегкой задачей, — сказала она. Дракон хмыкнул — странный, наполовину шипящий, наполовину грохочущий звук, — Ты должен разрушить крепость и дать моим людям возможность ворваться внутрь.

— С этого и надо было начинать сражение, — проворчал Аграделеус.

— Ну а я хочу, чтобы ты принялся за это сейчас.

Дракон снова хмыкнул.

— Ты уверена, что сможешь остановить меня, когда тебе вздумается?

Бринн в упор смотрела на Аграделеуса, пребывающего в человекоподобном обличье. За ее спиной Джуравиль и Каззира, обменявшись обеспокоенными взглядами, вскочили и подбежали к смелой, но, без всякого сомнения, совершенно безрассудной подруге.

— Пока что я позволяю тебе следовать за моим войском, Аграделеус, — твердо заявила тогайранка. — Но так будет продолжаться лишь при том условии, что ты пообещаешь по

первому моему требованию возвратиться в подземелье и больше не станешь охотиться на людей ни в Бехрене, ни в тогайских степях.

Дракон уставился на Бринн с таким угрожающим видом, словно собирался вот-вот наброситься на нее.

Та, однако, не сводила со страшного чешуйчатого зверя пристального решительного взгляда.

— Я могу уничтожить тебя прямо на этом самом месте, дерзкая девчонка! — взревел дракон. — Могу испепелить тебя или разорвать пополам.

— Но что это тебе даст? — возразила тогайранка. — И чем это обернется в дальнейшем? — Аграделеус, на которого ее доводы явно не подействовали, сердито прищурил кошачьи глаза. — Ты согласишься на мои условия или предпочтешь распрощаться с нами?

Дракон издал долгое грохочущее рычание.

— Ты будешь щедро вознагражден за службу! — Белли'мар Джуравиль внезапно выскользнул из-за спины девушки и остановился перед Аграделеусом, — Когда тогайру обретут свободу, ты добавишь к своим сокровищам несметное количество новых.

Ворчание дракона стало менее угрожающим, в глазах вспыхнуло любопытство.

Бринн, однако, предложение эльфа вовсе не привело в восторг, как и то, что он вмешался как раз в момент окончательного выяснения отношений с Аграделеусом. Она много размышляла после той ужасной ночи в Тогае и решила, что либо добьется полного повиновения дракона, либо избавится от него. Никакой компромисс тут невозможен.

— Ну хорошо — но только если сокровище доставят пятьсот рабов! — внезапно заявил Аграделеус, меряя Бринн взглядом.

— Нет! — решительно ответила та. — Сокровище доставят люди свободной воли.

— Которые будут развлекать меня рассказами, и если мне эти рассказы понравятся, тогда я, возможно, не сожру их! — не желал сдавать позиций дракон.

— Нет! — отрезала тогайранка. Дракон возмущенно взревел. — Если так, назови меня своим врагом сейчас! — Она оттолкнула эльфов и встала перед Аграделеусом. — Испепели меня яростным дыханием! Но знай: в этом случае все люди к югу от Пояса-и-Пряжки поднимутся против тебя! И, объединившись, они тебя уничтожат, потому что война между Бехреном и Тогаем — пустяк по сравнению с ужасной угрозой, которую представляет собой взбесившийся дракон. Где, могущественный Аграделеус, сможешь ты тогда преклонить голову, чтобы спокойно отдохнуть? Я знаю дорогу к твоему подземелью и объяснила, как ее найти, воинам. Если ты убьешь меня, они приведут туда целое войско. — Дракон угрожающе прищурил глаза, превратившиеся в узкие щелочки. — Я снова хочу взлететь на тебе этой ночью, и мы с тобой как союзники могли бы сровнять с землей крепость Гароу. Но этого не произойдет, Аграделеус, если не дашь мне слово, что, когда в тебе исчезнет необходимость, ты вернешься в свое логово и никогда больше не станешь досаждать людям.

— А что я за это получу, Бринн Дариель? — прошипел дракон.

— Несметные сокровища. — Девушка посмотрела на Джуравиля, — Их доставят тебе искусные сказители-тогайру. Они будут петь и рассказывать удивительные истории. По-моему, очень неплохое вознаграждение за служение нашему делу. Но *нашему* , понимаешь, Аграделеус? Не твоему. Я требую, чтобы ты соблюдал это условие!

— Ты требуешь?

— Да, я требую!

Глаза Бринн сверкали невероятной внутренней силой. Дракон слегка отступил назад. На протяжении нескольких ужасных мгновений и тогайранка, и эльфы, затаив дыхание, ожидали, что сейчас он бросится на нее. Но Аграделеус внезапно расхохотался; больше всего этот смех походил на звуки мощного камнепада.

Так же неожиданно смолкнув, дракон повернулся к Бринн. И опустился на одно колено.

— Забирайся мне на плечи, Тогайский Дракон! — предложил он. — Давай покажем

нашим врагам, чего стоят стены их жалкой крепости против мощи Агра… против мощи Тогая!

— Ты даешь слово?

— Ты скажешь мне, когда я смогу уйти на покой. Признаться, мне уже начали надоедать все эти приключения.

Бринн перевела взгляд на Джуравиля. Тот стоял с ошеломленным, но, несомненно, довольным видом.

Этой ночью было так темно, что никто не заметил, как дракон с восседавшей на нем Бринн, словно черная тень, пронесся над безбрежными песками.

Они бесшумно подлетели к замку. Тогайранка снова проверила кожаные ремни, надежно удерживающие ее на спине Аграделеуса.

— Вниз! — прошептала она.

Впрочем, вряд ли огромное существо расслышало ее за свистом проносившегося воздуха.

Дракон, словно копье, устремился к темной громаде крепости. Расправив огромные кожистые крылья, он приземлился рядом с замком. Вцепившись гигантскими когтями в мягкий песчаник, он затряс его стены с такой силой, что по озеру побежали волны.

Девушка вскинула Пляшущий огонь, воспламенив меч. Ее люди, взявшие замок в плотное кольцо, в ответ на это разразились воинственными воплями.

Бринн вцепилась в упряжь, а дракон, впав в ярость, принялся хлестать хвостом по стенам и ломать их острыми когтями. Из ближайшей бойницы посыпались стрелы, но они не причиняли вреда его чешуйчатой шкуре. Аграделеус тут же дохнул в бойницу огнем.

Изнутри раздались крики обожженных защитников замка, но из остальных бойниц продолжал сыпаться град стрел. Отскакивая от толстой чешуи дракона, они, однако, вонзались в его кожистые крылья. Это причиняло Аграделеусу боль, и, разозленный, он, подпрыгнув, всей массой приземлился на песок, сотрясая землю и расшатывая каменную кладку стен, а затем повторил этот маневр несколько раз. Заодно дракон продолжал выпускать пламя во все оказавшиеся в поле зрения бойницы.

— Ворота! Ворота! — крикнула ему тогайранка.

Она не случайно велела дракону сесть неподалеку от них, поскольку у нее созрел один замысел.

Аграделеус еще несколько раз подпрыгнул, яростно работая хвостом и когтями, после чего наконец услышал призывы девушки. Вытянув змееподобную шею, он вцепился зубами в мягкий песчаник над железными воротами. И, собрав все силы и скрежеща зубами, принялся вгрызаться в него, пока в конце концов не наткнулся на что-то твердое.

С огромным усилием дракон втянул голову, протаскивая сквозь мягкий камень железную пластину, и неожиданно резким рывком вскинул голову вверх. Ворота замка Гароу взлетели в темное небо и рухнули в озеро.

Пригнув голову, Аграделеус послал в образовавшийся проем струю пожирающего пламени.

Далее он снова занялся стенами замка и в конце концов выломал-таки огромный кусок стены, который вместе с беспомощными защитниками замка вывалился наружу.

Однако упрямые бехренцы не унимались, продолжая стрелять, причем теперь не только из луков, но и из баллист.

— Довольно! — приказала Бринн. — Улетай!

Дракон не сразу расслышал ее слова. Просунув голову сквозь дыру в стене, он схватил зубастыми челюстями какого-то защитника замка.

Тогайранка содрогнулась, когда кости несчастного хрустнули под острыми зубами Аграделеуса.

— Улетай! — повторила она как можно громче.

Дракон развернулся и хлестнул напоследок хвостом по уже поврежденной стене,

выломав еще один кусок каменной кладки, на этот раз провалившейся внутрь. Потом он, к великому облегчению девушки, отскочил в сторону и, расправив крылья, поднялся в воздух.

Бринн закрыла глаза и перевела дыхание. Аграделеус повиновался ей.

Снова открыв глаза, она обернулась и увидела зияющую темную дыру в том месте, где недавно были ворота, и еще большую — в стене. Из обоих проломов валил дым: смертоносное дыхание Аграделеуса, без сомнения, стало причиной возникшего в замке пожара. Увидев, что дракон и Бринн с высоко поднятым пылающим мечом улетают, ее воины бросились в атаку.

Аграделеус опустил тогайранку рядом с эльфами и Крепышом. Она вскочила на пони и поскакала обратно к оазису. К тому времени, когда девушка оказалась там, сражение уже закончилось, крепость была захвачена, а немногие ее уцелевшие защитники стояли жалкой кучкой в оцеплении воинов-тогайру.

Бринн спешилась и подошла к дрожащим от ужаса бехренцам.

— Дайте им припасов и отпустите, — приказала она воинам и продолжала, обращаясь к защитникам замка: — Идите и расскажите всем о судьбе оазиса Гароу. Расскажите о Тогайском Драконе и о том, что перед ним не устоят никакие стены. И так будет до тех пор, пока Чезру не провозгласит Тогай свободным. Запомните: меня не остановит ничто.

ГЛАВА 30
ОДИН РАССЕРЖЕННЫЙ КОТ, ОДНА ХИТРАЯ МЫШКА

— Что на этот раз — Алзат? — спросил Чезру Дуан, имея в виду город к югу от Прады, который, по его разумению, мог стать следующей целью Тогайского Дракона.

Всего пару недель назад стало известно о падении Прады, и вот теперь прибыли вестники, на лицах которых читались смятение и страх.

Новый доверенный помощник Чезру, высокий, худощавый пастырь Стиг, сокрушенно покачал головой.

— Оазис Гароу, Глас Бога.

Находившиеся в комнате ятолы, доставившие известия о все возрастающей активности пиратов и других неприятных событиях, начали встревоженно перешептываться. Успокаивая их, Чезру Дуан поднял руку. Однако, судя по выражению лица, он и сам был ошеломлен неожиданными новостями. Дело в том, что оазис Гароу находился не к югу от Прады, куда, как ожидалось, ведет армию Тогайский Дракон, а дальше к востоку, рядом с дорогой на Хасинту.

Обдумывая ситуацию, Эаким Дуан откинулся в кресле.

— Глас Бога, как это понимать? — тоном, в котором слышалось отчаяние, вопросил ятол Де Хамман. — Неужели Тогайский Дракон собирается напасть на Хасинту?

И снова Чезру сделал успокаивающий жест рукой.

— Приведи сюда посланцев, — велел он Стигу.

Кланяясь, тот попятился к двери и вскоре вернулся с тремя оборванными, грязными людьми. В одном из них Эаким Дуан узнал Дуггу Доу, жителя оазиса Гароу.

— Глас Бога! — Дугга распростерся перед Чезру ниц. — Умоляю тебя! Мощь этой женщины не знает границ! Конь под ней превращается в огромного огнедышащего дракона! Эти варвары ру беззаветно ей преданы! Они безумцы, Глас Бога, все до одного истинные безумцы!

— Оазис захвачен? — спокойно спросил Эаким Дуан.

— Полностью уничтожен! — ответил Дугга. — Тогайру пронеслись по нему, словно песчаная буря. Может, они и сами из песка, гонимого быстрыми ветрами. Мой господин собрал в крепости всех жителей, которых она могла вместить, но предводительница ру превратила своего коня в дракона, и тот разломал стены замка! И потом ее воины ворвались туда как ветер, и было их столько, сколько песка в пустыне!

Ятолы снова возбужденно зашептались, восклицая:

— Дракон!

— Песчаная буря!

На Чезру услышанное не произвело особого впечатления. За последние несколько столетий он пережил не одну войну, и всякий раз рассказы очевидцев военных действий изобиловали такими вот подробностями. Без единого исключения уцелевшие всегда преувеличивали силу врага, что, впрочем, было вполне понятно: в противном случае им пришлось бы держать ответ за то, почему они бежали.

Тем не менее Эаким Дуан понимал, что к этой угрозе нужно отнестись серьезно, хотя он сомневался, что тогайру, даже если все их племена объединятся в единую армию, смогут причинить сколько-нибудь серьезный урон прекрасно укрепленной Хасинте с ее мощным гарнизоном.

Однако оставалась еще проблема дракона…

— Ты сам видел дракона? — спросил он у Дугги, и тот истово закивал головой.

— Глас Бога, он был невероятно огромен! И выдыхал потоки огня, и с невообразимой силой хлестал по стенам хвостом! Его чудовищные когти вонзались в камни с такой легкостью, словно это грязь! Он схватил моего друга Юзета, стоявшего совсем рядом со мной, перекусил его пополам, а потом сожрал! Глас Бога, я видел это собственными глазами!

Дугга Доу снова истово замотал головой и, не в силах сдержаться, зашелся в рыданиях. Чезру сделал знак охранникам вывести его из покоев.

— Где сейчас ятол Гайсан Бардох? — спросил он помощника.

— Движется вдоль северного края плато, через несколько дней он будет в Дариане, Глас Бога.

— Ты и его пошлешь в Тогай? — спросил ятол Де Хамман.

Эаким Дуан устремил на него угрожающий взгляд, и ятол съежился, осознав, что перешел, пожалуй, границу дозволенного. Тот факт, что Шаунтиль с солдатами Хасинты метался по пустыне, гоняясь за тенью, в то время как Тогайский Дракон с армией нагло бесчинствовала в Бехрене, не следовало обсуждать с Чезру Дуаном в подобном тоне — иначе день, в который допущена подобная дерзость, мог стать для позволившего ее себе последним.

Чезру не сводил свирепого взгляда со столь некстати выступившего с вопросом Де Хаммана, напоминая ему об этом.

— Отослать сообщение правителю Дариана Пестлю, чтобы он передал распоряжение ятолу Бардоху повернуть к Хасинте, — приказал Эаким Дуан.

Собравшиеся ятолы приглушенно забормотали, выражая недовольство, — большинство из них управляли городами западных провинций страны, и им, конечно, было небезразлично, куда отправится Бардох со своим воинством.

— Они хотят втянуть нас в бесплодные поиски в пустыне, но мы найдем на них управу, и с этим делом будет покончено раз и навсегда, — уверенно заявил Дуан и снова сердито воззрился на ятола Де Хаммана. — По твоему мнению, Бог ошибся, подсказав мне послать Шаунтиля в тогайские степи?

Де Хамман смертельно побледнел.

— Что ты, Великий. У меня и в мыслях…

— Избавь меня от оправданий, ятол, — прервал его Чезру. — Следует признать, что мне понятны твои опасения.

— Мы просто не знаем, что нам делать, — дрожащим голосом произнес ятол Де Хамман. — Пиратов, с которыми прежде столь умело договаривался ятол Перидан, теперь подкупает Тогайский Дракон, используя добытые в Бехрене богатства, — они безжалостно грабят нас вдоль всего побережья.

— Если бы я был в вашем положении, то доверился бы Богу и не сомневался, что удача вскоре оставит Тогайского Дракона, — заметил Эаким Дуан. — Я найду эту девку и уничтожу вместе со всеми ее приверженцами. И если дракон и в самом деле существует и помогает ей, я уничтожу и дракона. Это будет прекрасный трофей — огромная голова на

стенах храма! — Снова послышалось возбужденное бормотание; на этот раз кое-кто даже засмеялся. Однако Чезру продолжал сверлить ятола Де Хаммаиа разъяренным взглядом. — И когда я разделаюсь с ней и ее приспешниками, то действительно пошлю ятола Гайсан Бардоха в Тогай, чтобы он вместе с Шаунтилем примерно наказал наглых тогайру за богопротивные деяния, что они совершили.

На следующий день из южного Бехрена пришло сообщение, что банда головорезов напала на маленькое поселение, но была захвачена силами местного ятола. Один из пленников все время твердил о Тогайском Драконе; при себе он имел мешок с монетами, отчеканенными в Праде.

Несколько дней спустя прибыл вестник из Авру Изы, города, где правил ятол Бардох. Он сообщил, что некоторые известные торговые семьи получили требование о выкупе в обмен на свободу торговцев, которые были захвачены в плен во время нападения войска Тогайского Дракона на оазис Гароу.

— Найди Дуггу Доу и выясни, действительно ли в оазисе Гароу были какие-то торговцы, — велел Дуан Стигу.

— Повинуюсь, Глас Бога, — ответил тот, отвешивая глубокий поклон.

Больше всего Стиг походил в этот момент на пьяного аиста, и Эаким Дуан лишний раз почувствовал, как ему в это чрезвычайно напряженное время не хватает Мервана Ма!

— Можешь не возвращаться, — сказал он помощнику. — Просто задай этот вопрос и выслушай ответ Дугги Доу.

— Слушаюсь, Глас Бога. — Беспрестанно кивая головой, тощий пастырь попятился и выскользнул из комнаты.

Чезру, радуясь, что остался наконец один, откинулся в кресле и испустил сокрушенный вздох. Да, враг ему попался непростой. Она — если это действительно женщина — наносит удары вроде бы бессистемно, но каждый раз находит верную тактику, чтобы добиться успеха. Дуан провел целое утро, вместе с чежу-леями изучая свидетельства очевидцев о том, как проходили сражения, и они единодушно пришли к мнению, что Тогайский Дракон — чрезвычайно хитрый и опасный противник.

Оазис Гароу пал две недели назад, и это означало, что, возможно, сейчас войско Тогайского Дракона уже подходит к Хасинте.

Поэтому Эаким Дуан приказал воинам чежу-лей стянуть к Хасинте все местные гарнизоны, не дожидаясь возвращения ятола Гайсана Бардоха с его пятнадцатью тысячами солдат. Он не сомневался, что вскоре на него обрушится поток ламентаций ятолов из отдаленных провинций, испуганных и возмущенных тем, что Чезру защищает себя за их счет. И Де Хамман будет стенать громче всех… Но он поступит именно таким образом. Чего-чего, а падения Хасинты Эаким Дуан не допустит!

И все же, находясь в хорошо защищенной Хасинте, Чезру понимал, что нельзя позволять Тогайскому Дракону продолжать бесчинствовать в провинциях Бехрена.

Сообщение о падении еще одного города, Терамена, расположенного между оазисом Гароу и оазисом Дадах, пришло на следующий день.

Эаким Дуан, только что прибывший в Хасинту ятол Гайсан Бардох и несколько чежу-леев сгрудились у большой карты. Поначалу все как один выражали удивление этим последним выбором цели.

— Вообще-то в этом есть смысл, — сказал наконец один из чежу-леев. — В Терамене Тогайский Дракон может пополнить припасы, а потом ударить по оазису Дадах или даже повернуть на северо-запад и еще раз напасть на Дариан. На это у нее уйдет не больше недели.

Чезру задумался над возможностью такого поворота событий. Может, зря он отозвал ятола Бардоха с его пятнадцатью тысячами солдат из Дариана?

— Мне придется вернуться в Дариан, Глас Бога, — заявил Гайсан Бардох, гневно сверкая глазами.

— Тебе придется отправиться в оазис Дадах, — возразил ему Эаким Дуан, — Оттуда

половину людей отошлешь в Дариан, а вторую половину — на юго-запад, отрезая Тогайскому Дракону возможность двинуться на юг. Если она нанесет удар по Дадаху, у тебя хватит сил, чтобы одолеть ее. Если же по Дариану, гони ее обратно в степи, где ты и Шаунтиль сможете окружить ее и прикончить.

— Повинуюсь, Глас Бога, — отозвался Бардох и стремительно покинул покои, громко стуча каблуками сапог по бело-розовому мрамору.

— Она, может быть, еще успеет пару раз куснуть нас, — продолжал Чезру, обращаясь к оставшимся, — Но потом настанет моя очередь.

Конечно, когда ятол Бардох с воинами прибыл в оазис Дадах, там царили тишина и спокойствие. Высланный в Дариан отряд был встречен радостными звуками рогов. А второй отряд, отправившийся на юго-запад, прошел до самого плато, не встретив никаких признаков тогайского войска.

Несколько недель спустя, когда лето 843 года Господня по летосчислению абеликанской церкви должно было вот-вот смениться осенью, огромный флот, состоящий в основном из пиратских кораблей, вышел из Энтела в открытое море. На одном из кораблей находился Эйдриан Виндон, юный приятель Бринн, который в этот момент являлся последней надеждой аббата Олина на обретение власти. Флот взял курс на далекий остров Пиманиникуит, где, по слухам, можно было найти миллионы ценнейших магических камней. В тот же самый день в Хасинте Эаким Дуан получил от хлынувших по дорогам беженцев первые сообщения о том, что захвачен Алзат.

— Они сражались хорошо, — заметил Астамир, обращаясь к Бринн.

Мистик нашел ее за пределами Алзата, полностью разгромленного и разграбленного. Уцелевшие бехренцы были изгнаны из города и сейчас устремились на северо-восток.

Алзат, однако, оказался крепким орешком. Тогайранка и на этот раз использовала прежнюю тактику — выманила из города защитников, те бросились догонять ее сравнительно небольшой передовой отряд и угодили в засаду, напоровшись на основную часть тогайского войска.

Однако выяснилось, что в городе остался еще довольно большой гарнизон, который, вступив в сражение, оказал яростное сопротивление: тела нескольких сотен тогайранцев остались лежать на горячем песке. Это подтолкнуло девушку вновь прибегнуть к помощи Аграделеуса.

Итак, Алзат стал еще одной вехой в череде славных побед Тогайского Дракона. Может быть, в глазах приверженцев Бринн она выглядела даже более значительной, чем предыдущие, поскольку и на этот раз ей удалось заставить тысячи бехренских солдат двинуться на север, в сторону прямо противоположную той, где произошло реальное сражение. Войско тогайранки обладало высокой мобильностью в основном благодаря Аграделеусу, регулярно пополнявшему его припасы. Поэтому предсказать, где она ударит в следующий раз, не мог никто.

Тем не менее ее войско насчитывало всего около пяти тысяч человек. Именно поэтому хорошо укрепленный и защищенный Алзат оказался для него весьма серьезным препятствием.

— Бехренцы яростно защищали свои дома, — согласилась Бринн.

— Теперь, скорее всего, Чезру бросит солдат на юг. И уже совсем скоро догадается наконец, что ему тебя не перехитрить.

— Многие из моих воинов ранены, и все нуждаются в отдыхе, — сказала девушка. — Хотя я знаю, что они без единой жалобы приняли бы участие в новом сражении. — Мистик кивнул. — Нужно уйти еще дальше на юг и устроить себе небольшую передышку. Возможно, для этой цели подойдут долины в предгорьях Огненных гор. Мы отдохнем, залечим раны и потом продолжим кампанию.

— Пока тебе есть чем расплачиваться с пиратами и наемниками, бехренцы не будут знать покоя, — заметил Астамир. — Хотя это временное затишье может подтолкнуть Чезру к

тому, чтобы вывести из Тогая уставшие от бесполезного преследования войска.

— Если только мы не создадим у него впечатление, что вернулись в степи, — с кривой усмешкой сказала Бринн. — Я попрошу Аграделеуса разрушить еще несколько мелких селений. Может, нам удастся выманить бехренских солдат в открытые степи, где их изрядно покусают зимние ветры.

Мистик кивнул, соглашаясь.

В этот момент к ним приблизились две миниатюрные фигурки. Бринн улыбнулась эльфам, внезапно осознав, что уже много дней не разговаривала с Каззирой и Джуравилем.

— Доброе утро, — поздоровался эльф. — Хотя Аграделеус предупреждает, что с запада надвигается песчаная буря.

— А где он? — Тогайранка оглянулась.

— Улетел пополнить запас воды, — ответила Каззира.

— Мы забрали из Алзата всю воду, которую смогли унести с собой. — В голосе Бринн явственно прозвучали подозрительные нотки.

Со времени падения Алзата она не видела ни эльфов, ни Аграделеуса.

— Ну а может, он охотится на кого-нибудь, — предположил Джуравиль и, заметив тревогу, вспыхнувшую в глазах девушки, пожал плечами. — Такова его природа.

— Он вернется в подземелье, как только я этого потребую, — заявила Бринн, — Он дал мне слово.

— И слову дракона можно верить, — успокоил ее эльф. — Но разве Аграделеус давал тебе слово, что не будет использовать любую удачную возможность напасть на наших врагов?

Тогайранка покачала головой.

— Я еще только собираюсь добиться от него такого обещания.

— Не советую слишком туго затягивать ошейник на шее дракона, — предостерегла ее Каззира. — Тебе, конечно, удалось немного утихомирить нашего приятеля, сыграв на его любопытстве, жажде приключений и желании общения, приобретенном за долгие годы, проведенные в одиночестве, но его теперешнее поведение не отвечает истинной природе таких существ. И Аграделеус прекрасно понимает, что ты нуждаешься в нем не меньше, чем он в тебе, — а может, и больше, — и в сражениях, и для обеспечения войска припасами. Дракон осознает свою необходимость, пусть даже и недоволен тем, что ты не даешь ему участвовать в сражениях в той мере, в какой бы он того желал. И если ты слишком туго затянешь петлю, он использует эти ценные качества против тебя, можешь не сомневаться.

Бринн понимала, что эльфийка права.

— Ходят слухи, что мы на время берем передышку, — сказал Джуравиль.

Девушка кивнула.

— Многие наши люди ранены, и все выбились из сил. Пора передохнуть, подлечиться, а заодно потрепать неприятелю нервы. Пусть борются со степными морозами и ветрами, пока мы будем набираться сил для новых нападений с приходом весны.

Эльфы обменялись взглядами, в которых Бринн почудилось что-то странное.

— В чем дело? — спросила она.

— Возможно, во время этой передышки мы с Каззирой покинем Бехрен, — сообщил Джуравиль. — В этой борьбе мы сейчас стали почти зрителями — теперь ты и без нашей помощи справляешься с Аграделеусом. Каззира скучает по Тимвивенну, да и я тоже. К тому же на севере нас ожидает еще одно дело, имеющее чрезвычайную важность для обоих наших народов.

Тогайранка вздрогнула, услышав эти слова. На мгновение ею овладела паника. Как дальше вести войну без советов Белли'мара Джуравиля? Хотя она в последнее время разговаривала с ним все меньше и меньше, Бринн успокаивала сама мысль о том, что он всегда рядом и можно обратиться к нему, как только в этом возникнет необходимость. Девушка перевела взгляд на Астамира, безмолвно прося его вмешаться и отговорить эльфов. И внезапно осознала, что в последнее время именно он, а не Джуравиль был ее подлинным

советником.

И все же, снова посмотрев на эльфа, который был ее близким другом на протяжении многих лет, тогайранка поняла, что будет ужасно скучать по нему.

Однако желание эльфов покинуть ее было вполне понятно: к северу от гор их и в самом деле ждало еще одно серьезное дело. Бринн не сомневалась, что эти двое, столь гармоничные в своем единении, столь похожие разумом и душой, сумеют найти способ добиться воссоединения народов. Насколько сильнее станет позиция госпожи Дасслеронд, если ей будет помогать союз с Тимвивенном! Очень может быть, что совместными усилиями они даже смогут уничтожить тлетворное пятно, оставленное в Эндур'Блоу Иннинес демоном дактилем.

И сейчас до Бринн впервые дошло, что с обнаружением док'алфар ее поход, имеющий целью освобождение Тогая, становится гораздо менее значимым для тол'алфар. Она посмотрела на Джуравиля с благодарностью, поняв, что эльф мог покинуть ее гораздо раньше и что, оставив логово дракона, он вообще мог отправиться не на юг, а на север.

— Что ты поведаешь госпоже Дасслеронд обо мне и моих достижениях? — спросила девушка.

— Скажу, что ты справляешься на редкость хорошо, — без колебаний ответил Джуравиль, — Скажу, что если Бринн Дариель не освободит тогайру, значит, Бехрен не сможет одолеть вообще никто. Все твои решения необыкновенно продуманны и взвешены: ты способна уклоняться от прямых столкновений с бехренской армией и перехитрить их командиров при взятии каждого города; ты сообразила, что можно привлечь к вашей борьбе наемников и пиратов. Даже то, как ты сумела справиться с Аграделеусом, — выше всяческих похвал.

Тогайранка с удовольствием выслушала слова эльфа, понимая, однако, что в какой-то мере они служат Джуравилю оправданием его решения покинуть ее.

— Эта история еще до конца не рассказана, — возразила она, — Хотя, скорее всего, она завершится в течение года. И тебе не хочется самому увидеть, чем закончится дело?

Эльф помолчал, обдумывая слова девушки.

— Хочешь, чтобы я остался? — напрямик спросил он, и Бринн поняла, что, если скажет «да», Джуравиль останется с ними.

Однако так прямо поставленный вопрос пробудил в тогайранке чувство ответственности. Она понимала, какие чувства обуревают ее друга. Возвращение в Тимвивенн, а потом и в Эндур'Блоу Иннинес, но уже с док'алфар — все это для эльфов было не менее важно, чем для тогайру борьба с бехренскими захватчиками. А раз так, разве она может просить его остаться?

— Когда война закончится и если мы победим, я пошлю к Тимвивенну вестников, и они расскажут Тилвин Док обо всем, что произошло, — сказала Бринн, — Но только если Каззира пообещает, что моих людей не швырнут в болото, обратив потом в безмозглых зомби!

И эльфы, и сама девушка рассмеялись, тогда как Астамир лишь с любопытством переводил взгляд с одного на другого.

— Когда-нибудь я объясню тебе, о чем речь, — пообещала она мистику.

— Когда я окажусь подальше отсюда, — уронила Каззира, и все трое снова рассмеялись.

Разговор принял более непринужденный характер. Вспоминали приключения на пути в тогайские степи, обещали друг другу в один прекрасный день непременно встретиться вновь. Потом Джуравиль подошел к Бринн и взял ее ладони в свои.

— Среди нашего народа многие сомневаются, мудро ли мы поступаем, обучая рейнджеров, — сказал он. — Возражая им, мы напоминаем о Мазере Виндоне; об Андаканаваре, который и ныне странствует по диким просторам Альпинадора; об Элбрайне-Полуночнике, спасшем мир от демона дактиля. А теперь мы будем говорить сомневающимся и о Бринн Дариель, Тогайском Драконе, которая освободила народ от гнета Бехрена.

— Тогайру пока еще не свободны, — возразила девушка.

— Но будут свободными — и достаточно скоро, — уверенно заявил Джуравиль.

Бринн наклонилась и поцеловала дорогого друга. Они крепко обнялись, по щекам тогайранки струились слезы.

— Подожди, пока мое войско выступит в поход на юг, — сказала она наконец. — Тогда я полечу вместе с вами к подножию гор, так вы быстрее доберетесь до Тимвивенна.

Издали Бринн окликнули: наверное, кто-то из ее командиров. Она отступила от Джуравиля, смахнула слезы, еще раз крепко сжала руку эльфа и ушла вместе с Астамиром.

— Расстаться с ней оказалось труднее, чем ты ожидал, — заметила Каззира, когда эльфы остались одни.

— Я знал, что будет трудно. Я узнал Бринн после того, как потерял дорогого друга, Полуночника. Тогда меня мучили опасения, что рана в сердце не затянется никогда. Я по-прежнему тоскую об Элбрайне, и так будет всегда, но Бринн Дариель снова научила меня улыбаться. Она напоминает мне о том, зачем мы обучаем рейнджеров и сколько добра они могут принести миру.

Каззира подошла к Джуравилю и нежно его обняла. Тот с благодарностью посмотрел на подругу, но тут же на лице эльфа возникло выражение озабоченности.

— Как думаешь, она победит? — спросил он.

— Мне неизвестно, насколько на самом деле сильны ее враги, — ответила Каззира. — Но Астамир, который лучше разбирается в этом, уверен, что Бринн удастся освободить свой народ.

— Признайся: эти люди сумели удивить тебя.

— По крайней мере, они заставили меня сожалеть о том, что мы бросали подобных им в трясину, — призналась эльфийка. — Наш народ всегда оценивал людей не намного выше гоблинов. Я и понятия не имела, что они способны на такое самопожертвование во имя высшей цели. И на такую преданность.

— В ближайшие годы Тимвивенн ждут большие перемены.

— Тимвивенн уже изменился, — отозвалась Каззира. — Это доказывает хотя бы то, что не только ты, но и тогайранский рейнджер по-прежнему живы!

Джуравиль кивнул, провожая взглядом удаляющихся Бринн и Астамира.

— Ну как? Ты догадался наконец, зачем Чезру Дуану понадобилось убивать тебя? — той же ночью спросил мистик Мервана Ма, сидя рядом с ним в укромном месте в стороне от лагеря тогайру.

Глядя на него, юноша невольно рассмеялся: каждый день Астамир неизменно осведомлялся у него об этом.

— Ты терпеливый человек, — заметил он.

— Я не хочу тебя торопить. Ты должен осознать истину тогда, когда будешь готов принять ее, — сказал мистик, — Уверен, скоро настанет день, когда ты ответишь на мой вопрос, потому что поймешь — я поддерживаю правое дело.

— Правое дело, значит? — сердито фыркнул пастырь. — Это разрушение городов ты называешь правым делом? Неужели ты и впрямь веришь, что кровь тысяч несчастных, впитавшаяся в песок пустыни, пролита ради правого дела?

— Это прискорбно, но неизбежно. — Астамир достал из сумки лепешку и протянул ее пленнику. — А скажи на милость, каким еще образом народ Тогая может вырваться на свободу из железных оков твоего бывшего господина? Или, может, ты считаешь, что поработить целый народ — это и есть правое дело?

— Эаким Дуан — Глас Бога, — в тысячный раз повторил Мерван Ма, отталкивая предложенную ему пищу. — Его решения имеют божественное происхождение, они внушены свыше. Он захватил Тогай, чтобы вывести народ этой страны к лучшей жизни, хотя сам процесс и протекает, конечно, довольно болезненно…

— Он захватил Тогай, чтобы жадные жрецы-ятолы могли еще туже набивать

кошельки, — прервал молодого человека мистик. — И чтобы добиться большей власти, хотя теперь, когда Бринн подняла весь народ Тогая на борьбу, он, возможно, сожалеет об этом решении!

— Ты ничего не знаешь…

— Я знаю то, что вижу. А что я могу видеть в твоем Гласе Бога? Только наглые замашки захватчика и безмерную жажду власти.

— Потому что ты не понимаешь — он говорит с самим Богом!

Астамир в который уже раз вытащил нож и протянул его Мервану Ма рукояткой вперед.

— Ты знаешь, что ятол отдал приказ убить тебя, — сухо произнес он.

— Это мне неизвестно, — с вызовом ответил Мерван Ма. — Я знаю лишь, что негодяй Шаунтиль пытался меня убить, и благодарен тебе за то, что ты спас мне жизнь. А то, что этот поступок как-то связан с моим господином, всего лишь твои беспочвенные предположения.

— Мои предположения не противоречат твоим собственным воспоминаниям, — заметил мистик. — Поскольку ты говоришь меньше, чем знаешь. И я позволю себе предположить еще кое-что: тебе стало известно о Чезру нечто такое, что, по-видимому, представляет для него чрезвычайную опасность. Ты можешь отрицать это в разговоре со мной, но не с самим собой. Рассмотри то, что сделал чежу-лей, в свете этого, и тогда поймешь, что я прав.

— Я не предам свою веру, как бы ты ни старался!

Астамир улыбнулся и встал.

— Мы выходим этой ночью. Ты должен как следует подкрепиться.

— К следующему городу, где вы снова перебьете всех его жителей? — с горькой иронией полюбопытствовал пастырь.

— К Огненным горам, чтобы отдохнуть и залечить раны в тихом месте, куда не доносятся зимние бураны.

При этом заявлении на лице Мервана Ма возникло выражение ужаса.

— Там обитают Джеста Ту!

— Да, неподалеку, хотя не многие увидят Обитель Облаков. Если вообще такие найдутся.

— Но я-то, надо полагать, обречен оказаться там! — воскликнул юноша, и мистик взглянул на него с недоумением. — Там ты сможешь применить ко мне ваши древние пытки и вытянешь все признания, какие пожелаешь.

— Древние пытки?

— Я все знаю о вашем ордене! Вы можете содрать кожу с человека, не убивая его, так что все тело пытаемого горит ужасным огнем! Я знаю о ваших ритуалах, о том, как вы пьете кровь невинных младенцев и врагов. Думаете, если вы спрятались в горах далеко на юге, мир забыл о зверствах Джеста Ту? Это не так, уверяю тебя!

Искренний смех Астамира слегка умерил пыл молодого пастыря.

— Все эти страшные истории рассказывают воины чежу-лей и жрецы-ятолы, которые опасаются, что их подданным станет известна правда о Джеста Ту и нас перестанут ненавидеть, — сказал мистик. — А им нужно, чтобы нас ненавидели, неужели ты этого не понимаешь? Потому что гораздо труднее держать народ в повиновении при отсутствии врага и исходящей от кого-то угрозы.

Доводы мистика, однако, не особенно убедили юношу.

— Ты станешь гостем Обители Облаков, Мерван Ма, — сказал Астамир. — Но только потому, что я хочу, чтобы ты собственными глазами увидел, что представляют из себя Джеста Ту.

— Почему это для тебя так важно?

— Потому что, по моим представлениям, ты достаточно неглуп, чтобы понять истину — и о моем ордене, и о многом другом. — Мистик наклонился и похлопал молодого человека по плечу. — Оставляю тебя наедине с мыслями и воспоминаниями, друг мой, — С

этими словами он ушел.

Чувствуя себя предельно несчастным, Мерван Ма спрятал лицо в ладонях, страстно желая ни о чем не вспоминать и не думать о будущем. Однако последние слова Астамира — «друг мой» — еще долго-долго звучали в сознании бедняги пастыря.

Когда-то он считал другом Эакима Дуана.

— Ты скакал сюда во всю мочь, загнал в песках трех лошадей только ради того, чтобы сообщить, что ятол Бардох не явится в Хасинту, как ему было приказано? — спросил Эаким Дуан измученного, дрожащего всем телом человека.

— Ятол Гайсан Бардох велел как можно быстрее доставить его ответ, Глас Бога, — пробормотал вестник.

— Его ответ? — недоверчиво переспросил Чезру. — Что навело тебя или его на мысль, что он имеет возможность выбора? Он должен делать то, что я приказал, неужели кто-то сомневается в этом?

— Конечно нет, Глас Бога!

Какое-то время Эаким Дуан с суровым видом наблюдал за тем, как несчастный съеживается под его испепеляющим взглядом.

— Загони пять лошадей, если понадобится, но найди ятола и скажи ему: я буду пристально следить за каждым его шагом.

— Повинуюсь, Глас Бога, — едва смог выговорить донельзя испуганный вестник, кланяясь и пятясь к дверям.

Чезру рухнул в кресло. Он был крайне расстроен. Поскольку Тогайский Дракон как сквозь землю провалилась, он приказал ятолу Бардоху с его пятнадцатью тысячами воинов вернуться в Хасинту. И что же? Посланец Бардоха сообщает, что ятол свернул к подвластному ему городу Авру Изе якобы ради того, чтобы охранять дальние провинции Бехрена, более уязвимые для нападения.

Однако Эаким Дуан прожил на свете не одно столетие и понимал, что стоит за этим тактическим маневром: ятол Бардох использует кризисное время для усиления собственных позиций. После смерти ятола Гриаша он стал вторым по могуществу человеком в Бехрене, а сейчас Бардох к тому же получил в распоряжение пятнадцать тысяч солдат!

И Чезру, и ятол Бардох знали, что в провинциях недовольны стягиванием сил к Хасинте, что их правители испуганы и считают себя брошенными на произвол судьбы. Вот Гайсан Бардох и решил выступить в роли спасителя, и если Дуан открыто воспротивится этому, он рискует потерять доверие и преданность жителей в отдаленных областях Бехрена. Да, они исповедуют религию ятолов, но опыт показал, что соображения простого выживания нередко оказываются выше любых религиозных догматов.

По-видимому, ятол Бардох решил не упускать возможности усилить влияние в южных и западных провинциях. Учитывая, что Эаким Дуан недавно объявил о том, что Возрождение откладывается на пару лет, кто рискнет предположить, какое могущество обретет Гайсан Бардох за это время?

Пытаясь успокоиться, Чезру сделал несколько глубоких вдохов. Он должен смотреть дальше, за пределы нынешней ситуации с Тогайским Драконом. Так или иначе, с этой девкой скоро будет покончено; нужно думать не о ней, а о наглости зарвавшегося ятола Бардоха и предстоящем Возрождении. Необходимо найти способ умиротворить этого человека, удовлетворить его жажду власти и славы; только в этом случае можно быть уверенным, что он не попытается помешать Возрождению.

— Будь ты проклята, Тогайский Дракон! — Эаким Дуан с силой ударил кулаком по подлокотнику кресла.

Услышав за спиной шаги, он резко обернулся и увидел помощника, стоящего с вытаращенными от страха глазами.

— Что тебе?

— Я хотел сказать, что вестник ятола Бардоха уже отбыл, Глас Бога, — пробормотал

Стиг.

— Убирайся! — Дуан взмахнул рукой.

Пастырь так и сделал, беспрерывно кланяясь в своей обычной манере.

Его собственный помощник шпионит за ним! По-видимому, придется устранить и этого…

Раздраженно ворча, Чезру провел рукой по редким волосам. Эта последняя мысль лишь доказывала абсурдность вышедшей из-под контроля ситуации. Как ему недоставало Мервана Ма!

А ведь это он сам приказал убить такого верного, толкового молодого человека, и теперь тот лежит в песках под Дарианом… Сравнивая его с вереницей помощников, которых он поменял за многие годы правления, Эаким Дуан лишний раз с горечью понял, насколько больше их всех нравился ему Мерван Ма. По сравнению с ним все другие представляли собой пустое место.

Чезру прекрасно понимал: Возрождение невозможно, пока рядом с ним не окажется умный и по-настоящему преданный доверенный помощник.

ГЛАВА 31
ЗИМА ЕЕ ТРЕВОГИ

Дракон принес их в предгорья Пояса-и-Пряжки, к южному выходу на Дорогу Беззвездной Ночи.

— Уверена, я еще не раз пожалею о том, что согласилась отпустить вас, — сказала Бринн Джуравилю и Каззире.

— Это решение от тебя не зависело, — ответил эльф. — Ты ничего не смогла бы изменить, даже если бы захотела.

— Неужели Белли'мар Джуравиль отказал бы мне в помощи, если бы я стала умолять его об этом? — спросила Бринн тоном маленькой девочки, какой она была, когда впервые оказалась в Эндур'Блоу Иннинес.

Все трое дружно рассмеялись.

— Думаю, он бы не устоял, — сказала Каззира. — По словам Джуравиля, он в своей среде имеет репутацию тол'алфар, больше всех питающего нежные чувства к н'тол'алфар. И как я могла убедиться, эта репутация заслужена им по праву!

— Только если ты рассматриваешь и док'алфар как н'тол'алфар! — заметил крылатый эльф, подмигнув возлюбленной.

И все они рассмеялись еще громче.

Однако веселье быстро угасло; последовали теплые объятия, горькие слезы; были сказаны слова надежды на будущую встречу и пожеланий друг другу удачи. А потом эльфы исчезли во тьме Дороги Беззвездной Ночи, и внезапно Бринн почувствовала себя ужасно одинокой.

Спасаясь от холодного ветра, она поплотней запахнула полы плаща и постаралась думать только о том, что далеко на юге, в Обители Облаков, ее ожидает Астамир.

За спиной тогайранки взревел Аграделеус.

— Мы возвращаемся на юг? — спросил он девушку, все еще стоящую у входа в туннель.

Предыдущей ночью, пролетая над уже покрытым снегом плато, они заметили несколько больших лагерей армии противника. Бринн была довольна, что зима застала бехренцев в тогайских степях: суровая погода существенно уменьшит их боевой пыл, а если повезет, то и численность. Следовало непременно придумать, как подольше задержать вражеских солдат в этих краях, а может, заманить их еще дальше.

— Нет, — ответила она Аграделеусу. — Мои воины отдыхают, и я им сейчас не нужна. Может, мы с тобой немного порезвимся в тогайских степях?

Дракон воззрился на нее с явным интересом.

— Порезвимся, говоришь?

— Ты ведь всегда испытывал неодолимую жажду сражений, не так ли? И злился на меня за то, что я тебя сдерживала. Так вот, похоже, настало время дать тебе возможность как следует отвести душу, — объяснила ему тогайранка.

Губы дракона изогнулись в кровожадной ухмылке, он издал низкое утробное урчание и выпустил из ноздрей струю дыма.

— Давай облетим как можно большую территорию, чтобы лучше представлять себе, что творится в степях. Тогда станет ясно, куда наносить удары, — предложила Бринн.

Злобная радость дракона слегка угасла.

— Ну вот, опять неделями собирать сведения… — недовольно проворчал он.

— Нет, это займет всего лишь несколько дней, — заверила его девушка. — Я не меньше твоего рвусь в бой. Ведь это по *моей* стране движется вражеская армия.

— Мы прогоним их! — взревел Аграделеус.

— Нет. Мы будем всячески досаждать им, нанося жалящие удары. Но наша главная задача — заставить их оставаться в Тогае.

На показное недовольство дракона Бринн ответила самой искренней улыбкой; новый план уже начал принимать в ее сознании четкие очертания.

И в эту, и в следующую ночи они проводили в воздухе столько времени, сколько тогайранка была в состоянии вытерпеть ледяной холод встречного потока, уточняя места расположения бехренских лагерей. Стало ясно, что по какой-то причине бехренцы не устремились за тогайским отрядом, в планы которого входил отвлекающий маневр, позволяющий увести врагов как можно дальше на северо-запад.

По изменению мест ночных стоянок отрядов противника девушка поняла, что бехренцы отходят на восток, направляясь к краю плато и, возможно, в сам Бехрен, к Дариану.

Ее это ничуть не удивило.

На третью ночь далеко на юго-западе Бринн и Аграделеус обнаружили тогайский отряд, стоящий большим лагерем. Тогайранка велела дракону приземлиться неподалеку и направилась в сторону костров.

Решимость девушки, возникшая при виде стоянки сверху, несколько угасла, пока она прокладывала путь через огромный лагерь. При ее прежнем визите отряд насчитывал около двух тысяч человек, сейчас это число увеличилось раз в десять! Однако большинство встретившихся ей никак нельзя было назвать воинами, для этого они были либо слишком молоды, либо слишком стары; кроме этого, в лагере было много женщин, большая часть из которых — с детьми. Люди покинули селения, прибились к отряду и теперь были вынуждены жить, кочуя вместе с ним.

В шатре командиров подразделений, среди которых она увидела и старого Барачака, Бринн быстро получила ответы на все вопросы.

— Запасаясь провиантом на зиму, бехренцы поубивали почти всех степных животных, мясо которых могло использоваться для питания, — сказал Таналак Кренк, уже знакомый девушке уроженец племени Кейлин Кек. — Все продовольствие они держат в деревнях поселенцев и тщательно охраняют его.

— Бехренцы продолжают гоняться за нами, — добавила решительного вида женщина возрастом чуть старше Бринн.

— Мы уступили им в нескольких схватках и потеряли многих воинов, — сказал Таналак. — В строю у нас сейчас около пяти тысяч человек, остальные — небоеспособны. У бехренцев почти всегда перевес в численности, да и выучка их солдат не в пример нашей. Кроме этого, на нас лежит ответственность за тех, кто присоединился к отряду, но не может в силу различных обстоятельств участвовать в боевых действиях.

— У нас нет возможности привести в порядок оружие, пополнить запас стрел! Голодают не только люди, но и наши скакуны! — сердито воскликнул еще один командир.

Девушка стоически выслушала все эти сентенции. До сих пор возможность отвлечь

гигантскую армию Чезру казалась благословением — ведь это позволяло ей свободно действовать в Бехрене. И только сейчас жестокая правда открылась Бринн во всей полноте. Стоило ли вообще затевать «Осеннее кочевье»? Может быть, простым людям было бы лучше, останься они в поселениях, управляемых бехренскими ставленниками?

— А тут еще зима… — пожаловался кто-то.

— Мы одержали в Бехрене очень важные победы, — сказала девушка прежде всего ради того, чтобы посмотреть, каков будет ответ на ее слова.

Приветственные возгласы убедили тогайранку, что эти люди по-прежнему испытывали к ней огромное уважение, несмотря на те ужасные условия, в которые поставило их затеянное ею восстание.

— Я вернусь к вам завтра ночью, — пообещала Бринн, — Мы придумаем, как вам помочь. Мы найдем способ нанести бехренцам серьезный удар и изгнать остатки их когда-то мощной армии из Тогая!

Вопреки ожиданиям девушки, на этот раз реакция ее собеседников была довольно сдержанной.

— Бехренцы очень сильны, — мрачно заметил Таналак Кренк.

— Ну и где мы будем сегодня прятаться? — скептично осведомился Аграделеус, когда Бринн вернулась к нему.

Тогайранка ответила не сразу, подойдя к груде сеток и мехов для воды, лежащей рядом с драконом. Она захватила все это с собой, собираясь по пути к Огненным горам использовать дракона в качестве носильщика.

— Прятаться? — тем же тоном переспросила девушка. — До рассвета еще несколько часов. С какой стати нам прятаться? — Аграделеус с любопытством посмотрел на нее. — Давай-ка найдем бехренскую деревню и уничтожим ее!

Губы дракона расплылись в удовлетворенной улыбке.

Они ринулись вниз, прямо в центр маленького поселения. Те бехренцы, которые уже проснулись и находились поблизости, понять ничего не успели: внезапный порыв ветра, хлопки крыльев — и всё. Дракон испепелил их убийственным дыханием.

Аграделеус завис в воздухе ровно настолько, чтобы дать тогайранке возможность спрыгнуть с него и спрятаться в тени — на этот раз она не собиралась быть просто зрителем.

Послышались сигналы тревоги, стражники у ворот вскинули луки. Однако дракон тут же ринулся на них. Миг — и стражники были мертвы, а ворота разрушены. Аграделеус взмыл вверх и развернулся, выбирая новый объект для атаки.

Бринн слышала доносившиеся со всех сторон вопли. Она прижалась к стене дома рядом с дверью и, когда та распахнулась, нанесла выскочившему на улицу мужчине сильный удар в грудь, отбросивший его внутрь дома.

Бехренец распростерся на полу. Рядом с ним неясно вырисовывалась фигура второго. Он неуклюжим движением попытался вскинуть боевой топор, но не успел, сраженный точным ударом в грудь.

Тогайранка побежала дальше, стараясь не приближаться к центру поселка, где в ночное небо уже взметнулось пламя, на фоне которого метались черные фигуры поселенцев.

Она двинулась по проулку между двумя длинными строениями, по всей видимости складами. Вскинув меч, девушка заставила его запылать и несколько раз взмахнула им над головой, подав условный сигнал Аграделеусу — там, где она сейчас находилась, не следует ничего поджигать.

Завернув за угол, Бринн увидела трех бехренцев. Уверенная, что те не заметили ее, она юркнула обратно в проулок, сжимая в руке меч и прислушиваясь к их приближающимся шагам.

Неожиданно, словно из-под земли возникнув перед ними, она сделала три

молниеносных выпада, оставив всех троих лежать на промерзшей земле, и вновь отступила в тень.

Дракон совершил очередной пролет над поселком, и многие дома в противоположной от Бринн стороне занялись огнем. Поселенцы, отчаянно крича, метались по улицам, не зная, где укрыться от крылатого чудовища. Многие выбегали в степь и исчезали в темноте холодной ночи через проломы, появившиеся после того, как по укреплениям прогулялся драконий хвост.

Все закончилось очень быстро. Деревня опустела, большинство домов было охвачено пламенем. Тогайранка не стала преследовать убегающих: она хотела, чтобы остались те, кому будет что рассказать об этом неожиданном и опустошительном нападении. Боясь, что Аграделеус бросится вдогонку за уцелевшими, она поделилась с ним своими соображениями, и, к удивлению девушки, тот не стал спорить и поднялся в воздух только ради того, чтобы принести меха и сети.

Когда они снова взмыли в ночное небо, то заметили, что в ближайшем к разрушенному поселению отряде бехренцев поднялась страшная суматоха: солдаты готовились к выступлению.

Дракон взял курс на юго-запад.

Перед самым рассветом Бринн вновь появилась в лагере тогайру и подвела нескольких командиров подразделений к принесенной драконом горе продовольствия и других припасов.

Бехренцы ищут вас, да и меня тоже, и могут передвигаться достаточно быстро. Держитесь все время на расстоянии дня пути от них. Я сама буду находить вас и доставлять провиант, — пообещала она.

С этими словами девушка скрылась в предрассветной мгле, добавив еще один славный эпизод к легенде о Тогайском Драконе.

На протяжении следующих недель Аграделеус и Бринн разоряли поселение за поселением, каждый раз выбирая отстоящие далеко друг от друга, тем самым лишая бехренцев какой бы то ни было возможности попытаться устроить им ловушку. Все добытые при этом припасы доставлялись в лагерь тогайру. Таким образом, силы последних существенно восполнялись, в то время как бехренцы, гоняясь за призраками, гибли сотнями. И, что немаловажно, по Тогаю и Бехрену прокатился слух, что Тогайский Дракон и ее войско вернулись в родные степи.

В западном Бехрене эта новость была встречена с чувством не только тревоги, но и облегчения, причем последнее преобладало. В Авру Изе ятолу Бардоху эти известия дали повод похваляться тем, что это он со своими солдатами прогнал Тогайского Дракона. Он произносил по этому поводу длинные напыщенные речи, пересыпанные обещаниями, что весной он выйдет в поход и покончит с ненавистным Тогайским Драконом раз и навсегда.

Тогайранские рабы в Авру Изе тоже слышали эти разглагольствования и шепотом пересказывали их собратьям за пределами города. Так о хвастливых речах Гайсана Бардоха стало известно и в полях около Огненных гор, где тогайское войско в безопасности пережидало зиму и набиралось сил.

ГЛАВА 32
УДАРИТЬ И УБЕЖАТЬ?

— В его распоряжении огромная армия, — напомнил тогайранке Астамир. — Ятол Бардох похваляется, потому что чувствует себя в безопасности.

Далеко на севере зимние снега уже начали таять, а здесь, неподалеку от Огненных гор, дни стали почти жаркими.

Бринн оглядела войско, насчитывающее более шести тысяч всадников. Все они рвались в бой, помышляя только о том, как бы побыстрее выступить в поход и напасть на очередной бехренский город, который конечно же падет перед ними. Сама девушка, хотя на

протяжении зимы ей пришлось принять участие не в одном сражении, тоже жаждала большой битвы.

— Как думаешь, этот пес Бардох выступит против нас, как грозится? — спросила она. Мистик неопределенно пожал плечами. — По-твоему, нам удастся выманить его из города?

Астамир снова пожал плечами.

— Даже если и удастся, выступать против его армии неразумно. Сейчас это самый сильный боевой кулак, какой имеется в Бехрене. И ятол Гайсан Бардох… — Он на мгновение смолк. — Этот человек имеет репутацию опытного, закаленного в битвах военачальника.

— Он убийца, и ничего более, — отозвалась тогайранка. — И так или иначе я получу его голову.

Мистик посмотрел на нее с удивлением.

— Ты готова рискнуть всем, выступив против него?

По выражению глаз девушки понять ответ было трудно, и несколько долгих мгновений Астамир искренне опасался, что она ответит утвердительно.

— Я заставлю его выйти из Авру Изы, — заявила наконец Бринн. — Не слишком далеко. Хочу, чтобы он собственными глазами увидел, как горит его город.

Никогда прежде мистик не слышал в ее голосе такой решительности.

Не сказав больше ни слова, тогайранка покинула лагерь и через высокий перевал добралась до того места, где ожидал ее Аграделеус. Проведя всего несколько часов в войсках, Бринн уже снова была в воздухе, направляясь на север.

Они мчались вдоль края плато; план предстоящих действий уже начал формироваться в голове девушки, и теперь она внимательно изучала местность.

Да, она выманит ятола Гайсан Бардоха из его «логова», а потом он будет беспомощно сидеть на плато, глядя, как горит город.

Таналак Кренк с людьми уже ожидал ее. Воин удивился, получив приказ Бринн разделить отряд на три части. Две из них, состоящие из самых сильных воинов, должны были продвигаться соответственно на юг и восток, а третья вместе с теми, кто не мог сражаться, — отступить к югу.

— Теперь вы дождались своего часа, — сказала она тем, кому предстояло отправиться в поход вместе с ней. Послышались возгласы, как радостные, так и обеспокоенные. Тогайранцы прекрасно понимали, насколько силен собранный против них мощный «кулак» бехренцев. — Мы нанесем удар и исчезнем, выманив противника к самому краю плато.

— А потом что? — спросил кто-то.

— Разделаемся с ними именно там, где, по их мнению, мы окажемся в ловушке, у края плато. — Бринн, уверенная в правильности решения, улыбнулась.

Так начался этот весенний поход. Две тысячи отборных бойцов напали на деревню поселенцев в опасной близости от бехренской армии, как будто дразня врага. Спустя неделю было совершено нападение на другую деревню, находящуюся довольно далеко на юго-востоке от первой.

Проводя со спины Аграделеуса разведку в ночь после второго нападения, тогайранка заметила, что бехренская армия разворачивается на юг. И еще она заметила порученцев, скачущих на восток. Вывод напрашивался сам собой: противник знал, где она находится, и неплохо изучил местность. Именно на этом Бринн и строила тактику.

Все это время девушке удавалось удерживать Аграделеуса от непосредственного участия в сражениях. В ее планы не входило, чтобы враг узнал о драконе больше, чем следовало, поскольку в конечном счете успех всей кампании зависел именно от него. Они еще раз слетали к Огненным горам, и Бринн велела воинам во главе с Астамиром двигаться к Авру Изе.

Два дня спустя был разгромлен большой бехренский караван с припасами. Распространился слух, что Тогайский Дракон пробивается обратно в Бехрен, в область, лежащую на западе от Авру Изы.

Бехренская армия выступила из Авру Изы, направляясь к перевалу, который должен был привести жаждущего славы ятола Бардоха и его пятнадцать тысяч воинов на тогайское плато, севернее предполагаемого места встречи с отрядом Бринн. Вторая армия во главе с чежу-леем Шаунтилем устремилась на юг. Здесь, на стыке Бехрена и Тогая, было мало удобных путей, и бехренцам казалось очевидным, что Тогайский Дракон ошиблась в расчетах и ятол Бардох с армией прибудет к перевалу раньше ее — ему на это понадобится не больше недели, в то время как армия Шаунтиля уже отрезала ей путь с юга и запада.

Отряд Бринн продолжал продвигаться на восток, прямиком в клещи двух огромных бехренских армий. Через несколько дней он подошел к перевалу. С востока дорогу блокировали утесистые горные отроги, а с юга, запада и севера — приближающиеся бехренцы.

— Разожгите ночью костры поярче, — велела тогайранка воинам.

— Ну конечно, ведь завтра утром мы будем сражаться и умирать! — воскликнул один из них.

— Завтра утром мы начнем поход по бехренской пустыне, — поправила его девушка и громко свистнула. Над краем утеса показался огромный Аграделеус, несущий не уступающую ему по размерам платформу.

Они промчались по безлюдной пустыне, словно песчаный вихрь. Не успели ятол Бардох и чежу-лей Шаунтиль сообразить, что произошло, как Бринн с двумя тысячами всадников уже были под стенами Авру Изы.

Тогайранка знала, что основные ее силы во главе с Астамиром находятся в нескольких днях пути. Если ждать, пока они подойдут, нападение на Авру Изу произойдет незадолго до возвращения сюда армии Гайсана Бардоха. И уходить придется в значительной спешке, потому что бехренцы, несомненно, бросятся в погоню.

Однако упустить город заклятого врага Бринн не намеревалась ни при каких обстоятельствах: воспоминание о гибели родителей от руки ятола Бардоха навсегда запечатлелось в сознании девушки.

Ночью они с Аграделеусом носились над Авру Изой, поджигая дома, круша защитные сооружения и катапульты, убивая оставшихся в городе солдат.

И потом с высоты спины дракона тогайранка обратилась к жителям Авру Изы, призывая их покинуть город — иначе им грозит неминуемая погибель.

— Уходите по восточной дороге! — взывала она.

В ответ на нее обрушился град стрел. Девушка низко пригнулась к шее яростно ревущего дракона.

— Уничтожь лучников, — велела она.

Аграделеус с небывалым рвением выполнил ее приказ. Сложив огромные крылья, он стремительно ринулся вниз, испепеляя все вокруг жарким дыханием, молотя хвостом и мощными когтистыми лапами. Затем дракон вновь поднялся вверх, и Бринн повторила обращенное к жителям Авру Изы предостережение — тот, кто не покинет город немедленно, завтра будет мертв.

На рассвете следующего дня тогайранка бросила в атаку на западные ворота города две тысячи всадников; Аграделеус атаковал Авру Изу с севера.

Сопротивления они почти не встретили. Поднявшись на башню с восточной стороны городской стены, девушка увидела колонну жителей города, спешно удаляющуюся на восток.

Днем разведчики доложили тогайранке, что армии ятола Бардоха и чежу-лея Шаунтиля быстро приближаются к Авру Изе.

— До рассвета мы успеем разграбить город и уйти, — сказал один из командиров.

Бринн покачала головой.

— Можете делать, что задумали, но все ценное и припасы спрячьте в пустыне, — сказала она. — И уходить на этот раз мы не будем.

Сгрудившиеся вокруг тогайранцы удивленно посмотрели на предводительницу; все отдавали себе отчет в том, что совсем скоро тридцать тысяч бехренских воинов окажутся у городских стен.

— Астамир уже на подходе, — объяснила девушка.

— Но и с его людьми соотношение сил будет не в нашу пользу, — возразил кто-то.

— Если мы не сумеем ослабить противника, — ответила Бринн. По ее губам скользнула мрачная улыбка.

— Что ты имеешь в виду?

Она не ответила. Взгляд девушки устремился на запад, к линии далеких гор, окаймлявших тогайское плато.

Пока солдаты бехренских армий будут просачиваться с плато по узким тропам перевалов, они окажутся в очень уязвимой позиции — для Аграделеуса, по крайней мере.

— Большая группа покинувших Авру Изу бехренцев разбила лагерь недалеко от стен города, — доложил вскоре еще один прибывший разведчик.

— Не трогайте их, — ответила девушка. — Пусть расскажут ятолу Бардоху, каковы наши силы.

— Чтобы он чувствовал себя увереннее, подходя к Авру Изе? — спросил один из командиров.

— Чтобы он взял Авру Изу в кольцо, лишая нас возможности удрать.

— Твой дракон не сможет быстро унести нас отсюда, как он это сделал на плато, — обеспокоенно заметил кто-то.

Однако Бринн лишь улыбнулась. Она считала, что настало время рискнуть и сразиться с бехренцами в открытую.

Когда на степи опустились сумерки, а пустыню уже затопила тьма, Бринн, взлетев в небо на Аграделеусе, увидела длинные вереницы огней, змеящихся на склонах гор, отделяющих тогайское плато от бехренской равнины.

— Он заставляет их идти даже ночью, надеясь выиграть время, — прокричала девушка дракону, — Бардох в ужасной ярости! Она его и погубит!

Аграделеус взмахнул мощными крыльями и полетел в сторону перевала.

Проносясь над ним, он принялся испепелять бехренцев, не успевших укрыться в расселинах между скалами. Захваченная врасплох армия не сразу смогла организовать сопротивление. Бринн и Аграделеус сполна использовали это время неразберихи и хаоса, снова и снова пикируя на порядки Гайсана Бардоха. А когда град стрел устремился в ночное небо и баллисты уже готовились произвести смертоносные выстрелы, они умчались на юг и атаковали армию Шаунтиля. Возглавляемые многоопытным чежу-леем, ее солдаты довольно быстро организовали оборону, поэтому потери бехренцев здесь оказались не такими значительными.

Дракон взял курс на юго-восток и, когда показались костры лагеря возглавляемого Астамиром войска, приземлился, дав тогайранке возможность встретиться с командирами подразделений.

Когда наспех собранный совет закончился и девушка осталась наедине с Астамиром, мистик заметил:

— Отчаянный замысел.

— Каждый из них поневоле отчаяннее предыдущего, потому что бехренцы преследуют нас все более организованно, — ответила Бринн. — Чезру может бросить против нас новые силы. Уверена, вскоре из Хасинты выйдет третья армия, а за ней и четвертая. В конце концов они доберутся до нас. Любая из этих армий в состоянии нас уничтожить или, по крайней мере, потрепать настолько, что мы мало что сможем потом предпринять.

Астамир с мрачным видом кивнул.

— Ты с самого начала понимала, что, даже если все тогайру будут сражаться на твоей стороне, бехренцев тебе не одолеть.

— Авру Иза в наших руках, и ятол Бардох приведет солдат, чтобы вернуть город. Я не отступлюсь, пока не отомщу этому мерзавцу.

— И ради этого ты готова поставить под удар идею освобождения тогайру?

Этот вопрос заставил девушку взять себя в руки и еще раз обдумать действия.

— У нас получится! — наконец уверенно заявила она.

— Но стоит ли так рисковать?

— Стоит. Вдобавок то, что мы делаем, принесет нам огромную выгоду. Огромную, уверяю тебя, — настаивала на своем Бринн. — Каждая победа будет даваться тогайру все труднее, по мере того как мы вынуждаем Чезру стягивать против нас новые силы. Поэтому нужно побеждать любым способом. По пути сюда мы с Аграделеусом напали на обе возвращающиеся из Тогая бехренские армии. Уничтожили мы, в общем-то, немногих, однако наверняка теперь гораздо больше солдат думают только о том, как бы удрать подальше от этого чудовища. Они рисковали головой, тогда как с нашей стороны — никаких потерь.

Мистик кивнул в знак согласия.

— Если Шаунтиль рвется к Авру Изе столь целенаправленно, как ты предполагаешь, тогда он не заметит нас.

— И как, в таком случае, ты расцениваешь мой план?

— Что ж, можно и в самом деле попытаться нанести бехренцам еще один укол, — согласился наконец Астамир. — Но нам придется нелегко, и они, конечно, немедленно бросятся в погоню.

— Благодаря Аграделеусу у нас нет проблем с провиантом, а вот у них — есть, — продолжала убеждать друга девушка. — И тогайру всегда смогут скрыться от бехренцев. Сколько времени они будут гнаться за нами? И как скоро мы оторвемся от них настолько, что сможем сровнять с землей еще один город?

— А как скоро Чезру вышлет против нас еще одну тридцатитысячную армию?

Вопрос был не праздный; Бринн понимала, что Дуан и впрямь может сделать это.

Однако какой смысл обсуждать эту проблему сейчас?

— Ты все понял? И как тебе действовать, и расчет времени?

— Мы будем на месте вовремя, — заверил ее мистик.

Аграделеус с восседавшей на его спине тогайранкой летел на север. Бринн не стала снова нападать на солдат Шаунтиля, понимая, что они могут без промедления нанести ответный удар. Зато мимо армии ятола Бардоха девушка просто так пролететь не могла; дракон ринулся с высоты на последних покидающих плато солдат и раскидал их во все стороны: спешащий на помощь родному городу Бардох даже не удосужился обеспечить им прикрытие. И уж тут Аграделеус отвел душу. Число убитых этой ночью в армии Гайсана Бардоха увеличилось по крайней мере вдвое. Однако самое большое удовлетворение для Бринн доставило наблюдать за солдатами, бросившими оружие и бегущими не на восток, а совсем в других направлениях — проще говоря, в разные стороны, куда глаза глядят.

ГЛАВА 33
ЕЩЕ ОДНА УЛОВКА ТОГАЙСКОГО ДРАКОНА

Бринн стояла на западной стороне городской стены Авру Изы, глядя на вздымающееся вдали облако пыли, снова и снова взвешивая решение остаться здесь и попытаться нанести еще один удар, прежде чем раствориться в открытой пустыне. Может, ненависть к ятолу Бардоху, желание отомстить за смерть родителей притупляют другие чувства? И если это так, не слишком ли велик риск, на который она идет, чтобы не упустить эту возможность?

Тогайранка черпала мужество в надежде на то, что Астамир прибудет вовремя, как они и рассчитывали. С учетом этого ее замысел не казался таким уж отчаянным, если, конечно, она не ошиблась в предположениях относительно реакции ятола Бардоха на потерю Авру Изы.

Девушка все еще была погружена в раздумья, когда неожиданно обнаружила, что к ней кто-то приближается. Повернувшись, она вздрогнула, поскольку уже давно не видела Аграделеуса в его человекоподобном обличье. Бринн заметила, что дракон слегка прихрамывает.

— Стрела все-таки достала тебя, — заметила она.

— Стрелами меня не сбить, — заверил ее дракон.

— Наши враги. — Тогайранка снова устремила взгляд в сторону пустыни.

— Наши?

Бринн внимательно посмотрела на дракона, удивленная этим вопросом. Впрочем, что тут странного? Аграделеуса, казалось, не особенно волновало, кого именно он уничтожает.

— Вскоре мне придется просить тебя вытерпеть новый град стрел, — сказала она. — Я должна создать у ятола Бардоха впечатление, что мы попытаемся удрать на восток, — Дракона, по-видимому, это сообщение мало обеспокоило. — Я хочу, чтобы он расставил людей вокруг города… — Девушка замолчала, осознав, что тот ее не слушает. — Тебе все это безразлично? — спросила она. Аграделеус приблизился, прищурив глаза с вертикальными, как у кошки, зрачками. — Для тебя нет разницы между бехренцами и тогайру? — Дракон несколько раз моргнул, однако больше никакой реакции не последовало. — И если бы на тебя в твоем подземелье наткнулся союзник бехренцев, ты сражался бы за них, как сейчас сражаешься за нас. Верно? — Дракон снова моргнул. — Или, может, ты вовсе и не сражаешься за нас? Ты сражаешься за Аграделеуса, и ничего больше. Я предложила сделку, которая устроила тебя, и поэтому ты огнем испепеляешь бехренских солдат. — Бринн помолчала, не сводя с дракона пристального взгляда. — Ты хоть понимаешь, почему я развязала эту войну?

— Я вообще не понимаю смысла войн между людьми, да и не желаю в это вникать, — ответил наконец Аграделеус. — Вы сражаетесь за свободу. — Он пожал плечами. — Для меня во всем этом мало смысла. В особенности в том, что одни люди порабощают других. Вы любопытная раса, но, судя по всему тому, что я наблюдаю, — низшая, — Теперь настала очередь тогайранки зловеще прищурить глаза. — Ты считаешь, что я создан для бессмысленного разрушения, и в определенной степени это на самом деле так. Мне совершенно безразличны жалкие создания, которые вспыхивают, как чучела из соломы, от моего дыхания, но сам процесс доставляет мне, должен признаться, огромное удовольствие. Мне безразличны люди. — Бринн почудилось, что последняя фраза прозвучала не слишком убедительно. — Бехренцы, тогайру… Все они одинаковы. Тогда как ни одному дракону никогда и в голову не придет попытаться поработить другого дракона.

— Так значит, если бы ты встретил кого-то из бехренцев, то сейчас сражался бы против нас?

Аграделеус снова пожал плечами.

— По-моему, тебе стоит не задаваться бессмысленными вопросами, а поблагодарить небо, что оказалась такой везучей, — заявил он. — Или, если тебе так спокойнее, назови это проявлением справедливости судьбы, благословляющей вашу борьбу за освобождение.

Девушка отвернулась.

— Существует разница, — произнесла она сквозь стиснутые зубы. — Разница между тем, что они сделали с нами, и тем, чего мы сейчас добиваемся.

— Ты так считаешь?

— Тогайру никогда не пытались завоевать Бехрен, — не обращая внимания на его иронию, продолжала Бринн.

— Потому что никогда не имели такой возможности, — тут же парировал дракон. — Имей вы достаточно сил, можно было бы судить хотя бы об относительной нравственности твоего народа.

Тогайранке страстно хотелось возразить, найти слова, которые опровергли бы аргументацию Аграделеуса. Но у нее их не было. Кто знает, как действовали бы ее соплеменники, окажись они завоевателями? Во всяком случае, в захваченном Дариане они

вели себя не намного лучше бехренцев. Понадобилось ее вмешательство, чтобы добиться хотя бы относительной справедливости в отношении побежденных.

Девушка напомнила себе, что она тут ведет бесполезные дискуссии с Аграделеусом, а между тем к городу приближается армия ятола Бардоха, и на ней, Бринн, лежит ответственность за подчиняющихся ей воинов.

— Ты весьма наблюдателен для того, кого якобы мало интересуют люди, — язвительно заметила она.

Аграделеус издал рокочущий смешок.

— Со стороны виднее.

Тогайранка в упор посмотрела на него.

— Ты готов напасть на лучников?

Дракон осклабился в зловещей усмешке.

— Ты не представляешь, с каким удовольствием!

Бехренские всадники, размахивая кривыми мечами, с ходу атаковали западные ворота Авру Изы. Однако у самых ворот нападающие разделились на две части, обтекая стены города. С дисциплинированностью прекрасно обученной армии бехренские солдаты окружили Авру Изу, занимая заранее намеченные позиции. Ближе к вечеру тогайранка с отрядом оказались в кольце, которое затягивалось на городе, словно петля палача, а вдали уже показались огромные боевые машины.

Обстрел начался с наступлением сумерек. Горящие, начиненные смолой шары разбивались о стены и стекали огнем.

Воины Бринн не тушили пожары, не имея ни малейшего желания спасать от ятола Бардоха его собственный город.

Чуть позже началось первое наступление пехоты, сразу со всех сторон, щит к щиту.

Девушка понимала, что Гайсан Бардох пытается выманить ее людей на стены Авру Изы, чтобы лучше представить себе, какими силами располагает противник. Ну что же, она его не разочарует; вдоль стен, в особенности восточной, выстроились ряды лучников, осыпая нападающих градом стрел.

И потом появилась она сама верхом на Аграделеусе. Быстро промчалась на юг, раскидывая испуганных бехренцев, развернула дракона и, не обращая внимания на стрелы, которыми осыпал ее противник, полетела над ошеломленными бехренскими пехотинцами и над стоящими в резерве всадниками, изо всех сил старающимися сдержать обезумевших от ужаса лошадей.

Аграделеус с яростью набросился на боевые машины, поджигая их одну за другой и круша ударами мощного хвоста.

— Улетай! — закричала Бринн. — Аграделеус, улетай!

Тот, однако, слишком разъяренный и возбужденный, даже не слышал девушку. Тем сильнее было удивление дракона, когда копье баллисты угодило ему в бок и он начал быстро терять высоту.

Бехренские солдаты разразились радостными воплями и бросились в атаку, размахивая длинными пиками.

— Вверх! — приказала тогайранка. — Быстро вверх и обратно в город!

Однако Аграделеус развернулся и бросился на наступающих солдат, получая удар за ударом, но в ответ и сам раздавая их немерено. Он рвал людей на части острыми когтями, перегрызал их туловища мощными челюстями, разбрасывал в стороны взмахами огромных крыльев и ударами смертоносного хвоста.

Бринн твердила ему, чтобы он поднимался выше, видя, что все новые и новые бехренцы бесстрашно кидаются на бой с драконом.

Наконец, к великому облегчению девушки, Аграделеус подпрыгнул, заработал крыльями и полетел в сторону Авру Изы. Они приземлились недалеко от городской стены. Бринн, спрыгнув на землю, осмотрела самую серьезную рану дракона, нанесенную копьем

баллисты.

Внезапно тогайранка вздрогнула, но не от вида ужасной раны, просто на краткий миг в ее душе вспыхнула надежда, что та окажется смертельной. Когда все кончится, независимо от того, победят тогайру или нет, Бринн Дариель придется иметь дело с тем фактом, что это она выпустила в мир дракона. Да, она добилась от Аграделеуса обещания повиноваться ей, но отнюдь не была уверена, что он его сдержит.

— Вытерпишь? — спросила девушка, обойдя дракона и оказавшись лицом к лицу с ним.

Аграделеус заворчал, ухватил копье баллисты передней лапой и, вырвав его древко, поднялся на задние, взревел и швырнул окровавленное копье прямо в гущу рвущихся к воротам Авру Изы бехренцев.

Послышался хруст костей: это дракон начал принимать человекоподобный облик. Стоящие вокруг тогайранцы побледнели и попятились.

Бринн не двинулась с места, полная благодарности к Аграделеусу за жертву, которую он принес этой ночью. Эта жертва была необходима: именно благодаря ей бехренская атака захлебнулась. Враги отошли от стен города и принялись разбивать лагерь.

— Ты мне еще понадобишься завтра утром, — прошептала она дракону. — Когда появится Астамир.

Аграделеус заворчал и кивнул в знак согласия.

Тогайранка ушла от него, проклиная себя за эгоизм и за то мимолетное ощущение радости, когда она подумала, что дракон может умереть от полученной раны.

Когда над Авру Изой занялся рассвет, бехренцы предприняли новое наступление. В самом его начале Бринн заметила условный сигнал Астамира.

— К восточной стене! — закричала она.

Более половины ее воинов бросились туда, осыпая стрелами нападающих. Спрятавшись за стену, они выставили над ее парапетом шлемы, стремясь создать впечатление, будто намерены любой ценой удержаться здесь, тогда как сами бросились к лошадям.

Тем временем девушка велела Аграделеусу занять позицию у восточной стены и отражать атаки бехренцев. Как только ряды наступающих потеряли стройность, восточные ворота Авру Изы широко распахнулись, и оттуда навстречу волне наступающих понесся табун лошадей, ранее захваченных у бехренцев.

Стоя на западной стене, Бринн увидела, что противник начал перестраиваться, стягивая ударные силы к восточной стене. Ее уловка, как она надеялась, удалась: ятол Бардох теперь предполагал, что Тогайский Дракон предпримет попытку прорыва на восточном направлении. Однако Бардох понятия не имел, что тогайский отряд, втрое превышающий по численности тот, который удерживал город, только что появился к западу от него.

Широко распахнулись западные ворота, и из них на бехренцев обрушились две тысячи воинов, возглавляемых Бринн Дариель.

Зажатые в тиски бехренцы попытались перестроиться для обороны, но тщетно: две тысячи тогайру, яростно рубя противника, промчались сквозь вражеский строй, словно рой саранчи, подхваченный быстрым ветром.

Соединившись с отрядом Астамира, всадники под командованием девушки повернули на север и скрылись из глаз, быстро оторвавшись от удивленных, совершенно сбитых с толку бехренцев.

Молниеносный прорыв тогайру стоил бехренцам очень дорого: соотношение потерь было десять к одному не в их пользу. И в качестве достойного украшения финала сражения, еще более усилившего замешательство ятола Бардоха, из-за городской стены появился Аграделеус. Он пронесся над бехренскими солдатами, отвечая на град стрел струями убийственного пламени, а затем поднялся к облакам и повернул на север.

Покинув позицию к востоку от Авру Изы, где ожидался прорыв, чежу-лей Шаунтиль появился на поле, где в действительности развернулась битва вскоре после того, как Бринн, ее воины и Аграделеус уже скрылись. Ятол Бардох, прислонившись к разбитой катапульте, тяжелым взглядом провожал поднимающееся на севере облако пыли. Сейчас ему с полным правом можно было дать все его шесть десятков лет.

— Ятол, — Чежу-лей коротко поклонился.

Гайсан Бардох медленно повернул голову, взглянул на Шаунтиля и снова обратил взор на север. Его лицо выглядело застывшей маской.

— Догоните и убейте Тогайского Дракона! — приказал, он.

— Она не дракон, скорее уж — мошка, ятол, — возразил чежу-лей, — Летает вокруг, пока мы впустую машем руками, пытаясь прихлопнуть ее. Но укусы мошкары не смертельны. До сих пор мы упускали ее, но достаточно всего одного удара…

— Догоните и убейте ее!

— Ятол, я признаю, что она чрезвычайно коварный противник и пока не допускала ошибок. Хитроумная тактика позволяет ей уцелеть, но не причиняет нам особого вреда. Ее единственная ошибка станет последней.

— Догоните и убейте ее!

— Непременно, ятол, — заверил его Шаунтиль, — Каждый ход, который она делает, прибавляет нам сведений о ней. Она может быстро маневрировать в открытой пустыне, потому что припасами их снабжает дракон. Возможно, он иногда даже переносит ее людей с места на место. Думаю, именно таким образом они вырвались из наших тисков у края плато. Однако и дракон не всесилен, а также не обладает бессмертием — мы едва его вчера не сбили. И в дальнейшем мы снабдим все города оружием, способным одолеть это чудовище. Как только мы избавимся от дракона, перестанет существовать и эта женщина с войском.

Медленно, без всякого выражения ятол Бардох еще раз повторил:

— Догоните и убейте ее…

ГЛАВА 34
ТАЙНА ЭАКИМА ДУАНА РАСКРЫТА

— Солдаты страдают от жары и жажды, — доложил чежу-лей Шаунтиль ятолу Бардоху, глядя на все, что осталось от разгромленного каравана с припасами.

На протяжении месяца после возвращения Авру Изы бехренские отряды гонялись за тогайским войском по пустыне, понимая, что не в силах догнать его, но по-прежнему надеясь подловить Бринн на какую-нибудь уловку.

Тем не менее она с людьми каким-то образом проскочила позади них и уже второй раз на протяжении последней недели напала на караван, доставляющий армии продовольствие.

— Думаю, у нее тут действуют совсем малочисленные отряды, — сказал ятол Бардох, сопровождая кивком каждое слово. — Основные силы оттягивают на себя наше внимание, а эти мелкие отряды тем временем грабят идущие к нам караваны.

— Караваны сопровождают хорошо вооруженные охранники, — заметил Шаунтиль, и без того раздосадованный Гайсан Бардох нахмурился.

— А они в силах выстоять против дракона? — рявкнул он. Чежу-лей склонил голову, признавая промах, — Нужно расширить район поисков, высылать отряды туда, где она может появиться, — продолжал Бардох, не столько обращаясь к Шаунтилю, сколько рассуждая вслух. — Нужно окружить ее со всех сторон, как в Авру Изе, только теперь нас не будут разделять городские стены!

Закончив, он вопросительно посмотрел на Шаунтиля, однако тот с сомнением покачал головой.

— Нужно действовать решительно, — стоял на своем ятол, но чежу-лей, несмотря на всю дисциплинированность, явно был не согласен с этим мнением, — Говори, что у тебя на уме! — взорвался наконец Бардох.

— Я опасаюсь любых решительных действий против той, которая способна на подобную хитрость, — признался воин. — Мы должны проявлять терпение и упорство в ее преследовании, должны вооружать людей во всех городах, мимо которых проходим, объясняя им, как необходимо действовать. Если мы оставим в каждом городе по небольшому отряду, на боеспособности нашей огромной армии это заметно не отразится. Да к тому же мы всегда можем пополнить ее ряды, если возникнет такая необходимость. Чего нельзя сказать о Тогайском Драконе: ей на территории Бехрена найти замену вышедшим из строя бойцам будет нелегко.

— Ее армию пополняют освобожденные рабы, — напомнил ему ятол Бардох. — Мы могли убедиться в этом в моем городе.

— Да, но это играло существенную роль лишь вначале, в Дариане и Праде, где наряду с Хасинтой было много рабов. Однако даже рабы наверняка задумываются, стоит ли им и дальше вместе с этой соплеменницей носиться по раскаленной пустыне. В неволе им жилось лучше, чем сейчас, даже если учесть, что дракон снабжает войско бунтовщиков припасами.

— Ты хочешь, чтобы весь Бехрен спрятался за городскими стенами, а эта мерзавка свободно разгуливала по нашей стране? — В голосе ятола явственно была слышна злоба.

— Нет, ятол! — с воодушевлением ответил Шаунтиль, — Ни в коем случае. Я хочу одного: чтобы мы не совершали больше промахов, давая тем самым Тогайскому Дракону возможность одерживать новые победы. Я верю: время — союзник Бехрена. До сих пор мы недооценивали эту женщину, тогда как она не допускала ошибок. Но рано или поздно это непременно произойдет.

— И ее единственная ошибка станет последней, — злорадно добавил ятол Бардох. — Но только если мы будем готовы воспользоваться моментом. Я освобожу нашу страну от Тогайского Дракона, Шаунтиль, и буду тем человеком, который лично казнит ее на глазах ликующей Хасинты. А ты изловишь эту девку — любой ценой.

— Я это сделаю, ятол.

Гайсан Бардох бросил последний взгляд на разгромленный караван, с отвращением махнул рукой и ушел.

Шаунтиль облегченно вздохнул. Он понимал, что нетерпение ятола Бардоха играет на руку Тогайскому Дракону.

Однако он — чежу-лей, поклявшийся защищать жрецов-ятолов и безоговорочно выполнять их приказы, поэтому вынужден и на сей раз подчиниться.

Три недели спустя их диалог почти в точности повторился возле остатков еще одного разграбленного каравана в песках к востоку от Прады.

Вцепившись пальцами в редкие волосы, Эаким Дуан уронил голову на руки. Понадобилось все его самообладание, чтобы не взвыть от ярости!

Авру Иза. Тогайский Дракон захватила город, а затем ушла из него, прорвавшись сквозь кольцо армии ятола Бардоха!

А теперь Бардох и Шаунтиль гоняются по открытой пустыне с двадцатью пятью тысячами солдат за этой неуловимой, словно призрак, тогайранкой. Проходя мимо городов и оазисов, бехренская армия истощает их запасы.

Чезру понимал, насколько опасна эта игра. Чем дольше тогайру удается ускользать от преследователей, тем более наглыми они становятся, а решимость его армии тает с каждым днем, проведенным измученными солдатами на убийственной жаре.

— Я пошлю их обратно в Тогай, с тем чтобы они оставляли позади себя лишь выжженную землю, — сказал он, обращаясь к новому помощнику, одиннадцатому со времени гибели Мервана Ма. Этот худощавый молодой человек, как ему и было строжайше приказано, не кивал и не произносил ни слова. Он находился здесь только для того, чтобы слушать. — Это заставит Тогайского Дракона вернуться в степи в отчаянной попытке спасти хотя бы часть страны!

Увы, даже произнося эти слова, Чезру не был искренен перед самим собой. Он уже

предпринимал подобную попытку с Шаунтилем, однако в Тогае почти нечего было жечь и почти некого было убивать.

— Да падет на нее проклятие Бога! — выругался Эаким Дуан. Его помощник широко распахнул глаза. Чезру посмотрел на него с явным отвращением, — Убирайся, идиот!

Тот в мгновение ока скрылся за дверью.

Вскоре, однако, вернулся — и не один, а в сопровождении посланцев из различных уголков Бехрена, главным образом юго-западных. Один, присланный ятолом Де Хамманом, жаловался на возрастающую активность пиратов и на ятола Перидана — за его терпимость к этим преступникам. Тот, которого прислал Перидан, рассказал о шайках, разоряющих небольшие отдаленные деревни, — наемниках, нанятых Тогайским Драконом и поддерживаемых, судя по его прозрачным намекам, ятолом Де Хамманом.

Чезру прекрасно понимал значение этого, похожего на выражение недоверия к нему действия со стороны удаленных от Хасинты и потому уязвимых провинций.

— Возвращайтесь к себе немедля, — выслушав всех, приказал он. — И передайте ятолам, чтобы они как можно быстрее прибыли в Хасинту. Я хочу поделиться с ними тем, как именно намерен избавиться от Тогайского Дракона. Заверьте их, что я понимаю их опасения и что, как только мы разобьем тогайру — а это произойдет совсем скоро, — они получат возможность взять реванш за все причиненные им неудобства. А вы двое, — обратился Эаким Дуан к посланцам Де Хаммана и Перидана, — передайте своим господам, что я недоволен ими. И не только я — Бог тоже. Ссоры между нами сейчас играют на руку Тогайскому Дракону.

Когда прибывшие из провинций удалились, возбужденно обсуждая услышанное, Чезру стало ясно, что ему требуется реальный план, способный помочь избавиться наконец от Тогайского Дракона, и сделать это надо чрезвычайно быстро.

Дуан провел не один день, размышляя над проблемой, которую поставили перед ним действия Тогайского Дракона. Он не опасался того, что она разорит весь Бехрен или нападет на Хасинту. Судя по докладам ятола Бардоха, в ее войске самое большее десять тысяч человек, а в одной лишь Хасинте можно собрать в пять раз больше. Однако «шалости» Тогайского Дракона рисковали подорвать и без того хрупкий союз между ятолами, а захват трех городов наводнил страну десятками тысяч беженцев. Одно то, что Возрождение откладывается на неопределенное время, уже было плохо само по себе. Мало того, из-за этой негодяйки он потерял и Мервана Ма, и ятола Гриаша, и чежу-лея Калиита Тимига, и многих других смелых и опытных воинов.

После посещения представителей провинций Эакиму Дуану окончательно стало ясно, что есть причины опасаться мятежа среди его собственных подданных!

Эта крайне неприятная мысль заставила его вспомнить о священном сосуде. На протяжении последних месяцев Чезру неоднократно прибегал к помощи гематита, чтобы поддержать силы стареющего тела. Моменты общения с камнем были краткими, но все равно каждый раз Эаким Дуан опасался быть обнаруженным.

Прибывший из Энтела магистр Маккеронт подтвердил то, о чем Чезру Дуан догадывался и раньше: монахи абеликанского ордена иногда используют камень души гематит для того, чтобы их дух мог преодолеть огромные расстояния. Отец-настоятель Маркворт в свое время в особенности преуспел в этом, сообщил ему Маккеронт.

Конечно, Эакиму Дуану было известно о путешествиях в духе. Он не раз прибегал к этому приему против врагов в Хасинте и шпионя за жрецами-ятолами. Однако то, что он намеревался сделать сейчас, выходило далеко за эти рамки.

Сегодня ночью Чезру собирался перенестись далеко от Хасинты — в пустыню, и найти Тогайского Дракона и ее неуловимое войско. Он уже приказал помощнику — его имя все время вылетало из головы! — послать ятолу Бардоху и Шаунтилю сообщение, что он намерен обратиться к божественному руководству с целью помочь им в поисках.

Теперь оставалось одно: найти Тогайского Дракона.

Запершись в своих покоях, Эаким Дуан погрузился в глубины магического камня. Его дух покинул тело и полетел над городом, устремившись к западным воротам.

Достигнув их, Дуан остановился. Никогда прежде он не покидал Хасинту подобным образом. Потом его дух понесся дальше, над пустыней. Сначала на запад, мимо оазиса Дадах, потом на юг; судя по последним донесениям Бардоха, Тогайский Дракон была замечена где-то к востоку от Прады.

Просто не верилось, какое огромное расстояние Чезру покрыл этой ночью, сначала от Даллабада до Прады, а потом обратно в Хасинту. Однако никаких признаков тогайского войска он не обнаружил.

На следующую ночь дух Эакима Дуана вновь устремился в пустыню и на этот раз нашел лагерь тогайру.

— В Праде размещен новый гарнизон. И у них на вооружении имеются баллисты, — доложил Бринн разведчик.

Тогайранку это сообщение не удивило. Пока бехренцам не удавалось ее поймать, но ятол Бардох поступал разумно, оставляя в каждом городе на случай возможного нападения вооружение и солдат.

— Уверен, им подробно объяснили, какова наша обычная практика, — заметил Астамир, когда разведчик ушел и они с Бринн остались наедине. — Какой новый тактический ход мы придумаем?

Девушка пожала плечами: ответа у нее пока не было.

— Аграделеус с каждым днем все больше теряет терпение. — Она могла утверждать это, потому что совсем недавно беседовала с драконом. — Уже давно не было больших сражений.

— Ты же позволяешь ему разорять караваны.

— Ну, это не совсем то, чего он страстно жаждет.

— Держись прежней стратегии, — посоветовал ей Астамир. — Нас мучает жара и скудная пища, но нашим преследователям приходится еще хуже. Продолжай гонять ятола Бардоха по раскаленным пескам, используя всякую возможность, чтобы ужалить его.

Все верно, подумала Бринн. Они не могут развернуться и дать сражение преследующим их бехренцам, даже имея в распоряжении дракона. Аграделеус был серьезно ранен, когда они отступали из Авру Изы. И раны его заживали медленно. А потому, сколько бы дракон ни рвался в бой, тогайранка понимала, что использовать его следует только в случае крайней необходимости.

— Твою помощь я считаю бесценной, — ответила она, нежно проведя рукой по щеке Астамира. — Да, я буду придерживаться прежней стратегии, заставляя ятола Бардоха с его армией гоняться за нами по пескам. А когда придет зима, мы вернемся в степи, как следует отдохнем и следующей весной начнем разорять все деревни поселенцев подряд.

— А если бехренцы последуют за тобой в Тогай?

— Снова ускользнем в Бехрен. Будем жалить их снова и снова — это в наших силах — и надеяться, что Чезру будет настолько глуп, что сам захочет удостовериться, как идут дела в его армии…

Она замолчала с выражением удивления и непонимания на лице.

— Бринн? — Мистик взглянул на девушку с тревогой.

Она неожиданно набросилась на него, пытаясь ударить кулаком в грудь, но Джеста Ту среагировал молниеносно и перехватил ее руку.

Бринн отчаянно вырывалась, и спустя какое-то время Астамир понял, что она борется не с ним, а с каким-то невидимым врагом или, может быть, с демоном внутри ее самой!

— Бринн! — взывал он к ней снова и снова. В конце концов мистику удалось крепко обхватить девушку за плечи, не позволяя ей двигаться. — Бринн! Что с тобой происходит? Объясни мне!

С губ тогайранки срывались неразборчивые, какие-то дикие звуки. Она задрожала всем

телом, а потом напрягла мышцы и едва не освободилась из объятий Джеста Ту.

После чего внезапно успокоилась, пристально вглядываясь в его лицо.

— Что это было? — спросил Астамир, осознав, что опасность миновала.

Бринн покачала головой.

— Это был… кто-то… — проговорила она запинаясь, не в силах понять, что именно только что произошло.

Внезапно из соседнего шатра, где находился Мерван Ма, донесся душераздирающий вопль.

— Кто-то? — переспросил мистик, притягивая к себе Бринн.

— Кто-то… был во мне… Он смотрел моими глазами!

Когда они ворвались в шатер к Мервану Ма, несчастный пастырь корчился в углу, дрожа от ужаса.

— Глас Бога… — еле выговорил он прыгающими губами.

— Глас Бога? — переспросила Бринн.

— Так они называют своего Чезру, — ответил мистик и посмотрел на Мервана Ма. — Ты видел его?

Продолжая дрожать, юноша покачал головой.

Тогайранка и Астамир посмотрели друг на друга, потом снова воззрились на пастыря.

— Он видел его, — сказала девушка. — Чезру был здесь… Его дух, по крайней мере. Но как такое возможно?

— Магический камень. Гематит. — Произнося эти слова, мистик не отрывал взгляда от Мервана Ма и заметил, что глаза у того расширились еще больше. Это говорило о многом. — Что тебе известно об этом?

Его пленник отвернулся.

— Использование магических камней в религии ятолов находится под жесточайшим запретом, — объяснил Астамир Бринн, — И тем не менее для Эакима Дуана не существует другого способа оказаться среди нас. Джеста Ту умеют покидать собственное тело, но мы тщательно оберегаем этот секрет, и только самые выдающиеся магистры способны совершать подобное… Сейчас Эакима Дуана уже здесь нет, не так ли? — спросил он, обращаясь к Мервану Ма. — Но он какое-то время находился в теле Бринн, а потом явился к тебе, и ты его узнал.

— Ты ничего не понимаешь! — закричал молодой пастырь и, отвернувшись, уткнулся лицом в ткань шатра. — Ничего!

Тогайранка и мистик снова посмотрели друг на друга.

— Я чувствую, вся картина вот-вот начнет проясняться, — прошептал он девушке, — Наш юный приятель узнал о чем-то, именно поэтому Чезру и приказал его убить, и это «что-то», возможно, связано с событиями сегодняшней ночи.

— Чезру использует силу магического драгоценного камня? — спросила Бринн шепотом, но, по-видимому, недостаточно тихо, и Мерван Ма услышал ее слова.

Астамир пожал плечами.

— Думаю, да, и вряд ли желает, чтобы об этом стало кому-нибудь известно.

— Угроза разоблачения могла заставить его приказать убить этого человека?

— Безусловно, — ответил мистик.

Тогайранка вышла из шатра, а Астамир опустился на колени рядом с Мерваном Ма, обнял юношу за плечи и попытался развернуть лицом к себе, но тот упрямо отворачивал голову.

— Я проявлял по отношению к тебе больше терпения, чем ты заслуживаешь, — без обиняков заявил мистик, — Тебя… нас посетил чей-то дух, и ты узнал в нем Глас Бога.

— Нет!

— Именно так! И сейчас ты расскажешь мне, почему Чезру Эаким Дуан желал твоей смерти. Потому что ты узнал его секрет — то, что он владеет камнем души?

Юный пастырь смертельно побледнел, но так и не раскрыл рта, и Астамир воспринял

его поведение как подтверждение того, что ему удалось коснуться чего-то очень важного. Тем не менее до конца ситуация была ему не ясна. Эаким Дуан властвовал на протяжении десятилетий, и никто из жрецов-ятолов не представлял для него угрозы. Церковная иерархия Бехрена не оставляла места для подобного рода распрей. Учитывая все это, зачем Чезру вообще понадобился камень души? Может, в отчаянии он попросил абеликанских монахов помочь ему в поисках тогайской армии? Это имело некоторый смысл, но объясняло происшедшее лишь отчасти. Поскольку если и впрямь к ним явился дух Гласа Бога, значит, пользоваться магическими камнями ему не впервой. Требуются годы обучения, чтобы с помощью гематита дух мог преодолеть хотя бы незначительное расстояние, не говоря уж о том, свидетелями чего только что были они с Бринн.

— Мы будем сидеть здесь всю ночь, а если понадобится, и завтрашний день, — заявил мистик, — но я все-таки узнаю от тебя правду. Почему ты с таким упорством защищаешь человека, который обрек тебя на гибель?

— Это чежу-лей желал моей смерти, а не Глас Бога! — закричал Мерван Ма, но в его голосе не было особой убежденности.

Эаким Дуан вернулся в свое оставленное в Хасинте тело со смешанными чувствами. Он нашел эту мерзавку — Бринн, так ее, оказывается, зовут — и ее банду! Теперь он знал, куда послать ятола Бардоха, который на этот раз окончательно уничтожит Тогайского Дракона.

Однако он нашел и Мервана Ма, живого и невредимого, в шатре рядом с этой девкой и ее дружком Джеста Ту. Мервана Ма! Чезру полагал, что его кости давно иссушило солнце где-нибудь под Дарианом! Это заставляло серьезно задуматься. Какую опасность представляет Мерван Ма для него лично и как может повлиять на исход охоты на Тогайского Дракона?

Да почти никак, решил Эаким Дуан. Он распустит слух, что Мерван Ма — предатель и именно он служит для врагов проводником по пустыне. И предложит огромное вознаграждение за его голову.

Да, именно так.

Чезру поспешил в Зал Вечности и поставил сосуд на место. Потом он отправился на поиски своего помощника — вот бы вспомнить, как зовут этого олуха! — чтобы сообщить, что Бог разговаривал с ним и указал, где находится войско врага.

— Твой Глас Бога прибег к помощи монахов церкви Абеля, чтобы найти нас, — заявил Астамир Мервану Ма на следующий день, после того как полночи безрезультатно терзал молодого человека вопросами. Пастырь покачал головой. — Это не секрет, что он дружит с настоятелем из Энтела… аббатом… как его имя?

— Аббат Олин. — Это были первые слова, произнесенные Мерваном Ма за долгие часы. — Да, Джеста Ту, Глас Бога хорошо знаком с настоятелем Олином из Сент-Бондабриса, но никогда не проявлял ни малейшего желания получить от абеликанских монахов магические камни. Эти камни — то, что отличает нас…

— Однако у него есть такой камень, причем обладающий невероятной магической силой, если с его помощью ему удалось совершить такое далекое путешествие в духе.

— Это все твое воображение…

— Джеста Ту идут путем знания, Мерван Ма, — сказал Астамир. — Мы знаем многое о тогайру и бехренцах. Мы понимаем религию ятолов и монахов абеликанского ордена. Нам известно о магических камнях и их возможностях. Я сам использовал гематит, чтобы выходить из тела.

— Это кощунство, — пробормотал пастырь.

Мистик рассмеялся.

— Для Джеста Ту магические камни всего лишь инструмент, мой юный друг. Некоторые воспринимают их как божественный дар, используют как доказательство того,

что их религия лучше, раз они дарованы им и никому другому. — Мерван Ма отвернулся. — Твой Глас Бога имеет по крайней мере один такой камень, ты не станешь это отрицать? — продолжал настаивать Астамир; наклонившись, он приблизил лицо почти вплотную к дрожащему юноше. — Признай, именно поэтому он и приказал тебя уничтожить. Покушение произошло по приказу Эакима Дуана, а вовсе не по желанию чежу-лея, как ты упорно утверждаешь, якобы пытавшегося узурпировать власть в Дариане. С какой стати чежу-лею рваться к власти? Ведь они воины, а не правители! Они…

— У него есть камень! — закричал Мерван Ма.

Он сидел, хватая ртом воздух, ужасаясь собственным словам.

— Гематит? — спросил Астамир, и юноша кивнул. — Ты увидел камень, и Эаким Дуан понял, что тебе известно о нем? — Последовал новый кивок, — Вот почему он хотел тебя убить. Тебе стало известно о его святотатственных действиях, и он испугался. Думаю, все было именно так.

— Камень в священном сосуде, с мрачным видом сообщил Мерван Ма. — Камень души, которым пользуются проклятые абеликанские еретики, вправлен в дно Кубка Чезру в Зале Вечности.

— Сосуд, постоянно наполняемый кровью тех, кто избран для жертвоприношения? — спросил мистик.

— Одна из самых важных реликвий Чом Дейру. — Пастырь поднял руки, оттянул рукава и показал мистику шрамы на запястьях.

— И ты обнаружил в сосуде гематит?

Юноша кивнул.

— А потом увидел Глас Бога с этим сосудом в руках.

Мерван Ма покачал головой, с выражением ужаса на лице вспоминая тот страшный момент.

— И он знает, что ты видел его?

— Знает…

— И вскоре после этого тебя отправили в Дариан в качестве правителя, — заключил Астамир.

Отдельные части головоломки вставали на место, но у него возникло чувство, будто дело заключается не только в том, что Глас Бога тайно пользуется камнем души.

ГЛАВА 35
НАПАДЕНИЕ

Сигнал из Хасинты — серия лучей солнечного света, отраженных от блестящей металлической пластины, прошел длинный путь, передаваемый от одного сигнальщика к другому, пересек оазис Дадах и устремился дальше, на юго-запад, пока не достиг глаз ятола Бардоха и Шаунтиля. Склонившись над большой картой, они использовали указания Дуана, чтобы отметить месторасположение Тогайского Дракона и ее войска или, по крайней мере, тогайского лагеря на тот момент, когда его посетил дух Чезру.

— Сообщения будут поступать на каждый второй или третий день, — объяснил Шаунтиль Бардоху. — Вскоре мы сможем предугадать, как она будет действовать дальше. Подтянув свои силы вот сюда и сюда… — он ткнул пальцем в карту сначала южнее, а потом восточнее помеченной точки, — мы уже сейчас можем ограничить возможности их передвижения.

— Нужно оттеснить ее к северо-западу, — добавил ятол.

— На севере к нам смогут присоединиться солдаты, посланные Хасинтой, и тогда мы почти замкнем вокруг тогайру кольцо, — продолжал объяснения чежу-лей. — А запад — это дорога в степи. По моему убеждению, лучше вышвырнуть ее из Бехрена.

— В степи их труднее найти и уничтожить.

— Зато страна будет в безопасности, и люди успокоятся, а это, как мне кажется,

важнейшая цель Чезру Дуана.

— Не бери на себя смелость предугадывать волю Гласа Бога! — неожиданно взорвался ятол Бардох и тут же пожалел об этом, опасаясь, что чересчур взвинченный тон может выдать его тайные мысли.

Дело в том, что спокойствие бехренцев Гайсана Бардоха волновало крайне мало. Он прекрасно понимал, что беспорядки и волнения способствуют усилению его позиции. Если он сам, без чьей-либо помощи убьет Тогайского Дракона, это обеспечит ему репутацию спасителя народа и, соответственно, несравненно большее влияние и власть. Сейчас, учитывая позорную сдачу Авру Изы, запоминающаяся победа была ему нужна как никогда. И пусть город теперь снова в руках бехренцев, последствия нападения Тогайского Дракона еще долго будут давать о себе знать.

По этим же причинам ятол Бардох испытывал противоречивые чувства относительно помощи, которую собирался прислать ему Чезру. Бардоха раздражало, что помощь исходит из Хасинты и это может лишить его единоличной славы.

— Если мы не схватим Тогайского Дракона в самое ближайшее время, люди будут воспринимать нас как не удачников, ятол Бардох, — осмелился заметить Шаунтиль — так тихо, что остальные собравшиеся командиры не расслышали его слов.

Гайсан Бардох расправил плечи и сердито посмотрел на чежу-лея, однако быстро взял себя в руки. Он понимал, что Шаунтиль прав.

— Ну, в таком случае, можно начинать охоту, — заявил ятол Бардох.

— Они знали, что мы движемся на юг, — сказала Бринн Астамиру: с высокого бархана были хорошо видны далекие огни бехренского лагеря, разбитого в пустыне. — Их не так уж и много. Мы можем прорваться.

— И потерять своих людей.

— Убьем мы гораздо больше, чем потеряем.

— Они могут позволить себе нести большие потери, — возразил мистик, — и потому просто навязывают нам бой. Их задача — вымотать нас, уменьшить наши ряды. Дома, как говорится, и стены помогают, а сейчас «дома» именно они, а не мы. Само наше присутствие сплачивает бехренцев — они знают, что сражаются за родную землю. Если при попытке прорваться мы убьем тысячу, а потеряем сотню, это будет удачей ятола Бардоха, не твоей.

— В таком случае, нужно продолжать действовать в прежнем духе, — решительно заявила тогайранка. — Использовать всякую возможность для нападения, а потом скрываться.

Астамир выслушал ее с мрачным выражением лица. Он понимал, что происходит. С тех пор как Чезру стал использовать камень души, чтобы следить за тем, где находятся тогайру, а потом сообщать об этом преследующей их армии, единственного и самого серьезного преимущества — непредсказуемости — их войско лишилось.

Они с Бринн даже обсуждали вариант разбить его на отдельные мелкие, более маневренные отряды. Но почти сразу же отказались от этого плана, потому что встал вопрос, каким образом доставлять всем этим разбросанным по пустыне подразделениям провиант? К тому же маленькому отряду не под силу захватить ни один город.

Мистик не стал высказывать вслух опасений. Он знал, что его подруга и сама понимает, что в самое ближайшее время придется уходить в тогайские степи.

Но даже там их, конечно же, не оставят в покое.

Аграделеус был явно не расположен выслушивать слова утешения и ободрения. Бринн пришла к нему, чтобы объяснить, что сейчас они особенно остро нуждаются в его помощи по доставке провианта. Только это поможет воинам и лошадям быть в хорошей форме, без чего им не ускользнуть от преследователей.

— Нападай сама! — заявил дракон, — Давай разделаемся с ними!

— Ты не можешь действовать в полную силу, — заметила девушка. Аграделеус

недовольно заворчал. Рана, полученная во время отступления из Авру Изы, и в самом деле давала о себе знать. — Сейчас не время для нападения.

— Может, лучшей возможности вообще не будет, — возразил упрямый дракон. — Бехренцы следуют за нами как привязанные, словно ты сама сообщаешь им, куда идти.

Он был абсолютно прав, и тогайранка не стала спорить, однако рассказывать дракону о духе Эакима Дуана ей не хотелось. Астамир заверил ее, что с помощью магического камня невозможно причинить вред такому огромному существу, как Аграделеус. А если бы Чезру попытался произвести одержание могучего дракона, тот, скорее всего, уничтожил бы его. Однако и девушка, и мистик были согласны в том, что нужно не спускать глаз с Аграделеуса, поскольку события сейчас развивались не в их пользу и помощь дракона становилась поистине бесценной.

— Наши враги продолжают совершать ошибки, а мы будем продолжать использовать эти ошибки в своих интересах, — не слишком убежденно сказала Бринн. Аграделеус снова сердито заворчал. — Сейчас ты необходим мне и всем тогайру больше, чем когда бы то ни было. Каждую ночь, летая за припасами, делай остановку, подбирай камни покрупнее и сбрасывай их на врагов. Лучше всего на баллисты.

«Пусть хоть немного позабавится, — подумала девушка, — хотя, конечно, особого вреда он не причинит. А вот если дракон слишком увлечется и попытается напасть на бехренцев, еще неизвестно, чем это закончится».

Тогайранка прекрасно понимала, что, потеряй она Аграделеуса — этот надежный источник пополнения припасов, и у нее останется два варианта: либо развязать сражение, несмотря на подавляющее превосходство противника, либо отступить в тогайские степи и там разбить войско на мелкие отряды, большинство которых вскоре, без сомнения, будет уничтожено.

Бринн покинула дракона, чувствуя себя ужасно обеспокоенной и измученной, такой измученной, что позже, ночью, даже сумела ненадолго уснуть, хоть и неглубоким, беспокойным сном.

И в этом ей невероятно повезло.

Астамир редко прибегал к подобным опытам, поскольку это выбивало его из колеи и делало чрезвычайно уязвимым. Тем не менее мистику казалось важным попытаться проследить за передвижениями сил бехренцев, в особенности сейчас, когда Чезру мог следить за любым передвижением тогайру.

Он погрузился вглубь себя и связал сознание со своим Чи — энергией жизни. И потом заставил эту энергию истечь из тела в открытое пространство. Астамир отделился от своего расслабленного тела, прошел сквозь ткань шатра и, медленно возносясь, оглядел спящий лагерь тогайранцев.

И тут он заметил, как кто-то вышел из шатра, стоящего рядом с его собственным, и, озираясь по сторонам, направился к шатру Бринн Дариель.

В этом Астамиру тоже необычайно повезло.

Человек бесшумно откинул полог шатра и оставил его приоткрытым, чтобы свет от костров помог ему ориентироваться внутри.

Бринн лежала, свернувшись под одеялом, защищающим от холодного ночного воздуха пустыни, а рядом покоился ее знаменитый меч Пляшущий огонь.

Человек протянул руку к мечу.

Погрузившись в беспокойные сны, девушка ничего не слышала. И вдруг во сне перед ней возникло лицо человека, которому она бесконечно доверяла. Это было лицо Астамира, и он обращался к ней.

«Проснись!» — заклинал ее призрак, предупреждая, что она в страшной опасности.

Даже не успев открыть глаз, тогайранка вскочила на ноги.

Заметила блеск металла, поймавшего свет горящего снаружи костра, и, действуя

инстинктивно, увернулась от удара.

Почти увернулась. Меч все же полоснул ее по предплечью, но рана была не серьезная и не помешала девушке выскочить на середину шатра, где она имела больше возможности для маневра.

Последовал новый удар, быстрый, но не слишком ловкий, и это дало возможность не раз бывавшей в не менее опасных переделках Бринн самой броситься в атаку. Она прыгнула вперед и, обхватив противника за шею, оттолкнула его к краю шатра.

Миг — и тогайранка оказалась перед ним. Он попытался сделать выпад, но девушка ударом ноги в пах заставила противника согнуться пополам и выхватила из его рук меч.

Бринн уже замахнулась, чтобы нанести смертельный удар, когда в шатер ворвался Астамир.

— Не убивай его! — отчаянно закричал он.

Девушка опустила меч и приставила его к груди поверженного противника.

Мистик принес факел, и Бринн узнала в напавшем на нее человеке Мервана Ма.

Она в недоумении воззрилась на Астамира. Ей казалось, что они с юношей пришли к взаимопониманию, и в последнее время тогайранка совсем перестала опасаться пленника.

— Это был не Мерван Ма! — воскликнул мистик в ответ на ее сердитый непонимающий взгляд.

Он опустился на колени перед рыдающим юношей.

— Это ведь был не ты, правда? — спросил Астамир. Пастырь не отвечал. — Ты должен сказать! — Мистик обхватил его за плечи и заставил сесть. — Это был Чезру? Его дух завладел твоим телом? Да говори же! Глас Бога завладел твоим телом, подавил твою волю и подчинил тебя своей.

Молодой человек вырвался, снова рухнул на пол и в отчаянии обхватил руками голову.

— Что все это значит? — спросила Бринн.

— Это значит, что Мерван Ма понял — всю его жизнь пронизывала ложь, — отозвался Астамир, — Для религии ятолов неприемлемо то, что произошло сегодня ночью. И тем не менее сам Чезру подверг Мервана Ма этому ужасному испытанию. — Он посмотрел на рыдающего пастыря. — Бедняга наконец все понял.

— В кандалы его и под охрану, — потребовала девушка.

— Сейчас опасность миновала, — ответил мистик.

— А завтра?

Астамир покачал головой еще до того, как она задала вопрос, по-видимому ожидая его.

— Совершить одержание — нелегкая задача, даже для опытных в обращении с камнями души абеликанских монахов. Мерван Ма оказался доступен для Гласа Бога, потому что не понимал, что с ним происходит. Теперь же он знает правду и будет настороже, а я научу его, как сопротивляться такому вторжению.

Тогайранка не стала с ним спорить. Мистик помог Мервану Ма встать на ноги и отвел юношу в его шатер. Там он познакомил его с некоторыми приемы борьбы с духом, вознамерившимся совершить одержание. Оставив возле шатра юноши двух охранников, Астамир вернулся к себе.

Сидя в темноте, он вспоминал, как все происходило, и поблагодарил судьбу за то, что беду удалось предотвратить. У него самого, безусловно, не возникло бы проблем с защитой от духа Эакима Дуана, да и у Бринн тоже.

Все, что требовалось, — это немного умственной дисциплины и понимания того, что такие действия в высшей степени безнравственны.

Внезапно мистик широко раскрыл глаза, устремив невидящий взгляд во тьму. Ему пришло на ум нечто столь простое и в то же время основополагающее, что казалось удивительным, почему это не пришло ему в голову раньше. Мерван Ма, судя по всему, тоже не догадывался об этом. Астамир вскочил и бросился в шатер юноши. Тот сидел, безучастно глядя перед собой.

— Расскажи мне о Возрождении, — попросил его мистик.

Бринн и ее командиры использовали, чтобы сбить с толку бехренцев, любые уловки. Какое-то время они перехватывали световые сигналы, посылали вместо них свои собственные и таким образом несколько раз сумели сбить противника со следа.

В очередной раз, когда это произошло, ее войско находилось между Дарианом и оазисом Дадах. И тут тогайранка приняла решение быстрым маршем двинуться на север, в предгорья Пояса-и-Пряжки; там, рассуждала она, ее воины смогут отдохнуть, там легче найти пищу для людей и корм для лошадей. А если дух Чезру снова отправится разыскивать их, даже ему будет труднее заметить лагерь среди отвесных скал и глубоких ущелий.

Так на несколько недель им удалось оторваться от армии Шаунтиля и ятола Бардоха. Это произошло, когда лето 844 года Господня, по летосчислению абеликанской церкви, начало клониться к осени, знаменуя собой вторую годовщину пребывания Бринн во главе восставших тогайру.

— Это были хорошие два года, — сказала девушка, обращаясь к Астамиру и остальным собравшимся ночью у лагерного костра. — Мы нанесли такой мощный удар Бехрену, на какой не могли и надеяться.

— Хорошими были первые полтора года, — как это было ему свойственно, проворчал Таналак Кренк. — Сейчас мы прячемся, а Тюрбаны все туже сжимают петлю на нашей шее.

Возразить было нечего. Этим летом тогайранцы одержали несколько незначительных побед во время коротких стычек, в основном нападая на караваны с припасами, но их было совсем немного. И главное, все понимали, что армия ятола Бардоха неотступно висит у них на хвосте.

— Мы должны нанести новый удар, и посильнее! — продолжал Таналак, поднимаясь. Он обошел вокруг костра, вглядываясь в лица товарищей. — Славная победа, вот что нам нужно! Пусть бехренцы трепещут, а то последнее время им что-то слишком привольно живется.

— Где? — Вопрос Бринн, казалось слегка охладил пыл ее соратника. — Чтобы захватить город, нужно время, но его у нас нет. А дать бой нашим преследователям в открытом поле было бы чистой воды безумием.

— Тогда давайте вернемся в Тогай, — предложил кто-то, — Пусть бехренцы гоняются за нами по землям, которые мы знаем гораздо лучше их!

Снова вокруг зашумели, и девушка прикрыла глаза. Это было как раз то, чего она опасалась, в случае если прервется череда победных боевых действий. Они с Астамиром приходили к одному и тому же мрачному выводу: возвращение в тогайские степи станет концом восстания. Там на воинов навалятся другие неотложные обязанности, и войско на глазах начнет таять. Чезру же наверняка не только не ослабит, но даже усилит давление. На родине бехренцы чувствуют себя спокойнее и, может быть, поэтому предпочитают не торопиться, а, оказавшись в Тогае, захотят покончить с тогайранскими бунтовщиками как можно быстрее.

Так ничего решено и не было. Озабоченная Бринн вернулась в шатер. Едва начав погружаться в обычный для себя беспокойный сон, она проснулась, услышав, что ее кто-то зовет. Выскочив, тогайранка увидела неподалеку группу людей, в том числе и Астамира. Все они смотрели на юг, где можно было различить огни огромного лагеря.

— Они снова нашли нас, — пробормотал кто-то.

— Это все работа Дуана, — заметил мистик.

— Неужели нельзя никак укрыться от его духа? — спросила Бринн.

Астамир покачал головой.

— Выйдя из тела, он перемещается чрезвычайно быстро и может подниматься как угодно высоко, выбирая точки обзора. Даже если мы будем разжигать костры только глубоко в пещерах или под навесами, он все равно нас разыщет.

— Разошлите разведчиков во все стороны, — приказала девушка. — Мы сворачиваем на запад и будем двигаться со всей возможной скоростью, стараясь оторваться от бехренцев.

— Возвращаемся в Тогай?

— Не вижу другого выхода.

— Ты считаешь, что по возвращении на родину все ее усилия могут пойти прахом? — спросил Мерван Ма.

Они вдвоем с Астамиром сидели около костра. Чувствовалось, что зима уже не за горами.

— Соотношение сил всегда было не в нашу пользу, — отозвался мистик. — По правде говоря, я никогда не верил, что у Бринн есть хоть какой-то шанс разорвать мертвую хватку бехренцев и освободить народ. Разве что Чезру и его жрецы поняли бы, что Тогай не стоит тех трудов, которые нужно прикладывать, чтобы удерживать его в повиновении.

— Бринн, конечно, и сама понимает ситуацию, — сказал пастырь, и Астамир кивнул:

— Она, да и все мы знали, что нас ждет смерть. Так оно, скорее всего, и будет.

— Тогда к чему эта бесполезная борьба?

Мистик поглядел на юношу с таким видом, как будто сам вопрос казался ему нелепым, однако все же решил, что стоит дать ему объяснение.

— Мир Бринн рухнул. — Он помолчал, пристально глядя на пастыря. — Как, впрочем, и твой.

Мерван Ма откинулся назад, скрестив на груди руки, и задумался. Он понимал, что Астамир прав, что вся его жизнь пошла прахом только потому, что ему стало известно о кощунственных действиях Чезру. И он, в недавнем прошлом хранитель священного сосуда, помощник нынешнего Гласа Бога и наставник следующего, начал понимать, что за всем этим стоит нечто гораздо большее, чем ему казалось прежде. Он хорошо помнил недавнее нападение Эакима Дуана, когда Глас Бога почти полностью вытеснил его дух из тела, завладев им, как своим собственным. Если это можно проделать со взрослым, сознательным человеком, то с ребенком вообще не возникнет никаких трудностей…

— Я не пойду с Бринн на запад, — сказал Астамир, прервав размышления пастыря.

— Вернешься в Огненные горы?

— Нет, отправлюсь в Хасинту.

Мерван Ма широко раскрыл глаза.

— Ятолы убьют тебя. Они ничего не пожелают слушать!

— Проблема несравненно важнее моей жизни.

— И ты так просто говоришь это?

Мистик пожал плечами. Юноша пристально посмотрел на него.

— А что будет со мной?

— Попрошу Бринн отпустить тебя, — ответил Астамир, — Вряд ли она станет возражать. Если хочешь, отправляйся на юг, в Огненные горы. Я сообщу тебе слово, которое нужно произнести, чтобы тебя приняли в Обители Облаков. Но вообще-то сам решай, куда тебе идти.

Мерван Ма не сводил с собеседника пристального взгляда, пытаясь понять, что стоит за этими словами.

— Я сам решу, куда идти, но ты рассчитываешь, что я пойду с тобой в Хасинту, — сказал он. Мистик улыбнулся. — Они убьют и меня тоже.

Астамир не произнес ни слова возражения. Юноша пожал плечами и впервые за все долгое время их знакомства искренне улыбнулся.

На следующий день они стояли перед тогайранкой; за спинами мистика и Мервана Ма были мешки, в которых помещалась вся их поклажа.

— Ты знаешь — моя любовь и восхищение всегда с тобой, — сказал ей Астамир. — Уверен, какую бы тактику ты ни выбрала, она будет верной. — Мистик крепко обнял девушку и поцеловал ее. — От всей души желаю тебе уцелеть, Бринн Дариель. Обитель Облаков станет твоим домом, если ты не найдешь его в тогайских степях.

— У меня осталась одна надежда — упокоиться в земле Тогая, — мрачно ответила

Бринн.

Чувствовалось, что она понимает: восстание тогайру угасает. Лишившись возможности обводить бехренцев вокруг пальца, ее войско не имеет ни малейшего шанса на победу.

— Будут и другие, кто пойдет твоим путем, — произнес Астамир. — И их знаменем станет имя Бринн Дариель, Тогайского Дракона. Даже если ты потерпишь неудачу, надежда на свободу не умрет в сердцах тогайру.

— А ты посеешь семена раскола среди ятолов, и власть Эакима Дуана падет.

— И возможно, впоследствии кто-то другой продолжит дело Бринн Дариель и использует ее стратегию. И тогда Бехрену будет гораздо труднее одолеть тогайру, — сказал Мерван Ма.

Бринн и Астамир ошеломленно посмотрели друг на друга и разразились смехом.

— Известное дело, Джеста Ту знают много о человеческой душе, так что мне не стоило труда подчинить его своей воле, — усмехнулся мистик.

Юноша испуганно посмотрел на него, но тут же понял, что это всего лишь шутка, и тоже рассмеялся.

На том они и расстались. Тогайранка повела всадников на запад, а Астамир и Мерван Ма начали долгий спуск к восточной дороге, по которой им предстояло добираться до Хасинты.

ГЛАВА 36
КОГДА ОТСТУПАТЬ НЕКУДА

— Она повернула на запад, — доложил Шаунтиль ятолу Бардоху, получив очередное сообщение из Хасинты.

— Горы были ее последним прибежищем, — заметил ятол. — Теперь, когда мы обнаружили ее снова, ей ничего не остается, как возвращаться в Тогай. — Он злобно усмехнулся, — Нужно перекрыть все перевалы.

На лице чежу-лея возникло выражение неуверенности.

— Нам не перегнать тогайру — у них слишком хорошие кони.

— А зачем нам ее перегонять? Блокировать перевалы пошли тех, кто находится ближе к ним. И распорядись, чтобы они держали наготове баллисты на случай появления дракона.

Выражение лица Шаунтиля не изменилось.

— Единственный отряд, находящийся поблизости от плато, — тот, который мы оставили в Дариане, ятол. И если мы выведем его, город останется без защиты.

— Ну да, и Тогайский Дракон одержит последнюю победу, — сказал ятол Бардох. — Они окажутся заперты там, как в бутылке. Останется лишь подойти и уничтожить их. Что ты на меня так уставился? — закричал он, заметив, что сомнение так и не покинуло лица Шаунтиля. — Нужно прежде всего думать о достижении главной цели. Если Дариан пострадает еще раз, его можно будет потом отстроить, а вот Тогайского Дракона, после того как мы прикончим ее, заменить будет некем.

— Повинуюсь! — Чежу-лей вытянулся, про себя подумав, что в словах Бардоха, пожалуй, есть смысл: Дариан — не слишком высокая цена, чтобы избавиться от Тогайского Дракона.

— Если мятежники поймают меня с рабом-ру, то просто разорвут на части, — взволнованно сказал Мерван Ма, обращаясь к группе солдат, охраняющих подход к оазису Дадах.

Солдат из Хасинты здесь было более чем достаточно.

Стоя позади пастыря, Астамир низко склонил голову. Его руки были связаны за спиной — однако далеко не так крепко, как это выглядело со стороны.

— Оставь его нам, и все дела, — заявил один из солдат и рассмеялся, глядя на приятелей. — Мы зарядим им катапульту, когда будем драться с врагами!

Остальные тоже расхохотались, в том числе и Мерван Ма, хотя его пробрала дрожь, когда он представил себе это ужасное зрелище.

Двое солдат направились в сторону Астамира.

— Нет! — закричал Мерван Ма, и они остановились, с удивлением посмотрев на него.

— Пусть хоть как-то послужит Чезру, — сердито сказал солдат, стоящий рядом с пастырем. — Ты что, не доверяешь нам?

— В недавнем прошлом я был помощником Чезру Эакима Дуана. — ответил юноша.

— С какой это стати мы должны тебе поверить?

— Ты осмеливаешься подозревать меня во лжи? — возмутился Мерван Ма. — Я возвращаюсь в Хасинту с сообщением от правителя Дариана Карвина Пестля, тоже пастыря и моего близкого друга. Ты осмеливаешься бросить мне вызов, солдат? Не боишься навлечь на себя гнев Чезру Дуана и его чежу-леев?

Бехренец побледнел и отступил назад. Юноша, хмуро глядя по сторонам, повел Астамира через оазис.

Весь этот день навстречу им попадались колонны солдат, двигающихся по западной дороге, чтобы присоединиться к армии ятола Бардоха.

— Ты сегодня пошел ради меня на большой риск, — заметил мистик, когда они вечером остались одни.

— Никакого риска не было.

— Ты мог покончить со мной раз и навсегда. И таким образом, возможно, даже искупить грех в глазах Чезру.

— Искупить грех? — переспросил юноша, — Я вовсе не уверен, что нуждаюсь в искуплении грехов. Мы составили план, как пройти через оазис Дадах, и я придерживался его, как и обещал.

— Многие люди сочли бы, что их спасение дороже обещания, в особенности если оно дано врагу, у которого они находились в плену.

— Разве ты мой враг? — спросил Мерван Ма. Астамир пожал плечами, — Если бы я решил сейчас покинуть тебя, ты бы стал меня удерживать?

— Нет, — ответил мистик. — Но ты не покинешь меня, Мерван Ма. Ты хочешь окончательно разобраться во всем, и тебе это путешествие в Хасинту нужно не менее, чем мне.

— Даже более, — отозвался юноша с мрачной решимостью. — Ты говорил о спасении, и религия ятолов обещает нам его после смерти. Но чего стоит подобное обещание, если все остальное ложь?

— Почему ты решил, что все остальное — ложь?

— Возрождение — это чудо, на котором основана религия ятолов, — ответил пастырь, — Те, кто был свидетелем этого чуда, навсегда остаются под его впечатлением. Еще бы! Неразумное дитя, обладающее сознанием взрослого человека. Эти люди сошли в могилу счастливые, потому что верили, что Бог всемогущ и возьмет их к себе. — Дрожь в голосе молодого человека становилась заметнее с каждым словом. — Но если нельзя доверять самому Гласу Бога? И если этого чуда не существует, то чего стоит вся религия ятолов?

Астамир не знал ответа на эти вопросы и не мог даже найти слов, чтобы успокоить Мервана Ма. Если их догадка верна и нынешний Чезру один и тот же дух, на протяжении столетий завладевавший телами детей, что тут можно еще сказать?

— Когда мы разделаемся со всем этим, приходи в Обитель Облаков, друг мой, — предложил он юноше. — Там ты узнаешь истину о себе, осознав скоротечную природу физического тела и вечность энергии души.

Пастырь фыркнул.

— Мы не разделаемся со всем этим, друг мой, — сказал он, впервые обратившись к Астамиру подобным образом. — Мы войдем в крепость под названием Чом Дейру, но никогда не выйдем оттуда.

И снова возразить мистику было нечего.

— Тогда нужно прорываться! — заявил Таналак Кренк со свойственной ему обычно уверенностью.

— Ну да, а потом нас остановят и обратят в бегство, — заметил второй командир.

Этот спор у лагерного костра, где собрались Бринн и командиры подразделений тогайского войска, продолжался уже довольно долго. Судя по донесениям разведчиков за последние три дня, бехренцы знали, где находится Тогайский Дракон и куда она направляется. И сейчас противник явно готовился к решающему сражению, разделив армию на три неравные по численности группы. Меньшая из них устремилась на восток, самая большая — на юг, пытаясь не отставать от Бринн, а третья — на запад, где создала оборонительные позиции, блокируя все известные перевалы.

— Можно продолжать двигаться на запад, а потом дракон перенесет нас в степи, — высказался один из командиров.

— Они успеют захватить многих, прежде чем дракон успеет перенести всех, — возразил Кренк, явно воодушевленный идеей грандиозного сражения, — Бехренцы совсем рядом и настроены очень решительно.

— И все же большинство сможет уйти, — стоял на своем тот. — А остальные, и я готов быть в их числе, дадут бехренцам бой!

Многие вокруг одобрительно закивали. Но не Бринн. Последнюю ночь она провела в спорах с Аграделеусом. Его возбуждение возрастало день ото дня, и боя он жаждал не меньше Таналака Кренка, хотя, естественно, по другим причинам. Дракону смертельно наскучило выступать в роли снабженца, и девушка сомневалась, что удастся добиться его помощи при отступлении в Тогай. Не исключено, что, когда они доберутся до плато, Аграделеус самовольно ввяжется в бой и втянет в него остальных, нимало не заботясь о том, чем это может кончиться.

— Ну, хорошо, прорвемся в степи, а потом куда? — спросила тогайранка. — Даже если мы ускользнем от них сейчас, что это нам даст?

— Можно сразиться с ними и прямо здесь! — проворчал Таналак Кренк.

— Только при условии, что мы займем такую оборонительную позицию, которая даст нам шанс нанести противнику серьезный урон, — заявила Бринн.

— Я пошлю разведчиков, пусть поищут такое место! — возбужденно воскликнул Таналак.

— Я уже нашла его, — ответила девушка. Все взгляды обратились к ней, стало очень тихо. Она с мрачным выражением лица посмотрела в сторону юго-запада. — Мы можем сразиться с ними из-за стен Дариалла.

— Дариана?

— Нет. — Лицо тогайранки стало жестким. — Я имею в виду Дариалл.

На следующий день войско Бринн подошло к городу. Тогайру заняли близлежащие высоты к востоку и северу от него.

— Тогайский Дракон вернулась, — сказал Вачагай, новый начальник дарианского гарнизона, стоя на городской стене вместе с правителем Карвином Пестлем.

— Где же ятол Бардох? — осведомился Пестль.

— В нескольких днях пути отсюда, — ответил Вачагай. — Мы не продержимся до их прибытия!

— Да нас одолеют за один день! — воскликнул Карвин Пестль. — Вот увидишь, Тогайский Дракон пойдет в наступление сегодня же ночью, обрушит на город огонь и смерть, и к утру наше сопротивление будет сломлено.

Закрыв глаза, пастырь вспомнил первый захват Дариана, вспомнил, с какой легкостью Тогайский Дракон сделала это, выманив бехренцев за пределы города, где они нашли смерть. Сейчас, когда у Карвина Пестля забрали солдат для организации обороны перевалов, у него

осталось даже меньше людей, чем было тогда! А судя по донесениям, армия тогайранки стала вдвое больше.

— Подать коня, — приказал Пестль. Вачагай не двинулся с места, недоуменно глядя на него. — Немедленно. Коня и белый флаг.

— Ты хочешь выйти и начать с ними переговоры?

— Я хочу выйти и попытаться спасти всех нас, — ответил пастырь. Вачагай по-прежнему не шевелился, гневно сверкая глазами. — Повторяю: немедленно! Я правитель Дариана и один решаю, как нужно действовать. Немедленно приведи мне коня и принеси флаг перемирия, или столь же немедленно будешь смещен!

— Правитель Карвин Пестль. — Вачагай отвесил глубокий поклон. — Мы можем сразиться с ними и попытаться удержать город до прибытия ятола Бардоха и его армии.

— Ты не понимаешь, насколько она сильна. Ее дракон спалит город и уничтожит все оборонительные сооружения за одну ночь. А потом мы умрем. Все до одного.

Перед мысленным взором пастыря возник образ повешенного на восточных воротах ятола Гриаша. Не стоило никакого труда представить себя на его месте.

Спустя некоторое время он покинул город и направился в сторону вражеского войска.

— Я хочу поговорить с Тогайским Драконом, — заявил Карвин Пестль, собрав все свое мужество.

Из толпы воинов отделилась и остановилась перед ним невысокая женщина на пегом пони.

— Вот мы и встретились снова, — сказала Бринн. — Ты ведь был помощником ятола Гриаша, не так ли?

У Пестля перехватило дыхание.

— Я пастырь Карвин Пестль, правитель Дариана.

— Дариалла, — поправила его тогайранка, — И я не назначала тебя правителем.

Пестль почувствовал, как у него на лбу выступает пот. Он понимал, что не сможет сдержать дрожь в голосе. Сделав глубокий вдох, пастырь попытался взять себя в руки и ответить как можно спокойнее.

— Чезру вернул себе город и назначил меня его правителем.

— После смерти несчастного Мервана Ма, надо полагать, — сказала Бринн. Пестль широко распахнул глаза. Откуда ей это известно? — Значит, теперь ты управляешь городом от имени Чезру? И не намерен впускать меня туда?

— Я пришел, чтобы заключить с тобой соглашение.

— О капитуляции?

Карвин Пестль встревоженно заерзал в седле.

— С соблюдением некоторых условий…

— Опасаешься за свою шею?

Пастырь вынужден был снова сделать глубокий вдох.

— Я… Мы… не хотим снова сражаться с вами.

— Тогда сдавайтесь, — последовал бескомпромиссный ответ.

— Мне нужны гарантии безопасности для своих людей.

Произнеся эти слова, Карвин Пестль внезапно успокоился, осознав, что терять ему нечего, так как на самом деле он уже потерял все.

За спиной Бринн, явно с оттенком недовольства, заговорили ее воины. Тогайранка подняла руку, и тут же наступила тишина.

— Если я отпущу тебя и солдат гарнизона Дариалла, вы, без сомнения, присоединитесь к друзьям, как только они появятся, и будете воевать против меня. Разве не так?

— Мы не станем делать этого.

Это заявление вызвало новый взрыв недоверчивых и большей частью циничных высказываний, но девушка снова быстро утихомирила воинов, вскинув руку.

— В этом позволь мне тебе не поверить, — сказала она. — Старики, женщины и подростки пусть уходят, а ты и твои солдаты — разумеется, если мы сможем войти в

Дариалл без сопротивления, — будете рассматриваться как пленники. Обращаться с вами мы будем гуманно. В городе есть тюрьма?

— Есть… — ответил пастырь. — Достаточно большая, чтобы вместить двести человек нашего гарнизона.

— Тогда возвращайся и открывай ворота. Но смотри, Пестль, если это какая-нибудь подлая уловка, я убью всех жителей Дариалла, невзирая на то, мужчина это, женщина или ребенок. А ты будешь болтаться в петле. Как ятол Гриаш, ты еще его помнишь?

Карвин Пестль склонил голову, развернул коня и поскакал в город. Вскоре оттуда потянулась вереница беженцев.

Так Бринн во второй раз заняла город. Ее воины тут же начали действовать по заранее намеченному плану. Вначале они отделили население от тех, кто мог держать в руках оружие, и первых выставили из города, а последних — заключили в тюрьму. После чего занялись подготовкой к обороне: ремонтировали баллисты и катапульты; затаскивали на городскую стену масло, которое должно было пролиться на головы нападающих; подготовили немалый запас стрел.

Тогайранка и Аграделеус наблюдали за этими приготовлениями с угрюмой решимостью.

— Сражайся сколько пожелаешь, а затем возвращайся в подземелье, — сказала Бринн дракону.

— Ты обещала мне прислать сказителей и новые сокровища, — напомнил ей Аграделеус.

— И выполню обещание, если смогу, — ответила девушка. Дракон фыркнул, выпустив облако дыма. — Можешь улететь уже сейчас, если желаешь.

— Я и раньше мог убраться в любой момент, если бы захотел. Но предпочел остаться с вами и тот же выбор делаю сейчас. Это сражение обещает быть самым грандиозным из всех, о нем сложат немало легенд. И если я, Аграделеус, буду участвовать в нем, они покажутся намного интереснее тем, кто будет слушать их столетия спустя!

Проявленное драконом тщеславие заставило Бринн улыбнуться.

— Я не буду командовать тобой в предстоящем сражении, — сказала она. — Уверена, ты и сам найдешь достойные цели.

Аграделеус довольно заворчал.

Четыре дня спустя горизонт вокруг Дариалла почернел от приближающихся солдат армии ятола Бардоха.

— Их по крайней мере вчетверо больше, чем нас, — заметил один из тогайранских командиров, стоящий вместе с остальными на главной башне городских оборонительных укреплений.

Бринн ответила коротко и ясно:

— Значит, каждому из нас придется убить пятерых.

Этой же ночью на город полетели горящие смоляные шары, распадаясь в ночном небе огненными брызгами и поджигая дома. Тогайранцы тоже стреляли в ответ, но степные кочевники не привыкли иметь дело с баллистами, а нападающих было слишком много, поэтому особого вреда эти залпы им не нанесли.

Аграделеус летал над вражескими полчищами, нападая на них, но довольно скоро ему пришлось вернуться: в него угодило не менее сотни стрел.

Девушка наблюдала за всем происходящим с глубоким беспокойством. Ее мечте суждено оборваться здесь, и пройдет много лет, прежде чем Тогай снова воспрянет после такой серьезной потери.

Но чему быть, того не миновать, решила она, вспомнив прощальные слова Астамира. Легенда об этом сражении будет жить, сея семена сопротивления, которые взойдут в далеком будущем. А сейчас имело смысл лишь одно: сделать так, чтобы победа обошлась бехренцам как можно дороже.

Она трудилась наравне с воинами, помогала тушить пожары, сама посылала во врага

меткие стрелы, а также старалась поддерживать у людей боевой настрой в ожидании атаки, которая, скорее всего, должна была начаться с рассветом.

ГЛАВА 37
КОНЕЦ БЛИЗОК

Атака началась в предрассветной тьме. Кольцо бехренских солдат сжималось вокруг города. Обороняющиеся, высыпав на стены с огромными луками в руках, посылали в нападающих тучи стрел. Однако бехренцев было слишком много. Они двигались рядами, не обращая внимания на смертоносный град стрел, и умирали с именем Чезру на устах.

Перебираясь к южной стороне городской стены, Бринн столкнулась с Аграделеусом, принявшим человекоподобный облик.

— Это конец? — спросил дракон.

— Не знаю, — ответила тогайранка.

— Ты примешь здесь смерть?

— Если такова моя судьба.

Она собиралась бежать дальше, но дракон схватил ее за плечо.

— И ты, человек, готова умереть здесь только потому, что убеждена в своей правоте?

— Почему же непременно умереть? — усмехнулась девушка. — Я молю небеса, чтобы мы одержали победу.

— А если нет? — спросил дракон. На этот вопрос у Бринн ответа не было. — Что ж, надеюсь, ты уцелеешь.

Тогайранка замерла, удивленно глядя на него, пока ее внимание не привлекли громкие крики со стены. Похоже, там произошел прорыв.

Она взлетела по лестнице на стену и увидела, что бехренцев наверху не меньше, чем тогайру, и с каждым мгновением их число увеличивалось.

— За Тогай! — закричала девушка и бросилась, обнажив меч, в самую гущу нападающих.

Те в ужасе расступились перед пылающим клинком. Она столкнула одного из бехренских солдат вниз, другому нанесла удар в живот. Опустившись на колено, круто развернулась и сделала еще один выпад.

Удар Пляшущего огня заставил солдата упасть к ее ногам, а Бринн между тем подбежала к приставленной атакующими лестнице и столкнула карабкающегося по ней бехренца. Падая, он увлек за собой тех, кто поднимался вслед за ним. Тогайранка оттолкнула лестницу от стены.

Снизу в нее летели стрелы, но магическая защита браслета поври, словно щит, отражала большую их часть. И все же одна стрела вонзилась в ногу Бринн.

Не обращая внимания на жгучую боль в икре, она продолжала сражаться, и вскоре попытка прорыва была остановлена.

Аграделеус наблюдал за девушкой с искренним восхищением. Теперь он лучше понимал Белли'мара Джуравиля, в свое время пытавшегося убедить его, что люди не так уж плохи.

— Надеюсь, ты уцелеешь, — снова прошептал дракон, хотя Бринн, конечно, слышать его не могла.

И, возвратившись к естественному облику, взмыл в небо. При виде дракона бехренские солдаты разбегались кто куда. Лишь очень немногие осмеливались выпустить по нему стрелы.

Набрав скорость, Аграделеус обрушился на катапульту, разбил ее вдребезги, повернул шею и послал струю огня в убегающих солдат.

Затем, не обращая внимания на град стрел, дракон уничтожил следующую катапульту и потом еще одну. Заметив пытающегося организовать оборону чежу-лея, он врезался в самую гущу бехренцев, собравшихся вокруг командира, получил от него удар мечом, но нанес

когтистой лапой ответный удар, который буквально переломил чежу-лея пополам.

Разметав эту группу нападающих, Аграделеус снова взлетел. Его действия остановили атаку у восточной стороны городской стены и позволили воинам тогайру перебраться на другие, менее защищенные ее участки.

Стрела, выпущенная из баллисты, не задела дракона, который, снизившись, ответил огнем, испепелив и баллисту, и тех, кто находился рядом с ней.

Пронесясь над отрядом бехренских всадников, Аграделеус скинул многих из них с лошадей и устремился к следующей батарее метательных орудий противника. Он сделал несколько заходов, обдавая орудия потоками огня.

Внезапно дракон резко остановился — огромное копье вонзилось ему в бок, сломав кость у основания крыла. С пронзительным криком, оглушившим тех, кто находился поблизости, Аграделеус перевернулся в воздухе и рухнул на песок.

И тут же бехренские солдаты набросились на него, рубя мечами и осыпая стрелами. Однако дракон не желал сдаваться. В неистовстве он дюжинами валил нападавших на него взмахами хвоста, рвал когтями и клыками. С огромным трудом ему все же удалось взлететь и приземлиться в городе.

— Западные ворота! — закричал кто-то.

Бринн обернулась и поняла: если бехренцы прорвутся, их поток просто сметет тогайру.

Однако самый ее яростный и могущественный сподвижник, превозмогая боль, уже снова был в строю, хотя летел над городом, оставляя за собой кровавый след. Он оказался у западных ворот как раз в тот момент, когда те затрещали и начали подаваться. При приближении дракона тогайру расступились, давая ему дорогу.

Ворота пали, и бехренские солдаты ворвались в город.

Но спустя миг были испепелены огнем дракона. Он остался у сорванных ворот, не давая неприятелю проникнуть в город.

Бринн металась с места на место, подбадривая защитников Дариалла криками, и сама яростно рубила врагов мечом и поражала их стрелами.

Вскоре бехренцы отступили от городских стен. Тогайское войско отстояло позиции — по крайней мере, сегодня.

Несколько тысяч убитых бехренцев против тысячи погибших тогайру — таков был итог этого кровопролитного сражения. И все же, глядя на поредевшее воинство и тяжелораненого дракона, Бринн понимала, что вряд ли одержала победу.

Благодаря героическим усилиям Аграделеуса, уничтожившего большую часть метательных орудий, ночью обстрел из катапульт был гораздо слабее. Однако несколько пылающих шаров все же упали на город, вызвав пожары, что вынудило измотанных в сражении воинов тогайру сражаться с огнем. Мало кто не отдавал себе отчета в том, что завтра утром атака бехренской армии на Дариалл возобновится.

Проникнуть в Хасинту Астамиру и Мервану Ма особого труда не составило. В городе царила страшная неразбериха, люди метались по улицам, лихорадочно покупая и продавая съестное и предметы первой необходимости. Повсюду проходили военные занятия — солдат спешно готовили к скорому сражению.

— Похоже, Бринн удалось поразить Бехрен в самое сердце, — заметил мистик, который по-прежнему изображал раба Мервана Ма.

— Многие солдаты прибыли из провинции, — сказал пастырь. — Я видел знамена ятола Де Хаммана, ятола Перидана, ятола Шигавара и…

— Значит, все они собрались здесь?

Мерван Ма кивнул.

— Обычно они не так часто появляются в Хасинте, — объяснил он. — Но что привлекло их сюда сейчас, в это смутное время?

— Сможешь выяснить?

Юноша кивнул, пересек запруженную народом площадь, подошел к торговцу,

продающему финики, и достал несколько монет, добытых Астамиром во время грабежей захваченных тогайранцами городов.

Торговец улыбнулся, взял деньги, придвинулся к пастырю и принялся что-то шептать ему на ухо.

— В Хасинте собрались все ятолы, — спустя несколько минут сообщил пастырь Астамиру. — Они чрезвычайно недовольны затянувшейся войной. То, что Бринн привлекла на свою сторону пиратов и других наемников, лишь усилило давнишнее соперничество между некоторыми жрецами, в особенности теми, кто имеет выход к морю. Теперь ятолы злятся, что их солдат вывели из провинций и собираются отослать в подчинение ятола Бардоха и Шаунтиля.

Мистик задумался. Жаль, что ему раньше не было известно об этих внутренних раздорах — можно было бы попытаться усугубить их.

— С запада пришло сообщение, — угрюмо продолжал Мерван Ма. — Тогайский Дракон снова захватила Дариан. — Его спутник кивнул, уже догадываясь, что услышит дальше. — Сейчас ятол Бардох окружает город. Возможно, сражение уже началось.

Астамир сделал несколько глубоких вдохов и устремил на юношу твердый взгляд.

— Для нас это ничего не меняет.

Он перевел взгляд на самое большое здание в городе, окруженное роскошными садами и фонтанами.

— Чом Дейру, — сказал Мерван Ма, проследив за его взглядом, — Дворец хорошо охраняется… Всегда охранялся самым тщательным образом, а сейчас и подавно.

— И все же ты должен провести меня туда.

— Зачем?

— Чтобы тайное стало явным.

— Это будет стоить нам обоим жизни… — начал было пастырь, но смолк. Немигающий взгляд мистика напомнил ему обо всем, что в последнее время выплыло наружу. — Хорошо, я сделаю это. Ну, во всяком случае, попытаюсь.

Они направились к сторожевой будке.

Спутникам удалось миновать эту преграду, поскольку Мерван Ма знал слово, которое должны были произносить те, кто имел право войти во дворец. Вскоре они поднялись по ступеням и остановились у огромных сводчатых дверей.

Двое стоящих у них стражников скрестили копья, преграждая им путь.

— Я пришел с запада, — сказал пастырь. — Заходящее солнце не может ускользнуть от глаз Чезру.

Эту условную фразу обычно произносили возвращающиеся с задания разведчики. Однако Мерван Ма заметил, что лицо одного из стражников на мгновение утратило каменное выражение.

— Как твое имя? — спросил он.

— Меня зовут… — Пастырь замолчал, внезапно ощутив: что-то явно идет не так.

— Прошу прощения, правитель Пестль, — сказал Астамир у него за спиной. — Мне следовало сразу же тебя представить.

Стражники посмотрели друг на друга, и один из них скрылся за дверью.

Последовало долгое ожидание, молчание становилось все более напряженным. В конце концов дверь слегка приоткрылась, стражник просунул в образовавшуюся щель голову и что-то зашептал товарищу.

— Приветствую тебя в Чом Дейру, правитель Пестль, — сказал тот, когда первый снова исчез за дверью. — Как только пожелаешь, о тебе доложат Чезру.

Он отошел в сторону, широко распахнул дверь и жестом велел гостям входить.

Мерван Ма должен был погибнуть, едва переступив порог. Так оно наверняка и произошло бы, если бы не инстинкт мистика. Он молниеносным движением толкнул юношу на пол, и удар длинного копья второго стражника не достиг цели.

Спустя мгновение Астамир был уже на ногах и, круто развернувшись, оказался лицом к

лицу с бехренцем. Наклонив голову, он прыгнул вперед, одновременно разворачиваясь. Едва коснувшись пола, тут же снова высоко подпрыгнул и, пока сбитый с толку стражник неловко тыкал перед собой копьем, ударил его ногой в голову.

Тот со стоном рухнул.

Обернувшись, мистик увидел, что стражник, который оставался снаружи, взмахнул копьем, нацелив его на Мервана Ма. Однако Астамир перехватил его руку и сломал копье пополам.

Мистик круто развернулся, высоко вскинул правый локоть и ударил им стражника в лицо. Тот упал словно подкошенный, но все же упрямо попытался встать на ноги.

Вытянутыми пальцами Астамир ударил его в горло. Бехренец снова упал и больше уже не шевелился.

Мистик схватил юношу за руку и потащил за собой. С обеих сторон коридора послышался шум; по-видимому, сюда спешили другие стражники.

— Куда теперь? — спросил Астамир.

На лице Мервана Ма возникло выражение ужаса.

— Я должен попасть в Зал Вечности. Но он далеко, а сейчас за нами бросится вся стража!

— Где этот зал? — спросил мистик.

Пастырь кивнул на лестницу.

— Вверх и дальше по коридорам.

Астамир подобрал обломок копья и ударил по голове лежащего стражника, когда тот снова зашевелился.

— Иди. Я задержу их.

Мерван Ма устремил на мистика долгий изучающий взгляд, протянул руку и положил ему на плечо.

Мне о многом хотелось бы поговорить с тобой… — начал он.

Астамир остановил его, вскинув руку.

— У нас еще будет для этого подходящее время, — с улыбкой сказал он, хотя оба прекрасно понимали, что вряд ли на подобное можно рассчитывать.

Мистик отступил в сторону. Когда первый из бегущих на подмогу стражников появился в поле зрения, Астамир метнул обломок копья и попал точно в грудь бехренца.

Мерван Ма попятился к стене и спрятался за огромной колонной. Суматоха возрастала, в зал вбегали все новые стражники. Однако в основном их внимание привлекал Астамир, и пастырь начал как можно более незаметно двигаться в сторону, прижимаясь к стене. Добравшись до ступенек, он снова спрятался за колонну, потому что как раз в этот момент по лестнице сбежала новая группа стражников во главе с воином чежу-лей. Они промчались мимо него и бросились в отдаленную часть зала, где шла схватка.

Юноша устремился вверх по лестнице. Добравшись до второго этажа, он испустил вздох облегчения и побежал дальше по длинным коридорам. Все здесь было так знакомо, и в то же время он не испытал сейчас ничего, кроме ощущения чужеродности и неловкости.

Астамир лишь на шаг опережал погоню, прекрасно понимая, что с каждым новым коридором к ней присоединяются всё новые преследователи. Свернув за угол, он проскочил под арку, мимо двух оторопевших стражников.

Опомнившись, те бросились следом, но мистик удивил их еще раз. Внезапно остановившись, он резко развернулся, подпрыгнул и нанес им по удару ногами, уложив обоих на пол.

Из-за поворота показался еще один преследователь, размахивающий огромным кривым мечом. Астамир схватил его за запястье, отжал руку в сторону и нанес три коротких удара в грудь. Хватая ртом воздух, стражник начал оседать на пол, но мистик схватил его за тунику, поднял высоко в воздух и швырнул прямо под ноги еще двоим подбегавшим к нему бехренцам. С ног их сбить ему не удалось, но те все же замешкались — и этих нескольких

мгновений Астамиру хватило, чтобы подпрыгнуть повыше и, приземляясь, обрушить на стражников удары рук и ног.

Когда оба они свалились, мистик не мешкая помчался по коридору. Преследователи были совсем близко, и, оглянувшись, он заметил среди них чежу-лея. Астамир побежал дальше, понимая, что вступать в бой сразу с большой группой преследователей будет для него гибельно.

Коридор заканчивался широкой аркой, а за ней оказался большой круглый зал, от которого отходили несколько других коридоров. Преследователи не отставали; к тому же из соседнего коридора слева от мистика выскочили новые воины. Мистик рванулся в другую сторону, но отовсюду слышался топот приближающихся врагов.

Астамир остановился, повернулся лицом к стене и приложил к ней пальцы, ощущая шероховатость камня. Потом, не обращая внимания на крики за спиной, погрузился в себя, отыскал свое Чи, вытянул жгут жизненной энергии, поднял вверх и побежал вдоль него, словно паук по стене. Забравшись повыше, он увидел, как внизу мечутся незамечающие его стражники.

Вскоре раздался крик, свидетельствующий о том, что его наконец увидели. Он быстро пополз еще выше. Мимо пролетела стрела.

— Стреляйте же! — кричал чежу-лей. — Сбейте этого негодяя!

Мистик посмотрел вниз, обдумывая, не стоит ли спрыгнуть. Может, удастся убить чежу-лея, прежде чем остальные доберутся до него…

Нет, это далеко не самая удачная мысль. Ну, спрыгнет он на них, убьет кого-то, а что в этом толку для него и Мервана Ма, не говоря уж о Бринн Дариель и Тогае?

Сомнения Астамира прервала стрела, впившаяся ему в ногу.

Превозмогая боль, мистик добрался почти до самого свода и здесь обнаружил довольно просторную нишу. Она заканчивалась металлической решеткой, по ту сторону которой можно было разглядеть галерею, находящуюся под сводом соседнего помещения. Мистик услышал оттуда гул голосов и, взглянув через решетку, увидел внизу сцену, напоминающую собрание: расположившись в креслах, установленных вокруг возвышения в центре зала, десятки ятолов о чем-то спорили друг с другом, отчаянно жестикулируя.

Астамир вцепился в прутья решетки и направил жизненную энергию в ладони, нагрев их настолько, что металл раскалился докрасна и стал таким же податливым, как тетива лука. Мистик принялся отжимать прутья и проделал в решетке отверстие, достаточное для того, чтобы можно было пролезть на ту сторону.

Он перебрался на галерею, огибающую зал, в котором находились ятолы, и сразу выделил из числа собравшихся Эакима Дуана. Чезру тоже принимал участие в обсуждении, не вставая с кресла, установленного на подиуме в центре зала.

Астамир понимал, что в его распоряжении очень мало времени. Снизу послышался крик чежу-лея. Он приказывал стражникам окружить Чезру.

Мистик подполз к балюстраде галереи и спрыгнул в зал. Взгляды всех присутствующих обратились к нему. Стражники, стоящие позади Эакима Дуана, бросились вперед и загородили телами Гласа Бога.

— Что означает это вторжение? — спросил Чезру. — Кто ты такой, чтобы нарушать покой этого священного места?

— Я Астамир из Обители Облаков, Чезру Дуан, — с поклоном ответил мистик. — И я тот, кому известна истина об Эакиме Дуане! Я тот, кому известно, как на самом деле совершается Возрождение!

Все присутствующие заметили, как при этих словах Эаким Дуан удивленно вытаращил глаза, а по лицу его пробежала тень ужаса. Однако прежде чем кто-либо успел задать вопрос, двери зала распахнулись и ворвавшиеся внутрь стражники бросились к мистику.

— Я видел, как ты использовал камень души, Эаким Дуан! — крикнул Астамир.

— Он лжет! — завопил Чезру. — Прикончите его немедленно!

Мистик увернулся от брошенного копья, затем — от второго, перекувырнулся через

голову и оказался рядом с тремя стражниками. Короткий удар, и один из них свалился как мешок на пол. Уклонившись от другого стражника, вооруженного мечом, Астамир сделал обманное движение в сторону третьего, и тот попался на уловку Джеста Ту, направив острие копья в его сторону, однако угодил им в затылок товарища, почти начисто снеся ему голову. Секундного замешательства, вызванного этим, вполне хватило мистику, чтобы, опершись на спинку одного из кресел, сделать ногами движение «ножницами», сломав бедняге позвоночник.

Стараясь не подпустить к себе приближающихся во главе с чежу-леем стражников, мистик, великолепно удерживая равновесие, побежал по спинкам кресел. Стражники преследовали Джеста Ту, все время стараясь оставаться между ним и Чезру. Астамир понимал, что ему не удастся подобраться к Дуану ближе, поэтому внезапно остановился и, балансируя на спинке кресла, закричал:

— Ты совершаешь путешествия в духе, Эаким Дуан! Вот как ты обнаружил Тогайского Дракона! Каждую ночь ты выходишь из тела и ищешь ее, а это невозможно без маги…

Он смолк, ибо выпущенная стрела перебила дыхание, вонзившись ему в бок. Вторая угодила в бедро. Мистик сделал попытку уйти из зоны поражения лучников, но перед глазами у него все поплыло; через миг еще одна стрела вонзилась в плечо. Он рухнул вниз, увлекая за собой кресла.

— Прикончить его! — прошипел Чезру, но этот крик Астамир услышал уже как бы издалека.

Сильнейший удар булавой разрушил целостность магического щита поври, и теперь Бринн ощущала слабость от потери крови, струящейся из многочисленных ран. Однако девушка по-прежнему носилась по стенам, криками подбадривая товарищей, и, демонстрируя великолепное владение мечом, сбрасывала вниз одного врага за другим, проявляя настолько выдающиеся бойцовские качества, что там, где она появлялась, бехренцы бросались врассыпную, а некоторые даже сами спрыгивали со стены.

Аграделеус летал от стены к стене, от ворот к воротам, помогая защитникам потоками убийственного пламени. В одном месте с восточной стороны стена рухнула, и в образовавшуюся брешь сразу же устремились сотни бехренцев. Они бросились к воротам, чтобы овладеть ими и открыть дорогу всадникам. Дракон в одиночку остановил этот прорыв. Ворота устояли, а проникших внутрь удалось отсечь от основной массы нападающих.

На протяжении всего этого дня бехренцы снова и снова бросались в атаку, но каждый раз вынуждены были отступать. Когда на город опустились сумерки, тогайру подсчитали потери: оснований для оптимизма было мало.

Лежа на полу, мистик воззвал к жизненной силе Чи и перекрыл восприятие боли. Приблизившимся стражникам не удалось добить поверженного противника: вскочив, будто подброшенный пружиной, Астамир раскидал их, нанося стремительные удары руками и ногами, и вновь устремился по спинкам кресел в сторону сгрудившихся тесной кучкой жрецов-ятолов.

— Вы должны меня выслушать! — закричал он. — Не ради меня — ради себя самих! Чезру владеет камнем души — гематитом, полученным от монахов церкви Абеля! Все его слова о Возрождении — отъявленная ложь, не более чем…

Внезапно перед ним вырос воин чежу-лей и с размаху ударил мистика в живот торцом толстого жезла.

— Возрождение — это захват тела еще не родившегося младенца! — падая, успел крикнуть Астамир и, получив еще один удар, не смог уже более ничего произнести.

Несколько мгновений спустя чьи-то руки подхватили мистика и, удерживая с обеих сторон, поставили на ноги, однако сопротивляться у Астамира уже не было сил. Он попытался заговорить снова, но получил очередные удары сначала в живот, а потом по лицу.

— Смотрите! — услышал он крик Чезру. — Перед вами — убийца чежу-лея Дахмеда

Блая!

— А как насчет того, о чем он говорил? — спросил кто-то тоном, в котором явно слышалось подозрение.

— Язычники могут дать лишь такое объяснение всеведению Бога! — закричал в ответ Эаким Дуан. — Они стремятся уничтожить нас изнутри, поскольку все их жалкие попытки добиться этого другими способами потерпели провал! Теперь, когда этот нечестивец умрет, связи Тогайского Дракона с Джеста Ту оборвутся навсегда. Еще один удар по армии бунтовщиков — уже близится их последний час!

Со всех сторон послышались одобрительные возгласы. У мистика не осталось ни сил, ни возможности спорить. Он снова погрузился вглубь своего тела, пытаясь собрать остатки жизненной энергии, чтобы хотя бы не потерять сознание.

Он услышал, как чежу-лей спросил Эакима Дуана, что делать с пленником — повесить или сжечь? И не удивился, когда Чезру приказал прикончить его прямо здесь и сейчас.

Сил предотвратить смертельный удар у Астамира не осталось. Единственное, чего он хотел, — это смотреть в глаза тому, чей удар оборвет его жизнь.

— Стойте! — неожиданно послышался крик откуда-то издалека. — Остановитесь!

Мистику с огромным трудом, но все-таки удалось открыть глаза. Он увидел Мервана Ма, спускающегося по длинной лестнице к возвышению, на котором находилось кресло Эакима Дуана. Обеими руками юноша держал богато украшенный Кубок Чезру.

Глядя, как предавший его пастырь сбегает по ступеням со священным сосудом в руках, Эаким Дуан прикладывал неимоверные усилия, стараясь сохранить спокойное выражение лица. Понадобилось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки и постараться придумать хоть что-то, что помогло бы справиться с этой новой бедой. Но именно в эти мгновения Мерван Ма заговорил.

— Чезру скрывает от нас камень души… Он скрывал гематит на протяжении столетий! — Засунув руку в сосуд с кровью, юноша вытащил оттуда магический драгоценный камень и отшвырнул чашу.

По рядам собравшихся пронесся изумленный ропот, однако Эаким Дуан уже пришел в себя и сделал знак стоящим в стороне лучникам.

— Все, что говорил Чезру, — ложь! — закричал Мерван Ма. — Возрождение — это ловкий трюк, никакое не чудо!

Несколько стрел одновременно вонзились в тело юноши, и он опустился на ступени, шепотом повторяя:

— Ложь, ложь, ложь…

Эаким Дуан в мгновение ока — откуда только взялась подобная резвость! — оказался рядом с ним, выхватил из его ладони гематит и вернулся на место.

— Какое коварство! — вскричал он. — Настоящий заговор! Не верьте происка м наших врагов, дети мои.

— Кажется, это Мерван Ма, твой бывший помощник? — осведомился кто-то из ятолов.

— Да, это он, — ответил Маду Ваадан, несколько лет наблюдавший за церемониями жертвоприношения, проводимыми юношей.

— Он предал нас врагам, — заявил Эаким Дуан.

— Но ведь он же был убит в Дариане! — воскликнул вдруг другой ятол.

Чезру сохранял спокойствие. Он понимал, что выкрутиться из этой ситуации будет нелегко, и рассчитывал прежде всего на то, что вот-вот придет сообщение о разгроме войска Тогайского Дракона. Тогда жрецам будет легче воспринять его объяснения.

— Да, его появление здесь совершенно необъяснимо, — согласился Эаким Дуан. — Но мы непременно разберемся, в чем тут дело, заверяю вас.

— А что насчет камня? — спросил Маду Ваадан.

Чезру вперил ненавидящий взгляд в человека, который, очевидно, начал испытывать сомнения в его концепции Возрождения.

— Насколько я понимаю, это действительно драгоценный камень, гематит, — начал он осторожно.

— Который церковь Абеля называет камнем души, — прозвучал голос одного из ятолов, явно не удовлетворенного объяснениями Эакима Дуана.

— Ну конечно, — опять не стал спорить Чезру. — Еще одна маленькая хитрость, которая все равно ничего не даст нашим врагам. Я завтра же утром вызову из Энтела магистра Маккеронта и передам этот камень ему.

Боль пронзила душу Астамира, когда он увидел, как Мерван Ма осел на ступени. У мистика не было сомнений, что его юный друг убит.

Пока происходили все эти ошеломляющие события, державшие мистика стражники ослабили хватку, и мистик снова погрузился вглубь себя, собирая последние капли жизненной силы в один плотный сгусток, надеясь, что возникшее замешательство даст ему возможность осуществить задуманное.

Потом он мысленно потянулся к гематиту в руках Эакима Дуана и ощутил связь с камнем.

— Уловки наших врагов поистине блистают хитроумием, — произнес между тем Дуан и рассмеялся дребезжащим смехом.

Астамиру удалось сконцентрировать жизненную энергию, и он внезапно вырвался из рук удерживающих его стражников. Чежу-лей немедленно бросился к нему, однако мистик успел выкинуть руки вперед и швырнуть накопленный сгусток энергии в сторону гематита, послав в камень поток своего Чи. Джеста Ту уже давным-давно овладели секретами магических камней и пришли к пониманию того, что скрытая в них энергия подобна той, которую содержит их собственное Чи. Могущество любого камня зависит от количества заключенной в нем энергии, но существует определенное ограничение на то, какое количество энергии он в состоянии выдержать.

Лишившись остатка жизненных сил, Астамир уже падал, когда жезл чежу-лея описал полукруг и припечатал его к полу.

В тот же миг гематит взорвался, разлетевшись на тысячи осколков. Сила взрыва швырнула Эакима Дуана на помост.

Послышались крики:

— Убей его! Убей!

Однако, прежде чем чежу-лей смог выполнить этот приказ, Маду Ваадан властным взмахом руки велел ему остановиться.

— Доставь пленника в темницу, — приказал он.

Чезру, совершенно вне себя, ползал по возвышению, в тщетных попытках найти хотя бы небольшой кусочек камня души, хотя бы крошечный обломок, еще сохранивший магические свойства гематита.

— Глас Бога?

Эаким Дуан поднял взгляд и увидел Маду Ваадана и нескольких других ятолов, удивленно взирающих на него.

— А вдруг он опять взорвется… — пробормотал Дуан первое, что пришло в голову.

— Конечно, это очень опасно, — заметил Маду Ваадан. — Поэтому, Глас Бога, тебе лучше отправиться в свои покои.

Чезру закивал, отчаянно пытаясь осмыслить случившееся. Ничего, он что-нибудь придумает. Главное, нужно найти способ раздобыть другой камень. Аббат Олин, вот кто сможет ему помочь. И никто ничего не узнает. А когда пройдет года два и все успокоится, он сумеет восстановить силы, и тогда… Тогда можно будет рискнуть совершить Возрождение.

Лет через пятьдесят то, что произошло, вообще утратит всякое значение. Все свидетели будут мертвы, а имени Мервана Ма никто и не вспомнит!

Какой же он глупец, этот Мерван Ма!

Вскоре Глас Бога уже лежал в постели. Его раны оказались не столь серьезны: лишь

небольшие порезы и ушибы. Ятолы, пришедшие осведомиться о его самочувствии, выразили глубокое сожаление, что такие опасные заговорщики, как Мерван Ма и Джеста Ту, сумели проникнуть во дворец.

— Где Джеста Ту? — спросил Дуан Маду Ваадана.

— Мертв, Глас Бога, — ответил ятол. — Твой приказ выполнен, хотя всем нам доставило бы огромное удовольствие собственными глазами увидеть, как его публично сжигают на площади перед дворцом.

— Он слишком опасен, — пробормотал Эаким Дуан.

— Конечно, Глас Бога, — с поклоном отозвался Маду Ваадан. — А пока мы больше не будем тебя беспокоить. Тебе нужно набраться сил. Уже начинают поступать первые сообщения о сражении у Дариана.

— Тогайский Дракон потерпела поражение? — Дуан взволнованно приподнялся на постели.

— Пока нет, Глас Бога, — ответил ятол, — Но ждать осталось недолго: бежать ей некуда.

Чезру откинулся на подушки, слегка успокоенный этой мыслью.

И снова бехренцы бросились на штурм, однако и на этот раз их атака захлебнулась.

— Нельзя продолжать бросать наших солдат на стены, — осмелился высказать мнение Шаунтиль после того, как очередной штурм Дариана закончился неудачей.

— Город уже давным-давно должен был пасть! — заорал ятол Бардох, кипя от ярости.

— Согласен, но этому препятствует огнедышащий дракон, — возразил чежу-лей. — И, кроме всего прочего, мы недооценивали силу предводительницы тогайского войска. Она одержима демоном, так утверждают мои солдаты — те, кому удалось выжить после встречи с ней. Стоит им прорваться на каком-то участке стены, как эта женщина тут же появляется там с пылающим мечом.

Ятол Бардох обрушил стиснутые кулаки на стоящий перед ним маленький столик с такой силой, что тот свалился на пол.

— Город будет моим! Ты должен добиться этого — и как можно скорее!

— Если мы будем продолжать атаки и каждый раз откатываться назад, оставляя позади сотни убитых, ты столкнешься с тем, ятол, что в один далеко не прекрасный момент солдаты просто откажутся выполнить твой приказ.

— Что же, ты советуешь мне отказаться от Дариана? — словно не веря своим ушам, спросил Бардох.

— Разве я сказал такое? Все обстоит не так уж плохо. Мы можем пополнять припасы, а она нет. Судя по всем донесениям, ее дракон уже не в силах подняться в воздух, он тяжело ранен и совершенно выбился из сил.

— Так что же ты предлагаешь?

— Осаду, — отозвался Шаунтиль. — Тогайский Дракон не может рассчитывать на прорыв, даже если предположить, что он ей удастся. Вне защиты стен ее войско будет разгромлено в считанные часы. Я предлагаю осаду. Пусть ру едят своих лошадей!

Гайсан Бардох злобно ухмыльнулся.

— Им это вряд ли придется по вкусу.

— Нужно начинать осаду, — повторил Шаунтиль. — А когда добьемся своего, то потребуем безоговорочной капитуляции, а потом повесим на городских стенах эту женщину и ее командиров, убьем дракона, а остальных ру отпустим в степи.

Ятол Бардох с сомнением посмотрел на чежу-лея.

— А может, лучше предложить сдаться только ей самой и дракону? А потом, когда оба будут мертвы, для виду отпустить остальных ру, подкараулить их и уничтожить всех до единого?

Шаунтилю, честному воину, этот план был не слишком по душе, но он не стал спорить с господином.

— Я позабочусь о том, чтобы организовать осаду, исключающую возможность прорыва, — только и сказал он. — После того как будут приведены в порядок катапульты, мы снова сможем начать обстрел города.

Спустя некоторое время к восточным воротам Дариана приблизился всадник с белым флагом в руках. Объявив, что город осажден, посланец потребовал безоговорочной капитуляции Тогайского Дракона.

Тогайранские воины, слышавшие его слова, заверяли Бринн в готовности умереть, но не выдать врагам отважную предводительницу.

Высоко ценя их поддержку, девушка тем не менее прекрасно понимала всю безысходность ситуации. Она вглядывалась в лица окружавших ее воинов, спрашивая себя, долго ли сохранится эта поддержка и насколько сильна будет их решимость, когда в животах заурчит от голода.

Ятол Перидан подкараулил ятола Маду Ваадана на выходе из темницы.

— Ты сказал Чезру, что Джеста Ту мертв, — заметил Перидан. — С какой целью ты его обманываешь?

— А тебя разве не заинтриговали слова этого мистика?

Собеседник Маду Ваадана нехотя кивнул.

— Чезру говорит, что все это просто хитроумная уловка, — не преминул, однако, добавить он.

— Много лет назад здесь, в Хасинте, жил брат моей матери, — сказал ятол Маду Ваадан. — Он часто рассказывал мне о чуде Возрождения, об удивительном благословенном младенце, который лучше иного взрослого разбирался в учении ятолов и, казалось, имел полное представление о состоянии дел в Бехрене. — Говоря это, он не отрывал от Перидана многозначительного взгляда. — Как будто обладал мудростью веков. — Его собеседник при этих словах отпрянул. — Остальные уже собрались?

Ятол Перидан снова кивнул.

Позже в тот же день Маду Ваадан встретился со всеми съехавшимися в Хасинту жрецами-ятолами и в открытую поделился с ними подозрениями, инспирированными словами Мервана Ма. По его мнению, все вместе выстраивалось в законченную картину, в то время как любая другая попытка объяснить случившееся обречена на провал. Мерван Ма, напомнил Маду Ваадан, был назначен правителем Дариана, а впоследствии, как сообщалось, погиб от руки тогайранской рабыни. Этот юноша занимал довольно высокое положение — и не в таком уж отдаленном будущем должен был занять еще более высокое, и у него, на первый взгляд, не было никакого резона переходить на сторону явно обреченных врагов Бехрена.

Маду Ваадан сегодня утром беседовал с Астамиром, и мистик объяснил ему, как все произошло с бывшим доверенным помощником Чезру.

Встреча продолжалась недолго. По окончании ее ятол Маду Ваадан повел собравшихся — всего их было двадцать три человека — в покои Эакима Дуана.

— Дракон? — вскинулся тот.

— Ятол Бардох продолжает сражение, — ответил ятол Де Хамман.

— Я принес священный сосуд, Глас Бога, — заявил Маду Ваадан. — Церемония жертвоприношения поставлена под угрозу, но мы надеемся устранить эту напасть.

— Хорошо, — ответил Чезру. — Только надо как можно лучше очистить сосуд, уничтожить все следы магического камня, вправленного в его дно — я не сомневаюсь в этом — предателем Мерваном Ма.

— Конечно, Глас Бога. Это уже сделано.

— Также следует достоверно узнать, с помощью каких ритуалов можно снять порчу с осквернённого сосуда, — продолжал Эаким Дуан.

— Совершенно верно, Глас Бога, — хладнокровно заявил Маду Ваадан. — Именно это и привело нас сюда. — Во взгляде Чезру появилось любопытство. — Ведь именно ты

учредил церемонию жертвоприношения в Зале Вечности?

В глазах Эакима Дуана вспыхнули настороженные огоньки. Кажется, он начал понимать!

— Что за чушь? Церемония была учреждена столетия назад… — начал было он, но умолк, широко раскрыв глаза, когда Маду Ваадан достал из-под своего одеяния еще один ритуальный предмет — острый церемониальный нож, — Что за чушь… — повторил Глас Бога, хотя уже понял по выражению лица ятола, что все кончено. — Постой! Постой! Это безумие! Мне ведом истинный путь Бога! Я могу рассказать вам, как действительно обрести вечную жизнь!

— С помощью магических камней? — осведомился Маду Ваадан.

— Ну конечно!

Ятол Маду Ваадан сделал шаг вперед, вонзил нож в грудь Эакима Дуана, отступил на прежнее место и вручил нож следующему. Чезру Дуан умер не сразу, упрямо цепляясь за жизнь, пока каждый из двадцати трех ятолов наносил удар старому негодяю.

— У тебя теперь нет магического камня, Глас Бога. Твой дух не может покинуть тело и спасти тебя от приговора судьбы, — Маду Ваадан наклонился к Чезру так близко, что, наверное, его лицо стало последним, что видел в жизни Эаким Дуан.

— Кощунство… — прошептал тот.

— Возможно, — отозвался Маду Ваадан, — Остается лишь дождаться прихода благословенного младенца, который объяснит, в чем мы были не правы.

Эаким Дуан попытался ответить, но сознание уже покинуло старика.

Жрецы с торжественным видом удалились. Ятол Маду Ваадан приказал исполнить в Чом Дейру Каденцию Печали.

ЭПИЛОГ

— Согласно догматам ятолов, я принимаю на себя управление Хасинтой, — в тот же роковой день заявил Маду Ваадан, обращаясь к нескольким наиболее влиятельным жрецам.

— Но ты не Чезру! — возразил ятол Перидан.

Все происходящее вызывало у него смешанные чувства. В свете того, что им стало известно, он согласился с аргументами Маду Ваадана в пользу необходимости убить Эакима Дуана, однако практические последствия этого деяния складывались явно не в его пользу. Маду Ваадан был другом ятола Де Хаммана.

— Я и не стремлюсь им быть, — ответил Маду Ваадан. — В служении великому делу ятолов все мы братья, и у каждого есть область, которой он управляет. Для меня — это Хасинта.

Он не упомянул об этом, но и без того все понимали: тот, кто правит Хасинтой, имеет под рукой такую военную мощь, какую, возможно, не в состоянии собрать вместе и несколько других ятолов.

Однако и в самом деле таков был догмат их веры.

Встреча закончилась после того, как были произнесены бесчисленные речи о необходимости сплоченности в предстоящем деле восстановления порядка в стране. За всеми речами, однако, отчетливо проступала аура подозрительности и беспокойства. Под властью Чезру жрецам-ятолам удавалось сохранять целостность Бехрена, но религиозной власти всегда было нелегко держать в подчинении людей множества разных племен.

Позже ятол Де Хамман улучил момент, чтобы поговорить с Маду Вааданом наедине.

— Перидан в самое ближайшее время выступит против меня, — заявил он, — Поскольку гарнизон Хасинты завяз в Дариане, он прекрасно понимает: теперь или никогда.

— Я уже предупредил ятола Перидана, что сейчас необходимо действовать крайне осмотрительно.

— Он не прислушается к твоим словам, — продолжал настаивать на Де Хамман. —

Чезру Дуан забрал у меня большую часть солдат и отправил их на запад. Ятол Перидан знает об этом, и он не упустит такой момент!

Ятол Маду Ваадан испустил тяжкий вздох. Ему нечего было возразить другу. Да, предстоящие месяцы будут для Бехрена крайне трудными. Он подозревал, что следующему Чезру — после того как он будет найден и вступит в возраст зрелости — придется приложить немало усилий, чтобы вновь объединить распадавшуюся на части страну.

А ведь этого будущего Чезру предстоит еще отыскать, что тоже станет весьма нелегким делом, поскольку любому отобранному младенцу, учитывая доказанное жульничество Эакима Дуана, предстояло пройти жесточайшую проверку. И если дитя не сумеет совершить никакого чуда — подлинного чуда! — оно будет отвергнуто.

В какой-то мере Маду Ваадан уже начинал сожалеть о поддержанном остальными ятолами решении убить Эакима Дуана. Пусть бы и дальше старый мерзавец продолжал вселяться в тела еще не родившихся младенцев по крайней мере, Бехрену это не слишком мешало.

А что будет с Бехреном теперь? Уцелеет ли страна?

Да и сама религия ятолов — сумеет ли она сохранить свои позиции?

— Хотя, должен признаться, ятол Перидан — меньшая из твоих неприятностей, — внезапно заявил крайне огорченный Де Хамман, прервав напряженные размышления друга. — Тебе следует сосредоточить внимание на ятоле Бардохе и несметной армии, которая находится в его подчинении.

— Каре Хасинты теперь подчиняются мне, — возразил Маду Ваадан.

Они сделают то, что прикажет Гайсан Бардох. Ни для кого не секрет, что он использовал неспособность Чезру Дуана захватить Тогайского Дракона в интересах усиления собственного влияния. Представь только, насколько сильнее он станет, когда освободит Дариан и разделается с мятежниками!

Эта мысль заставила Маду Ваадана содрогнуться.

Почти сразу же после этого разговора он по холодным, влажным ступеням спустился в темницу, куда был помещен Джеста Ту.

— Нам нужно поговорить, — сказал он мистику.

Грязный, небритый Астамир, раны которого уже начали гноиться, с любопытством посмотрел на посетителя, моргая от яркого света факела.

— Расскажи мне о Тогайском Драконе, — велел ему Маду Ваадан. — Чего добивается эта женщина? — Мистик молчал, пристально глядя на него. — Времени у нас очень мало. Это единственный шанс на спасение!

— Я не предаю друзей, — коротко ответил Астамир.

— О каком предательстве идет речь? Я даю тебе шанс спасти ее. — Маду Ваадан наклонился к мистику почти вплотную. — Даю шанс осуществить ее мечту.

— Если так, ты должен простить мой скептицизм.

Маду Ваадан кивнул.

Когда на следующий день они сидели рядом в повозке, в самом центре вышедшего из Хасинты на запад огромного каравана, настроение Астамира заметно улучшилось.

— Тогайру не станут есть конину, — заявил Таналак Кренк. — Но и подыхать тут с голоду нам тоже не улыбается.

— Бехренцы подталкивают нас к попытке прорыва, — сказала Бринн, глядя на осадившую город армию — зрелище, открывавшееся ее взгляду уже на протяжении недели.

— У нас провианта осталось всего на несколько дней, даже если мы перестанем кормить пленников.

— А вот этого делать ни в коем случае нельзя!

В первый момент Таналак Кренк, казалось, готов был взорваться.

— Я бы предпочел умереть с мечом в руке, а не ослабев от голода!

Девушка обвела взглядом столпившихся вокруг товарищей.

— И я тоже, — сказала она. — Так и будет! — Со всех сторон послышались одобрительные возгласы. — Давайте обдумаем, как мы, собственно, можем поступить. Может, стоит создать видимость попытки прорыва, заманив врагов сюда, в город. — На лице Таналака можно было прочесть явное неодобрение, и, поразмыслив, Бринн не могла с ним не согласиться. — Или же мы просто нападем на них и убьем столько, сколько сможем. — В ответ на это неистовый тогайранец вскинул руку в знак полного согласия с таким решением.

Это был не тот финал, на который она надеялась, но иначе поступить Бринн не могла.

На следующее утро тогайранские командиры встретились, чтобы обсудить план действий. И пришли к выводу, что лучше напасть на востоке, поскольку враг, скорее всего, ожидал, что попытка прорыва если и может быть осуществлена, то на западном направлении.

— Раз уж на самом деле мы никуда не собираемся прорываться, больше пользы будет, если мы застанем их врасплох, — сказал кто-то из них.

Со всех сторон посыпались шутки, а Бринн с Таналаком Кренком отошли, обсуждая какие-то детали.

— К нам идет представитель Бардоха! — неожиданно сообщил вошедший воин.

— Наверное, снова будет предлагать капитуляцию, — заметил Таналак Кренк, когда они с Бринн поднимались на бруствер. — Нужно отослать назад его голову, чтобы они наконец отвязались.

Слова застряли у него в горле, когда он забрался на стену и выглянул наружу. Девушка тоже не могла произнести ни слова. Оба узнали направляющегося к ним человека, его легкую танцующую походку, характерную для мистиков Джеста Ту.

Как только Астамир прошел в ворота, тогайранка упала ему в объятия и спрятала лицо на груди друга. Их тут же со всех сторон окружили воины.

— Эаким Дуан мертв, — сказал мистик. — Их новый правитель хочет обсудить условия мира.

— Мы уже отвергли предложение капитуляции! — сердито воскликнул Таналак Кренк. — Тогайранские воины умирают, но не сдаются!

Послышались одобрительные возгласы.

— Ты плохо меня расслышал: я сказал «мира», а не капитуляции, — отозвался Астамир. На лицах окруживших его воинов возникло выражение недоверия. — Бехрен охвачен смутой. В таких условиях они не могут рассчитывать даже объединенными усилиями удержать Тогай.

— Но ведь они вот-вот одержат победу, — сказала девушка.

— Многие из них опасаются этой победы больше, чем поражения, — ответил мистик, — Бринн и ты, Таналак Кренк, пойдете со мной в расположение нашего противника.

Тогайранка, казалось, с трудом могла поверить его словам. Кренком тоже явно владело подозрение.

— Это не уловка, — продолжал Астамир. — Бехрену необходимо прекратить это противостояние. Мы оказались в самом центре сложных политических игр, и ятолы предпочитают продолжать их без нашего участия.

— Таковы мои условия, — холодно заявила тогайранка после трехдневного спора с Маду Вааданом и другими бехренцами в их лагере.

— Это абсолютно неприемлемо! — воскликнул ятол Бардох, главный противник Бринн во время этих продолжительных дискуссий, — он меньше других желал заключения мира.

Астамир объяснил девушке расклад сил, и теперь она понимала, что Бардох рвется в бой, рассчитывая, что победа над Тогайским Драконом значительно усилит его позиции.

Тогайранка отошла от стола и сделала знак последовать за ней ятолу Бардоху.

— Я знаю тебя, — прошептала она. Гайсан Бардох удивленно посмотрел на девушку. — Я собственными глазами видела, как ты убил моих родителей более десяти лет назад. — Во взгляде ятола вспыхнули злобные огоньки, — Я понимаю: если сражение между нами состоится, то бехренцы, скорее всего, в нем победят. Но мой дракон уже исцелился и

восстановил силы, и с его помощью я сумею отомстить за родителей, сумею одержать собственную маленькую победу на руинах всего, что мне дорого. В чем, в чем, а в этом можешь не сомневаться.

Бардох побледнел. Он понимал, что Тогайский Дракон сделает то, что обещает. И после этой непродолжительной беседы с глазу на глаз он, к удивлению остальных, стал проявлять намного большую сговорчивость.

Тем не менее, когда Бринн и Астамир той же ночью вернулись в Дариан, почти ничего еще улажено не было, а запасы продовольствия стремительно подходили к концу.

— Мы встретимся с ними еще раз, — сказала девушка мистику, — А потом останется одно: сражаться.

— Если бы ты была помягче, это принесло бы больше пользы, — заметил Астамир. — Они предлагают тебе шанс освободить Тогай от власти бехренцев. Чего тебе еще нужно?

Бринн глубоко вздохнула. Она понимала, что затеяла крайне опасную игру, но не давала сомнениям разрушить собственную решимость. Тогайранка требовала гарантии невозможности повторного вторжения, которого вполне можно было ожидать вскоре после того, как смута в Бехрене уляжется. Ясное дело, ятол Бардох пойти на это не желал ни в какую.

На следующий день по настоянию девушки Маду Ваадан, не сопровождаемый никем, пришел в Дариан. Кроме него в этих приватных переговорах участвовали Тогайский Дракон и мистик Джеста Ту.

— Пусть будет тогда Дариан-Дариалл, — уступила наконец Бринн, когда дело дошло до одного из спорных пунктов соглашения, — Пусть город носит название Дариан-Дариалл и будет открыт как для бехренцев, так и для тогайру.

— А зачем бехренцам возвращаться в захваченный у них город? Разве что с целью выразить презрение завоевателям.

— Завоевателям? — повторила Бринн, — Поосторожнее с этим словом, ятол. Твои люди будут приходить сюда, чтобы торговать с тогайранцами. Открыто торговать, понимаешь? А бехренские мудрецы вряд ли смогут обойтись без ученых трудов, которые будут храниться в скриптории Дариана.

— В скриптории? Разве у тогайру есть письменные труды?

— Я имею в виду бывший скрипторий Прады, — с кривой улыбкой ответила Бринн, и ятол Маду Ваадан широко раскрыл глаза. — Его сокровища спрятаны в пустыне, и никто не найдет их, если я этого не пожелаю. Я верну все, что мы взяли в Праде, когда в Дариан-Дариалле будет построено новое здание скриптория, доступного как для бехренских, так и для тогайских мудрецов.

Маду Ваадан покачал головой.

— С какой стати Бехрен должен идти на уступки? — в который уже раз осведомился он, — Неужели ты не понимаешь, предпочти мы сражение — тебе конец! Похоже, ты забываешь об этом.

— Возможно, но какой ценой достанется вам эта победа?

— Мы уже заплатили такую цену, что новые потери нас не устрашат.

Тогайранка кивнула, признавая, что против этого возразить не может.

— Однако ты, ятол, тоже не понимаешь, какой огромной может быть ваша выгода, — сказала она. — Я просила тебя прийти сюда одного, потому что хочу, чтобы именно ты понял, какую выгодную сделку я тебе предлагаю.

— И в чем же она заключается?

— В союзе между нами, — ответила Бринн.

— Союз между Тогаем и Бехреном?

— Между Дариан-Дариаллом и Хасинтой, — уточнила девушка. — Между Тогайским Драконом и ятолом Маду Вааданом. Если ты заставишь меня уйти из города, кто займет мое место? Тот, кто предан Хасинте или Авру Изе? — Маду Ваадану ответить было нечего. — И если ты пошлешь каре сражаться со мной, кто будет виновен в смерти тысяч бехренцев, чьи

тела останутся лежать в пустыне, и сотен пленников, которых я прикажу казнить? Ятол Бардох или ятол Маду Ваадан? — Внезапно Бринн наклонилась вперед и пристально посмотрела в глаза собеседника. — Я предлагаю тебе свернуть с тропы вражды между нашими народами. Разве это не будет поистине мудрым решением?

— Неужели ты веришь, что, если мы заключим союз, можно будет перечеркнуть столетия недоверия и ненависти? — спросил ятол.

— Я верю, что можно сделать в этом направлении по крайней мере первый шаг, — убежденно ответила тогайранка. — И неужели Хасинта не выиграет от союза с Дариаллом?

— С Дариан-Дариаллом, — после долгого молчания поправил ее Маду Ваадан.

Бринн широко улыбнулась и посмотрела на одобрительно кивнувшего Астамира.

В полдень того же дня огромная бехренская армия оставила позиции; перед уходом они даже передали часть припасов тогайру.

— Без споров в их стане не обошлось, — заметил мистик, обращаясь к подруге.

— Все равно у них не было другого выхода.

— Ты многим рисковала.

— На каждом шагу долгого пути, — подтвердила Бринн.

Когда ситуация стабилизировалась после затянувшейся зимы на рубеже 844 и 845 годов Господних, в городе, где правила Бринн, бехренцев оказалось даже больше, чем тогайру. Тем не менее многие кочевники продолжали перебираться в Дариан-Дариалл из степей, в том числе сделали это и старые друзья девушки, Барачак и Тсолана.

— Ваши советы мне очень пригодятся, — сказала им обрадованная встречей тогайранка. — Многое еще остается неясным.

— В самом деле, — откликнулся старик. По степи, откуда он пришел, только-только прокатились отзвуки поразительной победы Бринн. — В самом деле!

Как и было обещано, ворота города распахнулись для жителей обеих стран, и многие бехренские торговцы стекались сюда, понимая всю выгоду торговли с тогайру, предлагающих помимо прочих товаров чрезвычайно ценящихся в землях Короны прекрасных скакунов.

Весной прибыл первый караван со свитками и манускриптами из скриптория Прады. К этому времени работа над новым огромным зданием скриптория шла полным ходом. И хотя ученые Прады, крайне недовольные этим, прислали Бринн возмущенную жалобу, вскоре они тоже начали появляться в городе, чтобы поработать с древними томами и свитками.

До тогайранки доходило множество слухов о неспокойном положении дел на побережье к югу от Хасинты. Теперь она понимала, что Астамир ничуть не преувеличивал, говоря об охватившем Бехрен кризисе. Тем не менее она решила вести себя как добрый сосед и не пытаться получить из несчастья бехренцев выгоду. Надо признаться, у нее хватало забот и с Тогаем. В степях все шло далеко не гладко, поскольку там оставалось много ожесточившихся, затаивших обиду и злость бехренских поселенцев.

Однако Бринн верила: они справятся. После того, что им удалось совершить, любое препятствие уже не казалось ей непреодолимым.

Этой весной случились еще два события, одно из которых было ожидаемым и желанным, а другое застало тогайранку врасплох.

— Аграделеус согласился доставить меня к Огненным горам, прежде чем он вернется в подземелье, — сообщил ей Астамир, явившись к Бринн вместе с драконом.

— Мои раны почти исцелились, — добавил Аграделеус. — По крайней мере, я уже могу летать. Как приятно будет снова почувствовать бьющий в лицо ветер!

— Ты возвращаешься в Обитель Облаков? — спросила Бринн мистика.

— Это необходимо. — Астамир взял ее руки в свои. — Я должен рассказать магистру Чаэсу и магистру Гларии о переменах в Бехрене и Тогае, и мы втроем будем решать, какое место должны занять Джеста Ту в этом новом мире. Не исключено, что после смерти Чезру и Калиита Тимига отношения между нашими орденами могут измениться. Над этим нужно

серьезно поразмыслить.

Бринн страстно хотелось возразить, попросить Астамира остаться и помочь ей пережить это смутное и опасное время. Но ведь в свое время она позволила Белли'мару Джуравилю и Каззире уйти, понимая, что им это необходимо. Видимо, сейчас пришел черед Астамира.

— Однажды я тоже туда вернусь, — пообещала она.

— Я встречу тебя с распростертыми объятиями, — ответил мистик. — И мы рука об руку преодолеем пять тысяч ступеней и больше не покинем это место величайшего просветления.

И Бринн, и Астамир с трудом сдерживали слезы. Это была горькая разлука, но оба искренне верили, что непременно встретятся вновь.

— А что будет с тобой, мой добрый Аграделеус? — внезапно спросила тогайранка. — Вернешься в свое подземелье?

— Я должен подыскать подходящую пещеру для сокровищ и обдумать, как поудобнее разместить сказителей, — отозвался Аграделеус, напоминая Бринн об их договоренности.

— Обещай, что не слопаешь их.

— Ну, ты хочешь слишком многого.

— Аграделеус…

— А ты обещай, что их рассказы и песни будут хороши! — взревел дракон.

И все трое рассмеялись.

— Если ты мне снова понадобишься, я могу рассчитывать на тебя? — спросила Бринн. — Ты откликнешься на мой зов?

На физиономии Аграделеуса заиграла характерная для него зловещая усмешка. Несмотря на радостное настроение, Бринн и Астамир вздрогнули, когда дракон ответил:

— Ты не представляешь, с каким удовольствием.

Каждый день приносил новые сложности, новые победы и новые разочарования. Бринн трудилась без устали, и все же временами ей казалось, что она просто не в состоянии справиться со всеми проблемами. Что касается тогайру, она требовала от них сплоченности и согласованных действий, но не стала возражать, когда ее командиры выразили желание вернуться к местам прежних кочевий.

Бехренцев Бринн мало о чем просила, а они ее — и того меньше. Их страна продолжала погружаться в хаос, тут и там вспыхивали самые настоящие междоусобицы. В глубине души тогайранка надеялась, что именно сложившаяся в Бехрене ситуация даст ей возможность отомстить в конце концов ятолу Бардоху.

Хотя это была лишь мимолетная фантазия, настолько Бринн захватил водоворот каждодневных забот. Ей нужно было организовывать выгодные торговые сделки, заботиться о благополучии людей, помогать улаживать распри между племенами, в свое время сделавшие их такими уязвимыми перед натиском бехренцев.

Любопытно, но ситуация внезапно изменилась — племена тогайру объединялись, тогда как Бехрен распадался на части. Разница, однако, состояла в том, что Бринн и ее соотечественники не стремились воспользоваться преимуществом этого положения, как, несомненно, поступил бы Эаким Дуан.

Так и должно быть, считала тогайранка. Иначе все, что случилось — гибель множества друзей и врагов, необходимость посылать Аграделеуса разорять бехренские города и последняя отчаянная попытка удержать Дариан-Дариалл, — теряло всякий смысл.

Однако осень 845 года Господня принесла тревожащие известия. Разнесся слух, что королевство к северу от Пояса-и-Пряжки тоже переживает великое потрясение, что на трон там взошел самозванец, провозгласивший себя королем. Имя его было хорошо известно Бринн Дариель.

Король Хонсе-Бира Эйдриан, сын Элбрайна Виндона.

Тогайранка, знавшая эльфийский язык, понимала истинный смысл избранного им для

себя прозвища — Будабрас.

Это означало — Вихрь.